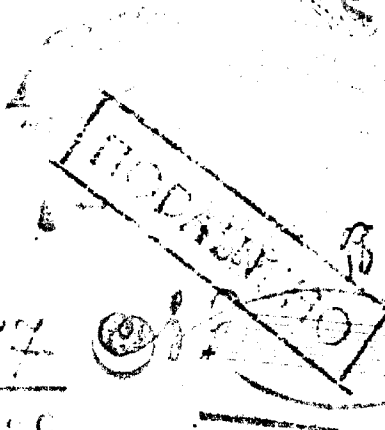

121

121

И. Мясницкій.

of 177
1888

СТАРООБРЯДКА.

РОМАНЪ.

МОСКВА.

Издание книжного склада Д. П. Ефимова, Большая Дмитровка, д. Бахрушинских.

1904.

Государственная
Библиотека
СЭВ
им. В. И. Ленина

3194-75

2007079005

Типография Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.

I.

Въ одномъ изъ кривыхъ переулковъ, круто сбѣгавшихъ къ рѣкѣ Яузѣ, стоялъ большой двухъ-этажный каменный домъ, принадлежавшій извѣстному московскому первой гильдіи купцу Акиму Спиридоновичу Перелѣскову.

Изъ-за высокаго забора съ тяжелыми желѣзными воротами, которымъ былъ окруженъ домъ изъ переулка, виднѣлся только верхній этажъ дома, окрашеннаго сѣрою краской мягкаго тона, съ крутою крышей и печными трубами, да верхушки нѣкоторыхъ надворныхъ построекъ и службъ; зато снизу, съ Яузы, весь домъ виднѣлся какъ на ладони, и даже деревья и кустарникъ, разбросанные на горѣ сверху вплоть до самой рѣки, не затемняли его тяжелаго, массивнаго фасада.

Домъ, съ его саженными наружными стѣнами, очевидно, былъ выстроенъ давно, но громадныя окна, въ которыя вливалась масса свѣта, солнца и тепла, несомнѣнно свидѣтельствовали о томъ, что старинный купеческій домъ долженъ былъ дать извѣстную дань новшеству въ архитектурномъ смыслѣ и подвергнуться измѣненіямъ въ своемъ внѣшнемъ обликѣ.

Окна, впрочемъ, мало измѣнили стиль самага дома: онъ остался такимъ-же тяжелымъ и неуклюжимъ, какимъ былъ, и даже веселая окраска какъ-то не шла къ его прямымъ, безо всякой лѣпной отдѣлки, стѣнамъ и крутой крышѣ, смотрѣвшей издали зеленымъ колпакомъ, надвинутымъ на самыя уши дряхлѣвшаго дома.

Рождественскій постъ подходилъ къ концу. Стояли трескучіе морозы, о какихъ мы теперь не имѣемъ никакого понятія, и морозное солнце, появляясь на дальнемъ небосклонѣ, блеснувъ своими красными, холодными лучами, спѣшило скрыться, оставляя вмѣсто себя на небѣ блѣдно-молочный серпъ безстрастной луны...

Былъ десятый часъ утра.

Въ громаднѣхъ комнатахъ Перелѣскова, заставленныхъ старинной мебелью краснаго дерева, стояла тишина, и только въ длинной столовой, отдѣланной пахучею сосной, двигались, перешептываясь, двѣ женскія фигуры въ темныхъ сарафанахъ, торопившіяся приготовить столъ къ „хозяйскому чаю“...

И когда на столъ, покрытомъ бѣлоснѣжною камчатною скатертью, появился пузатый самоваръ, который притащили, пыхтя, два мужика и съ російскимъ побряхтываньемъ водворили на свое мѣсто, т.-е. на блестящій громадный мѣдный подносъ,—дубовая дверь самага дальняго углового покоя дома, выходившаго въ бокъ сада, отворилась, скрипя своими петлями, и стала выпускать въ смежную комнату находившихся за этой дверью...

Перелѣсковъ былъ старообрядцемъ по „Рогожскому согласію“, и въ его моленной, находившейся за тяжелою дубовою дверью, во всѣ праздники происходило моленіе, на которомъ, помимо чадъ и домочадцевъ, иногда присутствовали и посторонніе знакомые Перелѣскову люди.

Только-что отошли „часы“, и первымъ, вышедшимъ изъ моленной, былъ самъ хозяинъ, высокій, слегка сгорбленный старикъ, съ небольшою лысиной, длинной бѣлою бородой и строгими глазами, надъ которыми свѣшивались густыя лохматыя брови.

Тихо поскрипывая своими мягкими сапогами, онъ ощупаль на ходу серебряныя пуговицы своего длиннаго чернаго кафтана и направился въ столовую, неся съ собою запахъ роснаго ладона, которымъ онъ успѣлъ пропитаться чуть не насквозь въ моленной.

Ему навстрѣчу попалась смазливая бабенка, покрытая темнымъ платочкомъ и шумящая широкими бѣлыми рукавами своей сорочки; бабенка въ поясъ поклонилась старику и проговорила:

— Самоварецъ на столъ, Акимъ Спиридоновичъ.

— Ладно,—отвѣтилъ тотъ, останавливаясь на минуту и устремляя на бабенку свои строгіе глаза,—поди, кличь отца Тимоѣея...

— Да они шествуютъ-съ... — отозвалась та и бросилась къ спѣшившему за хозяиномъ отцу Тимоѣею, благообразному мужчине лѣтъ сорока пяти, въ такомъ-же длинномъ темномъ кафтанѣ, какъ и хозяинъ, съ длинными волнистыми волосами и кудрявой бородой, концы которой были запрятаны подъ воротъ кафтана.

Бабенка сдѣлала отцу земной поклонъ, коснувшись пальцами правой руки пола, и полетѣла дальше.

Слѣдомъ за отцомъ Тимоѳеемъ потянулись и остальные. Впереди шель старшій сынъ Перелѣскова—Трофимъ Акимовичъ, довольно полный мужчина лѣтъ сорока пяти, съ рѣдкою растительностью на блѣдно-сѣромъ лицѣ, изрытомъ оспою, и маленькими, хитрыми глазками, безпокойно бѣгавшими во всѣ стороны.

Рядомъ съ нимъ шла его жена въ темномъ сарафанѣ, покрытая платочкомъ, худая, болѣзненная женщина съ подозрительнымъ румянцемъ на впалыхъ щекахъ. Взглядъ ея голубыхъ глазъ то вспыхивалъ лихорадочно, то тускнѣлъ и заволакивался усталостью. Шла она неровною походкой и поминутно кашляла въ руку.

За нею слѣдовалъ шурина, братъ ея мужа, Петръ Акимовичъ. Несмотря на то, что ему шель уже тридцатый годъ, онъ все еще не былъ женатымъ и на всѣ уговоры отца отвѣчалъ, смиренно потупляя глаза въ землю:

— Папенька! Подождите еще годикъ! Ни одной дѣвицы въ совѣсть не нахожу... Возьмешь еще вотъ такую, какъ братецъ взялъ, больную да дохлую, самого со свѣту сживетъ-съ...

Старикъ сердился, но крѣпко неволить Петра не хотѣлъ. Поневолить, вонъ, старшаго, женилъ на комъ хотѣлъ, а она десятый годъ на ладонъ дышетъ... хоть-бы развязала что-ли руки... а то: ни въ живыхъ, ни въ мертвыхъ... И доктора лѣчатъ, и знахари всякіе, а пользы никакой...

И въ кого она такая вышла? Сватъ со сватьей—такіе здоровяки, что конца имъ не видать, а ужъ за семьдесятъ каждому перевалило... И въ роду у нихъ никого дохлыхъ не было: слава Богу, всю родню Бутениныхъ Перелѣсковъ знаетъ... И отцы, и дѣды торговались завсегда и въ знакомствѣ постоянномъ были. Вторая дочь Бутенина—кровь съ молокомъ баба: шесть лѣтъ всего за мужемъ, а ужъ восьмерыхъ дѣтей мужу принесла и съ каждымъ годомъ шире печи становится.

А эта какъ попала къ нимъ въ домъ, такъ и пошла чахнуть: и дѣтей нѣтъ, и здоровьемъ таетъ... Не ко двору, значить!

Хорошо еще, что у Трофима характеръ легкій и судьбѣ покорливый: на все, говоритъ, воля Божья, и супротивъ Бога итти невозможно!

А другой-бы, на его мѣстѣ, Богъ знаетъ что выкидывать пошелъ! И въ кутежи, и въ развратъ-бы впалъ, а онъ—ничего, какъ будто у него жена всѣхъ бабъ красивѣе да здоровѣе...

Петръ Акимовичъ—былъ прямая противоположность брату. Высокій, стройный, съ огневыми черными глазами, удивительно

нѣжнымъ цвѣтомъ лица и мягкими женственными манерами— онъ походилъ скорѣе на красную дѣвушку, чѣмъ на тридцатилѣтняго мужчину. Онъ и краснѣлъ, какъ женщина: вспыхнетъ отъ чего, такъ ужь вспыхнетъ весь,—до корней волосъ, до замиранія сердца.

И лицомъ, и характеромъ онъ вышелъ въ покойную мать, которую схоронили года три тому назадъ.

Чудная была женщина Матрена Митрофановна: всю свою жизнь, до шестидесяти-пяти лѣтъ, она вѣрила людямъ, радовалась ихъ радостямъ, болѣла ихъ болью и умерла, сгорѣвъ въ какіе-нибудь пять дней, глубоко потрясенная своимъ собственнымъ горемъ и разочарованная въ своихъ лучшихъ вѣрованіяхъ.

Петръ Акимовичъ, единственный человѣкъ, знавшій причину смерти матери, послѣ ея кончины не выходилъ цѣлую недѣлю изъ своей комнаты и на всѣ просьбы отца и брата отвѣчалъ, что „если его не оставятъ въ покоѣ, онъ бросится въ рѣку“.

Отецъ зналъ хорошо, что Петръ былъ любимцемъ матери, что вся нѣжность ея души и сердца всегда отдавались ею одному только Петру, и оставилъ его въ покоѣ.

И когда Петръ вышелъ изъ своей комнаты—родные его не узнали. Это былъ не тотъ Петя, который боялся окриковъ старика-отца и всегда съ виноватою улыбкой выслушивалъ выговоры старшаго брата.

Изъ своего добровольнаго затворничества вышелъ совсѣмъ другой человѣкъ: приказанія отца онъ пропускалъ мимо ушей, а на пару словъ брата онъ бросалъ въ отвѣтъ цѣлые десятки самыхъ ядовитыхъ словъ.

— Какъ его смерть матери-то тронула, папенька, — говорилъ со вздохомъ Трофимъ отцу, — весь карактеръ у Петра измѣнился.

— Оставь! — махалъ рукой отецъ, — пройдетъ время, уляжетъ ся боль, и того — въ свою колею человѣкъ взойдетъ!..

Но время проходило, а Петръ оставался все тѣмъ-же, какимъ и былъ; единственный человѣкъ, котораго всегда встрѣчала и провожала его добрая, ласковая улыбка, — была жена его брата Трифона.

Эта больная, „дохлая“ женщина, тянувшая съ большими усиліями свою жизненную канитель, давно уже своими страданіями пробудила въ Петрѣ симпатіи и заставила его смотреть на нее не какъ на бабу, жену брата, игрушку судьбы, а какъ на глубоко несчастнаго человѣка, у котораго есть все:

и душа, и сердце, и жажда жизни, нѣтъ лишь одного: силъ и здоровья.

Петръ лучше всѣхъ зналъ своего брата Трофима. Это былъ очень узенькій, очень черствый человѣкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разнузданный по своей натурѣ. Онъ отлично велъ дѣла отца, былъ неумолимъ къ слабостямъ меньшей братіи, вѣчно покорливъ всякому, отъ кого зависѣлъ или кто ему былъ нуженъ, и дѣлалъ все, что требовала его разнузданная натура.

Дѣлалъ онъ это, надо отдать ему справедливость, умно: ни больная жена, ни старикъ-отецъ не знали его „способностей“, — ихъ зналъ только Петръ, но Петръ только презрительно по-сматривалъ на братца и тщательно оберегалъ свою симпатію отъ подозрѣній.

— Устали вы за службой, Марья Петровна?—съ ласковою улыбкой спросилъ Петръ Акимовичъ, поровнявшись съ женой брата.

— Устала, Петръ Акимовичъ!—отвѣтила откровенно та, бросая на шурина благодарный взглядъ.—Ужъ очень батюшка тянущъ...

— Отецъ Тимоѳеѣй любитъ тянуть... и пѣвцы тянули... Вы бы послѣ чаю прилегли, Марья Петровна...

— Благодарствуйте... непременно прилягу.. да мнѣ сичасъ и легче стало... ужъ очень въ нашей моленной душно.

— Накурили черезчуръ... У меня и то голова разболѣлась... а я человѣкъ совсѣмъ здоровый...

Ихъ догнали два знакомыхъ купца, бывавшихъ всегда на моленіи у Перелѣсковыхъ, и стали справляться о здоровьѣ у Марьи Петровны.

Петръ отсталъ и вернулся пригласить къ чаю пѣвцовъ, приходившихъ обыкновенно пѣть съ Рогожскаго кладбища. Одинъ изъ нихъ, Семень, былъ мрачнаго вида мужчина, съ большимъ животомъ и очень маленькими глазами, заплывшими жиромъ. Его прямые, жесткіе волоса, раскинутые по обѣимъ сторонамъ пробора, блистали отъ усиленнаго смазыванья масломъ и при каждомъ поклонѣ свѣшивались на виски, а нервно вздрагивавшія ноздри крупнаго, подозрительной красноты, носа, какъ у хорошей гончей собаки, постоянно нюхали воздухъ и, смотря по впечатлѣнію отъ запаха, заставляли его губы иди распускаться въ довольную улыбку, или неприятно съезживаться.

Второй, Порфирій, небольшого роста, юркій мужчина, весь горѣлъ удовольствіемъ и, кажется, искалъ самага ничтожнаго

повода, чтобъ расхохотаться и показать всѣмъ свои изумительно бѣлые, крупные зубы.

Пощипывая свою рѣденькую бородку, онъ наклонился къ Семену, чтобы рассказать ему что-то смѣшное, какъ былъ остановленъ Петромъ Акимовичемъ, пригласившимъ ихъ пить чай въ столовую.

Оба пѣвца поклонились въ поясъ сыну хозяина и произнесли въ одно слово:

— Спаси, Христось!

— По стакашику-бы сейчасъ хорошо, да съ икорочкой-бы... А?—шепнулъ, смакуя губами, Семень на ухо товарищу.

— Душеспасительно... Ха-ха-ха!—отозвался тотъ, одергивая свой кафтанчикъ, уже начинавшій лосниться отъ времени.— Батюшка Тимоѳей здѣсь, ничего не выйдетъ!

— Что-жъ, что Тимоѳей!—проговорилъ мрачно Семень.— Не владыка, чай... Онъ и самъ мадерѣ-то спуску не дастъ!..

— Ну, вотъ мадеру и поставятъ... Шутъ-ли въ ней толку-то...

— А ты рюмку пошире выбирай...

— Ха-ха-ха! И то вѣдь...

Пѣвцы догнали остальныхъ и вошли въ столовую, гдѣ, двигая стульями, размѣщались хозяева и гости.

За самоваръ сѣла Марья Петровна и, подавляя кашель, стала разливать чай.

Отецъ Тимоѳей, бросивъ свирѣпый взглядъ на пѣвцовъ, умильно смотрѣвшихъ на бутылку мадеры, подвинулся къ хозяину, подставлявшему своему іерею вазочки съ вареньемъ.

Петръ подсѣлъ къ Марьѣ Петровнѣ, а Трофимъ, усадивъ всѣхъ, вышелъ изъ столовой съ какимъ-то приказаніемъ.

— Трофимъ Акимовичъ, тамъ васъ женщина дожидается,—доложила ему смазливая бабенка, обдавая хозяйскаго сына игривою улыбкой.

— Какая еще тамъ женщина?—недовольнымъ голосомъ спросилъ онъ.

— Изъ Гуслиць женщина... въ куфаркахъ у васъ допрежде служила... Агаѳья...

— Помню. На погорѣлое, что-ль?

— Нѣтъ, по своему дѣлу... внизу она, у конторы, дожидается.

Трофимъ Акимовичъ подумалъ съ минуту, затѣмъ спустился внизъ, прошелъ длинный корридоръ и очутился въ конторѣ, гдѣ, сидя за конторкой, дремалъ мальчуганъ.

— Васютка! Баба тамъ... изъ Гуслиць, — крикнулъ онъ вскочившему мальчику, — Агаѳья... позови ее сюда.

— Сичасъ-съ!..

Мальчуганъ вылетѣлъ и минуту спустя впустилъ въ контору толстую бабу, укрытую платками разныхъ размѣровъ.

— Батюшка, Трофимъ Акимовичъ, здравствуйте, — заговорила та, кланяясь, — все-ли въ добромъ здоровьѣ?.. И простите вы меня, старую, что безпокою васъ безо время, да дѣло наше сиротское, а акромья васъ не къ кому.

— Здорово, Агаеья... что тамъ у тебя? Несчастье какое, али что?

— Богъ милостивъ. Внучку я свою привезла... Ужъ вы не оставьте, Христа ради! Грамотѣйка она у меня, а матери нѣту... осенью померши... возьми ты ее въ читалки, и пошли тебѣ Господь за это...

— Да у насъ есть ужъ...

— А вы Бога для. Сама въ Москву желаетъ, потому по книжному она ретива...

— Не знаю, право, Агаеьюшка... Скажу отцу, а тамъ... Да гдѣ она у тебя?..

— А тутъ за дверью вотъ, — встrepенулась баба и, отворивъ дверь, крикнула: — Настюшка, взойди сюды!

Въ контору вошла высокая, стройная дѣвушка лѣтъ восемнадцати, покрытая сѣрымъ теплымъ платкомъ, изъ-подъ котораго выбивались бѣлокурые волосы.

— Кланяйся, Настюшка, — учила ее баба, сморкаясь въ конецъ головного платка, — это Трофимъ Акимычъ, твой благодѣтель...

Настюшка отвѣсила поясной поклонъ и вскинула свои большіе темносиніе глаза на хозяйскаго сына... Ея лицо вспыхнуло, и на полныхъ, красныхъ, какъ малина, губахъ, заиграла лукавая улыбка...

— Экая красота! — чуть не вслухъ проговорилъ растерявшійся Трофимъ Акимовичъ, — избави насъ отъ лукаваго!..

II.

А „красота“ стояла противъ Трофима Акимовича, не сводя съ него бархатныхъ очей, и какъ-будто ждала, что онъ еще про нее подумаетъ...

— Да, да... такъ вотъ-какъ, — проговорилъ тотъ, оправляясь отъ смущенія, — разумѣешь, значить, службу-то?..

— Горазда, батюшка, Трофимъ Акимычъ, — отвѣтила за дѣвущку баба, съ гордостью смотря на внучку. — Очень ея

нашъ отецъ Левонтій одобряетъ... Ужъ не оставьте вы насъ, сиротъ, спаси васъ Христось...

— Право, не знаю,—задумчиво проговорилъ Трофимъ Акимовичъ, окидывая снова стройную фигуру внучки кухарки пристальнымъ взглядомъ. — Попрошу отца...

— Ужъ сдѣлай такую божескую милость, заставь за себя вѣчно Бога молить, — кланялась баба въ поясъ. — Я бы и сама долѣзла до старичка-то твоего, да, сказываютъ, не совсѣмъ себя въ добромъ здоровьѣ чувствуетъ...

— Прихварываетъ, Агаеюшка, прихварываетъ! — съ улыбкой отозвался тотъ. — Годы, знаешь, свое берутъ...

— Да, что ужъ, батюшка... Вѣстимо, дѣло не молодое... Я годовъ на десятокъ моложе Акима Спиридоныча, и то нѣтъ-нѣтъ, да и скопытишься... То въ одномъ мѣстѣ ломить, то въ другомъ... Наше дѣло съ имъ такое сичасъ: болѣтъ да старые грѣхи замаливать...

— Ну, какіе у васъ грѣхи были! — снова усмѣхнулся Трофимъ Акимовичъ и посмотрѣлъ на Настюшку, которая, засунувъ руки въ рукава своего шугая, осматривала съ любопытствомъ обстановку конторы.

— Не скажи, Трофимъ Акимовичъ, всѣ мы люди, всѣ чело вѣщцы... Что ступилъ—согрѣшилъ,—единъ Богъ безъ грѣха,— проговорила баба со смиреніемъ. — Безъ прегрѣшенья, старые люди сказываютъ, нѣтъ и спасенья... Такъ я ужъ на тебя, батюшка, въ надеждѣ насчетъ Настюшки-то... Хотѣла я ее свести къ тетущкѣ твоей, Степанидѣ Спиридоновнѣ, да, сказываютъ, плоха больно: не нонѣ — завтра Богу душу отдастъ...

— Плоха, плоха... Нѣтъ, отчего-жъ, я попрошу отца... Маремьяна у насъ, вотъ, слѣпнуть стала, такъ что папенька, вѣроятно, ее на покой въ келью на Рогожское отправить...

— Вотъ, вотъ, батюшка... Слышала я отъ вашей прислуги, что самъ-то Маремьяной недоволенъ...

— Ты у насъ остановилась?

— У васъ, у васъ... Ужъ дозвольте, покуда я Настюшку-то не приспособлю...

— Оставайся... на кухнѣ у насъ мѣста много...

— Спаси Христось, батюшка! Ужъ ты не изволь беспокоиться, найдемъ гдѣ приткнуться. Кланяйся, Настюшка, Трофиму Акимычу...

— Не надо... не надо, — махнулъ тотъ рукой, поднимаясь со стула. — Можетъ, отецъ, захочетъ тебя повидать, такъ ты не отлучайся на всякій случай...

— Слушаю, батюшка... Да куда намъ по экому морозищу, мы рады-радешеньки, что въ тепло попали...

Трофимъ Акимычъ прошелъ ~~мимо~~ разступившихся Агаеви со внучкой и торопливо поднялся кверху.

Онъ засталъ всю компанію за чаепитіемъ и внимавшую въ почтительномъ молчаніи разглагольствовавшему отцу Тимоѳею. Всѣ его слушали со вниманіемъ, за исключеніемъ Петра, который, нагнувшись къ самому уху Марьи Петровны, просилъ ее посмотрѣть, какъ у пѣвца Семена дрожали руки, да Порфирія, набравшаго въ ротъ чаю, чтобъ не расхотаться на своего лже-попа, украсившаго бороду малиновымъ вареньемъ. Отецъ Тимоѳей говоритъ былъ не мастеръ: онъ часто запинаясь, вставлялъ не идущія къ дѣлу слова, топтался долго на одномъ мѣстѣ и возвращался назадъ, какъ - будто ища потерянную нить разсказа; этимъ, впрочемъ, онъ не смущался, ибо отлично зналъ, что какъ-бы онъ плохо ни говорилъ, его у Перелѣсковыхъ всегда со вниманіемъ выслушиваютъ и ни однимъ жестомъ не выкажутъ порицанія. Это не то, что у Шубейкиныхъ, гдѣ самъ глава семейства, нахватавшись письменной и книжной премудрости, могъ всегда переспорить не только его, скромнаго и малограмотнаго лже-попа, но даже „самого-лжевлadyку“, который, разумѣется, отзывался о Шубейкинѣ неодобрительно.

— Пустозвонистъ того... пустозвонистъ, — говорилъ онъ при случаѣ, но „пустозвонистаго“ побаивался и отъ всякихъ съ нимъ споровъ и бесѣдъ уклонялся. Отецъ Тимоѳей, подобно своему лже-архіерею, не долюбивалъ Шубейкина и ѣздилъ къ нему поневолѣ: Христа славить да Пасху пѣть.

Надо было жить, а опредѣленнаго жалованья у старообрядческихъ лже-батюшекъ не было; правда, у cadaго были свои приходы и моленныя, въ которыхъ они украдкой и съ опаской совершали службы, но доходы отъ этихъ приходовъ не всегда были одинаковы, — иной годъ густо, а иной и пусто, а семьи были у всѣхъ, и семьи не малыя... Поневолѣ приходилось ѣздить по большимъ праздникамъ по чужимъ приходамъ къ именитымъ старообрядцамъ и „выславливать“ трешницы и пятишницы.

Вслѣдъ за лже-батюшками ѣздили и пѣвцы съ Рогожскаго кладбища, и ихъ гулкiе голоса хоть на нѣсколько минутъ вносили жизнь въ обыкновенно пустующіе покои именитыхъ купцовъ, издавна привыкшихъ къ тишинѣ и однообразію жизни.

Столовая, спальня, контора — единственныя комнаты, которыя можно было назвать жилыми; остальные, зачастую обшир-

ные и веселые своей внѣшностью покои открывались только въ торжественные дни, а этихъ дней въ году было такъ мало, что отъ старой пыли до ноября—проходили цѣлые мѣсяцы.

Наглагольствовавшійся всласть отецъ Тимоѳей, наконецъ, поднялся со стула и, повернувшись къ углу, сталъ истово креститься на образа.

Его примѣру послѣдовали и остальные. На минуту воцарилась тишина. Въ воздухѣ замелькали быстро склоняемая головы и руки, поспѣшно творившія крестное знаменіе.

— Спаси Христовъ! Прощенья просимъ!—проговорилъ лже-батюшка Тимоѳей, троекратно прикладываясь грудью къ груди хозяина и касаясь подбородкомъ его плечъ.

Пѣвцы, отдавъ хозяевамъ каждому отдѣльно по поясному поклону, поплелись за своимъ лже-попомъ, котораго провожала до самой передней вся семья Перелѣсковыхъ.

Трофимъ Акимовичъ помѣщался съ женой внизу, недалеко отъ конторы.

Помѣщеніе его состояло изъ двухъ комнатъ: полутемной спальни, выходившей своимъ единственнымъ окномъ въ садъ, заросшій вязами и тополями, и небольшой гостиной, гдѣ Марья Петровна принимала своихъ рѣдкихъ гостей.

Петръ занималъ одну комнату на противоположномъ концѣ дома, помѣщавшуюся рядомъ съ „молодецкой“, и былъ очень доволенъ тѣмъ, что онъ жилъ такъ далеко ото всѣхъ, что сго никогда почти никто не беспокоилъ своимъ посѣщеніемъ. Исключеніемъ была Марья Петровна, да и та, пріотворивъ дверь его помѣщенія, разговаривала съ нимъ, не входя въ комнату. Петръ и не приглашалъ ее никогда. Комнатка была узка и мала; въ ней едва уставлялась постель, отгороженная отъ двери ширмочкой, обитой давно выцвѣтшимъ кумачемъ, маленькій столикъ съ двумя стульями и небольшой умывальный тазъ съ мѣднымъ, всегда ярко вычищеннымъ кувшиномъ. Окно, у котораго помѣщался столикъ, выходило въ переулокъ, переулочка, впрочемъ, совсѣмъ не было видно за высокимъ заборомъ съ ошестинившимся отъ гвоздей гребнемъ. Отъ забора ложилась густая тѣнь на стѣну дома; и въ комнатѣ Петра, такъ-же, какъ и въ комнатахъ его брата, царилъ всегда полумракъ.

Къ этой темнотѣ онъ привыкъ уже давно; съ пятнадцати лѣтъ живетъ онъ въ этой комнаткѣ, уходя на день въ контору и въ городъ, а въ свободные часы, не зажигая огня, любитъ полежать на своей жесткой, холостой постели и помечтать...

О чемъ?

Прежде Петръ мечталъ о томъ, отчего у него нѣтъ крыль-евъ. Полетѣлъ-бы онъ въ невѣдомыя страны и государства, посмотрѣлъ бы, какъ чужеземные люди живутъ, какому Богу молятся и какъ на правду и совѣсть они смотрятъ, такъ - ли, какъ онъ, Петръ, или совсѣмъ по особенному. Залетѣлъ - бы онъ по дорогѣ въ Бѣлую - Креницу и поклонился - бы въ ноги Амвросію, тому самому Амвросію, который на всю старообрядческую Россію лже-„владыкъ“ ставитъ... Видѣлъ онъ его портретъ у отца, и очень онъ ему „показался“: добрый, должно быть, и большой ревнитель отеческихъ преданій...

Шли годы, и мечты о полетахъ къ Амвросію улетѣли невѣдомо куда.

Онъ мечталъ ужъ не о томъ, кто какимъ перстомъ молится, а о томъ, по правдѣ ли люди живутъ, или совѣстью своею играютъ, какъ онъ мальчишкой въ бабки игривалъ...

Братъ, вонъ, Трофимъ развѣ по правдѣ живетъ? У него жена, а онъ,—самъ Петръ своими глазами видѣлъ,—съ читалками заигрываетъ да возню съ ними поднимаетъ.

Хорошо, что Марья Петровна не видитъ этого и не знаетъ, а что если-бы узнала? Душа у ней, словно стеклышко, чистая, а сердце только на добро одно создано... Не выдержитъ она неправды Трофима и ухлопаетъ себя преждевременно... И такъ ужъ въ ней чуть душа держится, Богъ вѣсть, за что только цѣпляется, а тутъ, подлость-то всю мужнину увидѣвъ, и совсѣмъ нонъ изъ тѣла вылетитъ.

Больная она, да хвораая... А развѣ самъ Трофимъ захирѣть не можетъ? Все отъ Бога и все въ его власти... И слѣдовало-бы брату его помнить, а онъ и ухомъ не ведетъ...

Удастся такой счастливый часокъ, и Петръ говоритъ — не наговорится съ Марьей Петровной.

„Вотъ-бы мнѣ такую жену, — думаетъ онъ, слушая тихія, ласковыя рѣчи своей собесѣдницы, — зажмуря глаза бы женился... Да нѣту такой!“

Перебираетъ онъ въ умѣ всѣхъ старообрядокъ-невѣсть, которыя ему, какъ свои пять пальцевъ, извѣстны, и ни одной не находитъ по сердцу: улыбаются по заказу, слова роняютъ по приказу, а душа — потемки, словно она въ кованомъ сундукѣ за пятью замками лежитъ...

— Не родилась, видно, твоя невѣста-то! — шутливо иногда говорилъ ему братъ Трофимъ. — Та нехороша, эта не въ совѣсть... Что-жъ: у никоніанъ выборъ больше, женись на табашницѣ-щепотницѣ и разводи еретиковъ!..

Петръ молча слушалъ брата и думалъ невеселую думу...

Вотъ и всѣ они такіе древлепрепрославленные: одна брань на языкѣ, а сами что дѣлають?

Вонъ, хоть-бы ихъ приказчикъ Евстигней Карповъ: кадило въ моленной раздуваетъ и чаще всѣхъ лбомъ объ лобъ стучается; поздоровается съ никоніанцемъ, такъ сейчасъ же руки бѣжитъ мыть, потому осквернился чрезъ прикосновеніе, а самъ напивается до безчувствія и корешки въ печной отдушникъ курить... Курить и всѣхъ російскихъ „проклятыми табашниками“ ругаетъ!..

Лицемеріе въ душѣ и гнусная неправда на языкѣ.

А ихъ духовенство? И оно отъ паствы особнякомъ живетъ, и паства его въ грошъ не ставитъ: зовутъ на „требы“, а совершилъ нужное и ступай съ Богомъ. Да иначе и быть не можетъ: не понравился почему-либо лже-попъ богачу-старообрядцу, беретъ онъ своего приказчика, а то и просто фабричнаго мастера, который ему поклонами да рабской лестью угодилъ, тащитъ его къ лже-„владыкѣ“ и говоритъ ему:

— Ставь его въ попы, а твоего отца Спиридона я не желаю!..

А тому что: не ссориться же изъ - за такихъ пустяковъ со столпомъ древяго благочестія, а то, пожалуй, изъ лже-„владыкѣ“ вылетишь!

Пробоваль-было Петръ съ однимъ изъ такихъ лже-поповъ по душѣ поговорить, о правдѣ мірской и совѣсти людской, такъ тотъ, вмѣсто отвѣта, предложилъ ему по саду прогуляться...

— Не въ порядкѣ у тебя, Петръ Акимовичъ, голова... Въ большемъ не порядкѣ... Поди, провѣтрись на чистомъ воздухѣ!

Текли годы... Умерла мать Петра и, умирая, шептала ему, какъ на духу, свою исповѣдь. .

И Петръ пересталъ мечтать. Пересталъ онъ также и уважать то, что ему было дорого.

Да и есть-ли люди, которые стоятъ уваженія? Только одна, развѣ, Марья Петровна, да и та съ каждымъ годомъ, съ каждымъ мѣсяцемъ все ближе и ближе приближается къ могилѣ.

Что будетъ съ нимъ, когда она умретъ? Все ему постыло, всѣ ему чужіе,—ни отклика на ласку не дождется ни отъ кого, ни сочувствія на душевныя рѣчи... Всякій въ жизни свои цѣли преслѣдуетъ и въ каждомъ видитъ если не врага, то чело-вѣка, способнаго своему ближнему сдѣлать всякую гадость.

Петру становилось жутко. Онъ вскакивалъ со своей постели и бѣжалъ къ Марьѣ Петровнѣ, чтобы разсѣять свои мрачныя мысли.

Братъ съ отцомъ все еще продолжали провожать отца Тимоѳея.

Петръ Акимовичъ взглянулъ на кашлявшую Марью Петровну и ласково взялъ ее подъ локоть лѣвой руки.

— Вы устали, Марья Петровна... Пойдемте, я васъ провожу къ себѣ...

И они спустились внизъ молча и только, когда онъ довелъ ее до гостиной и усадилъ осторожно въ большое кресло, спросилъ ее:

— Да вы принимали нынче лѣкарство или нѣтъ?

— Принимала, Петръ Акимовичъ,—съ печальною улыбкой отвѣтила та, кутаясь въ накинутый ей на плечи Петромъ платокъ,—да что лѣкарство!.. Не помогаетъ оно мнѣ...

— Поможетъ, Марья Петровна, вы только доктора слушайтесь... Я этому доктору вѣрю... Такой сердечный человѣкъ, что прямо на рѣдкость...

— Вѣрно, Петръ Акимовичъ.. Мнѣ съ нимъ какъ-то веселѣй становится... Приѣдетъ, пошутить, утѣшительныя слова скажетъ, ну, какъ-будто, себя и лучше чувствуешь...

— Слушайте его, и вы сами увидите, какъ поправитесь...

— Да какъ слушаться-то, скажите сами? Онъ, вонъ, велитъ скоромное ѣсть, чтобы силъ больше было, а я развѣ могу?.. Вотъ придетъ Рождество Христово, тогда и слушаться его буду, а сейчасъ и рада-бы, да... сами знаете...

— Знаю,—со вздохомъ отвѣтилъ тотъ,—во всемъ у насъ лицемеріе... во всемъ!

Онъ заговорился съ больной и, когда вернулся наверхъ, у самой лѣстницы встрѣтилъ брата, напѣвавшего какую-то стихиру съ веселой улыбочкой.

— Троша, ты-бы пошелъ къ женѣ: она совсѣмъ одна теперь.

— А чортъ ей велѣлъ уходить, — огрызнулся тотъ, — не могла здѣсь поторчать до обѣда... черезъ часъ и обѣдать будемъ...

— Больной она человѣкъ, а ты Богъ знаетъ что городишь,—возмутился Петръ.

— Десять лѣтъ я эту пѣсню слышу! Я не докторъ и не знахарь... Чѣмъ я ей могу помочь? Какимъ чудомъ, спрашивается?

Трофимъ пробормоталъ еще что-то и, махнувъ рукой, спустился внизъ.

Петръ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и пошелъ къ отцу въ кабинетъ, находившійся рядомъ со столовой.

Кабинетъ былъ запертъ. Старикъ любилъ запираяться, чтобы

ему не мѣшали люди въ то время, когда онъ занимался какимъ-нибудь дѣломъ.

Петръ подсѣлъ къ окошку и сталъ ждать, когда, наконецъ, отецъ отворить дверь... Мимо него сновала прислуга, шурша платьями, но онъ не обращалъ на это никакого вниманія. Ему нужно было видѣть только отца и попросить у него разрѣшенія ѣсть Марья Петровна скоромную пищу: До Рождества оставалось еще около двухъ недѣль, а Марья Петровна, видимо, слабѣетъ съ каждымъ днемъ... Неужели старикъ захочетъ ея смерти? Этого не можетъ быть.. Всѣ эти предразсудки и мнимое благочестіе должны уступить дорогу состраданію и человѣколюбію... Да! Онъ добьется этого... непременно добьется или... будетъ кормить потихоньку умирающаго друга.

— Слышали, батюшка, Петръ Акимовичъ, какія у насъ дѣла-то?—раздался надъ его ухомъ раздраженный женскій голосъ.

Петръ вздрогнулъ и повернулъ голову. Передъ нимъ стояла читалка Ѳеклуша съ перекошеннымъ отъ злости лицомъ.

— Что такое?

— Да братецъ вашъ все... Маремьяна, вишь, и слѣпа, и безпамятлива стала .. такъ ее въ келью спроваживаютъ, а на мѣсто ея кухарки Агафьи внучку взяли. Да неужто не слышали?

— Да когда же это все?

— Сичасъ, батюшка, сію минутую братецъ вашъ съ батюшкой порѣшили... Да вотъ она идетъ и морду къ верху деретъ... У-у, подлая!..

И читалка, сверкнувъ глазами, скрылась въ столовую. Петръ поднялся со стула и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на подходившую къ нему дѣвушку, покрытую бѣлымъ платкомъ.

Настя, проходя мимо Петра, бросила быстрый взглядъ на хозяйскаго сына и, вся вспыхнувъ, прошла, наклонивъ низко голову...

III.

Петръ вспыхнулъ, самъ не понимая отчего. Онъ долго простоялъ на одномъ мѣстѣ, смотря на дверь, за которою, словно привидѣніе, скрылась стройная Настя. И простоялъ-бы Богъ вѣсть сколько времени, если-бъ его не привелъ въ себя окликъ отца.

Акимъ Спиридоновичъ стоялъ на порогѣ своего кабинета и, держась за ручку двери, спрашивалъ сына:

— Петръ! Да что ты примерзъ, что-ли, къ полу?

— Виноватъ, — встряхнулся тотъ и подошелъ къ отцу. — Заняты, папенька?

— Сейчасъ нѣтъ. Ты ко мнѣ, что-ль?

— Къ вамъ-съ...

— Прогуляться куда надумалъ?

— Нѣтъ, я по особому дѣлу... Дозвольте взойти...

Старикъ пропустилъ сына и затворилъ за нимъ дверь.

— Ну, сказывай... что такое случилось, — проговорилъ Акимъ Спиридоновичъ, опускаясь въ кожаное кресло и предоставляя сыну свободу стоять на любомъ мѣстѣ его кабинета.

— Я насчетъ Марьи Петровны, папенька.

Старикъ нахмурилъ брови и задумчиво качнулъ головой.

— Плоха, — произнесъ онъ, наконецъ, поднимая глаза на Петра. — Чисто восковая нонѣ за службой была...

— Богъ дастъ, поправится... Докторъ, по крайней мѣрѣ, утѣшаетъ... Непремѣнно, говоритъ, поправится, ежели питаіе правильное будетъ...

— Десять лѣтъ она на ладанъ дышитъ, махнулъ рукой старикъ. — Какихъ, какихъ только докторовъ и знахарей съ знахарками къ ней ни звали, — ни отъ кого пользы настоящей не было... Оправится чуть и опять на-нѣтъ сходитъ... Нѣтъ, ужъ видно, какъ ты хвелую траву не расти, а она сама засохнетъ... Жаль ее... безотвѣтный человекъ ужъ оченно...

— Не отъ міра сего! Прямо — не отъ міра сего, папенька! — восторженно воскликнулъ Петръ, бросая на отца благодарный взглядъ.

— Да, пожалуй, ты и того... дѣйствительно, она не отъ міра сего...

— И, Богъ судья брату Трофиму! — прервалъ отца горячо Петръ. — Онъ съ такимъ подлымъ равнодушіемъ относился къ ея недугамъ, что за него совѣстно становится...

— Чего ты хочешь? — сурово спросилъ Акимъ Спиридоновичъ. — Знаешь пословицу: „братъ любить сестру богатую, а мужъ — жену здоровую“... Ты взойди въ его положеніе...

— Что-же, онъ своимъ положеніемъ нисколько не стѣсняется... Видѣлъ я и знаю...

— Что ты видѣлъ? Что ты знаешь? Не осуждай, сказано, не осужденъ и будешь! Да и не мнѣ его учить...

— Какое ужъ ему ученье, когда онъ всѣ науки прошелъ! — усмѣхнулся иронически Петръ. — Да и мнѣ, папенька, по правдѣ

сказать, не то возмутительно, какъ онъ живетъ, а возмущаютъ душу поступки съ Марьей Петровной. Я ни одного слова ласковаго не слыхалъ отъ него.

— Ну, Петръ, ты, братъ, далеко лѣзешь, скажу я тебѣ... Знаешь: между мужемъ и женой—судья одинъ Богъ...

— Я его и не сужу, а обидно все-таки видѣть, что умирающей человѣкъ отъ своего мужа, кромѣ окриковъ да грубостей, ничего не слышитъ...

— Не нашъ это возъ, Петръ, и не мы его съ тобой ведемъ!—досадливо проговорилъ старикъ.

— Такъ мы, значитъ, папенька, съ полнымъ равнодушіемъ должны глядѣть на все, что возлѣ насъ дѣется? Правило христіанское не тому насъ учить-съ...

— Ну, меня учить, Петръ, ты немножко опоздалъ, — съ усмѣшкой отозвался Акимъ Спиридоновичъ.—Да и какое тебѣ дѣло до жены Трофима? Что она тебѣ: любовница, что-ль?

— Если-бъ это не вы мнѣ сказали, — поблѣднѣлъ Петръ,—я-бы за такія позорныя слова убилъ-бы на мѣстѣ человѣка...

— Ну, и не лѣзь не въ свое дѣло,—отодвинулся старикъ отъ стола.—Про себя жалѣй...

— Вотъ этого я и не умѣю, папенька, и такъ думаю, что христіанскій долгъ повелѣваетъ мнѣ душу положить за други своя... Человѣкъ погибаетъ... Дни, часы и минуты, можетъ, его сочтены, а мы будемъ стоять въ сторонѣ и дожидаться въ равнодушіи его смерти... Этого я не могу... Зачѣмъ тогда было звать докторовъ, лѣчить ее?.. Пусть помираетъ!.. Худая трава изъ поля вонь!.. И брату Трофиму больше-бы развязки было!..

— Въ чемъ развязки? Онъ и такъ давно ужъ развязанъ.

— Черезчуръ даже! Ни одной женской прислугѣ въ нашемъ домѣ отъ него прохода нѣтъ...

— Ну, это, Петръ, ты того... злобствуешь на брата и плетешь, невѣсть что...

— Не мнѣ-бы вамъ это говорить, да такъ ужъ, съ языка сорвалось. Злобы я противъ него никакой не имѣю, а смотрю на него съ презрѣніемъ и, какъ человѣка, въ грошъ мѣдный не ставлю...

— Напрасно. Онъ тебѣ старшій братъ, и ты этого никогда забывать не долженъ.

Петръ промолчалъ. Спорить съ отцомъ было не время, да изъ всѣхъ споровъ старикъ всегда выходилъ побѣдителемъ, т.-е. думалъ, что только онъ одинъ правъ, а остальные всѣ ошибаются.

— Когда былъ докторъ у Марьи Петровны? — спросилъ Акимъ Спиридоновичъ.

— Дня три тому назадъ...

— Чаше-бы ѣздилъ... Я денегъ, знаешь, не жалѣю... Коли не прибираетъ Господь, значить, надо докторовъ кормить.

— Дѣло не въ частыхъ посѣщеніяхъ доктора, папенька.

— Въ чемъ-же?

— Въ правильномъ лѣченіи. Докторъ мнѣ откровенно сказалъ, что Марья Петровна совсѣмъ сгаснетъ и лѣкарства ей не помогутъ, ежели мы не будемъ ей силы поддерживать.

— Понимаю, — угрюмо проговорилъ старикъ. — Скоромь, значить, приказываетъ ѣсть? Такъ, что-ли?

— Да.

— Ну, и мнѣ то-же они совѣтовали, когда я захворалъ Великимъ постомъ... Однако, Богъ и безъ скоромной пищи на ноги поднѣлъ...

— Вы и Марья Петровна — большая разница... Она десять лѣтъ хворааетъ...

— Ну, теперъ недолго и до розговѣнъ, всего какихъ-нибудь двѣ недѣли осталось...

— Она въ три дня можетъ умереть...

— И что ты съ нею привязался ко мнѣ?—раздраженно воскликнулъ Акимъ Спиридоновичъ. — Самъ знаешь, что этого нельзя... Что всѣ скажутъ?.. А грѣха-то сколько? Да у насъ и кухарка не станеть для нея горшки скоромить...

— Вы только разрѣшите, папенька, а я ужъ устрою... и такъ устрою, что никто не будетъ знать объ этомъ... Я съ собой изъ города буду привозить ей... изъ трактира..

— Экую старательную няньку Марья Петровна себѣ завела!—усмѣхнулся старикъ.—Да мнѣ что-жъ... Душа не моя... Коли она дозволяетъ себя скоромить, такъ скоромь, сколько хочешь, только чтобы люди не знали...

Петра удивило такое скорое разрѣшеніе вопроса старикомъ, ярымъ поклонникомъ всевозможныхъ обрядностей и завѣтовъ старины, хотя въ этомъ не было ничего неестественнаго: Акимъ Спиридоновичъ былъ убѣжденъ, что чѣмъ Марью Петровну ни корми, она все равно долго не протянетъ, а препятствовать умирающей въ послѣдней попыткѣ протянуть нѣсколько лишнихъ дней жизни онъ считалъ себя не вправѣ.

И затѣмъ это разрѣшеніе ровно ничего ему не стоило: не его душа будетъ за скоромь отвѣчать, а душа все той-же Марьи Петровны, которая сама этого желаетъ.

Петръ съ радостнымъ лицомъ вышелъ изъ кабинета отца

и, спускаясь вниз, снова встрѣтился съ только-что взятой читалкой.

Настя на этотъ разъ смѣло взглянула въ глаза хозяйскому сыну, и едва замѣтная улыбка скользнула по ея полнымъ губамъ.

„Два брата родные, а совсѣмъ другъ на друга не схожіе“,—подумала, она, не сводя глазъ съ Петра.

„Какая славная дѣвушка, — подумалъ Петръ, проходя мимо остановившейся Насти, дававшей ему дорогу. — И чего она на меня такъ уставилась? Ровно невидаль какая!“

Въ разсѣянности онъ попалъ въ кухню и тутъ только сообразилъ, что ему въ кухнѣ дѣлать нечего, а слѣдуетъ итти на половину брата.

Марья Петровна по-прежнему продолжала сидѣть въ креслѣ, закутанная платками, а Трофимъ, сбросивъ съ себя моленный кафтанъ, натягивалъ на плечи сюртукъ, застегивавшійся почти у самаго горла.

— Марья Петровна, вы ужъ не ходите наверхъ обѣдать, — проговорилъ Петръ. — Мы вамъ пришлемъ уши, а къ ужину я вамъ достану настоящаго бульона съ жареною курицей...

— Это что еще за новости? — справился Трофимъ, причесывая свои рѣденькіе волосики. — Ты ужъ никакъ ошалѣлъ совсѣмъ? Постомъ — и вдругъ курицу! Обасурманился вконецъ!

— Больной все разрѣшается... Да и докторъ Марья Петровна велитъ скоромное ѣсть...

— Ну тебя къ чорту и съ докторомъ твоимъ! — разсердился Трофимъ. — Хорошаго доктора тоже досталъ, нехристя!..

— Прекрасный докторъ, спроси у жены...

— И шутъ его дери совсѣмъ! Что ты не знаешь нашего устава, что-ли? Якшаешься съ никоніанцами-то и вконецъ ужъ развратился!..

— Ну, насчетъ разврата, братъ, намъ нужно съ тобой помолчать...

— Это почему-же? — вызывающе посмотрѣлъ Трофимъ на Петра.

— Да такъ, — спокойно отвѣтилъ тотъ, презрительно усмѣхаясь, — грѣшные мы съ тобой люди, братъ, вотъ отчего!..

— Въ міру святыхъ никого нѣтъ, — пробормоталъ, тотъ, старательно обвязывая шею черною косынкой. — А только ты чепуху городишь, вотъ что! Что ты отца-то нашего не знаешь, что-ли?

— Знаю. Я говорилъ сейчасъ съ нимъ, и онъ разрѣшилъ...

— Отецъ?

— Ну, да, отецъ. Значить, можешь теперь на этотъ счетъ успокоиться.

— А коли разрѣшилъ,—такъ корми ее чѣмъ хочешь, мнѣ все равно,—проговорилъ, успокоившись, Трофимъ и вышелъ вмѣстѣ съ братомъ.

— Это ты, что-ли, новую читалку взялъ?—спросилъ Петръ, идя по корридору.

— Отецъ взялъ... мнѣ что?—смиренно отвѣтилъ Трофимъ.—Корысти никакой!.. А что?—подозрительно взглянулъ онъ на Петра.

— Ничего. Красивая дѣвушка!..

— Ну? А я, признаться, не замѣтилъ...

— Это ты-то не замѣтилъ? И съ какой стати врешь, скажи пожалуста!

— Вотъ-те Христось, не замѣтилъ! На минуту только ее видѣлъ, такъ развѣ разберешь? Ты, вонъ, разобралъ... а мнѣ ни къ чему это... Такъ хороша, говоришь? — переспросилъ Трофимъ.

Петръ промолчалъ.

— Хороша, знаешь, Маша, да не наша!—отвѣтилъ за него Трофимъ и, зайдя въ молодцовскую, набожно сталъ креститься на иконы.

Пришло и Рождество. Марьѣ Петровнѣ какъ-будто лучше стало. Въ моленную она не пошла, да ей и мужъ съ деверемъ отсовѣтовали, а молилась у себя и горячо просила у Бога здоровья и силъ.

Послѣ службы къ ней пришелъ Акимъ Спиридоновичъ, поздравилъ съ праздникомъ и ушелъ, наказывая пуще всего беречься сквозняка. Слѣдомъ за нимъ пришли и Петръ съ мужемъ.

Петръ остался очень доволенъ внѣшнимъ видомъ Марьи Петровны и ушелъ вмѣстѣ съ братомъ наверхъ „возиться“, какъ они выражались, съ попами да пришлыми богомольцами.

Петръ былъ точно въ туманѣ. Всю службу почти онъ не сводилъ глазъ съ новой читалки и даже забылъ отсчитывать по лѣстовкѣ поклоны.

И читала она складно, и держала себя хорошо.

Да и не одинъ Петръ засматривался на читалку. И самъ старикъ, Акимъ Спиридоновичъ, и знакомые купцы, пріѣхавшіе молиться къ Перелѣсковымъ, а ужъ про Трофима и гово-

рить нечего: тотъ чуть не облизывался и вздыхалъ такъ шумно, что отецъ на него нѣсколько разъ взглядывалъ съ удивленіемъ.

— Новенькая?—отвелъ послѣ моленья въ сторону какой-то богомолецъ, приземистый старичекъ, Трофима.

— Новенькая-съ, Степанъ Васильичъ, новенькая-съ! — радостно хихикая, откликнулся Трофимъ.

— Откуда вы этакую... а?

— Откопали съ, Степанъ Васильичъ, откопали-съ!..

— Хороша! И Ѳеклуша у васъ король-дѣвка, а эта много королевистѣе... Ѳедора Андреевича Дуняшу помните?

— Какъ-же-съ, какъ-же-съ...

— Въ этомъ родѣ и ваша... Какъ ее по имени?

— Настя.

— Такъ-съ, такъ-съ... хороша!.. Боже мой, Боже мой, очисти мя грѣшнаго!.. А какихъ она годочковъ приблизительно?

Но Трофиму некогда было болтать съ любопытнымъ богомольцемъ,—онъ бросился навстрѣчу выходившему изъ моленной отцу Тимоѳею и повелъ его во внутреннія комнаты.

Петръ вернулся въ свою комнату часа черезъ два: и длинная служба, и предпраздничныя хлопоты утомляли его.

Онъ прилегъ на свою кровать и погрузился въ думы. Читалка Настя, съ ея темносиними жизнерадостными глазами, съ прямымъ, слегка вздернутымъ носомъ, полными вздрагивавшими губами и роскошнымъ станомъ, не выходила у него изъ головы.

До сихъ поръ, въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль, Петру рѣдко приходилось встрѣчать Настю; онъ сталкивался съ нею случайно, на моментъ и, несмотря на желаніе заговорить съ нею, сдѣлать этого не успѣвалъ: или она пробѣгала, торопясь, или ему самому было недосужно. Только сегодня въ моленной онъ разглядѣлъ ее какъ слѣдуетъ, и что-то потянуло его къ ней. Все ему въ ней нравилось: и открытая, ясная улыбка, и глубокій, точно заигрывающій взглядъ ея очей, и легкая, скользящая походка, какой онъ не встрѣчалъ ни у одной крестьянской дѣвушки...

Онъ лежалъ на постели и упорно думалъ о Настѣ, завладевшей теперь его мыслями.

Ему не хотѣлось даже итти къ Марьѣ Петровнѣ, которая, навѣрное, теперь томится въ одиночествѣ и будетъ несказанно рада его посѣщенію.

Онъ лежалъ, а за перегородкой, въ молодцовской, въ это время тонкіе и звонкіе голоса старообрядокъ-славильщицъ пѣли „величаніе“: „величай, душе моя, иже въ вертепѣ рожд-

шагося Царя Христа, таинство странно вижду и преславно: небо сушу пещеру, престоль херувимскій и Дѣвицу“.

Какъ это все знакомо и близко Петру! Онъ невольно началъ подтягивать славильщицамъ своимъ густымъ баритономъ, но тотчасъ-же и смолкъ, вспомнивъ читалку.

„А она, вотъ, не пришла ко мнѣ славить,—съ грустью подумалъ онъ.—У брата была, а ко мнѣ не зашла...“

„Ясли, вмѣстилище, въ нихъ-же возлеже, Невмѣстимый Христосъ Богъ, Его-же, хваляще, величаемъ!“ — звенѣли за перегородкой голоса славильщицъ.

„Къ холостому, вѣроятно, считаетъ неудобнымъ прійти!—продолжалъ онъ думать. — А что-жъ я... Развѣ скажу ей какое грубое слово? Обижу чѣмъ? Я вѣдь не Трофимъ, у котораго давно вся совѣсть растеряна... Ахъ, какъ мнѣ надоѣли эти славильщицы... Скоро-ли онѣ кончатъ?“

Петръ поднялся съ постели и подошелъ къ окну, за которымъ какъ-будто стало свѣтлѣть, и на узорахъ замерзшихъ стеколъ заигралъ красноватый отблескъ появившагося солнышка.

Скрипнула дверь.

„Ну, и ко мнѣ нелегкая занесла этихъ славильщицъ!..“ — подумалъ онъ и повернулся съ намѣреніемъ прикрикнуть на назойливыхъ бабъ.

На порогѣ стояла читалка Настя и, краснѣя вся, какъ маковъ свѣтъ, не рѣшалась, повидимому, войти въ комнатку хозяйскаго сына.

Петръ вскрикнулъ и бросился къ ней навстрѣчу...

IV.

— Взойдите; взойдите, Настя!—забормоталъ Петръ Акимовичъ, то краснѣя, то блѣднѣя отъ неожиданнаго посѣщенія.

Настя вошла, и Петръ затворилъ за ней дверь.

— А я къ тебѣ... Христа пославить зашла!—проговорила та, одергивая въ смущеніи бѣлоснѣжные рукава сорочки. Ты ужъ прости, Христа ради, Петръ Акимовичъ! — читалка поклонилась ему въ поясъ и подняла глаза на стѣны, ища икону.

— Пожалуйста, Настя... я очень радъ... Я очень обидѣлся бы, еслибъ ты не пришла...

— Да неужто?—обрадованно воскликнула читалка и тотчасъ-же, строго сдвинувъ брови, запѣла высокимъ груднымъ голосомъ: „Рождество твое, Христе Боже нашъ“.

Петръ подпѣвалъ ей съ увлеченіемъ и въ то-же время думалъ о томъ, что же онъ дастъ ей за славленье?.. Деньги давать какъ-то было неловко: это не простая баба-славильщица, какихъ у нихъ за праздники перебиваютъ цѣлыя сотни, а своя, которая живетъ съ нимъ подъ одной крышей, читаетъ за упокой души его матери и по одному этому становится уже болѣе близкой, чѣмъ всѣ остальные...

Купить матерію на сарафанъ или шелковый платокъ ему какъ-то въ голову не пришло, и вотъ теперь онъ, благодаря своей недалновидности, попалъ въ неловкое положеніе... А какой у нея чудный голосъ! Какъ хорошо должна она пѣть пѣсни! Онъ помнитъ ее давно: маленькой семи—восьмилѣтней дѣвчонкой она пріѣзжала съ матерью къ нимъ въ домъ погостить къ бабушкѣ. И тогда уже тонкій да звонкій голосокъ бѣлобрысой Настюшки звенѣлъ по угрюмому корридору нижняго этажа и чернымъ лѣстницамъ, гдѣ обыкновенно болталась внучка кухарки.

На дѣвчонку никто не обращалъ вниманія, и только Петръ иногда, лежа на своей постели, слушалъ маленькую пѣвунью, коверкавшую слова пѣсни, и совалъ ей принесенный изъ города пряникъ. Дѣвочка пугливо смотрѣла на хозяйскаго сына, нерѣшительно брала пряникъ и скрывалась, какъ дикій звѣрокъ въ свою норку, за деревянную кровать бабушки.

Больше десяти лѣтъ не видалъ Петръ пѣвуньи и только теперь узналъ, кто она такая: онъ вспомнилъ пугливое выраженіе дѣвочки, боявшейся его пуще огня. Это было такъ давно, что Петръ, старательно разсматривая лицо Насти, не нашелъ въ ней ни одной черточки дѣвчонки Настюшки, пѣвшей и путавшей всѣ пѣсни, какія она только слышала въ деревнѣ.

Помнить-ли она его? Вѣроятно, нѣтъ. И навѣрное — нѣтъ, иначе давно-бы подошла къ нему и напомнила ему, что она — та самая дѣвчонка, которой онъ когда-то приносилъ медовые пряники и гладилъ по ея вѣчно выбивавшимся изъ-подъ платка вихрамъ.

— Съ праздникомъ поздравляемъ тебя, Петръ Акимычъ! — поклонилась ему снова Настя, окончивъ славленье и повертываясь къ хозяйскому сыну.

— Спасибо, Настя, спасибо, — заговорилъ Петръ. — Да ты присядь.. вотъ сюда...

— Спаси Христось за ласку, — отвѣтила та и, подумавъ немного, сѣла на кончикъ стула.

— А подарокъ за мной считай... въ суетѣ предпраздничной не до этого было...

— И что ты, что ты?... Ничего мнѣ не надо... Я рази изъ-за подарка? — зарумянилась дѣвушка и окинула быстрымъ взглядомъ комнату Петра, — Все въ той-же горницѣ живешь?

— А ты развѣ помнишь ее?

— Помню, — потупилась Настя.

— Да когда-же ты бывала въ ней?

— А какъ въ городъ уходилъ. Ты въ городъ со старикомъ уѣдешь, а я къ тебѣ... по глупости...

— Глупаго въ этомъ я ничего не вижу...

— Да нѣтъ! — разсмѣялась дѣвушка. — Ты мнѣ въ то время пряники все давалъ, ну, я и хотѣла поглядѣть, гдѣ ты ихъ прячешь...

— Такъ и не нашла? — разсмѣялся Петръ.

— И не нашла... И подъ кровать-то твою лазила, и въ шкапчикъ рылась — нигдѣ пряниковъ нѣту!

И Настя залилась такимъ задирающимъ смѣхомъ, что и Петръ расхохотался.

— Не зналъ я этого. А я тебя за дикую считалъ. Помнишь, какъ ты меня боялась?

— Страсть! — закрыла глаза Настя.

— Неужто страшень я былъ?

— А какъ же не страшень? Черный весь, худой да длинный, а я такихъ не любила... И не то, чтобы не любила, а боялась...

— Вотъ оно что! И пряники, значить, мои не помогали?

— Нѣтъ, это напрасно, Петръ Акимычъ... Подъ конецъ-то я тебя полюбила и страшиться не стала... И вотъ какъ по тебѣ плакала, какъ изъ Москвы съ матерью уѣзжала... страсть!

— По пряникамъ, поди, плакала, а не по мнѣ? — усмѣхнулся Петръ.

— Нѣтъ, по тебѣ! — снова вспыхнула Настя. — Никто меня тутъ не баловалъ, только ты одинъ... Душа, значить, у тебя добрая была. А за добрую душу, сказываютъ, и сатану полюбишь...

— Спасибо, что меня сатаной пожаловала.

— И Боже тебя упаси думать это! Къ слову сказала... Нѣтъ, полюбила я тебя и съ годъ апосля все къ матери приставала: когда мы къ доброму дядѣ, Петру Акимычу, въ Москву опять поѣдемъ?...

— А я тебя, Настя, не узналъ. Когда сказали ужъ, кто ты, тогда только вспомнилъ.

— Да и я тебя, прости Христа-ради, не узнала... Измѣнился ты, Петръ Акимычъ... Ужаси, какъ измѣнился...

— Постарѣлъ?...

— И что ты, что ты!.. Такимъ красавцемъ сталъ, что узнать невозможно...

Петръ смутился; смутилась и Настя.

Наступило минутное молчаніе.

— Отчего ты не пріѣзжала... къ намъ?—прервалъ, наконецъ, молчаніе Петръ, любуясь смущеннымъ лицомъ дѣвушки.

— Не довелось. Одну отослать къ бабушкѣ не съ кѣмъ было, а матери-то недосугъ, то вдругъ хворь одолѣеть... Такъ и забыла я про вашъ домъ...

— И про пряники забыла?

— И про пряники. Дядю Петра Акимыча только не забывала: нѣтъ-нѣтъ, да и вспомнешь... „Коли живъ,—скажешь,— пошли ему Богъ доброе здоровье, а коли померъ - царство небесное, мѣсто злачное да прохладное...“

— Спасибо за память!..

— Спаси тебя Христось за ласку, а меня—не за что...

— У тебя голосъ хорошій, Настя... Поешь пѣсни?

— Не часто, Петръ Акимычъ...

— Что такъ? Помнишь, какой была пѣвуньей, когда я тебя пряниками кормилъ?

— Горя въ деревнѣ много, не до пѣсенъ бываетъ... То на скотину моръ, то недородъ, то на самихъ разныя болѣсти Богъ нашлетъ...

— Не до пѣсенъ, значитъ?

— И голосъ ровно пропадаетъ. Пѣть-то я мастерица... Я тебѣ какъ-нибудь спою за твои пряники-то, — разсмѣялась Настя.

— Спой. Когда ты маленькой была, я и тогда уже любилъ слушать, какъ ты поешь... Да тебѣ сколько сейчасъ годовъ? Шестнадцать или семнадцать?

— Деятнадцатый съ Микола пошелъ... А что?

— Такъ я это...

— А тебѣ я вотъ знаю, сколько: тридцатый идетъ ..

— Откуда ты знаешь?

— Ну, вотъ, откуда? Въ вашемъ домѣ живу, да не знать!—расхохоталась дѣвушка.—Я все знаю... Знаю даже, почему ты не женишься...

— Ну, это ты едва-ли знаешь!..

— А знаю.

— Почему-же?

Настя потупилась и молча теребила кисейные обшлага рукавовъ сорочки.

— Неловко быдто сказывать,—не глядя на Петра, проговорила она.

— Говори, я человекъ не обидчивый...

— Сказать?—посмотрѣла она на него исподлобья.

— Говори, говори... а я послушаю: вѣрно-ли тебѣ люди сказали...

— Отъ людей и слышала... Не серчай только, Христа ради...

Дѣвушка оглянулась на дверь и, наклонивъ голову впередъ, произнесла шепотомъ, не сводя глазъ съ Петра:

— Изъ-за Марьи Петровны, сказываютъ, не женишься!..

Вся кровь бросилась Петру въ голову. Онъ широко раскрытыми глазами смотрѣлъ въ тревожно слѣдившія за нимъ темносинія очи дѣвушки и думалъ, что онъ или ослышался, или все это ему приснилось въ отвратительно тяжеломъ снѣ.

— Какъ? Что ты сказала, Настя?—едва могъ онъ проговорить прерывистымъ голосомъ.—Ради Бога... скажи... Не ослышался-ли я?..

— Съ Марьей Петровной, сказываютъ, давно у васъ... Не мои слова, Петръ Акимычъ, прости Христа-ради... И сказала-то это я тебѣ по глупости...

— Настя, нѣтъ! Такъ нельзя... Что-же это, за что?.. И какой негодяй смѣлъ сказать тебѣ такую низость?.. Я долженъ знать... Это ужъ не сонъ, это грязь, Настя... Да какъ они смѣли, подлые люди, сказать это? Какъ повернулся у нихъ проклятый языкъ?

— Петръ Акимычъ, голубчикъ ты мой! Прости ты меня, дѣвку глупую... Безо всякаго умысла и намѣренья сказала тебѣ... Что отъ людей слышала, то и тебѣ, вотъ какъ передъ Истиннымъ...

— Господи, за что-же это!—схватился за голову Петръ.—Настя, ты видѣла Марью Петровну... видѣла? Умирающій человекъ... чистый голубь... Да у ней у одной душа чище, чѣмъ у всѣхъ нашихъ московскихъ старообрядцевъ...

— Мнѣ и самой показалось какъ-быдто недостаточнымъ дѣломъ, Петръ Акимычъ... Не серчай ты, Христа ради!

— И такую чистую душу грязью облить! Да за такой грѣхъ и прощенья нѣтъ... Нѣтъ прощенья, Настя!—бормоталъ пораженный Петръ.

И въ этотъ мигъ ему вспомнился ироническій вопросъ отца: „что она тебѣ, любовница, что-ли?“

Ужъ если отецъ позволилъ себѣ сказать это, то что-же говорятъ другіе, за его спиной, ушко на ушко, распространяя гнусную клевету далеко за предѣлы перелѣсковскаго дома?

Онъ чувствовалъ, какъ его сердце сжалось отъ невыносимой боли и какъ его всего охватилъ смертельный ужасъ.

Ему хотѣлось кричать, рыдать, безумствовать... Онъ, какъ помѣшанный, смотрѣлъ на сидѣвшую противъ него поблѣднѣвшую дѣвушку, дрожавшую подъ его безумнымъ взглядомъ, и все глубже и глубже впивался пораженною мыслью въ смыслъ сказаннаго Настей.

Онъ—любовникъ Марьи Петровны! И въ эту подлость всѣ вѣрятъ и всѣ говорятъ, какъ о совершившемся фактѣ!

Ему было ужасно не за себя: что онъ! Говори, какую хочешь мерзость, про него,—онъ снесетъ, но она... Марья Петровна... За что, она, не выдавшая въ жизни ни одной ласки, умираетъ поруганная и обрызганная подлою пѣной человѣческой клеветы! За что? Кому она сдѣлала зло? Кого обидѣла хоть единымъ словомъ?

— Какая низость! Какая подлость! — повторялъ онъ безсвязно, ломая руки.

— А ты не очень принимай къ сердцу, Петръ Акимычъ, — заговорила дѣвушка, дотрогиваясь до его руки.—Мало-ли что мелютъ... И, Господи, иной разъ что наскажутъ, тошнехонько станеть!.. Злые люди, сказываютъ, хуже псовъ: и песь съ разборомъ кусаетъ, а лихой человѣкъ на всѣхъ безъ разбора кидается...

— Нельзя этого говорить, Настя, нельзя! — стучалъ себя по груди Петръ. — Про меня скажи, что хочешь, но не про Марью Петровну... Ахъ, Настя, ты не знаешь, что это за женщина!.. Мученица она... святая... Нѣтъ, ты не знаешь ея! Не знаешь, не знаешь!

— Отъ бабушки слышала много хорошаго: на рѣдкость, сказывала, женщина...

— Нѣтъ такихъ! Нѣтъ!.. Я ее десять лѣтъ знаю... Каждый ея шагъ, каждый ея взглядъ отъ меня не скрыты... Она вся, какъ стеклышко, насквозь видна... И сказать про нее?.. Что-же это такое? Кто тебѣ сказалъ, говори, Настя! Ради Бога?

— Извѣстно, отъ прислугъ слышала.. Дворня-то у васъ немалая,—отвѣтила дѣвушка. — Отъ разныхъ одно и то-же...

— Ахъ, вотъ какъ! Всѣ, значить, позорятъ умирающую! Всѣ! И ни у одного подлаго человѣка не хватитъ совѣсти заступиться за нее?.. Я этого такъ не оставлю.. А тебѣ, Настя, спасибо за то, что мнѣ глаза открыла...

— По глупости сболтнула, Петръ Акимычъ, не вини ты меня, Христа ради...

— Нѣтъ, спасибо тебѣ... и большой поклонъ за это, — поклонился ей Петръ. — Вѣкъ не забуду твоей услуги... Всѣ, всѣ вѣрятъ этой подлости! — стукнулъ онъ кулакомъ по столу.

— А я не вѣрю, Петръ Акимычъ... Сейчас не вѣрю...

Петръ опустился на постель и, уткнувъ лицо въ подушки, заплакалъ отъ душившей его злости.

— Голубчикъ! Ангельская душа! Петръ Акимычъ! — раздался надъ его ухомъ дрожавшій отъ волненія голосъ Насти. — Пожалѣй ты себя, Христа-ради!

Петръ почувствовалъ на своемъ лицѣ горячее дыханіе дѣвушки и приподнялся.

На глазахъ ея сверкали слезинки, а взглядъ свѣтился глубокимъ къ нему сочувствіемъ.

— Не вѣрю я... никому не повѣрю, — говорила она. — Скажи самъ сейчасъ, и тебѣ не повѣрю!..

Послѣ долгаго безконечнаго обѣда, на которомъ обыкновенно въ торжественные дни и праздники присутствовали многочисленные родственники Перелѣсковыхъ, до седьмого колѣна включительно, всѣ обѣдавшіе, въ томъ числѣ и Марья Петровна, почувствовавшая въ себѣ силы подняться наверхъ и обрадовать свекра своимъ присутствіемъ на обѣдѣ, — всѣ перешли въ громадную гостиную съ мебелью, обитою штофомъ. Петръ за обѣдомъ сидѣлъ за однимъ концомъ стола, а Марья Петровна — за другимъ, тогда какъ обыкновенно онъ всегда садился возлѣ нея.

Марья Петровна очень этому удивилась и съ тревогой поглядывала на своего друга, который съ разстроеннымъ лицомъ, уставясь въ одну точку, почти ничего не ѣлъ и невпопадъ отвѣчалъ на вопросы своего сосѣда, дальняго родственника Перелѣсковыхъ.

„Какая-нибудь у него была непріятность до обѣда“, — подумала Марья Петровна и рѣшила послѣ обѣда узнать, что заставило Петра усѣсться не на своемъ мѣстѣ.

Выйдя въ гостиную, она подождала Петра и остановила его.

— Петръ Акимовичъ, что съ вами нынче? — спросила она. — Ужъ не обидѣлъ-ли васъ кто?

— Меня обидѣтъ легко, Марья Петровна, — не смотря на нее,

отвѣтилъ тотъ, — да я ужъ и привыкъ къ этому... Идите, пожалуйста къ гостямъ, а то и такъ всѣ устали на насъ...

Марья Петровна ничего не поняла, но послушно прошла въ гостиную, а поблѣднѣвшій Петръ сталъ искать глазами брата Трофима. Трофима не было... Петръ заглянулъ въ кабинетъ отца, прошелъ всѣ комнаты и спустился внизъ, на половину брата. Отворивъ дверь онъ услышалъ женское взвизгиванье, и минутой спустя мимо него стрѣлой пролетѣла читалка Феклуша съ краснымъ, какъ кумачъ, лицомъ и вздрагивавшими отъ смѣха губами.

— Дура! Вотъ, дура-то!—крикнулъ ей вслѣдъ Трофимъ и увидѣлъ вдругъ брата. Физиономія его моментально сморщилась, и въ глазахъ забѣгали злые огоньки.

— Ты что за мной по пятамъ ходишь? Что тебѣ надо отъ меня? крикнулъ онъ брату.—Давно-ли ты въ сыщики поступилъ?

Петръ поблѣднѣлъ еще болѣе. Онъ сжалъ кулаки и сдѣлалъ-было движеніе броситься на Трофима, но одумался и, вернувшись назадъ, заперъ дверь на ключъ.

Трофимъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на брата и сталъ, на всякій случай, за массивное кресло...

V.

— Ну, вотъ теперь поговоримъ,—сказалъ Петръ, не сводя сверкавшихъ глазъ съ брата,—теперь поговоримъ... Да вы-бы сѣли, братецъ,—въ ногахъ правды нѣтъ...

— Какіе разговоры у меня съ тобой могутъ быть? — отвѣтилъ Трофимъ, не выходя изъ-за стула,—а за мной прошу не выслѣживать и въ мои комнаты безъ спросу не ходить.. У тебя есть свой уголь, ну и убирайся туда... Что это въ самѣдѣлѣ: я сошелъ внизъ къ себѣ на минутку, и онъ за мной... Что тебѣ отъ меня нужно?

— Мнѣ надо съ тобой поговорить, братецъ...

— Точно времени другого на разговоры нѣту! Вотъ уберутся гости по домамъ, въ ту пору и приходи языкъ чесать.

— Я не языкъ пришелъ чесать, да у меня къ этому и охоты нѣтъ... Я пришелъ говорить про сурьезное дѣло...

— А объ сурьезахъ послѣ обѣда не говорятъ: и выпито лишнее и... усталъ я... Уходи къ гостямъ!

— Съ гостями старикъ занимается, да и Марья Петровна тамъ... А говорить ты со мной будешь...

— О Θεклушкѣ, что-ли? Есть о комъ разговаривать!

— Мнѣ до Θεклушекъ, Трофимъ, никакого дѣла нѣтъ. Не она, такъ другая, не другая, такъ третья, всѣ онѣ на одинъ ладъ...

— Ну, братъ, не всѣ... Плохо ты бабъ знаешь,—засмѣялся Трофимъ, видя, что Петръ не предпринимаетъ противъ него ничего враждебнаго.

Онъ тотчасъ-же и успокоился и, оставивъ кресло къ окну, сѣлъ въ дальній уголь.

— Совсѣмъ ты, Петръ, бабъ не знаешь,—продолжалъ онъ уже снисходительнымъ тономъ,—иная, братъ, попадется ухъ, увертливая! Налимъ, а не дѣвка! Промежъ рукъ вьется, а въ руки не дается! Ну, да вѣдь ты въ этомъ ни уха, ни рыла не смыслишь: младенцемъ ты до тридцати лѣтъ дожилъ, младенцемъ и помрешь... О чемъ-же ты хотѣлъ со мной говорить?

Петръ сѣлъ ближе къ брату и долго смотрѣлъ на его лоснившееся лицо и масляные глазки, которые какъ-будто ожидали удобной минуты для того, чтобъ заснуть.

— Ты ничего не слыхалъ о грязной клеветѣ, которую выпускаетъ наша дворня?—спросилъ онъ, пытливо смотря на брата.

— Это что еще за новость? Про какую ты клевету говоришь?

— Значить, ты не слыхалъ, что говорятъ въ домѣ про твою жену?

— Да что-же про нее говорить-то! Не слыхалъ что-то...

— Говорятъ, — съ усиленіемъ и волненіемъ проговорилъ Петръ,—что я потому будто не женюсь, что живу съ твоей женой... Не слыхалъ ты этой низости?

— Впервые слышу...

Трофимъ сморщился, словно его укусила муха, и повторилъ:

— Впервые слышу...

— Ну, и что-же, братецъ?

— Чего „что-же“?

— Тебѣ это все равно? Тебѣ, значить, наплевать, что-бы про твою жену ни сказали?

— Да кто говорить-то?

— А ужъ это твое дѣло дознаться и выгнать клеветниковъ вонъ изъ дома...

Трофимъ почесалъ въ затылкѣ, подумалъ и сплюнулъ.

— Мало-ли что про кого брешутъ,—философски протянулъ онъ, потягиваясь въ креслѣ.—Ты, вонъ, послушай, что про нашего батьку говорятъ.

— Я къ тебѣ пришелъ не объ отцѣ говорить,—сурово перебилъ братъ Петръ,—а о твоей женѣ.

— Да что-же моя жена святѣй нашего отца, что-ли? Да, чортъ ихъ дери, пушай брешутъ... Вотъ помретъ она, и брехать перестанутъ...

Петръ зналъ отлично, что у Трофима понятія о нравственности и о порядочности были невысокаго давленія, но все-таки онъ не ожидалъ отъ него такого отвѣта.

— Я тебя, братецъ, не понимаю,—проговорилъ онъ, смотря съ презрѣніемъ на сладко потягивавшагося Трофима, у котораго отъ этого потягиванья трещали суставы.—Или ты не понимаешь, что говоришь?.. Твою жену закидываютъ грязью, грязнятъ и тебя, какъ мужа, и меня, какъ твоего брата, а ты спокойно говоришь: „пушай ихъ брешутъ!“ Ты соображаешь или нѣтъ, что говоришь, Трофимъ?

— А что-жъ мнѣ—сыскъ производить, по-твоему? Ну, нѣтъ, я на этакое дѣло не согласенъ, да и пустяками заниматься мнѣ совсѣмъ не къ лицу.. Нашель тоже охотника разбирать бабьи сплетки!

— Послушай, Трофимъ, сплетка—сплеткѣ рознь... Неужели ты этого не хочешь понять?

— Сплетка — все сплетка, какъ ты ее ни выворачивай... Про тебя-ли сплетутъ, про меня-ли — цѣна одна... Да я, признаться, никакъ въ толкъ не возьму, —чего ради ты кипяткомъ кипишь? Ни я, ни ты не слиняемъ отъ глупыхъ разговоровъ...

— Не о насъ рѣчь, братъ... Тебѣ не жаль развѣ Марью Петровну, эту чистую душу, у которой и помысловъ темныхъ никогда не бывало?..

— А коли не было,—такъ ей плевать на всѣ разговоры... У тебя, Петръ, правду сказать, голова не съ того конца затесана... Угомониться-бы пора давно ужъ, не маленькій... А главное--не суйся ты не въ свои дѣла...

— Какъ не въ свои? Я тебя, ей-Богу, Трофимъ, не понимаю.

— Да такъ не въ свои. Мою жену порочать,—не твою, ну, и это ужъ мое дѣло, какъ на такія подлости глядѣть...

— Но, вѣдь, и я тутъ страдаю, ты пойми?..

— Холостого, во-первыхъ, къ кому хочешь пришьютъ: это ужъ, братъ, такая пуговица, которая ко всякому бѣлью идетъ... Отъ одной вещи оторвалась,—къ другой сейчасъ пристегаютъ... И обижаться на это, по-моему, глупо, и обиды на всѣхъ не хватить... А другое дѣло,—слыхалъ ты отъ меня когда-нибудь попрекъ, что ты съ моей женой въ амурѣ играешь? Не слыхалъ? А почему? Очень просто. Одинъ слѣпой можетъ сказать такую глупость, а зрячій, какъ увидить ее, такъ и скажетъ: и кому такая дохлая нужна?

— Только поэтому?

— А почему-же еще?

— Значить, по-твоему, такъ выходить, что ежели-бы твоя жена была здоровая, такъ ты могъ подумать, что грязная сплетня на правду похожа? Такъ, Трофимъ?

— Невозможнаго ничего нѣтъ,—снова потянулся тотъ,—и подумать-бы могъ... потому—всѣ люди, всѣ человѣки, а чужой пирогъ всегда вкуснѣе кажется...

— Ну, съ тобой послѣ этого, я вижу, братъ, говорить мнѣ нечего!—нахмурился Петръ, поднимаясь съ кресла,—ежели ты обо всѣхъ по себѣ судишь,—никакого понятія, значить, о чести у тебя нѣтъ.

— У меня понятія настоящія,—спокойно отвѣтилъ Трофимъ и тоже поднялся со своего покойнаго ложа. — А у тебя совсѣмъ необычныя. И въ кого ты такой вышелъ, даже папенька удивляется! Дураковъ у насъ, говоритъ, кажется, въ роду не было, а вотъ уродился-же такой несообразный... Честь! Много ты о чести понимаешь!

— Во всякомъ случаѣ больше тебя...

— Ну, это, братъ, вилами на водѣ писано! Я, вотъ, съ никоніанцами табашниками не якшаюсь, а у тебя съ ними и печки и лавочки... Гдѣ твоя честь, скажи пожалуйста?

— Это ужъ совсѣмъ глупо...

— По-твоему. А ты послушай, что отецъ говорить...

— Что-же именно?

— Поди, да его и спроси. Я чужихъ рѣчей не пересказчикъ. А моихъ понятіевъ о чести ты не трогай лучше. Ты, вонъ, отецъ Тимошей говорить, и на „духу“—то себя держишь вольно, въ споры вступаешь, а мы, грѣшныя, всѣ свои грѣхи по „потребничку“ выкладываемъ, да съ воздыханіемъ и сокрушеніемъ, дабы полное очищеніе вышло, а ты глупаго батьку только въ сумлѣніе вводишь...

— Хорошъ отецъ духовный, который о своихъ чадахъ на всѣхъ перекресткахъ басни рассказываетъ!—возмутился Петръ.

— Отцу сказывалъ, а не на перекресткахъ. И сказывалъ страха ради іудейска, какъ-бы душа твоя въ ересь не впала...

— Вотъ какъ!

— Да такъ вотъ! Настоящій пастырь о каждой паршивой овцѣ долженъ заботиться, чтобъ ее въ свой загонъ загнать, а ты все норовишь черезъ перегородку... Хороша честь, нечего сказать! Да ты бѣлками-то не ворочай: мнѣ въдь, собственно говоря, наплевать, а такъ я это... для твоего-же разумленія, чтобъ ужъ очень ты главы-то не возносилъ... „Чести

у меня нѣтъ!“ Да у меня чести-то, можетъ, побольше, чѣмъ у отца, а ужъ съ тобой я себя и сравнивать не стану... Отецъ-то, вонъ, говорятъ, „легкими“ ассигнаціями оборотъ дѣлалъ въ свое время, а мнѣ такой глупости честь не дозволить дѣлать!

— Ты заѣхалъ, я вижу, въ брынскіе лѣса: не надо было-бы за обѣдомъ на мадеру налегать... и, прости ты меня Христа ради, что я съ тобой послѣ праздничнаго обѣда разговоръ затѣялъ!..—поклонился Петръ брату и пошелъ къ двери.

— Ладно! „Мадера“! Сказывай! Я и съ мадерой могу сообразить, а ты ничего... Съ обидой пришелъ! Про меня-де съ твоей женой сплетни разносятъ... да ты женись, и всякимъ сплетнямъ конецъ... Какого ты чорта не женишься, спрашивается? И отца безпокоишь, и людей на грѣхъ наводишь...

— Это ужъ мое дѣло...

— Ну, и не лѣзь съ глупостями! Изъ-за тебя сейчасъ вся грязь на меня съ женой летитъ; а будь ты женатъ, рази смѣлъ бы кто слово прискорбное сказать? Ни у одной свиньи языкъ не поворотился-бы. А то прилипъ ты къ моей Марьѣ, какъ банный листъ, такъ тутъ ужъ всякій сочинять небылицы въ лицахъ начнетъ...

— Я многое, Трофимъ, могъ-бы тебѣ на это сказать, да...

— Нечего! нечего-съ, любезнѣйшій братецъ! — хихикнулъ тотъ.

— Не нечего, а... все равно, не поймешь ты ничего, что я тебѣ скажу. Толстокожихъ словомъ не проймешь...

— Хорошее слово я всегда почувствую съ удовольствіемъ, а твои глупости, извѣстно, на вѣтеръ полетятъ... Женись, Петръ! И папенька о тебѣ другихъ мнѣніевъ будетъ, и самъ горячку пороть перестанешь... Хочешь, я тебѣ невѣсту посватаю? У Стенькина дщерь Варвара есть... Намедни встрѣтилъ я ее на Рогожскомъ за утреней... Ухъ, какая дѣвка выравнялась!.. Прямо, избави насъ отъ лукаваго! Ежели-бы я не былъ женатъ,—не видать-бы тебѣ Варвары Стенькиной, какъ ушей своихъ! Необычайной добротности дѣвка! А глазами, Петруха, такъ вотъ и норовитъ каждаго мужчину подъ нозы покорить! Жиденекъ ты маленько для нея, ну, да... чортъ тебя знаетъ, можетъ, и потрафишь: дура, говорятъ, она, ну, да и ты не умень... два сапога пара!

Петръ отперъ дверь и молча вышелъ изъ помѣщенія брата.

Трофима развезло. Излишне вышитое за обѣдомъ начинало туманить его голову. Онъ прошелся нетвердыми стопами по гостиной и, пощипывая свою рѣденькую бородку, посмотри-

валь съ усмѣшкой на дверь, въ которую только-что вышелъ братъ.

„Обидѣли младенчика!—хихикалъ онъ. — Честь затронули! Ахъ, дурачекъ, дурачекъ! Сообразиль-бы: какой только чортъ польститса на мою Марью Петровну! Ни кожи, ни рожи, одна шкилетина только осталась!.. А это все Ѳеклушкино измышленіе... Охъ, Ѳеклушкино! Шельма дѣвка! А Настюшка лучше... трепеть одинъ! О, Господи! А Петьку-дурака надо женить... Папеньку надо настроить... А то что-же это: срамъ! И меня срамятъ, и... того... Настюшка что-то ужъ очень часто на Петьку поглядываетъ!.. Долго-ли до грѣха: изъ-подъ носа пташку выхватить... Дуракъ онъ дуракъ, а на глупыхъ дѣвокъ и у дурака ума хватить... Женить Петьку! Обязательно женить...“ Кто тутъ?

— Я, Трофимъ Акимовичъ,—отвѣтила, входя, Марья Петровна и тотчасъ-же, опустившись на первое попавшееся кресло, закашлялась.

— Ну! Закудахтала!—пробормоталъ, морщась, Трофимъ.— Кахи, да кахи! О, Господи!.. И никакой развязки... Ты что-же ушла съ верху?—спросилъ онъ жену.—Недужится?..

— Нѣтъ,—переводя дыханіе, отвѣтила та,—я ничего, себя хорошо чувствую... Благодарю Господа Бога... Очень даже хорошо, Трофимъ Акимовичъ...

— Ну, чего ужъ тутъ хорошаго!—махнулъ тотъ рукой, продолжая бродить по комнатѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ... и вчера, и третьяго дня мнѣ много хуже было... Немножко я устала, правда, съ этими гостями, а то—ничего...

— Тутъ они, что-ль?...

— Разъѣзжаются... Папенька про тебя спрашивалъ, я сказала, что ты прилегъ отдохнуть...

— И не думалъ... А надоѣли они мнѣ всѣ! Каждый праздникъ однѣ и тѣ же морды, и тѣ же разговоры... Опротивѣли, чортъ ихъ дери!

— За что ихъ ругать, Трофимъ Акимычъ... Они тебѣ дурного ничего не сдѣлали... Люди, по большей части, небогатые... пришли твоему отцу честь отдать, съ праздникомъ поздравить.

— А, ну ихъ въ болото и съ честью... Честь! Вездѣ честь! Петьку сейчасъ видѣла?

— Нѣтъ, онъ почти вслѣдъ за тобой послѣ обѣда ушелъ...

— У меня сидѣлъ!—ухмыльнулся Трофимъ, снова растягиваясь на креслѣ.—Съ обидой ко мнѣ пришелъ!

— Съ обидой?—встревожилась Марья Петровна.

— Честь его затронули, вишь! Ты ничего не слыхала?

— Ничего... Петръ Акимычъ мнѣ ни словомъ не обмолвился, а отъ другихъ... отъ кого-же я услышу?

— Съ жалобой пришелъ!—зѣвнулъ всласть Трофимъ и тотчасъ-же сталъ растирать челюсть.—Экъ меня угораздило... даже жилы свело!—пробормоталъ онъ.—Прослышалъ онъ, что сплетку про него у насъ въ домѣ пустили, и прилетѣлъ, выпуча глаза...

— Какую-же сплетку, Трофимъ Акимычъ?—дрогнувшимъ голосомъ спросила мужа Марья Петровна.

— Какую? Самую глупую и ни съ чѣмъ несообразную... Умный человекъ на это наплевалъ-бы, а дуракъ сичасъ на дыбки... Оттого будто Петръ не женится, что съ тобой живеть!

— Со мной!—поднялась со стула Марья Петровна, хватаясь за грудь.

— Ну, да, съ тобой... Хе-хе-хе... Убилъ Петька бобра!

Трофиму, у котораго мысли, благодаря мадерному чаду, настраивались на веселый ладъ, это дикое предположеніе показалось такъ смѣшно, что онъ закатился неудержимымъ смѣхомъ и, то держась за бока, то смахивая пальцами катившіяся изъ глазъ слезы, раскачивался маятникомъ на креслѣ.

И когда, наконецъ, кончивъ смѣяться, онъ вытеръ мокрые глаза краснымъ фуляровымъ платкомъ и повернулся къ женѣ,—ея въ креслѣ уже не было

Марья Петровна стояла передъ нимъ, блѣдная, какъ смерть, и, прижимая къ груди худые, точно изъ воска отлитые, пальцы съ посинѣвшими ногтями, смотрѣла на мужа лихорадочно-блестѣвшими глазами.

— Трофимъ Акимовичъ, — глухо произнесла она.—Вы напрасно... смѣтесь... да... напрасно... Я люблю вашего брата... умираю и... люблю!..

Трофимъ сразу какъ-то съежился и ушелъ весь въ кресло.

VI.

Что - жь это такое? Ослышался онъ, или и впрямь ему такое чудное слово „дохлая“ брякнула?

Съ Трофима даже какъ-будто и хмѣль соскочилъ,—до того поразили его слова жены.

— Какъ-же это такъ?—только и нашелся онъ произнести,—онъ говоритъ, что—сплетки, а ты... ровно на „духу“ мнѣ...

— Не такъ я люблю Петра Акимыча, какъ вы понимаете,—

съ негодованіемъ перебила его Марья Петровна;—я душой его люблю и всѣмъ моимъ сердцемъ и не за красоту я его полюбила, а за доброту его и ласку душевную... Никогда я васъ такъ не любила, какъ его...

— Охъ, дура,—расхохотался снова Трифонъ,—я полагаю и невѣсть что... Хе-хе-хе... Да я душой - то, можетъ, всѣхъ бабъ люблю, акромья старыхъ...

Трофиму снова стало весело. Онъ не слыхалъ, что говорила ему дальше Марья Петровна, а, смѣясь, вышелъ изъ своего помѣщенія и полѣзъ наверхъ.

„Вотъ тоже дуреха-то,—думалъ онъ,—подстать Петру...“

На лѣстницѣ онъ поймалъ Ѳеклушку и придержалъ ее за рукавъ.

— Это ты, что-ль, плетешь про мою „дохлую-то“ да про Петра, шельма востроносая?—спросилъ онъ вполголоса.

— Это на счетъ чего, Трофимъ Акимычъ?

— То-то „на счетъ чего“! По твоимъ глазамъ вижу, что ты глупости распускаешь...

— Отродясь глупостями не занималась, разрази меня на мѣстѣ!

— Мнѣ собственно наплевать, я и вниманія на дохлую не обращаю... а дознается Петръ—будетъ тебѣ отъ него мятка...

— Не таковская, чтобъ пужаться! Я и сама сдачи дамъ, тронь только!.. А что про него да про твою Марью Петровну—я никакихъ глупостей не распускала, да и распускать нечего: у всѣхъ глаза есть, и всякій видитъ, какъ онъ—то возлѣ твоей хворой юлитъ, то сичасъ возлѣ Настюшки.

— Ну, ужъ это ты врешь!

— И вратъ, Трофимъ Акимычъ, не согласна... Давича бѣгу я по коридору, и вдругъ изъ комнаты Петра Акимовича выльзаетъ твоя скромница...—„Ты, говорю, это зачѣмъ сюда затесалась?“—„А это, говоритъ, не твое дѣло...“

— Врешь ты, подлая, все врешь! — раздраженно проговорилъ Трофимъ.

— Что, Трофимъ Акимычъ, досада тебя забрала? — лукаво хихикнула читалка.

— Дура ты, Ѳеклушка! Плевать мнѣ на Настюшку твою...

— Сказывай! Всѣ твои помыслы насквозь вижу, Трофимъ Акимычъ! А мнѣ что, я, вотъ, возьму, да уйду къ Погорѣлову... давно онъ меня сманиваетъ...

— Я тебя уйду! Ахъ, дура, дура!.. — щипнулъ онъ ее за щеку,—всѣ, что-ль, уѣхали?

— Ровно всѣ...

— У-у, глу-упая! А Настюшка для меня вотъ что: тѣфу и больше ничего! Поняла?

И Трофимъ такъ ушипнулъ Ѳеклушку, что та взвизгнула.

— О Господи! Грѣховъ-то сколько изъ-за этихъ прокляту-щихъ, — бормоталъ Трофимъ, идя опустѣвшими комнатами, — нѣтъ, Петька - то нашъ каковъ, а? Въ тихомъ омутѣ, знать, всегда черти водятся... Женить его поскорѣй надо, а то онъ никому житья въ домѣ не дастъ.

Трофимъ осторожно заглянулъ въ кабинетъ отца и, не найдя тамъ старика, прошелъ въ его спальню.

Акимъ Спиридоновичъ сидѣлъ въ покойномъ креслѣ у окна и, вооруженный громадными круглыми очками, читалъ какую-то книгу съ засаленными кожаными застежками.

— А я думалъ, папенька, что вы прилегли послѣ гостей-то,—проговорилъ Трофимъ, заглядывая въ дверь.

— Сна нѣту. Бываетъ это съ устали со мной... Да ты взойди, Трофимъ... Отдыхалъ, поди?

— Такъ, посидѣлъ только, папенька. Да и ложиться сейчасъ никакихъ резоновъ нѣту: ночь-то не за горами. Читаете-съ?

— Проглядываю отъ скуки. Садись, Трофимъ.

Трофимъ сѣлъ и кашлянулъ.

Старикъ поднялъ голову и навелъ очки на сына.

— Да ты что?.. Такъ посидѣть ко мнѣ пришелъ, али дѣло какое есть?—спросилъ онъ.

— Есть небольшое дѣльце, но терпящее... можно и завтра поговорить.

— Говори, я не занятъ...

Акимъ Спиридоновичъ захлопнулъ книгу, шелкнулъ застежками и, положивъ ее на окно, вопросительно посмотрѣлъ на Трофима.

— Я насчетъ брата Петра, папенька,—заговорилъ Трофимъ, подвигаясь со стуломъ ближе къ отцу.

— Что же насчетъ Петра ты хочешь? Аль случилось что?

— Особенно ничего-съ... а такъ—глупость-съ... Собственно говоря, мораль...

— Да ты толкомъ сказывай.

— Слухи въ нашемъ домѣ нехорошіе пущены, папенька...

— Про Петра?

— И про Петра, и... про мою жену-съ. Не слыхали, папенька?

— Нѣтъ. Да ежели - бы и услыхалъ, — такъ развѣ можно сему повѣрить?.. Одна на ладонъ дышетъ, еле - еле душа въ тѣлѣ, а другой... Да что онъ лучше-то не найдетъ, что-ли?

— Такъ-то такъ, папенька, а всяко бываетъ.

— Стало-быть ты вѣришь этой глупости, Трофимъ?

— Не вѣрю-съ, а... пріятнаго для меня весьма немного-съ... Согласитесь сами, что ежели нонче въ домѣ болтаютъ объ этомъ,—завтра начнутъ болтать и за воротами...

— Да какой дуракъ повѣритъ, знавши хворь твоей жены?..

— И очень даже просто повѣрятъ, папенька! Она, вонъ, десять лѣтъ хвораетъ! Какая ужъ это хворь - съ: десять лѣтъ болѣетъ; а никакъ помереть не можетъ! Никакой сообразности нѣту,—и очень легко возможно всякой сплеткѣ повѣритъ. Обидно-съ!.. Конечно, я это на вашъ взглядъ предоставляю...

— Дѣйствительно, ты того... гм... вотъ какое дѣло - то! — задумался старикъ,—и распустили-же что подлые люди!.. Бабъ ужъ очень у насъ въ домѣ много, отъ нихъ все зло идетъ!

— Бабы тутъ не при чемъ, папенька... Главное - то зло въ томъ состоитъ, по моему взгляду, что Петръ до тридцати лѣтъ холостымъ заболтался... Будь онъ женатъ, развѣ сплели - бы такую несуразность.

— Да, это вѣрно...—согласился старикъ,—холостого къ кому хочешь приплетутъ.

— И какъ еще, папенька... того наговорятъ, чего и во снѣ-то никогда не приснится... Петру что! Ему, извѣстно, наплевать, а ты вотъ тутъ за его глупость холостую и страдай...

— Женить Петра надо, Трофимъ.

— Его развѣ проженишь: онъ, вонъ, какъ на всѣхъ покриваетъ, знать никого не хочетъ...

— Ну, это я погляжу, какъ онъ знать никого не хочетъ! — нахмурился Акимъ Спиридоновичъ, — что я не nevoлилъ его, такъ на то моя добрая воля была, а захочу, такъ въ недѣлю окрочу.

— Хорошо-бы его женить, папенька. И для него лучше, — маятникомъ по крайности не будетъ болтаться, — да и толки глупые всѣ сразу прекратятся... Мнѣ, конечно, Богъ съ нимъ: хочетъ женится, хочетъ—нѣтъ, а только складнѣ какъ-будто станеть, ежели онъ по закону - то заживетъ... и для фамиліи нашей лучше. У меня дѣтей нѣтъ,—у Петра будутъ... Не таковъ родъ Перелѣсковыхъ, чтобъ ему зря прекращаться.

— Надо Петра женить, надо, Трофимъ... Это я и самъ те-перича вижу, что немного я по глупому поступилъ, на просьбы его сдавался...

— Умысль какой-нибудь былъ, я такъ думаю... что отъ же-нитьбы-то онъ и руками, и ногами отмахивался...

— Кто его разберетъ... мать его покойница, я такъ полагаю, испортила...

— Маменька, дѣйствительно, не тѣмъ будь помянута, его характеръ испортила... къ вольности его да къ послушанію старшихъ пріучила... Не смотришь-бы на покойницу...

— Ну, ты мать оставь въ покоѣ, — остановилъ старикъ Трофима, — что было, то прошло... а сейчасъ мы по-своему поступимъ...

— Только я тутъ не при чемъ, папенька. Вашъ разумъ и ваша и воля родительская... Какъ - бы Петръ злобствовать на меня не сталъ за то, что вы его жените... Скажетъ: „ты отцу въ уши надуль, ты его науськаль...“

— Яйца курицу не учать, а я отъ тебя о Петрѣ и слова не слыхалъ...

— Вотъ это правильно, папенька, — обрадованно привскочилъ на стулѣ Трофимъ, — какъ - будто я самъ впервые отъ васъ слышу такую новость... Я, конечно, Петра не боюсь, а все-таки, не хотѣлось-бы, чтобъ онъ на меня что думалъ... Моя хата съ краю, ничего не знаю - съ... а невѣсту ему я приглядѣлъ...

— Кто такая?

— Варвара Стенькина, папенька... лучшей ему пары и не подберешь. .

— Ты, Трофимъ, кажется, голову потерялъ... Чтобъ я взялъ къ себѣ въ домъ дочь „окружника“ *)... Да ты меня за кого считаешь: за еретика, что-ль?

— Виновать, папенька, я это упустилъ изъ виду... Ужъ очень дѣвка-то хороша-съ: такъ сами въ руки и просятся!

— У меня въ головѣ другое. Пишетъ мнѣ изъ Саратова Кошельковъ, нашъ покупатель и мой старый благопріятель, что къ Масляной пріѣдетъ въ Москву.

— Иванъ Кузьмичъ — человекъ достойный всяческаго уваженія... Дочки, стало-быть, у него есть, папенька?

— Единая дочь Авдотья. Такъ и пишетъ: „пріѣду въ Москву съ единственною моею дочерью Авдотьей и, по старой дружбѣ, прошу дозволенія остановиться у тебя, потому въ номерахъ съ дѣвицей считаю пребывать неудобнымъ“...

— Отлично - съ... Милости просимъ... мѣста у насъ достаточно найдется... Это, папенька, даже превосходно-съ, — потиралъ отъ удовольствія руки Трофимъ. — Не знаю, какъ она Евдокія Ивановна личностью выдается, но состояніе у Ивана

---

*) „Окружникъ“ — признававшій „окружное посланіе“, составленное извѣстнымъ въ то время книжникомъ - старообрядцемъ, именовавшимъ себя „Ксеносомъ“, и породившее между старообрядцами расколъ.

Кузьмича миллионное-съ... Петръ долженъ Господа Бога и денно и ношно благодарить, ежели такой кусокъ зацѣпить.

— Мнѣ это сразу въ голову вступило, какъ только я прочелъ письмо Кошелькова... Дщерь у него одна, а Петръ за себя постоитъ... весь въ покойницу смазливый вышелъ .. вотъ, думаю, ему не невѣста, а кладъ...

— Да еще какой кладъ-то, папенька... Счастливому только такой кладъ въ руки дается, а несчастному ни по чемъ - съ... Господи! Да ежели-бы я только не былъ женатъ, и руками, и ногами за Авдотью уцѣпился...

— Ну, ты не Петръ. Перепортитъ онъ мнѣ печонку, пока я его обломаю!—покачалъ головою Акимъ Спиридоновичъ.

— Не прислать, папенька, его сейчасъ къ вамъ-съ?

— Петра? Зачѣмъ?

— Да чтобъ исподволь его обломать... до приѣзда Авдотьи Ивановны...

— Успѣется. До Масленой еще далеко...

— Такъ - то такъ, а все-таки... Пущай знаетъ ваши родительскія намѣренія и привыкаетъ къ этому потихонечку да понемножечку...

— Гм... а вотъ я за ужиномъ нонѣ попробую...

Трофимъ вышелъ изъ спальни отца съ сіяющимъ лицомъ. Еще какой-нибудь мѣсяцъ, и все кончится: и разговоры про брата съ его женой, и... что самое главное, Настюшка, узнавъ о томъ, что отецъ Петра женить, перестанетъ глаза на него пялить.

Надо ковать желѣзо, пока горячо, и пустить слухъ о скорой женитьбѣ брата теперь-же, чтобъ Настюшку сразу отъ Петра отвернуло. Дѣвка она деревенская, стало-быть совсѣмъ глупая и до подарковъ жадная... Знаетъ Трофимъ по опыту, что такое хорошій подарочекъ, а два и того лучше! А Петру это и въ башку не влетитъ. Развѣ онъ смыслить что въ бабьей породѣ? Ни чорта не смыслить!.. Гдѣ ему! Его, вонъ, жена,—„дохлая“ Марья Петровна,—душой полюбила, а онъ и этого понять никакъ не можетъ и съ кулаками на него, Трофима, лѣзетъ изъ-за какой-то глупой сплетки!..

„Въ маменьку-покойницу вышелъ,—рѣшилъ снисходительно Трофимъ.—Та то же на счетъ разума-то не горазда была!“

Вотъ онъ, по его мнѣнію, весь въ отца вышелъ: и соображенія у него настоящія есть, и къ женскому полу слабость. Папенька-то, сказываютъ, въ свое время, охъ, ходокъ былъ по бабьей части: билъ, что называется, и сороку, и ворону, а у маменьки-покойницы ручку цѣловалъ и о развращенности людской съ ней бесѣдовалъ!

„И жуликъ-же былъ отче, охъ, жуликъ!—съ неописуемымъ наслажденіемъ зажмурилъ глаза Трофимъ.—Недаромъ его матери изъ керженскихъ скитовъ съ удовольствіемъ вспоминаютъ... Изъ Макарьевской завсегда туда заглядывалъ... „Съ жертвой, говоритъ, а главное — по дорогѣ!..“ Знаемъ мы эту жертву-то съ дорогой!.. Избави насъ отъ лукаваго!..“

Трофиму отъ этихъ воспоминаній даже завидно стало: почему отецъ жертвы возилъ, а не онъ, Трофимъ, который, можетъ, жертву-то даже лучше распредѣлить, чѣмъ Акимъ Спиридоновичъ...

— А я тебѣ новость скажу, — шепнулъ онъ Ѳеклушѣ, погнавшейся ему на пути въ свое помѣщеніе; читалка случайно или съ умысломъ, но всегда, когда онъ былъ дома, попадалась Трофиму навстрѣчу.—Брата отецъ женить!

— Да неужто?—разинула та ротъ.

— Вѣрно, только ты не болтай никому до поры, до времени, — усмѣхнулся Трофимъ, зная отлично, что черезъ полчаса объ этомъ будетъ знать вся дворня.

— Пришелъ конецъ и Петру Акимычу!—съ оттѣнкомъ нѣкотораго злорадства произнесла Ѳеклуша, давно уже обиженная полнѣйшимъ невниманіемъ къ ней младшаго хозяйскаго сына.—Ну, что-же, давай Богъ часъ добрый!..

Женѣ Трофимъ не сказалъ ничего: та, пожалуй, сдуру бухнетъ Петру и подведетъ его подъ „сумнѣніе“.

Да Марьѣ Петровнѣ и не до новостей было: она кашляла отчаянно и лежала въ лихорадкѣ въ постели, укрытая цѣлымъ ворохомъ всякой теплой одежды.

За ужиномъ сошлись только сыновья съ отцомъ.

Акимъ Спиридоновичъ былъ веселъ; весело смотрѣлъ и Трофимъ, только одинъ Петръ глядѣлъ не по праздничному: пошлая сплетня отравила его настроеніе. Онъ мало ѣлъ и плохо слушалъ разговоръ отца съ Трофимомъ.

— А я тебѣ, Петръ, новость скажу, — обратился къ нему въ концѣ ужина старикъ, — у насъ на Масленой будетъ гостить Кошельковъ съ дочерью.

— Дѣвица, слышалъ я, завидная,—замѣтилъ Трофимъ,—и собой недурна, и единственная наслѣдница послѣ старика.

— Да. Я тебѣ, Петръ, совѣтую обратить на нее вниманіе,—произнесъ старикъ,—пора и о своей семьѣ подумать... Всѣ люди, какъ люди, а ты шутъ знаетъ что! Слышалъ?

Петръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на отца. Въ тонѣ его рѣчи слышалась угроза.

VII.

— Слышаль, папенька,—отвѣтилъ Петръ, смотря то на отца, то на брата.

— Дѣвка хорошаго рода и нашего сословія. Отца самъ знаешь: всякаго уваженія достойный человѣкъ.

— Знаю-съ.

— Такъ вотъ... По-моему, лучшей невѣсты и искать нечего... Только-бы старикъ отдалъ за тебя... Да. Это ужъ твое дѣло постараться, чтобъ отца къ себѣ приворожить... Онъ хоть и неглупый человѣкъ, а своенравный... На выборъ дочери онъ не поглядитъ, лишь-бы ему по сердцу женихъ пришелся... Да ты что молчишь-то все, аль языкъ проглотилъ?

— Что-жъ мнѣ говорить, папенька?—произнесъ Петръ, смотря на Трофима, глядѣвшаго на отца и слушавшаго его съ подобострастной улыбочкой.—Вы сами знаете, что мнѣ никакой охоты жениться нѣтъ.

— Ну, пора, братъ, и охоту имѣть, слава Богу, тридцать лѣтъ стукнуло! Нагулялся досыта!—проворчалъ старикъ, не смотря на Петра.—Да и что за охота одному по угламъ шататься? Ты и такъ ужъ сталъ отъ всѣхъ добрыхъ людей сторониться: отъ кого ни послышишь,—всѣ въ единый голосъ говорятъ, что ты ото всѣхъ бѣгаешь...

— Ни отъ кого я не бѣгаю, это неправду люди говорятъ... А что мнѣ не о чемъ съ людьми говорить,—это дѣло десятое...

— Ну?—съ ироніей посмотрѣлъ Акимъ Спиридоновичъ на сына.—Такъ-таки и не о чемъ? Скажи, пожалуйста, я и не зналъ, что ты такой учености нахватался, что ровни себѣ для разговору не найдешь!..

— Ученость моя, папенька, вамъ извѣстная... А что не люблю я изъ пустого въ порожнее переливать, это вы и сами знаете.

— Не все о пустякахъ люди болтаютъ, чай и сурьезнымъ чѣмъ обмолвятся... Эй, Петръ, сократи свою глупую гордость... Не приводитъ она человѣка къ добру...

— Я гордъ тамъ только, гдѣ это нужно, а безъ надобности я и главы не подымаю... А жениться у меня никакой охоты нѣтъ... Да и вы сами меня до сей поры не неволили...

— Не неволю и теперь... Не въ моихъ это правилахъ, а только вижу я, что себѣ только ты пагубу строишь... Всякій на тебя любую небылицу взведетъ и съ грязью за ничто смѣ-

шаетъ, потому холостой воленъ поступать, какъ ему вздумаетъ... Ты вотъ на это свою гордость обрати... чтобъ тебя ни одинъ человѣкъ не смѣлъ подлымъ словомъ оскорбить...

— Значить, вы уже слышали и все знаете?..

— Ничего я не слыхалъ и ничего не знаю, а говорю тебѣ, что слѣдуетъ... Пора, Петръ, за умъ взяться, ежели онъ у тебя есть... Брату твоему, Трофиму, самъ знаешь, Богъ дѣтей не далъ, а я внуковъ желаю... Для кого мы трудимся и собираемъ добро въ житницу? Погаснемъ всѣ, и добро на вѣтеръ пойдетъ... Стоить-ли для этого и силы свои терять, а подчасъ и совѣстью кривить, Бога обманывая? Ты разсуди по-настоящему?.. Не малолѣтку я это говорю, несмыслящему, а мужчинѣ во всей своей зрѣлости...

— Понимаю васъ, папенька... Давно васъ понимаю и... все-таки... пока не найду дѣвушки по душѣ, жениться не могу...

— По душѣ ему нужно, папенька! — не выдержалъ Трофимъ.— Онъ вѣдь у насъ особенный... Маменькинъ любимчикъ... И жену ему надо совсѣмъ особенную... которой и на свѣтѣ нѣтъ: замѣсто глазъ, чтобы звѣзды горѣли, а на губахъ чтобъ сахаръ всегда таялъ...

— На твою глупость, Трофимъ, я даже и возражать не намѣренъ,—проговорилъ Петръ.

— Куда намъ до васъ, умниковъ! Мы и ровняться съ вами не дерзаемъ, потому мы въ страхѣ Божіемъ да въ трепетѣ передъ родителями воспитаны, а вы маменькою въ корень испорчены... Ей-бы, родительницѣ, не тѣмъ будь она помянута, васъ-бы, братецъ, драть слѣдовало за ваши умствованія да новшества, а она, по малодушію, все по головочкѣ васъ гладила да вашимъ глупостямъ потакала... Мнѣ гдѣ-же за вами угоняться: я человѣкъ съ трепетомъ... Сказалъ мнѣ папенька: „Трофимъ, тебѣ жениться пора!“—„Слушаю, папенька, на комъ прикажете-сь?..“ А вы-сь вонъ какіе... На той только женитесь, къ кому душа потянетъ! А душа-то у васъ, по-видимости, совсѣмъ безчувственная: до тридцати лѣтъ вы дожили, и ни къ кому вашу душу до сей поры не потянуло!—не безъ ехидства отбарабанилъ Трофимъ, не сводя глазъ съ отца, который, видимо, съ удовольствіемъ слушалъ рѣчи старшаго сына.—Удивительная душа! Вамъ-бы ее въ Лондонъ али въ Парижъ на выставку... Европу изумлять...

— Дальше, братецъ любезный, дальше? — стиснувъ зубы, процѣдилъ Петръ, скрещивая руки на груди.

— Могу-сь... Вы меня своимъ театральнымъ видомъ не испугаете... Нечего передо мной комедию-то представлять!.. А что

ежели васъ папенька да старшій братъ уму-разуму учать, вы должны въ ножки за это намъ поклониться: „спасибо, дескать, что любовью своей меня, малоумнаго, не оставили!..“ Не мое, конечно, это дѣло и мнѣ все равно, — женатый вы али холостымъ волюнку тянете, а все-таки надо и такъ разсудить: для чего собственно вы, братецъ, на землѣ живете и хлѣбъ жуете? Папенька, по своей добротѣ и чувствительности, къ вамъ правъ своихъ родительскихъ не предъявляетъ, а вы этому какъ-будто даже и рады-сь... А того не понимаете, что папенька-то, можетъ, втайнѣ и зѣло о вашей судьбѣ сокрушается...

— И сокрушаюсь, Трофимъ, весьма сокрушаюсь! — замѣтилъ старикъ со вздохомъ.

— Слышите, братецъ?!

— Я все слышу... и все вижу...

— Какіе вы дальнзоркіе, братецъ, а я, вотъ, этимъ не могу похвалиться! Только то и вижу, на что папенька укажетъ!.. Вотъ, поди-жъ ты: два родные брата, а совсѣмъ разныхъ зрѣніевъ!.. Вы все вдаль, а я что поближе да что родителю пріятнѣй...

— Вы кончили, или нѣтъ? — перебилъ его Петръ.

— Нѣтъ-сь.. А, впрочемъ, ежели вамъ надоѣло старшаго брата слушать, я могу и замолчать... Какъ вы скажете, папенька?

— Да что ему говорить: самъ возрастъ имай..

— Это вѣрно-сь, да головка-то у братца немножечко на одинъ бокъ сворочена... Не могутъ они понять, что имъ-же добра желаютъ и ихнюю судьбу устраиваютъ... Мнѣ все равно, братецъ, женаты вы али холосты, положительно наплевать-сь!.. Ни тепло мнѣ отъ этого, ни холодно... Работаемъ-мы одинаково, слѣдовательно, и родитель насъ цѣнить поровну, безо всякаго другъ дружкѣ ущербу... А для того я это говорю, во-первыхъ, чтобы папенька, дай Богъ ему много лѣтъ здравствовать, послѣдній свой вздохъ испустилъ въ мирѣ и покоѣ-сь... Ничего нѣтъ обиднѣе человѣку умереть, видя своихъ дѣтей неустроенными... Конечно, въ животѣ и смерти Богъ воленъ, а все-же папенькѣ безпремѣнно это думается.

— Думается, Трофимъ, думается!.. — согласился и старикъ, кивая сочувственно сыну.

— Слышите, братецъ?

— Слышу. Удивительно мнѣ одно только, Трофимъ, изъ-за чего ты только стараешься? — зло ухмыльнулся Петръ. — Ужъ не процентъ-ли ты хочешь взять съ моего будущаго тестя?

— Вотъ, не угодно-ли, папенька! — съ сокрушеніемъ мотнулъ

головой Трофимъ.—Пріятно такія рѣчи отъ родного брата слышать? Процентъ! Да что у насъ своего капиталау мало, что-ли? Слава Богу, во всемъ у насъ преизбытокъ. А говоришь ты такія слова безо всякаго разсужденія!.. Что взбрело на глупый умъ, то ты и выпалилъ... Тебѣ дѣло говорить, а не шутки съ тобой шутятъ... Я, вотъ, папенькѣ не говорилъ, какъ ты своей глупостью меня мараешь, а то-бы онъ тебя давно на первой встрѣчной дѣвкѣ повѣнчалъ...

— Что такое?—спросилъ старикъ, какъ-будто ничего и не слышалъ никогда.

— Ничего, папенька, успокойтесь... Такъ, пустячки-съ,—поспѣшилъ успокоить отца Трофимъ.

— Глупая, подлая сплетка!—сдвинувъ брови, рѣзко проговорилъ Петръ.—У насъ въ домѣ, а можетъ, и по Москвѣ молва объ этомъ идетъ,—я не знаю,—пущень слухъ, что я... любовникъ его жены...

— Слышите, папенька? Слышите-съ?—захлебываясь негодованіемъ, замѣтилъ Трофимъ и вздохнулъ на всю столовую.

— Нехорошо,—проговорилъ Акимъ Спиридоновичъ, запустивъ пальцы въ бороду.—И тебя, Петръ, это позорить, и на него пятно кладеть...

— Чѣмъ-же я виноватъ?—крикнулъ Петръ.—Чѣмъ, папенька? Да развѣ кто-нибудь можетъ избѣжать этого? Злые люди и про святого Богъ знаетъ что могутъ наказать, а я—грѣшный человѣкъ...

— Нехорошо... нехорошо,—сурово проговорилъ старикъ.—И ты самъ въ этомъ виноватъ...

— Я... я, папенька?

— Да, ты. Усерденъ больно къ ухаживаньямъ за Марьей Петровной... Ну, и пошло...

— Папенька! Есть у васъ сердце, или камень вмѣсто него? Больная, умирающая женщина, брошенная всѣми... всѣми... и вами, и мужемъ, и родными... Да это подлость, ежели я... по добротѣ души.. по человѣческому чувству... не окажу ей... ну... ласку, что-ли, вниманіе... расположеніе... какъ хотите, называйте... Да я собакъ больныхъ и хворыхъ въ покои бралъ, а тутъ человѣкъ!.. Человѣкъ, папенька, у котораго и душа есть... и сердце... страдаетъ и умираетъ... Вѣдь у ней все изболѣло, все изныло... Ни жизни нѣтъ, ни смерти... одно только страданіе, папенька... и какое страданіе! Вы не поймете... ни вы, ни онъ, никто...

— Да тебѣ виднѣе... ты вѣдь провидецъ!—замѣтилъ съ хихиканьемъ Трофимъ.

— Всѣ люди, какъ люди,—не обращая вниманія на замѣчаніе брата, продолжалъ Петръ.—И живутъ, и... радуются, и ждутъ чего-то... хорошаго, свѣтлаго, а тутъ... тутъ... тьма... ни свѣту, ни радости, ни счастья... Одна только мысль: „когда же, наконецъ, я перестану быть въ тягость людямъ?“ Это ужасъ, папенька... это адъ... хуже .. въ тысячу разъ хуже... Вѣдь она знаетъ, чувствуетъ, что гаснетъ съ каждымъ часомъ... Видитъ все, что возлѣ творится, и... ни одного вдругъ слова участія... простого слова, папенька, отъ котораго чело-вѣкъ и воскресаетъ, и умираетъ съ вѣрой...

— Сердоболець! —вставилъ снова Трофимъ.—Тебѣ-бы сестрой милосердной родиться, а не купеческимъ сыномъ...

— Полно, Трофимъ,—остановилъ сына старикъ.—Все это, можетъ, и хорошо...

— Какъ „можетъ“? Какъ „можетъ“, папенька? — вскочилъ со стола Петръ.

— Не перебивай, когда я говорю! Ты забылся, я вижу... Ты страмишь брата... Понимаешь? Страмишь своей сердобольностью, которой у тебя никто не просить...

— Позвольте, папенька! Да развѣ Трофимъ можетъ вѣрить тому, что говорятъ подлые люди? Это была-бы такая низость, такое... я не знаю, какъ даже назвать!..

— А кто васъ тамъ знаетъ!—продолжая смотрѣть на отца, проговорилъ Трофимъ.—Безъ огня, говорятъ, дыму не бываетъ...

— Мерзавецъ!—воскликнулъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, Петръ.—И ты это говоришь отцу, когда мнѣ говорилъ совсѣмъ другое?!.. Только такой подлець, какъ ты, можетъ сказать это!

— Папенька, что-жъ это?—жалобнымъ тономъ произнесъ Трофимъ.—И тамъ срамить, и здѣсь... вездѣ срамить.

— Петръ, молчать! — стукнулъ ладонью по столу Акимъ Спиридоновичъ.

— Не могу!.. Это подлость, папенька! Убейте меня, но я всегда и вездѣ скажу, что Трофимъ—подлець! Такъ клеветать на умирающую, въ которой и жизни-то осталось только на одну лампадку,—догорить и погаснетъ, не ты бы говорилъ это, да только не вѣрится! Самъ творишь гнусности, а въ свою жену грязью швыряешь!

— Молчать!—снова загремѣлъ старикъ.—Нѣтъ, ты ужъ совсѣмъ, я вижу, Петръ, изъ оглобель выбился!

— Молчать предъ такимъ подлецомъ, какъ Трофимъ, я не стану, папенька! Это не въ моихъ силахъ...

— Петръ!—поблѣднѣлъ Акимъ Спиридоновичъ, поднимаясь съ своего мѣста.—Петръ! Я не покойница-мать... Ты это зна-

сшь... я терпѣливо... на многое смотрю сквозь пальцы, многое сношу, но... ты забылся!..

— Папенька!

— Молчать! Рта не смѣй разинуть, покуда я тебѣ не позволю... Ты забылся, но я тебя образумлю... Слышишь, Петръ?

— Что я сказалъ? Я ничего не говорилъ противъ васъ.

— Я тебя образумлю! Много лѣтъ я сносилъ твое глупое вольнодумство, но теперича—конецъ. Аминь моему долготерпѣнію. Ужъ ежели въ домѣ пошелъ такой позоръ, чего-же дальше ждать? Меня страмить хочешь? Меня?

— Папенька!

— Молчать! Никому этого не позволю: ни тебѣ, ни ему... никому!.. Противъ отца хочешь идти? А? Я сломлю твою гордыню... сломлю, Петръ... Ничего не пожалѣю... ни передъ чѣмъ не остановлюсь... Срамиться, такъ ужъ срамиться!.. И никто меня не осудитъ... ни одна душа... только одного тебя осудятъ!..

— Да за что, папенька, за что?

— И вотъ тебѣ мое послѣднее слово,—стуча согнутою рукою по столу, говорилъ Акимъ Спиридоновичъ.—Ежели ты не женишься на Кошельковой,—нѣтъ тебѣ ничего: ни благословенія моего, ни наслѣдства... Это мое послѣднее слово, Петръ... А своихъ словъ я назадъ не беру... не беру, Петръ, ты это такъ и заруби на своемъ носу!..

Акимъ Спиридоновичъ погрозилъ гнѣвно пальцемъ Петру и вышелъ изъ столовой.

Трофимъ бросился къ нему и, подхвативъ почтительно подъ локоть, повелъ старика, согнувшись въ дугу.

Петръ мрачно посмотрѣлъ вслѣдъ отцу и, шатаясь какъ пьяный, побрелъ въ свою комнату.

Скверно и тяжело было на его душѣ. Онъ зналъ характеръ отца, его непреклонную волю и съ ужасомъ заглянулъ въ будущее... Уйти? А куда? Всѣ отвернутся отъ него, — это онъ зналъ отлично, — и вмѣсто теплаго слова сочувствія бросятъ ему въ лицо слова укоризны... и даже, можетъ-быть, оскорбленія...

Въ корридорѣ внизу ему встрѣтилась Настя, которая шла изъ кухни послѣ ужина. Петръ ее окликнулъ, но Настя не остановилась.

— Совѣтъ да любовь!—проговорила она съ насмѣшливою улыбкой и прошла мимо, низко поклонившись Петру.

Петра это ошеломило. Онъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, растерянно потирая себѣ лобъ, и очнулся лишь, услыхавъ за собою чьи-то шаги...

VIII.

По корридорѣ шелъ Трофимъ, которому волей-неволей приходилось итти мимо брата.

Трофимъ, видимо, чувствовалъ себя неловко послѣ ужина и совсѣмъ не желалъ встрѣтиться съ Петромъ. Петръ повернулся къ нему и ждалъ его приближенія.

— Можетъ, зайдешь ко мнѣ на минуточку? — какъ ни въ чемъ не бывало проговорилъ Трофимъ, улыбаясь, но держась возможно дальше отъ Петра.

— Зачѣмъ? О чемъ мнѣ съ тобой говорить? — мрачно отвѣтилъ тотъ, загораживая дорогу брату.

— Чудакъ ты, ей Богу, Петруня! — ласково продолжалъ Трофимъ. — Лопни глаза, чудачина! Мало-ли что папенька скажетъ, нельзя-же изъ-за его словъ разстраиваться! На то онъ и родитель, чтобъ дѣтямъ свои наставленія давать... Женишься вотъ ты, пойдутъ у тебя дѣтки, ты и самъ начнешь ими командовать. А ты не взирай на его слова... А что ежели я потакалъ ему, такъ безъ эстаго нельзя... Нонче у папеньки одинъ духъ, а завтра—другой... Глядя по духу и дѣйствуешь... Да и что особеннаго онъ тебѣ сказалъ, промежду прочимъ? Ровно ничего!.. Ему сичасъ на умъ пришло женить тебя на Кошельковой... А почему ты знаешь, можетъ, онъ, какъ увидитъ ее, и женить-то тебя расхочетъ... Когда-то, говорится, Улита ѣдетъ, да когда-то она пріѣдетъ. А ты сичасъ порохомъ вспыхнулъ... и меня ругаешь... Ну, да я, Богъ съ тобой, за слово глупое не взыщу, — намъ считается съ тобой нечего, не чужіе мы, а въ одной печкѣ, самъ знаешь, и горшокъ съ горшкомъ столкнется...

— Я не на папенькины причуды обижаюсь. Старикъ воленъ говорить своимъ дѣтямъ, что ему вздумается, но какъ ты смѣлъ сказать, что вѣришь сплетнѣ?

— Петруня! Дурачокъ! — хлопнулъ себя въ грудь ладонью Трофимъ. — Долженъ я родительскому духу подлаживать, или нѣтъ? Да кто-же этой сплеткѣ повѣритъ! Будетъ, ну тебя! Пойдемъ ко мнѣ... Намедни мнѣ матери такую наливку брусничную прислали, — пальчики оближешь!

— Я тебя знаю, Трофимъ, какъ свои пять пальцевъ, и напрасно ты передо мной скоморошествуешь... Языкъ твой за всегда былъ лживый.

— Мой? Петруня, побойся ты Господа! Я-ли тебя не люблю... Старобрядка.

— И не любилъ ты меня никогда, да и никого не любишь, кромѣ самого себя... Ни одному твоему слову я не вѣрю... Понимаешь: ни одному! Умирать будешь и скажешь: братъ, мой конецъ пришелъ! Не повѣрю: надуешь!

— Какое затменіе, Петруня, какое затменіе!

— Не стрекочи сорокой, никого ты своимъ стрекотаньемъ не обманешь. Да ты напрасно стѣну спиной трешь,—насмѣшливо проговорилъ Петръ,—стѣна отъ этого чище не станетъ, а одежду испортишь!.. И вотъ тебѣ мое послѣднее слово, Трофимъ, послѣднее братнее слово: трогать я тебя не стану... о такую дрянъ, какъ ты, и руки марать совѣстно... но ежели ты что подлое сдѣлаешь, или поперекъ дороги мнѣ станешь—я на все пойду... ножъ попадетъ подъ руки, ножомъ зарѣжу, нѣтъ, такъ вотъ этими руками задушу... Проходи теперь! Ну?

Трофимъ пролетѣлъ мимо Петра стрѣлой.

— Гадина!—съ омерзѣніемъ произнесъ сквозь зубы Петръ и скрылся въ своей комнатѣ.

— Ладно! Это еще мы увидимъ, какъ ты меня того... Грозить тоже вздумалъ! Вотъ я папенькѣ доложу, такъ онъ тебя живо окандалитъ! Разбойникъ съ большой дороги! Живорѣзъ подлый!—ругался Трофимъ, стоя у двери своего помещенія.— За меня, братъ, въ острогъ сгніешь! Навяжется, вотъ, тоже такой братецъ, никакого покою отъ него нѣтъ! И страшить, и грозить, и... Ну, да мы посмотримъ, чья возьметъ!

Трофимъ осторожно отворилъ дверь и на носкахъ прошелъ въ спальню.

Въ спальнѣ было тихо. При свѣтѣ мерцавшихъ лампадъ можно было разглядѣть только голову Марьи Петровны, полузакрытой одѣяломъ.

— Марья Петровна, почиваете?—справился шепотомъ Трофимъ, останавливаясь въ дверяхъ.

Отвѣта не было.

Трофимъ сдѣлалъ небольшую паузу и затѣмъ снова спросилъ, не повышая голоса:

— Почиваете, Марья Петровна?

Марья Петровна даже не шевельнулась.

Трофимъ оттопырилъ ухо и чмокнулъ губами.

„Дрыхнетъ-съ!“ — скорѣе подумалъ, чѣмъ сказалъ, онъ и, повернувшись, такъ-же тихо, какъ и вышелъ, подкрался къ стоявшему въ углу шкапчику.

У шкапчика онъ возился долго, гремя бутылками и ругая себя поминутно:

— Тише! Медвѣдь глупый!..

Минуть десять спустя, онъ шель уже по темному корри-
дору и искаль ошупью дверь.

— Вотъ она! — остановился онъ, наконецъ, передъ дверью
и, стукнувъ въ нее, проговориль: — Господи Иусе Христе
Сыне Божій, помилуй насъ!

— Аминь!—донеслось изъ-за двери, и тотчасъ-же щелкнуль
замокъ.

Трофимъ очутился въ довольно просторной, хотя и плохо
меблированной комнатѣ, съ опущенными на окнахъ занавѣс-
ками и большимъ иконостасомъ въ углу, передъ которымъ
стояль аналой, а на аналоѣ лежала развернутая старопечат-
ная книга. Съ потолка передъ иконостасомъ спускались три
затепленные лампы и освѣщали потемнѣвшіе отъ времени
строгіе лики святыхъ.

Направо, въ углу, за ситцевымъ пологомъ, стояла кровать,
а налѣво у стѣны помѣщался простой деревянный столъ, по-
крытый сѣрой скатертцей.

На порогѣ стояла читалка Оеклуша.

— Чего-же ты пнемъ-то стала? Дай дорогу!—ухмыльнулся
Трофимъ, отстраняя читалку и затворяя за собой дверь.

— Полуно-ошники-и! — протянула та. — Носить васъ тоже
нелегкая!

— Ну, ну! Полуношники! Эхъ, Оеклушка, насрать-бы на
тебя моего брата Петра, онъ-бы тебѣ показаль, какъ съ х)
зйскими сыновьями разговаривать! — продолжалъ Трофимъ,
вынимая изъ-подъ полы бутылку наливки и ставя ее на столъ.—
Ума—палата!

— Это у Петра Акимовича-то? — хихикнула та, закрывая
ладонью ротъ.—Нашель тоже кладезь!

— Аль глупъ? Хе-хе-хе...

— Ну, ужъ! — махнула рукой читалка, быстрымъ движені-
емъ сбрасывая съ головы платокъ на шею, — да умнѣй тебя,
по моему глупому разуму, Трофимъ Акимовичъ, никого и въ
домѣ нѣтъ...

— Скажешь тоже по глупости,—снисходительно отозвался
тотъ, выковыривая принесеннымъ гвоздемъ пробку изъ бу-
тылки.

— По глупости и сказываю... Да вѣдь, по правдѣ сказать,
нонѣ только глупые люди правду-то и говорятъ... Да ты сядь
на стулешекъ-то, Трофимъ Акимычъ!—подвинула гостю стуль.

— Сяду... Ты чашечки изготовь... Наливка добрая! Матери
прислали!

— Да что-жъ матерямъ акромья и дѣлать-то, какъ не наливки съ настойками настаивать да грибочки отваривать...

— А молиться-то? Экій гвоздь попался... али пробка ужъ такая подлая...

— На все, Трофимъ Акимычъ, у матерей время хватить,— на молитву и на наливку... Отъ Меланіи, что-ль?

— Отъ Маргариты. Меланія на меня сердита...

— Ну?

— Дура!..

— Строгой жисти, сказываютъ!

— Ну, и дура! Спасай свою душу, а другихъ учить нечего! Вылѣзла, подлая!

— Меланія-то? Откуда-же она вылѣзла, Трофимъ Акимычъ?

— Не Меланія вылѣзла, а пробка изъ бутылки! Садись, Өеклуша! Чаши-то изготвила?..

— Сію минутую!..

Читалка пошарила за оконными занавѣсками и поставила на столъ двѣ чайныя чашки, расписанныя аляповатыми узорами.

— Послалъ, понимаешь, того... отецъ меня изъ Макарьевской въ скиты заѣхать...

— Это когда-же было?—бросила читалка ревнивый взглядъ на Трофима, булькавшаго изъ бутылки влагу въ чашки.

— Позапрошлымъ лѣтомъ... Тебя въ тѣ поры у насъ не было... Пей, Өеклуша!—чокнулся онъ чашкой,—тѣлу на здравіе, душѣ во спасеніе!

— За твое здоровье, Трофимъ Акимычъ! Съ праздничкомъ!—поклонилась гостю читалка и, медленно опрокидывая голову, вытянула наливку.

— Хороша?—спросилъ Трофимъ.

— Горькая, — сморщилась та, — и засластитъ то нечѣмъ...

— А, по-моему, сладкая... даже на губахъ медъ... попробуй.

Трофимъ потянулся къ читалкѣ и, схвативъ ее за шею, впился въ ея сочныя губы своими бѣлобрысыми усиками.

— Засластитъ что-ль?—справился онъ со смѣшкомъ.

— Ну тебя и со сладью-то твоей! — оттолкнула та его.— А ты скажи лучше, за что на тебя мать Меланія-то въ сердце взошла?

— Говорю: дура! Отвела это она мнѣ свѣтличку для ночнаго успокоенія... Ну, я и пришелъ... Гляжу, а постель-то дѣвушка стелеть и мѣшокъ съ сѣномъ простынкой обвертываетъ. Глянулъ я на дѣвчушку и обомлѣлъ... Красота писаная!

— Всѣ вы вотъ такіе-то,—проворчала Ѳеклуша.

— Чего такіе? Вовсе не такіе! Я только ее, понимаешь, этакъ за подбородочекъ двумя перстами ущемилъ... „Въ лѣсахъ,—говорю,—только такая земляничка родится!“ А она отъ меня вонъ, да къ матери... а мать-то Меланія, стало-быть, ей бабушкой приходится,—ну, и обозлилась старая хрычовка.

— Охъ, не такъ что-нибудь, Трофимъ Акимычъ!—качнула та головой.—Говоришь слова, а правды не видать...

— Истинную правду говорю! Что, мнѣ тебя бояться, что-ли? Я и женѣ это сказывалъ...

— И повѣрила?

— Марья-то? Поглядѣлъ-бы я, какъ она мнѣ не повѣрила! Да ежели-бы было что, сталъ-бы я ей и тебѣ рассказывать? Сургучомъ-бы уста припечаталъ и печаткой приляпалъ!..

— Погоди, Трофимъ Акимычъ,—насторожилась читалка,—ровно идетъ кто по коридору...

— Ну, кому теперь по коридору бродить! Нешто Петръ со злости шатается, такъ ему къ тебѣ и ходу нѣтъ... Ухъ, золь нонѣ! Папенька ему такой за ужиномъ гвоздь вколотилъ, что никакими клещами его не вытащить...

— Насчетъ чего, Трофимъ Акимычъ? Ты мнѣ скажи, я вѣдь баба любопытная...

— Насчетъ женитьбы. Приказалъ жениться безпремѣнно. А ежели не женится,—всего лишитъ...

— Ай, батюшки!

— Ты не болтай только по дворнѣ-то, мало-ли я что скажу тебѣ по своей откровенности...

— Да этого за мной отродясь не водилось! Что хочешь мнѣ скажи, какую хочешь тайную открой, ни одна живая душа объ эвтимъ не узнаетъ...

— То-то, Ѳеклунька, я въ полной надеждѣ, что изъ тебя лишняго слова даже бѣсы не вытащатъ...

— Нешто невзначай какъ проговоришься, а то развѣ возможно этого отъ меня ожидать...

— Всего лишитъ отецъ! Погоди, братъ, мы съ тобой справимся!—погрозилъ Трофимъ кулакомъ двери.—Ну, да вотъ, пріѣдетъ къ масленой невѣста изъ Саратова, и аминь Петрушкину своеволю! Не забывайся! Налей-ка по другой чапорухѣ!

— Охъ, будетъ, Трофимъ Акимычъ! — У меня и такъ ужъ зашумѣло въ головѣ...

— Наливай, глупая. Нонѣ какой праздникъ-то? А? А мнѣ какая радость, спрашивается? Петька грозитъ убить, жена —

не жена, а такъ какая-то хворь бродячая... Могу я на это съ равнодушіемъ смотрѣть али нѣтъ?

— Трудно тебѣ, голубь мой, охъ, трудно!

— Совсѣмъ, Ѳеклуша, погибель. Только, вотъ, и отрады, что съ тобой посидѣть, урвавшись на часокъ...

— Ну, ты тоже скажешь!—отмахнулась читалка съ довольною улыбкой.—И выдумщикъ же ты, Трофимъ Акимычъ! Ахъ, какой выдумщикъ!

— И выдумывать тутъ нечего, дѣло видимое... А ты подика сюда да поцѣлуй... Аль противень?

— Сказаль тоже! Да я объ тебѣ и во сняхъ, и на яву думаю, — говорила Ѳеклуша, обвивая руками жилистую шею Трофима.—Вотъ шубейка у меня холодать стала... Вышла на медни на улицу, такъ вся наскрозъ прозябла...

— Ладно! Справимъ! Что твоя шубейка, коли у меня на душѣ праздника нѣту... Какъ воръ, вотъ, стащилъ бутылъ и къ тебѣ напитокъ пришель... Пью, а хмѣлю настоящаго нѣтъ... Почему это, а?

— Слабую наливку, значитъ, мать Маргарита сдѣлала...

— Дура! Не наливка тому причиной, а... праздника у меня нѣту на душѣ... и никогда его не было... Каково, это Ѳеклуша? Никогда! Все будни... будни... а праздника нѣту!.. Съ малыхъ лѣтъ въ загонѣ былъ... Ты почувствуй это... съ малыхъ лѣтъ! Мать меня не любила, а отецъ за все взыскивалъ... Петрушка тамъ что натворить, а Трофимъ въ отвѣтъ... Ты, говорятъ, старшій, съ тебя и взыскать! А? Петрушку мать лижетъ и всякими прозвищами обзываетъ, а меня ровно и на свѣтъ нѣтъ!.. Уродина, говорятъ, ты! Рябой! Вотъ поди-жъ ты, Ѳеклуша: покойница-маменька одну только рябиновую наливку любила, а своего рябого сына Трофима терпѣть не могла!— усмѣхнулся горькою, пьяною улыбкой гость читалки.—Не все, значитъ, съ рябью челоуѣку нравится! Взосель въ лѣта — женили. На дохлой женили! Со второго-же дня свадьбы траву пить начала... Да этакъ подрядъ десять лѣтъ... Пахнетъ отъ меня травой?

— Звѣробоемъ, ровно, — отвѣтила читалка, кладя свою голову на его плечо.

— Я наскрозъ травянымъ духомъ пропитался, вотъ до чего!.. Петька намедни мнѣ что выпалилъ: „распутникъ,—говорить,—ты! Развратитель“!.. Налей, Ѳеклуша, керженки-то! Горько мнѣ! Обидно! За твое здравіе, Ѳеклуша! Не спѣть-ли намъ съ тобой „величаніе“, а?

— Что ты, Господь съ тобой! Да мы весь домъ подыдемъ!

— О? Ну, не надо! Душу-бы... душу повеселить... „Развратитель“! Нѣтъ, это надо погодить, надо разобрать, въ чемъ дѣло... Праздника меня лишили! У каждаго есть праздникъ, а у меня нѣтъ... Никому я не нуженъ и никто меня не любить... ни одна душа!

— И напрасно, Трофимъ Акимычъ, совсѣмъ напрасно... Меня-то ты за человѣка, значитъ, не считаешь? — заглянула въ глаза Трофима читалка.

— Ну, какой ты человѣкъ! — брезгливо отвѣтилъ тотъ. — Этакихъ-то человѣковъ-то я сотни найду...

— Спасибо на добромъ словѣ, Трофимъ Акимычъ! — обидѣлась та. — Вотъ ужъ этого я отъ тебя не ожидала.

— Э, что твоя обида! Моя обида великая! Моя! Молодость пропала! Душа — тоже! Умретъ отецъ, останутся миллионы, а мнѣ они уже не нужны... Нѣтъ, какая подлость, Оеклуша, они мнѣ не нужны... и никому они не нужны, а жизнь прожита... и ни одного праздника! Помянуть-бы чѣмъ... вспомнить... ничего!!.. Ровно въ люлькѣ до старости съ соской пролежалъ!.. Наливай!

— Ничего нѣту уже въ бутылки-то, Трофимъ Акимычъ...

— И тутъ ничего! Ну, постой, я сейчасъ другую украду... Я сейчасъ, Оеклуша...

Трофимъ вышелъ нетвердыми шагами изъ комнаты читалки и остановился.

По корридору, со свѣчей въ рукахъ и цѣпляясь за стѣну, шла его жена...

IX.

Трофимъ хотѣлъ повернуть, но было уже поздно: Марья Петровна увидала мужа и посмотрѣла на дверь, изъ которой онъ только что вышелъ...

— Ты меня, что-ль, ищешь? — съ досадою спросилъ онъ, не двигаясь съ мѣста.

— Кого-нибудь... тяжело мнѣ... тутъ вотъ, въ груди! — простонала Марья Петровна, прислонясь къ стѣнѣ и хватаясь свободной рукой за грудь, — за батюшкой-бы... послать... чувствую, смерть идетъ...

— Богъ милостивъ... у тебя часто стѣсненіе-то бываетъ, — бормочетъ Трофимъ, — отойдетъ! Лѣкарствица прими...

— Тяжко, говорю, Трофимъ Акимовичъ... душа съ тѣломъ разстается. . За батюшкой... Бога ради...

— Да я сичасъ... и зачѣмъ тебя вынесло, ей-Богу? Ахъ, бабы!—сокрушенно мотнулъ головой Трофимъ и повелъ жену обратно,—никакихъ соображеніевъ!

— Никого у насъ нѣтъ... и дослать некого... Я думала, ты у папеньки, и къ Ѳеклушѣ шла, чтобъ за тобой послать... а ты... у ней былъ...

— Лопни глаза, не былъ! Вотъ тебѣ крестъ! — побожился Трофимъ,—чего я у Ѳеклушки забылъ, спрашивается?

— Богъ съ тобой... ничего мнѣ не надо... батюшку только... Тимоѳея...

— Въ одну минуту... а ты того... прими лѣкарствица и приляжь... Ахъ, ты батюшки! И съ чего-бы это? Днемъ первый сортъ баба была, а къ ночи скапутилась!—говорилъ Трофимъ, провожая жену до кровати.—Ты лежи, Марья Петровна...

— Не могу... дыханіе... дыханіе тѣснить...

— Ладошкой растирай... ладошкой... вотъ такъ... а я сичасъ велю лошадь заложить и за отцомъ смахаю! Не добудишься только, пожалуй, притомились всѣ за праздникъ-то. Ну, да, авось, какъ-нибудь раскатаю, потому дѣло такое,—бормоталъ Трофимъ, ища чего-то по угламъ,—въ животѣ и смерти Богъ воленъ! Легче маленько аль нѣтъ?

— Ради Бога, Акимъ Трофимовичъ... дай мнѣ душу свою покаяніемъ очистить...

— Сичасъ, сичасъ! Загорѣлось тоже! Ахъ, ты, Господи! И Ѳеклушка-то ждетъ, и... Тебѣ не прислать-ли Ѳеклушку, пока я за батькой съѣзжу?—спросилъ онъ у жены.

Марья Петровна, тяжело дыша и закрывъ глаза, ничего не отвѣчала.

Трофимъ махнулъ рукой, подложилъ ей за спину подушку, чтобъ жена сидѣла удобнѣе въ креслѣ, и вышелъ изъ комнаты въ корридоръ.

Инстинктивно онъ повернулъ направо и очутился въ комнатѣ читалки, которая стояла передъ зеркаломъ и расчесывала свои длинныя косы.

— Ѳеклушъ!—кликнулъ ее Трофимъ.

— Ой, испужалъ! — вздрогнула та и набросила на голыя плечи первый попавшійся платокъ.

— Слушай—жена помираетъ!—шепотомъ сообщилъ онъ ей.

— Врешь?!—поблѣднѣла та даже вся.

— За батькой ѣду... позеленѣла вся... По моему, помретъ... а?

— Да тебѣ виднѣе, Трофимъ Акимычъ...

— Помретъ! Духу, понимаешь, ужъ нѣтъ! Батюшки, да

что-же я за батькой-то не ъду? Слушай, а ты въ случаѣ чего... не померла-бы тутъ безъ меня...

— Авось дождется...

— Да вѣдь неровень часъ, ду-ура! Такъ ты шмыгай по коридору-то... шмыгай... позоветъ, можетъ.

— Пошмыгаю, Трофимъ Акимовичъ, пошмыгаю... а то и къ ней зайду...

— Не желаетъ, и не моги... не надо! А шмыгай только... фу-у! Въ этакій-то праздникъ и вдругъ... пожалуйте! Батьку-то и не добудишься...

Трофимъ повернулся и зашагалъ по коридору по направлению къ кухнѣ. Дойдя до двери своего помѣщенія, онъ подкрался къ ней на носкахъ и прислушался...

„Можетъ, и того... померла ужъ!—подумалъ онъ, идя дальше, и тутъ только вспомнилъ, что онъ не взялъ ни шапки, ни шубы...—Этакій ослина!—обругалъ онъ себя,—вернуться, скажетъ, ты еще не уѣхалъ.. Нѣтъ, лучше къ Петру зайти... авось въ такомъ случаѣ драться не полѣзеть“.

Трофимъ подошелъ къ комнатѣ брата и дернулъ за скобу двери. Дверь отворилась.

Петръ сидѣлъ передъ столомъ, положивъ голову на руки, и о чемъ-то думалъ...

— Петруня! Потрушекъ!—окликнулъ тихо Трофимъ брата.

Петръ вздрогнулъ, вскочилъ со стула и очень удивился, увидавъ передъ собой Трофима.

Въ слѣдующую секунду онъ двинулся къ открытой двери, за которую держался братъ, и положилъ руку на его плечо.

— Ты мнѣ покою не хочешь дать, я вижу, — проговорилъ онъ, втаскивая Трофима въ комнату.

— На минуточку я къ тебѣ, Петруня, — произнесъ жалобнымъ тономъ тотъ.—На одну минуточку... Жена, братъ, умираетъ!

— Что-о?

— Умираетъ Марья Петровна... Земляная вся стала, дыханія нѣтъ.. Помретъ!

— Надо за докторомъ скорѣй, — засуетился Петръ, ища свой сюртукъ.—Какъ можно скорѣй, Трофимъ!

— Не надо... не велѣла,—замахалъ на него руками тотъ.— За батькой ъду... Отца Тимоея желаетъ... сейчасъ ъду за нимъ..

— Ну, ты поѣзжай за батькой, а я за докторомъ..

— Не велѣла! Что твои доктора? Мазали, мазали, а все одно—помираетъ... Нѣтъ, ужъ ты лучше поди къ ней, да посиди, покуда я отца не привезу... Гдѣ твоя шуба-то? Вотъ она!

И шапка тутъ? И чудесно!—говорилъ Трофимъ, натягивая на свои плечи шубу брата. — Впопыхахъ свою надѣть забылъ, а вертаться неудобно.

Трофимъ дальше и объясняться не сталъ: онъ нахлобучилъ на самыя уши шапку Петра и скрылся въ корридорѣ.

Петръ дрожавшими руками надѣлъ сюртукъ, застегнулся до самаго горла, и когда вышелъ въ корридоръ, Трофима уже не было.

„Бѣдная Марья Петровна! Да неужели-же конецъ?“

Онъ пошелъ по слабо освѣщенному одной лампочкой длинному темному корридору и у самыхъ дверей помещенія брата столкнулся съ Оеклушей.

— Ты была у Марьи Петровны?—спросилъ онъ тихо у чичалки.

— Нѣтъ, не была, Петръ Акимычъ... Помираетъ Марья Петровна-то...

— Какого-же чорта ты тутъ дѣлаешь?—съ видимымъ неудовольствіемъ произнесъ Петръ.

— А, можетъ, кликнетъ... Потому Трофимъ Акимычъ за башкой уѣхамши...

— Убирайся... Когда надо будетъ, я кликну... Да разбуди ты Василису лучше... Василису въ случаѣ чего я послать могу...

— Какъ угодно-съ, а только Трофимъ Акимычъ меня просили, чтобъ я на всякій случай находилась... А ежели Василису, такъ я и Василису разбужу... и Василиса тѣло обмытъ можетъ...

Петръ, не слушая Оеклушу, осторожно вошелъ въ комнату и затворилъ за собой дверь.

Въ слабо освѣщенной свѣтомъ лампы комнатѣ никого не было, изъ спальни-же косыми лучами лился мягкій свѣтъ.

Петръ съ душевною тревогой дошелъ до порога спальни и остановился.

Возлѣ столика, на которомъ стояли склянки съ лѣкарствами, въ покойномъ креслѣ, наклонивъ впередъ голову, сидѣла Марья Петровна.

Ея спина и голова вздрагивали и тряслись какъ въ лихорадкѣ отъ учащеннаго и затрудненнаго дыханія, а глаза были закрыты.

„Жива!“—подумалъ Петръ и кашлянулъ.

— Марья Петровна!—кликнулъ ее Петръ дрожавшимъ голосомъ, видя, что та не замѣчаетъ его.—Это я... Петръ...

Марья Петровна медленно открыла глаза и съ усиліемъ откинулась на подушку.

— Вы... Петръ Акимычъ!..—улыбнулась она.

— Я... я... Услыхалъ сейчасъ отъ брата, что вамъ плохо, и пришелъ къ вамъ ..

— Спасибо, родной... Словъ нѣтъ... я умираю!..

— Богъ не безъ милости, Марья Петровна...

— Нѣтъ ужъ... всему конецъ... чувствую это... Вотъ здѣсь, въ груди... жизни нѣтъ... Прощайте, Петръ Акимычъ... не поминайте лихомъ... добрымъ словомъ когда... добрымъ вспомните!

— Господь съ вами, Марья Петровна,—съ глазами, полными слезъ, заговорилъ Петръ, пожимая холодныя, какъ ледъ, руки больной.—Да развѣ могу я нехорошимъ васъ помянуть? Душа въ душу мы жили десять лѣтъ... и горемъ, и радостями дѣлились... словно не Трофиму, а мнѣ вы женой доброй да ласковой были...

— И люблю я васъ... одного... Не Трофима, а васъ... Только этимъ и жила, а то давно-бы... давно-бы на свѣтѣ меня не было... Не знали этого?

— Грѣхъ это,—потупился Петръ.

— Одинъ только... въ немъ и батюшкѣ покаюсь... другого ничего у меня нѣтъ... ни въ дѣлахъ, ни въ помыслахъ... Да и грѣхъ-ли это, когда сердце... сердце выберетъ... Не властны мы надъ нимъ, Петръ Акимычъ...

— Не властны!—эхомъ повторилъ тотъ.

— И нѣтъ силъ никакихъ вырвать изъ сердца... Охъ, тяжело! Тяжко! Грудь .. грудь...

Петръ вскочилъ и торопливо налилъ ложку микстуры.

— Выпейте лѣкарства, Марья Петровна, вамъ легче будетъ,—говорилъ онъ, поднося дрожащими руками ложку ко рту больной.

— Спасибо... За все спасибо... Поздно ужъ только .. Умираю я, Петръ Акимычъ!

— Марья Петровна! Дорогой вы мой другъ! Не говорите мнѣ этого! — съ мольбою нагнулся къ ней Петръ. — Я и такъ сирота послѣ покойной матушки, а безъ васъ я и совсѣмъ осиротѣю и пропаду...

— Не надо пропадать... Надо жить... На меня глядите,—и жизни у меня не было, а я все на что-то надѣялась... Вотъ, лучше станеть... Вотъ, лѣто придетъ... Въ садъ выйду,—тамъ птички поютъ, солнышко свѣтитъ ласково, и я оживу... Не ожила!—съ смертельною тоской воскликнула Марья Петровна.—Не ожила!.. Видно, Богу такъ угодно! А вы живите и меня вспоминайте... Мнѣ легче тамъ будетъ!..

Марья Петровна снова откинулась назадъ и закрыла глаза, странно поводя въ воздухѣ костлявыми пальцами.

Петръ сидѣлъ рядомъ съ ней и, вытирая холодный потъ, выступившій у него на лбу, не сводилъ съ нея глазъ.

— Что-же это!—мелькала у него мысль.—Неужели кончается? И что она руками разводитъ? Господи! Да она крестное знаменіе сдѣлать хочетъ! Марья Петровна! Марья Петровна! Бѣдная моя... сердечная...

Марья Петровна, не открывая глазъ, вздохнула шумно и опустила на колѣна руки; голова ея стала тихо, тихо сползать съ подушки и свѣсилась на бокъ.

— Умерла!—съ ужасомъ вскрикнулъ Петръ, вспомнивъ въ этотъ мигъ смерть своей матери, которая такъ-же тихо и безропотно скончалась, какъ и эта...

Онъ поправилъ ей голову, перекрестилъ ее и, ставъ на колѣни передъ божницей, сталъ класть земные поклоны.

— Господи, упокой душу рабы твоей Маріи!—проговорилъ онъ съ чувствомъ и, поднявшись на ноги, снова посмотрѣлъ на спокойно сидѣвшую Марью Петровну.

— Отлетѣла душа, и нѣтъ больше человѣка!..

Петру хотѣлось заплакать, чтобы облегчить свою скорбь, но слезы не шли изъ непослушныхъ глазъ и давили его грудь страшною тяжестью.

— Умерла!—повторилъ онъ, прикладывая руки ко лбу Марьи Петровны.—И никого возлѣ: ни мужа, ни родныхъ... Хоронить пріѣдутъ, нажрутъ и напьютъ на поминкахъ, а слово теплое умирающему сказать—никого нѣтъ!

Петръ окинулъ въ послѣдній разъ печальнымъ взглядомъ покойницу и вышелъ въ корридоръ.

У двери шмыгала читалка Оеклуша, увидавъ Петра Акимовича, она хотѣла-было скрыться въ свою комнату, но ее остановилъ окликъ Петра.

— Марья Петровна скончалась!—сообщилъ онъ ей и остановился въ раздумьѣ, куда ему итти: къ себѣ-ли до пріѣзда брата съ отцомъ, который теперь оказывался для умершей совсѣмъ лишнимъ, или къ отцу съ печальнымъ извѣстіемъ?

Оеклушка хлопнула себя по крутымъ бедрамъ, ахнула и, скрывшись за дверью помещенія Трофима Акимыча, принялась тотчасъ-же „голосить“.

Вытѣ ея изъ-за плохо притворенной двери понеслось по корридору и заставило вздрогнуть Петра.

Онъ повернулъ налѣво, поднялся по темной лѣстницѣ во второй этажъ и ощупью сталъ пробираться къ спальнѣ отца.

Въ одной изъ комнатъ онъ совершенно неожиданно наткнулся на кого-то.

— Кто тутъ?—спросилъ онъ испуганно, хватая за плечи попавшагося ему навстрѣчу; но встрѣчный вывернулся изъ его рукъ и скрылся въ темнотѣ Перелѣсковскаго дома.

Въ другое время такая встрѣча, можетъ-быть, и возмутила-бы Петра, но теперь ему было не до того: онъ весь былъ поглощенъ скорбью, и Петру, котораго давила тяжесть, было совершенно безразлично знать, кто изъ женской прислуги побывалъ у старика-отца. Что встрѣтившаяся въ потемкахъ была женщина, въ этомъ у Петра не могло быть никакихъ сомнѣній, а кто именно,—не все-ли равно? Петра такъ поразила смерть единственнаго его друга Марьи Петровны, что остальное все казалось ему такимъ ничтожнымъ въ сравненіи съ его горемъ, что не стоило и марать свое настроеніе другими пошлыми чувствами.

Онъ постучалъ въ дверь спальни отца, изъ-подъ двери которой вырывалась узкая полоса свѣта, и ждалъ вопроса.

— Кто тутъ?—недовольнымъ голосомъ проворчалъ старикъ, не отворяя двери.

— А это я, папенька... Петръ!—отозвался тотъ.

— Петръ?—съ сомнѣніемъ переспросилъ Перелѣсковъ.—Да ровно-бы и голосъ-то не Петра...

Онъ отворилъ дверь и впустилъ сына.

— Что съ тобой! На тебѣ лица нѣтъ?—отступилъ старикъ.—Что еще случилось?

— Марья Петровна умерла, папенька!

— Умерла?

— Сію минуту. Братъ поѣхалъ за о. Тимоѣемъ, а она на моихъ глазахъ скончалась...

Старикъ запахнулъ полы развѣзжавшагося халата, застегнувъ его на пуговицу, и, подойдя къ образамъ, сталъ молиться.

Молился съ нимъ и Петръ, но молитва у нихъ была разная: одинъ избавлялся отъ „дохлой“, не вносившей никакой жизни въ ихъ сѣренькую жизнь, а другой терялъ единственнаго и, можетъ-быть, лучшаго въ его жизни друга.

— Того... обмытъ-бы надо да одѣтъ,—обратился старикъ къ сыну, окончивъ молитву.—Нехорошо такъ-то...

— Бабы сдѣлаютъ, что надо, папенька,—печально отвѣтилъ Петръ,—да и братъ теперь скоро приѣдетъ.

Старикъ помолчалъ, пригладилъ лысину и спросилъ:

— Итти мнѣ сейчасъ туда али нѣтъ?

— Да зачѣмъ-же?

— Мнѣ тоже такъ сдается, что не къ чему... Завтра ужь... И ты спать иди, и безъ тебя съ мертвой управятся...

— Жаль человѣка, папенька!—вырвалось у Петра.

— На все воля Божья, Петръ!.. Оно, конечно, жаль, а такъ ежели подумать по-настоящему,—хорошо, что Господь и прибралъ ее... Намучилась вдосталь!

— Да, это вы вѣрно сказали... намучилась всласть!.. И со многихъ за ея мученія Богъ спроситъ, папенька!

— Этого ни ты, ни я и никто знать не можетъ... Иди и отдохни лучше, ты на себя не похожъ...

Петръ молча повернулся и вышелъ, не затворивъ даже за собою дверь. Спускаясь съ лѣстницы, онъ слышалъ бѣготню и хлопанье дверями внизу; слышалъ женскіе голоса, кто-то плакалъ навзрыдъ, „съ закатомъ“, и кто-то уже курилъ ладномъ. Петръ встрѣтилъ брата въ корридорѣ. Трофимъ казался растеряннымъ и грустнымъ, подъ глазами на мѣшкахъ у него, какъ въ желобочкѣ вода, стояли слезы.

— И о. Тимоѣя не дождалась!—не-то съ упрекомъ, не-то съ сожалѣніемъ проговорилъ онъ.—Отецъ знаетъ?

— Сейчасъ я у него былъ...

— О, Господи! Осиротѣли мы съ тобой, Петруня! Какая женщина-то была? Адамантъ!

У Петра отъ этихъ словъ еще тяжелѣе стало на сердцѣ...

Х.

Какая-то апатія напала на Петра послѣ похоронъ Марьи Петровны.

Еще въ городѣ, въ лавкѣ, онъ оживлялся на людяхъ и похожъ былъ на человѣка, но когда пріѣзжалъ домой, имъ овладѣвала тоска.

Онъ или бродилъ по пустыннымъ комнатамъ дома изъ угла въ уголъ, или лежалъ на кровати, закинувъ за голову руки и уставясь въ одну точку.

Со смертью Марьи Петровны онъ потерялъ единственнаго человѣка, съ которымъ могъ говорить и думать обо всемъ, что выходило изъ круга понятій старообрядцевъ, зная, что та или сочувственно отзовется на его думы, или скромно промолчитъ, не бросивъ ему ни одного слова упрека или укоризны въ невѣріи.

Какъ-то такъ случилось, что Петръ и друзей себѣ завести не успѣлъ. Во многомъ, конечно, была виной замкнутость той

среды, въ которой онъ выросъ и жилъ, но отчасти, благодаря долговременной опеки матери, онъ и самъ дичился и сторонился людей...

Несмотря на свой почти тридцатилѣтній возрастъ, его сердце почивало въ блаженномъ невѣдѣніи радости и счастья, и уже по одному этому смерть такого сердечнаго человѣка, какимъ была Марья Петровна, доводила его въ инья минуты почти до отчаянія.

И отецъ и братъ, помимо кровнаго родства, были ему совершенно чужими.

Отца онъ не уважалъ, а брата презиралъ. Да и тотъ и другой платили въ душѣ ему тѣмъ-же. Старикъ смотрѣлъ на него, какъ на мальчишку, воспитаннаго бабой, изъ котораго ничего хорошаго выйти не могло, а Трофимъ не любилъ его ужъ за то, что боялся его и боялся не потому, что Петръ былъ сильнѣе Трофима, а потому, что тотъ въ нравственномъ отношеніи стоялъ цѣлой головой его выше и давилъ его своимъ моральнымъ превосходствомъ.

За глаза Трофимъ острилъ надъ юродивымъ братцемъ, считая его полоумнымъ благодаря бабьему воспитанію, — извѣстно вѣдь всѣмъ и каждому, „что у бабы только волосъ длиненъ, а умъ коротокъ“, — отпускалъ на его счетъ пошленькія шуточки, но въ глаза всегда называлъ „братцемъ“ и „Петруней“ и встрѣчалъ его съ ласковой, заискивающей улыбкой.

Петръ видѣлъ брата насквозь и болѣлъ душой за несчастную Марью Петровну, нравственныя и душевныя качества которой онъ цѣнилъ на вѣсь золота.

Только одинъ Петръ понималъ эту женщину съ ея чуткимъ и отзывчивымъ сердцемъ, и она чувствовала это и полюбила Петра, когда для нея о жизни уже давно былъ поконченъ вопросъ.

Петра это признаніе умирающей женщины смутило... смутило не потому, что такая любовь незаконна и преступна, что такая любовь есть грѣхъ, за которую нѣкоторые ихъ батьки даже лишаютъ причастія, — а потому, что такая любовь была для него совсѣмъ незнакомымъ и неиспытаннымъ чувствомъ...

Онъ понималъ, что можно привязаться къ женѣ, которую ему дадутъ родители, полюбить ее, но полюбить постороннюю женщину ему казалось чѣмъ-то особеннымъ, о чемъ у него даже и представленій никакихъ не было.

Вся жизнь и отцовъ, и дѣдовъ складывалась довольно просто: приходилъ юноша въ возрастъ, ему давали жену; эта жена родила дѣтей, которыхъ, въ свою очередь, въ извѣстное

время, женили и выдавали замужъ, не справляясь о томъ, нужно это или не нужно,—нравятся они другъ другу или нѣтъ.

Онъ слышалъ и зналъ, что у „никоніанъ“ иногда это самое выходило по-другому: тамъ и увозили дѣвушекъ, которыя нравились мужчинамъ, и женились по своему выбору, не стѣсняясь отцовскими угрозами и проклятіями...

Такъ вѣдь то „никоніане“! Съ ними, вонъ, батьки и изъ одной чашки ѣсть не велятъ и отъ каждаго „щепотника“ приказываютъ отплеиваться! Пройдетъ, разумѣется, время, когда такая нетерпимость исчезнетъ, когда и старообрядецъ, и „никоніанецъ“ поймутъ, что можно уважать другъ друга, несмотря на то, кто какимъ крестомъ молится...

Но когда еще это будетъ... да и будетъ-ли? А пока онъ „древлепрепрославленный“ и *долженъ* подчиняться условіямъ своей среды.

Былъ-ли Петръ убѣжденнымъ старообрядцемъ, такимъ фанатикомъ, какимъ былъ его отецъ, ненавидѣвшій всей душой не только „никоніанъ“, но даже своихъ единовѣрцевъ „окружниковъ“, — сказать трудно; вѣрнѣе всего, что онъ и самъ боялся самому себѣ задать этотъ вопросъ, который могъ смутить его душу, воспитанную въ духѣ старовѣрія. Наружно, по крайней мѣрѣ, онъ исполнялъ всѣ обрядности съ должнымъ усердіемъ: не пропускалъ ни одной службы, пѣлъ и читалъ по тогдашней модѣ нѣсколько въ носъ, клалъ, какъ и другіе, земные поклоны во-время, не отставая отъ прочихъ молящихся, перебиралъ лѣстовку, считая возгласъ „Господи, помилуй“, и кланялся своимъ батькамъ съ такимъ благоговѣніемъ, точно вѣрилъ въ то, что только они одни могутъ дать вѣрующему пропускъ въ царство небесное!

Петръ рѣдко выѣзжалъ, и то больше по настоянію отца, въ храмъ на Рогожскомъ кладбищѣ въ большіе праздники. Онъ привыкъ къ своей маленькой моленной, въ которой съ трудомъ могло помѣститься двадцать человекъ; любилъ свое мѣстечко, гдѣ онъ стоялъ съ той самой поры, когда еще покойная Перелѣскова учила ребенка-Петю складывать маленькіе пальчики въ двухперстіе; любилъ рѣзной дубовый иконостасъ, изъ котораго на него смотрѣли темные лики иконъ новгородскаго и строгановскаго письма, и очень конфузился громадной толпы, наполнявшей храмъ и мѣшавшей ему молиться съ тѣмъ спокойнымъ чувствомъ, съ какимъ онъ обыкновенно молился дома.

Онъ всегда стоялъ въ этомъ храмѣ со смутной тревогой, боясь повернуть голову на женскую половину, откуда обык-

новенно сотни глазъ устремлялись на его красивую, граціозную фигуру. По одному уже этому онъ всѣми правдами и неправдами отбояривался отъ выѣздовъ на такія моленія...

Трофимъ, напротивъ, любилъ большія сборища и пренахальнымъ образомъ разсматривалъ старообрядокъ, щуря свои масляные глазки и причмокивая губами. Но Петру никакого не было дѣла до брата, мнѣніе о которомъ у него давно уже вылилось въ опредѣленную форму; онъ берегъ свою совѣсть и съ великимъ наслажденіемъ оставался дома въ то время, когда и отецъ, и братъ, съ ворчаніемъ на него, уѣзжали на Рогожское кладбище...

Святки проходили. И въ то время, когда въ другихъ домахъ ихъ провожали, веселясь отъ души и разѣзжая ряжеными по роднымъ и знакомымъ, въ домѣ Перелѣскова, по случаю траура, царили уныніе и та убійственная тишина, отъ которой можно повѣситься или впасть въ мрачную меланхолю...

Въ это время обыкновенно пріѣзжали въ Москву изъ дальнихъ Керженскихъ монастырей за сборомъ добротныхъ даяній, для старообрядцевъ почти обязательныхъ, — изъ женскихъ — матери съ черничками или бѣличками, а изъ мужскихъ — сѣдовласые старцы въ черныхъ манатейкахъ, накинутыхъ на плечи, называемыхъ ими „ангельскимъ чиномъ“, и въ остроконечныхъ шапочкахъ, сшитыхъ изъ атласа или бархата. Разумѣется, и то и другое надѣвалось ими только по пріѣздѣ въ домъ „благодѣтеля“ и „вѣры отеческой ревнителя“, а въ дорогѣ и на постоялыхъ дворахъ они ничѣмъ не отличались отъ проѣзжихъ купцовъ и мелкихъ торгашей.

И „матерей“ и „отцовъ“ въ Перелѣсковскомъ домѣ всегда пребывало множество; нѣкоторые изъ нихъ даже останавливались у хлѣбосольнаго и ревниваго къ вѣрѣ отцовъ Акима Спиридоновича и жили на его иждивеніи все время, пока оставались въ Москвѣ.

Одного изъ такихъ „отцовъ“, останавливавшихся въ домѣ Перелѣскова, Петръ всегда встрѣчалъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Звали его Серапіономъ. Это былъ очень маленькаго роста старичекъ, довольно плотнаго сложенія, съ открытымъ лицомъ, обросшимъ желтѣвшею растительностью, вѣчно улыбающимися глазами и смѣшно приподнимавшимися густыми бровями. Нрава Серапіонъ былъ веселаго и поэтому любилъ шутить за рюмкой лиссабонскаго, позабывая о томъ, что шуточки совсѣмъ не идутъ къ его „ангельскому чину“...

Онъ чувствовалъ это, но ничего не могъ подѣлать съ своимъ живымъ характеромъ. Съ стариками онъ еще крѣпился

Старообрядка.

и вель себя съ подобающимъ авантажемъ, но съ молодежью, вродѣ Петра, онъ посылалъ ко всѣмъ бѣсамъ свою напускную степенность, зная отлично, что молодость неспособна къ осужденію или порицанію, и давалъ душѣ праздникъ, услаждая другихъ и самого себя незатѣйливыми шуточками и прибаутками.

Петръ очень любилъ отца Серапіона и къ его пріѣзду всегда запасался лишней бутылкой лиссабонскаго, до котораго Серапіонъ былъ великій охотникъ, и подарками; подарки эти состояли большею частью изъ отрѣза шелку въ нѣсколько аршинъ, на „ангельскій чинъ“ старцу, или изъ фуляровыхъ платковъ которыми Серапіонъ, по его словамъ, надѣлялъ своихъ „внучекъ“...

Пріѣхавъ въ Перелѣсковскій домъ, отецъ Серапіонъ входилъ постоянно съ чернаго хода, принималъ въ свои объятія бултыхавшихся ему въ ноги прислугъ, затѣмъ, отогрѣвшись и воздвигнувъ на рамена свой „ангельскій чинъ“, шелъ, крестясь на попутные образа, къ Акиму Спиридоновичу.

Съ Акимомъ Спиридоновичемъ онъ бесѣдовалъ обыкновенно часа два, затѣмъ, извинившись усталостью отъ дальней и утомительной дороги на тройкахъ, онъ сходилъ, потирая руки, внизъ и заходилъ сперва къ Трофиму, а затѣмъ уже къ Петру.

Пріѣзжалъ онъ всегда подъ вечеръ, и въ то время, когда у Акима Спиридоновича шла бесѣда съ отцомъ, прислуга въ одной изъ многочисленныхъ комнатъ и комнатушекъ дома приготавливала „келію“ на все время пребыванія Серапіона въ Москвѣ.

У Трофима онъ засиживаться не любилъ; потому-ли, что вѣчно больная Марья Петровна наводила своимъ видомъ на него уныніе, или просто потому, что Трофимъ, зная, какъ его отецъ уважаетъ Серапіона, вель себя осторожно-политично и разглагольствовалъ больше на тему о спасеніи души; въ этомъ разглагольствованіи не было даже и намека о градѣ Лиссабонѣ, откуда разными морями доставляютъ иноземцы веселымъ россиянамъ зѣло предивное произведеніе лиссабонскаго виноградарства.

Взявъ весьма постную порцію бесѣды у Трофима, Серапіонъ вставалъ со стула, кланялся и мужу и женѣ въ поясъ, говорилъ: „спаси, Христось“ и выходилъ съ облегченіемъ.

— Приустали съ дороги-то, отче!—говорилъ Трофимъ, провожая старца до порога.—Отдохнуть самое благовременіе...

— Отдохнемъ, Трофимъ Акимычъ, отдохнемъ... на мину-

точку только къ Петру Акимичу загляну, да и въ келію... Старья кости на покой...

И затѣмъ, широко размахивая руками, отецъ Серапіонъ шелъ къ Петру.

То-же произошло и на этотъ разъ.

Петръ мелькомъ услыхалъ о пріѣздѣ Серапіона и въ первый разъ послѣ похоронъ Марьи Петровны улыбнулся довольно улыбкой.

Вечеромъ онъ его и не ждалъ, такъ какъ старецъ пріѣхалъ довольно поздно; Петръ очень удивился, услыхавъ стукъ въ дверь и пѣвучій голосъ Серапіона.

— Господи Исусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ!

— Аминь! — торопливо отвѣтилъ Петръ, вскакивая съ постели и встрѣчая старца, который тщательно затворилъ за собою дверь и заперъ ее на ключъ.

Молча осѣнилъ онъ Петра крестнымъ знаменіемъ и облобызалъ его троекратно съ тѣмъ серьезнымъ видомъ, съ какимъ обыкновенно встрѣчаютъ старики молодежь.

Въ слѣдующую затѣмъ минуту онъ весь уже засвѣтился улыбкой и, опустившись на стулъ, вздохнулъ радостно.

— Розаномъ цвѣтешь, Петръ Акимовичъ, чему душевно радуюсь... а здравіе душевное какъ?—спросилъ онъ, окидывая съ ногъ до головы статную фигуру Петра.

— Не могу жаловаться. Вы, отче, какъ здравствуете? — ласково посмотрѣлъ тотъ на гостя.

— Охъ, дружокъ, и не говори!—приподнялъ брови Серапіонъ. — Духъ бодръ, а плоть немощна стала. Припадать на заднія ноги сталъ...

— Видь-то у васъ какъ будто прежній.

— Бодрюсь... да не то ужъ! Кровь стыть стала... Зябну, дружокъ!—усмѣхнулся старецъ. — На мое счастье, ѣхалъ я въ первопрестольный градъ съ матерью Гликеріей... Знаешь, чай?

— Какъ-же не знать мать Гликерію...

— Ну, вотъ, вотъ! — смѣясь дробнымъ смѣшкомъ, продолжалъ Серапіонъ. — Она хоть и иноческаго чину, а бабища такая, что нескоро ее на конѣ кругомъ объѣдешь... Не во всякую дверь, сказываютъ, влѣзаетъ, въ иной, грѣшнымъ дѣломъ, и застряваетъ... Придавила меня, понимаешь, въ уголь кибитки, ну, мнѣ и тепло стало... При такихъ морозахъ—и незамороженнымъ меня грѣшнаго въ Москву доставила!

И отецъ Серапіонъ залился такимъ искреннимъ смѣхомъ, что, глядя на него, разсмѣялся и Петръ.

— Ну, очень радъ васъ видѣть, отецъ Серапіонъ!—заговорилъ Петръ, когда тотъ, наконецъ, успокоился отъ смѣха, вытирая заслезившіяся глаза уголкою „ангельскаго чина“.— Папеньку видѣли?

— Первымъ долгомъ. Зашель отъ него къ Трофиму Акимовичу, къ братику твоему единоутробному, а у него, слышу по голосу, Феклушка... Ну, думаю, можетъ, у нихъ сурьезные разговоры какіе, а я мѣшать только буду, я ужъ лучше къ дружочку своему пойду...

— Спасибо, отецъ Серапіонъ... Да что-жъ вы меня не ругаете?

— За что? Да инокамъ и ругаться не показано.

— А за то, что у меня такой дорогой гость, а я его на сухую принимаю,—говорилъ Петръ, бросаясь къ шкапчику и вынимая оттуда бутылку и бокаль.

— Подмочить меня хочешь? Ну, что-жъ, дружочекъ, въ твоей это волѣ, я въ чужой монастырь никогда съ своимъ уставомъ не хожу... Изъ города Лиссабона оное зеліе?

— Лиссабонское, отецъ Серапіонъ.

— Хорошій, надо полагать, городъ... а? Охъ, и усталъ-же я за дорогу... Всѣ старыя кости растрясло... За твое здоровье, дружочекъ!

— Милости прошу, отецъ Серапіонъ.

— Немоги ради только, но не для плоти угожденія!—оговаривался гость, выпивая бокаль.

— Да ты никакъ опять наливаешь? По нашему уставу разрѣшается только по чашѣ... А по твоему уставу какъ?

— Въ нашемъ Перелѣсковскомъ монастырѣ, отецъ Серапіонъ, уставы разные!—усмѣхнулся Петръ.

— А въ нашемъ—одинъ: разрѣшеніе еля и вина по чашѣ. Помню, давно это было, когда еще я лють былъ на всякія выдумки и прегрѣшенія... Попалъ я подъ начальъ къ отцу Евтихію... Непомѣрно строгой жизни былъ и отъ уставовъ ни на едину пядь не уклонялся. Только однажды, дружочекъ, за трапезой я и говорю ему: отче, благослови повторить, ибо и уставомъ сіе разрѣшено!.. „Какъ,—говорить,—разрѣшено? Ты что-же это издѣваться надумалъ?..“ А я ему и книгу волоку: возри, говорю, отецъ Евтихій, — Почаевская печать!.. Глядитъ онъ и руками разводитъ... А я что-же, дружечекъ, сбѣдокурилъ?—давась отъ смѣха, говорилъ Серапіонъ. — Взялъ да къ „чашѣ“—то хвостикъ и приписалъ... и вышло не по „чашѣ“, а по-„чащѣ“... Ха, ха, ха!..

И Петръ и Серапіонъ долго смѣялись остроумной выдумкѣ, пришедшей въ голову любителю сока отъ гроздій винограда.

Только послѣ третьяго или четвертаго бокала отецъ Серапіонъ приподнялъ брови, сдѣлалъ серьезное лицо и проговорилъ тихо:

— О тебѣ, дружочекъ, сейчасъ съ отцомъ говорили!
Петръ насторожился.

ХІ.

— Да, о тебѣ говорили!—повторилъ Серапіонъ и задумчиво уставился на налитый сверхъ краевъ бокаль. — Это ужъ ты мнѣ третью чашу? — какъ-будто удивился онъ, отряхиваясь, наконецъ, отъ своей задумчивости.

— Безъ Троицы, отче, говорятъ, домъ не строится!

— Ну, Господи благослови! За твое здравіе, долгоденствіе и во всѣхъ дѣлахъ преуспѣяніе, дружочекъ!

Отецъ Серапіонъ медленно выпилъ бокаль, почмокалъ губами и устремилъ взглядъ на Петра.

— Сыне,—произнесъ онъ, поглаживая свою золотистую бороду,—како ты о брацѣ помышляеши?

— Да никакъ, отецъ Серапіонъ,—потупился Петръ.—Откровенно вамъ скажу: никакого желанія не имѣю.

— Негоже. . негоже...—мотнулъ тотъ головой.—И въ Писаніи сказано, что не подобаесть-де человѣку быть едину...

— Значить, и съ вами отецъ о женитьбѣ говорилъ?

— Совѣта спрашивалъ.

— Ну, и что-жъ вы ему посовѣтовали?

— Уклонился. Грѣшень, дружочекъ,—уклонился. Какъ посовѣтуешь-то? Посовѣтовалъ я одной дѣвицѣ, рабѣ Митродорѣ, выйти замужъ за раба Максима, а у него—что-же, дружочекъ, оказалось-то? Двѣ пріятельницы на сторонѣ съ малолѣтками, да третья забавушка, дѣвка-вѣкоуха, по экономной части въ домѣ родителя пребывающая. Ну, она ко мнѣ во слезахъ и пожаловала. Реветь по-бѣлужьи, дружочекъ, и на мой совѣтъ плачется. Пошелъ я къ родителю... „Уволь, — говорю, — свою экономію перво на-перво...“ А старикъ на дыбочки. „Какъ,—говорить,—отче, уволить? Да ни за какія денежки, потому она у меня въ ногахъ ревматизмы растираетъ, и безъ нея я давно-бы подъ холстинкой лежалъ...“ Хе, хе, хе!—залился своимъ добродушнымъ смѣшкомъ Серапіонъ.—Вотъ ты тутъ и совѣтуй... Да! Сперва, стало быть, про ревматизмы надо узнать,

а потомъ ужъ и совѣтовать. . Ха, ха, ха! И отецъ твой тоже спрашиваетъ: „какъ, отче, думаешь?“ А я одно думаю, какъ-бы тутъ вродѣ Митродоры не вышло... хе, хе, хе! Ась? Не завель ты ревматизмовъ-то?

— Пока, слава Богу, нѣтъ!—усмѣхнулся Петръ, поддаваясь настроенію Серапіона.

— И не заводи, дружочекъ: грѣхъ одинъ!.. Ёдемъ мы съ матерью Гликеріей и отъ скуки бѣса языкомъ тѣшимъ... Я ей какую-нибудь смѣхотворную исторію расскажу, а она ржать на всю большую дорогу начинаетъ... Такъ вся ходуномъ отъ смѣху и ходитъ... А мнѣ, дружочекъ, черезъ это теплѣе... Хе, хе, хе!.. Вотъ она и спрашиваетъ меня: „отецъ Серапіонъ, гляди, любили тебя бабы-то, когда помоложе былъ? Ужъ очень у тебя нравъ веселый, нельзя не любить!“— „Любили,—говорю,—мать Гликерія, любили!“— „А ты ихъ любилъ?“— „И онѣ меня, мать Гликерія, и онѣ меня!“ Ха, ха, ха!..— „Такъ вотъ; дружочекъ, и ты такъ дѣйствуй: чтобъ онѣ тебя любили, а не ты ихъ... А Кошелькову, Матрену, я знаю... Это та, что тебѣ Акимъ Спиридонъ, нашъ отецъ и благодѣтель, въ „жену честну“ трафить.

— Знаете?—обрадовался Петръ.—Отецъ ждетъ ее къ масляной въ Москву.

— Все знаю... Все сказалъ мнѣ благодѣтель... Бывалъ я и у Кошелькова въ Саратовѣ, бывалъ... Богатѣйшій купецъ и нашъ благодѣтель тоже...

— Его-то я знаю, отецъ Серапіонъ, а вотъ что вы мнѣ про дочь скажете?

— Дѣвица благонравная: понедѣльничаетъ даже, дружочекъ,—можешь сіе вообразить?

— Ну, это еще немного... У насъ многія дѣвицы-старообрядки понедѣльничаютъ, да чорта-ли въ нихъ толку? Жрутъ постное, а въ душѣ всегда одно скоромное!..

— Ха, ха, ха! Ишь ты вѣдь какой, дружочекъ... хе, хе, хе!.. Пальца въ ротъ не клади: укусишь!.. Понедѣльничаетъ Матрена Кошелькова, понедѣльничаетъ... Мало тебѣ этого? Два раза о Великомъ посту говѣеть: на первой седмицѣ и на страстной!.. Камень вѣры и адамантъ благочестія, дружочекъ!

— Сколько-же ей лѣтъ, отецъ Серапіонъ?

— Годочковъ-то?—прищурился на бутылку изъ града Лисабона отецъ Серапіонъ.—Не былъ азъ многогрѣшный на крестинахъ, но, сказываютъ, на девятнадцатую весну перевалило... Да годы что, дружочекъ! Ты не взирай на лѣтосчисленіе-то,—ты душу-то, душу ее проникни... Время, знаешь, самая глупая

штука: не успеешь оглянуться, глядь, уж и помирать пора! И не жилъ, словно, а костлявая въ дверь стучится и спрашиваетъ: „готовъ, что-ль, въ дальнее странствіе?“ А у тебя, гляди, ничего нѣтъ, потому врасплохъ застала курносая: ни торбочки вѣры, ни кошеля раскаянія во грѣхахъ! Такъ-то, дружочекъ мой, Петръ Акимычъ! Не взирай ты на годочки, былабы душа тепла, да сердце съ придурью... Умное-то сердце—горделивое, не на всякія словеса отзывается, а глупое-то за каждую твою слезинку ручей слезъ прольетъ и за ласковое слово жаромъ сердечнымъ тебя обварить... Вотъ я, дорогой-то, и спрашиваю, промежду разговоровъ, мать Гликерію: „скажи ты мнѣ, мать, по совѣсти, возлюбляла-ли ты одинаго изъ нашей братіи?“ Ну, спервоначалу, знаешь, поломалась, прилику ради, а потомъ и сказываетъ: „возлюбляла и только единожды!..“ Вижу, вретъ, потому у бабъ, дружочекъ, свое счисленіе: у насъ, къ примѣру, единожды единъ—единъ, а у нихъ всегда единожды единъ либо три, либо четыре... Малограмотныя и въ числахъ сбиваются! Хе-хе-хе! „Единожды“,—говорить.—„Ну, и что-же, мать?“—„Да, ничего,—говорить,—женился на другой! И сколько я слезъ пролила—страсть!“—„А потомъ что?“—„Да ничего: уѣхала къ тетенькѣ въ скитъ, только и всего!..“ Умное-то сердце что значить, дружочекъ, а?

— Таковую и любить не стоитъ!

— Ишь, ишь ты какой... хе-хе-хе!.. А у Матрены сердце умное...

— Ну, и Богъ съ ней...

— А родитель твой по-другому думаетъ...

— Насильно со всякимъ можно сдѣлать что хочешь,—грустно проговорилъ Петръ.

— Ну, ну... а можетъ, и приглянется! Мои глаза старые, обмануть могутъ, а тебя не обманешь... погляди! Давно это было... Охъ, и лютъ-же я въ тѣ поры былъ на выдумки,—усмѣхнулся счастливою улыбкой Серапіонъ, наливая ужъ самъ въ бокаль себѣ лиссабонскаго. — И какъ меня только Богъ терпитъ на землѣ,—самъ зѣло удивляюся!.. Задумалъ мой покойный родитель брата Ѳедора женить и невѣсту ему приспособилъ изъ рода честна и вѣрѣ отцовъ приверженную. А Ѳедоръ и слышать о ней не хочетъ: не по сердцу дѣвка, и аминь! Пошли съ отцомъ покойнымъ промежъ ихъ непріятности, даже до убойства дѣло доходило, дружочекъ! Ндравный старикъ былъ и въ своемъ словѣ устойчивый. Ну, и Ѳедоръ тоже карактеромъ ему не уступалъ: наружныхъ лишнихъ словъ выпускать не любилъ, но въ душѣ кремень былъ: даже искра не выле-

тить!.. И что-же случилось, дружокъ? Собрались мы какъ-то въ праздникъ въ моленной за службу... гляжу—мой братенекъ, по случаю али ужъ по судьбѣ, возлѣ той дѣвицы сталъ, на которой его отецъ покойный поженить хотѣлъ. А я въ то время лютовалъ выдумками: бывало, такъ руки и чешутся, какъ-бы озорство какое учинить. И пришла мнѣ въ умъ негаданно-нечаянно глупая потѣха: сталъ я на колѣна да и .. ха-ха-ха!.. Вспомнишь, такъ и посейчасъ смѣхъ одолѣваетъ... ха-ха-ха!..

— Что-же вы сдѣлали, отецъ Серапіонъ?—спросилъ, смѣясь, Петръ.

— Охъ, погоди! Дай отдышаться!—утиралъ слезы Серапіонъ! — Ужъ очень смѣшно вышло! Понимаешь, дружокъ: сталъ я на колѣнки, да и... ха-ха-ха!.. булавкой... булавкой... подоль ея сарафана и пришилилъ къ подолу кафтана брата... ха-ха-ха!..

Отецъ Серапіонъ отъ душившего его смѣха даже положилъ голову на столъ и заходилъ весь ходуномъ: на головѣ плясала шапочка, а на плечахъ—„ангельскій чинъ“.

Расхохотался и Петръ, представляя себѣ пришипленныхъ другъ къ другу булавкой шутника Серапіона.

— А потомъ, дружокъ... потомъ,—говорилъ, еле переводя духъ, гость,—какъ стали расходиться, вотъ потѣха-то была... ха-ха-ха!.. У одного кафтанъ поднимается, а у другой сарафанъ... насилу расцѣпили... хе-хе-хе!.. О, Господи, Владыка всемилостивый, прости ты мои прегрѣшенія вольныя и невольныя, еже словомъ, еже дѣломъ... Да! И что ты думаешь, дружокъ? Федоръ-то, какъ увидалъ это, такъ отцу въ ноги: „сама судьба,—говорить,—батюшка, показываетъ... Женюсь!“ И женился вѣдь... хе-хе-хе!.. Такъ и тебя вотъ, можетъ, судьба-то къ Матренѣ Кошельковой пришилить. ..

— Кромѣ васъ—некому,—отшутилъ Петръ.

— Устарѣлъ ужъ я на выдумки, Петръ Акимычъ... Былъ конь, да уѣздили... Эхъ, дружокъ, поглядишь на нонѣшнюю молодежь,—а мои старыя кости куда только воронъ ни заносить,—не горазда на выдумки да потѣхи. Твоего братца взять, тебя самого... Ровно мертвые бродите... При вашей славѣ-то да при вашемъ богатствѣ, я-бы всю Рогожскую вверхъ тормашками перевернулъ...

— Не деньгами, отецъ Серапіонъ, потѣха строится, а душевнымъ покоемъ.

— Вѣрно, дружокъ, это я зря обмолвился. Коли на душѣ легко, такъ и потемки краснымъ денечкомъ кажутся, и въ непогодъ сердце солнышкомъ грѣется! А тутъ ужъ не до смѣха,

когда грудь жерновомъ давить да злодѣйкой-тоской на части разрываетъ... Тяжело тебѣ, дружокъ,—приглядѣлся я уже къ вашему житію-бытности,—охъ, тяжело!.. Вотъ и въ своемъ гнѣздѣ, кажется, а всѣмъ и всему—чужой! Бываетъ это, Петръ Акимычъ, бываетъ, дружокъ ты мой милый!.. Попалъ я въ одинъ скитъ, а тамъ круглый годъ одну только рѣдку съ квасомъ хлебаютъ... А у меня мамонъ щу проситъ да кашу, которая помасленѣе... Ну, и сбѣжалъ... И ты сбѣжишь.

— Куда, отецъ Серапіонъ?

— Вольной птицѣ—каждая вѣтка пріютъ!.. Такъ думаю, что не выдержишь... Въ ястребиномъ гнѣздѣ голубямъ не водъ! А, можетъ, Богъ и устроитъ все къ лучшему. Женишься на Матренѣ и пойдешь брюхо растить... Ась? Да ты не вѣшай головы-то до времени. И съ тестемъ, можетъ, не сойдетесь, да и старику, можетъ, Матрена не въ совѣсть придетъ... А ты мнѣ вотъ что скажи... Правду отцу Серапіону можешь сказать али нѣтъ?

— Всегда. Да у меня для васъ, отецъ, и языкъ на ложь не повернется...

— Знаю. Съ малолѣтства тебя за правдиваго знаю... Мы съ матерью твоей покойницей много, бывало, слезъ проливали... Посидимъ, вотъ, этакъ, какъ я, вотъ, сейчасъ съ тобой, поговоримъ и поплачемъ... И она свое горе домашнее выплачетъ, и у меня душа чище становится,—потому ото всего сердца Божью рабу пожалѣлъ!.. Такъ-то, дружокъ... Плакали, какъ же... И сердце-же у твоей матушки было... ахъ, золотое!..

— Никогда ея не забуду,—задумчиво проговорилъ Петръ.

— Хорошее-то, дружокъ, до скончанія живота не забывается, а родительницу, какая-бы она ни была, и подавно забыть невозможно... Много она на своемъ вѣку нерадостнаго видѣла, досыта слезой захлебывалась, да ужъ видно, такъ Богъ судилъ: хорошо въ раю, да и тамъ есть, поди, краешки... Кому полный пиръ, кому похмѣльице... кому цвѣтики лазоревые, кому горькая полынушка... Упокой, Господи, душу рабы Своея!—проговорилъ Серапіонъ и, набожно перекрестившись на иконы, повернулся къ Петру.—Да, дружокъ, такъ, вотъ, ты и скажи мнѣ по душѣ да по чистой совѣсти, какъ другу своему потайному, какъ отцу своему духовному...

— Спрашивай, отче... На все скажу безъ утайки...

— Сказывай, соколъ ясный, нѣтъ-ли у тебя зазнобы какой?—спросилъ Серапіонъ, надвигая на брови шапочку.

Петръ подумалъ съ минуту и, прямо взглянувъ въ глаза гостю, отвѣтилъ:

— Нѣтъ такой и не было...

— Думалъ долго, значить—сердце свое спрашивалъ! — покачалъ тотъ головой, передвигая шапочку на затылокъ. — Есть, дружокъ... Охъ, есть!

— Право-же нѣту, отецъ Серапіонъ, — слегка покраснѣлъ Петръ.

— Есть. И самъ, можетъ, того не знаешь, а сердце къ ней тянетъ... Ко мнѣ, въ скитъ, апосля Макарьевской, заѣхалъ одинъ купеческій вьюношъ... а имя его нѣтъ нужды тебѣ сказывать.. Прошлой зимой былъ у нихъ,—паренекъ радостный, а тутъ пріѣхалъ, ровно въ воду опущенный... Скажетъ слово—и затуманится, шагъ шагнулъ—и закручинился... Вижу, съ вьюношемъ что-то попригчилось: либо въ отцовскій ящикъ съ усердіемъ десницу запустилъ, либо сердце зазнобилъ на солнышкѣ... Я къ нему съ подходами да съ разспросами: „Скажи, паренекъ, гдѣ посѣялъ свой глупый разумокъ?“ — „Ничего,—говоритъ,—отецъ, со мной не приключилось, а только досада меня ѣсть съ утра до ночи... Насмѣшничаетъ надо мной одна дѣвица, дочь купеческая, язвитъ меня язвою сибирскою, а какъ ей отомстить—не придумаю!..“ — „А, вотъ,—говорю,—тебѣ и отместка: женись на ней, и она смѣяться надъ тобой перестанетъ, и ты досаду какъ рукой сымешь!..“ — „На такой надсмѣшницѣ-то? Да лучше въ петлю!“ — „А ты попробуй, женись,—говорю.—Старый шутникъ Серапіонъ тебѣ въ сурьезъ это совѣтуетъ... А нескладно выйдетъ, приходи ко мнѣ — за- всегда къ отвѣту готовъ!“

Серапіонъ приподнялъ рукой бороду и поднесъ ее къ носу.

— Ну, что-жъ, отецъ Серапіонъ, послушался онъ вашего совѣта?—спросилъ заинтересованный Петръ.

— Не знаю,—усмѣхнулся тотъ.—Вѣсти изъ Москвы до нашихъ мышинныхъ норокъ, самъ знаешь, съ прохладцей катятся... Вотъ, увижу теперь и узнаю, что съ моимъ вьюношемъ вышло: въ одиночку ходитъ али въ дышло... Хе-хе-хе!.. Завтра-же отправлюсь къ нимъ на утренней зорькѣ, покада на торжище не ушли... повидаю и узрю... Да, нѣтъ! Непослушна нонѣ молодежь стала, не внимаетъ гласу старости...

— А какъ ему фамилія, отецъ Серапіонъ, вьюношѣ-то вашему?

— Сказать нешто? Только ты помалкивай... Великановъ по фамиліи...

— Великановъ? — воскликнулъ Петръ. — Прохоръ Матвѣвичъ?

— Онъ самый... ну?

— Да мы на свадьбѣ его были... передъ самымъ Рождественскимъ постомъ онъ женился...

— Да, ну?—привскочилъ со стула Серапіонъ, не замѣчая даже того, что съ него съѣхалъ разстегнувшійся „ангельскій чинъ“.— На комъ, дружочекъ, на комъ?

— На Полуяровой... одна только дочь у Полуярова есть, Варвара Михѣевна...

Серапіонъ медленно опустился на стулъ, поймавъ за плечами свой „ангельскій чинъ“, застегнулъ его на крючокъ и усмѣхнулся.

— Ну, вотъ, видишь: молодежь-то нынче какая... послушная!—проговорилъ Серапіонъ, радостно хихикая.—На насмѣшницѣ и женился... хе-хе-хе!..

— Такъ эта самая Полуярова надъ нимъ издѣвалась?

— Она, дружочекъ, она самая... Охъ, бабы! Не внити вамъ въ Царствіе Отца Своего, зане лукавствіемъ преисполнены! И издѣвалась-то надъ нимъ ради того, чтобъ выйти за него, а онъ, по глупости, чуть въ петлю не лѣзъ... Такъ женился? Ну, ну! Вотъ только какъ онъ раба Серапіона завтра встрѣтитъ за совѣтъ: лаской али таской? Хе-хе-хе!.. Охъ, батюшки! Грѣшишь и живешь, живешь и грѣшишь,—трудно, дружочекъ, Серапіонамъ на свѣтѣ стало: либо недомолвишь, либо перемолвишь, и за все Серапіоновская спина отвѣчаетъ... Хе-хе-хе!.. Такъ нѣту у тебя зазнобы, ась?—прищурился снова гость на Петра.

— Нѣту...—нерѣшительно проговорилъ Петръ.

— А я тебѣ говорю: есть! Кайся, дружочекъ!—весело подморгнулъ лѣвымъ глазомъ Серапіонъ и посмотрѣлъ на свѣтъ бокаль, только-что налитый Петромъ.

ХІІ.

— Какъ вамъ сказать? Я и самъ не понимаю!—произнесъ Петръ, смотря въ дальній уголъ.—Вы, вотъ, много на своемъ вѣку видѣли, много лѣтъ прожили, испытали и дурное, и хорошее, такъ вы, можетъ, и поймете, а я себя понять не могу...

Петръ остановился и посмотрѣлъ на Серапіона, который медленно водилъ указательнымъ пальцемъ по пролитому на столѣ вину.

— Что-жъ вы молчите, отецъ?—съ нетерпѣніемъ воскликнулъ Петръ, смотря на спокойное лицо старика.

— На лужѣ гадаю. А ты говори, знай, я все слышу...

— Марью Петровну я любилъ... Дня того не было, чтобы я по ней не соскучился... Придешь къ ней, поговоришь, отведешь душу и довольнымъ, вотъ, на эту постель приходишь... Умирала она—сердце разрывалось на части... Все съ ней терялъ... И прійти мнѣ теперь не къ кому, и слова ласковаго мнѣ никто не скажетъ...

Петръ понурился и замолчалъ.

— Больше никого и не любилъ, — послѣ минутнаго молчанія проговорилъ Петръ. — Ахъ, нѣтъ... что я, — какъ-будто спохватился онъ, — и мать покойницу любилъ, и васъ, вотъ, всей душой люблю...

Серапіонъ крикнулъ, вытеръ мокрый палецъ о рукавъ своего кафтанчика и улыбнулся.

— Ну, это не бѣда! И мать, и Марья Петровна, и я, многогрѣшный, — всѣ покойники... А живой о живомъ думать долженъ. И никто тебѣ изъ московскихъ дѣвушекъ не нравился? — съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ справился Серапіонъ.

— Никто... Да я... мало и видалъ кого... Издали нешто...

— Хе-хе-хе! Ну, дружочекъ, удивилъ! Да тебѣ прямо къ намъ въ скитъ надо... Ей, ей! Хочешь? У насъ хорошо! — зажмурилъ Серапіонъ глаза. — Лѣтомъ ужъ очень душѣ умирительно. Встанешь, это, на утренней зорькѣ, выйдешь изъ кельи, а солнышко только-что надъ кусточкомъ поднялось и прямо тебѣ въ глаза, сквозь деревья-то столѣтнія, красными да тепленькими лучами бьетъ; бьетъ красно солнышко и всего тебя любовно лобызаетъ, ровно въ Пресвѣтлое Воскресеніе христосуется... Туманъ кверху бѣжитъ, на листочки слезы свои роняючи, а пташки Божьи всѣмъ хоромъ хвалу Иусу Стратотерпцу поютъ... И онѣ поютъ, и у тебя въ душѣ что-то поетъ и въ горняя устремляется... Умиленіе! Выйдешь на полянку, а тебя разными запахами въ лѣсу обдаетъ, быдто въ банькѣ паромъ пріятнымъ охватываетъ... Травка зеленѣетъ, цвѣточки яркіе ковромъ стелются, а на душѣ такъ легко и радостно, дружочекъ, что плакать хочется... И стоишь, и плачешь, какъ дитя неразумное, и вѣкъ-бы, кажись, простоялъ и изъ такого рая земного не ушелъ, а все-бы, вотъ, глядѣлъ на эту тихую красоту и пѣлъ-бы хвалу Всевышнему...

— А примите, — со страхомъ спросилъ Петръ, — ежели убѣжать придется?

Серапіонъ поднялъ затуманившіеся слезой глаза на Петра и покачалъ головой.

— Охъ, принять-то примемъ, дружочекъ, да недолго вольная птаха въ лѣсахъ засидится. Перелетъ птахѣ нуженъ, —

улыбнулся Серапіонъ,—безъ перелета птахъ и жизнь не красна... Давно это было: пришелъ къ намъ вотъ такой-же добрый молодецъ, какъ и ты... пришелъ цвѣтикомъ завялымъ, а въ лѣсу распустился розаномъ... цвѣтеть и насъ всѣхъ радуетъ, глядимъ мы на него и умиляемся... А пришла осень туманная да непогодливая, засвистѣли вѣтры буйные, и завялъ нашъ добрый молодецъ... „На глаза,—говорить,—хоть на минутую взглянуть... глаза тамъ остались“!.. Охъ, эти дѣвичьи глазки, дружокъ! Имъ на пользу, а намъ на пагубу... Не смущали тебя глаза дѣвицы?

— Н-нѣтъ,—запнулся Петръ и приподнялся съ своего мѣста: кто-то стучалъ въ дверь его комнаты.

— Кто тутъ?—съ досадой спросилъ онъ, не двигаясь.

— Господи Исусе Христе, Сыне Божій, и помилуй насъ!—зазвенѣлъ за дверью слегка насмѣшливый женскій голосокъ.

Петръ вспыхнулъ весь и даже не отвѣтилъ „аминемъ“. Онъ бросилъ косою взглядъ на спокойно сидѣвшаго Серапіона, усердно разсматривавшаго этикетку бутылки, и отперъ дверь.

— Это я, Петръ Акимычъ, Настя!—раздался веселый голосокъ читалки, которая, войдя въ комнату Петра, замѣтила, наконецъ, Серапіона и смутилась.

— Прости Христа-ради, отецъ, что я вашей бесѣдѣ помѣшала,—говорила она, розовѣя и кланяясь въ поясъ Серапіону.— Я сейчасъ и уйду... никакъ я этого не думала...

— Зачѣмъ уходить, дѣвушка, можно и присѣсть,—проговорилъ Серапіонъ, прочитавъ всю этикетку.

— Никакъ не могу, отецъ Серапіонъ, ужъ очень время позднее... А это вотъ, Петръ Акимычъ, что вы мнѣ давали давеча, принесла... Коли что не такъ—могу завтра и исправить,—говорила Настя, кладя на постель что-то завернутое въ бумагу.

— Спасибо, Настя!—пришелъ, наконецъ, въ себя Петръ.— Только это ты могла мнѣ и завтра отдать... дѣло не спѣшное...

— А я какъ сшила, такъ и думаю: „дай, покажу Петру Акимычу“... Вы ужъ простите меня, Христа ради, коли ежели я васъ обезпокоила...

И Настя, поклонившись, исчезла, прежде чѣмъ Петръ собрался ей что-либо сказать.

Онъ заперъ дверь за Настею и снова сѣлъ на свое мѣсто, не смѣя поднять глазъ на Серапіона.

Наступило короткое молчаніе. Петръ смотрѣлъ на принесенный Настей свертокъ, а о. Серапіонъ, словно обдумывая

что, поминутно передвигалъ свою шапочку со лба на затылокъ и обратно.

— Читалочка?—справился онъ, наконецъ, прищуривая лѣвый глазъ.

— Да... недавно только у насъ... Внучка нашей бывшей кухарки! — отрывисто отвѣтилъ Петръ, стараясь не смотрѣть на о. Серапіона.

— Что это тебѣ она принесла-то, дружочекъ?

— Такъ... Просилъ одну вещь сшить... Да вы не подумайте, отецъ Серапіонъ, что-нибудь такое! — горячо заговорилъ Петръ и рѣшился посмотреть на гостя, улыбавагося своей кроткой улыбкой.

— Хе-хе-хе!.. Ахъ, молодость, молодость! А глаза у нея дивные, Петръ Акимычъ!

— Это вы мнѣ къ чему, отецъ Серапіонъ, говорите?

— Глупые глаза. А коли глаза глупые—и сердце ихъ не умнѣй... Вотъ эта, дружочекъ, ежели кого полюбить, изъ рукъ своихъ не выпустить... дѣвка добрая! Ну, пора и мнѣ на покой, — приподнялся со стула, опираясь на обѣ руки, Серапіонъ.

— Посидите, отче!.. Еще чашу выпейте...

— Буде. Угостилъ ты старика по-московскому обычаю отъ души, на томъ тебѣ и благодарствую. Спаси Христось, дружочекъ!

— На доброе здоровье, отецъ Серапіонъ... Завсегда радъ видѣть васъ у себя ..

— Знаю, знаю. И къ тебѣ къ первому въ этомъ домѣ лежитъ моя душа... А теперь проводи старика на покой: и выпилъ онъ лишнее съ дороги, и наболталъ грѣховное...

Петръ повелъ Серапіона подъ руку въ приготовленную ему „келью“ и внутренно досадовалъ на Настю, пришедшую къ нему совсѣмъ не во-время.

Ему было неловко почему-то противъ о. Серапіона и стыдно. Стыдно не потому, что та пришла къ нему съ шапочкой, которую Настя взялась сшить для того-же о. Серапіона, а потому, что тотъ можетъ вывести о немъ недобрыя заключенія.

„Подумаетъ еще, что я его обманулъ... солгалъ ему... и солгалъ, конечно, потому, что отъ каждаго взгляда Насти у меня начинается биться сердце и шумѣть голова“...

— Ну, вотъ, и довелъ до покойнаго мѣста... Спасибо, дружочекъ, иди спать, пора и тебѣ отдохнуть, — говорилъ Серапіонъ, входя въ приготовленную ему комнату.

— Прости Христа ради, отецъ Серапіонъ, — поклонился ему Петръ.

— Богъ простить... Да, постой-ка... Частенько ты, дружокъ, въ Настюшкины глаза-то глядишься, а? — расплываясь въ улыбку, спросилъ Серапіонъ.

— Да каждый день, почитай, отче! — отозвался тотъ. — Въ одномъ домѣ живемъ!

— Почасту, почасту! — качнулъ тотъ головой. — Что значить зеркало-то хорошее: и не хочешь, да посмотришь... хе-хе-хе!.. Ну, иди, дружокъ, завтра еще поговорить успѣемъ...

— Можетъ-быть, вы что-нибудь нехорошее думаете, отецъ Серапіонъ, такъ клянусь вамъ...

— И думать не хочу... Знаешь пословицу: утро вечера мудренѣе?.. Ну, вотъ, и иди со Христомъ...

Серапіонъ ласково обнялъ Петра и выпроводилъ его изъ своей „кельи“.

Петру долго не спалось. Онъ все обдумывалъ слова, которыя онъ скажетъ завтра въ свое оправданіе о. Серапіону. Петръ чувствовалъ, что онъ „что-то“ скрылъ отъ старика, безконечно добраго и неизмѣннаго друга его и его матери; это „что-то“ пока было смутно даже для него самого, но онъ уже зналъ, что *оно* есть и что въ его душу, мало-по-малу, какъ капли, долбя камень, дѣлаютъ въ немъ углубленіе, заползаютъ тонкой, незамѣтной нитью какое-то тревожное чувство, но опредѣлить силу и глубину этого чувства и назвать его настоящимъ именемъ Петръ или не умѣлъ, или [боялся... Онъ боялся встрѣчаться съ Настей, которая однимъ только взглядомъ своихъ чудныхъ глазъ произвела на него неизгладимое впечатлѣніе, боялся говорить съ ней и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ недавнихъ поръ сталъ искать встрѣчи съ ней и поводовъ къ разговору.

Ожидаемый приѣздъ о. Серапіона, уважаемаго всею семьей Перелѣсковыхъ, далъ ему возможность лишній разъ, *по дѣлу*, встрѣтиться съ Настей и поговорить съ ней: Петръ надумалъ подарить отъ своихъ щедротъ шапочку старику, и купленный бархатъ былъ поводомъ къ тому, чтобъ повидать Настю и попросить ее сшить шапочку. Настя охотно взялась за это: она не въ первый разъ шивала такія шапочки и наотрѣзъ отказалась отъ всякой за работу платы.

Въ послѣднюю недѣлю, именно съ того времени, какъ она

узнала о томъ, что Петра Акимыча старикъ Перелѣсковъ надумалъ женить и что невѣста въ ближайшемъ будущемъ придетъ въ Москву, — она стала избѣгать встрѣчь съ Петромъ Акимычемъ, а если гдѣ и приходилось съ нимъ столкнуться, смотрѣла на него всегда съ усмѣшкой, добратся до смысла и значенія которой у Петра не доставало ни умѣнья, ни желанья.

Да и какое ему, сыну миллионера, дѣло до какой-то внучки кухарки, взятой къ нимъ въ домъ по случайному капризу брата Трофима, извѣстнаго сластолюбца и во всѣхъ отношеніяхъ нечистоплотнаго человѣка!

Сколько разъ онъ говорилъ самому себѣ: „что мнѣ она ровня, что-ль?—и... шель неизвѣстно зачѣмъ слоняться по пустыннымъ комнатамъ, слыша въ каждомъ шорохѣ шелестъ сарафана новой читалки...

Встрѣтивъ ее, въ первую минуту онъ блѣднѣлъ и ворчалъ съ досадою:

„Непремѣнно на глаза попадется! И чего шляется? Читала-бы лучше по покойницѣ-маменькѣ“!

А когда она скрывалась изъ глазъ, онъ начиналъ тосковать:

„И не остановилась даже... хоть-бы слово какое сказала! Что я сдѣлалъ такого, что она бѣгаетъ отъ меня? Я вѣдь не Трофимъ, охальничать не полѣзу“!..

А Настя, пригавившись гдѣ-нибудь за дверью, ждала: не пройдетъ-ли мимо Петръ Акимычъ, котораго скоро окрутятъ на саратовской купчихѣ?..

И уклонялась-то она отъ встрѣчь съ нимъ больше потому, что за ней, точно тѣнь, бродила Оеклушка.

Оеклушкѣ было лѣтъ подъ тридцать. Явилась она въ домъ Перелѣсковыхъ уже опытною бабенкой, доподлинно знавшей, что „всѣ мужчины на свѣтѣ подлые и обмануть каждаго изъ нихъ все одно, что блоху убить... сами обманываютъ бабъ на каждомъ шагу да надъ ними измываются, стало-быть, и любить, и жалѣть ихъ по-настоящему не стоитъ“...

И на подарки она была жадна: у другихъ бабъ сундучишки были на половину пустыми, а у ней до-верху всякимъ добромъ набиты. Живала она все по хорошимъ домамъ, а какъ попала въ такую полную чашу, какою былъ домъ Перелѣсковыхъ, сразу поняла, что здѣсь она себя на всю жизнь обезпечить можетъ,—будь только похитрѣй да поласковѣй.

Завѣтною мечтою Оеклушки было нажить деньги, не стѣсняясь средствами, а подъ старость—уйти въ скитъ, принять

схиму и замолить всѣ тѣ грѣхи, какіе она наворотѣла на свою шею, живучи въ городахъ да расточаючи свои грѣховныя ласки направо и налѣво.

Попавъ къ Перелѣсковымъ, Ѳеклушка сразу обратила на себя вниманіе и старика, и Трофима. Оба они по части совѣсти были покладливы, и очень естественно, что смазливая бабенка съ глазами, вѣчно подернутыми истомой и улыбававшимися ласково всякому, кто могъ дѣлать ей хорошіе подарки, тотчасъ-же заслужила отъ обоихъ расположеніе и, посмѣиваясь въ душѣ надъ тѣмъ и другимъ, складывала „благопріобрѣтенное“ въ свои кованные сундуки.

Появившаяся на горизонтѣ Перелѣсковской скуки и монотонной жизни Настя своею свѣжестью, молодостью и красотой заставила въ первыя минуты Ѳеклушку позеленѣть отъ злости. Она о всѣхъ судила по себѣ и видѣла въ Настѣ соперницу, которая въ недалекомъ будущемъ отниметъ у нея „расположеніе“ хозяйское, а вмѣстѣ съ нимъ и подарки, безцеремонно лѣзшіе къ ней въ сундуки.

Съ первыхъ-же шаговъ отношенія между читалками обострились, и Ѳеклушка рѣшила всѣми правдами и неправдами выжить Настю изъ дома, гдѣ ей улыбнулось счастье.

Настя это чувствовала и держала себя со всѣми такъ, что Ѳеклушка только теряла даромъ время, неотступно выслѣживая соперницу.

Она избѣгала хозяевъ, избѣгала „молодцовъ“, лѣзшихъ къ ней со своими гостиннодворскими любезностями, и поэтому мало доставляла пици злословію Ѳеклушки.

— Знаемъ мы этихъ недотрогъ-то!—говорила она съ досады въ кухнѣ.—Ну, да погоди, я тебя, краля писаная, поймаю!..

Настя слышала эти угрозы и смѣялась, какъ смѣялась она надъ письмами бабушки изъ деревни, постоянно совѣтовавшей ей „заслуживать ласку хозяйскую“.

На другой день послѣ пріѣзда Серапіона Петръ проснулся рано и, помолившись, по обыкновенію, Богу, отправился въ „келью“ гостя.

Но гостя уже не было.

— Онъ чуть свѣтъ изъ дому ушелъ,—доложила ему кухарка.—Торопился куда-то...

— И чаю не пилъ?

— Предлагала—не сталъ. „Я,—говоритъ,—къ вечеру, можетъ, вернусь, ежели у кого-нибудь изъ благодѣтелей не заночую“...

Старообрядка.

Петръ вернулся къ себѣ и увидалъ, выходящую отъ него, Настю.

— А я къ тебѣ на минутку забѣжала, — оглянулась она. — Хороша-ли шапочка-то вышла?

— Хороша, Настя... очень хороша. Большое тебѣ спасибо... Да ты взойди...

— И взойшла-бы, да Богъ вѣсть чего наплетутъ...

— Некому плести-то...

— Ну, найдутся охотники, Петръ Акимычъ, — отвѣтила Настя, входя вслѣдъ за Петромъ въ его комнату.

— Еще разъ спасибо, Настя, за работу, — проговорилъ Петръ, стоя передъ глядѣвшей на него съ улыбкою дѣвушкой.

— Не для тебя, чай, шила, а для отца... Авось когда и помянетъ въ своихъ молитвахъ: добрый вѣдь онъ...

— Ахъ, какой хорошій человекъ, Настя! Я его давно знаю...

— Хорошій... — произнесла Настя и, вздохнувъ, мотнула головой. — Ну, прощенья просимъ...

— Погоди, Настя.

— Оеклушка хватится, Петръ Акимычъ, она и то за мной ровно тѣнь ходитъ...

— Что ей надо?

— Помѣшала, видно, — усмѣхнулась та. — Да мнѣ-то еще съ пола-горя, про дѣвокъ чего не плетутъ, въ особенности въ домахъ купеческихъ, а вотъ что нехорошо будетъ, Петръ Акимычъ: пріѣдетъ твоя, Богомъ данная, невѣста саратовская, а ей Оеклушка и доложитъ, что, дескать, къ твоему женишку-то читалка Настасья почасту шмыгаетъ...

Петра отъ этихъ словъ такъ всего и передернуло.

— Не смѣй этого говорить... слышишь, Настя? — проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ. — У меня нѣтъ невѣсты... Это отецъ хочетъ, а онъ моего сердца не спрашивалъ...

— Охъ, не привыкли они спрашивать-то, Петръ Акимычъ... Безъ спросу женятъ и замужъ выдаютъ.

— Было, да прошло.

— Было и будетъ... И тебѣ прикажутъ, и ты родителю поперекъ ни слова не скажешь... Чужіе мы, а не свои.

— И ты, значитъ, чужая? Тебѣ ежели мать замужъ прикажетъ по своему выбору итти, и ты пойдешь?

— Пойду... Куда ужъ мнѣ, глупой дѣвкѣ, супротивъ родительницы итти! — протянула Настя и засмѣялась. — А ты и по-вѣрилъ? Къ кому душа потянетъ, къ тому и на шею бро-

шусь... А то — въ пролубь, подь ледокъ... только меня люди добрые и видѣли... Прощайте, Петръ Акимычъ!

И Настя, окинувъ насмѣшливымъ взглядомъ Петра, выско-чила въ корридоръ.

Петръ бросился за ней и наткнулся почти у самыхъ д-верей на Оеклушку.

У него такъ и закипѣло внутри...

ХІІІ.

— Ты что здѣсь таскаешься? — крикнулъ Петръ на Оеклушку.—Что тебѣ надо отъ меня?

— Ровнешенько ничего, Петръ Акимовичъ!—отвѣтила та.—А шла я на куфню съ приказомъ насчетъ лошади...

— И у моихъ дверей кстати подслушивала?

— Разразименнаэвтомъ мѣстѣ, коли ежели!—забожилась та.

— Такъ вотъ что я тебѣ, скверная бабенка, скажу: ежели ты только вздумаешь когда ни на есть мимо моихъ дверей пройти, я тебя за ворота вышвырну!—обозлился Петръ. — Ты такъ это и знай!.. Слышала?

— Ничего я такого не сдѣлала, чтобъ меня вышвыривать!—блеснула нахальными глазами Оеклушка, отступая подальше отъ Петра, который, не двигаясь съ мѣста, сердито сжималъ кулаки.—А я вотъ Акиму Спиридонычу скажу, что Настька, замѣсто чтенья-то, у Петра Акимыча и днюетъ, и ночуетъ.

Петръ поблѣднѣлъ и бросился къ Оеклушкѣ, но та уже была далеко.

— Скверная, подлая баба!—процѣдилъ онъ сквозь стиснутые зубы.—Нѣтъ, этого такъ оставить нельзя... Она и Настю погубить, и меня гнусною сплетней позорить станетъ...

Петръ, въ возбужденномъ состояніи, поднялся къ верху, гдѣ Акимъ Спиридоновичъ, совсѣмъ уже одѣтый, былъ готовъ къ отъѣзду въ городъ.

— Ты со мною, что-ль, поѣдешь, Петръ? спросилъ Акимъ Спиридоновичъ, здороваясь съ сыномъ.

— Съ вами, папенька.

— Такъ иди, одѣвайся и выходи... Чай, лошадь давно готова... Да ты, что это растрепанный какой, ровно не выпался?—спросилъ старикъ, бросая быстрый взглядъ на Петра.

— Нѣтъ, я выпался, но... Я вамъ по дорогѣ въ городъ скажу, что меня разстроило...

— По дорогѣ, такъ по дорогѣ... Видно, опять съ Трофимомъ сцѣпился! — произнесъ онъ, сдвигая брови, — охъ, ужъ мнѣ эти ваши стычки да перекоры... ровно махонькіе, ей-Богу! Пора-бы дуракамъ и поуменьтъ! Эй, кто тамъ? Шубу давай!

— Ну, что тамъ промежъ васъ вышло? — сурово спросилъ онъ Петра, когда высокая и бокастая лошадь вывезла ихъ со двора.

— Съ Трофимомъ у насъ ничего пока не произошло.

— О комъ-же ты хочешь говорить?

— О Ѳеклушкѣ, папенька...

— О Ѳеклушкѣ?—удивился старикъ,—въ чемъ дѣло?

— Покорная моя просьба, папенька... потрудитесь ее уволить.

— Это что еще? — повернулся къ сыну Акимъ Спиридоновичъ,—Ѳеклушку уволить! Да что она тебѣ дорогу перебѣжала, что-ли?

— Вы знаете меня, папенька, какой я человекъ: и обижать зря другихъ не привыкъ, и напраслину на нихъ взводить... а ежели я не желаю больше видѣть Ѳеклушки, значитъ ужъ мнѣ невтерпежъ стало.

— Диковинное дѣло! — продолжалъ удивляться старикъ.— Ни съ того, ни съ сего вдругъ... Да что у васъ вышло?

— Она грязная и скверная баба, папенька... Сегодня, часъ тому назадъ, она подслушивала у моихъ дверей.

— Охота тоже обращать вниманіе, — усмѣхнулся Акимъ Спиридоновичъ,—да всѣ бабы этимъ занимаются, потому любопытство у нихъ сатанинское.

— Не всѣ, папенька.

— А я тебѣ говорю: всѣ!.. Я бабъ больше тебя знаю...

— Не всѣ. Покойница-маменька и Марья Петровна никогда себѣ такой низости не позволяли. Если-бы только онѣ подслушивали, такъ...

Петръ запнулся.

— Что „такъ“?—уже сердито выкрикнулъ старикъ.

— Многое-бы въ вашемъ домѣ по-другому было,—увѣренно отвѣтилъ Петръ.

Акимъ Спиридоновичъ на это ничего не отвѣтилъ. Онъ долго смотрѣлъ на широкую, усердно наваченную, спину кучера и, наконецъ, спросилъ:

— Съ кѣмъ-же это ты разговоры разговаривалъ, что Ѳеклушкѣ больно любопытно стало?

— Для васъ это все равно, папенька.

— Все равно, да не одно! А коли ты отцу жалобу приносишь, такъ долженъ на его вопросы отвѣчать...

— Говорилъ я съ Настей... читалкой,—слегка покраснѣлъ Петръ.

— А это слѣдъ читалкамъ въ холостецкія комнаты завертывать? У читалокъ свои обязанности есть, и напрасно вы ихъ къ шатанію да бездѣлю приучаете! — строго замѣтилъ Акимъ Спиридоновичъ, бросивъ косоѣ взглядъ на сына.

— У нея было до меня дѣло, папенька...

— Какія-же это у васъ такія дѣла? Компанію, что-ли, торговую съ ней открыть хочешь?—усмѣхнулся старикъ. — Такъ у васъ у обоихъ и капиталовъ для этого никакихъ нѣтъ...

— Шутить вы имѣете полное право, папенька ..

— Да ужъ спрашивать твоего дозволенія не стану. .

— Только ко мнѣ ваши шутки не идутъ-съ... А зашла Настя ко мнѣ потому, что я попросилъ ее спить шапочку отцу Серапіону. Она принесла шапочку, а Ѳеклушка сейчасъ свое ухо подъ замокъ...

— Ну, шапку ты могъ-бы и на сторонѣ заказать. Это не дѣло отрывать читалокъ отъ ихъ обязанностей... Да и что такого особеннаго въ томъ, что Ѳеклушка ухо свое у твоей двери растопырила?

— Значить, она дѣлала хорошо? Такъ, по-вашему, выходить...

— Ну, хорошого-то въ этомъ мало, а только ничего нѣтъ особеннаго,—спокойно отвѣтилъ Акимъ Спиридоновичъ.—Баба, баба и есть! Отругалъ-бы ее какъ слѣдуетъ и концы въ воду!

— Но поймите, папенька, она дерзитъ и грозитъ сплетни про меня до про Настю разносить... Этого не должно быть!..

— Да что съ дуры возьмешь? Ты какъ дурака ни крести, онъ все въ воду лѣзетъ... Веди себя какъ слѣдуетъ, и сплетокъ про тебя не будетъ...

— Ну, такая тварь, какъ Ѳеклушка, и святого грязью зачернить... Я вамъ все сказалъ, папенька, и прошу меня избавить отъ напрасной клеветы... а тамъ ужъ ваше дѣло поступить, какъ вамъ совѣсть укажетъ...

— Горячій народъ! Ужъ больно не кстати горячій, — про-бормоталъ Акимъ Спиридоновичъ. — Ну, да я тамъ того... разберу...

И старикъ, поднявши воротникъ, отвернулся отъ сына.

Разобралъ онъ въ тотъ-же день, вернувшись домой изъ города. Послѣ длинной бесѣды съ Серапіономъ, затянувшейся до поздняго послѣужиннаго часа, онъ проводилъ его, со свѣчей въ рукахъ, по длинной амфиладѣ комнатъ вплоть до ком-

натки, въ которой поселился тотъ, и вернулся къ себѣ въ спальню...

Не прошло и пяти минутъ, какъ въ сосѣдней комнатѣ раздался осторожный кашель.

Акимъ Спиридоновичъ отворилъ дверь и спросилъ:

— Оеклушка, ты?

— Я, Акимъ Спиридоновичъ... Я-съ... постельку вашу разобрать...

— Самъ разберу. А ты что это тамъ... съ Петромъ, а? Гнать тебя въ три шеи просить...

— Гоните, ваша воля,—вздохнула та складывая на груди руки,—онъ вамъ сынъ родной, а я совсѣмъ чужая... Богъ накажетъ за меня-сироту Петра Акимыча... А обидѣтъ бѣдную женщину всякій можетъ... Гоните, Акимъ Спиридоновичъ! И спаси васъ Христось за вашу хлѣбъ-соль и неоставленіе, — поклонилась старику въ поясъ читалка.

— Ну, ты постой... не очень скачи-то, — остановилъ Перелѣсковъ хитрую бабенку, опускаясь на небольшой диванчикъ съ рѣзными ручками,—присядь-ка...

Оеклушка покорно подсѣла къ хозяину и устремила на него свой ласкающій взглядъ.

— Разобрать сперва надо, а тамъ и того... какъ виднѣе...

— Разберите, Акимъ Спиридоновичъ,—я всегда къ вашему отвѣту готова... и никогда изъ вашей власти не выходила... По правдѣ да по совѣсти разберите...

— Ты что тамъ шляешься его разговоры подслушивать да угрозы какія-то ему сказываешь?

Оеклушка такъ и подскочила на диванчикъ.

— Да разрази меня на эвтомъ мѣстѣ, коли это было когда,—проговорила она, торопливо крестясь.—Господи Исусе! Одинъ только Ты знаешь правду истинную,—съ глубокимъ огорченіемъ взглянула она въ уголъ на иконы и подвинулась къ Акиму Спиридоновичу,—я ему грозила! Я его разговоры подслушивала!—продолжала она уже съ негодованіемъ,—да меня за такія дѣла, какъ соринку, вы раздавить можете! И скажутъ же такую напраслину на бѣдную сироту! Богъ судья Петру Акимовичу!

— Постой! Шутъ васъ разберетъ... не такой... знаю, Петръ... Петръ не станетъ зря человѣка облыгать...

— Извѣстно, онъ вамъ сынъ родной, а я чужая, такъ развѣ возможно моимъ словамъ вѣру давать? Гоните Оеклушку Акимъ Спиридоновичъ. Для Бога гоните, не то сама уйду...

— Это еще что?—нахмурился Перелѣсковъ.

— Уйду... отъ обиды уйду... я не кака-я-нибудь... коли была у меня слабость къ одному хорошему человѣку, такъ я за это и въ отвѣтъ передъ Богомъ, а на другое что-нибудь подобное я ни за что не согласна... ни за какія деньги на подлость не пойду...

— На какую еще тамъ подлость? Да ты говори, какъ слѣдуетъ, а то трещишь, какъ сорока, ничего не поймешь!

— Какъ угодно, а только вы отъ меня больше ни одного слова не услышите?.. Вотъ вамъ и весь сказъ! Пушай лучше я погибну, нежели другому человѣку зло сотворю Богъ съ вами, Акимъ Спиридонъ, не такъ вы Ѳеклушку понимаете, и грѣшно ее обижать занапрасну. .

Ѳеклушка быстро потеряла уголокъ головного платка глаза и поднялась съ дивана.

— Сядь, глупая! — хлопнулъ старикъ ладонью по сидѣнью диванчика.—Мы это разберемъ...

— Какъ угодно, разбирайте, Акимъ Спиридовичъ, а изъ меня вы слова клещами не вытащите.

— Садись, тебѣ говорятъ!

Ѳеклушка снова сѣла и повела своими томными глазами по недоумѣвавшему лицу старика.

— Я сяду, но только словъ моихъ вы больше не услышите, потому вы моимъ словамъ не повѣрите, а зла я никому дѣлать не хочу... охъ, не такая Ѳеклушка!..

— Ну, а ежели повѣрю? Слышала?—взялъ Перелѣсковъ руку читалки.

Рука Ѳеклушки была мягкая, полная и теплая. Эта теплота передалась и Перелѣскову. Старикъ съ годами, по его словамъ, „зябнуть сталъ“ и поневолѣ сталъ любить все тепленькое: и шубу, и лежанку, и руку Ѳеклушки, которая быстро согрѣвала его холодѣвшіе пальцы.

— Вѣрю, глупая! Говори безъ опаски, — ухмыльнулся онъ игривою улыбкой.

Ѳеклушка шмыгнула къ двери, посмотрѣла въ непроглядную темь, царившую въ комнатахъ, прислушалась и, затворивъ плотно дверь, подсѣла къ Перелѣскову.

— Спаси васъ Христось, что вы бѣдной сиротинушкѣ вѣрите,—съ чувствомъ проговорила она, снимая съ бороды старика хлѣбную крошку—только дайте вы мнѣ страшное слово, что никому не скажете о моихъ словахъ.

— Даю. Что ты не знаешь меня, что-ли?

— Господи!—всплеснула та руками.—Акима Спиридонъ, что не знать? Да этакого другого справедливѣющаго человѣка

нигдѣ и найти невозможно. Никого вы въ обиду не дадите и каждаго по заслугамъ награждаете... а только и хитерь-же Петръ Акимычъ, — даромъ, что его всѣ несмысленнымъ величаютъ... хитро сплелъ басню глупую, да видно, Господь Батюшка, видючи слезы сиротушекъ, неустанно за нихъ заступничаетъ... Подслушивать его рѣчи я, Акимъ Спиридонычъ, вотъ какъ передъ Истиннымъ, и на умѣ не держала, а грозить—грозила, все, говорю, выложу твоему батюшкѣ! Ну, онъ и надумалъ меня погубить...

— За что ты ему грозила, Ѳеклуша, и что ты мнѣ сказать хотѣла?—ласково спросилъ Перелѣсковъ, поглаживая пухлую Ѳеклушкину руку своими худыми и длинными пальцами.

Ѳеклушка опустила глаза и снова ихъ вскинула на старика

— Охъ, ужъ говорить-ли, Акимъ Спиридонычъ? Гони ты меня лучше отъ себя, а словъ изъ меня не тани...

— Говори, глупая, не бойся!

Читалка оглянулась на дверь и проговорила тихо, не смотря на старика.

— На грѣхъ съ нимъ склонялъ...

— Петръ?—изумился Перелѣсковъ...

— Петръ Акимычъ,—продолжала та, не поднимая головы,— раза три склонялъ, ну, я нонче и не выдержала, коли, говорю, ты еще ко мнѣ съ тѣмъ-же пристанешь, все скажу Акиму Спиридоновичу!

Перелѣсковъ выпустилъ руку Ѳеклушки, откинулся на спинку дивана и задумался.

Въ первую минуту это ему показалось невѣроятнымъ, а въ слѣдующую—онъ уже думалъ по-другому.

„Да отчего-же и не могло этого быть? Парень холостой, мужчина—кровь съ молокомъ, жены у него нѣтъ, а если онъ и прикидывается тихоней, такъ вѣдь и всѣ они: и онъ самъ, и его старшій сынъ Трофимъ, и всѣ его знакомые такіе-же для другихъ, наружно тихони и святоши, у которыхъ на языкѣ всегда одно, а на душѣ—другое... Всѣ они нравственно—чистоплотны на-показъ, а копни-ка въ ихъ душѣ—отъ грязи не отмоешься, хоть цѣлую мыльную лавку изведи на омовеніе! Всѣ они ходятъ въ молельни, гдѣ выстаиваютъ по нѣскольку часовъ кряду, поютъ по крюкамъ, творятъ безчисленные поклонны и, совершивъ всю эту механическую работу, возвращаются въ свои семьи, каждый членъ которыхъ сходится съ другимъ только въ опредѣленное время, а въ остальное—живетъ своей собственной жизнью, скрывая отъ другихъ свои помыслы, желанія и идеалы, если только они есть у кого-нибудь.

Въ жизни, обусловленной извѣстными традиціями и узкими взглядами на общественныя и взаимныя отношенія, всегда царили нравственное убожество и невѣжество придавленнаго ума... Атмосфера такой жизни была душна, но въ ней благополучно жили сотни тысячъ людей, а задыхались только десятки. И эти сотни тысячъ не хотѣли иной жизни, не пытались даже думать о ней и умирали спокойно, оставляя завѣтъ невѣжества своему потомству. Настали другія времена, но это уже было позже, — а Перелѣсковъ былъ сыномъ своего вѣка и не могъ даже о своихъ дѣтяхъ судить по-иному.

— Спасибо, Ѳеклушка, что сказала! — проговорилъ, наконецъ, Перелѣсковъ. — Ну, да онъ у меня недолго погуляетъ... Дай только Кошельковымъ пріѣхать... Я его живо окрочу... А ты, гляди, отъ его рѣчей и растаяла. — подозрительно посмотрѣлъ на Ѳеклушку старикъ.

— Это я-то? — вскочила та съ дивана. — Да я тебѣ душу отдала, Акимъ Спиридонычъ! Аспидъ ты моего сердца!

И Ѳеклушка, охвативъ шею Перелѣскова, впилась своими пухлыми губами въ щеку разнѣжившагося старца.

XIV.

На другой день Петръ, за утреннимъ чаемъ, оставшись наединѣ съ отцомъ, спросилъ его:

— Что-же, папенька, разобрали вы мою вчерашнюю просьбу? Акимъ Спиридоновичъ, держа на пяти пальцахъ правой руки блюдечко съ дымившимся чаемъ, посмотрѣлъ хладнокровно на сына и отвѣтилъ только тогда, когда на блюдечкѣ не осталось ни одной капли.

— Разобралъ. Виновата Ѳеклушка.

И больше объ этомъ уже не разговаривалъ.

Проходили дни, а Ѳеклушка продолжала шмыгать мимо Петра, кланяясь ему на ходу съ насмѣшливою улыбочкой...

Петру стало грустно. Онъ не желалъ зла этой скверной бабенкѣ, которая, прячась по темнымъ угламъ, продолжала неотступно слѣдить за Настей, но ему было обидно за отца, не придавшаго никакого значенія его просьбѣ.

Какую онъ играетъ роль въ этомъ домѣ, когда даже родной отецъ ставитъ его на одну доску съ прислугой? Что вышло-бы, если-бы Трофимъ былъ на его мѣстѣ и пришелъ-бы къ отцу съ тѣмъ-же, съ чѣмъ приходилъ Петръ? Неужели и Трофимъ ушелъ-бы отъ отца, не солоно хлебавши?

Несмотря на свою наивность, Петру все-таки думалось, что Трофиму отецъ не отказалъ-бы ни въ какой просьбѣ, а только съ нимъ могли дѣлать все, что угодно.

Почему это было такъ, — какъ ни ломалъ онъ голову, а додуматься не могъ. И работалъ онъ не меньше, если даже не больше Трофима, и къ отцу всегда относился съ уваженіемъ, почти ни въ чемъ ему не переча, къ вѣрѣ прилежалъ ревностно, строго соблюдая наружные обряды, — а на дѣлѣ выходитъ такъ, какъ будто ему, Петру, вся цѣна мѣдный грошъ, да еще сломанный. „Развѣ одно только, что я не женатъ, — думалось Петру. — такъ не все-ли равно отцу, одинъ я ему глаза мозолю, али самъ-другъ, а то и самъ-пятъ, коли ребятишекъ разведешь? Нѣтъ, тутъ другая какая-нибудь причина... Надо поговорить съ отцомъ Серапіономъ. Это единственный человекъ въ мірѣ, которому можно всю свою душу обнажить безъ опаски и тревоги.“

И Серапіонъ, какъ на грѣхъ, позапропалъ, никакъ его не поймаешь, — одна заря вгонить въ домъ, другая изъ дому выгонить.

Петръ понималъ, что иначе и быть не могло: не за тѣмъ-же онъ въ Москву изъ дальнихъ скитовъ пріѣхалъ, чтобы только съ нимъ разговоры разговаривать. У всякаго свои нужды есть, — должны онъ быть и у скитниковъ: душу спасти — хорошо, да душа-то, какъ ты ее не верти, все въ тѣхъ-же самыхъ бранныхъ тѣлесахъ обрѣтается, которыя и одѣянія, и пищи требуютъ.

— Запарился я, дружочекъ, по благодѣтелямъ-то рыскаючи, — говорилъ Серапіонъ, заглянувъ, наконецъ, снова, послѣ недѣльнаго отсутствія, въ комнату Петра. — Охъ, и усталъ-же я, Петичка, ногъ подъ собою не слышу...

— А мы ихъ подкрѣпимъ, отецъ Серапіонъ, — обрадовался Петръ старику, запирая за нимъ дверь и бросааясь къ шкафчику.

— Иноземнымъ градомъ Лиссабономъ? Подкрѣпляй, дружочекъ, и спаси тебя Христосъ за твои ласки нелицеприятныя. И знаешь что, голубь мой, я тебѣ скажу по правдѣ и истинѣ: нигдѣ, ни въ какихъ хоромахъ и палатахъ, я не пребывалъ съ такою радостью, какъ въ твоей келіи.

— Спасибо вамъ сердечное...

— Съ отрадою отдыхаю завсегда! — окидывая ласковымъ взглядомъ Петра, говорилъ Серапіонъ, — чистота твоя душевная меня прельщаетъ... Побольше-бы въ скитъ такихъ, какъ ты, дружочекъ!

— Неужто въ вашемъ скиту спасенники-то плохи? — шутилъ Петръ.

— Со всячинкой человѣцы! — улыбнулся старикъ. — Да ты что суетишься-то, голубь мой?

— На заѣдку я вамъ припасъ' яблоки да груши сушенныя, а куда запихнулъ — запамятовалъ... Вотъ они! Слава Тебѣ, Господи!

— О многомъ печешеся, дружокъ!.. Ужъ нашель? Глазомъ не успѣлъ моргнуть... Ну, за твое здравіе и жизни долгоденствіе!..

Серапіонъ пожевалъ сушеную грушу и радостно посмотрѣлъ на Петра, который, раскраснѣвшись весь отъ хлопотъ, усѣлся, наконецъ, противъ старика.

— Не спасенники плохи, дружокъ, а языкъ человѣчскій! Не даромъ сказывается, что языкъ не князь, а многихъ топчетъ въ грязь... и другихъ чернить, и себя не бѣлить... не со всякаго языка слетаютъ одни злаки, а больше плевелы всяки... такъ-то! А отъ тебя я слова худого ни разу не слыхалъ... Охъ, и усталъ-же я, голубь мой!

— А вы вторую-то, отецъ Серапіонъ...

— Чтобъ не хромать? Можно. И Ной праведный сей сокъ одобрялъ, такъ мнѣ-то, грѣшнику, и подавно не слѣдуетъ противиться.. Хе-хе-хе... Былъ я у новоженевъ...

— Ахъ, это у тѣхъ, про которыхъ вы мнѣ рассказывали... про Великановыхъ?..

— Вотъ, вотъ... такъ встрѣтили, что мнѣ даже конфузно стало... Молодуха-то мнѣ всѣ руки исцѣловала: „все, говоритъ, я знаю, и одни вы только, меня не знаючи, могли понять!“ А меня, дружокъ, понимаешь, смѣхъ разбираетъ: такой старый грѣховодникъ, думаю, какъ я, да чтобъ бабу не зналъ, для чего-же тогда и на свѣтѣ жить?.. Хе-хе-хе... Не сказалъ я ей этого, знаешь, а отвелъ въ сторонку молодожена и спрашиваю: какъ, сыне, дѣла у васъ? Не насмѣшничаетъ теперича, поди? — Какъ рукой, говоритъ, сняло! Ха-ха-ха!.. Охъ, усталъ! Вѣришь-ли, до чего притомился, недѣлю по благодѣтелямъ порхаючи...

— Какъ не вѣрить, отецъ Серапіонъ... вамъ не вѣрить! Кому-же послѣ этого...

— Трудно, дружокъ, годы сказываются... Поклониться, говорятъ, голова не отвалится, да поклоны-то ужъ больно часты и въ спинѣ отдають... Иному ревнителю-то откеда сгибаться-то начнешь: отъ порога! А онъ, гляди, за полверсты сидитъ, ну, спина-то и начинаетъ жалиться... Хоть я, гово-

рять, и твоѣ слуга, а все-жъ-таки не дуга, не очень-то скрючивай... Хе-хе-хе!.. А по нуждѣ чего не сдѣлаешь? Коли-бъ не нужда, такъ съ пола-горя и стужа! Пришелъ я къ одному благодѣтелю. Сперва, благослови Христось, дворнику у воротъ поклонился,—пропустилъ. Попалъ на кухню — стряпухъ въ поясъ—не видитъ. Я въ другой разъ, — не примѣчаетъ. Я въ третій. „Чего, говоритъ, васъ шутъ носить не во-время? У самого сичасъ сынъ запилъ, и никакъ онъ его учеть не можетъ: не то тыщъ нѣтъ, не то милліона! Пятый стулъ объ его пьяную башку ломаетъ, а учеть не можетъ... „Сама“ воетъ бѣлугой и арникой сына поливаетъ... А ты вдругъ въ „ангельскомъ чинѣ“ прешь... уходи, а то и самъ подъ учеть попадешь!..

— Дщерь, говорю, я подожду вотъ у тебя тутъ на лавочкѣ сидючи... можетъ, на мое счастье, благодѣтель скоро учеть своего блуднаго сына...

— Сиди,—говоритъ,—мнѣ что-жъ, наскрозъ лавку не ирсидишь, а только путнаго для тебя мало выйдетъ... Стулъ-то вѣдь глупъ: ему все одно, что блудный сынъ, что „ангельскій чинъ“,—разбирать не станеть!..

Вижу, по совѣсти стряпуха сказываетъ... И только это я поднялся, чтобъ отрясти прахъ отъ ногъ, какъ вдругъ въ кухню „сама“ въ слезахъ.—Домнушка, — кричитъ,—пошли въ аптеку на рупь арники... восьмой стулъ мой иродъ объ Никашу крошить!—Я сичасъ, дружокъ, ей въ поясъ, а она мнѣ только рукой машеть: уходи, отче праведный... не до тебя: учеть!.. Хе-хе-хе... такъ и ушелъ.

— Не во-время гость—хуже татарина,—разсмѣялся Петръ.

— Во-истину, голубъ мой! Въ какой часъ попадешь!.. Вышелъ я изъ воротъ, да и думаю: къ кому теперича стопы своя направить? Дай, думаю, къ Великолѣповымъ, благо они не столь отдаленно жительствоуютъ. Зашель. Одному поклонъ, другому въ поясъ: дома?—Самъ въ городѣ, сказываютъ, а сама дома. Доложили. Приняла честь-честью.—Чайку, отецъ Серапіонъ?—Спаси Христось, пиль достаточно!.. Думаю себѣ: по-снѣдать-бы чего, потому съ утра, окромя чаю, ничего путнаго въ утробу не попало... а хозяйка мнѣ: можетъ, закусить желаете? — Съ вами ежели раздѣлить трапезу, дѣло десятое, а то—премного благодарствую.—А я, говоритъ, понедѣльничая! Присядьте, отецъ Серапіонъ!.. Присѣлъ. Сижу часъ—разговариваемъ. Сижу другой—разговариваемъ.—Вотъ у меня, говоритъ, отецъ Серапіонъ, кухарка оченно глупая: маслы путаетъ. Въ середу, говоритъ, навагу вдругъ на скоромномъ мас-

лѣ поджарила, а я наѣлась. Да ужъ потомъ чувствую: охъ, на скоромномъ это она маслѣ прижарила! На кухарку этотъ грѣхъ пойдетъ, али на меня?—На кухарку, говорю.—И я такъ думаю, что на кухарку, а только сумлѣваюсь: вдругъ на меня? И изъ-за кого я отвѣчать должна, спрашивается, изъ-за какой-то подлой бабы, которая масла путаетъ!—Нѣтъ, ужъ вы, говорю, не сумлѣвайтесь: за все кухарка отвѣтитъ!—Ну, вотъ, говоритъ, теперича я и спокойна, спаси тебя Христось, а то просто мѣста себѣ не находила... А то вотъ тоже объ Рождественскомъ постѣ было: поцѣловалась я съ одной генеральшей, а она рябчиковъ ѣла... Чья душа въ отвѣтъ за рябчика, отецъ Серапіонъ, моя, али генеральшина? Хе-хе-хе... Да, такимъ манеромъ, голубъ мой, она меня часа четыре истязала... Не зналъ, какъ отъ нея и выкатиться... Охъ, усталъ! Всѣ косточки мои, ровно колокольчики трезвонятъ... благодѣтели!

Отецъ Серапіонъ вздохнулъ и потянулъ къ себѣ бокаль съ лиссабонскимъ.

— Да! Посидить-посидить моя благодѣтельница и выпалить,—вспоминалъ Серапіонъ, прилебывая лиссабонское,—а то такъ со мной бываетъ, отецъ Серапіонъ: ѣшь постное, а отрыжка — скоромная. Съ чего это, и сама не пойму. Такъ вотъ я и хотѣла тебя, отецъ, спросить: взыщется съ меня за скоромную отрыжку, али не взыщется? Хе хе-хе... Много у васъ въ Москвѣ глупыхъ бабъ, дружочекъ, охъ, много... Глупости сколько хочешь, а тароватости никакой...

— Плохо, значить, лепту-то собираете?

— Плохо, голубъ мой. Посовѣтовали мнѣ къ Дикобразову зайти. Зашелъ. Палаты такія, любого князя принять можно. Принялъ ласково. Усадилъ въ креслицы и чаю предложилъ. „Много,—говорить, — о васъ, отецъ, я хорошаго слышалъ: и жизни вы правильной, и поступки сообразные, вотъ только не знаю, какъ вы на счетъ „окружнаго посланія“,—признаете его, или нѣтъ?“—Признаю, говорю...

— Отецъ Серапіонъ, да вѣдь вы не окружникъ!—прервалъ его Петръ.

— А ты помалкивай, дружочекъ: по нуждѣ и церковникомъ назовешься. Не всякая ложь — въ погибель, иная и во спасеніе. Я единожды съ нашимъ становымъ ветчину ѣлъ и „русскаго“ плясалъ, „ангельскаго чина“ не сымаючи.. Нужда, сказываютъ, пляшетъ, нужда скачетъ, нужда пѣсенки поетъ!—Окружникъ, говорю.— „Ну, то-то,—говорить,—я этихъ ословъ-неокружниковъ не уважаю!..“—Сталъ я ему про нужды своего скита сказывать: чуть не впроголодь живемъ, благодѣтель,

потому жертвы съ каждымъ годомъ умяются. Прежде, на поминъ души, мучку, да крупку, да рыбку благодѣтели слали, такъ что можно было иноку душу свою спасти и людскіе грѣхи замаливать, а нонѣ и эти дары въ обрѣзъ пошли! „Да,—говоритъ,—вижу, что вамъ помощь нужна хорошая. Идите, отецъ, въ мою контору внизъ, вамъ тамъ выдадутъ по этой запискѣ“. Читаю я записку съ души умилениемъ и глазамъ своимъ не вѣрю: „выдать пятьсотъ“ гласитъ записка. Я благодѣтелю въ ноги, а онъ меня подымаетъ со словами: „Владыкѣ Небесному кланяйтесь, отецъ, а мнѣ не подобаетъ поклоненіе творити!“. И я, дружочекъ, плачу, размягченный его щедротами, и Дикобразовъ плачетъ. „Я,—говоритъ,—для души ничего не жалѣю: идите внизъ, отецъ Серапіонъ!..“ Не помню я, какъ и скатился въ контору отъ радости... Всѣ внутренности мои ходуномъ ходятъ... Хорошо. Вручаю я записку приказчику главному. Повертѣлъ онъ записку, положилъ ее въ столъ и даетъ другую. Идите, говоритъ, въ тотъ уголь къ рыжей бородѣ, она вамъ выдастъ!.. Подхожу. Тотъ это — сію минуту, говоритъ, и выкидываетъ мнѣ пятьдесятъ рублей. Я на него гляжу, и онъ на меня ухмыляется... Ошибочка, говорю, съ вашей стороны произошла: пятьсотъ мнѣ слѣдуетъ, голубь мой, а не пятьдесятъ!.. Тотъ даже удивился. Вынулъ записочку приказчика и показываетъ мнѣ. Чудеса! Вижу, точно пятьдесятъ начертано. Я, дружочекъ, къ приказчику. — Ошибочка, говорю, промежду насъ вышла. — Какая, отецъ, ошибка?—Да мнѣ пятьсотъ получить надлежало, а вы насчетъ пятидесяти распорядились!.. Приказчикъ сейчасъ въ столъ и тащитъ записку. — Нѣтъ, говоритъ, ошибки никакой нѣту, вамъ только пятьдесятъ слѣдуетъ!.. Да читать-то вы умѣете, видите сказано: пятьсотъ, а не пятьдесятъ... А коли вы глазами порчены, такъ въ стеклышки посмотрите!.. А приказчикъ, дружочекъ, смотритъ на меня во всѣ глаза и спрашиваетъ: да вы, отецъ, видно въ первый разъ у насъ получаете?—Въ первый, отвѣчаю, — Да это и видно, что въ первый. Нашъ хозяинъ, отецъ, счетъ на гривеники ведетъ... Пятьсотъ гривениковъ—пятьдесятъ рублей составляютъ!.. Я такъ, дружочекъ, и присѣлъ отъ неожиданнаго огорченія. — Да для чего-жъ это благодѣтель дѣлаетъ?—спрашиваю.—А чтобъ пониже ему кланялись, да прибавки не просили, — отвѣчаетъ, — онъ у насъ умственный!..

Отецъ Серапіонъ расхохотался, и слѣдомъ за нимъ Петръ: ужъ слишкомъ оригинальнымъ показался имъ обоимъ благодѣтель!

— Да, дружочекъ! Вотъ по такимъ благодѣтелямъ походишь съ утра до вечера и сядешь на заднія ноги! Охъ, ужъ и восвояси собираться пора!

— Погостите, отецъ... Съ вами только и душу отведешь.

— Заводи другую душу, — улыбнулся тотъ, — а мою грѣшную, того гляди, въ мѣсто злачное и прохладное къ отвѣту потребуютъ... Ужъ и не знаю—свижусь-ли съ тобой... Не доживу до будущаго новолѣтія...

— Богъ милостивъ...

— Немоги одолѣвать стали, голубь мой! Прежде все, какъ съ гуся вода, а теперъ каждый лишній шагъ за большой подвигъ кажется... Ну, да не обо мнѣ рѣчь... Ты о себѣ сказывай... Хотѣлъ мнѣ что-то по душѣ сказать...

И Петръ повѣдалъ Серапіону свои неприятности.

Проговорили они далеко за-полночь. И когда Петръ проводилъ своего собесѣдника до келіи, послѣдній обнялъ крѣпко хозяйскаго сына и проговорилъ въ видѣ напутствія.

— Терпи, дружочекъ, терпи. А не въ моготу будетъ, въ нашъ скитъ бѣги! Отъ всякихъ людскихъ притѣсненій укроемъ и душу молитвой успокоимъ!..

А передъ самой масленой отецъ Серапіонъ уѣхалъ въ свой дальній скитъ, откуда обѣщалъ писать съ „оказіей“ Петру.

Петръ цѣлыхъ три дня ходилъ потеряннымъ. Тоскливо было на сердцѣ, темно на душѣ.

Акимъ Спиридоновичъ больше и не заикался о Ѳеклушкѣ, тщательно избѣгая даже малѣйшихъ намековъ на происшедшій между нимъ и сыномъ разговоръ.

Трофимъ, видимо, зналъ кое-что, но молчалъ, посмѣиваясь себѣ въ бороду и бросая ироническіе взгляды на брата.

Петръ ни на что не обращалъ вниманія. Попрежнему ѣздилъ онъ съ отцомъ въ городъ, попрежнему мимо него шмыгала по корридору Ѳеклушка и попрежнему Настя старательно избѣгала съ нимъ встрѣчь.

Съ понедѣльника у нихъ запекли блины, и по всему дому запахло гарью масла.

Акимъ Спиридоновичъ на масленицѣ всегда находился въ хорошемъ настроеніи и позволялъ какъ себѣ, такъ и всѣмъ служащимъ веселиться во-всю и выпивать лишнее.

Выѣзжалъ онъ обыкновенно въ городъ уже послѣ блиновъ

и возвращался поздно, заѣзжая изъ лавки къ кому-нибудь изъ знакомыхъ „справить“ масленицу.

Пріѣзжалъ онъ „нагруженнымъ“, требовалъ къ себѣ Ѳеклушку снимать сапоги, и все время, пока она совершала эту операцію, Акимъ Спиридоновичъ гладилъ ее по головѣ и ласково приговаривалъ:

— Дура! Ахъ, дура, Ѳеклушка! У-у, дура глупая!

— Ужъ какой Богъ уродилъ, не взыщите, Акимъ Спиридонычъ,—хихикала та.

— Ну и дура! Ахъ, дура, Ѳеклушка!..

А во вторникъ, вернувшись изъ города прямо домой вмѣстѣ съ Петромъ, онъ пріятно былъ удивленъ докладомъ отворившей имъ двери Ѳеклушки:

— Кошельковы, Акимъ Спиридонычъ, пріѣхали!..

У Петра тоскливо заняло сердце.

XV.

Петръ не пошелъ къверху, а отправился къ себѣ, свернувъ налѣво внизъ.

— Петръ, ты куда? — окликнулъ его Акимъ Спиридонычъ.

— Къ себѣ, папенька...

— Да что у тебя уши заложило, что-ли? Слышалъ, чай, кто пріѣхалъ?

— Я приду немного погодя..

— Ладно. Да ты тово... прифрантись получше да вихры себѣ Мусатовымъ смажь... Ишь, они у тебя какъ разлохматились: испугаешь еще, пожалуй, своимъ видомъ саратовскую юницу...

Петръ ничего не отвѣтилъ отцу и спустился внизъ, твердо рѣшивъ не переодѣваться и не „мусатить“ свои вихры...

На лѣстницѣ онъ столкнулся съ Настей.

— Съ пріѣзжающими, Петръ Акимычъ!—проговорила она, посмѣиваясь.

— Чортъ-бы ихъ взялъ!—проворчалъ тотъ.—Ты.. видѣла?

— Вашу невѣсту-то? Ахъ, хороша, Петръ Акимычъ! Писаная красота... Да сами, чай, увидите, а я не видала..

— Не видала, а нахваливаешь?

— Да такому красавцу, какъ ты, Петръ Акимычъ, тятенька твой рожу сватать не станетъ.

— Смѣешься ты все, Настя, а мнѣ не до смѣха! — грустно

произнесъ Петръ.—Ежели-бы ты душу мою видѣла, не стала-бы надо мной насмѣшничать... Ну, да отъ людей развѣ другого, хорошаго-то, дождешься когда-нибудь?

Настя глянула кверху и схватила за руки Петра.

— Голубчикъ ты мой! Прости ты меня, дѣвку глупую! Сама не знаю, что мой подлый бабій языкъ мелеть... Прости ты меня, Христа ради!

И Настя, схвативъ руками голову Петра, притянула его къ себѣ.

У Петра зазвенѣло въ ушахъ отъ горячаго поцѣлуя Насти, и какой-то туманъ разостлался вдругъ передъ глазами.

Когда онъ пришелъ въ себя отъ такой неожиданности, Насти на лѣстницѣ уже не было.

Онъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, какъ будто ожидая возвращенія Насти, и даже не замѣтилъ проскользнувшей мимо него Ѳеклушки; Ѳеклушка очень удивилась, заставъ Петра на полутемной лѣстницѣ въ столбнякѣ. Петръ Акимычъ, по ея мнѣнію, давно долженъ-бы былъ переодѣться по приказу старика и явиться наверхъ къ саратовскимъ гостямъ, а онъ зачѣмъ-то стоитъ на лѣстницѣ и какъ будто ожидаетъ кого-то.

„Безпремѣнно Настюшку! — сообразила она. — Ее, подлую, ждетъ!“ — чуть не вслухъ произнесла она съ затаенною завистью.

Она влетѣла кверху и притаилась въ углу, сгорая желаніемъ „накрыть“ ненавистную Настюку и поиздѣваться надъ нею всласть. Но ожиданія Ѳеклушки оказались напрасными: Петръ пришелъ въ себя, вздохнулъ глубоко и тихо спустился внизъ.

Въ своей комнатѣ онъ долго стоялъ передъ зеркальцемъ, разсматривая свое смущенное лицо, покрытое яркимъ румянцемъ. Ни одна дѣвушка не дарила еще ему такихъ жаркихъ поцѣлуевъ, и его охватило какое-то новое, неизвѣданное чувство, бурной волной перебѣгавшее по его встревоженному сердцу.

„Пожалѣла или полюбила?—думалъ онъ, съ неохотою натягивая на плечи новый сюртукъ.—Полюбила... Нѣтъ, пожалѣла! И поцѣловала отъ жалости...“

Онъ закрылъ глаза, и передъ нимъ, вдругъ, освѣщенный яркимъ свѣтомъ, вырисовался образъ дѣвушки съ синими очами и трепетными губами... Онъ чувствовалъ ея полныя, теплыя руки, схватившія его за голову, и ощущалъ на своемъ лицѣ горячее, порывистое дыханіе...

— Папенька за вами прислали, Петръ Акимычъ!—раздался Старообрядка.

за дверью вмѣстѣ со стукомъ, раздражавшій его всегда голосъ Оеклуши.

— Сію минуту, сейчасъ иду! — засуетился онъ, стряхивая съ себя отуманившій его чадъ.

— Папенька сердятся, Петръ Акимычъ!

— Пошла вонъ!—крикнулъ онъ, окончательно приходя въ себя.—Тебѣ сказано, что иду сейчасъ!

Пять минутъ спустя онъ входилъ въ столовую, гдѣ за самоваромъ давно уже бесѣдовалъ Акимъ Спиридонычъ съ пріѣхавшими гостями.

Трофима не было, и старикъ черезъ каждыя пять минутъ справлялся у прислуги: пріѣхалъ онъ или нѣтъ?

Акіма Спиридоныча, видимо, сердило отсутствіе сыновей. Онъ давно уже, про себя, надѣлялъ ихъ всевозможными эпитетами, начиная съ „дурака“, и все упрашивалъ, начинавшую скучать отъ стариковскихъ разговоровъ, дочь Кошелькова выпить еще чашечку чаю.

А старики, кажется, ужъ все и обо всемъ переговорили: и о торговлѣ, и о „видахъ на урожай“, и о своихъ попахъ, изъ которыхъ многіе открыто заявляли себя „окружниками“ и мутили ересью паству,—а сыновей все не было...

Дочь Кошелькова, выпивъ чашку чаю, зѣвнула отъ скуки и стала бродить по угламъ, разглядывая иконы, мебель и щупая матерію на драпировкахъ.

Самъ Иванъ Кузьмичъ Кошельковъ былъ довольно представительный мужчина, лѣтъ подъ шестьдесятъ, съ благообразною бородой и крупными чертами лица. Движенія его были порывисты, а голосъ звучалъ внушительно и безапелляціонно. Въ спорахъ не признавалъ ничьихъ мнѣній, кромѣ собственнаго, которое онъ считалъ непогрѣшимымъ уже по одному тому, что въ его сундукахъ лежали милліоны, а ему самому все Поволжье кланялось въ поясъ и смотрѣло на него, какъ на слѣпившее глаза солнышко, изъ-подъ ладошки. Слушалъ онъ собесѣдника всегда внимательно, а, выслушавъ, считалъ своимъ долгомъ съ нимъ не согласиться и всему разговору давалъ желательный ему одному выводъ, мало обращая вниманія на протесты.

Такъ онъ поступалъ вездѣ: и въ торговыхъ сношеніяхъ, и въ семьѣ... Это былъ патентованный самодуръ, но самодуръ, убѣжденный въ правотѣ своихъ дѣйствій и поступковъ и поэтому не знавшій предѣловъ своей дикой фантазіи. У него былъ сынъ, но сына онъ выгналъ изъ дому только за то, что тотъ осмѣлился оспаривать мнѣніе отца о какомъ-то должникѣ.

задыхавшемся въ лапахъ миллионера. Сынъ запитъ, попалъ въ „ватагу“ на рыбные промыслы въ Каспiи и погибъ въ морѣ на оторванной отъ берега льдинѣ вмѣстѣ съ другими рыбопромышленниками.

Смерть сына прошла для Кошелькова незамѣченною.

— Противъ отца пошелъ и понесъ должное наказаніе!—говорилъ онъ, заказывая своему попу паннихиду.

У него осталась одна дочь.

Евдокии Ивановнѣ или Дунѣ, какъ называлъ ее отецъ, шелъ уже двадцать шестой годочекъ, когда Кошельковъ, наконецъ, подумалъ о томъ, что надо же дѣвку и замужъ выдавать. Раньше какъ-то до нея и „думы“ не доходили,—надо было думать о дѣлахъ болѣе серьезныхъ, чѣмъ о судьбѣ единственной дочери, окруженной цѣлымъ сонмомъ разныхъ сродственницъ и приживалокъ.

Какъ-то, вѣроятно, въ свободную минуту, онъ вспомнилъ о дочери и хлопнулъ себя по лбу.

— Батюшки! Да у меня еще Дунька не выдана!—удивился онъ.—А все недосугъ! То одно, то другое, то пятое, то десятое!.. Эко дѣло какое: застарѣть дѣвку допустилъ!

Жениховъ въ Саратовѣ и ближайшихъ городахъ было много, но сунуться къ нему со сватовствомъ никто не рѣшался: ровни ему почти никого не было, а неровнѣ и думать о Дунѣ Кошельковой было нечего! Всѣмъ извѣстны были нравъ и взгляды Ивана Кузьмича, смотрѣвшаго на всѣхъ свысока и еле отвѣчавшаго на поклоны.

На туземныхъ женихахъ Кошельковъ и не остановился ни на минуту: все это такая была мелочь, о которой и думать не стоило...

Его выборъ палъ на Петра Перелѣскова. И отецъ числился въ большихъ миллионахъ, значить—Иванъ Кузьмичъ нисколько-бы себя не уронилъ въ своемъ собственномъ мнѣніи, если-бы съ нимъ породнился, и Петръ ему нравился своимъ тихимъ характеромъ и безотвѣтностью.

Во время своихъ наѣздовъ на Москву Иванъ Кузьмичъ успѣлъ присмотрѣться къ Петру Акимычу. Петръ при встрѣчахъ со своимъ покупателемъ относился къ нему всегда съ уваженіемъ и своимъ обхожденіемъ завоевалъ расположеніе саратовскаго самодура.

„Хорошій Дунькѣ мужъ будетъ!—думалъ онъ.—По-бабьи—скромень, по-мужски—привѣтливъ да обходителень...“

И когда онъ сказалъ дочери, что беретъ ее съ собой—москви-

чей посмотрѣть и себя показать, затворница вся всколыхнулась отъ радости.

— А тамъ, можетъ, и женишокъ хорошій наклонется! — продолжалъ съ усмѣшкой Кошельковъ, разглядывая, смутившуюся отъ неожиданной поѣздки, дѣвушку.

„Ахъ, дай-то Господи! — подумала она.— Ни свѣта я здѣсь не вижу, ни радости... Хоть за козла, только не въ этой тюрьмѣ!“

— Ну, что-же ты пнемъ стала? — спросилъ Кошельковъ.— Аль жаль съ Саратовымъ разстаться?

— Да я съ радостью: куда ты, туда и я!—торопливо отвѣтила та.—Москву погляжу...

— Собирайся живѣй! Завтра отправляемся!

И когда отецъ вышелъ изъ ея комнаты, Дуня перекрестилась на иконы и стукнула лбомъ о полъ.

Москва ей въ первыя минуты не понравилась, и въ особенности Рогожская. Такіе-же полинявшіе убогіе домишки, какъ и у нихъ, въ Саратовѣ, такіе-же ухабы на мостовыхъ и такіе-же холодно безлюдные покои въ домѣ Перелѣскова, какъ и у нихъ, Кошельковыхъ.

И Перелѣсковъ ей не по сердцу пришелся. Сперва осмотрѣлъ ее, какъ лошадь, съ ногъ до головы, почмокалъ губами, а затѣмъ протянулъ ей руку и расцѣловалъ помимо ея желанія.

— А важную, братъ Иванъ Кузьмичъ, ты дѣвку выростилъ!—хлопнулъ по плечу Кошелькова Перелѣсковъ, отходя отъ смутившейся дѣвушки.—Молодецъ!

— Да что-же ее не выростить-то! — ухмыльнулся тотъ въ отвѣтъ. — Губернія наша хлѣбородная, скотина, и та у насъ вся ходитъ съ нагуломъ...

— Дѣйствительно, ужъ ежели скотина, напрімѣръ, — согласился Перелѣсковъ, — такъ ужъ колыми паче о дщери родной попеченіе...

Дуня глупо улыбалась, слушая разговоры стариковъ, расхваливавшихъ ея раскормленность, и ждала, когда это, наконецъ, кончится.

Кончилось скоро. Старики заговорили о дорогѣ и забыли про дѣвушку. Вспомнили о ней только тогда, когда самоваръ на столъ подали и заставили ее „хозяйничать“.

— Ужъ вы извините, гостыюшка дорогая, что мы васъ хлопотами тревожимъ,—извинялся, лукаво улыбаясь, Акимъ Спиридонъ.—Устали, чай, съ дальней дороги-то?

— Нѣтъ, я съ удовольствіемъ, — поспѣшила та заявить, хлопая крышкой чайницы, инкрустированной перламутромъ.

— Уважьте ужъ старичковъ почтенныхъ! — кланялся ей Перелѣсковъ. — А то, признаться сказать, домъ-то мой — что чаша полная, а хозяйки ни одной нѣту... Осиротѣли, гостьюшка милая, купцы Перелѣсковы!

Когда вошелъ Петръ въ столовую, первое лицо, попавшееся ему на глаза, была Дуня, которая переходила въ это время изъ одного угла въ другой.

Она остановилась на секунду и посмотрѣла на Петра.

Петру прежде всего бросились въ глаза чрезмѣрная полнота Кошельковой, а затѣмъ крупный отцовскій носъ, сѣрые на выкатѣ глаза и полуоткрытый ротъ, изъ котораго выглядывалъ рядъ широкихъ бѣлыхъ зубовъ.

Дуня прошла далѣе, а Петръ подошелъ къ старику-Кошелькову.

— Ну, вотъ онъ. . . единый изъ двоицы, — весело проговорилъ Перелѣсковъ.

Кошельковъ, улыбаясь, протянулъ широкую ладонь Петру и притянулъ его къ себѣ.

Надо было лобызаться.

И пока онъ лобызался, Дуня застѣнчиво смотрѣла въ кудрявый затылокъ хозяйскаго сына и не трогалась съ мѣста.

— Вижу, братъ, цвѣтешь, какъ маковъ цвѣтъ!.. — одобрительно отозвался Иванъ Кузьмичъ, не выпуская изъ своихъ дланей руку Петра. — Радъ тебя видѣть... душевно радъ!.. Дуня, а вотъ тебѣ и сынъ Акіма Спиридоныча, Петръ Акімовичъ... Дочь моя, Евдокія... Прошу любить да жаловать!

Петръ повернулся къ дѣвушкѣ и протянулъ ей молча руку.

— Чаю хочешь? — спросилъ Перелѣсковъ сына.

— Нѣтъ... благодарю...

— Сытъ, коли такъ... и свинья: изъ ручекъ Евдокіи Ивановны не хочешь стаканъ пріять...

— Я не зналъ, папенька. Если Евдокія Ивановна нальетъ, то я съ удовольствіемъ...

— Каковъ! — мотнулъ головой Кошельковъ. — Москвича-то, видно, ни на чемъ не поймашь, не то что нашего брата, степняка... Мы вѣдь, Петръ Акімычъ, въ провинціи дураками живемъ... политичности не соблюдаемъ, молимся пенью, да и то съ лѣнью... Дуня, что-жъ ты Петра Акімыча его собственнымъ чаемъ не угостишь?

— Я съ удовольствіемъ!.. — бросилась та къ самовару, бросая украдкой взгляды на Петра. — Вы какъ пьете чай: въ на-

кладку или въ прикуску? — спросила она, не смотря ему въ глаза.

— И такъ, и сякъ пью.

— А сейчасъ — какъ прикажете?

— Попрошу безъ сахару.

Старики, не обращая вниманія на молодежь, продолжали начатый разговоръ.

Петръ, обжигая губы, торопливо выпилъ стаканъ чаю и спросилъ у Дуни:

— Дорога дальняя у васъ была. Какъ доѣхали до Москвы? Я думаю, — очень утомились...

— Нѣтъ, ничего. Я, знаете, въ первый разъ дѣлаю такое длинное путешествіе, и поэтому мнѣ некогда было уставать, — съ улыбкой отвѣтила дѣвушка, рѣшаясь, наконецъ, взглянуть въ глаза своего собесѣдника. — Для меня все было интересно... и тройки, и ужасные ухабы, и ночлеги на постоялыхъ дворахъ, и ямщицкія пѣсни...

— Знаете, Евдокія Ивановна, я васъ понимаю, — проговорилъ Петръ, когда замолчала Дуня. — Когда мнѣ приходится, — не каждый годъ, разумѣется, — уѣзжать въ Макарьевскую ярмарку, я оживаю... душой оживаю...

— Вотъ, и я душой тоже, — перебила его. Дуня. — Словно ты — махонькая, совсѣмъ махонькая... Тебѣ и бѣгать хочется, и смѣяться, и говорить глупыя слова, которыхъ никто не пойметъ, кромѣ тебя самой... потому что они изъ души идутъ, а не каждый можетъ твою душу понять...

— Да. Это вы вѣрно сказали. Не всякій пойметъ. Мнѣ, вотъ, нравятся, на примѣръ, постоянные дворы. Щами пахнетъ, ячменной кашей... и каждый пріѣзжій нравится... Кто онъ такой? Мнѣ любопытно. Богъ знаетъ, увижу-ли я его когда-нибудь въ жизни, а тутъ, вотъ, встрѣтились... поговорили, посмотрѣли другъ на друга... и онъ въ моихъ глазахъ не то, что я, и я въ его глазахъ тоже... Учишься чемунибудь... А сидя дома — и палаты... какъ-бы вамъ это сказать?

— Тюрьмой кажутся, — досказала Дуня, съ нескрываемымъ удовольствіемъ смотря на Петра.

— Да, да, — покосился Петръ на стариковъ. — А тамъ — просторъ, воля... И скажешь, что хочешь, и думаешь по своему... и никто тебѣ этого запретить не можетъ... Самъ большой, самъ и маленькій!..

— Ахъ, какъ это справедливо вы говорите! Я его... его, — мотнула она украдкой въ сторону отца, — и то въ дорогѣ не

слушала... Что хочу, то и дѣлаю... На дворъ пойду лошадей глядѣть, ямщикамъ за пѣсни дамъ, съ бабами поговорю...

Дуня раскраснѣлась и, подавленная нахлынувшими на нее мыслями, смолкла.

— Петръ, — выглянулъ изъ-за самовара Акимъ Спиридонычъ, — да ты бы гостѣй дорогой наши апартаменты показалъ... Что вамъ тутъ зря торчатъ-то!

Петръ поднялся. Поднялась торопливо и Дуня.

XVI.

Когда Петръ съ Дуней вышли изъ столовой въ смежную комнату, игравшую у Перелѣсковыхъ роль второй гостиной, имъ обоимъ казалось, что они и Богъ вѣсть сколько лѣтъ знакомы.

Дуня, не стѣсняясь уже, смотрѣла во всѣ глаза на Петра, а Петръ улыбался отъ удовольствія, что нашелся-таки, наконецъ, человекъ, съ которымъ можно говорить обо всемъ и по душѣ.

— Вотъ эта гостиная у насъ — маленькая, — говорилъ онъ, идя рядомъ съ гостѣй, — въ ней покойная матушка любила съ гостями бесѣдовать... Не хотите-ли присѣсть, Евдокія Ивановна... или, можетъ, желаете весь домъ нашъ осмотрѣть?

— Поспѣю еще, — засмѣялась та, — вѣдь мы въ Москву на долго приѣхали!

Кошелькова присѣла на диванъ. Петръ подсѣлъ къ ней и спросилъ:

— А у васъ домъ большой въ Саратовѣ?

— Такой-же, какъ и вашъ, только окошки у насъ поменьше... И скучный, прескучный...

— Какъ и нашъ! — разсмѣялся Петръ. — Покоевъ много, а людей мало... точно вымерли всѣ...

— У васъ все-таки веселѣе: вы пройдете, вашъ братецъ, отецъ... а у насъ — никого... Я по своимъ покоямъ вечерами боюсь даже и ходить одна: вдругъ разбойникъ выскочитъ! Чему вы смѣетесь, Петръ Акимовичъ?

— Да какъ-же не смѣяться, Евдокія Ивановна? Словно вашъ домъ — лѣсъ дремучій, гдѣ разбойники притонъ свой держатъ... Просто этотъ страхъ у васъ отъ воображенія.

— Пожалуй, что и отъ воображенія, — раздумчиво проговорила Кошелькова. — Всѣ няньки и прислужницы всегда мнѣ

однѣ только страшныя исторіи рассказывали... Я сперва, какъ только выѣхала съ отцомъ изъ Саратова, страхъ какъ большой дороги боялась... На всѣхъ большихъ дорогахъ, говорили мнѣ, разбойники разбойничаютъ... а потомъ и бояться позабыла...

— Ну, вотъ видите, какъ это просто: стоитъ только позабыть и совсѣмъ по-другому жить станешь...

— Не все позабыть можно, Петръ Акимычъ... Иное во-вѣкъ не забудешь... и хочешь, да не можешь,—вздохнула Кошелькова.

— Да... иное, дѣйствительно, трудно забыть!—покраснѣлъ Петръ, вспомнивъ поцѣлуй Насти.— И въ особенности, когда это что-нибудь новое... тобой неизвѣданное...

— У меня этого не было... новаго-го,—просто замѣтила дѣвушка, не сводя глазъ съ Петра.—Старое помнится... покойница-матушка... братъ Сережа...

— Да, я слышалъ отъ своего отца, что вашъ братъ утонулъ, кажется?..

— Утонулъ,—печально проговорила Кошелькова,—въ Каспій утонулъ...

— Вы его очень любили, Евдокія Ивановна?

— Я?—сверкнула та глазами, и слабый румянецъ разлился по ея полному лицу.—Никого я такъ не любила, какъ Сережу... Грѣхъ это, но вамъ я каюсь безъ стѣсненія... Ни мать, ни отца, никого такъ не любила, какъ его... Да и какъ не любить было Сережу? Отца я не видала по мѣсяцамъ, а близкаго человѣка, кромѣ него, у меня никого не было... Горе-ли какое, неприятность въ домѣ—все къ Сережѣ несла и отъ него одного получала утѣшеніе...

— Какъ у меня Марья Петровна была!—воскликнулъ Петръ.

— Марья Петровна?

— Да. Жена моего брата Трофима. Она умерла недавно... объ Рождествѣ... Удивительной души была... Я ее тоже... больше всѣхъ любилъ...

— Видите, какъ ваша жизнь съ моею схожа!—улыбнулась Кошелькова.—И вашъ другъ умеръ, и мой... и, кажется, мы съ вами оба сиротами круглыми остались... Я не знаю вашего отца, но думаю: онъ такой-же, какъ и мой...

— А отчего-же ему другому быть? Разумѣется, такой-же... Оба замолчали.

„Какой онъ хорошій и сердечный“,—думала Кошелькова.

„Какая она простая дѣвушка... Съ ней обо всемъ поговоришь съ удовольствіемъ!—думалъ Петръ, смотря на погруженную въ свои мысли Дуню.— И какъ много у меня съ ней

общаго... Да оно и понятно, почему: оба въ медвѣжьихъ бер-
логахъ живемъ...”

Петръ проговорилъ съ гостьей вплоть до ужина и не ви-
далъ, какъ пролетѣло время.

Къ ужину вернулся Трофимъ и, прежде всего, келейно,
разумѣется, получилъ головомойку отъ отца.

Головомойку эту, благодаря веселому настроенію Трофима,
начавшаго праздновать масленицу, онъ вынесъ, по его сло-
вамъ, „безпрепятственно“ и, явившись къ ужину съ радостною
улыбкой, долго лобызалъ старика Кошелькова, извиняясь пе-
редъ нимъ за „задержанность“ съ нѣкоторымъ покупателемъ.

Представившись довольно развязно Дунѣ, онъ подсѣлъ къ
ней за ужиномъ и, твердя поминутно про себя: „избави насъ
отъ лукаваго“, подкладывалъ ей съ ужимочками куски рыбы.

„И какъ ловко вину свою заглаживаетъ,—одобрительно ду-
малъ Акимъ Спиридонычъ, внимательно слѣдя за дѣйствіями
Трофима.— И жуликъ-же парень, не чета размазнѣ-Петькѣ!“

Дуня ѣла и смѣялась, смѣялся и Трофимъ, бросая жадные
взгляды на „полносложеніе“ саратовской купеческой дочки.

Онъ пилъ за ея здоровье, которое въ Москвѣ отъ непри-
вычки „климанта“ можетъ испортиться, пилъ за будущаго
мужа „такой достойнѣйшей особы, какъ Евдокія Ивановна“,
выпилъ-бы и за будущихъ ея дѣтей, да, къ искреннему сожа-
лѣнію Трофима, ужинъ кончился, и онъ, волей-неволей, дол-
женъ былъ подняться со стула и молиться съ другими.

Акимъ Спиридонычъ проводилъ уставшихъ гостей до при-
готовленныхъ имъ покоевъ вмѣстѣ съ сыновьями и, простив-
шись съ ними, побрелъ въ свою опочивальню.

— А дѣвка, Петрунь, знатная,—шепнулъ Трофимъ Петру,
сходя съ нимъ внизъ,—Дуняха-то!.. Тѣлеса, братъ, такія, что
прямо—избави насъ отъ лукаваго!

— У тебя все глупости на умѣ, Трофимъ! Весело, видно,
встрѣтилъ масленицу!—отвѣтилъ тотъ холодно.

— Да ужъ не по-твоему, конечно!

Петръ промолчалъ.

Трофимъ подумалъ и проговорилъ:

— А, впрочемъ, шутъ тебя знаетъ: можетъ, ты насчетъ
читалки Настасьи прохаживаешься?.. Недотрожиста ужъ боль-
но стала! Третеводни попробовалъ ее щипнуть... такъ она
меня наотмашъ, подлая дѣвка, огрѣла!

Петръ молчалъ. Въ молчаніи они дошли до помѣщенія
Трофима.

— Петрунь! Голубчикъ!—остановилъ Трофимъ брата, смотря

на него масляными глазками.—Можешь ты уважить старшего брата или нѣтъ?

— Въ чемъ дѣло, Трофимъ?—остановился тотъ.

— Ты пойми... Масленица... Всякая тварь бѣснуется... Наливочки со мной!

— Ты знаешь, Трофимъ, что я пью очень мало—это разъ, а, во-вторыхъ, неужели тебѣ не стыдно?—угрюмо проговорилъ Петръ.

— Это чего-же-съ?

— Давно-ли померла Марья Петровна, а ты... во всѣ тяжкія! Подло это, Трофимъ!

— Фью!—свистнулъ тотъ. — Спасенникъ! Живой, братъ, о живомъ и думаетъ... Она тамъ, — поднялъ онъ указательный палецъ къ потолку,—а я здѣсь... Вотъ когда и я туда попаду, ну, тогда, братъ, всему аминь! Ха-ха-ха!.. Зайди, Петрунь... Масленица! А?

— Спасибо, но дѣлать у тебя мнѣ нечего!

— Ну, конечно! Что дѣлать у родного брата! — обидѣлся тотъ.—Наплевать на него слѣдуетъ! Эхъ, Петръ Акимычъ! Не понимаешь ты Трофима, а Трофимъ къ тебѣ всей душой... Двое насъ только, ты пойми это!—ударилъ себя въ грудь кулакомъ Трофимъ, и пьяная слеза покатила у него по щекѣ.— Помретъ папенька—кому все?.. Намъ двоимъ... Все пополамъ да на двое...

— Ну, о смерти отца ты заговорилъ напрасно...

— Думаешь, долго протянетъ? Вотъ увидишь, какъ скопытится... Да ты зайди, дурашка, что мы тутъ въ коридорѣ-то?..

— Пора спать, да и тебѣ тоже...

— Поедемъ, выспимся! — махнулъ Трофимъ рукой. — А Дунька Кошелькова—дѣвка, братъ, важная... Прямо—избави насъ отъ лукаваго!.. Милліоновъ-то сколько, идолъ, загребешь!.. Все тебѣ пойдетъ отъ стараго черта... Его милліоны да папенькины... ухъ!

Трофимъ зажмурился отъ восхищенія и замоталъ головой.

— Умирать не надо! А у Кошелькова, я отъ саратовскихъ слышалъ, двадцать милліоновъ въ кошнѣ чистоганомъ... Двадцать милліоновъ!—съ благоговѣніемъ произнесъ Трофимъ.

— Ну, ежели тебѣ такъ нравятся милліоны Кошелькова,—возьми да и женись на его дочери, — невольно усмѣхнулся Петръ.

— Не стою я этого, — съ сокрушеніемъ вздохнулъ Трофимъ, — не стоитъ моя рожа такихъ капиталовъ... Не будь тебя — дѣло десятое... И потомъ папенька съ Иваномъ Кузь-

мичемъ рѣшили, чтобъ именно тебя саратовскими милліонами наградить...

— Не рано-ли немножко?

— Чего тутъ рано!—не понялъ Трофимъ восклицанія брата.—Дѣвкѣ двадцать шесть лѣтъ... Годъ-два пройдетъ, и всѣмъ кислая капуста станетъ... Счастливчикъ ты, Петруня! Ну, да я не завидую, вотъ какъ передъ Истиннымъ... Радуюсь даже, потому не въ чужой домъ капиталы пойдутъ, а въ нашъ... да! Въ перелѣсковскій! И такъ у насъ морда-то къ верху закручена, а съ кошелевскими милліонами—прямо ее на блюдѣ носить станемъ! Капиталь да къ капиталу — это, братъ Петрунька, прямо, избави насъ отъ лукаваго! Зайди, уважь Трофима!

— Я спать хочу. И самъ знаешь—не пью.

— Пригубь только, дурачекъ, а пить ужъ я стану! Надо же масленицу справить по-дѣдовски.. Охъ, пили хорошо! Ты дѣда не помнишь, а я вотъ какъ... ровно живого... Ушатами пили!.. Отецъ ужъ не то...

— И слава Богу...

— Ничего хорошаго нѣтъ, только одно стѣсненіе! Ты знаешь, у кого я нонче былъ?

— Завтра расскажешь...

— Забуду! Я, братъ, не злопамятный, не то, что ты... Ты, вотъ, всякую обиду помнишь, а я нѣтъ... Да чертъ съ ней! Вѣкъ обижаться—вѣку не дожить!..

— Обида—обидѣ рознь, Трофимъ!

— Все одинъ шутъ: иголку въ тебя запустятъ, али гвоздь... Все больно! А ты вотъ что скажи: за что тебя всѣ любятъ, а?

— Меня? Ну, ты, кажется, ошибаешься... Напротивъ, меня никто не любитъ...

— Всѣ! Всѣ!.. И жена моя покойница любила, и я... И я люблю... и отецъ... Ты не гляди, что онъ рыло отъ тебя воротить, а любить... По-своему, знаешь, а любить... И прислуга вся... Былъ я нонѣ у Веретениныхъ... Вотъ пьютъ-то! Матери честныя, старцы преподобныя! И вдругъ ко мнѣ вдовушка Худокормова... Знаешь, чай?

— Видалъ... Мелькомъ...

— Прямо—баба, избави насъ отъ лукаваго! Статейная бабенка!.. „Посватайте,—говорить,— мнѣ вашего брата, Петра Акимыча, оченно,—говорить,— я его люблю, даже во снѣ довольно часто вижу!..“ А? Всѣ тебя, шельму, любятъ!

Петръ махнулъ рукой на подгулявшаго Трофима и ушелъ отъ него къ себѣ.

Трофимъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, приглашая Петра вернуться и выслушать отъ него какую-то „страшную“ тайну, затѣмъ плюнулъ, выругалъ брата „ничтожностью“ и скрылся въ своемъ помѣщеніи.

Петръ долго не могъ заснуть, — такъ взволновали его впечатлѣнія прожитого дня.

Онъ ворочался по постели, стараясь ни о чемъ не думать, но, противъ его воли, передъ нимъ вырастали знакомыя фигуры и разгоняли сонъ.

Ему стало душно въ его маленькой комнатѣ, которая, по словамъ отца Серапіона, какъ двѣ капли воды походила на келью отшельника... Сбросивъ съ себя одѣяло, Петръ долго сидѣлъ на кровати, проклиная незваную бессонницу, и, наконецъ, рѣшилъ прогуляться по длинному и пустынному корридору, чтобы хоть нѣсколько освѣжить свою ошалѣвшую голову...

Накинувъ на плечи пальто, а на ноги—валенки, онъ прошелся по слабо-освѣщенному корридору нѣсколько разъ.

Освѣжившись, онъ хотѣлъ уже вернуться къ себѣ, какъ вдругъ услыхалъ шаги на лѣстницѣ, которая двумя маршами сбѣгала сверху внизъ.

Петръ остановился, какъ вкопанный, невольно задавая себѣ вопросъ:

„Кому это нужно бродить за полночь? Ужъ не Трофимъ-ли спяну по всему дому путается?..“

Шаги раздались ближе, и скоро въ концѣ корридора появилась высокая фигура Акима Спиридоныча.

— Отецъ!—съ удивленіемъ прошепталъ Петръ. — Что ему надо ночью?.. Ужъ не захворалъ-ли Трофимъ, избави Богъ?

Сомнѣнія Петра разсѣялись скоро. Старикъ, придерживаясь стѣны и тихо ступая слегка скрипѣвшими сапогами, подошелъ къ двери Оеклушиной комнаты и остановился...

Петръ очутился у себя и, опустившись на постель, могъ только проговорить дрожавшимъ отъ негодованія голосомъ:

— Какая низость! Какая подлость!

Трофимъ долго бурлилъ, бродя по своимъ комнатамъ, ища спички и поругивая брата, который не можетъ понимать его чувствъ и на него не вѣсть за что злобится.

Найдя спички и зажегши свѣчу, онъ сразу какъ-то успокоился, и мысли его приняли другое теченіе.

„Для чего намъ дана масленица, спрашивается? — разсуждалъ онъ.—Чтобъ не терять зря время... вотъ для чего! Ъшь, пей и веселись! Одинъ разъ она въ году показана, ну, и... возьму сичасъ склянку наливки и къ Ѳеклушкѣ... братъ не желаетъ компанію раздѣлить, такъ Ѳеклушка раздѣлитъ... бабенка она ласковая... На подарки жадна, ровно собака голодная завсегда выпрашиваетъ, ну, да чертъ съ ней, не обѣднѣемъ!“

И Трофимъ, ухмыляясь пьяною улыбкой, переодѣлся въ домашній кафтанъ, опустивъ въ просторные карманы наливку, и зашагалъ къ Ѳеклушкѣ.

Ѳеклушка, видимо, его не ждала, такъ какъ собиралась итти къ старику—разувать его, по заведенному обыкновенію.

— Съ широкой! — произнесъ весело Трофимъ, вваливаясь въ Ѳеклушкину келью. — Ну, что-же вороной-то ротъ разинула? Принимай гостя, сажай его въ передній уголъ!..

— И постылые-же вы, Трофимъ Акимычъ, право слово!.. Ну, чтобы полчасикомъ попозже...

— Это почему?

— Да къ родителю вашему сбѣгать надо, — разуть его... Никому онъ этого, акромя меня, не дозволяетъ...

— Фью!—свистнулъ Трофимъ, опоражнивая карманы.—Хватилась! Да онъ ужъ дрыхнетъ давнымъ-давно...

— А не врете?

— Вотъ дура-то! Ты думаешь: легко съ саратовскимъ гостемъ ужинать? Вотъ какъ старье нагрузилось, — насилу до спальни довелъ!

— А уложить-то кто-же Акимъ Спиридоныча?—продолжала тревожиться Ѳеклушка.

— Все, братъ, сдѣлалъ... И довелъ, и уложилъ... Нельзя: хватилъ съ гостями лишнюю чарочку и ослабъ ..

Трофимъ самъ былъ увѣренъ въ томъ, что именно такъ и было, какъ онъ рассказываетъ.

Да иначе и быть не могло; ужъ ежели онъ, Трофимъ, выпилъ за ужиномъ сверхъ положеннаго, такъ какъ-же отцу, гостя дорогого угощая, не хватить лишняго?

И доводилъ онъ отца до спальни сколько разъ, и спать укладывалъ... То-же самое, значить, и нынче было... Гость! Да еще гость-то какой: двадцать милліоновъ въ мошнѣ чистоганомъ! Съ такимъ гостемъ до всего допиться можно!..

— Съ широкой, Ѳеклушка! Погуляемъ масленицу, а тамъ и заѣгрибы съ сокрушеніемъ да въздыханіемъ... Ха-ха-ха!

Ѳеклушка успокоилась и полѣзла за чайными чашками.

— Да ты рада мнѣ аль нѣтъ?—справлялся, хихикая, Трофимъ.

— Тебѣ-то, Трофимъ Акимычъ? Да у меня другой и радости нѣту, какъ только тебя лицезрѣть.

— Ну? Врешь?

— Пора тебѣ Ѳеклушку знать! Ни одного слова непутнаго на вѣтеръ Ѳеклушка не бросила! А что ежели скажетъ, то значить, у ней на душѣ лежитъ!

— Моя душа тоже къ тебѣ стремится завсегда...

— Ой-ли? А за ужиномъ-то нонѣ, сказываютъ, она возлѣ саратовской гостьи юлила!..

— Это тебѣ кто сбрыхалъ?

— Сорока на хвосту донесла.

— Не всякая тоже сорока правильно доносить! — усмѣхнулся довольный Трофимъ.—Охъ, и дуры-же вы, бабы, Ѳеклушка!

— А кто насъ дурить? Вы-же, мужчины постылые! Разгорѣлись у тебя глаза-то на саратовскій кусокъ...

— Ха-ха-ха! Какой это кусокъ: цѣлый кусище! Охъ, дура! Юлилъ! Да какъ не юлить-то, коли отъ отца приказъ — изъ кожи вонъ лѣзть, только чтобъ угодить... Для Петра старался, глупая, а съ меня и Ѳеклушки достаточно.

— Ой, врешь, Трофимъ Акимычъ!

— На масленой и забожиться не грѣхъ! Сама увидишь, за кого улетитъ саратовская... На-дняхъ все это порѣшится...

— А я думала, что ты самъ норовишь на ней жениться!—говорила Ѳеклушка, присаживаясь жеманно къ Трофиму, и вдругъ его облапила.—Яду приму... душу свою загублю, коли что ежели,—проговорила она и такъ прижала къ своей груди Трофима, что тому душно стало.

— Пусти... задушишь, подлая!—еле проговорилъ тотъ.

— Не пушу! Чувствуй, постылый, какъ я тебя люблю!..

За спиной Ѳеклушки послышался шипящій смѣхъ. Ѳеклушку словно огнемъ обожгло. Вскочила она, хотѣла вскрикнуть, да голоса не хватило...

Дверь ея комнаты была открыта настежь, а въ корридорѣ, тряся гнѣвно сѣдою бородой, стоялъ Акимъ Спиридонычъ.

XVII.

— Чтобъ духу твоего въ моемъ домѣ не было!—зашипѣлъ старикъ, весь ходуномъ трясаясь отъ охватившаго его гнѣва.

Өеклуша опомнилась и бросилась въ ноги Акиму Спиридонычу.

— Батюшка! Акимъ Спиридонычъ! Прости ты меня, Христа ради! Ни въ чемъ я не виновата!—завопила она, хватая за ноги старика.

— Прочь... бабенка распутная!—отпихнулъ тотъ отъ себя Өеклушку.

— Ни въ чемъ не виновата, разрази меня на эфтомъ самомъ мѣстѣ... Выслушай меня, Акимъ Спиридонычъ!

— И слушать тебя, змѣю, не хочу... А ты... ты!—замахалъ онъ согнутымъ пальцемъ на Трофима.—Съ тобой я завтра... завтра поговорю.

Трофимъ пришелъ въ себя отъ отцовскихъ словъ и, согнувшись и прижимая руки къ груди, оттолкнулъ стоявшую на колѣнкахъ Өеклушку и пошелъ за старикомъ, который шаткою походкой направился кверху.

— Папенька!—воскликнулъ онъ.—Папенька!

— Завтра, говорю... Убирайся отъ меня!

— Зачѣмъ же завтра, когда сичасъ мы можемъ это предпріятіе разъяснить-съ?.. Здѣсь ступенька, папенька... поднимите ножку-съ! Собственно я даже не понимаю, изъ-за чего вы вдругъ раскипятились?

— Уходи прочь, говорятъ тебѣ!.. Не выводите меня изъ терпѣнія, Трофимъ!—остановился старикъ на лѣстницѣ.

— Не могу я этого такъ оставить... Помилуйте: масленица, и вдругъ такая непріятность... Что же это такое? За что-съ?—воскликнулъ Трофимъ, идя по пятамъ отца.—Мнѣ не пятнадцать лѣтъ, и очень обидно слышать это отъ своего родителя, котораго я люблю и уважаю... Этого такъ оставить нельзя!—бормоталъ онъ, размахивая руками за спиной Церелѣскова.—Что же это такое? Гдѣ же справедливость послѣ всего этого? Время сичасъ масленичное, братъ со мной живетъ какъ кошка съ собакой, съ кѣмъ же мнѣ пріятное время раздѣлить? Цыганки денегъ стоятъ, и вдругъ, папенька, Трофиму [скандалъ... и изъ-за чего, спрашивается? Зашелъ къ Өеклушкѣ посидѣть, только и всего съ... Папенька! Да вы слышите мои слова или нѣтъ-съ?

Старикъ остановился на верхней площадкѣ, взявъ въ руки стоявшій на стулѣ подсвѣчникъ съ горѣвшею свѣчкой и повернулся къ Трофиму:

— У тебя стыдъ-то есть аль нѣтъ? спросилъ онъ, освѣщая красную, какъ кумачъ, физиономію Трофима.

— Это вы насчетъ чего же-съ?—сморщилъ тотъ отъ свѣта вѣки.—Ежели насчетъ Оеклушки, то это совсѣмъ напрасно, папенька! Какой же стыдъ я могу имѣть къ Оеклушкѣ? Никакого-съ! Дрянъ-бабенка, плевка не стоитъ, а вы себя тревожите... Было бы изъ-за человѣка, напимѣръ, а то изъ-за Оеклушки.. Да она къ кому хотите на шею повиснетъ, была бы выгода-съ... Не я, такъ другой, не другой, такъ третій... И потомъ разсудите вы по настоящему разуму, папенька... Жены у меня нѣтъ, казакъ я вольный, слѣдовательно, взыскивать съ меня никакого разсчета нѣтъ...

— Вотъ какъ!

— Такъ точно-съ, папенька! И съ нея, съ дуры, тоже взыскать нельзя: баба-съ! А баба отъ скуки на всякую пакость пойдетъ... Оно, конечно, вамъ обидно, папенька, что она и сапоги съ васъ не сняла, и одѣяломъ со всѣхъ концовъ не затыкала, но въ этомъ я виноватъ... Вообразилось мнѣ, что я васъ одѣяломъ-то затыкалъ... Простите, Христа ради, масленица!.. А то бы она пришла, коли бы не я!

Старикъ вздрогнулъ, посмотрѣлъ на Трофима, который, благодаря возліяніямъ, готовъ былъ разговаривать „по душѣ“ не только съ отцомъ роднымъ, но даже съ Вельзевуломъ, и проговорилъ:

— Я не для разврата держу въ своемъ домѣ бабъ, дуракъ! Коли у тебя своего ума нѣтъ, чтобъ понять это, такъ ты бы спросилъ, кто тебя поумнѣ... Слышалъ?

— Даже очень хорошо слышу, но понять васъ не могу-съ,—замоталъ головой Трофимъ,—добродушно посмѣиваясь въ бородку.—Самые умные-разумные люди вамъ скажутъ, папенька, что гдѣ баба, тамъ и грѣхъ-съ!..

— Старикъ плюнулъ, проворчавъ:

— Убирайся спать, болванъ!—и отправился къ себѣ въ спальню.

Трофимъ постоялъ съ минуту на площадкѣ, сплюнулъ тоже, какъ и отецъ, и сталъ спускаться внизъ.

„И изъ-за чего разстройку поднялъ?—бормоталъ онъ, шаря въ темнотѣ стѣны.—Изъ-за Оеклушки!.. Изъ-за бабы, вниманія не стоящей... Глупѣтъ сталъ отецъ отъ старости... Здорово глупѣтъ сталъ“.

Въ корридорѣ его ждала Ѳеклушка. Трофимъ снова очутился въ ея комнатѣ и прежде всего бросился къ наливкѣ.

Ѳеклушка дрожала всѣмъ тѣломъ и плакала.

— Богъ тебѣ судья, Трофимъ Акимычъ, погубилъ ты меня, бабу глупую... Изъ любви къ тебѣ сичасъ страдать должна!— хныкала Ѳеклушка, опускаясь на стулъ.

— Ну, ну! Не вой, дура! Чего ты зря беспокоишься? Все обойдется...

— Ни въ жисть не обойдется... Завтра же меня за ворота вытолкають...

— Ну, вотъ, скажетъ тоже глупость! Мало ли что старикъ съ сердцовъ сказать можетъ... Не разула ты его, одѣяломъ не затыкала, ну, онъ и сполозь внизъ... И чертъ его зналъ, что онъ себѣ затрудненіе такое придумаетъ!..

— Говорила я тебѣ, что сбѣгать надо, а ты невѣсть что мнѣ наплелъ...

— Да, ладно ужъ... Спуталъ я... Да это все обойдется, я его сичасъ отлично успокоилъ... А ты утромъ поди къ нему да обуи... Ну, и аминь всему...

— Безъ тебя Ѳеклушка знаетъ, что ей дѣлать надо, а только не слѣдъ тебѣ было губить меня, сироту... Я, по бабьей глупости, тебѣ всей душой предалась, а ты меня подъ гнѣвъ Акима Спиридоныча подвелъ!..

— Да ужъ хорошо, будетъ, не безпокойся...

— Уходи ты отъ меня! Слышишь?—обозленно выкрикнула Ѳеклушка.—Видѣть тебя не желаю!.. Ничего у меня съ тобой отродясь не было, а ты меня передъ Акимомъ Спиридонычемъ ославилъ...

— Какъ ничего?—озадачился тотъ.

— Да такъ, ничего!—дерзко смѣрила взглядомъ Трофима Ѳеклушка.—Съ пьяныхъ глазъ-то тебѣ и не то еще померещится! А срамить себя передъ такимъ лицомъ, какъ Акимъ Спиридонычъ, я никому не позволю! Убирайся вонъ!—крикнула Ѳеклушка, у которой уже созрѣлъ планъ выйти сухой изъ воды.

— Это ты мнѣ, избави насъ отъ лукаваго?—растерянно произнесъ Трофимъ.—Ѳеклушъ! Дура! Взойди въ себя!

— Убирайся вонъ, не желаю я съ тобою бражничать! Ходить по ночамъ да честныхъ сиротъ срамить, глаза безстыжіе!

— Ну, баба!—проговорилъ Трофимъ, не зная, сердиться ему или смѣяться.—Ну, Ѳеклушка...

— Уходи, Трофимъ Акимычъ, честью тебя прошу... слы-
Старообрядка.

шалъ? — отворила Оеклушка дверь. — А не уйдешь: сичасъ „карауль“ заору... при всей тебя дворнѣ осрамлю!

Трофимъ плюнулъ и, совсѣмъ уничтоженный „дрянью-бабенкой“, доплелся до своей спальни и просидѣлъ истуканомъ часа два, повторяя по временамъ:

„Ничего не понимаю... Ничего не понимаю!“

Да и понимать было нечего: за него „понимала“ Оеклушка, выдавая всякіе виды.

— Одной печи, можетъ, на мнѣ не было, — говорила она въ откровенную минуту старухамъ-читалкамъ, — а то всѣмъ меня подлые мужчины утюжили!

Трофимъ, проспавшись, съ ужасомъ вспоминалъ вчерашнюю сцену.

„Ну, и влетитъ же мнѣ теперича отъ стараго черта! — подумалъ онъ про отца, весь даже съезживаясь отъ внутренняго холода. — Что я ему говорилъ только, дай Богъ памяти? Ничего не помню, все заспала глупая Трофимова голова!..“

Трофимъ ахалъ, стоналъ, ругалъ себя всякими „подлыми“ названіями и не зналъ, что дѣлать.

„Итти кверху али прямо въ лавку шаркнуть? Вѣдь у него какой ндравъ-то, самый звѣриный: ни Бога не побоится, ни людей не постыдится... Какъ начнетъ срамить при саратовцахъ... сквозь землю готовъ будешь провалиться! Прямо въ городъ махну, ну его къ лѣшему. Пускай лучше въ лавкѣ осрамитъ, ничѣмъ дома!“

Трофимъ умылся, одѣлся, выпилъ чуть не цѣлый графинъ квасу и сталъ напяливать на плечи шубу.

„Нѣтъ, Оеклушка-то, Оеклушка-то, подлая, какова? — вспомнилъ онъ обрывки финальной сцены, разыгранной наканунѣ имъ и читалкой. — Выгнала, кажется мени... Али не выгнала? Нѣтъ, выгнала... Помню хорошо, какъ „карауль“ орать собиралась... Ну, погоди, я тебѣ покажу обращеніе...“ Кто тутъ? — услыхалъ онъ стукъ въ дверь.

— Самъ васъ, Трофимъ Акимычъ, чай пить кверху просить, — отвѣтилъ за дверью женскій голосъ.

Трофимъ отворилъ дверь и увидалъ Настю.
„И дѣвка же, избави насъ отъ лукаваго! — подумалъ онъ, смотря на улыбающуюся читалку. — Ну ее къ лѣшему... эту Оеклушку подлую... Вотъ кѣмъ заняться слѣдуетъ... Недотрога, положимъ, ну, да я ее бархатомъ пугну... Смякнетъ!..“

— Пожалуйте чай кушать,— снова сказала Настя, повертываясь, чтобы уйти.

— Постой!— остановилъ ее Трофимъ.— Взойди сюда...

— Зачѣмъ, Трофимъ Акимычъ? Ничего, кажется, я у васъ не забыла...

— И не забыла, да найдешь что-нибудь лестное...

— Ничего мнѣ не надо, а чужого и подавно...

— Эка какая ты несговорчивая!.. А все по глупости... Ты умнѣй, Настасья! Въ Москвѣ дуракъ пропадетъ...

— Съ меня и своего ума достаточно... Да и велико ли мое дѣло, по-правдѣ сказать! Большого ума не требуется...

— Да ты взойди... На минуто-то...

— А вы опять щипаться начнете? Покорно спасибо... Меня за синяки-то всѣ бабы загрызутъ...

— Да не стану... Вотъ тебѣ крестъ!— побожился Трофимъ.— Коли не любишь, и не стану... Не понимаешь ты меня, Настя... Сичасъ провалиться, не понимаешь,— говорилъ онъ, когда Настя вошла въ комнату.— Озолотить тебя могу... Поняла?

— Ничего мнѣ не надо, я на золото не жадная... Вы за этимъ меня позвали, значить?

— Нѣтъ... Ну, вотъ, дура... Эхъ, Настасья!.. Ну, да ладно, объ этомъ мы потомъ съ тобой... А ты вотъ что скажи: отецъ гдѣ сичасъ?

— Въ столовой, за самоваромъ...

— Такъ. А саратовскіе гости съ нимъ?

— Молодуха-то спитъ еще, а старичекъ въ моленную попросился помолиться...

— А что отецъ... ничего? Не золь?

— Не знаю-сь. Увидалъ меня и крикнулъ, чтобъ васъ чай пить прислать...

— Охъ, нехорошо!— почесалъ Трофимъ въ затылкѣ и спустилъ съ плечъ шубу.— Ну, что же ты ротъ разинула?— крикнулъ онъ съ раздраженіемъ на читалку:— иду сичасъ!

Трофимъ заторопился. Ему хотѣлось предупредить саратовскаго гостя, который навѣрно долго промолится въ моленной, и принять головомоюку безъ свидѣтелей...

По лѣстницѣ онъ взбѣжалъ, шагая черезъ двѣ-три ступени, и понесся въ столовую, точно за нимъ гналась цѣлая стая собакъ.

Влетѣлъ онъ въ столовую запыхавшись и бросилъ по всѣмъ угламъ тревожные взгляды. Въ столовой, кромѣ старика, спокойно схлебывавшаго съ блюдечка чай, который съ легкимъ урчаніемъ переливался въ его желудкѣ, никого не было.

Трофимъ вздохнулъ свободно, вытеръ платкомъ выступившій на лбу потъ отъ усиленнаго марша и, несмотря въ глаза отцу, подошелъ къ нему.

— Съ добрымъ утромъ, папенька,—проговорилъ онъ, прикладываясь къ плечу Акима Спиридонича, очевидно съ большимъ аппетитомъ вкушавшаго теплую влагу.

Перелѣсковъ мотнулъ головой, поставилъ опорожненное блюдо на столъ, медленно наполнилъ его снова жидкостью изъ чашки и проговорилъ:

— Садись и пей!

Трофимъ быстро налилъ себѣ чашку и взглянулъ на отца... Старикъ былъ совершенно спокоенъ и усердно дулъ вытянутыми впередъ губами на дымившееся блюдечко.

„Послѣ этого блюдечка и начнетъ,—подумалъ Трофимъ, пряча голову за самоваръ.—Пьетъ и слова для гонки обдумываетъ... Знаю я, братъ, тебя!..“

Тянулъ свое блюдечко Акимъ Спиридоничъ долго. Чай ли ужъ былъ слишкомъ горячъ, или его желудокъ пресытился горячимъ пойломъ, Богъ его знаетъ, но только Трофиму пять минутъ, въ теченіе которыхъ опорожнялось блюдо, показались цѣлой вѣчностью.

„Вотъ, взойдетъ Иванъ Кузьмичъ, и тотчасъ же начнется исповѣдь. Старики—народъ безтолковый, осрамить имъ сына передъ людьми ровно ничего не стоитъ. Для самодуровъ законовъ нѣтъ: захотѣлъ—осрамилъ, захотѣлъ—возвеличилъ“.

Трофимъ не выдержалъ.

— Папенька!—проговорилъ онъ.

— Ну?—откликнулся тотъ.

— Я вамъ хотѣлъ объяснить насчетъ вчерашняго происшествія,—слегка дрожавшимъ голосомъ продолжалъ Трофимъ, выглядывая изъ-за самовара однимъ глазомъ.

Акимъ Спиридоничъ опрокинулъ чашку на блюдо, посмотрѣлъ на иконы и перекрестился набожно.

— И объяснять нечего, все знаю!—проговорилъ онъ, хитро улыбаясь.—Я, братъ Трофимъ, все знаю, что въ домѣ дѣлается...

— Да это такъ и должно происходить, потому вы — глава дома, и всѣ по вашему слову живутъ-съ...

— Все знаю!—твердилъ старикъ.

— Вы не подумайте, что съ моей стороны что-нибудь насчетъ Оеклушки или чего иного прочаго...

— Знаю! Масленица... чего ужъ тутъ! Назюзился и пошелъ съ бутылкой бродить... Компаніи настоящей не нашель, такъ

къ читалкѣ затесался... Все это ничего, Трофимъ... Время такое, гулевое... А вотъ что нехорошо охальничать... Ты пить—пей, да себя помни... Разума не теряй...

— Виновать-съ...

— Насильно къ себѣ на колѣна Оеклушку вдругъ посадилъ! Ну, съ чѣмъ это сообразно, Трофимъ?

Старикъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на сына, опустившаго виновато голову, и продолжалъ:

— Ну, хорошо еще, что она бабенка робкая, а другая бы на ея мѣстѣ, которая дерзостная, такъ она бы тебѣ изъ рожи такой луковый блинъ сдѣлала, что людямъ показаться срамно бы было.

„Вотъ-те фунтъ!—подумалъ изумленный Трофимъ.—Ай-да Оеклушка! Извернулась-то какъ ловко, змѣя подлая!“

— А у насъ чужіе гостятъ! Саратовскіе! Хорошо бы было тебѣ нонѣ съ расцарапанной-то мордой явиться къ нимъ? Фамилію свою, Трофимъ, не соблюдаешь!

— Виновать-съ...

— Ты скажи спасибо Оеклушкѣ, что она о нашихъ гостяхъ подумала и отъ сраму тебя избавила... Такъ-то! Въ ноги ей поклонись за это, что она о нашей гордости думаетъ, а не зря хлѣбъ жретъ!.. И чтобъ этого больше не было!—добавилъ старикъ, увидавъ входящаго въ столовую Кошелькова

Трофимъ торопливо допилъ чашку, поздоровался съ саратовцемъ и подошелъ къ отцу.

— Я въ городъ, папенька-съ...

— Отправляйся съ Богомъ...

Трофимъ вышелъ и встрѣтился съ Оеклушкой, которая шла ему навстрѣчу со сливками.

— И пройда же ты, Оеклушка! — не утерпѣлъ сказать Трофимъ.

— Оставьте сироту, въ покоѣ, чай, видите сливки, несу,—отвѣтила та и фыркнула.

Трофимъ плюнулъ.

XVIII.

Петръ ничего не зналъ про ночныя происшествія. Онъ видѣлъ только отца, остановившагося у дверей Оеклушкиной комнаты, и тутъ только понялъ, почему Оеклушка можетъ дерзить ему, хозяйскому сыну, сколько угодно, не страшась ответственности.

„Какая у насъ въ домѣ подлость заведена,—подумалъ онъ утромъ, отправляясь кверху,—да у насъ-ли только однихъ? И уйти отъ этой грязи некуда: вездѣ одно и то-же“.

Старики мирно бесѣдовали за самоваромъ, когда въ столовую вошелъ Петръ. Не смотря на отца, онъ приложился, по обычаю, къ его плечу и поздоровался съ Кошельковымъ.

— Ужъ и спать-же я съ дороги ровно убитый!—говорилъ Кошельковъ,—а моя дочь и до сей поры еще не просыпалась... и будить жалко.

— Зачѣмъ дѣвицу будить, пускай отсыпается: веселѣй встанетъ!—замѣтилъ Акимъ Спиридоновичъ, усмѣхаясь.—Придетъ время, выйдетъ замужъ и сама рано вставать начнетъ, чтобы мужа въ лавку проводить...

— Забота будетъ!—согласился Кошельковъ.

— Вотъ я и Петру своему говорю: женись, что ты безъ заботы-то по всѣмъ угламъ тычешься...

— А что-жъ, это и справедливо,—поддакнулъ Кошельковъ,—какой ужъ это человѣкъ, который безъ заботы живетъ...—Такъ, что-ли, Петръ Акимычъ?

Петръ молчалъ.

— Пора, пора, милый, и о брачномъ вѣнцѣ подумать, — продолжалъ Иванъ Кузьмичъ,—какая ужъ это птица, ежели у ней своего гнѣзда нѣтъ?

— Да ужъ мы съ нимъ рѣшили гнѣздо завить,—усмѣхнулся Акимъ Спиридоновичъ.

— Я, папенька?—съ удивленіемъ спросилъ Петръ.

— Ну, да... и ты, и я... за однимъ у насъ дѣло стало..

— За птичкой-синичкой?—догадался Кошельковъ, посмѣиваясь,—ну, это не бѣда. Стоитъ такому молодцу, какъ вашъ Петръ Акимычъ, свистнуть, любая птица на свистъ прилетитъ.

— Вы такъ думаете, Иванъ Кузьмичъ? — спросилъ Акимъ Спиридоновичъ.

— Объ закладъ могу побиться... любая прилетитъ!

— Слышишь, Петръ?

— Слышу, папенька...

— Кланяйся Ивану Кузьмичу, да пониже, за такое лестное о тебѣ мнѣніе...

— Я и такъ всегда имъ благодаренъ за хорошее ко мнѣ отношеніе, и они сами это знаютъ...

— Хорошій онъ у васъ парень, Акимъ Спиридоновичъ... За глаза и въ глаза скажу... Робковать онъ маленько, ну, да это, пожалуй, и не плохо, а другихъ пороковъ въ немъ я никакихъ не вижу.

— Не захваливайте его, Иванъ Кузьмичъ, пожалуй, по глупости, еще и возгордится...

— И возгордиться не мѣшаетъ: не какого-нибудь Обрывкова сынъ, а Перелѣскова... Такихъ старинныхъ купеческихъ фамилій, гляди, и въ Москвѣ-то немного...

— На перечетъ!—самодовольно поглаживая бороду, отвѣтилъ хозяинъ,—при матушкѣ еще Екатеринѣ мой дѣдъ гильдію платилъ... а нонѣ какіе большіе купцы пошли—либо изъ мастеровъ, либо изъ сновальщиковъ... Ихъ дѣды-то и въ глаза сапоговъ не видали, лапти, гляди, и тѣ съ ноги сваливались...

— Вотъ то-то и есть! А намѣтили для своего гнѣзда птицу-то, Петръ Акимовичъ?—хлопнулъ Кошельковъ по плечу Петра.

Петръ вздрогнулъ и поморщился.

— Я еще не думалъ объ этомъ, Иванъ Кузьмичъ ..

— Это отъ робости, милый,—весело разсмѣялся тотъ,—а коли самъ стѣсняешься, препоручи другому за тебя подумать... Ну, вотъ-бы хотъ мнѣ, къ примѣру... По рукамъ, что-ль, а?

— Да его и спрашивать нечего,—отвѣтилъ за сына Акимъ Спиридоновичъ,—по глазамъ видно, радъ радехонекъ...

— Ладно, подумаю. И на хорошую птицу тебѣ укажу... а залучить-то ее въ гнѣздышко твое мнѣ предоставь... Старики-то, знаешь, народъ опытный и каждую птицу насквозь видятъ... гожа она хорошему охотнику, али не гожа... хе-хе-хе... Ну, а теперь, Акимъ Спиридоновичъ, поѣдемъ къ тебѣ въ лавку товаръ отбирать...

Старики поднялись, помолились на иконы и поклонились другъ другу...

— А Трофимъ Акимычъ гдѣ?—вспомнилъ Кошельковъ.

— Экъ вы хватились, онъ уже давно въ городѣ.

— Такъ. И Петръ Акимычъ тоже отправится?

— Безъ него дѣло обойдется... Пушай масленицу справляетъ!—улыбнулся хозяинъ, смотря на удивленнаго сына. — А то проснется дорогая гостыюшка, Евдокія Ивановна, а насъ никого и дома нѣтъ... Затоскуетъ еще, гляди, одна оставшись...

— А Петръ Акимычъ ей за пріятную компанію будетъ? Это хорошо,—согласился съ довольною улыбкой Кошельковъ.—Не обижайте только ее безъ отца-то,—смѣялся онъ.—Вѣдь одна она у меня, какъ перстъ, и сиротинушка полукруглая...

Петръ пробормоталъ что-то и поклонился Кошелькову.

Старики пошли въ переднюю. Перелѣсковъ отсталъ немного отъ гостя и шепнулъ Петру:

— Мы съ нимъ покончили. Теперь за тобой дѣло!..

Петръ хотѣлъ отвѣтить отцу, но тотъ уже догналъ Кошелькова и, подхвативъ его подъ руку, направился въ переднюю.

„Ну, что я съ ней цѣлый день буду дѣлать? — подумалъ Петръ, смотря изъ окна на опущенный инеемъ садъ. — Они покончили, — да я-то еще не покончилъ... Вотъ, у нихъ есть Трофимъ, которому положительно все равно: жениться или нѣтъ. Пускай его и женятъ“.

Онъ прошелся по пустыннымъ комнатамъ и спросилъ у бѣжавшей мимо прислуги: не вставала-ли Кошелькова?

Оказалось, что та еще почивала и не велѣла себя будить.

Наказавъ извѣстить его, когда та выйдетъ къ чаю въ столовую, Петръ заглянулъ отъ скуки въ моленную, затѣмъ зашелъ въ одну изъ дальнихъ комнатъ и совершенно неожиданно засталъ тамъ Настю, убиравшую въ шкафы служебныя книги.

— Петръ Акимычъ! — удивилась та. — А я думала, что ты давно уже въ городъ уѣхалъ...

— Остался дома, — угрюмо проговорилъ онъ. — Гостя одна, — такъ отецъ велѣлъ занимать ее...

Настя отвернулась и промолчала.

— А ты что тутъ дѣлаешь, Настя? — спросилъ Петръ, подходя ближе.

— Чай съ калачами пью! Не видишь словно, что...

— Не помочь-ли тебѣ?

— Не надо... Да я уже все сама уложила.

Настя хлопнула дверцей шкафа, заперла на ключъ и пошла изъ комнаты, не смотря на Петра.

Петръ не оглянулся даже, — до того было скверно на его душѣ.

Правда, Дуня Кошелькова была простая дѣвушка, съ душой и, повидимому, съ добрымъ сердцемъ, но все-таки она не та, которую-бы онъ хотѣлъ назвать своею женой.

Почему? Онъ и самъ не могъ разобраться. Вчера она ему очень понравилась своею обходительностью, своимъ сердечнымъ разговоромъ, а сегодня онъ уже почти ненавидѣлъ ее.

Могъ-ли онъ полюбить ее, какъ жену, какъ друга, какъ спутника на всю жизнь?

Петръ закрылъ глаза, и предъ нимъ тотчасъ-же выросла... Настя!

А Настя, выйдя изъ комнаты, остановилась.

„Вотъ окликнетъ“, — думалось ей, но оклика не было.

Ей стало обидно.

И ничего, кажется, она оскорбительнаго ему не сказала, а

не зоветъ! Окликаль-же, вотъ, прежде, а сейчасъ, какъ при-
ѣхала эта саратовская тумба, такъ и оклику нѣтъ!

Закипѣло у ней на сердцѣ. И плакать хотѣлось, вотъ какъ
плакать: рѣкой разлиться и ее, эту саратовскую миллионершу,
въ тѣхъ слезахъ утопить, и Петра Акимыча язвительнымъ
словомъ обидѣть, и свою голову потомъ объ стѣну расколотить.

А въ перелѣсковскихъ покояхъ тишина невозмутимая,—слы-
шенъ только дальній бой старинныхъ часовъ съ уныло-звоня-
щими колокольчиками, да вой морознаго вѣтра въ печныхъ
трубахъ.

Отворила она осторожно дверь, заглянула въ комнату и
видитъ: стоитъ Петръ Акимычъ у окна, зажмуривъ глаза и
повѣсивъ на грудь свою кудрявую голову.

Подошла она къ нему, а онъ не слышитъ. Дотронулась до
него рукой—не чувствуетъ.

Дрогнуло у Насти сердце, и яркій румянецъ разлился по
ея щекамъ.

— Ахъ, Настя, Настя!—вырвалось у Петра.

„Обо мнѣ думаетъ!“—подумала Настя и охватила руками
шею Петра.

Петръ отъ испуга чуть не закричалъ, да поздно было...

— Милый мой! Красавецъ! — шептала она, осыпая его по-
цѣлуями.—Пуще жизни тебя полюбила... и не саратовской тебя
такъ цѣловать да миловать, какъ Настя тебя цѣлуетъ, любя!

Поздно проснулась Евдокія Ивановна Кошелькова. Помимо
устали отъ дальней дороги, саратовская дѣвица любила поспать
въ свое удовольствіе.

Да въ саратовскомъ „теремѣ“ больше и дѣлать было нечего;
предоставленная самой себѣ, рѣдко выдавая отца и, вмѣстѣ
съ тѣмъ, не смѣвшая безъ него показываться въ обществѣ,—
Евдокія Ивановна, прочитавъ всю духовную библіотеку отца
и съ малолѣтства вызубривъ наизусть всевозможные каноны,
сообразила, что ей въ жизни ничего больше не остается, какъ
только ѣсть, пить, молиться въ положенное время и спать,—
спать до одурѣнія, спать до отупѣнія!

Свѣтскихъ книгъ, кромѣ стараго, затрепаннаго тома „Сто
русскихъ литераторовъ“, Богъ вѣсть какими судьбами попав-
шаго въ домъ Кошелькова,—у нея не было, да и не могло быть,
потому что Иванъ Кузьмичъ никакой литературы не призна-

валь, кромѣ старообрядческой. А всѣ эти „двѣтники“ и „маргариты“ давнымъ-давно уже набили ей оскомину.

Она заинтересовалась-было „Окружнымъ посланіемъ“ Кссноса-Илларіона, но отецъ, случайно увидавшій это „посланіе“ въ рукахъ дочери, чуть-было не предалъ ее анаѳемѣ и при ней-же это „посланіе“ сжегъ въ каминѣ, ругая автора еретикомъ и богохульникомъ.

Она смутно чувствовала „неправду“ отца, но ни перечить ему, ни спорить съ самодуромъ не могла. Да и къ чему-бы это повело? Въ худшемъ случаѣ — къ кулачной расправѣ, въ лучшемъ — къ ссылкѣ въ одинъ изъ Керженскихъ скитовъ къ матери Епистиміи, дальней родственницѣ Ивана Кузьмича, устроившей скитъ на кошельковскія денежки. Хорошо, ежели въ скитъ ушлетъ на послушаніе, гдѣ, она слышала, куда веселѣе живется, чѣмъ въ мертвенно-пустынныхъ покояхъ отца, а какъ изуродуетъ во гнѣвѣ и на вѣкъ не человѣкомъ сдѣлаетъ?

И—уснула Евдокія Ивановна, единственная наследница миллионовъ Ивана Кузьмича, и спала до тѣхъ поръ, пока отецъ не повезъ ее въ Москву...

Она оживилась, въ ней пробудились вдругъ новые интересы къ жизни, стремленія, надежды, но привычка брала свое... Можно мечтать, стемиться въ высъ и вдаль, но... поспать подольше тоже не мѣшаетъ...

Проснулась она часовъ въ двѣнадцать, зѣвнула и—увидала передъ собой Феклушку, которая кланялась ей въ поясъ и, сладко улыбаясь, справлялась, какъ „красавица почивать изволила“...

Наканунѣ она помогла гостѣмъ раздѣться и теперь, по приказанію Акіма Спиридоновича, явилась къ ней снова со своими услугами.

Услуги эти заключались больше въ болтовнѣ, благодаря которой Евдокія Ивановна въ какіе-нибудь полчаса узнала жизнь обитателей перелѣсковскаго дома.

Больше всѣхъ досталось отъ язычка Феклушки Петру, котораго она выставила въ глазахъ гости не то полоумнымъ, не то юродивымъ.

Такого приказанія отъ Акіма Спиридоновича она, конечно, не получала, но дѣйствовала по своему плану и на свой страхъ; за-то Трофима она превозносила до небесъ, надѣляя его такими достоинствами, о которыхъ тому даже и во снѣ не снилось.

Кошелькова плохо вѣрила Феклушкѣ, но слушала ее охотно изъ простаго женскаго любопытства, и когда пришли въ сто-

ловую „къ чаю“, она знала много такого, о чемъ никто не зналъ, да никто и знать не могъ, потому что этого никогда и не было.

Она пріятно удивилась, встрѣтивъ въ столовой Петра Акимовича.

— Какъ? Вы не въ городѣ нынче?—спросила она, здороваюсь съ нимъ.

— У меня было дома дѣло утромъ... въ конторѣ,—отвѣтилъ тотъ,—а затѣмъ остался, чтобъ вамъ не было скучно.

Кошелькова покраснѣла отъ удовольствія.

— Я очень вамъ благодарна, Петръ Акимовичъ! — проговорила она.—Боюсь одного только, какъ-бы вамъ со мной не соскучиться...

— Я уже привыкъ скучать одинъ, такъ давайте вмѣстѣ скучать... Это, пожалуй, веселѣе будетъ!

Кошелькова засмѣялась и посмотрѣла на оживленное лицо Петра Акимовича.

„И совсѣмъ онъ не похожъ на юродиваго! — подумала она, вспомнивъ рассказы Ѳеклушки про Петра.—Тихъ вотъ только, такъ можетъ поэтому его юродивымъ прозвали... Да и правда-ли это? Не сама-ли Ѳеклушка это сочинила со злобы?.. Злиться вотъ только, кажется, на него нельзя: при своемъ характерѣ едва-ли онъ кому вредъ сдѣлаетъ...“

Не понравились ей въ Ѳеклушкѣ рабская лесть, въ которой та обыкновенно пересаливала, да черные глаза, въ которыхъ одна только злость бѣгала. Вотъ у другой читалки, которую она вчера мелькомъ раза три видѣла, и глаза такіе ясные да добрые, и не лестью они, а лаской душевной свѣтятся и услугъ своихъ та никому не навязываетъ...

Нѣтъ, нехорошая бабенка эта Ѳеклушка. И съ угожденіемъ лѣзетъ безъ пути и, совсѣмъ ее, Кошелькову, не знаячи, всю ей подноготную про своихъ хозяевъ рассказываетъ... Остерегаться такой женщины надо, а то она и про нее Богъ знаетъ что наплететъ Перелѣсковымъ... Вотъ и онъ, Петръ Акимовичъ, не такъ ужъ сегодня на нее глядитъ, какъ вчера... съ насмѣшкой какъ-будто, чего вчера не было .. Значитъ, Ѳеклушка успѣла ужъ что-нибудь и про нее сказать нехорошее или смѣшное...

Евдокія Ивановна вся даже вспыхнула отъ такого предположенія и спросила Петра, смущенно помѣшивая ложечкой чай въ чашкѣ.

— Скажите, пожалуйста, Петръ Акимычъ... давно у васъ живетъ читалка?..

Петръ измѣнился въ лицѣ.

— Какая читалка? — спросилъ онъ, не смотря на Кошелькову, — у насъ ихъ двѣ...

— А, эта... черноглазая... память-то у меня плохая...

— А, это вы про Оеклу, вѣроятно, спрашиваете?

— Да, да... теперъ я вспомнила... Оеклушей ее зовутъ.

— Да года два, если не больше... Она васъ интересуеть, кажется?

— Нѣтъ, а... она мнѣ услуживаетъ... вѣроятно, вашъ батюшка ее ко мнѣ для услугъ приставилъ.

— Кромѣ отца, у насъ распорядиться некому...

— Что она за человѣкъ такой, скажите? Вы простите, что я съ вами попросту говорю... Вчера мы съ вами такъ-же разговаривали...

— Очень даже радъ, Евдокія Ивановна... Мнѣ, напримѣръ, она не нравится... языкъ у ней скверный...

— Это и я замѣтила! — воскликнула Кошелькова, — а я такихъ тоже не люблю... Знаете, чѣмъ дальше отъ такихъ, тѣмъ лучше... Вотъ я и не знаю, право какъ мнѣ быть... ужъ вы простите, что я къ вамъ съ просьбой... Вашего старика мнѣ беспокоить не хочется, а вы это устроите... Мнѣ бы для услугъ другую... глаза у ней такіе ясные... навѣрно, хорошій человѣкъ... Настей ее, кажется, зовутъ?

Петръ покраснѣлъ и проговорилъ съ смущеніемъ:

— Да, Настей! Прекрасная дѣвушка... Я поговорю съ отцомъ!

XIX.

— Пожалуйста, поговорите... Я не знаю, долго ли мы проживемъ въ Москвѣ.

— А вамъ развѣ отецъ ничего не говорилъ?

— Нѣтъ, ничего! — отозвалась та и вдругъ покраснѣла. — Такъ, шутилъ только... „Можетъ, — говоритъ, — и совсѣмъ въ Москвѣ жить останешься... Приглянется женишокъ, и сдѣлаешься москвичкой“... Да это просто шутка...

— Почему же шутка, Евдокія Ивановна? — спросилъ Петръ. — Какъ будто это такое неисполнимое дѣло?..

— Страшно, знаете, выйти замужъ за человѣка, котораго совсѣмъ не знаешь... а я вѣдь никого не знаю... Васъ вотъ только да Трофима Акимыча, да и то со вчерашняго дня... Хорошо, ежели, на мое счастье, человѣкъ хорошій попадется,

добрый да душевный, а какъ пьяница да грубый человекъ?! всю жизнь маяться станешь... Вѣдь вотъ, васъ хотъ бы взять: почему вы до сихъ поръ не женились? Вы простите, что я такъ прямо спрашиваю!..

— Пожалуйста, спрашивайте,—отвѣтилъ Петръ, и голосъ его слегка дрогнулъ.—И я вамъ прямо отвѣчу: потому и не женился, что ни одной дѣвушки по душѣ не было... А такъ жениться, на комъ попало, на первой встрѣчной,—себя въ кабалу на вѣкъ отдать...

— Ну, вотъ, видите... и я такъ разсуждаю... Ужъ ежели выйти, такъ за хорошаго человекъ, котораго знаешь вдоль и поперекъ, а не за того, который тебѣ предложеніе сдѣлаетъ...

— А какъ вашъ батюшка на это дѣло смотритъ?

— А, право, не знаю,—усмѣхнулась Кошелькова.—Ни разу не приходилось его спрашивать... Да и разговаривать-то съ нимъ я разучилась... Вотъ еще въ дорогѣ мы съ нимъ говорили и много говорили отъ скуки, а дома я его по цѣлымъ недѣлямъ не видала, а ежели и увижу, такъ на часъ какой-нибудь, на два... Да онъ съ женщинами и разговаривать не любитъ, а придется говорить,—такъ сейчасъ же на нихъ кричать начинаетъ. Ну, кому же охота къ нему лѣзть? А вашъ батюшка не такой?

Петръ усмѣхнулся тоже и рукой махнулъ.

— Однимъ муромъ наши отцы, видно, мазаны!

— Выходитъ, что однимъ!—вздыхнула Кошелькова.—А вы какую бы хотѣли себѣ жену взять, Петръ Акимычъ?

— И не думалъ объ этомъ ни разу!—какъ-будто даже удивился Петръ этому обстоятельству.

— Ну, ужъ это позвольте вамъ не повѣрить...

— Чистую правду вамъ говорю! Хотите вѣрьте, хотите нѣтъ...

— Ну, все-таки...

— Ей-Богу, и самъ не знаю! Во-первыхъ, я и не думаю жениться...

— Совсѣмъ не думаете?

— Совсѣмъ... Можетъ-быть, потомъ какъ-нибудь... черезъ годъ, черезъ два... черезъ пять...

— Ахъ, вотъ какъ! Значитъ, вамъ все равно... И человекъ вамъ встрѣтится хорошій—вы тоже не женитесь... и полюбите васъ, и душу вамъ свою откроетъ, а вы все будете говорить: потомъ какъ-нибудь, черезъ годъ или черезъ два?..

— Не встрѣчалось до сихъ поръ...

— Ну, а встрѣтится? Вотъ, я вамъ прямо говорю: встрѣ-

тится такой, къ кому сердце потянетъ, хоть сейчасъ за него пойду...

— Можетъ-быть... и я... женюсь... если встрѣтится...

— А если батюшка вамъ прикажетъ жениться, лучше это будетъ?

— Приказать—это ужъ черезчуръ,—поблѣднѣлъ Петръ.— Насильничать—большой грѣхъ!

— Наши отцы о грѣхѣ не думаютъ... Вонъ, мой отецъ говоритъ, что керженскія старицы какой хочешь грѣхъ замолятъ, мошны только не жалѣй...

— Дикіе взгляды, Евдокія Ивановна...

— Ихъ не передѣлаешь. И управы на нашихъ отцовъ никакой нѣтъ: что хотятъ, то и творятъ... Хорошо ли, дурно ли—разбирать не станутъ.

Наступило молчаніе.

— А вы, Евдокія Ивановна, какого бы мужа хотѣли имѣть?— прервалъ, наконецъ, длинное молчаніе Петръ.

— Такого, котораго бы я полюбила... а тамъ, что Богъ дастъ!—вздыхнула она снова.

— Да, полюбить человѣка—это, навѣрно, хорошо...

— А вы никого не любили?

— Никого... То-есть такъ любить, чтобы этотъ человѣкъ миль былъ всегда?..

— И изъ головы не шель... У меня подруга была въ Саратовѣ,—она теперь уже замужемъ, такъ она любила одного, и сама мнѣ про это рассказывала: не видишь его—изъ головы не идетъ, глаза закроешь—ровно живой передъ тобой стоитъ, а встрѣтишься съ нимъ—слова съ языка не идутъ... И хочешь сказать ему, и много сказать, а не можешь... А сердце даже биться перестаетъ... Стоишь передъ нимъ дура-дура и глазъ съ него не сводишь...

— Да, вотъ что значитъ любить!—вспыхивая, произнесъ Петръ.—И хочешь сказать—и не можешь... И сердце биться перестаетъ, словно его кто тисками до боли сжалъ!.. Это—любовь!

— Это—любовь!—эхомъ отозвалась Кошелькова и задумалась.

— И что же она, Евдокія Ивановна... эта ваша подруга за кого вышла, кого и любила?

— Ахъ, нѣтъ!.. Отецъ ее совсѣмъ за другого выдалъ... Какъ она плакала! И я, глядя на нее, ревѣла...

— Зачѣмъ же она не сказала отцу, что любить другого?—возмутился Петръ.

— Боялась. Да развѣ это помогло бы, вы сами подумайте, Петрѣ Акимычѣ? Развѣ я, вонъ, могу выйти—за кого хотѣла бы? А вы? Вы развѣ женитесь на той, кого полюбили и на комъ вашъ батюшка женить не хочетъ?

— Ну, я другое дѣло!—вспыхнулъ Петрѣ.—Я еще буду бороться...

— Съ кѣмъ? Съ родительскою волей? Да васъ попъ на исповѣди причастія лишитъ... И отецъ изъ дому выгонитъ... Выгналъ же мой брата Сережу, и вашъ то же сдѣлаетъ... Что вы, что вы, да развѣ возможно противъ родителей возставать? Это только еретики да никониане, говорятъ, встаютъ, а у насъ этого не заведено...

— А лучше это, Евдокія Ивановна, съ нелюбимымъ человѣкомъ жить? Вы только вообразите себѣ: повѣнчаны вы съ однимъ, а сердце къ другому лежитъ... Вѣдь это, не знаю я, какъ по вашему, по женскому, а по нашему—мука адская... Вѣдь я ее обманывать долженъ и себя презирать... Цѣлую жену, а думаю о другой, которая моему сердцу мила была... Что это за жизнь будетъ, вы скажите мнѣ по совѣсти? И я женѣ, можетъ, не по сердцу, и она мнѣ не въ совѣсть... За что жъ мы оба страдать да мучиться должны? За что?

— Воля родительская...—прошептала подавленная горячностью Петра Кошелькова.

— Воля родительская! Да ежели въ ней ни справедливости, ни жалости нѣтъ,—долженъ я ей покориться или отпоръ дать? Оттого у насъ такъ и разврата много, что женятъ насъ родители, а не мы сами по душѣ человѣка находимъ! Какой конецъ всему этому, вы подумайте хорошенько? Мужъ гуляетъ и развратничаетъ, и жена ему въ этомъ ни на вершокъ не уступаетъ... Дѣти пойдутъ... не то свои, не то чужіе... И никому до нихъ заботы нѣтъ: растутъ, ходятъ въ моленныя, обрядовъ отцовскихъ и дѣдовскихъ держатся,—чего же еще лучше? А о томъ, что эти дѣти родительскую грязную жизнь видятъ да что о нихъ думаютъ,—имъ и горя мало. Какъ я своего отца уважать стану, ежели вижу его жизнь безобразную? Чему онъ меня научитъ своимъ примѣромъ: добру или безпутству? И ни у кого, ни у одного изъ отцовъ нашихъ объ этомъ и заботы нѣтъ... Живутъ свиньями грязными... Что вы это оглядываетесь? Никого въ домѣ нѣту, кромѣ насъ съ вами, и бояться вамъ некого... Живутъ, говорю, свиньямъ собираютъ деньги съ жадностью, а, умирая, оставляютъ ихъ намъ же, своимъ дѣтямъ, на ту же распутную жизнь, какую и сами вели... И Богъ-то у нихъ только на языкѣ, а на умѣ и на дѣлахъ одинъ

единственный чертъ безобразный! Евдокія Ивановна, сердце ваше я спрашиваю: что это—жизнь или ночь темная, холодная, безпросвѣтная? Прораспутничать вѣкъ, ни счастья, ни любви не знаячи, да вѣдь это прямо скоту безсловесному уподобиться!..

Кошелькова, затанувъ дыханіе, слушала порывистую рѣчь возмущеннаго до глубины души Петра и сознавала горькую правду его искреннихъ словъ.

И возбужденная его рѣчью, окрыленная надеждою на побѣду правды надъ царящимъ зломъ въ ихъ средѣ, она отравлялась жаждою протеста противъ насилія.

Мелькали и у нея въ саратовскомъ „теремѣ“ тѣ же самыя думки, да она ихъ, отъ страха, или молитвою, или празднымъ пустословіемъ съ окружавшими ее нахлѣбницами, ровно вѣтромъ, развѣивала...

Она помнитъ хорошо, какъ одна изъ купеческихъ дочекъ Саратова преступила всѣ правила отеческаго Домостроя, полюбила какого-то кудряваго сорванца съ пристани да и сбѣжала съ нимъ въ Нѣмецкую слободу.

Нашелъ ее, конечно, отецъ, поучилъ по Домострою „истово“ и отправилъ въ скитъ на грѣха замоленіе... Такъ ужъ это по традиціямъ полагалось: кому нужна, моль, „этакая“, никто ее и взять—не возьметъ, а возьметъ ежели, такъ родителямъ по конецъ жизни попрекъ...

И ничего вѣдь...

Сказывали потомъ, что, живучи въ скиту, ни рукъ на себя не наложила, ни въ тѣлесахъ не спала. Взяла свое, урвала часъ-другой счастья, а тамъ куда хочешь тащи: хоть въ скитъ, хоть на каторгу!..

И давно ужъ смолкъ Петръ Акимовичъ, опустивъ на руки свою кудрявую голову, а Евдокія Ивановна, не сводя съ него глазъ, все ждала: вотъ, вотъ еще слово скажетъ хорошее!

Дыханіе прерывалось, губы дрожали, все лицо пунцовымъ стало, а за плечами ровно бы крылья расти начали,—взяла бы вотъ, кажется, его, этого кудряваго юрода да и улетѣла бы съ нимъ туда, гдѣ синее небушко съ темною матерью-землей сливается... Зацѣловала бы его, замиловала: не говори, подлый, такихъ словъ, которыя въ сердцѣ дѣвичьемъ струною звенятъ и въ голубую даль манятъ, а тамъ... Потомъ куда хочешь готова: въ скитъ, такъ въ скитъ, къ матери Епистиміи подъ началъ, въ петлю—такъ въ петлю...

— Что же вы молчите, Евдокія Ивановна?—Петръ спрашиваетъ.

А у Дуни и словъ нѣтъ. Летитъ она мысленно выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго, надъ родительскою властью насмѣхается: „Что, взялъ, папенька? Распорядилась собой по своему, а не по твоему!.. А возьмешь—вернешь, рабы не найдешь! Тѣло мое—твое, а душа во мнѣ твоя—до конца живота моя! Бей мое тѣло, увѣчь его, терзай хищнымъ коршуномъ, а души моей да сердца вольнаго—ничѣмъ не возьмешь! Кому хочу, тому ихъ и отдамъ! Вотъ хотя бы этому, что противъ нея сидитъ и въ глаза ей съ кроткой улыбкой глядитъ! А возьметъ ли?“

И сразу Дуню холодомъ обдало.

„Ишь онъ какой... мудреный... и не женится, и не любитъ никого... А не вретъ ли, добрый молодецъ? Ой, вретъ...“

И заглянула она въ глаза Петра, а тотъ все отвѣта дожидается.

— Что же мнѣ сказать вамъ, Петръ Акимычъ?—проговорила она.—И сказала бы я вамъ, да крылья подрѣзаны...

— У меня тоже. Евдокія Ивановна, ихъ нѣтъ... растить надо... втихомолочку, а тамъ...

— И улетѣть?

— Улетѣть... коли не въ моготу придетъ... У меня есть старецъ знакомый, котораго я больше всѣхъ на свѣтѣ люблю и уважаю... И тотъ мнѣ всегда говоритъ: „крылья расти, Петръ Акимычъ, крылья! Отростишь крылышки — вольною птицею станешь!..“

— Хорошо бы!..

— Хорошо, да... Мечта это одна!—вздыхнулъ Петръ.—Вотъ мы съ вами поговорили, помечтали въ свое полное удовольствіе, а придутъ изъ города наши отцы, и—всему конецъ! Вы по папенькиному думать начнете...

— А вы?

— Я? Смѣшной вопросъ, Евдокія Ивановна! И я, конечно, по папенькиному... Одного поля мы съ вами ягоды... И дождь насъ мочилъ одинъ, и солнышко одно согрѣвало... Никакой между нами разницы нѣтъ...

— Ну, нѣтъ, я теперь спорить стану...

— А я ужъ давно спорю, да толку изъ этого никакого не выходитъ... Вы ужъ меня простите за какое-либо слово лишнее... Можетъ, чѣмъ и нехорошимъ въ разговорѣ обмолвился...

— Господь съ вами, Петръ Акимычъ!—съ жаромъ воскликнула та.—Да, я... я ожила отъ вашихъ словъ, а вы...

И Дуня порывисто подошла къ Петру и, крѣпко пожавъ ему руку, вышла изъ столовой.

Къ обѣду собрались всѣ. Даже Трофимъ, любившій масленицу проводить какъ слѣдуетъ, или, какъ онъ говорилъ, „по языческому обряду предковъ нашихъ“, которые, благодаря Ольгѣ, сразу сдѣлались старообрядцами, и тотъ пріѣхалъ изъ лавки прямо домой, несмотря на всякіе зазвывы...

Трофимъ и не пріѣхалъ бы, да происшествіе съ Ѳеклушкой обязывало его хоть день одинъ да „потратить на родительское смягченіе...“

Вотъ, и поди тутъ! Глупая, кажется, бабенка Ѳеклушка, а какъ родителя обошла! А онъ, вотъ, кажется, и не дуракъ, а обойти стараго черта не можетъ: попросилъ наемни у него тысячу цѣлковыхъ на масленицу, а Акимъ Спиридонъчъ ему вмѣсто денегъ-то одну только аллегорію изъ трехъ перстовъ, сложенныхъ неестественно, показалъ... Хорошо, что выручка такая была, что можно было безпрепятственно и безъ отца обойтись, а не будь этого—погибель масленицъ!

Впрочемъ, Трофимъ быстро утѣшился, увидавъ въ столовой на столѣ такую несокрушимую армаду изъ стеклянной посуды, что у него даже ротъ разѣхался въ улыбку.

Для дорогихъ гостей старикъ Перелѣсковъ, скуповатый въ обычное время, не полѣнился самъ сходить въ подвалъ, въ которомъ у него вмѣстѣ съ дѣдовскою и прадѣдовскою рухлядью хранилось и вино, извлекаемое обыкновенно изъ нѣдръ своихъ только въ рѣдкіе торжественные случаи, и украсилъ столъ запыленными бутылками всѣхъ сортовъ и цвѣтовъ.

Петръ вмѣстѣ съ отцомъ спускался въ завѣтный подвалъ и, пользуясь случаемъ, передалъ ему желаніе молодой гостыи относительно перемѣны прислуги.

Перелѣскова это немного озадачило.

— Это почему же ей Ѳекла не нравится?—спросилъ онъ.

— Не знаю, папенька... Я вамъ передаю только просьбу Евдокіи Ивановны, а тамъ дѣлайте, какъ знаете...

— Странно очень! Кажется, Ѳеклушка такая баба, которая всѣмъ должна ндравиться...

— Значить,—не всѣмъ вотъ... У васъ одинъ взглядъ на Ѳеклушку, а у Евдокіи Ивановны—другой!..

Старикъ посмотрѣлъ на сына исподлобья и проворчалъ:

— Самую вѣрную прислугу ей далъ, и вдругъ не ндравится... Ну, и характеръ же, должно-быть, у твоей будущей жены... Много плетей на нее изведешь!

— Моей, папенька?!

— Твоей, твоей,—говорилъ спокойно старикъ, вытаскивая бутылки изъ ящичковъ.—Ты что же воображаешь: такъ цѣлый

вѣкъ дуракомъ мотаться станешь? Нѣтъ, ужъ этой глупости пора предѣлъ положить... Держи бутылку... На Красной горкѣ и свадьба.. Мы ужъ это съ Иваномъ Кузьмичемъ нонѣ рѣшили...

— Не спросивъ ни меня, ни ее, желаемъ ли мы вступить въ бракъ?—вскрикнулъ Петръ, роняя отъ волненія изъ рукъ бутылку, которая со звономъ разлетѣлась вдребезги.

— Дуракъ!—отвѣтилъ Перелѣсковъ, съ сожалѣнiемъ смотря на ручейки вина, бѣжавшіе по полу.—Обломать бы тебѣ руки поганья... Ты знаешь, что эта бутылка стоитъ? Шесть рублей, чертъ тебя дери! Шесть рублей!

XX.

Старикъ ругался долго, но на вопросъ Петра такъ и не отвѣтилъ.

Да и о чемъ съ нимъ разговаривать? Вѣдь они рѣшили съ Кошельковымъ этотъ вопросъ давно, такъ нечего о немъ и разговоръ снова поднимать.

Акимъ Спиридонычъ такъ на это и смотрѣлъ и не обращалъ никакого вниманія на глупые вопросы сына.

Дѣвка изъ благочестной семьи, деньжищъ у отца чертова пропасть, и собой не холера какая-нибудь — вродѣ покойной жены Трофима, а въ своемъ настоящемъ тѣлѣ, ровно на убой откормленная, такъ какого-жъ ему рожна? Да за нее любой женихъ ухватится — не оторвешь... Невѣста прямо завидная!

Акимъ Спиридоновичъ никакихъ „сердечныхъ влеченій“ не признавалъ, потому что не имѣлъ о нихъ ни малѣйшаго понятія,—безъ нихъ цѣлый вѣкъ прожилъ! Да и что такое „любовь“ собственно? Дали тебѣ бабу — ну, и люби. Надоѣла она тебѣ, такъ мало-ли на свѣтѣ другихъ... была-бы охота, а то — этого добра сколько хочешь!...

И Трофимъ такъ же на женщинъ смотрѣлъ и очень дивился нѣжной привязанности Петра къ его покойной Марьѣ Петровнѣ.

— Блаженный мужъ, и больше ничего... который съ ума свихнувшій! — рѣшилъ Трофимъ, а вслѣдъ за нимъ и самъ Акимъ Спиридонычъ.

По дѣлу еще онъ ничего, работникъ настоящій, а какъ начнетъ говорить, такъ и пойдетъ завираться... Совсѣмъ по другому на жизнь и людей смотреть, чѣмъ онъ съ Трофимомъ.

Вотъ и подъ одной, кажется, крышей живутъ, однимъ воздухомъ дышутъ, а взгляды у сыновей разные... И откуда такая разница? Почему? Вѣрнѣй всего, что Петра мать - покойница испортила. Та тоже, не взирая на то, что у всѣхъ прослыла „молчальницей“, нѣтъ-нѣтъ, да и скажетъ такое, чего Акимъ Спиридонъ, какъ ни ломаетъ голову, а понять никакъ не можетъ. А пока онъ голову ломаетъ, она ему другое что-нибудь мудреное хватить, ну, и бросилъ онъ это глупое занятіе — въ слова жены вникать...

— Дура! — порѣшилъ онъ. — По глупости буркнетъ невѣдомо что, а я-то сдуру голову ломаю!..

И Петръ въ нее весь цѣликомъ вышелъ. Ему дѣвку съ милліонами даютъ, а онъ полоумный вопросъ отцу: „а меня-то вы объ этомъ спрашивали?“

На такія глупости и отвѣчать - то даже стыдно!

И вернулись они въ столовую молча.

Обѣдъ длился долго. Старики раскраснѣлись и разстегнули свои кафтаны.

Трофимъ плавалъ, какъ рыба въ водѣ. Онъ усердно подливалъ изъ бутылокъ Кошелькову съ отцомъ и не забывалъ самого себя, а Дуня съ Петромъ ушли въ гостиную, гдѣ на столѣ стоялъ громадный подносъ, верхомъ наполненный разными сладостями и орѣхами.

— Съ широкой, Иванъ Кузьмичъ! — говорилъ Трофимъ, подобострастно чокаясь съ гостемъ. — Прошу покорнѣйше!

— Не будетъ - ли, а? — спрашивалъ гость то старика, то сына, но, не видя отъ нихъ никакого одобренія съ этой стороны, подносилъ стаканъ ко рту.

— Помилуйте! — восклицалъ Трофимъ. — Масленица вѣдь! Вотъ, придетъ Великій постъ, и о соцѣ виноградномъ никакого помышленія... Хе-хе-хе... Папенька, да просите дорогого гостя!.. Я ужъ, кажется, какъ стараюсь, а ничего не выходитъ... Богъ съ вами, Иванъ Кузьмичъ... мы къ вамъ всей душой и воодушевленіемъ...

— По горло сытъ, Акимъ Спиридонъ, — улыбался тотъ. — Совсѣмъ вы меня заугощаете! А насчетъ моего расположенія къ вамъ... вы можете безъ сомнѣнія... я къ вамъ всей душой...

— А мы это цѣнимъ! — подхватилъ Трофимъ, жонглируя не хуже любого жонглера бутылкой. — Ахъ какъ, это мы цѣнимъ, Иванъ Кузьмичъ!..

Трофимъ приложилъ бутылку къ груди и хотѣлъ пустить

слезу, но слеза не пошла, какъ онъ ни старался выжать ее, усиленно хлопая вѣками.

— Старого лиссабончику, Иванъ Кузьмичъ!.. Говорять, отъ застарѣлаго ревматизму чудодѣйственно помогаетъ... хе-хе-хе!.. Съ папенькой-то, Иванъ Кузьмичъ, съ папенькой!.. Папенька! Драгоценный родитель!.. Составьте компанію дорогому гостю на лиссабонѣ!

Старики выпили и потянулись лобызаться.

У обоихъ уже изрядно шумѣло въ головѣ отъ Трофимова „усердія“, и начинали заплетаться языки, а Трофимъ продолжалъ разбойничать, наполняя опорожненные стаканы.

— Папенька! — восклицалъ онъ въ умиленіи. — Посмотрю я на васъ, погляжу на дорогого гостя, Ивана Кузьмича, — слеза изъ глазъ просится... Ужъ очень вы люди пріятныс, ей, ей... Чисто патріархи библейскіе... сидятъ и вкушаютъ въ полномъ благочиніи и лѣпотѣ. Есть-же такіе люди на свѣтѣ, съ которыхъ-бы глазъ и денно и ночью не сводиль... Съ широкой, Иванъ Кузьмичъ! Вы ужъ простите, [но я васъ за родного себѣ считаю...

— И считай! — согласился гость, икнувъ на всю столовую. — Потому я, что твоего отца, что васъ, — вотъ какъ полюбиль... всеѣ душой... Вѣрно это, Акимъ Спиридонъчъ?

— А мы вамъ въ этомъ соотвѣтствуемъ...

— Вѣрно? Давай Богу молиться, коли такъ! — стукнулъ по столу кулакомъ гость. — Отдаю свою Дуньку за твоего Петра!

— Въ поясъ тебѣ, Иванъ Кузьмичъ, за честь кланяюсь! — отвѣтилъ Перелѣсковъ и потянулся цѣловаться къ гостю.

— Господи, какъ это хорошо! — подскакивалъ на стулѣ Трофимъ, хватаясь за бутылку, — Иванъ Кузьмичъ, лиссабончику!..

— Зови ихъ! — внушительно проговорилъ Акимъ Спиридонъчъ, смотря на Трофима.

— Тотчасъ, папенька... Помилуйте, такое событіе... радостное... Нѣтъ, ужъ я васъ сперва расцѣлую, какъ сродственника, Иванъ Кузьмичъ! Не могу! Душа этого просить, избави насъ отъ лукаваго!

Трофимъ впился въ гостя, выжалъ — таки, наконецъ, изъ глазъ слезу, размазалъ ее пальцемъ по щекѣ и выскочилъ изъ столовой.

Петръ съ Евдокіей Ивановной мирно бесѣдовали, пощелкивая орѣхи, когда къ нимъ подлетѣлъ неровными прыжками Трофимъ.

— Евдокія Ивановна! Петруня! Покорнѣйше прошу васъ въ столовую! — торжественно произнесъ онъ, вытягивая руки по тому-же направленію.

— Зачѣмъ? — вскинула на него улыбавшіеся глаза гостя. — Намъ и здѣсь съ Петромъ Акимычемъ хорошо...

— А тамъ много лучше будетъ... ей Богу-съ!.. Хе-хе-хе!.. Наши патріархи васъ видѣть желаютъ... соскучились безъ васъ...

— Пойдемте, Петръ Акимычъ?

— Пойдемте, — отвѣтилъ Петръ, поднимаясь со стула и бросая орѣхи на поднось.

Трофимъ побѣжалъ впередъ, задѣвая ногами за мебель и широко отворивъ дверь столовой, пропустилъ ихъ, хихикая и бормоча:

— Сколь сіе торжественно... прямо — избави насъ отъ лукаваго!

Когда они вошли, старики стояли посреди комнаты и, лобызаясь, крѣпко жали другъ другу руки, потрясая ихъ въ воздухъ.

Увидавъ вошедшихъ, Кошельковъ пошелъ къ нимъ навстрѣчу и взялъ за руку Петра:

— Петръ Акимычъ! Тебѣ, вѣроятно, извѣстно, какъ я расположенъ къ вашему дому... и вообще ко всему вашему семейству?...

— Извѣстно, Иванъ Кузьмичъ, — отвѣтилъ Петръ и почувствовалъ, какъ у него вдругъ заныло сердце, — и я отъ всей души благодаренъ вамъ за ваше дружеское расположеніе...

— Цѣнишь, значить? Дай, я тебя поцѣлую! Люблю парня за слово правдивое, — Кошельковъ обнялъ Петръ и всхлипнулъ.

— Вотъ, видишь... до чего ты меня довелъ... до слезъ, Петръ Акимычъ, старика...

— Господи! Да какъ слезъ не быть! — бормоталъ Трофимъ, стоя за спиной Петра. — Этакій случай вдругъ...

— Вотъ я и того, — продолжалъ Иванъ Кузьмичъ, — думаю, неужто я ошибся въ такомъ родственномъ расположеніи... и при всемъ томъ думаю такъ...

— Да чего тутъ тянуть, Иванъ Кузьмичъ, — прервалъ его Перелѣсковъ, ухмыляясь въ бороду, — ты по-просту.

— Не перебивай, Акимъ Спиридонычъ! Не все Москвѣ верхъ надъ Саратовомъ брать, дай и Саратову покуражиться...

— Валай, валяй... тѣшь душу свою!

— И потѣшу! За миллионъ да не потѣшить!

— Простите, Иванъ Кузьмичъ, я, право, не понимаю, что вамъ угодно отъ меня? — замѣтилъ дрогнувшимъ голосомъ Петръ.

— Что? А вотъ ты послушай, милый мой Петръ Акимычъ, что скажетъ тебѣ саратовскій дуракъ...

— Съ двадцатью миллионами-то дуракъ! — бормоталъ въ умиленіи Трофимъ за спиной брата. — О, Господи, избави насъ отъ лукаваго!

— О гнѣздѣ мы съ тобой говорили, что пора, молъ, завить его... такъ? И отецъ твой тоже говоритъ, что пора... А вотъ тебѣ и птица для твоего гнѣзда... Гожа, что - ль? — схватилъ Кошельковъ за руку Дуню, подтолкнувъ ее къ Петру.

Петръ поблѣднѣлъ. Дуня рванулась.

— Папенька! — вскрикнула она.

— Не о тебѣ рѣчь. Петръ Акимычъ, разрѣши намъ, старикамъ, Богу помолиться?..

— Да ты что-жъ, Петръ, пнемъ - то стоишь? — возвысилъ голосъ Перелѣсковъ. — Кланяйся и благодари за честь Ивана Кузьмича... Недостойнъ ты этой чести, ну, да ужъ въ эвтомъ я не виноватъ: самъ онъ облюбавалъ тебя, дурака...

— Иванъ Кузьмичъ, — задыхаясь заговорилъ Петръ, — я очень... очень благодаренъ вамъ за ту честь, которую вы оказали мнѣ...

— Да ты обними меня, ну тебя и съ благодарностью!.. Дуня! Цѣлуй своего будущего свекра... Не обижай только ты ее, Акимъ Спиридонычъ... дѣвка она ласковая, послушливая и изъ твоей воли не выйдетъ...

— Зачѣмъ послушливыхъ обижать... Послушливыхъ мы любить да холить будемъ...

— Петруня! Папенька! Иванъ Кузьмичъ! Господи! — воскликнулъ, размазывая слезы по щекамъ, Трофимъ, бросаясь то къ одному, то другому на шею.

Дуня стояла ошеломленная. У Петра кружилась голова. Ему казалось, что онъ сорвался съ высокой, высокой горы и летитъ въ темную пропасть. Онъ чувствовалъ, какъ у него отъ быстроты паденія захватывало дыханіе и переставало биться сердце. Онъ хотѣлъ говорить, броситься къ отцу, крикнуть ему, что онъ не позволитъ распорядиться собой, какъ вещью, но, къ его удивленію, слова не сходили съ языка, а въ глазахъ разстился розоватый туманъ, сквозь который мелькнули неясныя фигуры какихъ-то людей.

Въ ухахъ его звенѣло, и сквозь этотъ звонъ до его слуха доносились слова брата Трофима:

— Земной поклонъ, Петруня... Въ землю кланяйся!

Очнулся онъ, когда старики, стоя передъ нимъ съ бокалами, наполненными до краевъ шипучимъ донскимъ, поздравляли его съ „нареченною невѣстой“.

Обнимали его, и онъ обнималъ и съ болью въ сердцѣ задавалъ себѣ вопросъ:

„Что-жъ это это такое? Неужели это не во снѣ, а на-яву?“

Петръ залпомъ выпилъ подставленный ему Трофимомъ бокалъ и увидалъ сидѣвшую рядомъ съ нимъ „нареченную невѣсту“.

У Евдокии Ивановны былъ все тотъ-же странный, растерянный взглядъ, а взволнованное лицо, покрытое густымъ румянцемъ, говорило ему о томъ, что и она поражена не менѣе его совершившимся событіемъ...

Она такъ-же, какъ и онъ, не могла анализировать свои чувства и находилась въ какомъ-то чаду, который туманилъ ей голову и не давалъ возможности отнестись критически къ тому, что совершили ихъ отцы...

Хорошо-ли они сдѣлали или дурно, — она не могла разобрать, но что сдѣлано это помимо желанія ея и Петра — это было ей ясно.

Она, конечно, не была-бы противъ того, что сдѣлали старики, если-бъ могла знать, что и Петръ раздѣляетъ ея мысли... Но она видѣла одно лишь его лицо, покрытое смертельною блѣдностью, и не могла прочесть въ его печальныхъ глазахъ того, что таилось въ глубинѣ души...

Старики, помолвившись Богу и сваливъ съ своей шеи такъ-сказать официальную часть, налегли на донское, совсѣмъ позабывъ про нареченныхъ.

Только одинъ Трофимъ, путаясь по столовой, то цѣловалъ въ плечики отца съ Иваномъ Кузьмичемъ, то, похлопывая по спинѣ Петра, заглядывалъ безцеремонно масляными глазками прямо въ лицо Евдокии Ивановнѣ.

— Други мои, — лепеталъ онъ, — выпьемте на радости! Эхъ, хорошо выпить! И масленица, и такое радостное происшествіе! Петь! Другъ! За здоровье нареченной!

Петръ пилъ все, что наливалъ ему Трофимъ, молча, съ какимъ-то остервенѣніемъ проглатывая вино до послѣдней капли, и не чувствовалъ ни малѣйшаго опьянѣнія.

Раза два взглянулъ онъ мелькомъ на Кошелькову, которая короткими и рѣдкими глотками прихлебывала изъ бокала дон-

ское, и ему показалось, что рядомъ съ нимъ сидитъ вовсе не Евдокія Ивановна, бесѣдовавшая часъ тому назадъ съ нимъ въ гостиной, а совсѣмъ другая дѣвушка, съ которой онъ молился Богу, а молился потому, что одному отцу нужно было выдать дочь замужъ, а другому — женить сына...

Онъ посмотрѣлъ на этихъ отцовъ: старики, положивъ другъ другу руки на плечи, говорили что-то оба разомъ, видимо не слыша другъ друга, и цѣловались въ промежуткахъ, прикасаясь мокрыми отъ вина бородами.

Они не слышали даже Трофима, который, не выпуская изъ рукъ бутылки, умолялъ и того и другого „откушать для-ради такого случая“.

У Петра что-то холодное поползло по спинѣ...

„И вотъ какъ рѣшена наша судьба!“ — подумалъ онъ съ ужасомъ, переводя взглядъ отчаянія на сидѣвшую рядомъ съ нимъ нареченную.

Евдокія Ивановна уже пришла въ себя и, поймавъ взглядъ Петра, улыбнулась ему, какъ улыбается всегда невѣста жениху.

Петръ едва досидѣлъ до того момента, когда старики, наконецъ, намочивъ другъ друга мокрыми бородами и усами, рѣшили разойтись для отдыха послѣ трудовъ праведныхъ.

Ивана Кузьмича повелъ Трофимъ, стараясь возможно удачнѣе балансировать на трудномъ пути, а Евдокію Ивановну до ея комнаты довелъ Петръ.

— Покойной ночи, пріятнаго сна! — проговорилъ онъ съ облегченіемъ и тотчасъ-же увидалъ на порогѣ Настю, которая дожидалась Евдокію Ивановну.

Точно огнемъ обожгло Петра. А Настя, поджавъ руки, стояла, не двигаясь, и смотрѣла на него во всѣ глаза.

— И вамъ покойной ночи, Петръ Акимычъ! — отвѣтила Кошелькова, пожимая ему руку и какъ-будто дожидаясь чего-нибудь.

Но Петру сказать было нечего. Онъ чувствовалъ на себѣ взглядъ Насти и, выдернувъ руку, чуть не бѣгомъ бросился внизъ.

Трофимъ старика Кошелькова провожалъ долго. Нельзя: родственникъ теперь! Надо-же съ родственникомъ поговорить по душѣ, благо языкъ развязался и можетъ звонить хоть до разсвѣта! Отъ излишняго усердія и уваженія къ старику онъ принялся было раздѣвать Ивана Кузьмича и снимать съ него сапоги, но такъ неудачно что вмѣстѣ съ сапогомъ стащилъ со стула и самого Кошелькова.

Старикъ, не замѣчая этого, сидѣлъ на полу и продолжалъ разговаривать, что взбрело на умъ, и что, по его мнѣнію, было такъ умно, что ни одному человѣку такъ не сказать. Трофимъ попробовалъ-было поднять гостя съ пола, но, пропыхтѣвъ напрасно минутъ пять, плюнулъ и, пославъ къ старику первую попавшуюся на глаза прислугу, спустился внизъ, придерживаясь за перила и стѣны

— Тяжелый какой, чертъ! — бормоталъ онъ на ходу. — Словно двадцать миллионовъ проглотилъ, избави насъ отъ лукаваго! Эхъ, махнуть-бы сейчасъ куда... „Ѣду, Ѣду, Ѣду къ ней, Ѣду къ любушкѣ своей!“ — запѣлъ онъ дикимъ голосомъ и, очутившись въ своихъ апартаментяхъ, разинулъ ротъ отъ удивленія: по комнатѣ изъ одного угла въ другой быстрыми шагами ходилъ Петръ.

— Петрунь! — воскликнулъ Трофимъ, размахивая руками. — Петька ты мой милый! Удостоилъ раба своего!

Петръ подошелъ къ брату и схватилъ его за руки.

— Слушай, Трофимъ, — проговорилъ онъ возбужденнымъ тономъ, — одна просьба. . Поѣдемъ гулять... Напиться хочу, до забвенія, до свинства напиться!

Трофимъ отъ восторга даже ногами затопалъ, выбивая плясовую дробь.

XXI.

— Вотъ, люблю! Вотъ, это по-нашему! — проговорилъ Трофимъ, бросаясь на шею къ Петру. — На человѣка ты похожъ сталъ, а то — ровно размазня безъ масла! Куда махнемъ, Петруня?

— Куда хочешь... Хоть въ адъ, только напиться до чертиковъ!

— Гуляй, душа! Ходи, изба, ходи, печь, — козломъ завертѣлся Трофимъ вокругъ брата. — Ухъ, и гульнемъ-же мы съ тобой: чертямъ будетъ тошно! Надо „нареченіе“ съ трескомъ справить! Такое событіе, Петруня.. Неизвѣстно, когда такого случая еще дождешься... А завтра къ тому-же мы и лавку не отпираемъ... Деньги взяли?

— Взять.

— Больше бери... Чертить, такъ чертить по-масленичному! Я тебѣ впередъ говорю, что я одного зеркальнаго стекла рублевъ на тыщу переколочу! Гулять — такъ гулять... А подъ руку кто подвернется -- прямо въ морду, по зубамъ! Ухъ, ты,

маменька моя, покойница! Что только будетъ, Петька! Всю жизнь помнить будешь! Въ Грузины, а? Къ фараонамъ?

— Вези, куда хочешь. На эту ночь я въ твоей власти!

— Люблю! Дай я тебя поцѣлую, красавчикъ ты мой писанный! Нѣтъ, почему у меня рожа рябая, а? Петька?

— Да ты ѣдешь или нѣтъ?

— Сію минуточку... Дай только одежду перемѣнить!.. Куда я деньги засунулъ? Подъ подушкой нѣтъ... и подъ периной тоже —бормоталъ Трофимъ, роясь въ постели.—Ужъ не стянула-ли Оеклушка, избави насъ отъ лукаваго! Воръ-баба: увидитъ деньгу — дрожмя дрожить! Петрунь! Денегъ, братъ, не найду!

— Какихъ денегъ?

— Какихъ? Какія у насъ въ выручкѣ деньги бываютъ? Пропали, шутъ ихъ задави...

— Да много-ли ихъ было?

— А чортъ ихъ знаетъ! Моя длань рихметикѣ не училась! Что захватила, то и потащила... Тьфу ты, дьяволъ! Вотъ онѣ! Въ сапогъ старый пихнулъ... Ѣдемъ, Петька! „Мы живемъ среди полей и лѣсовъ дремучихъ!“ — мурлыкалъ Трофимъ, натягивая на плечи шубу.— Айда! Сарынь на кичку!..

Трофимъ дунулъ на свѣчу и, опрокидывая въ темнотѣ мебель, вышелъ съ братомъ въ корридоръ.

— Петрунь, ты, на всякій случай, черезъ кухню-то идучи, не топочи... У кухарки нашей языкъ ничего не стоитъ... пойдеть завтра звонить.

— Мнѣ все равно,—я даже радъ буду!—съ какимъ-то злорадствомъ отвѣтилъ Петръ, громко стуча ботиками по полу корридора.—Отпѣтому, Трофимъ, могила не страшна!

— А все-таки лучше, ежели не дойдетъ до отца, избави насъ отъ лукаваго! Я такъ, знаешь, люблю, чтобы все шитокрыто было и на верхъ не всплыло! Хе-хе-хе... Тс! Не разбуди языкъ! —проговорилъ Трофимъ, отворяя дверь въ кухню.

Евдокія Ивановна не задержала Настю: раздѣлась она скоро и отослала свою новую прислужницу, наказавъ ей побудить ее завтра пораньше.

Оставшись одна, она долго не могла заснуть, взволнованная необычайными событіями въ ея жизни...

Петръ ей очень нравился. Этого мало: она уже почти его

полюбила, потому что нельзя было не полюбить такого хорошаго и красиваго молодого человека.

„Бородка у него немножко смѣшная,—вспомнила она, лежа въ постели и улыбаясь. — Клинушкомъ какимъ-то... Ну, да я каждый день стану ему расчесывать, какъ слѣдуетъ... Нехорошо съ такой бородкой ходить... У всѣхъ онѣ круглыя да широкія, а у него клинушкомъ... И душа у него хорошая, — продолжала думать она,—и сердце доброе... а ужъ такой кроткій характеръ и найти трудно... А глаза какіе! Такъ тебя и обдають теплою лаской и душу твою грѣютъ... Нравлюсь-ли я ему, вотъ только... Ахъ, дай-то Богъ, чтобы понравилась!.. Да и почему не понравиться: не безприданница я какая-нибудь и собой, сказываютъ, недурна... Одинъ приказчикъ отца отъ любви къ ней, она слышала, даже съ ума сошелъ... Ей онъ въ любви не объяснялся, да и нельзя этого было сдѣлать, потому ее приживалки ни на одну минуту съ глазъ не спустили и молодыхъ мужчинъ безъ родительскаго дозволенія на ея половину не допускали... А слышала она, что этотъ несчастный приказчикъ у отца ея руки просилъ... Что было послѣ этого, она не знаетъ, но знаетъ, что онъ совсѣмъ ума рехнулся, и отецъ его въ деревню къ роднымъ отправилъ. Вѣдь вотъ, значить, нравлюсь-же я мужчинамъ, такъ почему-же Петру Акимовичу не могу понравиться? Положимъ, въ Москвѣ много невѣсть и красивѣе ея есть, да не за всякой милліоны даютъ... И не любитъ онъ никого, самъ въ этомъ ей признался... Значить, ежели захочетъ, всегда ее полюбить можетъ... А какъ она его будетъ любить! Глазъ съ него не сведетъ и всякое желаніе его предупредить! Только-бы она ему понравилась, только-бы его сердце отозвалось чувствомъ взаимности... Завтра она непременно спроситъ Петра Акимовича объ этомъ. Теперь уже все кончено: и старики, и они помолились Богу, а ославить себя ни та, ни другая семья не захочетъ... Толькобы полюбилъ онъ ее... А вдругъ не полюбитъ?“

Евдокіи Ивановнѣ стало холодно отъ этой мысли, и она потянула на плечи одѣяло.

„Бываетъ, сказываютъ, и такъ, что и отъ хорошихъ женъ мужья отвертываются и на первую встрѣчную дрянъ свое чувство расточаютъ...“

Завтра, непременно завтра обо всемъ этомъ она переговоритъ съ Петромъ Акимовичемъ по душѣ, по-просту, какъ она съ нимъ до сей поры говаривала.

И не обманетъ онъ ее, и скажетъ правду... И ей будетъ

легче, и обоимъ имъ веселѣе на свою совмѣстную жизнь смотреть будетъ...

Не они одни вѣдь такъ жизнь свою устраиваютъ: всѣ такъ... Нынче увидала человѣка, поговорила съ нимъ, а завтра, глядишь, старики ужъ и Богу молятся...

И живутъ-же люди... И дѣтей родятъ, и въ люди ихъ выводятъ, и старѣютъ, и умираютъ безо всякаго попрека прожитому...

Сперва, конечно, дико покажется: ни онъ тебя не знаетъ, ни ты его, а потомъ попривыкнуть, примѣнятся другъ къ другу и проживутъ до положеннаго Богомъ срока, какъ жили ихъ отцы, дѣды и прадѣды..."

Евдокія Ивановна, успокоившись такими разсужденіями, заснула какъ-разъ въ то время, когда Петръ Акимовичъ съ братомъ Трофимомъ летѣли на ямщицкой тройкѣ къ цыганкамъ въ Грузины.

Летѣли снѣжные комки изъ-подъ копытъ лошадей, вѣтромъ несшихся по безлюднымъ улицамъ Москвы; гикалъ ямщикъ, а Трофимъ, поднявъ воротникъ енотовой шубы, выкрикивалъ счастливымъ голосомъ:

— Рѣжь въ мою голову! Плакали папенькины денежки, избави насъ отъ лукаваго! Протремъ мы имъ ясныя оченки! Жги, рыжая борода!..

Тройка летѣла... Раздался чей-то крикъ, кого-то переѣхали, но лошадей удержать было нельзя...

Вѣтеръ свисталъ и напѣвалъ въ уши сѣдоковъ свои морозныя пѣсни... Снѣжная пыль столбами неслась по дорогѣ... перехватывало дыханіе, и музыка вѣтра дурманила голову... А Трофимъ выкрикивалъ, присвистывалъ и поминутно облапливалъ брата, совсѣмъ съ головой ушедшаго въ воротникъ шубы.

— Петъка! Гуляемъ, избави насъ отъ лукаваго!..

Было что-то дикое и безобразно безшабашное и въ бѣшеной скачкѣ тройки, пущенной на улетъ, и въ пьяныхъ выкрикахъ Трофима...

„Пьяная Русь гуляетъ,—думалъ Петръ,—а меня и хмѣль не беретъ!.. Ахъ, ты, жизнь проклятая!..“

Скверно было у него на душѣ. Все какъ-то сразу оборвалось и кончилось. Позади — мракъ среды, потемки будничной сѣренькой жизни безъ просвѣта и отдаленнаго намека на счастье, на право создать свою жизнь до-человѣчески, а впереди — накинута на шею петля, которая затягивается медленно и сдавливаетъ ему горло.

Сорвалъ-бы эту смертельную петлю, вздохнулъ-бы полной

грудью, да силъ нѣтъ! И руки есть, чтобы сорвать ее, да сами не поднимаются!..

Силы воли нѣтъ... Да откуда ее и взять было, когда вся жизнь его и ему подобныхъ придавлена, раздавлена и уничтожена безсмыслицей среды, потонувшей во мракъ невѣжества!..

— Пить! Пить! Пить!

— Сію минуту, Петрунька! Ой, лихо! Рѣжь, борода!

Стали кони, какъ вкопанные, у крылечка съ навѣсомъ и сразу утонули въ облакахъ горячаго пара.

Лѣстница освѣщена, наверху толпятся смуглянки, доносится меланхолическое бряцанье струнъ гитары, а Трофимъ съ Петромъ, поддерживаемые почтительно подъ руки черномазыми, носастыми цыганами, поднимаются по лѣстницѣ.

— Соколъ ясный! Гость нашъ желанный, Трофимъ Акимычъ!—раздаются голоса.

— Петьку привезъ... Братана-красавчика! — кричитъ ухарски Трофимъ, бросая шапку въ первую попавшуюся на глаза смуглянку.—Зацѣловать его, чавалы!..

И набросились на Петра черноокія смуглянки. Зноемъ пышутъ ихъ сочныя губы, чертовскимъ пламенемъ сверкаютъ глаза...

У Петра и духъ занялся...

— Эхъ, пропадай все! Пить!..

А хоръ уже гремитъ, встрѣчая загулявшихъ братьевъ: „пропадай моя телѣга, всѣ четыре колеса!“...

Настя, уложивъ гостью, которая не промолвила ей почти ни слова, столкнулась въ сосѣдней комнатѣ съ Оеклушкой, только-что уложившей старика Перелѣскова.

— Дѣвка, что я тебѣ скажу-то,—заговорила шепотомъ Оеклушка, сгорая нетерпѣніемъ съ кѣмъ-нибудь да подѣлиться новостью.

— Что?

— Сойди ко мнѣ, не мѣсто здѣсь... Ты уложила саратовскую-то?

— Уложила

— Ну, и я своего лѣшмана ввѣдрила... Сойди!

— Ладно.

Настя заглянула въ кухню: въ кухню было уже темно, а изъ-за перегородки неся сердитый храпъ кухарки.

Проходя мимо помѣщенія Петра, она остановилась и приложила ухо къ двери. За дверью царила тишина.

„Неужто спать?—подумала она и дернула за скобку. Отворилась дверь, которую Петръ въ возбужденномъ состояннн позабылъ запереть на ключъ, и при свѣтѣ ярко горѣвшей передъ иконою лампы она увидала, что въ комнатѣ Петра не было.

— „Видно, у брата сидитъ,“—рѣшила она и бросила взглядъ на вѣшалку.

И шубы съ шапкой на вѣшалкѣ не было.

Настя постояла съ минуту, о чемъ-то раздумывая, и скользнула въ корридоръ, осторожно затворивъ за собою дверь.

У Трофимовой двери она тоже остановилась и прислушалась. И въ помѣщеннн Трофима было такъ-же тихо, какъ и у Петра.

Черезъ минуту она входила въ келью Ѳеклушки.

У Ѳеклушки на столѣ, освѣщенномъ паромъ свѣчей, стояли тарелки съ вареною рыбой и залитымъ судакомъ, стопка остывшихъ блиновъ и бутылка той самой наливки, которую къ ней таскалъ Трофимъ.

— Ишь, ты какой пиръ себѣ устроила!—подивилась Настя, подсаживаясь къ столу.

— А что-жъ мы не люди, что-ль, дѣека?—игриво воскликнула Ѳеклушка, наливая двѣ чашки наливки. Масленица, чай, не для однихъ хозяевъ дадена... Садись ужинать... Кухарка давно ужъ завалилась дрыхнуть ..

— Я и то было туда сунулась, да вижу—темь...

— Съ блинами намаялась да съ гостями... Все лишння кушанья пришлось готовить... Ну, и устала... Пей и ѣшь!

— Я отродясь не пила, Ѳеклуша...

— Ну, на масленцѣ можешь и разрѣшить .. На масленцѣ всѣ пьютъ, даже схимонахи разрѣшаютъ...

— Нѣтъ, я не стану...

— Выпей, глупая, крѣпче заснешь. . Да и наливка-то сладкая, хозяйская... одна ягода, а вина нѣтъ... Съ масленицей широкой, Настя!

— И тебя такъ же... А только я пить не стану... ни разу не пробовала, такъ будто незачѣмъ...

— Какъ знаешь... просить можно, а неволить грѣхъ... Я тебѣ отъ души угощеннн предлагаю, а тамъ — какъ хочешь: можешь уважить, которая тебя старше въ этомъ домѣ или не желаешь,—дѣло твое...

— Ты сказать мнѣ что-то хотѣла, Ѳеклуша, — повернула Настя разговоръ въ сторону.

— Ты ничего не слыхала, что у хозяевъ было?

— Ничего.

— Богу помолились!—торжественно произнесла Оеклушка.

— Насчетъ чего?

— Ну, вотъ, насчетъ чего! Даже донское пили... Страсть сколько его выдули! Петра Акимыча съ саратовской связали... Настя поблѣднѣла и склонила голову на руку.

— Порѣшили, значитъ?—спросила она.

— Порѣшили.

— Что-жъ, давай Богъ имъ любовь да совѣтъ... Петръ Акимычъ—человѣкъ хорошій...

— Ну, ужъ нашла тоже!—махнула та презрительно рукой. Какой ужъ это мужчина, который на бабъ вниманія не обращаетъ... Такъ, какъ говорится, ни въ городѣ Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ... Она его въ одинъ годъ заклюетъ... дѣвка бойкая... Да въ Саратовѣ всѣ дѣвки нахрапистыя, я ихъ давно знаю... Сказываютъ, миллионъ Кошельковы-то за ней даютъ...

— Отъ кого ты слыхала?

Оеклушка замялась

— Отъ вѣрнаго человѣка слыхала... отъ старика... Раздѣвается и бормочетъ: „миллионъ мой Петька за саратовской дурой беретъ!“ Миллионъ беретъ, а гляди, какіе подлые подарки намъ сдѣлаетъ! Жаденъ ужъ очень! Хоть-бы аршинъ ситчику когда Оеклушкѣ подарилъ...

Оеклушка пустилась чернить Петра и восхвалять доброту Трофима.

Настя ее не слушала.

Она знала, что судьба Петра Акимовича рѣшена, и ей было больно. Она любила этого тихоню-красавчика, и одна уже мысль, что его будетъ любить другая, острой болью отзывалась въ сердцѣ.

Настя знала, что быть его женой она не можетъ, но отдать за него жизнь она всегда готова. Настя не знала, какъ родилось у ней это чувство, какъ росло и разрослось въ пожаръ, охватившій и душу ее, и тѣло, но она чувствовала, что Петра у нея отнимутъ и отдадутъ другой...

„Будетъ-ли онъ любить эту другую? Не можетъ, не долженъ, потому что сегодня утромъ, когда она цѣловала его, глаза Петра свѣтились такимъ чувствомъ, что у Насти на сердцѣ радостно стало, а душу словно яркимъ солнышкомъ освѣтило вдругъ... Не отдастъ она ей, этой саратовской мошнѣ, Петра Акимыча... Не уступитъ его сердца никому, а коли дѣло на споръ пойдетъ, она ничего не пожалѣетъ“...

Настя взглянула на налитую чашку съ наливкой и проговорила:

— Сладкая, говоришь, Оеклуша?

— Попробуй, вратъ зря не стану...

Настя залпомъ выпила вино и усмѣхнулась...

— И впрямь вѣдь, сладкая!.. Такъ по всѣмъ жилкамъ и пошла... Ну, прощай!..

Настя заторопилась. Она прошла весь корридоръ и остановилась. И вверху, и внизу—вездѣ было тихо. Гдѣ-то трещаль сверчокъ, да изъ отдаленныхъ покоевъ доносился смягченный разстояніемъ бой часовъ.

Настя неслышными шагами вернулась назадъ и, быстро проскользнувъ въ комнату Петра, затворила за собой дверь...

XXII.

Было пять часовъ утра, когда братья возвращались домой...

Съ колоколенъ монастырей неся заунывный звонъ, призывавшій чадъ православной церкви къ утренней молитвѣ, а въ головахъ братьевъ шумѣлъ масленичный хмѣль.

Тройка ѣхала тише, ямщикъ клевалъ носомъ, а Трофимъ бурлилъ по-прежнему, уподобляясь заведенной на цѣлыя сутки машинкѣ.

Онъ былъ очень доволенъ и тѣмъ, что „погулялъ“ въ свое удовольствіе, съ „трескомъ“ справилъ масленицу, и тѣмъ, что напоилъ брата и раскрылъ передъ нимъ двери мірка, въ тысячу разъ интереснѣе того, въ которомъ они отправляли свои житейскія повинности съ малыхъ лѣтъ.

Онъ давно уже былъ знакомъ съ этимъ міркомъ, привлекательныя стороны котораго такъ нравились Трофиму и ему подобнымъ купеческимъ сынкамъ, зналъ его специфическія особенности и всегда, съ особеннымъ наслажденіемъ, при первомъ случаѣ, проваливался въ Грузины до утра, а черезъ часъ, послѣ неимовѣрнаго кутежа, какъ ни въ чемъ не бывало, шелъ въ моленную, совершалъ „метанія“ и съ головой, въ которой продолжали трещать гитары и цыганскіе романсы, пѣлъ козлинымъ теноркомъ по крюкамъ, какъ-будто съ нимъ ничего и не было...

И на это нужна была своего рода школа, особая выдержка, которая могла выработаться только въ такой средѣ, гдѣ дозволялось все, лишь-бы было шито и крыто и никому изъ своихъ неизвѣстно.

„Всѣ люди, всѣ человѣки, и кажинному изъ нихъ румянаго калачика хочется, а дома—либо ситный изо дня въ день, либо пироги... опротивѣтъ!“ А Трофимъ до всякихъ калачиковъ большой охотникъ былъ. Больная жена ему въ этомъ не препятствовала, да и препятствовать не могла. Попробовала-было она въ первые годы своего замужества свекру объ этомъ сказать, такъ какъ Трофимъ на ея слова не обращалъ никакого вниманія и только посмѣивался, и услышала отъ него въ отвѣтъ мудрое изреченіе:

— Ты сперва выздоровѣй, сношенька, а потомъ и жалиться на мужа приходи!.. А сейчасъ это. любезная, совсѣмъ ни къ чему!..

Петра Грузины, что называется, опарашили. До тридцати лѣтъ онъ дожилъ, а ничего подобнаго не видалъ... Онъ не дивился тому, что Трофимъ тамъ успѣлъ свить гнѣздо, про которое изъ домашнихъ никто не подозрѣвалъ, что онъ былъ тамъ давнишнимъ и желаннымъ гостемъ, — онъ дивился на самого себя... Новыя впечатлѣнія нахлынули на него толпой и закружили ему голову... Вино лилось рѣкой, кругомъ было шумно, ново и весело... Все, что часъ тому назадъ ему казалось ужаснымъ и оскорбительнымъ, теперь какъ-то смягчилось и казалось такимъ маленькимъ и ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣми ужасами жизни, которые выпали на долю цыганъ, и тѣми оскорбленіями, какія должны были выносить почти безропотно цыганки отъ своихъ буйно-пьяныхъ посѣтителей.

Личная свобода человѣка попиралась одинаково какъ въ Грузинахъ, такъ и въ купеческихъ домахъ, но въ послѣднихъ это издѣвательство надъ личностью имѣло еще смыслъ благодаря традиціямъ и завѣтамъ старины, а здѣсь—издѣвались надъ человѣкомъ только потому, что были шальные деньги, помогавшія дѣлать имѣвшимъ ихъ все что угодно надъ тѣми, у которыхъ этихъ шальныхъ денегъ не было.

Трофимъ при немъ приторговывалъ у табора смуглянку Любашу и спрашивалъ ее, притягивая къ себѣ на колѣни за гибкую талію:

— А любить меня, подлая, будешь?

— Да какъ же не любить такого богатаго да тароватаго, какъ ты, Трофимъ Акимычъ!— отвѣчала она, не задумываясь, сверкая своими огнистыми очами и широко раздувая ноздри.

Петръ поглядѣлъ на Любашу, вѣющую глазами пьянаго Трофима, и усмѣхнулся, вспомнивъ про свою невѣсту.

Вѣдь и его такъ же покупаютъ, какъ Трофимъ покупаетъ цыганку. И если завтра Евдокія Ивановна спроситъ его: „а вы

будете меня любить, Петръ Акимычъ“, онъ также долженъ отвѣтить ей:

— Да какъ-же васъ не любить-то, Евдокія Ивановна! Съ миллионами-то!..

И Петру это не казалось уже гадкимъ и ужаснымъ, напротивъ—это такъ просто, обычно и... ужасно смѣшно!

Петръ расхохотался до слезъ. У него шумѣло въ головѣ, а на сердцѣ было такъ легко, какъ никогда.

И отчего это? Неужели отъ выпитаго вина?

А рядомъ съ нимъ сидѣла молоденькая цыганка съ матово-прозрачнымъ цвѣтомъ лица, гладила его руку и что-то говорила.

Петръ долго вслушивался въ то, что говорила ему цыганка, и никакъ не могъ понять, о чемъ она говоритъ. Но, несмотря на это, онъ продолжалъ ее слушать и кивать головой, видимо соглашаясь съ тѣмъ, что она ему рассказываетъ.

И ему было весело, и цыганка смѣялась, и все, отъ чего онъ уѣхалъ изъ дома, казалось такимъ далекимъ, мало интереснымъ и совершенно ему чуждымъ. Какъ-будто онъ и не Петръ Перелѣсковъ, у котораго дома есть невѣста съ миллионами въ карманѣ, есть отецъ, высватавшій ему эту невѣсту, а совсѣмъ другой человѣкъ, вольный казакъ, „непомнящій родства“, и ему все на свѣтѣ тринь-трава! И не боится онъ никого, и отчета никому не дастъ! Захотѣлъ — работаетъ, захотѣлъ — гуляетъ!

А въ уши лѣзетъ залихватская пѣсня цыганокъ: „Запрягу я тройку борзыхъ темно-карихъ лошадей и помчусь я въ ночь морозну прямо къ любушкѣ своей!..“

А есть-ли у него такая „любущка“?

Петръ задумался на минуту и вдругъ улыбнулся.

— Настя!—проговорилъ онъ вслухъ.

— Что, желанный, скажешь?—потянулась къ нему цыганка, которую онъ такъ долго слушалъ, не понимая.

— Не ты... Нѣтъ... Другая... совсѣмъ другая Настя!..

„Эхъ, кабы деньги! Взять-бы тройку быстролетную, усадить-бы въ сани эту Настю, да и улетѣлъ-бы съ ней далеко, далеко... въ скитъ, къ отцу Серапіону,—вспомнилъ онъ про своего стараго пріятеля:—ищи насъ, свищи въ лѣсахъ-то Керженскихъ! Найдешь, черта съ два!.. Эхъ, кабы деньги... тысячекъ десятокъ—больше и не надо... Свое-бы дѣло какое ни на есть затѣяли... У отца попросить—не дастъ... Дать-то онъ дастъ, да только знать долженъ, на что деньги берешь... Придумать-бы хорошенько, да въ головѣ мысли путаются... На воздухъ!..

Вѣтромъ какъ-будто хмѣль немного согнало... а Трофимъ бурлить:

— Черти черномазые! Тридцать тыщъ за Любашку просятъ. Двадцать давалъ—не берутъ, чавалы проклятые!

Петру снова стало смѣшно.

— Двадцать давалъ! Да откуда ихъ ты возьмешь, Троша?—спросилъ Петръ, вдыхая въ себя свѣжій, морозный воздухъ.

— Дуракъ ты, Петька, ей-ей, дуракъ!—бормоталъ Трофимъ, всѣмъ корпусомъ наваливаясь на брата.

— Согласенъ, ну, вотъ ты и научи меня уму-разуму...

— Дурака учить, что мертваго лѣчить: не въ пользу!

— Какъ хочешь, мнѣ наплевать!

— Да, дурашка ты этакій,—снова привалился Трофимъ къ брату,—чтобъ мы, сыновья Перелѣскова, да не нашли денегъ? Нѣтъ, ужъ это надо оставить! Мало въ Москвѣ дисконтеровъ, а?

— Подо что-же тебѣ дисконтеръ деньги дастъ?

— И дуракъ-же ты!.. Подпись-то наша на бумажкѣ ничего не стоитъ, а?

— При отцѣ наша подпись гроша мѣднаго не стоитъ...

— Это тебѣ такой-же, видно, глупый человекъ сказалъ, какъ и ты самъ! Ничего! Моя подпись ничего? Милліона моя подпись стоитъ!.. И твоя тоже милліонъ! Ты думаешь, отецъ насъ переживетъ? Ну, про это дисконтеры не думаютъ... Приписываютъ себѣ процентики, да приписываютъ, покуда папенька ножки не протянетъ... а протянулъ—получай денежки! Наживай, алчная душа!..

— Я этого не зналъ!

— Мало-ли, Петрунька, чего ты не знаешь! Младенцемъ глупымъ жилъ да въ игрушечки игралъ, а я, братъ, жизнь видѣлъ! Уфъ, какую жизнь, избави насъ отъ лукаваго! Нашелъ тоже папенька дурака, чтобъ до сорока лѣтъ дожить, да свѣту не видать! Кафтанъ-кафтаномъ, лѣстовка-лѣстовкой, а захочется иной разъ ирмоса-то совсѣмъ на другой гласъ послушать!.. Хи-хи-хи... Папенькѣ хорошо въ семьдесятъ-то лѣтъ благочестіемъ заниматься... ему, вонъ, Оеклушка пятки на сонъ почешетъ, онъ и тѣмъ доволенъ, а мнѣ воздухъ нуженъ... Какая-бы ни была во мнѣ душа, а все она праздничка проситъ! „Ходу дай, оретъ, потѣшь меня, подлюю!“ Хорошо вѣдь у цыганъ, Петрунь?

— Весело!—тряхнулъ головой Петръ,—и никакой думы ни о чемъ, словно сейчасъ вотъ на свѣтъ родился!

— Ага! Хе-хе-хе!... А черномазки-то, братъ, какія! Дорого только хотятъ черти за Любашку... ну, да я ихъ изморомъ по-

тяну: врутъ, дьяволы, спустятъ цѣну!.. А ты весь вѣкъ просидѣлъ мышью въ подпольѣ, и понятій оттого у тебя никакихъ нѣту о жизни!.. Ты живи, братъ, а помрешь — изъ-подъ крышки никуда не уйдешь!.. Пользуйся, Петька, жизнью... „Что мнѣ жить и тужить одино-окой, гдѣ ты мой, другъ мило-ой—черно-о-окой“,--затянулъ Трофимъ дикимъ голосомъ и оборвался.

— А ты знаешь, Петрунь,— нагнулся онъ къ уху брата,— что я тебѣ скажу... Ты, вотъ, осуждалъ меня завсегда,— это ужъ я знаю,— а за что? Надо себя когда-нибудь потѣшить, или нѣтъ? Нонче благочестіе и завтра благочестіе; нонче молишься дома, а завтра на Рогожскомъ... насквозь ладонемъ пропахнешь!.. Надо и бѣсовъ порадовать: имъ безъ такихъ, какъ мы, и въ аду, поди, скучно!.. Вотъ ты сичасъ со мной душу отвелъ, а въ другой разъ и одинъ сбѣжишь...

— Ну, не думаю!

— А вотъ увидишь... Запросить душа простору и махнешь... Дорогонько только этотъ просторъ стоитъ!.. Ты знаешь, сколько я долженъ подъ „руку приложилъ?“

— Откуда я знаю...

— А ты меня спроси... Сто тыщъ, братъ!

Петръ, какъ ни былъ хмѣленъ, поразился этою цифрой.

— Сто тысячъ! Не можетъ быть, Трофимъ?

— Какъ одна монетка! Вотъ ты и почеси въ затылкѣ...

— Ты съ ума сошелъ! Развѣ можно такъ должать?

— Стало-быть, невозможнаго ничего въ Москвѣ нѣтъ...

— Ну, ужъ это глупо, Трофимъ... Ты представь себѣ, что отецъ еще десять лѣтъ...

— Вотъ этого свинства я и самъ отъ него ожидаю!.. Разорить меня, старый чертъ!.. Понимаешь, прихварывать онъ одинъ годъ какъ-то сталъ, ну, я и того... приналегъ на Грузины! Думаю, крышка ему пришла, наша пора повластвовать настала; онъ, гляжу: все лучше, да лучше... надулъ Трофима! А? Вотъ тутъ и надѣйся на чужую совѣсть! Почешутъ ему пятки вечеромъ, а утромъ онъ воробьемъ и скачетъ.

— Грѣшно, Трофимъ, такъ про отца говорить... Хоть онъ мнѣ, можетъ, всю жизнь погубить, а говорить такъ про него за грѣхъ считаю.

— Грѣшно? Грѣшно?— замахалъ руками Трофимъ, тыкаясь носомъ въ воротникъ шубы Петра.— А это не грѣшно — отъ миллионъ-то сыновьямъ по сту цѣлковыхъ въ мѣсяцъ на непредвидимые давать, а? Гдѣ у него совѣсть-то, у стараго ска реда? Для кого онъ деньгу собираетъ — для насъ вѣдь? Для насъ, али нѣтъ?

— Вѣроятно...

— Такъ ты и дай настоящую деньгу сыновьямъ, да во-время... А на кой чертъ мнѣ его милліоны, когда, можетъ, мнѣ ни на что ужъ и глядѣть не хочется... Благодарить я его стану за милліоны, ты воображаешь? Черта съ два! Недобрымъ словомъ помяну, это вѣрно, да и не одинъ разъ, можетъ, а раза три въ недѣлю: пушай его на томъ свѣтѣ икаетъ!.. „Грѣшно!“ Да я сто рублей-то въ полчаса проживу.. Наживаетъ чертову пропасть и все складываетъ, да еще ругается, что расходы большіе. Ему-то какой расходъ: за чесанье пятокъ десять аршинъ линючаго ситцу Оеклушкѣ, а я за каждый поцѣлуй Любашкѣ по четвертной плачу... Еще хорошо, что она въ рюметекѣ не тверда, завсегда ее обсчитаешь, а то никакихъ выручекъ не хватить. Нѣтъ, Петрунь, ты отца не защищай... Не стоитъ онъ нашего обожанія... Знаешь, что у тверезаго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ, ну, вотъ, я тебѣ спьяну душу и раскрываю... а тамъ думай обо мнѣ, какъ знаешь... мнѣ наплевать... Приданое за женой взялъ, — думаешь, мнѣ отдалъ? Какъ-же! Все до копѣчки отобралъ: „я,—говорить,—вамъ законные пять процентовъ платить буду, а то вы, пожалуй, по глупости и капиталъ проживете!.. Сто тыщъ капиталу,—пять тыщъ проценту...“ Такъ? По сту рублей въ мѣсяцъ всѣ года выдавалъ. Науськалъ я покойницу, чтобъ весь процентъ просила, а онъ ей въ отвѣтъ что-же: „а кормить,—говорить,—поить, да содержать васъ, чертей, мнѣ, думаешь, ничего не стоитъ? Скажи спасибо и за то, что даю!“... Ловко, избави насъ отъ лукаваго? Въ десять-то лѣтъ онъ изъ моего кармана тридцать восемь тыщъ вытащилъ! Что я — тридцать восемь... больше! Роднымъ покойницы онъ только пятьдесятъ тыщъ вернулъ, а остальные, говоритъ, ваша покойница въ докторовъ да въ аптекарскія снадобья прожила!.. Чисто, Петрунь, а? На восемьдесятъ восемь тысячъ онъ меня ограбилъ... и кого-же? Родного сына-первенца! А ты говоришь,—грѣшно!.. Дуракъ и больше ничего!

— Я ничего ужъ не говорю...

— Не можешь! Не можешь говорить, потому я его, стараго черта, лучше тебя знаю, и всѣ его махинаціи мнѣ извѣстны.. Только ты, Петька, запомни хорошенько, что въ кассѣ мои восемьдесятъ восемь тысячъ лежатъ, а съ процентами это больше ста тыщъ выдетъ... и какъ только онъ ноги протянетъ, я эти сто тыщъ сейчас-же возьму, до дѣлежки...

Трофимъ долго еще что-то бормоталъ Петру, но тотъ его не слушалъ,—и въ головѣ шумѣло, и спать хотѣлось...

Тройку они остановили на углу переулка и домой пошли пѣшкомъ. Трофимъ поминутно спотыкался и чертыхался; Петръ, хотя и пошатывался, но шелъ бодрѣе. Дворникъ, которому Трофимъ отдалъ приказъ съ вечера, дожидался ихъ у воротъ.

Петру стало какъ-будто стыдно, что загулялся до заутрени; онъ юркнулъ въ калитку, не глядя на дворника, и скоро очутился въ корридорѣ. Проводивъ продолжавшаго бурлить Трофима до самой спальни, онъ хотѣлъ-было его раздѣть, но тотъ во всемъ какъ былъ, повалился на кровать и тотчасъ-же захрапѣлъ.

Петръ усмѣхнулся и, махнувъ рукой на брата, отправился къ себѣ. Подойдя къ двери, онъ долго искалъ въ карманахъ ключъ и проискалъ-бы Богъ знаетъ сколько времени, если-бы не отворилась дверь... Въ полумракѣ ея мелькнула чья-то тѣнь.

— Кто тутъ?—спросилъ онъ, входя, пошатываясь, въ свою комнату.

— А все я-же,—поднялась со стула Настя:—аль не узналъ съ гулянокъ-то?—прошептала она.—Коли чужая—гони, а коли своя—обойми, Петръ Акимычъ!

Съ Петра весь хмѣль слетѣлъ. Подошелъ онъ къ Настѣ, взялъ ея голову въ руки и, усмѣхаясь, притянулъ ея губы къ своимъ...

XXIII.

Петра разбудили къ блинамъ. Онъ долго не могъ понять, гдѣ онъ и что съ нимъ. Только, поднявъ точно свинцомъ налившую голову и осмотрѣвшись кругомъ, онъ сообразилъ, наконецъ, что находится дома и что у него ужасно болитъ голова.

„Много слишкомъ вчера выпили,—подумалъ онъ,—и потомъ, безъ привычки къ пьяному дѣлу, это ужъ черезчуръ...“

Умывшись, онъ причесался на скорую руку, одѣлся и пошелъ къ Трофиму.

Идя корридоромъ, Петръ замѣтилъ, что его шатаетъ, какъ травинку вѣтромъ, а въ глазахъ—то черезчуръ свѣтло, то—такъ темно вдругъ дѣлается, что приходится ощупью по стѣнкѣ пробираться.

„Эхъ испортилъ меня Трофимъ!—подумалъ онъ.—Ну, какъ я такимъ наверхъ покажусь? Не надо было ѣздить съ нимъ... Нѣтъ-таки—уговорилъ, скотина!..“

И вдругъ онъ вспомнилъ, что совсѣмъ его Трофимъ не уго-

варивалъ, что, напротивъ, онъ самъ вызвалъ брата изъ дому, и если напился до безумія, то въ этомъ виноватъ больше всего онъ самъ, а не Трофимъ.

Да, именно онъ самъ захотѣлъ напиться, забыть все, что съ нимъ произошло наканунѣ, хоть на часъ да вырваться изъ душной атмосферы, которая давила его тяжелою глыбой и не давала свободно вздохнуть.

Ну, вотъ и вырвался!.. Пѣсни, смѣхъ, музыка, вино, ласкающіе взгляды цыганокъ, которыя, по словамъ Трофима, „душу ровно буравомъ сверлили“... И напился!

Пилось легко. Затихла боль, все, что было подлаго въ жизни, отходило на далекій, далекій планъ, на такой далекій, что минутами казалось, что ничего этого съ нимъ никогда и не было, а если и было, такъ съ кѣмъ-нибудь другимъ, но только не съ купеческимъ сыномъ, Петромъ Перелѣсковымъ.

„Братъ что-то болталъ... Какія-то восемьдесятъ тысячъ, которыя будто бы у Трофима вытащилъ изъ кармана отецъ... Вретъ, я думаю! А, можетъ-быть, и правда: отецъ на деньгу жаденъ. Выпускать изъ рукъ ее онъ не любитъ, а собираетъ безъ устали и всегда съ одинаковымъ аппетитомъ. Вѣдь вотъ, и теперь, если Петръ женится на Кошельковой... Трофимъ говоритъ, что старикъ-Кошельковъ даетъ за дочерью миллионъ чистоганомъ... Развѣ отецъ дастъ ему эти деньги? Никогда! И ему, какъ и Трофиму, пообѣщаетъ платить проценты, а тамъ и начнетъ выдавать по грошамъ, съ бранью да попреками... И это обязательно такъ точно будетъ. Спасибо Трофиму, что предупредилъ. Веселая жизнь, нечего сказать! До тридцати лѣтъ холостякомъ прожилъ и все изъ рукъ отца смотрѣлъ... Женишься,—и та же самая музыка пойдетъ до той самой поры, пока Великій Судья не призоветъ душу отца на судилище...“

Жестокая головная боль не давала возможности Петру ощутить въ должной мѣрѣ всю прелесть его будущей жизни, но здравый смыслъ, который съ большимъ трудомъ поддается затменію, говорилъ ему о нелѣпости и гнусности такой жизни.

„Этого не будетъ!—рѣшилъ Петръ, подходя къ дверямъ помѣщенія Трофима и хватаясь за голову.—Расколотся голова хочеть!..“

Трофимъ, напѣвая какую-то стихирю, совсѣмъ одѣтый, расчесывалъ передъ зеркаломъ свой прямой проборъ, умащенный блестящею помадой.

— Петрусь!—воскликнулъ онъ, увидавъ въ зеркало вошедшаго брата.—Полюбила Петруся, та-й сказати боюся!.. Ой,

лихъ менэ Петрусь, личко біло, черныи усь!“—затянулъ онъ куплетъ изъ хохлацкой пѣсни.

— Ты чего это... поешь?—спросилъ Петръ, и страдальческая гримаса пробѣжала по его лицу.

— Имнастику голосу дѣлаю. И ты пой, Петрунь, а то согласишь послѣ вчерашняго съ добрыми людьми, сраму себѣ натворишь...

— Ишь, ты какой дальновидный...

— До всего своимъ умомъ дошелъ, братенекъ! „Наварила—напекла, не для кого—для Петра!“ Да что у тебя видъ-то какой скорбный, Петрунь, а? Ровно ты въ страстную пятницу сметаной оскоромился?

— Скверно, Трофимъ!—сознался Петръ.—Въ головѣ чертъ знаетъ что! Не знаю, какъ и наверхъ итти...

— Съ непривычки это... Самъ виноватъ, избави насъ отъ лукаваго! Ты гляди на меня: ровно огурчикъ съ грядки... Глазь только маленько дубоватымъ сталъ, ну, да мы его смягчимъ... А тебѣ опохмѣлиться надо... Сичасъ: мы это дѣло обрабатываемъ,—полѣзь Трофимъ въ шкафъ и, вынувъ бутылку, поднесъ ее прямо ко рту Петра.

— Не могу! Слышать запаха вина не могу!—отклонился тотъ.

— Слыхали! А ты зажми носъ и хлебни... Легче станетъ, избави насъ отъ лукаваго! А квасомъ запей! Сейчасъ другимъ человѣкомъ станешь!

Петръ хлебнулъ изъ бутылки и чуть не задохнулся. Два три глотка квасу привели его въ себя.

— А вѣдь, дѣйствительно, какъ-будто легче стало,—проговорилъ онъ.

— Да уже повѣрь Трофиму, Петрунь,—худому тебя не научить... Тебѣ, извѣстно, это за рѣдкость, а я, братъ, давно на этомъ руку набилъ... Ну, что теперича?

— Хорошо стало... и голова какъ-будто свѣтлѣе стала...

— Ну, вотъ видишь, какъ хорошо... Ничего, отойдешь и въ себя взойдешь! Эхъ, Петька, ни черта ты, погляжу я, не стоишь!.. И не такіе горшки о нашу голову бились, да мы и виду не подавали. Ты вѣдь въ Ирбитскую ни разу не ѣздилъ, а мы тамъ безъ просыпу пили. Ъдешь по городу кататься, морозу градусовъ за тридцать, и вдругъ видишь: возлѣ домика кошмы постланы, а на кошмахъ столъ со стульями... а на столѣ, братецъ ты мой, самоваръ стоитъ и весь чайный препаратъ... Что за чортъ, думаешь! Какой же это дуракъ при такомъ морозѣ чай на улицѣ пьетъ? А тройка наша, гля-

дишь, къ этому самовару и подворачиваетъ... Вылѣзай, ребята, грѣться!..

— Неужели чай на морозѣ пили?

— Хе-хе-хе... извѣстно, пили! Да только не чай, избави насъ отъ лукаваго! Самоварь-то, замѣсто кипятку, коньякомъ однимъ налить!.. Усидимъ одинъ самоваръ, другой ему на смѣнку, и ничего, Петрунь... Приѣдешь въ Москву и только три дня подрядъ въ баньку сходишь... и какъ съ гуся вода... Видалъ ты меня когда пьянымъ?

— Никогда, кажется...

— Учись! Учись, покуда не померь! Хи-хи-хи... Ну, что сейчасъ—лучше тебѣ?

— Хорошо!..

— Ну, и маршь наверхъ... Да ты съ невѣстой-то поразвязнѣй будь, не доказывай ей, что они тебя своимъ миллиономъ придавили... Слава Богу, у насъ ихъ и своихъ сколько хочешь... Эхъ, Петрунька! Не умѣешь ты съ бабьемъ обращаться, избави насъ отъ лукаваго! Ты орломъ на бабу налетаешь, а не мокрою курицей! За то бабы орловъ и любятъ, что они, стервятники, никому пощады не даютъ!..

— Знаешь, Трофимъ, я скажу тебѣ откровенно... На душѣ скверно... Хоть на улицѣ кричать стану... Не могу я жениться на Кошельковой!

Трофимъ подошелъ къ брату и взялъ его за плечи.

— Перекрестись, Петрунь! Да ты съ ума спятилъ, избави насъ отъ лукаваго,—заговорилъ онъ, потряхивая головой.— Помолились Богу,—и вдругъ ты на попятный? Да этому и быть невозможно!..

— Не люблю я ея...

— Фью! Эна, какую антимоію завелъ! Да женъ рази любятъ? Ну, дуракъ, избави насъ отъ лукаваго! Ты жену—любить не люби, а почаще взглядывай!.. Что тебѣ, дураку, жалъ глазъ-то? Стрѣляй, избави насъ отъ лукаваго! Э, да это ты, братенекъ, я вижу со вчерашняго канитель затянулъ. Разогрѣла тебя цыганка Настя,—ну, тебѣ въ башку и втемяшилось ..

— Настя!

Петръ улыбнулся счастливою улыбкой и весь даже зарумянился.

Трофимъ напомнилъ ему другую Настю, ту самую Настю, которая ждала его возвращенія изъ Грузинъ и пришла-то къ нему только за тѣмъ, чтобы сказать ему, что любить его и

будетъ любить всегда, хоть бы онъ на десяти Кошельковыхъ женился...

Петръ не слышалъ, что дальше говорилъ ему Трофимъ: онъ весь былъ поглощенъ воспоминаніями о Настѣ.

Какая чудная, какая милая дѣвушка! Ему дорого не то, что она пришла къ нему и сказала такъ просто: „коли твоя—обойми...“ Ему дорого то, что она поняла страданія его души и отозвалась на крикъ наболѣвшаго сердца. Этого онъ никогда не забудетъ. Пройдутъ годы, измѣнить, можетъ-быть, жизнь свое теченіе и побѣжить по инымъ, невѣдомымъ ему путямъ, остынетъ сердце, очерствѣетъ душа, ослабнетъ разумъ, израсходованный на борьбу съ жизнью, но Настя онъ никогда не забудетъ!..

Ахъ, если бъ вмѣсто Евдокіи Ивановны была Настя!..

Петръ не замѣтилъ, какъ онъ очутился наверху, гдѣ въ гостиной бесѣдовали старики.

— Экъ, вы разоспались!—тономъ упрека попенялъ Акимъ Спиридоновичъ. Что значить въ лавку-то не итти!

— Виноваты-съ, папенька!—извинился Трофимъ за себя и за брата, прикладываясь къ плечу старика.—Дѣйствительно, отдыхъ себѣ дали-съ... Ивану Кузьмичу мое наиглубочайшее-съ...

Евдокія Ивановна находилась въ своей комнатѣ и ждала жениха.

У ней даже пятна пошли по лицу: и ѣсть хочется, и Петръ Акимовичъ не идетъ!.. Что же это такое? Отецъ сказалъ, что за ней женихъ придетъ, а его нѣтъ! Цѣлыхъ два часа она ходитъ, точно львица въ клѣткѣ, выглядываетъ въ дверь сосѣдней котнаты, а о немъ ни слуху, ни духу!..

Приходила Настя. Настя съ усмѣшкой поклонилась „саратовской милліонщицѣ“ и молча стала убирать постель.

Евдокія Ивановна, ходившая изъ угла въ уголь, остановилась, наконецъ, и спросила:

— Ты не видала Петра Акимовича?

Настя вздрогнула, выпрямилась и посмотрѣла сквозь полуопущенныя рѣсницы на гостью.

— Вчерась видѣла,—отвѣтила она.

— Нѣтъ, а сейчасъ?.. Онъ уѣхалъ, можетъ, куда-нибудь?

— Никуда не уѣзжали. Спать, я такъ думаю, потому въ лавку нонче не итти и торопиться, значить, не къ чему...

— Ахъ, вотъ какъ!—произнесла Кошелькова и покраснѣла до ушей.

„Хорошъ женихъ!—подумала она.—Никакого даже уваженія

къ невѣстѣ нѣтъ... Ежели не идетъ въ лавку, такъ и спать можетъ цѣльный день... А я дурую здѣсь сижу и его дожидаюсь!“

Евдокія Ивановна вышла изъ своей комнаты, но тотчасъ же вернулась, вспомнивъ наказъ отца.

Она и злилась, и боялась послушаться. Теперь она уже всѣмъ чужая: прежде была одного папеньки, а теперь и папеньки и жениха. Чѣмъ дальше живешь, оказывается, тѣмъ больше опекуновъ приобретаешь.. А тамъ дѣти пойдутъ, взвалятъ на шею хозяйство: весь вѣкъ чужая... Ни вздохнуть некогда, ни подумать по своему нѣтъ времени... И вотъ всѣ такъ живутъ и не возмущаются. Почему же она возмущается и только потому, что долго женихъ къ ней не идетъ? А потому, сознаетъ она, что теперь ея миллионъ пока въ карманѣ у папеньки, а когда онъ перейдетъ въ карманъ Петра Акимовича,—тогда и всѣмъ возмущеніямъ конецъ.

Что онъ ни скажетъ, что онъ ни сдѣлаетъ—такъ тому и быть. Мужъ и глава. И въ писаніи объ этомъ говорится. Она—его, и миллионы ея—тоже его.

Такъ ужъ изстари заведено и никто противъ этого протестовать не смѣлъ...

А если и раздавались временами такіе протесты, то на нихъ никто и вниманія не обращалъ. Мало ли какое сумасбродство баба оказать можетъ!

На то она и баба, чтобы только однѣ глупости творить! Умнаго-то отъ нея и въ Христовъ день не дождешься!.. Своеобразная философія „Домостроя“ не признавала никакихъ правъ за бабою, слѣдовательно, она и должна вѣкъ оставаться или рабой, или игрушкой мужчины.

И Евдокія Ивановна именно теперь возмущалась весьма основательно: пока ея миллионъ у отца въ карманѣ,—женихъ долженъ за нею ухаживать и всякіе ея капризы исполнять, а когда этотъ миллионъ перейдетъ въ карманы ея мужа,—ну, тогда, конечно, она ужъ станетъ за нимъ ухаживать да всячески ублажать, чтобы самой какого-нибудь изъяна не вышло. Это такъ просто, и, несмотря на такую простоту и ясность взгляда ея среды, Петръ Акимовичъ этого или не понимаетъ, или... онъ, дѣйствительно, юродь, какимъ его представила разобиженной невѣстѣ Феклушка...

И Богу они помолились, и поцѣловались вчера... Евдокія Ивановна очень хорошо помнитъ, что они поцѣловались по настоянію стариковъ, и хотя этотъ поцѣлуй былъ всѣмъ не тотъ, о которомъ она мечтала въ тиши своего саратовскаго

терема, тѣмъ не менѣе, по ея мнѣнію, онъ заключилъ собою всю процедуру, которая кончается вѣнцомъ... а его нѣтъ!.. Цѣловать себя она ужъ теперь не позволитъ. И неприлично это, и сердита она на него, но... кто жъ можетъ поручиться: онъ такой милый, такой душевный, и такой у него всегда свѣтлый, ласковый взглядъ, что невольно душа къ нему тянется... Кажется, онъ!

У Евдокіи Ивановны застучало сердечко. Гдѣ-то раздались шаги. Настя, убравъ постель, поклонилась все съ тою же, не сходящей съ ея губъ, усмѣшкой саратовской невѣсты и вышла.

Она выглянула изъ своей комнаты и увидѣла Петра, который шелъ, лохматя свои кудри, и столкнулся съ Настей.

Обоимъ имъ почему-то стало неловко, и они отвернулись другъ отъ друга, разойдясь въ разныя стороны.

— Евдокія Ивановна, пожалуйста блины кушать!—проговорилъ Петръ, постукивая въ дверь согнутымъ пальцемъ.

— Ахъ, сейчасъ!—отозвалась та и выскочила къ Петру, вся покраснѣвшая отъ волненія.

Петръ поклонился ей и пожалъ протянутую руку.

— А вы, должно-быть, не хуже насъ, грѣшныхъ, поспать любите?—заговорила Кошелькова, идя рядомъ съ Петромъ.

— Иногда,—отвѣтилъ онъ, не смотря на невѣсту.

— Можетъ, поздно легли? Ъздили куда-нибудь... Въ тياتры, на примѣръ?..

— Ннѣтъ... плохо спалось...

— Да это по вашему лицу видно, Петръ Акимовичъ,—съ участіемъ произнесла Кошелькова, забывъ свою досаду на жениха.—Вы ужасно блѣдны.

— Плохо спалось...

— Я тоже долго не могла заснуть... Это отъ волненія...

— Все можетъ быть-съ,—процѣдилъ тотъ сквозь зубы.

И когда они вошли въ столовую, на столѣ появилась стопка румяныхъ блиновъ. Трофимъ, по обыкновенію, носился съ бутылками вокругъ стола и не давалъ пощады никому.

— Поправляйся хорошенько, избави насъ отъ лукаваго!—шепнулъ онъ Петру, котораго усадили возлѣ невѣсты.

Петръ не заставилъ себя просить и, чокаясь то съ будущимъ тестемъ, то съ невѣстой, которая мочила губы въ рюмкѣ, какъ и подобаетъ всѣмъ невѣстамъ, къ концу блиноѣденія почувствовалъ, что онъ вновь начинаетъ переживать вчерашній вечеръ. Правда, здѣсь, въ столовой, не было ни цыганъ, ни гитаръ, ни пѣсень, отъ которыхъ бьется сердце и поетъ

душа, но вчерашнее настроеніе овладѣло всѣмъ его существомъ и точно солнцемъ юга обдало его тепломъ и свѣтомъ.

И всѣ, вотъ, сидящіе тутъ за столомъ: и отецъ, и братъ, и Иванъ Кузьмичъ, и даже его невѣста—всѣ такіе хорошіе, славные люди, что просто расцѣловать ихъ хочется...

Но лучше всѣхъ ихъ все-таки Настя...

Почему ея нѣтъ здѣсь?

XXIV.

Петръ даже приподнялся съ мѣста и хитро улыбнулся.

Его остановилъ Трофимъ.

— Ты куда это?—справился онъ у Петра шепотомъ.

— А за Настей!..

— Ошалѣлъ, избави насъ отъ лукаваго! Въ Грузинахъ она, глупый человѣкъ, а здѣсь ея нѣту! Садись!—толкнулъ Трофимъ его на стуль.

Петръ сѣлъ и продолжалъ улыбаться, чокается съ невѣстой, у которой давно уже былъ пустъ бокаль, трепать ласково по плечу своего будущаго тестя и пить все, что ему подливалъ Трофимъ.

Евдокія Ивановна съ ужасомъ смотрѣла на Петра, который быстро хмѣлѣлъ и съ каждой минутой становился все развязнѣе и развязнѣе, думала о томъ,— что-же будетъ послѣ, когда она станетъ его женой?

Петръ, хотя и сидѣлъ рядомъ съ невѣстой, мало обращалъ на нее вниманія, а больше занятъ былъ своими мыслями и чему-то блаженно улыбался...

Ему теперь было совсѣмъ хорошо.

И голова не болѣла, и на сердцѣ не было той безпредѣльной тоски, которая обыкновенно давитъ человѣка, перелпващаго черезъ край.

День былъ пасмурный, и поэтому на столѣ стояли шандалы съ зажженными свѣчами, а Петру казалось, что это свѣтитъ солнце въ окна и грѣетъ такъ, что у него на душѣ тепло становится.

Онъ никогда не испытывалъ такого блаженнаго состоянія и думалъ, что все это оттого происходитъ, что его любитъ Настя и онъ ее любитъ, а вовсе не потому, что выпилъ какихъ-то тамъ пять-шесть бокаловъ вина.

— „Что мнѣ жить и тужить — одинокой!“— замурыкалъ

онъ вполголоса пѣсенку, совсѣмъ позабывъ о томъ, что за столомъ, да еще во время ѣды, пѣть неприлично.

— Вы поете? — спросила у него Евдокія Ивановна.

— Я? — откинулся Петръ на спинку кресла. — Нѣтъ, это не я пою, Евдокія Ивановна, а душа во мнѣ поетъ.. душа-съ!

— Значить, на душѣ у васъ хорошо?

— Хорошо!.. И впервые это въ моей жизни... Сумерки да ночь темная, непроглядная была, и вдругъ — словно солнышкомъ душу освѣтило... И глаза слѣпить, а хорошо!.. У васъ, Евдокія Ивановна, можетъ, много такихъ ясныхъ дней было въ жизни вашей, а у меня нѣтъ, слѣдовательно, вы и понять меня не можете!..

— Нѣтъ, я могу понять...

— Не то-съ... Разсужденъемъ - то, можетъ, вы и поймете, а сердцемъ нѣтъ... Это я только могу понять, да...

Петръ запнулся и залпомъ выпилъ бокаль.

— Кто-же еще можетъ понять, Петръ Акимовичъ? — заинтересовалась невѣста.

— Да вотъ онъ... Трофимъ! — усмѣхнулся Петръ.

— Въ чемъ дѣло, Петрунь? — подлетѣлъ тотъ къ брату.

— На душѣ у меня нонче весело, — отвѣтилъ Петръ, — я и говорю Евдокіи Ивановнѣ, что она этого радостнаго веселья понять не можетъ... Мы только съ тобой его понимаемъ!

— А вы, Евдокія Ивановна, не обращайтесь на его глупыя слова вниманія! — нагнулся Трофимъ къ невѣстѣ и толкнулъ Петра въ спину. — Охъ, дуракъ! Ляпнетъ еще ей, гдѣ мы вчера были!

Но Петръ не „ляпнулъ“, да онъ уже и позабылъ думать о томъ, гдѣ они вчера были и что дѣлали. Несмотря на хмѣль, онъ сознавалъ, что можно сказать и чего не слѣдуетъ. Вотъ когда этого сознанія не будетъ, ну, тогда другое дѣло...

Онъ видѣлъ, какъ передернуло Трофима, и ему стало смѣшно. И глупо ужъ очень: какъ - будто они, взрослые люди, не могутъ поѣхать къ цыганамъ и отвести свою душу; какъ - будто это такое тяжкое преступленіе, что о немъ не долженъ знать никто, кромѣ нихъ однихъ!... Лицемѣры все это... и Трофимъ первый лицемѣръ во всей Рогожской палестинѣ!.. Вотъ онъ не можетъ быть такимъ .. а вдругъ? Скажетъ онъ, на примѣръ, невѣстѣ, что онъ любитъ другую? Нѣтъ, не скажетъ... а, кажется, на что уже проще: стоитъ только вотъ нагнуться къ ней и шепнуть: „Евдокія Ивановна! Вы не воображайте, что вы мнѣ очень нравитесь... Совсѣмъ нѣтъ... Мнѣ нравится Настя, и я ее люблю“...

А не скажеть. Значить, и онъ лицемѣръ? Совсѣмъ нѣтъ. Просто, есть вещи, о которыхъ нельзя говорить, о нихъ можно только думать про себя...

И Трофимъ, значить, не лицемѣръ, а живетъ приноровясь къ обстоятельствамъ и времени, и дѣлаетъ, что хочетъ, въ свое удовольствіе.

По-просту да по правдѣ, оказывается, никто не живетъ на свѣтѣ, а всѣ съ хитринкой да съ оглядкой.

Худо-ли это, или хорошо—Петръ разобратся не могъ. Совѣсть какъ-будто-бы смущалась, но жизнь на все смотритъ иными глазами и дѣлаетъ по-своему.

Да и разбираться Петру во хмѣлю было трудно. Его душу охватило праздничное настроеніе, и было-бы глупо отравлять его сомнѣніями и будничными думами. Праздники рѣдки, какъ солнце въ зимніе дни, а у Петра ихъ въ особенности было мало въ жизни.

И онъ хмѣлѣлъ вдвойнѣ: и отъ вина, и отъ радужнаго настроенія.

Его о чемъ-то спрашивала Евдокія Ивановна, и онъ отвѣчалъ ей что-то. И Петру становилось еще смѣшнѣе: онъ чувствовалъ, что отвѣчаетъ на вопросы, которые та ему даже и не задавала.

Кошелькова сперва ужасалась его опьянѣнію, а затѣмъ и ей стало смѣшно, глядя на жениха, отвѣчавшаго ей Богъ знаетъ что.

— А не катнуть-ли намъ подѣ-Новинское — промяться послѣ блиновъ-то? — предложилъ Акимъ Спиридоновичъ.

— Превосходно, папенька-съ! — заявилъ Трофимъ, все время не спуская глазъ съ Петра и боясь, какъ-бы тотъ не бухнулъ чего несуразнаго.— Обдуетъ его, дурака, по крайности на чистомъ воздухѣ,—думалъ онъ.— То-есть такъ въ это умственно придумали, чего лучше быть нельзя! За одно ужъ Евдокія Ивановна и нашу Москву поглядить... Такъ я къ ямщикамъ за тройками спосылаю?

— Спосылай.

Трофимъ распорядился и выманилъ Петра изъ столовой.

— Петрунь, что съ тобой, избави насъ отъ лукаваго? — спросилъ онъ, отводя брата подальше.

— Ничего, Трофимъ... Видишь, веселье?..

— Смотри, не проболтайся съ веселья-то, игдѣ авчера были... Зудить у тебя, я вижу, языкъ глупый...

— Будь покоенъ. Да кого ты боишься, скажи, пожалуйста? Отца, что-ли?

— А ты не боишься?

— Я? Никого на свѣтѣ!

— Ишь, развоевался съ блиновъ-то!.. Аника-воинъ! Да мнѣ, собственно, на твою храбрость наплевать, а ты только глупостей про вчерашнее не ляпни...

Петръ, усмѣхаючись, махнулъ рукой и пошелъ за отцомъ, который, выйдя изъ столовой, пошелъ къ себѣ въ спальню.

Акимъ Спиридоновичъ увидалъ сына только тогда, когда тотъ съ трескомъ затворилъ за собою дверь.

— Ты ко мнѣ, что-ли? — остановился тотъ.

— Къ вамъ папенька.

— Насчетъ чего?

— Поговорить хотѣлъ.

— Говори, только не длинно, а то сейчасъ приѣдутъ тройки, и мы нашихъ гостей заставимъ дожидаться.

Старикъ сбросилъ съ плечъ свой домашній кафтанъ и полѣзъ въ шкафъ за сюртукомъ.

— Ну, Петръ... чего-жъ ты молчишь? Насчетъ невѣсты что-нибудь?

— Да, насчетъ невѣсты...

— А насчетъ невѣсты у насъ дѣло конченное. Богу помолились, значитъ, теперь и разговоръ никакихъ.

— Я это знаю-съ...

— Дѣвка она хорошая, лицомъ миловидная, а насчетъ характеру — твое дѣло. Чѣмъ гладить жену станешь: дланью безтолковою али плеткой шелковою, такой и характеръ у ей будетъ... Отъ тебя самого все зависитъ...

— Я не про то-съ... Ежели вы покончили, такъ мнѣ куда ужъ противъ старшихъ лѣзть... Вѣдь вы, папенька, мнѣ добра желаете?

— Какой-же отецъ зла своему дѣтищу пожелаетъ?

— Ну, вотъ, и я такъ-же думаю... Ужъ ежели мнѣ написано на роду на Кошельковой жениться, значитъ, такъ тому и быть... Но меня все-таки слѣдовало-бы спросить: нравится-ли мнѣ невѣста?.. И ее, гляди, тоже не спрашивали, какъ ей женихъ: въ совѣсть или нѣтъ?

— Ну, ты это совсѣмъ напрасно полѣзъ со своимъ уставомъ въ чужой монастырь, — взглянулъ исподлобья на сына старикъ. — Дурной жены я тебѣ не выберу, да и каждому она можетъ нравиться... Дѣвка здоровая, кровь съ молокомъ... Какого тебѣ еще рожна? Вотъ, проживетъ здѣсь до свадьбы и пондравится... Все, что-ль?

— Нѣтъ, еще не все, папенька... Мнѣ-бы хотѣлось знать, Старообрядка.

ежели ужъ вы такъ рѣшили, что она мнѣ понравится, сколько за ней Иванъ Кузьмичъ дастъ?

— А ужъ про это мы съ нимъ знаемъ...

— Я тоже хочу знать. Я женюсь на Евдокіи Ивановнѣ, слѣдовательно...

Перелѣсковъ посмотрѣлъ на сына и подошелъ къ зеркалу причесать бороду.

— Ежели ужъ тебя такъ любопытство разобрало — изволь, скажу. Полмилліона деньгами да два имѣнія въ Саратовской губерніи... Ну? Мало, что-ль?

— Довольно-съ.... Имѣнія, конечно, на Евдокію Ивановну записаны будутъ?

— Да что ты меня за дурака, что-ль, считаешь? Да отъ нея и уваженія никогда не дождешься, коли все у нея въ рукахъ будетъ... На мое имя имѣнія перейдутъ, по купчей, яко-бы мнѣ проданныя...

— А деньги-съ?

— А деньги онъ тоже мнѣ передастъ... Да какое тебѣ дѣло до всего эфтого?

— Папенька, простите, но я, ей-ей, васъ не понимаю... Я женюсь на Евдокіи Ивановнѣ или вы? Я. А деньги и имѣнія вы берете? Такъ возьмите ужъ кстати и ее, а мнѣ она безъ ничего не нужна.

Перелѣсковъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и швырнулъ гребень на комодъ.

— Да ты чего-же это, торговаться съ отцомъ пришелъ, а? Да какъ ты смѣешь, щенокъ бѣлогубый, а? Себѣ я кошельковскія деньги съ имѣніями беру?

— Себѣ-съ.

— Да ты пьянъ, голова дурацкая!

— Не больше другихъ пилъ, папенька. Но при такихъ условіяхъ я жениться на Кошельковой не имѣю никакихъ желаній. И имѣнія должны быть записаны имъ на ея имя или на мое, а деньги въ банкъ положены такимъ-же родомъ. Я такъ и Ивану Кузьмичу объявлю...

— Петръ, уходи лучше, не выводи меня изъ терпѣнія... Слышишь?

— Уйти — я уйду, но отъ своихъ словъ не отступлю-съ...

— Вотъ оно что! Что-же ты отца-то за вора считаешь, а? За мошенника, за грабителя съ большой дороги? — задрожалъ Перелѣсковъ, подходя къ сыну.

— Ни за кого я васъ не считаю, а имѣнія и деньги при-

надлежатъ Евдокіи Ивановнѣ, а не вамъ, слѣдовательно, и распоряжаться вы ими не можете.

— Ну, ты насъ, стариковъ, молокососъ, учить не можешь... Мы маленько для твоей учебы устарѣли, а, между прочимъ, чтобъ ты отсталъ отъ меня только... Теперича дни пошли прощенные, а то я-бы показалъ тебѣ, какъ отцу перечить!.. Я скажу Ивану Кузьмичу, чтобъ онъ и деньги, и имѣнія записалъ на дочь или на тебя... А ужъ какъ онъ тамъ сдѣлаетъ, мое дѣло сторона...

— Да вы не беспокойтесь, папенька, я и самъ ему объ этомъ скажу!

— Не твое это дѣло... Твое, вонъ, невѣсту всякими мѣрами ублажать, а на счетъ приданого онъ съ тобой и разговаривать не станетъ... Мы съ нимъ рѣшили, значить, и носъ свой совать не смѣй!..

— Хорошо-съ я буду ждать... Но знайте, папенька, что ежели Кошельковъ не сдѣлаетъ по моему желанію, я и подъ вѣнецъ не стану!

Петръ вышелъ; старикъ задумался.

„Этакій карактеръ у него подлый! — подумалъ онъ.— Весь въ мать вышелъ... И та мнѣ не вѣрила, и этотъ тоже... Видно, яблочко-то отъ яблони недалеко откатывается“...

Приѣхали тройки. Кошельковъ рѣшилъ, что Петръ поѣдетъ съ невѣстой на одной, а они съ Трофимомъ — на другой, но Трофимъ, когда они выходили со двора, очутился въ саняхъ съ братомъ и Евдокіей Ивановной.

„Вотъ такъ-то лучше! — бормоталъ онъ.— А то онъ съ похмѣлья и себѣ языкомъ напортитъ, и мнѣ навредитъ“...

Жениху съ невѣстой было весело, а у Трофима отъ напряженнаго надзора за языкомъ брата разболѣлась голова.

А Петръ и забылъ совсѣмъ о братѣ, и только разъ, когда тройка выѣхала на Арбатъ, онъ какъ-будто вспомнилъ что-то и сказалъ Трофиму:

— А этой тройкѣ, братъ, далеко до той, на которой мы съ тобой ѣздили...

— Ахъ, вы ужъ катались? — спросила Кошелькова.— Когда же это было?

— Объ Рождествѣ, Евдокія Ивановна! — поторопился отвѣтить Трофимъ, волкомъ взглянувъ на хохотавшаго Петра.

„И дуракъ-же, избави насъ отъ лукаваго! — думалъ Трофимъ.— Того гляди, на мель посадить“...

Катались до сумерекъ. И чѣмъ дальше они катались, тѣмъ

угрюмѣ и сумрачнѣ становился Петръ. Исчезалъ хмѣль, а съ нимъ исчезало и веселое настроеніе.

Кошелькова, возбужденная катаньемъ и заинтересованная пестротой толпы, справлявшей „широкую“ на всѣ лады, почти не обращала вниманія на Петра. Только, когда они подъѣзжали, возвращаясь съ гулянья, къ воротамъ Перелѣсковскаго дома, Евдокія Ивановна замѣтила рѣзкую перемену въ Петрѣ: этотъ, нѣсколько часовъ тому назадъ хохотавшій во все горло и задѣвавшій своей шуткой всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ, человѣкъ теперь еле отвѣчалъ сквозь зубы на вопросы Кошельковой и сидѣлъ въ саняхъ, понутивъ, голову.

— Петръ Акимычъ, что съ вами? — участливо спросилась Евдокія Ивановна. — Вы озябли, можетъ-быть?

— Нѣтъ, кажется... А, впрочемъ, есть немножко. Надо погрѣться, Трофимъ, какъ пріѣдемъ домой!

„Вотъ оно что, — подумалъ тотъ, ничего не отвѣтивъ брату. — На поило его потянуло! Охъ, и пьяница-же изъ него выйдетъ, по всѣмъ примѣтамъ судя, жесточайшій!.. Говѣлъ долго... До тридцати лѣтъ зелья не нюхалъ, — теперь только держись!.. Гляди, нонче-же опять въ Грузины меня потянетъ“...

Трофимъ никогда не кутилъ такъ, какъ кутятъ другіе купеческіе сынки: чуть не каждый день да недѣли двѣ кряду. Кутежъ свой онъ, что называется, „срывалъ“: скроется вечеромъ, зачертитъ до утра, надѣлаетъ разныхъ „колѣнъ“ съ „карамболями“ и стихнетъ, глядя по капиталамъ, на мѣсяць, а то и на два. А тамъ, подойдетъ „статья“, и снова завьется до утра.

Въ ярмаркахъ, впрочемъ, приходилось гулять больше, ну, да вѣдь на то и ярмарка, чтобъ и покупателямъ уваженіе оказать, и себѣ удовольствіе доставить.

Въ Москвѣ-же, на глазахъ присныхъ, онъ свое удовольствіе сокращалъ до возможнаго минимума, и если-бъ старику-Перелѣскову кто-нибудь сказалъ, что его Трофима видѣли вчера въ Грузинахъ бьющимъ зеркала и мебель бутылками, онъ назвалъ-бы того человѣка клеветникомъ и тотчасъ-же показалъ-бы ему Трофима, который, съ благоговѣйно сложенными на груди руками, пѣлъ умильнымъ теноркомъ по крюкамъ въ моленной.

Трофимъ умѣлъ держать себя въ рукахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ все, чего просила его широкая натура, требовавшая иногда самага дикаго и безобразнаго брѣзгаха, и ему очень непріятно было убѣдиться въ томъ, что у брата Петра въ удовольствіяхъ совсѣмъ другое направленіе.

„Сопьется, чертъ его дери! — рѣшилъ онъ, въѣзжая на широкой отцовской дворъ. — Не можетъ онъ себя ограничить, избави насъ отъ лукаваго!..“

XXV.

— Ну, вы, раздѣвайтесь тамъ, да приходите наверхъ грѣться! — крикнулъ Акимъ Спиридоновичъ сыновьямъ, спускавшимся внизъ.

Петръ сбросилъ съ себя шубу съ шапкой въ своей комнатѣ и завернулъ по пути къ Трофиму.

— На верхъ, что-ль? Сичасъ, Петрунь, — выглянулъ тотъ изъ спальни. — Рожу только маленичко обмою: завѣтрило!

— Вина! — проговорилъ Петръ, останавливаясь въ дверяхъ спальни и мрачно смотря на Трофима.

Трофимъ вытерся на скорую руку полотенцемъ и подбѣжалъ къ брату.

— Петрунь... нехорошо это, избави насъ отъ лукаваго!

— Что нехорошо?

— Не благовременіе насчетъ вина... Оно, конечно, словъ нѣтъ: масленица и все такое... но благовременія нѣту... Вотъ сичасъ попьемъ чайку, а потомъ за ужиномъ и того... выпить можно...

— Я тебѣ говорю, Трофимъ, вина! — настойчиво твердилъ Петръ, ероша волоса.

— Вонъ, въ шкапикѣ... не запертъ онъ... а только не слѣдовало-бы... Ну, вечеркомъ на сонъ грядущій, — дѣло десятое, а сичасъ къ невѣстѣ пойдешь, а отъ тебя виннымъ духомъ разить... Нехорошо, Петрунь!.. Мое дѣло сторона, я не женихъ вѣдь твоей Авдотьи Ивановны, а со стороны ежели поглядѣть, прямо избави насъ отъ лукаваго!

— И твое дѣло сторона, и отцово — тоже... Я одинъ за всѣхъ въ отвѣтъ... Такъ, что-ли? — говорилъ Петръ, выпивая залпомъ стаканъ какой-то наливки.

— Неправильное твое сужденіе, Петруня! Охъ, неправильное, избави насъ отъ лукаваго! Ежели что говорю тебѣ, такъ по истинѣ, по душѣ, да по совѣсти братской добра тебѣ желаючи...

— Всѣ вы добра мнѣ желаете, — усмѣхнулся Петръ, швыряя стаканъ въ шкапчикъ и шумно захлопывая его дверки. — Всѣ! А я этого добра и не чувствую! Убить васъ, растерзать за это добро мнѣ желаніе приходитъ!

Трофимъ торопливо застегивалъ свой кафтанчикъ и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на брата, стоявшаго у окна со скрещенными на груди руками.

— Не понимаю я тебя, Петрунь... съ мѣста не сойти, не понимаю,—произнесъ Трофимъ, старательно запирая на ключъ шкафчикъ.

— Не понимаешь, скажи пожалуйста! Ну, такъ я тебѣ проще скажу, чтобъ ты меня понять могъ: не желаю я тобою быть! Слышишь? Похожимъ на тебя не желаю...

— Да тутъ и желать нечего,—съ презрительною ноткой въ голосъ отвѣтилъ Трофимъ,—мы, благодареніе Создавшему, ни на эстолько другъ на друга не похожи... Ты, вишь, вонъ, какимъ красавчикомъ уродился, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать, цыганокъ, на что ужъ идола, и тѣхъ авчера съ ума свель, а я эна какой, что называется, ни кожи, ни рожи, избави насъ отъ лукаваго!

— Я тебѣ, Трофимъ, не про рожу говорю, рожа—дѣло пустое... я тебѣ про жизнь говорю... Не желаю я такъ жениться, какъ ты женился, на Марьѣ Петровнѣ...

— Э, вонъ оно что!—ухмыльнулся Трофимъ,—что-же я, по твоему, нехорошо сдѣлалъ, что на покойницѣ женился?

— Подло.

— Ну? Ишь ты! А я этого и не зналъ до сей поры, избави насъ отъ лукаваго! Ей-ей, не зналъ! Думалъ: хорошо, анъ выходитъ—подлость... На дохлой дѣвкѣ женился, десять лѣтъ возлѣ нея въ родѣ какъ-бы сидѣлкой просидѣлъ, акромья хвори отъ ей никакого удовольствія не видѣлъ,—и вдругъ: нехорошо! Подлость сдѣлалъ! А я, по простотѣ-то своей рогожской, воображалъ, что за все за это зачтется, молъ, мнѣ на томъ свѣтѣ, анъ выходитъ—подлость, избави насъ отъ лукаваго!

— Да, подлость. Дай еще вина, Трофимъ!

— Нѣтъ, ужъ это надо погодить. А то со второго стаканчика я, пожалуй, у тебя и въ убивцы попаду...

— Убийца и есть!

— Вотъ оно! Это съ одного стаканчика, а со второго, гляди, ты меня на каторгу сошлешь... Ай, Петрунь! Ай, братенекъ мой единоутробный!

— Дай вина, говорю...

— Ни капельки не дамъ.

— Ну, и чертъ съ тобой! Не надо! А правду я все-таки тебѣ скажу. Не хочу я такой подлости дѣлать, какую ты сдѣлалъ... Любилъ ты Марью Петровну? Нѣтъ! И рта не разѣвай, чертъ тебя дери, не позволю! Не любилъ!

— Да за что-жъ ее любить-то было, дуракъ ты несообразный?—произнесъ съ нескрываемымъ изумленіемъ Трофимъ.

Петръ не выдержалъ и расхохотался.

— Ахъ, Трофимушка, шутъ ты мой гороховый! — заговорилъ Петръ. — Ну, скажи самъ: это не подлость развѣ: и любить ее было не за что, а ты женился все-таки...

— Эна, куда метнулъ, избави насъ отъ лукаваго! Да развѣ можемъ мы жениться на тѣхъ, кого любимъ? Насъ отцы женятъ.

— А ты говорилъ отцу, что не хочешь на ней жениться?

— И дуракъ-же ты, Петруня. Съ мѣста не сойти. Да какъ-же я отцу скажу, ежели онъ мнѣ ее въ жены выбралъ? Тебѣ Кошелькова ндравится, иль нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Сказывалъ ты отцу про это?

— Говорилъ.

— Такъ. Ну, и что-же тебѣ родитель на это: коли не ндравится, такъ не женись? Такъ, что-ли?

— Вотъ видишь, я все-таки говорилъ... И ей скажу тоже, что я ее не люблю...

— Попробуй скажи! Попробуй, избави насъ отъ лукаваго! — пригрозилъ Трофимъ.

— Отчего-же и не сказать? Что у меня языкъ-то въ кандалы, что-ли, закованъ?

— Ну, и что-же изъ этого выйдетъ?—насмѣшливо проговорилъ Трофимъ.—И я Марью Петровну спросилъ передъ свадьбой: ндравлюсь я вамъ, али нѣтъ? — „Нѣтъ, — говоритъ,—а я вамъ?“—И вы мнѣ не ндравитесь!—„Ну, что-жъ дѣлать,—говорить,—видно, наша судьба такая.“—Да десять лѣтъ такъ, вотъ, и прожили! . Ты даже больше проживешь, избави насъ отъ лукаваго, потому Авдотья Ивановна дѣвка здоровенная, ее оглоблей хорошей березовой на смерть не ушибешь, а не только что...

— Ахъ, какъ это все подло, Трофимъ!

— Ладно! Сказывай!.. Это вотъ хорошо нашему папенькѣ разныя подлости разводить, потому у него и миллионы въ кошнѣ, да старшаго надъ нимъ никого нѣтъ, а мы съ тобой и дерзать этого не смѣемъ! Вотъ когда у тебя зазвенить въ карманѣ, да грозы надъ тобой не станеть, ну въ тѣ поры всякія слова можешь говорить, избави насъ отъ лукаваго! И всѣ тебя слушать будутъ и твоей премудрости Соломоновой удивляться... А ты поглаживай себѣ бороду, да ори на всю Москву: „дѣлай, чего моя нога желаетъ!“ И стануть дѣлать....

Да вѣдь какъ: съ поклонами поясными и земными; на душѣ-то люди, можетъ, то-же самое держать стануть, что и мы съ тобой сичасъ, да черта-ли намъ въ чужой душѣ: была-бы своя убогаторена по самое горлышко! А то подлость! Жестокое-то слово всегда можно сказать, да годится-ли оно, идетъ-ли къ дѣлу,—надо примѣрить.]

— Все-таки я ей скажу правду, Трофимъ...

— Это Кошельковой-то? Что-же, скажи. А она въ слезы да отцу. А отецъ гордости непомянутой—единымъ махомъ нашему папенькѣ въ глаза за хлѣбъ да за соль плюнетъ, ну, а ты потомъ съ родителемъ и веди расчетъ.

— Бить, что-ли, станеть?

— Эхъ, Петруня. До тридцати лѣтъ ты землю топталъ, а ума не напахталъ... Что волосянка? Тыфу--и больше ничего, избави насъ отъ лукаваго! А вотъ что плохо: возьметъ, да и выгонитъ изъ дому, яко супротивника власти родительской... Выгналъ-же Кошельковъ сына, самъ, чай, знаешь, и сгибъ тотъ ни за грошъ, ни за денежку...

— Какъ будто я не найду себѣ работы!

— Сынъ Перелѣскова? Да какой чертъ его возьметъ, и кому онъ нуженъ? Въ кучера не пойдешь?

— Ты глупости уже началъ говорить...

— Ну, а куда же еще? Въ молодцы, что ли? Поглядѣлъ бы я на того дурака, который взялъ бы себѣ въ услуженіе Перелѣскова, выгнаннаго отцомъ изъ дому! Ужъ ежели отецъ, миллионеръ, такого сынка за порогъ вышвырнулъ, куда же онъ послѣ этого годится? Есть у людей разумъ-то, аль нѣтъ? Отцу онъ не годится, ты вникни въ это, избави насъ отъ лукаваго... отцу... Какой же онъ работникъ для чужого будетъ?

Петръ лохматилъ волоса и молчалъ.

— Ну, и ступай на Волгу въ бурлаки тянуть лямку... Это отъ миллионѣвъ-то, отъ хорошей купеческой жизни...

— Ахъ, Трофимъ, какая это жизнь?

— Живемъ, слава Тебѣ, Господи! И всѣ такъ живутъ, покада мыши головы не отъѣли... а тебѣ чего же надо? Рая пресвѣтлаго, что ли? Это въ Рогожской-то? Ха-ха-ха! Рай-то тамъ вотъ, сказываютъ,—поднялъ Трофимъ указательный перстъ къ потолку,—а здѣсь, братъ, и за то спасибо скажи, ежели послѣ часовъ ладонь-то придется въ Грузинахъ вывѣтривать... Пойдемъ на верхъ.

— Постой, Трофимъ, — упавшимъ голосомъ произнесъ Петръ,—такъ, значить, и аминь всему?..

— Чему это „всему“, Петрунь?

— Да вотъ... И правдѣ, и чувству?..

— Все держи про себя... Все, братенекъ, пригодится въ жизни... Про запасъ держи...

— Значить, надо дѣлать не то, что хотѣлъ бы?

— Мало ли мы что хотимъ, Петрунь! На всякое хотѣніе, старые люди говорятъ, есть терпѣніе... Я, вонъ, пыганку Любашку за двадцать тыщъ хочу купить, а мнѣ дешевле тридцати не уступаютъ!.. Что же дѣлать—терпи! Терплю я, терпи и ты... Чертъ тебя знаетъ, можетъ, ты съ миллионнымъ-то приданымъ и перебьешь у меня Любашку... А я терпи!

— Ты ужъ такія сталъ подлости говорить, Трофимъ, которыхъ я и понимать не хочу, и слушать не желаю...

— Правду говорю, Петруня... Самую настоящую правду... Вольно тебѣ съ глупаго ума на стѣну лѣзть... А я тебѣ вотъ что скажу, хочешь ты слушать меня или нѣтъ, это уже твое дѣло,—мнѣ, собственно говоря, наплевать, потому ежели отецъ тебя выгонитъ за твое супротивленіе—мнѣ же больше капиталу останется, потому я никогда изъ родительской власти не выходилъ и не выйду... Не нами это завелось, не нами и покончится... Мой совѣтъ отцу не перечить: женись и живи, какъ тебѣ хочется...

— Да, вѣдь, это развратъ, Трофимъ!

— Опять за глупыя слова ухватился!—съ досадою махнулъ рукою Трофимъ.—Отъ тебя это произошло, или нѣтъ? Папенька желаетъ, ну и сдѣлай ему удовольствіе... А тамъ... Эхъ, Петрунь, да ты только женись, дурачекъ, а я ужъ тебя наставлю во всѣхъ твоихъ дѣйствіяхъ, избави насъ отъ лукаваго! Младенецъ ты... Ей-ей, младенецъ... И дуракъ при всемъ прочемъ! Ей-ей, дуракъ, съ мѣста не сойти!.. Ну, пойдѣмъ на верхъ, чай, невѣста все терпѣніе свое истерзала, тебя дожидаячись!..

Философія Трофима, смотрѣвшаго на жизнь глазами старшихъ, Петра не убѣдила. Онъ мало зналъ жизнь, мало видѣлъ въ ней хорошаго, но все-таки совѣсть подсказывала ему, что не все же въ этой жизни сплошныя гадости и пошлости. Есть же что-нибудь такое, изъ-за чего стоитъ жить, купаясь въ непролазной грязи съ утра до вечера? Есть, наконецъ, люди, которые не могутъ примириться съ окружающею ихъ тьмою и борются за человѣческое достоинство съ пошлостью, засасывающею, какъ болотная тина, все—и худое, и хорошее...

А гдѣ эти люди?

Петръ ихъ не зналъ. Слышалъ онъ объ одномъ только человѣкѣ изъ ихъ круга, такомъ же старообрядцѣ, какъ и сами Перелѣсковы, который жилъ совсѣмъ по другому, чѣмъ они,

и на котораго косились всѣ его единовѣрцы и показывали пальцемъ, какъ на еретика, распорядившагося своей жизнью не по правиламъ „Домостроя“, а по своему.

Про этого человѣка, по фамилии Перекатова, Петръ слышалъ одни только ужасы, отъ которыхъ, впрочемъ, у него не становились волосы дыбомъ.

Напротивъ, чѣмъ больше Петру говорили ужаснаго про Перекатова, тѣмъ больше и больше заинтересовывался онъ этою личностью.

Вѣры Перекатовъ не мѣнялъ, имѣлъ замѣчательную по собранію иконъ моленную, куда въ положенные дни приходили пѣвцы съ Рогожскаго, принималъ своихъ поповъ съ подобающимъ уваженіемъ и въ жертвахъ на нужды старообрядческихъ монастырей и на пропаганду своей вѣры отъ другихъ не оставалъ. Обладая крупнымъ состояніемъ, но не такимъ, разумѣется, какъ Перелѣсковы, онъ первый шелъ навстрѣчу этимъ нуждамъ своихъ единовѣрцевъ, но никогда не вмѣшивался въ распри и раздоры старообрядческаго духовенства и одинаково протягивалъ руку какъ „окружнику“, такъ и „неокружнику“.

Что же въ немъ находили ужаснаго обитатели Рогожскихъ палестинъ?

Многое. И это многое они не безъ нѣкотораго злорадства пересчитывали по пальцамъ и ставили Перекатову въ тяжкую вину.

Прежде всего Перекатовъ, не обращая никакого вниманія на шипѣніе и косые взгляды, которыми единовѣрцы и встрѣчали и провожали его, громилъ косность и невѣжество своей среды вообще, а духовенства въ особенности. Во-вторыхъ, своихъ дѣтей воспитывалъ въ гимназіяхъ, откуда, какъ всѣ думали не безъ основанія, эти дѣти едва ли вернутся крѣпкими въ вѣрѣ и послушными отеческимъ завѣтамъ и преданіямъ. Въ-третьихъ, по постамъ и постнымъ днямъ Перекатовъ ѣлъ скромное и, мало заботясь о распространяемомъ имъ соблазнѣ, курилъ табачное зеліе, которое ихъ отцы издревле предали анаѹемѣ, и ѣздилъ на бѣсовскія зрѣлища.

Человѣкъ, видимо, жилъ по человѣчески, и вотъ этого-то ему не могли простить единовѣрцы, до которыхъ еще не дошелъ благотворный лучъ просвѣщенія. Они шипѣли втихомолку, махали презрительно рукой, награждая Перекатова эпитетомъ „пропашаго человѣка, коего обуялъ духъ сатаны“, а Перекатовъ, посмѣиваясь въ свою усердно „подстригаемую браду“, смотрѣлъ на нихъ съ нескрываемымъ сожалѣніемъ и жилъ, какъ хотѣлъ.

Петра давно интересовалъ этотъ „ужасный“ старообрядецъ съ своеобразнымъ взглядомъ и на обряды, и на укладъ жизни, сложившейся такъ ненормально благодаря многовѣковой косности,—интересовалъ его уже потому, что взгляды эти имѣли много новаго, о чемъ онъ могъ пока только мечтать, между тѣмъ какъ Перекатовъ давно уже проводилъ эти взгляды въ жизнь.

Петру часто приходило желаніе познакомиться съ человѣкомъ, не боявшимся никакихъ новшествъ и чутко относившимся ко всему, что только вылѣзало изъ потемокъ на свѣтъ и воздухъ. Но познакомиться не пришлось. Общихъ знакомыхъ не было, а ѣхать къ нему такъ—незваннымъ-непрошеннымъ,—онъ находилъ неудобнымъ. Теперь представлялся удобный случай. Кошельковъ привезъ на имя Перекатова письмо отъ черемшанскихъ старцевъ и передалъ его Петру съ просьбою отослать съ кѣмъ-нибудь „пропашему человѣку“, такъ какъ самъ онъ не поѣхалъ бы къ нему ни за какія блага въ мірѣ.

Петръ удержалъ это письмо и рѣшилъ отправиться къ Перекатову самъ въ чистый понедѣльникъ, такъ какъ на масленицѣ трудно застать кого-либо дома, а въ особенности такого общественнаго человѣка, какимъ слылъ и былъ Перекатовъ.

XXVI.

Поднимаясь вмѣстѣ съ братомъ наверхъ, Петръ думалъ о томъ, что хотя Трофимъ и большой практикъ въ жизни, но мириться ему со взглядами, навязанными ихъ средою, не слѣдовало-бы.

Если онъ мирился съ ними изъ боязни не передъ собственною совѣстью, а изъ боязни прогнѣвить самодура-отца, никогда не умѣвшаго или не хотѣвшаго отличать хорошее отъ дурного,—то тѣмъ хуже для Трофима: затаенная рабская боязнь послѣ смерти господина всегда переходитъ въ жестокость и обрушивается обыкновенно на слабыхъ и неповинныхъ въ его прежней рабской боязни.

Мстить многимъ за то, что онъ когда-то вынесъ отъ одного, — по мнѣнію Петра, было и низко, и подло.

А что Трофимъ послѣ смерти отца будетъ такимъ, въ этомъ онъ и не сомнѣвался. Для того, чтобъ быть другимъ, надо имѣть не такую черствую душу, какъ у Трофима, а для того, чтобъ смотрѣть на ближнихъ своими глазами христіа-

нина, — настоящего христианина, а не старообрядца только по названію, — необходимо носить въ сердцѣ Христа, великаго Учителя любви и прощенія, а у Трофима, какъ и у многихъ его единовѣрцевъ, этотъ Христось былъ только на языкѣ во время ихъ моленій, а душа и сердце — поглощались цѣликомъ мелкими земными интересами и заботами.

Петръ самъ не былъ идеальнымъ христианиномъ, но въ его душѣ иногда все-таки звенѣли струны правды и добра, и его сердце охотно откликалось на все, на что другіе хладнокровно закрывали глаза и мимо чего проходили молча, не проронивъ слезы, не обмолвившись словомъ состраданія или теплаго участія.

Все-таки въ немъ было что-то, что дѣлало его роднымъ челоуѣчеству, а въ Трофимѣ этого не было.

И не могло быть.

Воспитывался онъ одинокимъ, предоставленнымъ самому себѣ съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Отецъ занимался дѣлами, какъ и большинство купцовъ, отдавая семьѣ только свободное отъ дѣла время; а времени этого было такъ мало, что дѣти успѣвали только съ нимъ поздороваться и проститься, чтобы лечь спать, а если оставались съ нимъ два-три часа, не знали, какъ себя держать и что говорить. Мать почему-то не взлюбила первенца и, передавъ его на руки глупой, невѣжественной няньки, всю свою материнскую любовь перенесла на Петра.

Надзора за Трофимомъ не было никакого. Его била нянька, били дворники, щелкали по затылку кучера. А ребенокъ лѣзъ къ обидчикамъ, потому что тамъ, наверху, о немъ и думать забыли. И волей-неволей, съ малыхъ лѣтъ, онъ видѣлъ и слышалъ только то, что дѣлала и говорила прислуга. Онъ видѣлъ скверныя сцены, слышалъ подлыя слова, а когда, наконецъ, выросъ и вытянулся въ юношу, и самъ сталъ дѣлать скверныя сцены и говорить подлыя слова, не сознавая гнуснаго ихъ значенія.

И читать, и писать его учила читалка. Что знала читалка, то узналъ и Трофимъ. Узналъ онъ, между прочимъ, отъ нея и про то, что прежде его отецъ своими милостями ее жаловалъ, а теперъ жалуеъ читалку Маремьяну, которая, по всему видно, приворотнаго зелья Ақиму Спиридоновичу подсыпала. Ариеметикѣ его обучилъ приказчикъ, отъ котораго онъ получилъ больше подзатыльниковъ, чѣмъ познанія въ мудреной наукѣ. А съ двѣнадцати лѣтъ сталъ ходить въ лавку, получая отъ отца гривенникъ на пироги.

И въ городѣ, отъ молодцовъ, не стѣснявшихся вообще его присутствіемъ, онъ ничего поучительнаго не слышалъ.

Духовенство ихъ само коснѣло въ непроходимомъ невѣжествѣ, и всѣ бесѣды поповъ вертѣлись или на мірскихъ интересахъ или на религіозныхъ спорахъ. Спрашивали эти попы на исповѣди: не ѣлъ-ли скоромнаго въ посты, не брилъ-ли по еретическому преданію браны своя, а въ душу исповѣдуемаго и не заглядывали. На что она имъ, когда они и свою-то не знали какъ слѣдуетъ! Были-бы обряды соблюдены, а остальное все — приложится...

И прикладывалось такъ, что большинство выходило на жизненную арену Трофимами и жило, и плодилось, и умирало, не сознавая ни пустоты, ни пошлости пройденнаго имъ пути.

Петръ выросъ при лучшихъ, сравнительно, условіяхъ: и учиться онъ бѣгалъ въ школу, и съ дворней не имѣлъ общенія, и сердце Петра воспитывалось материнскою любовью и ласкою, ревниво охранявшей его отъ грубыхъ царапинъ.

Петръ не понималъ разницы, существовавшей между нимъ и братомъ, и потому осуждалъ Трофима, который и жилъ, и творилъ, и говорилъ такъ, какъ научила его жизнь измлада.

Въ одномъ только они были похожи другъ на друга: у обоихъ не было ни характера, ни силы воли. Оба протестовали: Трофимъ про себя, Петръ — вслухъ, но результаты получались одни и тѣ-же: оба подчинялись „гласу“ отца, и каждый, по-своему, считалъ себя несчастнымъ человѣкомъ.

До отца доносилось эхо сыновняго ропота, но онъ не обращалъ на это никакого вниманія, зная очень хорошо, что довольнаго человѣка на свѣтѣ днемъ съ фонаремъ не сыщешь и что ежели вникать во всѣ роптанія, да слабость оказывать, никакой въ домѣ державы не выйдетъ.

— Вотъ, когда ноги протяну, творите, что хотите, а сейчасъ не моги: не дозволю! Азъ есмь глава и владыка, и что хошу, то и творю!..

Братья нашли отца и Кошельковыхъ въ столовой за шумѣвшимъ самоваромъ.

Петръ торопливо выпилъ стаканъ чаю и взглянулъ на невѣсту, которая все время не сводила съ него глазъ.

— Вы не хотите еще?—спросила она.

— Нѣтъ... Благодарю...

Она поднялась со стула, поднялся и Петръ. Трофимъ взглянулъ на брата, прищурилъ лѣвый глазъ и мотнулъ головой.

Петръ съ невѣстой очутились въ гостиной, гдѣ на столѣ по вчерашнему, стоялъ громадный подносъ со всякими сладостями и орѣхами.

Они сѣли, едва бросивъ нѣсколько незначительныхъ фразъ.

И въ то время, когда Евдокія Ивановна раскалывала щипцами орѣхи, тщательно очищая ихъ отъ скорлупы и шелухи, Петръ, подперевъ голову ладонью, сталъ ее разглядывать.

Все, казалось ему, въ ней было нехорошо: и этотъ крупный, мясистый носъ, съ едва прорѣзанными ноздрями, и эти толстыя, слегка какъ-будто завороченныя красныя губы, которыя Евдокія Ивановна, нажимая щипцами орѣхъ, облизывала круглымъ и такимъ-же краснымъ, какъ и губы, концомъ языка; ему не нравился и ея подбородокъ съ узенькой пережабинкой, за которой начинался другой подбородокъ внушительныхъ размѣровъ, и ея безцвѣтныя, словно выщипанныя брови, и высокій лобъ съ вдавленными висками, испещренными синеватыми жилами.

„И это моя будущая жена?—подумалъ онъ, и ему тотчасъ-же пришла на умъ Настя.

— Петръ Акимовичъ, — заговорила Кошелькова, отложивъ щипцы въ сторону и пережевывая орѣхи. — Я васъ хотѣла спросить...

— Спрашивайте, Евдокія Ивановна ..

— Такъ это все неожиданно случилось, что я, право, не знаю... съ чего начать... Вы меня извините, но я ужъ какъ умѣю...

— Ахъ, пожалуйста, Евдокія Ивановна... Какія-же со мной могутъ быть церемоніи?.. Я самъ человѣкъ простой и что не такъ ежели скажу, примите мое извиненіе...

— Я понимаю васъ... Вы такой хорошій человѣкъ...

— Вы этого не знаете... Почему вы думаете, что я хорошій человѣкъ? А можетъ-быть, меня удавить-бы давно слѣдовало?

— Нѣтъ, это видно... И вотъ по этому самому мнѣ нынче удивительно стало: то вы были веселымъ, а то вдругъ словно васъ холодною водой окатили... Что съ вами, Петръ Акимовичъ?

— Честное слово, ровно ничего...

— Нѣтъ, нѣтъ... что-нибудь есть... Можетъ, я въ этомъ виновата?

— Вы-съ? Это съ какой-же стати?

— Да просто... Знаете, наши отцы порѣшили насъ повѣнчать, а я въ этомъ не виновата... Я даже не знала, зачѣмъ меня отецъ въ Москву везетъ...

— Да кто-же васъ винить станеть, Евдокія Ивановна? Богъ съ вами...

— Нѣтъ, но можетъ-быть я вамъ не по сердцу?.. Можетъ-быть, у васъ есть на примѣтѣ другая невѣста, которая вамъ больше нравится?..

— У меня невѣсть не было...

— Неужели не было?

— Нѣтъ. Вы мнѣ не вѣрите, кажется?

— Какъ-же я могу вамъ не вѣрить? — воскликнула съ жаромъ Кошелькова. — Вамъ не вѣрить? Да кому-же послѣ этого и довѣрять?...

— Благодарю васъ за хорошее мнѣніе обо мнѣ. Но я прямо вамъ скажу, чтобы вы знали: не люблю я говорить неправду...

— Это хорошо съ вашей стороны, По крайней мѣрѣ, такому человѣку всегда можно довѣриться... Можетъ быть, и я вамъ не нравлюсь? Вы откровенно мнѣ скажите...

Петръ сдвинулъ брови и потупился.

— Да ужъ это дѣло рѣшенное, Евдокія Ивановна, — проговорилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Значить, я вамъ не нравлюсь?

— Это откуда-же вы взяли? Я ничего вамъ подобнаго не говорилъ.

— А изъ того и взяла, что вы мнѣ не отвѣчаете прямо...

— Евдокія Ивановна, скажите вы мнѣ прежде, если только можете, но скажите по правдѣ: можетъ вамъ понравиться человѣкъ, котораго вы знаете всего только два дня?

— Отчего-же? Если онъ человѣкъ хорошій...

— Да откуда вы можете знать, хорошій онъ или нѣтъ, ежели вы его разъ только видѣли?...

— Ну, про это ужъ родители знаютъ, они всю подноготную узнаютъ...

— Вы на родителей полагаетесь? Напрасно - съ.. Да другой отецъ или совсѣмъ своего сына не знаетъ, или изъ корысти во всѣ цвѣта раскрашиваетъ.

— И сама видишь... Я не слѣпая ..

— Ну, а я, знаете, слѣпой... Или, правильнѣе, близорукой... Мнѣ долго надо человѣка разглядывать, чтобъ настоящее о немъ сужденіе имѣть... Вотъ когда я узнаю васъ поближе, тогда и могу по правдѣ сказать...

— Узнавайте, — улыбнулась Кошелькова. — Мы вѣдь весь постъ въ Москвѣ проживемъ... И я васъ лучше узнаю...

— И меня вы узнаете, а пока - что, оставимте это... Все равно вѣдь, судьба наша отцами рѣшена, и измѣнить мы ничего не можемъ.

— Не знаю... Папенька говоритъ, что если ужъ Богу помолились, значитъ — всему конецъ.

— Ну, вотъ видите!.. И какъ это просто старики все дѣлаютъ: помолятся Богу и — конецъ всему...

— Петръ Акимовичъ, я въ этомъ не виновата, — уныло проговорила Кошелькова.

— Я васъ и не виню. Но только житья въ этомъ подломъ, проклятомъ домѣ больше не стану! — съ озлобленіемъ вскрикнулъ Петръ, ударивъ кулакомъ по столу.

Кошелькова вздрогнула и съ испугомъ уставилась на Петра.

— Пускай вашъ отецъ куда хочетъ меня сунетъ: въ молдцы, въ работники, но здѣсь я не останусь... Слышите, Евдокія Ивановна? Ненавижу я, всей душой ненавижу, это воронье гнѣздо! Все, что было дорого для меня, умерло, а заточить и васъ сюда — да это такая подлость будетъ, что и названья ей не подберешь... Мы пропадемъ тутъ, зачахнемъ, какъ зачахла Марья Петровна... покойная матушка... Дышать здѣсь нечѣмъ... Тоска и уныніе, душу убивающія...

— Петръ Акимовичъ!.. Неужто и у васъ... то же, что и у насъ? — съ ужасомъ проговорила Кошелькова. — А я — было душой воскресла, когда мы Богу помолились...

— У васъ того нѣтъ... не можетъ быть... Я знаю вашего отца...

— Я его знаю, Петръ Акимовичъ, я, а не вы!... Брата выгналъ... сына родного... Ахъ, неужели-же вездѣ тюрьма?..

Петръ смолкъ.

„И тамъ, и здѣсь — одно и то-же! — думалъ онъ, горько усмѣхаясь, — а я хотѣлъ продать свою свободу, чтобы вырваться изъ этихъ проклятыхъ стѣнъ... Изъ одной тюрьмы — въ другую... Радости мало... Терпи, говоритъ Трофимъ. Ему хорошо, съ его характеромъ, терпѣть, — все переносить, а что ежели не по душѣ — махнетъ въ Грузины, и вся тоска съ плечъ свалилась... Вотъ, купить цыганку и на ней начнетъ всѣ обиды вымещать, а я и выместить-то ни на комъ не могу... Ну и таскай на душѣ камень, который тебя будетъ давить съ утра до ночи, да цѣлые годы подрядъ“...

— Уйти-бы! — вырвалось у него.

— И уйти некуда, — отвѣтила Евдокія Ивановна, — отъ нашихъ родителей никуда не уйдешь, а уйдешь — совсѣмъ, какъ червь, пропадешь...

Петръ впалъ въ мрачное настроеніе, и развеселился немного только за ужиномъ, и то благодаря Трофиму, который по-прежнему сталъ жонглировать бутылками. Проводивъ невѣсту до опочивальни, онъ догналъ Трофима, только-что разставшагося со старикомъ Кошельковымъ, и шепнулъ ему:

— Ъдемъ, Трофимъ!

— Куда?

— Эхъ, еще спрашиваетъ... Туда-же, чертъ тебя дери, гдѣ вчера были!

— Экъ тебя какъ разворошило, избави насъ отъ лукаваго!..

— Тоска гложетъ, Трофимъ! Забыться... развѣять эту подлую тоску...

— Охъ, ужъ и не знаю... Завтра у насъ блины со зваными гостями... Тебѣ-то ничего, возлѣ невѣсты, а я съ гостями возиться долженъ... Трудновато будетъ, охъ трудновато...

— Не ѣдешь? Чертъ съ тобой, я и одинъ дорогу найду...

— Вотъ оно, куда пошло! — почесалъ за ухомъ Трофимъ: ему видно, какъ хорошей собацѣ, только слѣдъ звѣря показать, а ужъ лисичку-то онъ самъ найдетъ, избави насъ отъ лукаваго! — Петрунь, не лучше-ли намъ завтра туда махнуть? Завтра прощенное воскресенье, на верху рано отдѣлаемся, и айда въ Грузины у фараонокъ прощенья просить...

— И завтра поѣдемъ... Ты пойми, Трофимъ, гложетъ меня что-то... Мѣсто себѣ не нахожу...

— И подъ ложечкой сосетъ?

— Сосетъ, Трофимъ...

— Фью! Это у тебя, братенекъ, гулевой червякъ развозился! Экъ ты его какъ авчера растревожилъ, избави насъ отъ лукаваго! А Любашку у меня не перебьешь?

— Да ты ошалѣлъ! Очень нужны мнѣ твои морды черномазья... Захочу, и получше найду!

— Ну, нѣтъ, Петрунь, лучше Любашки не найдешь, — вздохнулъ Трофимъ, — огонь-дѣвка! Все въ ней ходуномъ ходитъ, избави насъ отъ лукаваго!.. Такъ моя Любашка?

— Всѣхъ бери, мнѣ никого не надо! Мнѣ тоску только разсѣять!..

— Ладно. Одѣвайся и за мной заходи! О, Господи обучилъ дурака на свою шею, избави насъ отъ лукаваго!..

Петръ пробрался въ свою комнату и очень удивился, найдя въ ней Настю.

— Петръ Акимычъ, ты опять кутить по вчерашнему? — спросила она, обвиняя его шею руками.

— Не кутить, а такъ... провѣтриться... Тяжело на душѣ, Настя!..

— Не пуцу!.. Слышишь, Петръ Акимычъ? Тебя жалѣючи, не пуцу. А уѣдешь — сейчасъ къ твоей невѣстѣ побѣгу и все ей расскажу! Осрамлю тебя, на весь вѣкъ осрамлю!

XXVII.

Трофимъ такъ и не дождался Петра.

— Раздумалъ видно, подумалъ онъ и пошелъ къ брату.

Дверь была заперта

— Петрунь, спишь, что ли?—произнесъ онъ, тихо барабана пальцами по двери.

Отвѣта не было.

Онъ окликнулъ еще разъ и вернулся назадъ.

— Чудно! Неужто такъ скоро заснулъ?—остановился онъ въ недоумѣннй среди комнаты,—то самъ меня тащилъ, а то вдругъ спать завалился... Невѣроятная исторія, по моему... да не удралъ ли онъ одинъ?—пришла въ голову Трофима новая мысль,—дескать, Трофимъ подергаетъ-подергаетъ дверь, подумаетъ, что я спать легъ, и самъ уляжется... а я тѣмъ временемъ къ Любашкѣ махну!

У Трофима заговорила ревность.

— Охъ, и мошенникъ же Петька, избави насъ отъ лукаваго, даромъ, что братецъ родной... и не увидишь, какъ Любашку изъ-подъ носу выхватить... У него теперича деньжищъ-то чертова пропасть будетъ, весь таборъ купить можно... Ну, врешь, братенекъ, какъ ты ни хитерь, а Трофима на кривой не объѣдешь...

И Трофимъ, торопливо накинувъ шубу на плечи и надвинувъ на голову шапку, забѣжалъ мимоходомъ снова къ помещенію брата, снова окликнулъ его и, выругавши, очутился у воротъ, гдѣ безмятежно клевалъ носомъ дворникъ.

— Эй, ты, ворона!—крикнулъ онъ на дворника,—братъ Петръ вышелъ?

— Вѣроятно-съ,—отвѣтилъ тотъ спросонья.

— То-то вѣроятно! За какимъ дьяволомъ ты у воротъ стоишь? Спать тебя, черта, поставили?

— Виноватъ-съ, Трофимъ Акимычъ... маленько вздремнулъ...

Трофимъ выругался, плюнулъ и скрылся во мракъ ночи.

Прощеный день былъ хмурый. Небосклонъ весь затянуло сѣрватою пеленой, шелъ мелкій снѣгъ и посвистывалъ вѣтеръ.

Трофиму не пришлось даже и спать: вернулся онъ на зарѣ и прямо пошелъ къ Петру.

Дверь помещенія Петра оказалась незапертой.

Трофимъ вошелъ къ брату и протеръ мокрые отъ снѣгу глаза.

Петръ преспокойно лежалъ на постели, закрывшись одѣломъ, и спалъ.

Трофимъ, слегка пошатываясь послѣ бурно проведенной ночи, посмотрѣлъ на брата, перевелъ взглядъ на столъ, на которомъ лежалъ женскій головной платокъ, забытый Настей, и ухмыльнулся.

А спустя часъ, онъ стоялъ передъ зеркаломъ, расчесывая намащенные волосы, и пѣлъ стихиры подъ носъ, какъ будто это молитвенное пѣніе и было самымъ любимымъ его развлеченіемъ.

Одѣвшись, онъ вышелъ въ корридоръ, осмотрѣлся и смѣло вошелъ въ келью Оеклушки.

Петръ, проснувшись, долго сидѣлъ на постели и, думая о чемъ-то, ерошилъ свои кудри. А думалъ онъ о томъ, что много есть на свѣтѣ несообразностей, которыхъ онъ никакъ понять не могъ. Вотъ эта читалка Настя, напримѣръ... и обнимала его съ трепетомъ и цѣловала такъ, что у Петра на сердцѣ горячо становилось, и грозила донести невѣстѣ, ежели онъ гулять уѣдетъ... все это такъ, это все понятно Петру: любить его Настя, и онъ ее любить, и онъ хорошо понимаетъ, что дѣвушкѣ больно становится, когда любимый ею человѣкъ ѣдетъ въ Грузины пить и обниматься съ цыганками, которыя раздають свои поцѣлуи и ласки за деньги и званому, и незваному. Но онъ не понималъ одного: какъ это любящая его дѣвушка можетъ совѣтовать жениться на той, которую онъ и не любилъ и, вѣроятно, никогда не полюбитъ?..

— А потомъ что?—спрашивалъ онъ Настю.

Настя загадочно улыбалась и отвѣчала:

— А впередъ, милый Петръ Акимычъ, не загадывай: судьба тобой лучше распорядится, чѣмъ тятенька родной...

И Петръ сидѣлъ и думалъ, думалъ до слезъ, до боли, стараясь разъяснить вопросы, которые были для него и новы, и неразрѣшмы.

Трофима онъ нашелъ на верху, объясняющимъ что-то прислугѣ. Трофимъ весь блестялъ масломъ и какимъ-то особенно игривымъ взглядомъ лихорадочныхъ глазъ.

— Уснулъ вмѣсто того... этого? — бросилъ онъ Петру вопросъ.

— Спать захотѣлось,—отвѣтилъ лѣнливо Петръ,—а ты?

— Я? Постучался къ тебѣ, вижу, спишь, и я завалился... что мнѣ одному по Грузинамъ-то болтаться... скучно! Я даже доволенъ, что ты не поѣхалъ, Петруня,—гости нонѣ у насъ, такъ ужъ тутъ не до Грузинъ...

Наѣхали гости, такіе же именитые и родовитые, какъ и самъ Перелѣсковъ; ни своихъ родственниковъ, ни родственниковъ покойной жены своего сына Трофима Акимъ Спиридоновичъ не любилъ: это все, по его мнѣнію, были мелкіе люди, которыхъ можно было принимать по-неволѣ: въ торжественные дни для принесенія поздравленій и только. Для интимной бесѣды они не годились, и не потому, что были незначительны въ торговомъ мірѣ, а просто потому, что не были интересны и всегда молчали, съ какимъ-то испугомъ смотря въ глаза всемогущаго Акима Спиридоновича. Они говорили только односложное „да“ и „нѣтъ“, и давились тѣмъ, что ѣли или пили, когда Перелѣсковъ случайно о чемъ-нибудь ихъ спрашивалъ.

Акимъ Спиридоновичъ рѣдко созывалъ гостей. Нужныхъ ему покупателей, какъ вдовецъ, онъ въ домъ не приглашалъ, а угощалъ ихъ въ трактирахъ келейнымъ образомъ, чтобъ большихъ разговоровъ не было.

На блины не созвать именитыхъ онъ не могъ уже потому, что у него гостили саратовскіе гости, это во-первыхъ, а во-вторыхъ—потому, что нужно же было пустить вѣсть по городу о помолвкѣ его второго сына, которымъ этотъ городъ любовался и которому прочилъ самую блестящую партію.

Акимъ Спиридоновичъ, поглядывая на длинный накрытый столъ, блестящій хрусталемъ и серебромъ, самодовольно поглаживалъ бороду и заранѣе готовилъ въ умѣ рѣчь, которую онъ произнесетъ за бокаломъ игристаго донского.

Рѣчь эта, по его мнѣнію, должна быть не длиною, не сложною, всѣмъ понятною и достойною торжественнаго момента.

Онъ скажетъ имъ, всѣмъ этимъ почетнымъ толстосумамъ, приблизительно слѣдующее: „многоуважаемые и дорогіе гости! Я очень радъ видѣть васъ у себя по случаю Сырной недѣли... И очень радъ объяснить вамъ, что мой единоутробный сынъ Петръ женится на Красной горкѣ на чудеснѣйшей дѣвицѣ Евдокии Ивановнѣ Кошельковой, единственной дочери высокопочтеннаго саратовскаго коммерсанта Ивана Кузьмича Кошелькова...—Именно единственной—чтобъ они поняли, черти, что всѣ Кошельковскіе капиталы къ намъ перейдутъ, и чтобъ духъ у ихъ отъ зависти захватило.—За здоровье жениха и невѣсты!“

Акимъ Спиридоновичъ слышалъ „ура“ и „ура“ громогласное, потрясающее своды дома, потому что у всѣхъ приглашенныхъ гостей были прекрасные басы, которые Трофимъ до донского успѣетъ подогрѣть разными мадерами и венгерскими. А вотъ,

кстати, и онъ, Трофимъ. Прильнулъ къ плечу папеньки и справился о добромъ здоровьѣ...

— Средственно,—отвѣтилъ старикъ,—вчера того... переложили малую толику...

— Господи! Масленица, папенька... нельзя безъ этого, избави насъ отъ лукаваго...

— Постомъ Великимъ смиреніе наверстаемъ, — вздохнулъ Перелѣсковъ и посмотрѣлъ на сына.

— А ты того, Трофимъ,—проговорилъ онъ, взметая пригоршней браду.—гостямъ спать не давай...

— Будьте въ полномъ покоѣ, папенька.

— Мнѣ въ пору сватомъ заняться, такъ что ты гостей не упускай изъ виду...

— Кажется, ужъ можете на Трофима положиться вполне, избави насъ отъ лукаваго...

— Я и полагаюсь. Не на Петьку же положиться... онъ и съ невѣстой-то ровно больной индюкъ насупившись сидитъ... Замѣтилъ, чай?

— О, Господи!.. Такого провидца, какъ вы, папенька, трудно даже встрѣтить,—наскрозь кажиннаго человѣка видите!—умилился Трофимъ, скребя усердно десницей затылокъ.

— Ну?—самодовольно погладилъ бороду Перелѣсковъ.

— Съ мѣста не сойти, избави насъ отъ лукаваго! И разумъ же у васъ, папенька! — покрутилъ головой Трофимъ.—Ахъ, кабы мнѣ такой, большимъ бы я человѣкомъ сталъ...

— Ну, это ты, Трофимъ, зря,—самодовольно произнесъ старикъ,—не знаю, какъ другіе, а я тебя за дурака не считаю...

Трофимъ быстро подбѣжалъ къ отцу, чмокнулъ въ плечико и потеръ глаза указательными пальцами.

— Премного вами восхищенъ, папенька... Я и такъ уже изо всѣхъ силъ стараюсь доказать вамъ свою любовь-съ...

— Вотъ Петръ совсѣмъ не то,—вздохнулъ Акимъ Спиридоновъ съ сожалѣніемъ,—глупъ!

— Трофимъ молчалъ.

— Глупъ вѣдь? А? Трофимъ!

— Вамъ виднѣе, папенька, съ родительской точки зрѣнія,—скромно заявилъ Трофимъ.

— Глупъ!—авторитетно рѣшилъ старикъ,—а вотъ, поди же ты,—дуракамъ счастье.

— Это вы насчетъ чего же-съ?

— Да вотъ насчетъ невѣсты. Знаешь, я того... за тебя ее ладилъ послѣ смерти твоей дохлой... да Иванъ Кузьмичъ уперся.

„Облюбовалъ, говоритъ, я Петра славна, такъ къ чему сичасъ персоналъ мѣнять... Намѣтилъ, говоритъ, я его въ мужья моей Авдотѣ, такъ, значитъ, такъ тому и быть“.

— Богъ съ нимъ, пушай женится,—махнулъ великодушно рукой Трофимъ,—конечно, не мое это дѣло, а только сумнительно, папенька, чтобъ Евдокія Ивановна счастье себѣ въ этомъ бракѣ обрѣла-съ—не подъ плечо она Петру, папенька...

— Это почему же?—поднялъ брови Акимъ Спиридоновичъ.

— Да такъ-съ,—пожалъ Трофимъ плечами,—мое дѣло, конечно, сторона, и я худого брату не пожелаю, избави насъ отъ лукаваго, а только, ежели въ сурьезъ говорить—несчастливая жизнь для Евдокии Ивановны будетъ-съ...

— Да въ чемъ дѣло-то, говори?

— Такъ-съ. Вы смотрите, папенька, неусыпнымъ родительскимъ окомъ и наблюдение имѣйте...

— Есть что ль у Петра кто?

Трофимъ замаялся и со вздохомъ потушилъ глаза.

Старикъ подошелъ къ Трофиму и встряхнулъ его за борта сюртука.

— Говори, чертъ!—крикнулъ старикъ,—что ты съ отцомъ въ жмурки-то играешь!

— Папенька, я ничего не знаю-съ!—съежился Трофимъ, робко заглядывая въ глаза отцу:—съ мѣста не сойти! Догадки однѣ только мои...

— Сказывай догадки... Не знаешь ты, что ль, Кошелькова, идоль? Не простить онъ сраму и насъ осрамить... меня осрамить! Акима Перелѣскова! Да я тебя живого въ землю заколочу!

— Папенька, за что же меня-то-съ?—взмолился Трофимъ,—вѣдь не я женюсь на Евдокии Ивановнѣ.

— А ты не вилай, хамская душа! Я тебя въ серьезъ спрашиваю, потому совсѣмъ не желаю изъ-за васъ ославиться...

— Я тоже этого не желаю, папенька... Ваша слава—наша слава, ваше безславые—и на насъ оно падаетъ... Догадки мои только, а тамъ я знать ничего не знаю и вѣдать не вѣдаю.

— Да въ чемъ догадки-то твои?

— Съ Настюшкой, съ читалкой, по моему, Петрунька тамшисъ... А тамъ какъ угодно-съ...

Акимъ Спиридоновичъ вздохнулъ съ видимымъ облегченіемъ, выпустилъ изъ рукъ борты сюртука Трофима и проговорилъ:

— Ну, дуракъ! Я думалъ, что сурьезное, молъ, что, а онъ читалку вдругъ—да и зря, поди?

— Не ручаюсь. Замѣтно было со стороны Петра къ Настюшкѣ благоволеніе, а сколь сіе справедливо—ручаться не

могу! И изъ-за того я, папенька, собственно говорю вамъ, чтобъ не вышло чего неприятнаго: вдругъ невѣста дознается, или достоуважаемый будущій тестъ Иванъ Кузьмичъ, — кани- тель выйдетъ-съ, избави насъ отъ лукаваго! Миѣ собственно наплевать-съ, потому у меня въ нашемъ домѣ никакихъ ин- тригъ нѣту, а на Евдокію Ивановну Петькина глупость повлі- ять можетъ, — вѣдь она, папенька, дѣвушка довольно невинная и въ Петькину морду влюбленная, и вдругъ такой ананасъ, какъ Настюшка! Не утверждаю я всего этого, помимо прочаго, но такъ думаю, что предупредить васъ моя сыновняя обязан- ность есть...

Перелѣсковъ почесалъ затылокъ и послѣ нѣкотораго раз- думья проговорилъ:

— Дуракъ ты, а можетъ и умный... Ну, это мы послѣ раз- беремъ... Иди гостей встрѣчать!

Гости пробыли долго. Всѣ они отлично ѣли блины, превос- ходно пили и славилы хозяина въ глаза за гостепріимство. Перелѣсковъ торжественно поглаживалъ животъ и, произнеся заранѣе обдуманную рѣчь, заставилъ, по настоянію почетныхъ гостей, облобызаться помолвленныхъ.

Всѣ были довольны тѣмъ, что сдѣлали, а всѣхъ довольнѣе казался Трофимъ, перелетавшій мячикомъ отъ одного гостя къ другому.

— Крѣпче цѣлуй саратовскую-то, — наставлялъ онъ брата, порхая вокругъ стола.

А Петръ, цѣлуя „саратовскую“, думалъ о поцѣлуяхъ Насти. Его цѣловали и цыганки въ Грузинахъ, и какъ цѣловали! Знаемъ солнца жгли онѣ губы Петра, но поцѣлуи Насти были, кажется, горячѣе самаго солнца! Петръ и самъ не зналъ, по- чему, когда цѣловала его Настя, у него кружилась голова и его разумъ тонуть въ какомъ-то розовомъ туманѣ, расплывав- шемся чудной мягкостью по его, дрожавшему отъ волненія сердцу.

А эти робкіе поцѣлуи его невѣсты говорили ему только о томъ, что онъ связанъ съ человѣкомъ, котораго онъ не любитъ и не полюбитъ никогда.

И чѣмъ дольше смотрѣлъ онъ на нее, тѣмъ больше убѣждался въ этомъ.

Въ ней ничего не было такого, чтобы затронуло его сердце, шевельнуло его струны.

Все въ ней было ему чуждо. И онъ смотрѣлъ на невѣсту, какъ на чужую, незнакомую дѣвушку, съ которой онъ, свя- занный поневолѣ, долженъ обращаться, какъ съ futureю же-

ной, какъ съ матерью своихъ будущихъ дѣтей,—и Петру стало противно такое насиліе, но сдѣлать онъ ничего не могъ.

Помолились Богу, значить,—все кончено!

А какъ молились,—Петра объ этомъ не спрашивали. Все дѣло въ обрядности.

Разъ таковая совершена, до остальнаго никому никакого дѣла нѣтъ.

Надо было протестовать. А вазвѣ Петръ не протестовалъ? И что жъ изъ этого вышло? Ровно ничего. Протестовать, оказывается, онъ могъ сколько ему угодно, а дѣлать долженъ былъ такъ, какъ угодно отцу.

И Петръ долженъ былъ смириться, покориться своей участи. И Настя, вотъ, полюбившая его такъ, какъ никто, можетъ-быть, не будетъ любить, и та примирилась съ тѣмъ, что любимый ею человѣкъ женится на другой, позабудетъ ее и,—почемъ знать?—станетъ потомъ смѣяться надъ ней.

Петръ еще разъ посмотрѣлъ пристально на свою будущую жену, у которой отъ донского пошли по лицу красныя пятна, и съ нескрываемой ненавистью посмотрѣлъ на отца.

А Акимъ Спиридоновичъ, подливая изъ бутылки свату шипучку, смотрѣлъ на помолвленныхъ такимъ побѣдоноснымъ взглядомъ, какъ будто осчастливилъ ихъ до самой смерти и ждалъ отъ нихъ рабской благодарности!..

Трофимъ подлетѣлъ съ бутылкой вина къ жениху съ невѣстой и, наливъ ихъ бокалы, облобызалъ Петра.

— Петруня! Милый!—бормоталъ онъ,—сколь сіе сладостно, избави насъ отъ лукаваго, я даже выразить не могу!..

Евдокія Ивановна смѣялась, смѣялся и Петръ.

XXVIII.

Гости разѣхались. По случаю „Прощенаго“ воскресенья разѣхались рано, кромѣ одного очень толстаго и очень захмѣлѣвшаго купца, который долго не выпускалъ изъ рукъ хозяина, держа его за руки и доказывая ему, что онъ хотя и три раза женатъ былъ, а сладости въ томъ никакой не находилъ.

Сплавивъ этого гостя уже обманомъ, сказавъ ему, что за нимъ прислала его третья жена.

Третья жена, очевидно, производила на купца известное впечатлѣніе, такъ какъ онъ собрался въ одну минуту и уѣхалъ домой, даже не простившись.

Раннимъ вечеромъ произошло, по обычаю, то-же, что происходило и во всѣхъ купеческихъ домахъ. Чада и домочадцы тянулись гуськомъ къверху, входили въ кабинетъ Акима Спиридоновича и со словами: „прости Христа ради!“—кланялись ему въ ноги.

— Богъ проститъ, и меня того... простите,— отвѣчалъ Акимъ Спиридоновичъ и отпускалъ всѣхъ съ миромъ, дѣлая иному подобающую случаю нотацію.

Петръ, шутя, попросилъ „прощенья“ у невѣсты.

— А развѣ вы въ чемъ провинились передо мной? — также шутливымъ тономъ спросила Евдокія Ивановна.

— Все можетъ быть,— отвѣтилъ Петръ и почувствовалъ, что краснѣетъ.

— Богъ васъ проститъ, впередъ только этого не дѣляйте!— говорила Кошелькова, съ удивленіемъ смотря на смущенное лицо жениха.

Петръ отвернулся. На его мѣстѣ выросъ Трофимъ.

— Евдокія Ивановна, и меня простите, Христа ради! — съ ужимочками и играя веселыми глазами, произнесъ Трофимъ.

— Какъ, и вы передо мной виноваты?

— Виноватъ, избави насъ отъ лукаваго...

— Въ чемъ-же это, Трофимъ Акимовичъ?

— Плохо васъ блипами угощаль!

Кошелькова расхохоталась, захихикалъ и Трофимъ, проворно отводя въ сторону Петра.

— Ну, что-жь, Петрунь, ѣдемъ съ ефіопками прощаться?— шепнулъ онъ Петру.

— Нѣтъ. Никакого желанія нѣту.

„Понимаемъ-съ,— подумалъ Трофимъ.— Что значить съ Настюшкой-то снюхаться!..“ — Да ты-же вчера хотѣлъ?..

— То вчера, а то сегодня. Никуда я не поѣду...

— Какъ знаешь, а я думаю махнуть на послѣдочкахъ... До Пасхи, братъ, Любашку не увидишь...

— Это почему?

— Съ рѣдки да съ грибовъ, Петрунь, въ Грузины не потянетъ... Да и говѣтъ два раза придется, избави насъ лукаваго!

А у старика Перелѣскова въ это время обрядъ „прощанія“ шелъ своимъ чередомъ. Подошла къ нему и Настя.

Бойко вскинула она на него глаза и съ усмѣшкой поклонилась въ поясъ, касаясь перстами правой руки пола.

— Прости, Христа ради, Акимъ Спиридонъчъ! — проговорила она, поднимая голову.

Акимъ Спиридонычъ посмотрѣлъ на статную фигуру читалки, скользнулъ критическимъ взглядомъ по ея румяному лицу и прищурилъ глаза.

„Губа-то у Петра того... не дура! — подумалъ онъ. — Огнемъ вся дѣвка пышетъ!“

Позади Насти стояла Ѳеклуша, дожидаясь своей очереди.

Перелѣсковъ взглянулъ на Ѳеклушку, посмотрѣлъ снова на Настю и сдѣлалъ строгое лицо.

— Богъ проститъ, — произнесъ онъ холодно. — Съ Богомъ!

Настя вышла. Ея замѣнила Ѳеклуша, распростершаяся въ одинъ моментъ по полу.

— Дѣло есть, — проговорилъ онъ, смотря вслѣдъ уходившей Настѣ. — Того... зайди!

— Слушаю-съ, Акимъ Спиридонычъ, слушаю, благодѣтель милостивый!

Акимъ Спиридоновичъ поднялся съ кресла и отправился къ Кошелькову.

Въ „Прощеное“ воскресенье, когда затихалъ вообще шумъ масленичнаго разгула, ложились обыкновенно рано.

И на этотъ разъ — не было еще и десяти часовъ, какъ всѣ обитатели Перелѣсковскаго дома разбрелись по своимъ помѣщеніямъ.

Петръ съ Трофимомъ разошлись еще раньше, испросивъ другъ у друга прощенье и порѣшивъ остаться дома.

Трофимъ и не хотѣлъ ѣхать куда-либо, а если это и говорилъ брату, то только для очистки совѣсти.

Во всемъ домѣ мало-по-малу гасли огни. Свѣтилось только въ комнатѣ саратовской невѣсты Евдокіи Ивановны, которая, сидя на постели и обхвативъ колѣна руками, думала о многомъ: и о прожитой юности, и о женихѣ, Петрѣ Акимовичѣ, и о будущей съ нимъ жизни.

Мало радостнаго сулило ей это будущее, мало рисовалось радостныхъ картинъ, и поэтому слезы невольно выступали на ея глаза.

Что она уже теперь не нравится Петру, — это она ясно видѣла, а въ будущемъ и подавно она будетъ ему чужой...

И какъ это ужасно устроено на свѣтѣ: отъ рожденія и до самой смерти человѣкъ не имѣетъ и дня для того, чтобы свободно распорядиться самимъ собою, своею судьбою, своимъ счастьемъ.

И въ особенности женщина: она — пѣшка, которою распоряжаются сперва родители, затѣмъ мужъ, а не станетъ мужа, —

ею играютъ дѣти, тѣ самыя дѣти, которыя, можетъ-быть, и появились-то на свѣтъ помимо ея желанія.

Проходитъ жизнь, и вспомнить ее нечѣмъ: ни одной радости, ни одной улыбки, — одинъ только вѣчный страхъ, и трепеть...

И съ этимъ мирятся сотни, тысячи женщинъ, не сознавая всей пустоты и гнусности такого существованія.

— Не думаютъ, оттого и мирятся,— проговорила вслухъ Кошелькова.— Бороться надо! Пускай меня сломятъ, за-то дочь моя ужъ не позволитъ распоряжаться собою какъ вещь... А про внучекъ и говорить нечего: тѣ и безъ борьбы своею дорогой пойдутъ, никого не спрашивая... Да и мужчины тогда не тѣ ужъ будутъ...

И Евдокии Ивановнѣ стало горько, обидно до слезъ, что она слишкомъ рано родилась, что не на ея долю выпадутъ полная личная свобода и счастье, котораго нельзя купить ни за какіе миллионы...

Когда Акимъ Спиридонычъ вернулся, уложивъ свата, въ свою спальню, Оеклушка, разобравъ постель, въ смиренной позѣ стояла у дверей.

— Ну! Бери! — промычалъ Перелѣсковъ.

Оеклушка стащила съ плечъ Акима Спиридоновича кафтанъ, встряхнула его и, сложивъ аккуратно, положила на стулъ.

— Оеклушка! Того!..

Акимъ Спиридоновичъ поболталъ въ воздухъ и погладилъ бороду.

Оеклушка налила изъ громаднаго графина кружку квасу и поднесла ее хозяину.

— Со льду прямо?

— Со льду, Акимъ Спиридонычъ, сейчасъ сама цѣдить ходила...

Перелѣсковъ вытянулъ кружку, крякнулъ, икнулъ и сѣлъ на диванчикъ.

— Вотъ что, Оеклушка,— послѣ минутнаго раздумья проговорилъ онъ,— ты... того .. правду можешь мнѣ говорить?

— Я-то? Господи! — всплеснула та руками.— Да коли-жь я тебѣ, Акимъ Спиридонычъ, неправду сказывала?

— Ну, съ вашей сестрой всякое бываетъ!.. Только ты должна помнить мое къ тебѣ расположеніе и всякія благодаренія!

— Все эфто я чувствую, Акимъ Спиридонычъ... И ежели-бы вы только знали, какъ я эфто чувствую... Ужаси!...

— Погляди за дверь, никого тамъ нѣту?

— Да кому-же и быть, всѣ ужъ полегли...

Өеклушка выглянула, повертѣла головой и прихлопнула дверь.

— Ни души нѣту.

— Говори теперича правду: путается мой Петька съ Настюшкой, али нѣтъ?

— Да вѣдь какъ сказать, Акимъ Спиридонычъ? — потупилась Өеклушка. — Никто тому свидѣтелемъ не былъ...

— Ну, а ты мнѣ зубы-то не заговаривай... Прямо говори: путается, аль нѣтъ?

— Грѣшны... Только не отъ меня вы это слышали... И не говорила я этого вамъ, и на умѣ даже не было...

— Ладно... Не тараторь. Баба ты не глупая, — это я ужъ отличить умѣю, а вотъ только языкъ у тебя подлый... Не можешь никогда прямо сказать... Почему объ эфтомъ я не знаю, а?

— Акимъ Спиридонычъ! Соколь ты мой ясный! Да какъ-же о такомъ дѣлѣ тебѣ баба бухнетъ напрямикъ, коли ты ее не спрашиваешь? Наметки я тебѣ метала, закидки закидывала, а тамъ ужъ самъ гляди: на то ты и мужчина, чтобы бабью загадку въ секунду разгадать...

— А чертъ вашу проклятую породу разберетъ! — махнулъ досадливо рукой Перелѣсковъ. — У васъ все одно и то-жъ, что правда, что ложь...

Акимъ Спиридоновичъ прошелся по спальнѣ и остановился передъ Өеклушкой.

— Слабы вы всѣ, вотъ что, чертъ васъ дери! — съ раздраженіемъ проговорилъ онъ. — Устоять не можете супротивъ... Что морду-то гнешь?

— Да гдѣ-же намъ... супротивъ-то, — вздохнула Өеклушка, нахально играя глазами.

— У-у... подлыя! Тьфу!

Акимъ Спиридоновичъ снова прошелся и сѣлъ.

— Лампады ты, какъ будто, нонѣ не ѳоправляла? — взглянулъ онъ на иконостасъ.

— Это я-то не оправляла? Владычица! Съ мѣста не сойти, — оправляла!.. Да какъ-же эфто возможно, чтобъ я Бога Творца и Вседержителя позабыла?

— Ладно. Не тараторь. Ну тебя! А ты слушай, что я тебѣ скажу.

— Слушаю, Акимъ Спиридоновичъ, всѣми ухами слушаю...

— Не подходящее это дѣло, коли такое въ домѣ завелось...

Помолились мы Богу, а вдругъ у жениха Настюшка подь бокомъ.

— Да ужъ на что хуже, соколъ мой! Да, помилуй Богъ, прослышитъ про эфто невѣста, да, избави Царица Небесная, дойдетъ до Ивана Кузьмича... Сраму одного не оберешься!

— Умно, Оеклушка, рассуждаешь. Именно сраму не оберешься.

— Ославятъ, ахъ, какъ ославятъ весь домъ, Акимъ Спиридонычъ...

— Ославятъ! А сама молчишь, дура чертова! Мало ты отъ меня добра видѣла?

— Нонче-же все рассказать хотѣла, вотъ какъ передъ Истиннымъ. Сама сумлѣвалась, а какъ нашла я нонче Настюкинъ платокъ возлѣ двери Петра Акимовича, ну — тутъ уже во мнѣ все и загорѣлось. „Жива, — думаю, — не буду, а нонче Акиму Спиридонычу все, какъ на ладони, выложу“.

— Надо такъ сдѣлать, чтобъ этого больше не было... Слышала?

— Слышу, Акимъ Спиридонычъ...

— Вотъ когда Петька женится, тогда мнѣ плевать: дѣлай, что хочешь, а сейчасъ чтобъ никакихъ поводовъ не было... Ну, что-же ты молчишь?

— Слушаю я тебя, Акимъ Спиридонычъ, что сдѣлать прикажешь...

— А почемъ я знаю... надо обсудить хорошенько... Прогнать ежели ее сейчасъ, — разговоръ пойдетъ: по какому вдругъ случаю?.. Что-нибудь да не такъ!.. Коли-бъ я раньше зналъ объ этомъ такъ и церемониться-бы не сталъ, а сейчасъ неудобно: Настюка Евдокии Ивановнѣ служить, и все сразу обнаружиться можетъ.

— У ей совѣсти хватить. Наглая дѣвка, Акимъ Спиридонычъ, никакой стыдобушки у ней нѣтъ!..

— Такъ вотъ и надо какъ-нибудь по-другому устроить...

— И по-другому можно. Дай только надумать хорошенько, Акимъ Спиридонычъ... Можно и такъ сдѣлать: въ керженцы Настюку услатъ, — улыбнулась ехидно Оеклушка.

— Зачѣмъ?

— А съ жертвой. По случаю того, что Богу помолимсь. Молодцовъ сейчасъ посылать некого, всѣ при занятіи, а здоровую дѣвку послать — самое настоящее дѣло. И старицы за здоровье жениха съ невѣстой помолются, и Настюка бѣльмомъ на глазу не будетъ...

Акимъ Спиридоновичъ долго смотрѣлъ на ухмылявшуюся Ѳеклушку и затѣмъ произнесъ:

— Знаешь, Ѳеклушка, что я тебѣ скажу?

— Я очень люблю слушать твои умныя рѣчи, Акимъ Спиридонычъ,— отвѣтила та, нагибаясь къ нему и обдавая его ласковымъ взглядомъ.

— Ты и въ аду не пропадешь, съ мѣста не сойти! Прямо, правою рукою самого Сатанила будешь...

— Куда ужъ мнѣ, глупой бабѣ, къ Сатанилу соваться! — хихикала Ѳеклушка.— Мнѣ хоть-бы у Акима Спиридоныча пожить, и то — слава Тебѣ Господи! Да умнѣй тебя во всей Москвѣ человѣка нѣту...

— Куда мнѣ до тебя! Вотъ ужъ, справедлива пословица: гдѣ чертъ не посиѣтъ, туда бабу пошлетъ... Постой... того... ну, пошлю я ее... такъ. Въ этомъ ничего такого подозрительнаго нѣту: съ кѣмъ хочу, съ тѣмъ и пошлю... Хочу съ Настасьей, хочу съ Матреной,—воля моя, и перечить мнѣ никто не можетъ... все это того... такъ. Свезетъ она жертву и вернется. Туда семь день, да оттуда — семь... проживетъ тамъ, скажемъ, недѣлю... на середокрестной и вернется.

— Не вернется, Акимъ Спиридонычъ...

— Почему, думаешь?

— Да ты сколько думаешь къ матерямъ-то послать? Не жалѣй, Акимъ Спиридонычъ, посылай больше, слушайся моего глупаго бабьяго совѣта...

— Да ужъ и такъ слушаю. Три тысячи, пошлю!

— Три тысячи,—проговорила Ѳеклушка, и глаза ея засверкали алчностью.— Да она съ такими деньгами сбѣжитъ и на глаза тебѣ ни во вѣки вѣковъ не покажется!

Акиму Спиридоновичу стало смѣшно.

— Неужто сбѣжитъ?

— Съ такими деньжищами-то? Дура будетъ, ежели матерямъ доставить...

— А сбѣжитъ — еще чудеснѣе того. Мнѣ этихъ денегъ не жаль, только-бы не вернулась... а то вѣдь, шутъ его знаетъ, моего Петьку... юродъ онъ у меня... возьметъ, да Евдокію-то на Настасью и перемѣнитъ... того... Ежели сбѣжитъ, молебень за ея здравіе отслужу!

— Сбѣжитъ! Да ей, подлой, во всю жизнь такихъ деньжищъ не нажить... Дура будетъ, Акимъ Спиридонычъ, коли не воспользуется ..

— Ну, а не сбѣжитъ вдругъ, тогда что?

— Все въ твоихъ рукахъ. Акимъ Спиридонычъ... Напиши

матери письмецо, чтобъ она Настасью въ скиту задержала. За такую жертву любая мать ее живую отъ себя не выпуститъ. Проживетъ тамъ до Оминой, и поѣзжай въ Москву съ Богомъ.

— Спасибо, Ѳеклушка. Не забуду я твоего разумнаго совѣта... Такой тебѣ подарокъ сдѣлаю, что и во снѣ не снился.

— Я ужъ и такъ предовольна твоей милостью, Акимъ Спиридонъчъ. Ужъ очень я къ тебѣ чувства-то чувствую...

— Цѣню я это... Вѣдь вотъ, ты и простая баба, читалка, вся цѣна тебѣ грошъ, а умъ у тебя золота стоитъ... И озолочу!

— Не золоти глупую, соколъ ясный! — положила руки Ѳеклушка на плечи Перелѣскова. — Боюсь, — зазнаюсь!

— Ну, ты не зазнаешься... Дуракъ — точно-что зазнается, а умный никогда!.. Вотъ еще что, Ѳеклушъ: а вдругъ Петръ-то ее отговоритъ ѣхать, что тогда, а?

— Да мы это, Акимъ Спиридонъчъ, все дѣло обыденкой обрабатываемъ. Петръ Акимычъ на весь день въ городъ уѣдетъ, а мы ее и отправимъ... Вернется онъ домой, а Настаси и въ поминѣ нѣтъ...

— Сатана ты... сатана! — съ видимымъ удовольствіемъ проговорилъ Перелѣсковъ, хлопывая по плечу Ѳеклушку...

— Ужъ очень мое старательство-то къ тебѣ горячо, Акимъ Спиридонъчъ! — протянула Ѳеклушка и, расправивъ усы старика, впила въ него губами. — Коли въ чемъ и согрѣшу передъ тобой, — за старательство мое простишь!..

— Богъ тебя прости! У-у, подлая! И родятся-же такія бабы на свѣтѣ! — удивился онъ, пройдясь снова по спальнѣ. — Отъ другой, какъ отъ моей покойницы, на примѣръ, слова настоящаго, бывало, клещами не вытащишь, а у этой — что ни слово, то алмазъ!.. Озолочу!

— Золоти, коли стою! — твердила Ѳеклушка, не сводя глазъ со старика.

Перелѣсковъ подошелъ къ ней и, усмѣхнувшись, схватилъ ее за подбородокъ.

Ѳеклушка торжествовала.

XXIX.

Въ „Чистый“ понедѣльникъ поднялись всѣ рано. Исключеніемъ была Евдокія Ивановна, до которой мало кому дѣла было. Старикъ Кошельковъ вмѣстѣ съ хозяиномъ отправился въ баню, которую начали топить еще съ вечера Прощенаго воскресенья.

Баня, устроенная изъ „легкой“ липы, стояла въ укромномъ уголкѣ сада, сбѣгавшаго террасами къ рѣкѣ, и съ давнихъ поръ обмывала грѣшныя тѣlesa и хозяевъ, и ихъ чадъ, и домоладцевъ.

Каждую субботу надъ баней вился сизый дымокъ, и по проторенной дорожкѣ утромъ шли хозяева съ дѣтьми, а вечеромъ—молодцы и остальная прислуга.

Вернувшись изъ бани, Акимъ Спиридоновичъ вмѣстѣ съ гостемъ и сыновьями напился чаю съ липовымъ медомъ и отправилъ сыновей въ городъ.

Петръ хотѣлъ было заѣхать къ Перекатову, но старикъ, подумавъ немного, рѣшилъ, что онъ отправится къ нему послѣ закрытія лавки, т.-е. въ пятомъ часу.

У старика на это были свои расчеты.

Приѣхалъ онъ въ лавку часа въ три и въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Несмотря на „Чистый“ понедѣльникъ, онъ пошутилъ съ молодцами и отправился съ сыновьями „погрѣться“ къ Бубнову.

„Духъ-то нонче у родителя весьма възгрательный,—думалъ Трофимъ, слушая съ удивленіемъ шуточки отца, всегда сурово относившагося къ „пустымъ лясамъ“.—Охъ, что-нибудь учинилъ онъ, избави насъ отъ лукаваго!..“

Петръ какъ-то равнодушно отнесся къ веселому настроенію Акима Спиридоновича и думалъ больше о предстоящемъ свиданіи съ такимъ интереснымъ человѣкомъ, какимъ представлялся ему Перекатовъ.

„Учинилъ... охъ, учинилъ!—качалъ головой Трофимъ, идя слѣдомъ за старикомъ.—Гдѣ онъ до трехъ часовъ пребываніе свое имѣлъ? Любопытно, избави насъ отъ лукаваго!“

Какъ ни ломалъ голову вообще догадливый Трофимъ, но разрѣшить такого вопроса не могъ.

„Ужъ не заѣзжалъ ли онъ съ Кошельковымъ имѣніе на папенькино имя закрѣплять?“—догадывался онъ и, догнавъ

почти у самага трактира Акіма Спиридоновича, спросилъ его, посмѣиваясь добродушно:

— А я ужъ, папенька, такъ и положилъ, что вы ради „чистаго“ понедѣльника нонѣ и въ городъ не попадете...

— Это почему же такое предположеніе?..

— Да такъ-съ... Вижу—не ѣдетъ, ну и думалъ...

— Дома задержался...

Акимъ Спиридоновичъ пропустилъ впереди себя Петра, который быстро сталъ подниматься по лѣстницѣ трактира, и шепнулъ Трофиму:

— Настьку сплавилъ!

— Какъ-съ?—разинулъ ротъ Трофимъ отъ удивленія.

Перелѣсковъ ничего не отвѣтилъ. Онъ, охая и отдуваясь, медленно поднялся кверху и только на послѣдней ступенькѣ остановился на секунду и, переводя духъ, буркнулъ Трофиму:

— Петру до вечера ни слова!

— Слушаю-съ, папенька!

Перелѣсковы раздѣлись и прошли въ отдѣльный кабинетъ, у дверей котораго ихъ встрѣтили низкими поклонами половые.

„Я говорилъ, что батъка учинилъ что-нибудь этакое, избави насъ отъ лукаваго!—ухмылялся Трофимъ, смотря съ нѣкоторою ироніей на брата, и не подозрѣвавшаго отцовской махинаціи.— Учинилъ и есть! Но куда только онъ ее сплавилъ? Надо разыскать...“

Перелѣсковы въ трактирѣ сидѣли до запорки лавки.

Говорили вообще всегда они очень мало, изрѣдка перекидываясь отрывочными фразами о своемъ коммерческомъ дѣлѣ. Приходъ посторонняго купца—знакомаго или покупателя—мало вносилъ оживленія въ ихъ бесѣду. Говорилось опять же все о томъ же, т.-е. о дѣлѣ; встрѣчались безъ радости, расходились безъ сожалѣнія, и только изрѣдка бесѣда принимала болѣе интимный характеръ. Это случалось тогда, когда на столѣ появлялась бутылка донского, поданная на Перелѣсковскій столъ для утоленія жажды выгоднаго покупателя.

Перелѣсковъ, какъ и большинство купцовъ стараго склада, былъ скупъ и развертывался во всю очень рѣдко, такъ рѣдко, что и Трофимъ, и Петръ могли точно опредѣлить годъ, мѣсяць и число, когда Акимъ Спиридоновичъ притворялся щедрымъ и хлѣбосольнымъ и угощалъ своихъ покупателей и знакомыхъ, не справляясь у половыхъ о количествѣ выпитыхъ бутылокъ.

Въ такіе моменты онъ не жалѣлъ ничего и только спрашивалъ свою „компанію“:

— Скупъ я, братцы, а? Скажутъ же такую подлость!.. Эй, Мотька... того... еще полдюжины!..

На другой день послѣ такихъ моментовъ, впрочемъ, онъ просыпался угрюмымъ и долго чесалъ, просвѣчивавшій сквозь рѣдину волосъ затылокъ.

Въ этотъ день влетало всѣмъ: и дѣтямъ, и молодцамъ, и прислугѣ. Всѣ оказывались тунеядцами, ворами и грабителями. Ни у кого не было ни стыда, ни совѣсти, и всѣ, точно шайка разбойниковъ, сплотились для того, чтобъ его ограбить и разорить...

Въ моменты сильнаго возбужденія Акимъ Спиридоновичъ принимался плакать: до того его трогала людская безсовѣстность...

Ворчалъ онъ цѣлую недѣлю и переставалъ только потому сердиться и ругаться, что самому начинала надоѣдать эта музыка.

И, несмотря на все это, и сыновья, и молодцы, и прислуга— всѣ съ удовольствіемъ узнавали, что сегодняшній день былъ именно такимъ днемъ, когда Акимъ Спиридоновичъ развертывался во-всю и притворялся щедрымъ.

Дѣло въ томъ, что послѣ обѣда у Бубнова онъ ѣхалъ прямо домой и въ самомъ благодушномъ настроеніи приставалъ ко всѣмъ съ вопросами:

— Иродъ я, по твоему, а? Скупердяй? Того... проси у меня, у Ирода, чего хочешь... Проси!

И всѣ просили, и всѣ получали. Ни для кого отказа не было. Приходилъ молодецъ и кланялся.

— А, Петровъ!—кивалъ ему головой Перелѣсковъ.—Ты, значить, того?

— Къ вашей милости, Акимъ Спиридонычъ!—катился тотъ ему въ ноги.

— Встань, глупый, и говори...

— Насчетъ прибавки жалованья, Акимъ Спиридонычъ... Жена сичасъ изъ деревни пишетъ, четвертаго ребенка родила... Корова подъ Николу подохла... Войдите въ положеніе...

— Эхъ, народъ!—съ сожалѣніемъ качалъ головой Перелѣсковъ.—Ну, какое такое твое жалованье, чтобъ четвертаго ребенка родить? Хозяина вы не жалѣете!

— Васъ-то не жалѣютъ, Акимъ Спиридонычъ? Господи, такого благодѣтеля-то?

— Ну, такъ жена часто къ тебѣ ѣздитъ?..

— Два раза въ годъ, по положенію, Акимъ Спиридонычъ...

— Нда! Значить, того... Трофимъ, запиши ему прибавку

жалованья сто рублей въ годъ... Котораго числа ребенокъ-то у тебя? Новый-то?

— Стало-быть, пятаго числа прошлаго мѣсяца объявился, Акимъ Спиридонычъ...

— Трофимъ, запиши прибавку съ пятаго.

Молодецъ снова катился къ ногамъ хозяина и укатывался совсѣмъ. За первымъ молодцомъ являлись второй, третій... Шла кухарка просить на „погорѣлаго зятя“, тащился кучеръ съ „избой, которая того гляди развалится“.

Станный былъ характеръ у Акима Спиридоновича!

Суровый до жестокости, до презрѣнія ко всему человѣчеству, до ненависти къ своимъ близкимъ роднымъ,—въ такіе дни онъ размягчался, какъ воскъ отъ тепла, и сочувствовалъ, и горевалъ, и болѣлъ душой не только о людяхъ, но даже о скотахъ.

Благодаря такимъ, хотя и рѣдкимъ (разъ въ годъ, а то и въ два года разъ) днямъ, всѣ его служащіе получали, сравнительно съ другими, очень большое жалованье и потому терпѣливо сносили его суровость въ остальные дни.

Онъ самъ говорилъ, что въ такіе дни онъ „просвѣтлялся духомъ“, и если не роздалъ своего состоянія, то только потому, что просить его ни у кого не хватало ни смѣлости, ни совѣсти. Довольствовались обыкновенно малымъ; это Перелѣсковъ сознавалъ въ остальные дни—„затемнѣнія“ и поэтому еще сугубѣе презиралъ человѣчество.

— Проси, чего хочешь,—говорилъ онъ Трофиму.

И Трофимъ, въ глубинѣ души не вѣря отцу и страшась его, просилъ двѣ-три тысячи на Грузины.

— Получай, Трофимъ... Люблю...

Петръ ничего не просилъ.

— У меня все есть, папенька, мнѣ ничего не надо!—отвѣчалъ обыкновенно онъ на приставанія отца.

Старикъ насильно совалъ ему что-нибудь и считалъ себя вполне удовлетвореннымъ.

И на другой день, несмотря на то, что онъ вставалъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ, все, что было обѣщано наканунѣ, исполнялось въ точности.

Значить, и въ такомъ человѣкѣ ощущалась потребность сдѣлать что-нибудь другое, не похожее на то, что онъ дѣлалъ изо дня въ день, изъ года въ годъ.

Душа требовала отдыха, и онъ давалъ ей отдыхъ—какъ могъ, какъ умѣлъ, какъ подсказывало ему воображеніе, подогрѣтое въ трактирѣ донскимъ.

А отдохнувъ, она продолжала творить то, къ чему она была прилажена и самой жизнью, и средой, и всемогущими традиціями.

— Ты куда изъ лавки?—спросилъ Трофимъ Петра, выходя изъ трактира.

— Заѣду къ Перекатову... передать письмо отъ Ивана Кузьмича... А что?

— Ничего. . Я такъ... Думаль, домой, молъ, вмѣстѣ отправимся...

— Нѣтъ, я позже пріѣду... На домъ къ нему придется ѣхать... Хотѣлъ въ лавку сходить, да самъ, видишь, времени не было...

— Что жъ... поѣзжай,—раздумчиво проговорилъ Трофимъ,—ты съ нимъ давно хотѣлъ познакомиться...

— Если приметъ только, съ удовольствіемъ познакомлюсь...

— Перелѣскова не приметъ?—съ гордостью произнесъ Трофимъ.—Нѣтъ, ужъ это надо оставить, избави насъ отъ лукаваго!.. Говорятъ, онъ умный человѣкъ, а умный человѣкъ свиньей быть не можетъ...

Перекатовъ жилъ на одной изъ большихъ улицъ Замоскворѣчья. Домъ его своимъ внѣшнимъ видомъ мало чѣмъ отличался отъ другихъ. Стоялъ онъ во дворѣ, размѣры котораго позволяли видѣть его сквозь чугунную рѣшетку, какъ на ладонкѣ, окрашенъ былъ въ свѣтло-сѣрую краску и всѣми двадцатью окнами весело смотрѣлъ на кусты сирени, посаженные вдоль рѣшетки.

За крышей виднѣлись верхушки столѣтнихъ деревьевъ, осыпанные инеемъ и розовымъ отблескомъ угасавшаго солнца.

Петръ въ открытыя ворота вѣхалъ къ подъѣзду и долго искалъ звонка. Нашелъ онъ его въ серединѣ массивной дубовой двери съ вырѣзанными фигурами грифовъ.

Впустилъ Петра очень приличный по виду лакей въ застегнутомъ по самое горло темномъ сюртукѣ и справился:

— Что вамъ угодно?

— Мнѣ хотѣлось бы видѣть Арефія Петровича... Вѣдь онъ дома?

— Дома-съ. Только что откушали. Какъ прикажете о васъ доложить?

— Я—Петръ Перелѣсковъ... Перелѣсковъ, Петръ Акимовичъ... Скажите, что я его не задержу...

— Слушаю-съ... Прошу раздѣться.

Вестибюль былъ нѣсколько мрачный; освѣщался онъ громаднымъ итальянскимъ окномъ, расположеннымъ надъ площад-

кою перваго марша широкой чугунной лѣстницы съ поручнями изъ краснаго дерева, и въ зимніе дни казался темнымъ.

Петръ раздѣлся, посмотрѣлся въ зеркало, въ которомъ, кромѣ темнаго пятна, ничего не могъ разглядѣть, и пошелъ къ верху за лакеемъ, степенно шагавшимъ по ступенькамъ, покрытымъ мягкимъ красноватымъ ковромъ.

Поднявшись къ верху, они свернули направо и очутились въ небольшой квадратной пріемной.

— Потрудитесь присѣсть, я пойду доложить, — проговорилъ лакей и исчезъ въ противоположную дверь.

Петръ съ любопытствомъ осмотрѣлся. Ничего особеннаго въ комнатѣ не было, да и не могло быть. Единственное окно выходило въ садъ; у одной стѣны стояли диванъ, обитый штофомъ, столъ, два кресла; у другой — нѣсколько стульевъ и маленькій японскій столикъ. На стѣнахъ висѣли массивныя бронзовыя бра и пять-шесть картинъ.

Петръ подошелъ къ картинамъ. Картины были темны, фигуры неясны, сюжеты непонятны. Одна только картина, на которой была изображена молодая дѣвушка или женщина съ котенкомъ на колѣнахъ, ему понравилась. Было что то знакомое Петру въ ея взглядѣ, устремленномъ въ пространство. Ни загадочности, ни таинственности въ этомъ взглядѣ не было, но она смотрѣла какъ живая, смотрѣла просто, ясно, безъ грусти и улыбки, какъ смотрятъ всѣ здоровыя женщины, которыя знаютъ, что ихъ любятъ тѣ, кого онѣ сами любятъ, что цѣли ихъ жизни начертаны совершенно опредѣленно, что у нихъ больше друзей, чѣмъ враговъ, что нѣтъ никакихъ причинъ тревожиться сердцу, давно уже привыкшему къ однообразному ритму, и что даже котенокъ, лежащій у нея на колѣнахъ, привязанъ къ ней и не уйдетъ съ ея колѣнъ до тѣхъ поръ, пока она его сама не прогонитъ...

„Взглядъ Насти...“ — подумалъ Петръ, полюбившій въ послѣднее время во всемъ и вездѣ находить отраженіе любимой дѣвушки.

— Да, это ея взглядъ! — проговорилъ онъ вслухъ, всматриваясь въ картину.

— Чей, позвольте полюбопытствовать? — раздался за его спиной чей-то голосъ.

Петръ вздрогнулъ отъ неожиданности и повернулся.

Передъ нимъ стоялъ высокій мужчина съ длинными, зачесанными назадъ волосами и свѣтло смотрѣвшими глазами.

Взглядъ его, впрочемъ, не останавливался на одной точкѣ,

а скользилъ мягкими искорками по всему предмету, на который онъ былъ устремленъ.

— Виновать,— сконфуженно проговорилъ Петръ.— Я, кажется, замечтался вслухъ... Арефій Петровичъ, если не ошибаюсь?

— Не ошиблись. А вы... Петръ Акимовичъ Перелѣсковъ, сынъ извѣстнаго нашего коммерсанта Перелѣскова?— съ живостью спросилъ хозяинъ.

— Петръ Перелѣсковъ,— склонилъ тотъ голову.

Перекаатовъ подаль руку Петру, пожалъ ее горячо и, не выпуская изъ своей руки, подвелъ его къ дивану.

— Прошу садиться. Очень радъ съ вами познакомиться,— говорилъ онъ съ неувимой ироніей.— Вотъ, подите же, единовѣрцы мы съ вами, коммерсанты, а... не были знакомы до сихъ поръ... Во всякомъ случаѣ, молодой человѣкъ, лучше поздно, чѣмъ никогда.

Перекаатовъ снова пожалъ руку Петру и подвинулъ къ нему ящикъ съ сигарами.

— Вы курите?

— Нѣтъ, Арефій Петровичъ.

— И слава Богу. Глупая привычка, которая кромѣ кашля да мокроты положительно ничего не даетъ курильщику. Я рѣдко курю... Такъ рѣдко, что не могу разорить куреніемъ даже моего лакея, и все-таки нахожу, что человѣчество, если совсѣмъ броситъ эту глупую привычку, ничего, кромѣ пользы, себѣ не принесетъ...

Перекаатовъ отодвинулъ ящикъ съ сигарами въ сторону и подвинулся къ Петру, который разсматривалъ его съ видимымъ любопытствомъ.

— Такъ вы сынъ Акима Спиридоновича, столпа нашего старообрядческаго міра? Очень радъ. Вы... старшій?

— Нѣтъ, я младшій. Старшаго брата зовутъ Трофимомъ.

— Такъ вы младшій?— съ какой-то особенной нѣжностью посмотрѣлъ Перекаатовъ на Петра.— Простите за откровенность,— старость, знаете, всегда болтлива,— но я мало слышалъ лестнаго о вашемъ братѣ... Трофимомъ, вы говорите, его зовутъ?

— Да.

— О васъ... о васъ я имѣю другія свѣдѣнія... Скажите, сколько вамъ лѣтъ?

— Тридцать, Арефій Петровичъ.

— Тридцать! Тридцать!— проговорилъ задумчиво хозяинъ,

откидываясь на спинку дивана.—Какъ время бѣжить! Господи, какъ время бѣжить!

Перекатовъ потеръ свой высокій бѣлый лоуъ и снова взглянулъ на Петра съ нѣжностью.

— А вы не знаете, что я когда-то женихомъ вашей покойной матушки былъ?—спросилъ онъ съ оживленіемъ.

— Нѣтъ, не знаю!—отвѣтилъ Петръ, съ удивленіемъ всматриваясь въ Перекатова, который, облокотившись на столъ, уставился на дѣвушку съ котенкомъ.

XXX.

— Какъ-же, какъ-же-съ, — продолжалъ Перекатовъ, — ваша покойная матушка мнѣ очень нравилась...

— Почему-же вы не женились на ней, Арефій Петровичъ?

— На плохомъ счету у ея родителей оказался, — съ грустною усмѣшкой произнесъ Перекатовъ.— Впрочемъ, можетъ-быть, это и къ лучшему вышло. Это еще вопросъ, была-ли бы она со мной счастлива. А вы, знаете, удивительно похожи на вашу покойницу.

— Говорятъ...

— Очень. Позвольте, да что-же это мы въ сухую съ вами говоримъ?.. Чаю выпьете?

— Благодарю васъ...

— Ну, конечно...

Перекатовъ схватилъ, стоявшій на столикѣ звонокъ и позвонилъ.

— Дайте намъ чаю,—приказалъ онъ явившемуся лакею. — Простите, что не зову васъ въ столовую и не знакомя со всѣми членами моей семьи. Вы въ такой день ко мнѣ попали, когда и старъ, и младъ, по традиціямъ, отправляются въ баню...

— Какъ и вездѣ...

— Да. Это ужъ день такой. Я сегодня и въ городъ-то взглянулъ часа на два... А вы были въ лавочкѣ?

— Прямо оттуда къ вамъ. Простите, Арефій Петровичъ, я вѣдь вамъ письмо привезъ и до сихъ поръ не отдаю по принадлежности,—сконфузился Петръ, торопливо доставая письмо изъ кармана сюртука.

— Письмо?—удивился тотъ.—Отъ кого-же это?

— Изъ Черемшанъ.

— А! Какимъ образомъ оно къ вамъ попало?

— А, видите-ли, у насъ сейчасъ гоститъ саратовецъ одинъ... Кошельковъ, Иванъ Кузьмичъ... Можетъ-быть, слышали про такого?

— Еще-бы не слышать! Кто Кошелькова не знаетъ!

— Милліонера, видно, всѣ должны знать, — усмѣхнулся Петръ.

— Ну, какъ милліонера, я его совсѣмъ не знаю, — спокойно проговорилъ Перекатовъ, переводя взглядъ съ картины на Петра. — Деньги, молодой человѣкъ, это ~~такая~~ темная штука, что по нимъ трудно узнать человѣка... По моему мнѣнію, на-примѣръ, чѣмъ больше денегъ у человѣка, тѣмъ для него хуже.

— Вотъ какъ! — удивился Петръ. — Почему-же, Арефій Петровичъ?

— Очень просто. Такого человѣка и знаютъ только потому, что у него сундуки золотомъ набиты. Печальная извѣстность! Печальная уже потому, что въ немъ видятъ совсѣмъ не человѣка, а хозяина золотого мѣшка. Нѣтъ, Кошелькова я знаю не какъ милліонера, а какъ дикаго и необузданнаго человѣка. Это еще хуже, пожалуй, скажете вы. Что-же дѣлать! А именно такимъ-то я его и знаю. Онъ, кажется, близкій вашему отцу человѣкъ?

Петръ покраснѣлъ и медлилъ отвѣтомъ.

— Если васъ стѣсняетъ мой вопросъ, можете и не отвѣчать, молодой человѣкъ! — съ живостью произнесъ Перекатовъ, вскрывая письмо.

— Нѣтъ, отчего-же и не отвѣтить, — проговорилъ, наконецъ, Петръ. — Кошельковъ и мой отецъ — старинные друзья.

— Я такъ и думалъ. Во всякомъ случаѣ, очень благодаренъ вамъ за доставку письма; благодаря только ему я познакомился съ вами, а о васъ я слышалъ только хорошее.

— Обо мнѣ? Я нигдѣ почти не бываю...

— Вотъ поэтому-то и говорятъ только хорошее. То есть, если говорить правду, отзываются о васъ иносказательно.

— Вотъ какъ! Я это отъ васъ только узнаю.

— Да. Называютъ васъ, не обидьтесь только, пожалуйста, — юродивымъ.

Петръ засмѣялся.

— Этимъ словечкомъ, Арефій Петровичъ, меня иногда и дома угощаютъ.

— Да неужели?

— Честное слово...

— Значитъ, вы очень и очень хорошій человѣкъ! Позвольте

мнѣ пожать вашу руку. Я несказанно радъ знакомству съ вами... И вы никогда не обижались на такія милыя словечки?

— Никогда.

— У васъ есть умъ. Я о людяхъ по себѣ сужу. Привыкъ уже такъ издавна и, смѣю васъ увѣрить, до сихъ поръ не раскаивался въ этомъ. Брань глупаго, темнаго человѣка—лучшая похвала умному. Про меня, я слышалъ, Богъ знаетъ что рассказываютъ въ нашемъ старообрядческомъ мірѣ.

— Вотъ поэтому-то я такъ и хотѣлъ познакомиться съ вами, Арефій Петровичъ...

— Благодарю васъ. Сердце сердцу, значить, вѣсть подаетъ.

Лакей принесъ поднось съ налитыми стаканами чаю и поднесъ Петру.

— Это лимонъ... это медъ... это миндальное молоко... а, можетъ-быть, вы... постовъ не соблюдаете?

— Напротивъ...

— Такъ и слѣдуетъ, молодой человѣкъ. Разнообразіе пищи, во-первыхъ, благотворно дѣйствуетъ на организмъ, а, во-вторыхъ, для чего-же нибудь и установили посты отцы церкви...

— Значить, Арефій Петровичъ, вы тоже посты соблюдаете?—съ удивленіемъ спросилъ Петръ.

— Обязательно. Да у меня и всѣ въ домѣ ихъ соблюдаютъ.

— Но какіе подлые люди, Арефій Петровичъ, что они про васъ говорятъ!

Перекаатовъ засмѣялся.

— Пусть себя глупой сплетней тѣшатъ на доброе здоровье. Я все знаю, что про меня говорятъ, и не обращаю никакого вниманія на пересуды темныхъ людей. Свѣту-бы, немножко свѣту въ нашъ міръ!.. Но это скоро будетъ...

— Вы думаете?

— Нельзя сторониться отъ свѣта: онъ всѣхъ къ себѣ притягиваетъ, и желающихъ, и нежелающихъ. Я вамъ примѣромъ поясню. Вы учились гдѣ-нибудь?

— Бѣгалъ въ городскую школу... Какое тамъ ученье, вы сами знаете!

— Знаю. А вашъ братъ?

— Того читалка обучала чтенію и письму, а ариѳметикѣ—приказчики отца...

— Вы довольны своимъ обученіемъ или нѣтъ?

— Конечно, нѣтъ!

— Прекрасно. Женитесь вы, пойдутъ у васъ дѣти... Держу пари, вы ихъ не пошлете въ ту школу, гдѣ сами учились, а отправите или въ гимназію, или академію, потому что вы соб-

ственнымъ опытомъ уже знаете, что школа, гдѣ вы учились чему-то, вашимъ дѣтямъ дастъ или ничего, или очень мало. Я самъ учился въ такой-же, какъ и вы, школѣ, а мои дѣти учатся: одинъ въ гимназiи, другой въ академiи. На меня стали шипѣть, обвинять въ „новшества“, въ „невѣрiи“ и Богъ знаетъ еще въ чемъ. Я улыбался, конечно, и былъ увѣренъ, что въ скоромъ времени и другiе послѣдуютъ моему примѣру.

— Кажется, уже послѣдователи есть!—усмѣхнулся Петръ.

— На другой-же годъ послѣ того, какъ я отдалъ своихъ дѣтей въ школы, ко мнѣ заѣзжаетъ Синькинъ и первымъ деломъ задаетъ мнѣ такой вопросъ: „а что твои ребята въ школѣ-то въ невѣрiе не впали?“—„Не впали,—говорю,—а что?“— „Нѣтъ, такъ это я...“ — и уѣхалъ. А потомъ, слышу, онъ и своего сына въ академiю отправилъ...

Перекаатовъ заговорился съ Петромъ. Принесли уже свѣчи, когда Петръ поднялся, чтобъ проститься съ любезнымъ хозяиномъ.

— Беру съ васъ слово бывать у меня,—пожимая руку гостю говорилъ Перекаатовъ,—я очень люблю хорошихъ людей... Да, кстати, вы женаты?

— Нѣтъ...

— Понимаю. Выбираете по сердцу, а сердце все молчитъ. Такъ, что-ли, Петръ Акимовичъ?

— Нѣтъ, не такъ. И сердце ужъ заговорило, — потупился Петръ,—а.. женюсь на другой.

Перекаатовъ пристально посмотрѣлъ на Перелѣскова и положилъ ему руку на плечо.

— Не дѣлайте этого...

— Нельзя, Арефiй Петровичъ... мой отецъ не вы... Богу ужъ помолились...

— Э, подите вы,—съ досадою выкрикнулъ хозяинъ,—всѣхъ васъ формальности да обрядности заѣли... вы по-человѣчески, по душѣ живите...

— И радъ - бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ... Знаете такую пословицу?

— И пословица глупая, и жизнь свою люди устраиваютъ по глупому... Кто ваша невѣста, если это не секретъ?

— Какой-же секретъ, когда ужъ Богу помолились,—дочь Кошелькова...

Перекаатовъ нахмурился.

— Ну, да, конечно... Вы ее не любите?

— Нѣтъ.

— Жаль мнѣ васъ. Отъ души жаль. Да какъ-же это такъ,

ей-Богу? Я знаю, что и вашъ отецъ такой-же дикій человѣкъ, какъ и Кошельковъ, но нельзя-же весь вѣкъ прожить по произволу другихъ. Я понимаю васъ, вы уважаете отца, какъ и слѣдуетъ вообще, любите его, но... есть-же предѣлъ всему, есть-же, наконецъ, свои личные интересы, личное счастье, изъ-за которыхъ иногда приходится и бороться даже съ роднымъ отцомъ...

— Ахъ, Арефій Петровичъ! Напрасно вы мнѣ это все говорите. Неужели-же я не боролся, не просилъ отца,—ничего не вышло.

— Бѣдный вы мой, ей-Богу! Мнѣ такъ жаль васъ... Право, я готовъ поѣхать въ вашему отцу и просить за васъ, но, думаю, что это будетъ бесполезно...

— Совершенно бесполезно. Да онъ и не приметъ Перекатова.

— Ну, принять-то онъ меня приметъ, положимъ, да толку изъ этого никакого не выйдетъ. И познакомился-то я съ вами только на печаль одну,—развелъ руками Перекатовъ,—вы теперь у меня изъ головы не выйдете... Породниться съ Кошельковымъ... Да вѣдь это ужасно, Петръ Акимовичъ! Вы такой молодой, полный жизни и силъ, вся будущность передъ вами, и вдругъ—къ Кошелькову подъ началь. Вы обо всемъ этомъ думали или нѣтъ?

— И какъ еще думаль, Арефій Петровичъ!

— И примирились?

— А что-же прикажете дѣлать? Уйти отъ отца? Куда? Теперь уже, не зная меня, всѣ называютъ юродивымъ, а что-же тогда будутъ говорить? На цѣпь еще посадятъ, какъ человѣка, потерявшаго послѣдній разумъ... Возможно это у насъ, сознайтесь, или нѣтъ?

— У насъ? Въ нашей средѣ? — съ негодованіемъ произнесъ Перекатовъ.— Все возможно!

— Ну, вотъ видите.

— Все возможно. И клеветать стануть, и лжесвидѣтельствовать... Но какъ мнѣ васъ жаль! Какъ отцу сына жаль...

— Спасибо вамъ сердечное, Арефій Петровичъ, за ласковое слово,—крѣпко пожалъ Петръ руку хозяину.— Я такъ ихъ мало слышалъ въ жизни.

— Послушайте, Петръ Акимовичъ, я все-таки продолжаю цѣпляться за ниточку. Вы, конечно, говорили уже со своею нареченной... Что-же она думаетъ?

— Да то-же, что и я... Помолились Богу, значить, все кончено!

Перекаатовъ долго смотрѣлъ на Петра, какъ будто сомнѣваясь въ томъ, что его ухо слышало, и затѣмъ молча проводилъ его до лѣстницы.

— Ну, заѣзжайте ко мнѣ почаще, можетъ, что и придумаемъ,— неувѣреннымъ тономъ произнесъ Перекаатовъ, пожимая руку Петру.— А Кошелькову скажите, что по письму отъ старцевъ я сдѣлаю все, что могу. До свиданія.

Петръ поклонился Арефію Петровичу и сталъ спускаться внизъ.

А Перекаатовъ, нахмутивъ брови, пошелъ по длинной анфиладѣ покоевъ и очутился въ небольшой комнатѣ, гдѣ за столомъ, заваленнымъ книгами, сидѣлъ гимназистъ, лѣтъ восемнадцати, съ красивыми, выразительными глазами и съ точно начерченными сажею усиками.

— Митя, все латынь зубришь?—справился Перекаатовъ, расплываясь при видѣ сына въ широкую улыбку.

— Съ латынью покончилъ, папочка, съ грекомъ теперь развозился,— отвѣтилъ тотъ, отрываясь отъ книги и съ улыбкой смотря на отца.

— Ну, возись, возись. А не лучше-ли бросить,— а?

— Что, бросить?

— Да и грека твоего, и Тита Ливія... Безъ премудрости-то, говорятъ, легче жить на свѣтѣ... А у меня на примѣтѣ невѣста есть хорошая... Женю я тебя и успокоюсь...

Гимназистъ всталъ, подошелъ къ отцу и заглянулъ ему въ глаза.

— Ты шутишь, конечно?..

— А если въ серьезъ говорю?

— А въ серьезъ, такъ и я тебѣ въ серьезъ: уйди и не мѣшай мнѣ заниматься... Иди къ себѣ въ кабинетъ и читай своего любимца-Смайльса...

И гимназистъ, шутя, вывелъ отца за дверь и, захлопнувъ, заперъ ее на ключъ.

— Бѣдный Петръ Акимовичъ,— бормоталъ Перекаатовъ, направляясь къ себѣ въ кабинетъ,— какъ мнѣ его жаль! Какъ мнѣ его жаль!

Петръ вернулся домой уже къ ужину. Торопливо поздоровавшись съ Евдокіей Ивановной, онъ передалъ Кошелькову результатъ его свиданія съ Перекаатовымъ и подсѣлъ къ столу, на которомъ стояли всѣхъ сортовъ грибы, кочанъ капусты, горохъ и прочія постныя снѣди.

— Ну, что, какъ тебя старый грѣшникъ принялъ? — справился Акимъ Спиридоновичъ у сына.

— Очень хорошо, папенька... Пили съ нимъ чай и заговорились вотъ до какого времени...

— Поди со сливками чай-то пилъ?

— Нѣтъ, съ молокомъ... миндальнымъ только...

— Ну, да при тебѣ развѣ онъ станетъ: знаетъ, чай, тоже, изъ какой ты фамилии...

— Напротивъ, онъ меня даже одобрилъ, что я постъ соблюдаю... такъ же, какъ и онъ...

— Врешь!

— Напрасно вы не вѣрите,

— Всѣ говорятъ, что скоромъ жретъ...

— А кто эти всѣ, папенька? Ужъ не пѣвцы-ли съ кладбища?

— Я и отъ поповъ слыхалъ.

— Не думаю, чтобъ попы клеветать на человѣка напрасно стали.

— Такъ, значитъ, по-твоему, я на него клевету взвожу? — посмотрѣлъ Перелѣсковъ на Петра.

— Я этого не говорилъ. А слышали вы отъ людей, которымъ довѣрять нельзя, только и всего.

→ Приворожилъ онъ тебя, дурака, я вижу, — не удержался Акимъ Спиридоновичъ, — и на кривой объѣхалъ.

Петръ поблѣднѣлъ и смолкъ. Ужинъ прошелъ въ молчаніи. Только одинъ Кошельковъ охалъ, шепталъ „Господи, Иисусе Христе и Сыне Божій, помилуй насъ“, и ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, переходя съ грибовъ на рѣдьку, съ капусты на горохъ, посматривая на своего будущего зятя.

Онъ далъ ему время проводить Евдокію Ивановну до ея комнаты и пересѣкъ путь по его возвращеніи.

— Не надолго, Петръ Акимычъ, — захватилъ онъ подъ руку Петра.

— Что прикажете, Иванъ Кузьмичъ? — удивился тотъ.

— Спросить хочу, по совѣсти, — отвелъ онъ его въ дальнюю комнату, — переводить мнѣ имѣнія, которыя за Душаткой идутъ, на твоего отца али погодить?

— Я, право, не знаю... а что?

— Характеромъ твой батька крутенецъ, — мотнулъ головою Кошельковъ, — охъ, крутъ! Я насчетъ крутости слабъ, а онъ много слабѣе... Погодить я думаю, а?

— Ей-ей, не знаю, Иванъ Кузьмичъ... это отъ васъ зависитъ, — какъ хотите, такъ и дѣлайте...

— Эна какой совѣтъ: какъ хочешь, такъ и дѣлай! Ну, я нонче сдѣлаю, а онъ завтра тебя, по своему карактеру, въ шею и вонъ съ Душаткой-то... Пропали имѣнія али нѣтъ? Вѣдь онъ на свое имя ихъ требуетъ... чтобъ баловства съ вашей стороны не произошло...

— Мнѣ кажется, Иванъ Кузьмичъ, что такъ какъ имѣнія вы даете въ даръ вашей дочери, то они и должны быть записаны на ея имя...

— Да какой-же это дуракъ на бабу миллионныя имѣнія запишетъ? Что-жъ ты изъ ея рукъ глядѣть станешь? Да она, съ дуру-то, вотъ чего накоррежетъ, что ты ни во вѣки вѣковъ ни расхлебаешь...

— Неужели вы не вѣрите своей дочери?

— Бабѣ? Не вѣрю. И ты, Петръ Акимычъ, не вѣрь. Пожалуста, не вѣрь... У бабы, братъ, вся въ жизни дорога — отъ печи до порога, а ты ее въ помѣщицы! Прости, Христа ради, я тебя за умнаго считалъ!..

XXXI.

— Какъ хотите, считайте, я спорить съ вами не стану, многоуважаемый Иванъ Кузьмичъ, но противъ совѣсти итти не могу, — отвѣтилъ Петръ.

— Да совѣсть тутъ не при чемъ, милый человѣкъ... Награжденіе за женой получаешь, такъ совѣсти - то до этого какое дѣло?

— Вотъ вы и запишите имѣнія на Евдокію Ивановну... За ней вы имѣнія даете, ей они и принадлежать должны...

— Фу! — мотнулъ головой Кошельковъ. — Спѣсивъ ты, Петръ Акимовичъ, охъ, спѣсивъ... Я даже и не вообразалъ этого...

— Вы меня не понимаете, Иванъ Кузьмичъ...

— Все, братъ, понялъ. И деньги, значить, которыя ей пойдутъ, тоже на ея имя въ банкъ положить?

— Тоже на имя Евдокіи Ивановны.

— Это — чтобы бабу вконецъ погубить? Души - то ея тебѣ не жалко?

— Да чѣмъ-же я погублю ея душу, Иванъ Кузьмичъ?

— А вотъ глупостью, которую ты мнѣ сдѣлать совѣтуешь! Развяжи ты сейчасъ связанныя крылья да отвори дверь клѣтки, — засидится она въ ней аль нѣтъ?

— Я, право, не знаю, за кого вы свою дочь считаете...

— За бабу!.. Просто за бабу, Петръ Акимычъ, у которой никакой воли не было, ни самостоятельности. Характеръ мнѣ твой извѣстенъ: ты слова женѣ поперекъ не скажешь... Ну, и пойдеть она на слободѣ-то колѣна выкидывать да душу свою губить.

— Вы, кажется, ошибаетесь, Иванъ Кузьмичъ: Евдокія Ивановна совсѣмъ не изъ такой породы...

— Ну, ты нашу породу-то въ покоѣ оставь. Чего не знаешь, о томъ и разговаривать не моги. Я тебѣ, какъ зятю своему, по душѣ говорю, что Душатку ты пожалѣть долженъ. Въ ноги, что-ль, тебѣ кланяться прикажешь?— съ безпокойствомъ проговорилъ Кошельковъ, ожидая, очевидно, отъ Петра согласія на такое униженіе.

— Да развѣ я вамъ позволю это сдѣлать?— воскликнулъ Петръ — Что вы, Иванъ Кузьмичъ, Богъ съ вами!.. Если ужъ вамъ пришла такая фантазія, дѣлайте, что хотите, но только я долженъ предупредить васъ...

— Спасибо, Петръ Акимычъ, дай, я тебя обниму! Уважилъ ты старика!— радостно проговорилъ Кошельковъ.— Ты вѣдь не знаешь, какъ я тебя люблю,— больше сына родного... И ласковый ты, и покорный, и совѣстливый... Пойди-ка, найди такого! Отецъ тебя, по душѣ говорю, не понимаетъ, да и не пойметъ, потому онъ хотя и умный человѣкъ, а голова у него на одинъ бокъ затесана...

— Спасибо вамъ за любовь, Иванъ Кузьмичъ, но только я долженъ предупредить васъ, что папенькѣ не понравится ваше желаніе записать приданое Евдокіи Ивановны на мое имя. Гордость его вы мало знаете!

— Слава Богу, не махонькій, пора людей знать!— отмахнулся Кошельковъ съ улыбкой.— Поворчитъ, поворчитъ, да ни съ чѣмъ и отгѣдетъ...

— На насъ его неудовольствіе можетъ обрушиться. Про себя я не говорю,— но Евдокіи Ивановнѣ будетъ прискорбно слушать...

— Все предвидѣлъ, милый ты мой Петръ Акимычъ!.. Да ты вотъ что, дозвожь мнѣ тебя Петей звать?..

— Пожалуйста, Иванъ Кузьмичъ...

— Человѣкъ я простой и лишнихъ церемоній терпѣть не могу... Все предвидѣлъ, Петенька, и заранѣе тебѣ говорю: чуть съ отцомъ нелады пойдутъ,— забирай жену и айда ко мнѣ въ Саратовъ... Почитать ты его, какъ отца, почитай, но въ гордости ему ни на вершокъ не уступай. Ты не кто-нибудь,

а зять Кошелькова! Мужъ единственной его дщери, которой все мое состояніе по смерти во власть пойдетъ... Слышалъ, Петруша?

— Все слышалъ, Иванъ Кузьмичъ...

— Ну, и помалкивай до поры до времени...

— Не хотѣлось-бы мнѣ разлада съ отцомъ, а онъ долженъ произойти — рано-ли, поздно-ли...

— Тамъ видно будетъ. Мнѣ коня одинъ баринъ-помѣщикъ подарилъ. Вотъ какой конь, подойти къ себѣ не дозволяетъ и задомъ, и передомъ всякаго убить норовить... И, что-жъ ты думаешь? Обгладили вѣдь!.. Рукой сичасъ только поманишь, глядишь — за тобой ровно овца бѣжитъ... И отца твоего, ежели съ умомъ, такъ завсегда обгладить возможно. Ну, спасибо, Петя, утѣшилъ ты меня, старика. Я теперь и спать спокойно стану, а то — нѣтъ нѣтъ проснешься да и начнешь думать: а ну - ка, сватушка - то возьметъ, да моихъ дураковъ и ограбитъ!

— Мой отецъ не такой, Иванъ Кузьмичъ! — заступился за отца Петръ.

— Всякихъ, милый, отцовъ я на свѣтѣ видывалъ: и добрыхъ, и алчныхъ, и простецовъ, и гордецовъ, и никому изъ нихъ себя въ распоряженіе не отдамъ. Ты зеленъ еще, Петруша, а я ужъ, какъ листь осенью, желтѣть началъ... Ступай почивать со Христомъ, а съ твоимъ отцомъ я завтра поговорю какъ слѣдуетъ...

Кошельковъ обнялъ троекратно своего будущаго зятя и направился въ свою комнату, но по пути встрѣтилъ Акима Спиридонича, возвращавшагося со свѣчей изъ конторы, куда онъ ходилъ отдать какія-то приказанія на завтрашній день.

— Не спишь еще, свать? — весело окликнулъ хозяинъ Кошелькова. — А я ужъ думалъ, ты давнымъ-давно почиваешь и саратовскіе сны видишь...

— Съ Петрушей сичасъ заговорился, — отвѣтилъ, улыбаясь, Кошельковъ, — съ зятемъ своимъ будущимъ.

Перелѣсковъ поставилъ свѣчу на столъ и присѣлъ на диванчикъ. Присѣлъ и Кошельковъ.

— Насчетъ чего - же это? — спросилъ Акимъ Спиридоничъ.

— Да о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ. Хорошая душа, свать, у твоего Петруши.

— Парень онъ, кажется, добрый, — самодовольно погладилъ бороду Перелѣсковъ.

— Сердечный парень. А совѣсти ему Богомъ за десятирхъ отпущено. И настоящей совѣсти, не какой-нибудь...

— Они у меня оба въ страхѣ Божіемъ воспитывались, что Петръ, что Трофимъ... Благодарю Создателя, за сыновей краснѣть передъ добрыми людьми не стану...

— Гордиться можешь, свать. Истинно тебѣ говорю, — улыбаясь, продолжалъ Кошельковъ. — Трофима твоего я не пыталъ, а Петрушу на всѣ лады прикидывалъ. Нельзя, свать! Единственная у меня дщерь Душатка-то, надо позаботиться!

— Правильное дѣло, свать... Со всѣхъ сторонъ гляди, чтобъ послѣ сокрушенія не было!

— Ну, Петруша твой никому сокрушенія не дастъ, не такой паренекъ. У меня у самого родной сынъ былъ, да что! Кошельковъ нахмурилъ на минутку брови и махнулъ рукой.

— Кабы такой онъ былъ, какъ Петруша твой, — продолжалъ Иванъ Кузьмичъ, — я-бы денно и ночью Господа Иисуса благодарилъ съ непритворными слезами.. Не всякому, значить, судьба утѣшеніе въ дѣтяхъ находить посылаетъ!

Перелѣсковъ поправилъ ногтемъ оплывшую свѣчу и проговорилъ:

— Старался уже оченно я, чтобъ изъ моихъ дѣтей люди вышли.

— Стараніе, свать, одно, а совѣсть, которая Богомъ дается, — другое... Я, вотъ, сичасъ какъ просилъ Петю, чтобъ онъ все приданое за Душаткой взялъ, чуть не въ ноги кланялся, — насилу уговорилъ...

— То есть какъ это? — мгновенно багровѣя, спросилъ Перелѣсковъ.

— А такъ, чтобъ и имѣнія, и капиталъ на его имя записать. Насилу укланялъ! А отчего? Совѣсти много. „Я, — говоритъ, — чужому капиталу не хозяинъ: вашей дочери вы его даете, ей и принадлежать долженъ“.

— Младъ еще онъ, свать, капиталами распоряжаться, — не выдержалъ Перелѣсковъ. — Цѣны имъ настоящей не знаетъ.

— Узнаетъ, свать! За - то изъ чужихъ рукъ глядѣть не станеть...

— Отцовскія руки — не чужія.

— Знаю, что свои, да развязки у молодца не будетъ. Пущай гордится!

— Такъ вотъ какъ ты надумалъ? Смотри, какъ-бы хуже не вышло! — уже съ видимымъ неудовольствіемъ произнесъ Акимъ Спиридоновичъ. — Мнѣ на твои капиталы наплевать, потому своихъ достаточно, а только избаловать человѣка ничего не стоитъ.

— Петруша не избалуется. Не таковскій, свать! Коли ты его мало знаешь, такъ я тебѣ скажу, что онъ за человѣкъ...

— Ну, отцу своихъ дѣтей трудно не знать.

— Всяко бываетъ!—вздыхнулъ Кошельковъ и, зѣвнувъ, поднялся съ мѣста.—Однако и того, пора и на спокой...

Молча поднялся и Перелѣсковъ.

Не смотря на свата, онъ протянулъ ему руку и проговорилъ:

— Дѣло не къ спѣху, гляди, какъ лучше, свать... Петръ не Трофимъ...

— Именно. Спокойной ночи, пріятныхъ сновъ, Акимъ Спиридонычъ!

— И вамъ того-же, Иванъ Кузьмичъ.

И старики разошлись, каждый думая свое. Иванъ Кузьмичъ заснулъ тотчасъ-же, какъ человѣкъ, который всѣ дѣла устроилъ такъ, какъ ему хотѣлось, по-хорошему, а Перелѣсковъ долго шагаль по своей спальнѣ и, разговаривая самъ съ собою, не могъ уснуть почти до разсвѣта.

Петръ, спустившись внизъ, долго сидѣлъ на своей кровати, обдумывая случившееся съ нимъ за этотъ день: и визитъ къ Перекатову, и разговоръ съ будущимъ тестемъ.

Кошельковъ его удивилъ не меньше, чѣмъ Перекатовъ.

Отъ перваго онъ не ожидалъ такого къ себѣ безусловнаго довѣрія и объяснилъ его только предположеніемъ, что между отцомъ и Иваномъ Кузьмичемъ что-нибудь да произошло.

„А, можетъ, по такому случаю и свадьба наша разойдется!—подумаль онъ.—Ахъ, какъ-бы это хорошо было!“

Петръ прошелся по своей комнаткѣ и вспомнилъ, что ему чего-то не хватаетъ.

„Да, я Настю нынче не видалъ... И глазъ что-то не кажетъ... Ужъ не Феклушка-ли тутъ подлить что?..“

Онъ вышелъ, прошелся по полутемному корридору и вернулся назадъ.

„Спать, видно“,—рѣшилъ онъ и сбросилъ кафтанъ.

Но спать ему не хотѣлось. И очень естественно почему: онъ не видалъ Насти, которую хоть мелькомъ видѣлъ каждый день и перекидывался съ ней, смотря по мѣсту и времени, или многоговорящими взглядами, или малозначущими фразами.

„Странно все-таки,—надѣлъ онъ снова кафтанчикъ.— Ну, хоть-бы встрѣтились гдѣ... Ужъ не захворала-ль?“

Петръ постоялъ въ раздумѣ нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ, потомъ рѣшительно застегнулся на всѣ крючки и, дунувъ на свѣчку, вышелъ въ корридоръ.

„Можетъ, больна, а я... Какъ-будто мнѣ никакого и дѣла до этого нѣтъ! — осуждалъ онъ себя, идя по корридору. — А, можетъ, и видѣлъ я ее, да съ этими гостями не обратилъ вниманія“.

Петръ остановился и сталъ вспоминать, какъ онъ пріѣхалъ домой, куда пошелъ, съ кѣмъ говорилъ, кто приходилъ въ столовую во время ужина.

„Нѣтъ, Насти, я не видалъ!“—рѣшилъ онъ, уже не сомнѣваясь болѣе.

Онъ осторожно прошелъ мимо помѣщенія Трофима, прошелъ лѣстницу и, свернувъ налево, остановился у двери, потонувшей во мракѣ ночи.

Дверь была заперта.

Петръ постучалъ осторожно, затѣмъ окликнулъ и прислушался.

Отвѣта не было.

Петръ не зналъ, что и подумать. Онъ пробовалъ рвануть дверь и только тутъ ощупалъ висѣвшій на дверяхъ большой замокъ, отъ громыханья котораго пошелъ гулъ по корридору.

„Ея нѣтъ, значитъ... Но гдѣ-же она?“

Петръ даже растерялся. Уйти она никуда не могла, а, между тѣмъ, висѣвшій на двери замокъ ясно говорилъ ему, что Насти въ ея комнатѣ не было.

„А,—сообразилъ онъ наконецъ. — Она, по всему вѣроятію, у Евдокіи Ивановны... Ну, слава Богу, по крайней мѣрѣ — здорова, значитъ... Подождемъ!..

И онъ, прислонившись къ двери, сталъ ждать Настю.

Долго-ли онъ ждалъ ее—неизвѣстно, но онъ ждалъ ее терпѣливо, мучительно, поминутно проклиная и себя, и ее.

Съ верху донесся густой, точно колокольный звонъ старинныхъ часовъ.

Петръ сталъ считать.

— Двѣнадцать! — проговорилъ онъ. — Да теперь ужъ всѣ спятъ.

И, чтобъ убѣдиться въ этомъ, онъ, какъ воръ, прокрался ошупью наверхъ и, едва сдерживая себя отъ волненія, осторожно обошелъ, натыкаясь по временамъ на мебель, всѣ жилища помѣщенія.

Вездѣ царила невозмутимая тишина.

И Петру вдругъ почему-то стало такъ холодно, что у него задрожали губы и онѣмѣли руки.

— Нигдѣ нѣтъ! Нигдѣ!—шепталъ онъ, спускаясь внизъ. — Это что-то такое... невѣроятное... Да не въ кухнѣ-ли?

Петръ прошелъ по корридору въ кухню, но и въ кухнѣ были тѣ-же темъ и тишина, что и во всемъ домѣ.

Онъ остановился въ корридорѣ, потеръ лобъ и усмѣхнулся.

„И чего это я волнуюсь такъ... беспокоюсь... Вотъ дуракъ! У Насти тетка есть, въ кухаркахъ живетъ, можетъ, къ ней ушла ночевать... Живетъ она гдѣ-то у Донского монастыря, а ночью не всякая женщина рѣшится такую даль итти...“

Петръ совсѣмъ почти успокоился и рѣшился итти къ себѣ и спать, но, проходя мимо помещенія брата, почему-то остановился.

„Спать тоже, поди“,—подумалъ онъ и повернулъ дверную ручку.

Дверь отворилась, и Петръ увидѣлъ на стѣнѣ блѣдные лучи, которые отбрасывала свѣча изъ слѣдующей комнаты.

— Братъ, не спишь?—окликнулъ Петръ Трофима.

Въ сосѣдней комнатѣ послышался легкій скрипъ кровати, и минутой спустя въ дверяхъ обрисовалась фигура Трофима въ халатѣ.

— Ишь ты, вѣдь, забылъ дверь запереть, избави насъ отъ лукаваго!—произнесъ Трофимъ.—А я, знаешь, Петрунь, взялъ канонъ Андрея Критскаго, да и зачитался... Ты чего это полуночищаешь?

— Не спится что-то...

— Это, братъ, съ рѣдьки да съ капусты. Не хочешь-ли наливочки?

— Спасибо.

— Нѣтъ, я единую послѣ такого стола безъ страха дерзаю. Токмо единую. Чрево, знаешь, у насъ подлое: притрафится къ хорошей снѣди и начнетъ потомъ при оскудѣннѣи-то скулить... Садись, Петрунь... А то выпилъ-бы стомаха-ради,—это у тебя отъ грибного искушенія...

— Не могу.

Петръ сѣлъ, запустилъ обѣ руки въ кудри и спросилъ у брата:

— Ты ничего не слыхалъ новаго?

— Насчетъ чего, братенекъ?

— Да такъ, вообще... Ахъ, да, вѣдь ты раньше меня съ верху ушелъ... У меня разговоръ былъ съ Иваномъ Кузьмичемъ...

Петръ чувствовалъ потребность говорить. Съ братомъ ли, съ чужимъ-ли, съ Сидоромъ или Петромъ — это все равно; нужно было говорить, что — безразлично, только-бы говорить и унять поднявшуюся въ душѣ тревогу.

— Ну, ну, — подошелъ ближе къ брату Трофимъ, старательно запахивая полы халата, — о чемъ-же собственно?..

Петръ подумалъ и отвѣтилъ:

— Да, такъ, о разныхъ пустякахъ...

Ему очень хотѣлось спросить, не знаетъ-ли онъ, куда ушла Настя, но спросить этого не могъ. Въ домѣ невѣста, а онъ вдругъ о читалкѣ какой-то спрашиваетъ! Трофимъ сейчасъ-же это въ такую сторону повернетъ, что на другой-же день обо всемъ отецъ узнаетъ...

— Такъ, такъ. Да, — какъ будто спохватился Трофимъ, — а ты знаешь, что отецъ Настасью-читалку нонче въ Керженцы услалъ?..

У Петра даже въ ушахъ зазвенѣло.

— Въ Керженцы? — едва переводя духъ, спросилъ Петръ.

— Въ Керженцы, съ даромъ, чтобы матери честныя о твоёмъ съ Евдокіей Ивановной благополучіи молились! — отвѣтилъ Трофимъ и съ самымъ невиннымъ видомъ посмотрѣлъ на брата.

XXXII.

— Вотъ какъ! — проговорилъ Петръ. — Впервые объ этомъ слышу...

— Да неужто? — удивился Трофимъ, — а я думалъ, папенька съ тобой объ этомъ посовѣтовался. Забылъ, значитъ, сказать тебѣ... Старѣть сталъ нашъ отче праведный и памятью слабѣть... Такъ-таки ни словечка, Петрунь?

— Ни словечка! — произнесъ Петръ, не сводя глазъ съ брата и силясь прочесть на его ничего, кромѣ сожалѣнія, не выражавшемъ лицѣ „правду“.

— Прямо памятью ослабъ, избави насъ отъ лукаваго! — вздохнулъ Трофимъ и подсѣлъ къ брату.

— Я этого не замѣчалъ что-то, — проронилъ Петръ, — чудно мнѣ одно только, почему онъ непременно Настю услалъ, а не Оеклушку, или кого изъ другихъ служащихъ! Ты какъ объ этомъ думаешь, Трофимъ? — бросилъ онъ на брата пристальный взглядъ.

Трофимъ погладилъ лѣвую руку правою и отвѣтилъ:

— Спросить его объ эвтомъ, Петрунь, я не рѣшилъ. Знаешь, чай, отца: „а тебѣ, скажетъ, какое дѣло?“ А самъ я такъ полагаю, что въ честность Настасьину онъ вѣритъ. Денегъ послано не мало. Нѣсколько тыщъ—самъ мнѣ сказывалъ. А другимъ какъ довѣрить такую сумму? Дай-ка ее Ѳеклушкѣ, да она съ полдороги съ деньгами сбѣжитъ и камнемъ въ воду канетъ...

— Откуда же отецъ знаетъ, что Настасья не сбѣжитъ? Живетъ она у насъ безъ году—недѣля и ничѣмъ особеннымъ довѣрие къ себѣ заслужить не могла,—совершенно справедливо сомнѣвался Петръ.

— Ну, ужъ про это я не знаю. Думаю такъ, а тамъ и другое что можетъ, избави насъ отъ лукаваго! Да тебѣ что, жаль Настасью, что-ль?

— Не на убой ее услалъ, чай, отецъ, и жалѣть особенно нечего. Удивляетъ меня только, что у насъ все по воровски дѣлается...

— Это то-есть какъ же, Петруня?

— Да такъ. И невѣсту мнѣ навязали безъ спросу, поставили рядомъ, да и давай Богу молиться... И Настю ни съ того, ни съ сего въ нѣсколько часовъ собрали и услали въ Керженцы, а зачѣмъ—неизвѣстно...

— Съ даромъ, Петруня, говорю...

— Расщедрился что-то отецъ безъ времени. Могъ бы даръ-то свой и послѣ нашей свадьбы послать...

— А почемъ ты знаешь, можетъ, онъ послѣ свадьбы-то новые дары пошлетъ? Не знаешь ты, что ль, отца! Найдеть на него стихъ, все готовъ отдать...

— Ну, нынче на него этотъ стихъ не находилъ...

— Чужая душа—потемки, Петруня, а у нашего родителя—она лѣсъ дремучій... По моему разсужденію, я въ отсылкѣ Настасьи въ Керженцы ничего особеннаго не вижу... Я бы, на его мѣстѣ, конечно, скорѣй бы приказчика съ деньгами послалъ, чѣмъ дѣвку, которую, чего добраго, могутъ въ дорогѣ ограбить... А онъ по своему распорядился.

— Когда же ее отправилъ онъ?

— Слышалъ я, что утромъ...

— Отъ отца слышалъ?

— Отъ него. Поѣхали изъ города домой, онъ мнѣ и сказалъ... въ разговорѣ...

— Знаешь, Трофимъ,—поднялся Петръ.—Мнѣ все равно теперь, пускай отецъ дѣлаетъ, что хочетъ... Хуже того, что онъ сдѣлалъ со мной, сдѣлать трудно... но одного я не прощу

ни ему, ни тебѣ: лжи... Лжете вы оба, какъ самые подлые люди...

— Петрунь! Да лопни глаза...

— Не лопнуть, ты это самъ хорошо знаешь... и напрасно меня глупою божбой увѣрить хочешь... Оба вы лжецы,— что ты, что отецъ... Всю жизнь вы лгали и, умирая, лгать станете...

— Эхъ, братъ...

— По названію я тебѣ только братъ, Трофимъ, да по крови, а по душѣ и ты, и отецъ мнѣ—давно чужіе... Ты думаешь, я повѣрю, что ты не зналъ раньше, кого отецъ ушлетъ въ Керженцы?..

— Не зналъ...

— Все зналъ... Да, можетъ, еще и отцу на нее указалъ...

— Я? Господи Исусе! Вотъ ужъ это того, просто—избави насъ отъ лукаваго! Да что она мнѣ мѣшаетъ, что ли?

— Не ты, такъ твоя подлая Феклушка отца надоумила...

— Совсѣмъ юродь! Ну, тебя!—замахалъ руками Трофимъ.— Врѣзался, я вижу, ты въ Настюшку по глупому и несешь око-лесицу... Другой бы, на твоёмъ мѣстѣ, еще спасибо отцу ска-залъ, что Настасью на время удалилъ, чтобъ на глазахъ у Кошельковыхъ не вертѣлась, а онъ съ кулаками лѣзетъ, избави насъ отъ лукаваго!..

— Всѣмъ скажу спасибо, да теперь еще не время! Ты это такъ и запомни: за все васъ отблагодарю!

— Мнѣ твоя благодарность не нужна,—пробормоталъ Тро-фимъ.—Я къ тебѣ всегда всей душою, а тамъ, какъ хочешь, такъ и думай... Вольному воля...

— И надолго вы Настю услали?

— Про то отца спроси... Я ее не усылалъ...

— Или совсѣмъ на скитское житье ее обрекли? Да скажи же, лживый челоуѣкъ, хоть разъ въ жизни правду?

— Коли бъ зналъ, безъ утайки сказалъ... Ничего я не знаю...

Петръ бросился къ брату и схватилъ его за руки. Трофимъ струсилъ: онъ затрясся весь и не могъ выговорить ни слова.

— Слушай, Трофимъ,—заговорилъ горячо и страстно Петръ, сжимая руки брата такъ, что онѣ захрустѣли.—Есть у тебя въ душѣ хоть искра одна праведная, или нѣтъ?

— Петрунь... да что ты?.. Да я развѣ что противъ тебя?—забормоталъ Трофимъ, испуганно смотря на брата.

— Не мучь ты меня, Трофимъ, пожалѣй!.. Вѣдь братъ я тебѣ, не чужой!.. Называй меня какъ хочешь: юродомъ, сума-

спешшимъ, смѣйся надо мной... слова не скажу, пожалѣй только!..

— Петрунь! Да что же это?.. Господи Иисусе!

— Слушай, Трофимъ, я тебѣ всю правду скажу... Люблю я Настю... Полюбилъ я ее такъ, что жизни не радъ... Ты не можешь понять моего чувства, потому—не любилъ никого... Словамъ моимъ повѣрь, словамъ!.. Не умѣю я лгать и притворяться, братъ!..

— Да вѣрю я... избави насъ отъ лукаваго!

— Ты знаешь меня? Я мухи въ жизни своей не обидѣлъ, но если Настя прикажетъ, я въ огонь брошусь, въ прорубь нырну... Велитъ убить тебя, отца, невѣсту—всѣхъ убью... Слышишь, Трофимъ?

— Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!—бормоталъ Трофимъ сдавленнымъ отъ страха голосомъ.—Опутала, сатана!

— Сатана ли она, ангель ли, я не знаю... и знать не хочу, Трофимъ... Одно только знаю, что весь я у нея во власти!

— Петрунь! Братенекъ! Околдовала она тебя!

— Ничего я не знаю... А жить безъ нея не могу... Никого я такъ не люблю, какъ ее, и полюбить не могу... Всю душу я тебѣ, Трофимъ, открылъ... пожалѣй же ты меня!..

Петръ выпустилъ руки брата и упалъ ему въ ноги.

— Братъ! У ногъ твоихъ прошу: пожалѣй!..

Трофимъ вскочилъ и поднялъ Петра.

— Что ты, что ты, Христось съ тобою!—бормоталъ онъ растерянно.—И стоитъ ли дѣвка того, чтобы въ ноги вдругъ? Ай, Петруня... Ахъ, братенекъ... не ожидалъ я этого, избави насъ отъ лукаваго!.. Неужто и на меня Любашка такой туманъ наведетъ? Нѣтъ, не поддамся... Петруня, взойди въ себя... Ну, что такое Настюшка? Ты разсуди по умному: просто деревенская дѣвка, и больше ничего! Ни роду у нея настоящаго, ни племени... А ты изъ какого рода, сообрази! Изъ Перелѣсковскаго... слышишь?

— Слышу...

— И дѣды и прадѣды наши въ почетѣ да уваженіи были... Дѣдъ даже за вѣру два раза страдалъ и въ острогѣ сидѣлъ, а ты до какой отчаянности дошелъ!..

— Все я знаю, Трофимъ, все... Хоть и юродъ я по вашему, а соображать могу... Люблю Настю, люблю... Пожалѣй!..

— Да жалѣю я тебя, братенекъ... Охъ, и озадачилъ ты меня... Не то я думалъ, а тутъ вдругъ эна куда поѣхало... Осатанѣлъ ты, Петруня! Околдовала тебя, глупаго!..

— Не мучь меня, правду скажи... Совсѣмъ ее услали?

— Совсѣмъ! Да рази она тамъ усидить, коли въ ней бѣсъ сидить? Никому не сказывай, слышишь!.. По секрету отъ отца узналъ... Послѣ свадьбы твоей Настасья вернется...

— А если не будетъ этой свадьбы?

— Какъ не будетъ? Этого невозможно...

— Вдругъ разстроится?..

— Невозможно. И не дѣлай ты этого, не срами ни себя, ни Евдокію Ивановну... А Настасья вернется. Голову съ меня сыми, ежели неправду говорю. Покорись, братенекъ,—ничего хорошаго изъ твоего упорства не выйдетъ. Я тебя еще понять могу, избави насъ отъ лукаваго, потому самъ къ Любашкѣ какое-то остервенѣніе въ душѣ чувствую, ну, а старики только посмѣются надъ тобою. Въ читалку втесался! Эка штука! Да у нихъ, у самихъ, старыхъ чертей, этихъ читалокъ-то въ лапахъ безъ числа перебивало,—что у нашего родителя, что у Ивана Кузьмича! Да они и вниманія не обратятъ на такую глупость. Человѣкъ въ міру живетъ: что ступилъ—согрѣшилъ, единъ Богъ безъ грѣха... Иди, Петруня, спать и утихомирься. И женишься ты честь-честью, и Настасья отъ тебя не уйдетъ... А разглашать о себѣ будешь,—посмѣшищемъ станешь...

Петръ не слушалъ уже разглагольствованій Трофима: Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что узналъ о Настѣ, и какъ-то сразу сталъ спокойнѣе.

На прощанье онъ долго жалъ руку брата и говорилъ ему что-то такое, чего Трофимъ никакъ не могъ понять.

„Полоумный,—рѣшилъ Трофимъ, проводивъ Петра и зѣвая во весь ротъ.—Ему и ножемъ пырнуть ничего не стоитъ... Ну, и братенекъ же у меня, избави насъ отъ лукаваго!“

Такъ какъ на первой недѣлѣ поста говѣли всѣ: и Перелѣсковы, и Кошельковы, то во всемъ домѣ цѣлую недѣлю стояли тишина и благочестіе. Ходили за часы, заутрени, а въ антрактахъ, за чаями и обѣдами безъ масла, вели разговоры на божественныя темы.

Петръ мало говорилъ съ невѣстою, хотя ее уже начали одолѣвать тоска и скука, хорошо знакомя ей по Саратову.

Всѣ ходили съ серьезными фізіономіями, и всѣхъ постнѣ казался женихъ. Еще у Трофима иногда вырывалась шутка, нарушавшая однообразіе говѣнья, но и тотъ, опомнившись,

немедленно погружался въ скорбное молчаніе, какъ будто замаливая, нечаянно сорвавшееся съ языка легкомысленное слово.

Старики, послѣ послѣдняго объясненія о приданомъ, мало разговаривали другъ съ другомъ. Перелѣсковъ, видимо, дулся, а Кошельковъ какъ будто не замѣчалъ этого.

И тотъ, и другой были кремни, изъ которыхъ вылетали искры только при сильныхъ ударахъ. А кто изъ нихъ былъ кремнистѣе,—предоставлялось рѣшить времени.

Вздохнули всѣ и заговорили свободно только въ Сборное воскресенье.

Старики за обѣдомъ разрѣшили по „чашѣ“ и сразу какъ бы размякли. А съ понедѣльника у Кошельковыхъ начались странствія по Москвѣ насчетъ приданаго. Иванъ Кузьмичъ рѣшилъ въ одну недѣлю заказать все, что было необходимо, а на третьей укатить въ Саратовъ, гдѣ, за его отсутствіемъ, дѣла, видимо, шли не такъ, какъ ему хотѣлось.

Объ этомъ онъ объявилъ Перелѣскову въ Сборное воскресенье.

— Значить, и Евдокію Ивановну съ собой берете, свать?—спросилъ Перелѣсковъ.

Кошельковъ призадумался. Ему и хотѣлось оставить дочь въ Москвѣ, чтобы все заказанное было пригнано точка въ точку и чтобы она все-таки попривыкла къ своему будущему мужу, но и оставить было нельзя: будь еще у нея мать,—дѣло другое, а то оставить дочь одну, да еще въ домѣ жениха, какъ будто и нескладно выходило. Богъ знаетъ, чего наговорятъ! Положимъ, онъ презиралъ, какъ Кошельковъ, всѣ глупые пересуды людишекъ, которые и мизинца его не стоили, но тѣмъ не менѣе какъ-то невольно являлась боязнь, что на его дочь вдругъ появится какая-нибудь скверная сплетка.

„Надо взять“,—рѣшилъ онъ, наконецъ, послѣ раздумья.

Акимъ Спиридоновичъ согласился съ нимъ. Онъ, можетъ-быть, и протестовалъ бы, если бъ тотъ оказалъ ему полное довѣріе, но такъ какъ такового въ наличности не было, то онъ и отнесся къ этому безразлично.

— Пасха нонѣ ранняя,—говорилъ Кошельковъ,—такъ что мы на саняхъ еще въ Москву вернемся...

Рѣшили отправиться на третьей недѣлѣ во вторникъ.

Евдокія Ивановна была грустна. Наканунѣ отъѣзда она залучила Петра въ свою комнату и о многомъ хотѣла съ нимъ переговорить.

Но разговоръ какъ-то не клеился.

Петръ ходилъ, дѣлая большіе шаги по комнатѣ, изъ угла въ уголъ и отвѣчалъ односложно на вопросы невѣсты.

У него свои были думы, думы, не давашія ему покоя ни днемъ, ни ночью. Онъ такъ былъ далекъ отъ своей невѣсты, что у той навернулись даже слезы на глазахъ.

— И вотъ какъ мы съ вами расстаемся, Петръ Акимовичъ!— проронила она, печально опуская голову.— Вы какъ будто рады, что я уѣзжаю!..

Петръ остановился и, быстро подойдя къ невѣстѣ, взялъ ее за руки.

— Какъ вы можете это говорить, Евдокія Ивановна!— воскликнулъ онъ и тутъ же почувствовалъ, что краснѣетъ отъ лжи.— Да и надолго ли мы съ вами расстаемся? На мѣсяць какой-нибудь...

— А я дни считаю... часы,— съ упрекомъ проговорила она, устремляя на него взглядъ.— Мнѣ скучно было здѣсь... это я вамъ по совѣсти скажу... Но здѣсь хоть вы были... Хоть часъ въ день или два я васъ видѣла, и вдругъ цѣлый мѣсяць не увижу!

— Я не виноватъ въ этомъ, Евдокія Ивановна...

— Господи! Да кто васъ посмѣетъ винить! Я такъ это говорю... и не слѣдовало, можетъ-быть, говорить, а не могу... Вѣдь вы первый, первый... поймите, Петръ Акимовичъ, вы первый мужчина, съ которымъ я такъ близко сошлась: и говорила съ вами... и невѣстой вашей стала... Что чувства у васъ нѣтъ ко мнѣ, такъ вѣдь я и требовать этого не могу... Пожа- лѣте когда-нибудь меня, и за то спасибо.

Петръ былъ тронутъ.

— Евдокія Ивановна, вы вѣрите мнѣ?— спросилъ онъ, сядя рядомъ съ невѣстою.

— Только вамъ и больше никому на свѣтѣ...

— Ну, вотъ видите! Зачѣмъ это? Вы такая милая, добрая дѣвушка, у васъ такое прекрасное сердце, что я... глубоко, отъ всей души уважаю васъ... Не знаю, буду ли я думать о васъ, но помнить буду...

— Это мнѣ отрадно, Петръ Акимовичъ... Почему знать, можетъ-быть, я и не вернусь въ Москву.

— Не вернетесь? Нѣтъ... Этого не можетъ быть...

— А вы... вы хотите, чтобъ я вернулась? Хотите?

И у Петра не хватило духа сказать: нѣтъ...

— Пріѣзжайте,— проговорилъ онъ.

Евдокія Ивановна схватила порывисто руку Петра и поднесла ее къ своимъ губамъ...

XXXIII.

— Зачѣмъ это? Не стою я, — пробормоталъ Петръ, вспыхивая и, отдернувъ свою руку, сталъ осыпать поцѣлуями руки Евдокіи Ивановны.

Кошелькова со слезами на глазахъ и счастливою улыбкой, блуждавшею по ея лицу, нагнулась къ склоненной головѣ Петра и прижалась къ ней губами.

— Такъ пріѣзжать, Петръ Акимовичъ? — спрашивала она минуту спустя, заглядывая въ лицо жениха.

— Пріѣзжайте, пріѣзжайте! — крикнулъ тотъ и въ его голосѣ зазвенѣла нотка досады. — Зачѣмъ переспрашивать, Евдокія Ивановна?

— А вы не сердитесь, — съ легкимъ упрекомъ произнесла та, ловя взглядъ Петра. — Вѣдь вы единственный человѣкъ, съ которымъ я могу говорить все, что мнѣ вздумается, что сердце скажетъ, на что разумъ наведетъ...

— Я не сержусь, Евдокія Ивановна, — смягчилъ Петръ тонъ. — За что на васъ я могу сердиться? А мнѣ обидно, что вы своими переспросами какъ-будто не довѣряете моимъ словамъ.

— Не то, Петръ Акимовичъ, не то... А мнѣ такъ радостно слышать это слово, что я хочу слышать его безъ конца... Вы ужъ меня простите, глупую... Сидѣла я съ рожденія въ заточеніи и обращенія съ людьми не знаю.

— Въ этомъ ужъ вы не виноваты...

— Не виновата, — и не сердитесь...

Евдокія Ивановна схватила руки Петра и нагнулась къ нему.

— Я вамъ слова обиднаго никогда не скажу... Царицу Небесную въ свидѣтели беру... Пожалѣете когда — за ласку приму, а приласкаете — счастливѣе меня человѣка на свѣтѣ не будетъ!..

У Петра заняло сердце. Онъ вспомнилъ свою покойную мать: та такъ-же, вотъ, ни одного слова обиды и упрека отцу не бросила, а прожила вѣкъ молча или, какъ говорила она, — „въ потемочкахъ“, и сошла съ жизненной арены такъ-же тихо и незамѣтно, какъ-будто ея и на свѣтѣ вовсе не было... Свою скорбь и боль души она только любимому сыну передъ смертью излила, и даже въ этой предсмертной исповѣди ни одного слова упрека Акиму Спиридоновичу не было.

„Неужто такая участь всѣхъ женщинъ на свѣтѣ? — съ ужасомъ подумалъ Петръ, смотря въ ласково улыбавшіеся глаза

невѣсты.— Любятъ — кого прикажутъ; говорятъ, когда разрѣшать, и умираютъ-то даже такъ, чтобы не беспокоить никого...

Будетъ же когда-нибудь конецъ и этому, когда старообрядка изъ гнусной рабы станетъ равноправнымъ человѣкомъ и не станетъ вымаливать у мужа грошевой ласки... ласки, въ которой нѣтъ ни тепла, ни чувства, дорогого каждой женщинѣ. И можно-ли любить такую „рабу“? Можно-ли ждать отъ нея другого чувства, кромѣ страха рабы предъ господиномъ?

Все въ ней придавлено, принижено и опошлено.

Свободнаго чувства нѣтъ! — пришелъ къ заключенію Петръ и тутъ-же вспомнилъ Настю, которая, прійдя къ нему просто, безъ страха и боязни, взяла его всего: и сердце его, и душу, и однимъ взглядомъ дала ему понять, что отнынѣ онъ принадлежитъ ей и никому болѣе.

И Петръ чувствовалъ, что это такъ и будетъ, такъ и должно быть, и что онъ пойдетъ всюду за нею и сдѣлаетъ все, что ей вздумается приказать.

Онъ сознавалъ, что становится „рабомъ“ внушеннаго ему Настею чувства, и не чувствовалъ тягости положенія... Напротивъ, онъ былъ счастливъ, что нашлась женщина, которую не онъ побѣдилъ, а обратно.

Петръ часто, сидя въ своей холостецкой комнаткѣ, думалъ о томъ, какъ это такъ случилось, что его, тридцатилѣтняго мужчину, взяла въ свою власть простая читалка, у которой, кромѣ красивой внѣшности да дьявольской ласки въ глазахъ, положительно ничего не было привлекательнаго, и чѣмъ дальше думалъ онъ, тѣмъ мысли больше спутывались и не давали никакого отвѣта, которымъ могъ-бы удовлетвориться его тревожный духъ.

Обыкновенно во всѣхъ случаяхъ жизни, не поддающихся ясному и точному опредѣленію, люди сваливаютъ вину на судьбу.

„Судьба!“

А что такое судьба? Петръ отлично зналъ, что судьба всякаго человѣка зависитъ отъ него самого, и если онъ дѣлаетъ и поступаетъ такъ или иначе, значитъ — онъ хочетъ такой именно судьбы, а не другой, которая, можетъ-быть, была бы и лучше для него и принесла-бы ему больше счастья.

Но есть иное, что-то стихійное, что ломаетъ жизнь человѣка помимо его воли и желанія и дѣлаетъ его своею игрушкой.

Стихія эта — страсть. Страсть — это звѣрь, который не признаетъ никакихъ законовъ — ни Божескихъ, ни человѣческихъ,

и горе тому, кто разбудить этого ужаснаго звѣря... А Петръ весь былъ охваченъ страстью къ Настѣ, онъ весь былъ въ лапахъ „звѣря“, не знавшаго ни состраданія, ни пощады...

И теперь вотъ, провожая свою невѣсту, онъ думалъ о томъ, что какъ хорошо-бы было, если-бъ и его невѣста, и ея отецъ не вернулись-бы домой живыми...

Онъ съ жаромъ поцѣловалъ Евдокію Ивановну, садившуюся въ кибитку, съ меньшимъ жаромъ облобызалъ троекратно Ивана Кузьмича, и когда кибитка, вынесенная со двора тройкой гнѣдыхъ, рвавшихся впередъ съ раздутыми ноздрями, скрылась въ переулкѣ,—Петръ перекрестился и вздохнулъ съ такой радостью, съ какой обыкновенно поднимается съ одра приговоренный къ смерти больной.

Кошельковы уѣхали утромъ.

Акимъ Спиридоновичъ долго прощался съ Иваномъ Кузьмичемъ, обнимая его со слезами на глазахъ, а вернувшись со двора въ покои, позвалъ къ себѣ Трофима.

Петръ со счастливою улыбкой отправился въ лавку и шутилъ весь день съ молодцами такъ, какъ не шутилъ никогда.

„Вотъ такъ женишокъ!—изумились тѣ про себя.— Другой отъ разлуки съ невѣстой горюетъ, а этотъ въ плясъ пуститься готовъ“!

А Акимъ Спиридоновичъ, отпустивъ Петра въ лавку, прошелъ въ свой кабинетъ и, затворивъ плотно двери, приказалъ Трофиму присѣсть.

Трофимъ сѣлъ и, пощипывая свою бородку, уставился на отца.

— Трофимъ, что ты обо всемъ этомъ думаешь?— послѣ минутнаго молчанія проговорилъ старикъ.

— О чемъ-съ, папенька?

— Ну, вотъ... вообще...

Трофимъ склонилъ на бочекъ голову, посмотрѣлъ на бархатный коверъ, на которомъ были вытканы какія-то синія птицы съ желтыми крыльями, и медленно отвѣтилъ:

— Такъ думаю, что все—слава Богу-съ!

Акимъ Спиридоновичъ досадливо отмахнулся рукой и погрузился въ раздумье.

— Да вы, папенька, насчетъ чего собственно? Насчетъ отъѣзда Ивана Кузьмича сумлѣваетесь? Онъ самъ мнѣ письма отъ приказчика показывалъ... Дѣйствительно, затруднительныя письма, которыя требующія ..

— А, шутъ его дери и съ письмами-то... Не въ нихъ дѣло!.. Какъ ты смотришь на Кошелькова?

— Какъ-же на него смотрѣть иначе, папенька, ежели онъ миллионеръ?

— Э! Не то...

— Не то-съ? Виноватъ.

— Могу я ему позволить себѣ на ногу наступить али нѣтъ?

— Это ужъ отъ васъ зависяще...

— Чертъ тебя знаетъ,—разсердился старикъ.— Совсѣмъ ты оглупѣлъ вдругъ ни съ того, ни съ сего... Мало-ли что я могу позволить по добротѣ... Это того... дѣло десятое... Меня разъ приставъ за грубья слова по рождѣ смазаль,—давно это было,—ты, что полагаешь, я ему далъ за это?

— Сто цѣлковыхъ-съ?

— Триста! Такъ онъ даже заплакалъ: „не ожидалъ,—говорить,—я отъ тебя такой души!“ Такъ вѣдь это по доброй волѣ... по капризу... Ну, а такъ... могу я позволить Кошелькову командовать собой?

— Я, собственно, простите, папенька, не понимаю, въ чемъ суть состоитъ...

— Не слыхалъ отъ Петра?

— Ни словечка, папенька...

— Вотъ тебѣ и юродь! Нынче, братъ, и юродь-то, видно, пошелъ хитрый да себѣ на умѣ... Неужто ни слова?

— Боже мой! Да рази я не сказалъ-бы вамъ, избави насъ отъ лукаваго? Могу-ли я что скрыть отъ родителя?

— Это его штуки! Прикидывался все дурачкомъ и вдругъ умнымъ проснулся. Кошельковъ мнѣ напрямикъ сказалъ, что все приданое за дочерью онъ на Петра запишетъ...

— Ну, и что-же изъ этого, папенька? Да Господь съ нимъ.

— Да! Такъ значить и ты тѣхъ-же, Петькиныхъ, мнѣнievъ? Не ожидалъ!

— Да я, папенька, какъ прикажете. . я что-же-съ?..—забормоталъ растерявшійся Трофимъ.—Я, собственно, сути не пойму... сути-съ, избави насъ отъ лукаваго!

— А та и суть, глупый, что Дунькиными капиталами Петька распоряжаться ста~~дет~~тъ... Петька! Ты пойми: Петька! Да кто старшій въ домѣ Перелѣскова: я или Петька?

— Какое-же можетъ состояться сумнѣнiе, папенька?!—горячо воскликнулъ Трофимъ, передергивая плечами. — Да мы вами только и дышимъ-съ...

— Ну, а Петька, значить, по-своему начнетъ дышать?.. Тебя я женилъ,—приданья деньги у кого были?

— У васъ, папенька...

— А Петька святѣе тебя, что-ли?

— Насчетъ святости,—это излишнее-съ... А по моему глупому разуму, папенька, тамъ какъ хотите судите, а Петруня тутъ не причемъ-съ...

— Ишь ты, вѣдь... Не при чемъ!..

— Не причемъ-съ... Не такая у Петра душа, папенька, чтобы супротивъ васъ итти...

Акимъ Спиридоновичъ поднялъ голову и долго, упорно смотрѣлъ на Трофима. И, вѣроятно, на лицѣ послѣдняго старикъ не прочиталъ „подвоха“, потому что сейчасъ-же повернулъ въ сторону.

— Ну, ежели не онъ, такъ Иванъ Кузьмичъ мнѣ недовѣрие оказываетъ. Могу я это допустить, Трофимъ?

— Какъ вамъ угодно, папенька...

— Да что — „какъ мнѣ угодно?“ Я тебя спрашиваю?.. Что ты изъ бураго болота, что-ль, вылѣзъ, аль отъ сосѣдей подкидышь?

— Трудный-съ, . весьма даже затруднительный вопросъ, папенька... Я-бы, по своему глупому разуму, такъ разсудилъ: ежели Кошельковъ безпремѣнно желаетъ все приданое Петру отдать, такъ и Богъ съ нимъ: пушай отдаетъ... Отобратъ у Петра во всякое время капиталы можно-съ...

— Ну, это не то... не того...

— Да онъ самъ вамъ отдастъ, папенька... Дозвольте мнѣ Петюшку знать... Вотъ, какой не интересантъ, даже до глупости-съ, избави насъ отъ лукаваго! Самъ первый вамъ предложить: возьмите, папенька!

— Ну, ты это ошибаешься... Онъ мнѣ уже навѣшивалъ на носъ, чтобы все приданое на имя Дуньки было записано.

— А Кошельковъ не захотѣлъ, а хочетъ, чтобы на Петра. А Петръ сейчасъ вамъ послѣ свадьбы... Потомъ-то ори, Иванъ Кузьмичъ, сколько влѣзетъ, — да уже позднеенько будетъ... Хотите, я съ Петруней переговорю по этому самому поводу?..

— Пожалуй. Мнѣ съ нимъ и неудобно такіе глупые разговоры затѣвать, а тебѣ, какъ брату, очень даже просто... А главное, что не деньги мнѣ ихъ нужны, не имѣнія, а непорядокъ это... споконъ вѣку у насъ такъ велось, и вдругъ новшество... Могу я его допустить?.. Помру я—все ваше, но чтобы въ моемъ домѣ два хозяина были,—этому не бывать... Переговори съ Петюкою, Трофимъ... Ну, и дуракъ тоже Кошельковъ, какъ по-твоему?

— Отъ миллионовъ-то, папенька, люди рѣдко умнѣютъ...

— Значить, и я, по-твоему, дуракъ?

— Да я развѣ про васъ? Господь съ вами! Да нешто воз-

можно васъ на одну доску съ другими милліонерами ставить? Самодуръ, по моему, Иванъ Кузьмичъ...

— Именно—самодуръ... Ну, да ужъ ежели на то пойдетъ, я его пересамодурю... Вотъ тебѣ мое слово—пересамодурю! Я его Дунькѣ и понюхать Петьку не дамъ! Коли на то пойдетъ—и свадьбѣ не бывать...

— Папенька, невозможно этого... Ужъ очень огласка пущена... Помилуйте, весь городъ ужъ знаетъ, избави насъ отъ лукаваго! Да и Петра послѣ такого случая всѣ невѣсты обѣгать стануть...

— Да, это того... точно что... Ужъ очень мнѣ на этого стараго черта Кошелькова обидно... Недовѣріе вдругъ мнѣ, Перелѣскову! Ну, ужъ и излаю я его послѣ свадьбы, вѣкъ меня не забудеть!..

— Не надо, папенька, Богъ съ нимъ... Покупатель хорошій...

— Скотина старая! Знаетъ вѣдь, что я съ нимъ ничего не могу сдѣлать, и пользуется этимъ... И ума-то у него ни на грошъ, и милліоны-то онъ самымъ воровскимъ манеромъ нажилъ... грабежомъ... Всю Волгу ограбилъ!..

Трофимъ только поддакивалъ: „это вѣрно-съ... Это вы правильно, папенька...“—а самъ думалъ: „и на нашу косу камень нашелся! И не своротить тебѣ этого камня, хоть слюною весь изойди, избави насъ отъ лукаваго!“

— Ему давно ужъ мѣсто въ каторгѣ уготовано, да деньгами, старый чертъ, откупается!—гремѣлъ со злобой Акимъ Спиридоновичъ! — Акиму Перелѣскову не вѣрить!.. Петькѣ вдругъ милліонъ! Петькѣ! Да у него и тысячи никогда въ карманѣ не было!

— Папенька, не беспокойтесь!—обглаживалъ расходившагося отца Трофимъ.—Все, Богъ дастъ, уладится ко взаимному удовольствію... Не взирайте вы на глупость Ивана Кузьмича, а уповайте на милосердіе Божіе...

Трофимъ говорилъ все, что только попадало ему на языкъ, не думая о словахъ. Хороши-ли они были или плохи, подходили-ли къ извѣстному моменту или нѣтъ,—онъ объ этомъ не думалъ, а говорилъ ихъ потому, что нужно было успокоить оскорбленное самолюбіе отца.

— Такъ ты того... переговоры съ Петькой... Но толькой такъ, чтобъ отъ себя... Понялъ?

— Да ужъ будьте покойны, папенька... Вы только не разстраивайте себя прежде времени... Шагубно сіе, избави насъ отъ лукаваго!..

И когда братья вернулись изъ лавки домой, Трофимъ, передѣвшись, зашелъ къ Петру.

— Тощица, братъ, такая, что повѣсится въ пору!— заговорилъ Трофимъ, присаживаясь къ столику. — Въ Грузины нешто махнуть?

— Твое дѣло,—усмѣхнулся Петръ,—а я тамъ, кажется, ничего не забылъ...

— Да я тебя и не ташу. Еще узнаетъ потомъ Евдокія Ивановна, что я тебя по цыганкамъ таскалъ,—такую баню задастъ, небу жарко будетъ, избави насъ отъ лукаваго!..

Петръ поморщился.

— Ну, это мнѣ все равно...

— Такъ-то такъ, да мнѣ-то въ чужомъ пиру похмѣлье принимать придется.

Трофимъ помолчалъ, затѣмъ закинулъ ногу на ногу и спросилъ:

— А что, Петрунь, Иванъ Кузьмичъ о приданомъ ничего съ тобою не разговаривалъ?

— Говорилъ.

— Я, знаешь, полюбопытствовалъ нонѣ у отца, а онъ мнѣ такой отвѣтъ: „съ Петромъ,—говорить,—онъ, вѣроятно, объ этомъ бесѣдовалъ,“...

— Странный человекъ этотъ Иванъ Кузьмичъ,—улыбнулся Петръ,—непремѣнно хочетъ все на мое имя...

— Дѣйствительно, чудной... Старица нашего обижаетъ...

— Это чѣмъ-же?—Поднялъ голову Петръ.—И деньги, и имѣнія Кошельковы: кому хочетъ, тому ихъ и отдастъ...

— Эхъ, Петрунь... и ты тоже удачина... Отцу развѣ это не обидно? Старшаго въ домѣ обойти и миллионное приданое прямо зятю въ руки...

— Это все равно... Я на другой-же день переведу на Евдокію Ивановну. Ея приданое, ей оно и принадлежать должно...

— Не ладно это... Значить, и ты отцу не довѣряешь?

— Послѣ твоихъ словъ—не довѣряю... Что онъ сдѣлалъ съ приданымъ твоей жены?

Трофимъ и язычекъ прикусилъ.

„Языкъ мой, врагъ мой, избави насъ отъ лукаваго!—подумалъ онъ.— Ну, папенька, не видать тебѣ видно кошелевскихъ денегъ, какъ ушей своихъ!..“

XXXIV.

— Что молчишь? — продолжалъ Петръ, — видно, только своя боль — больна, а чужая — вередь!.. Приложилъ медовую лепешку, и какъ рукой сняло!

— Что-же приданое моей жены? — проговорилъ, наконецъ, Трофимъ. — Оно, знаешь, даже цѣлѣе у отца будетъ... Получить, такъ все получу... оно во всѣхъ книгахъ конторскихъ прописано... И твое пропишутъ...

— Я рѣшилъ контору нашу не затруднять! — усмѣхнулся Петръ. — Ей и безъ приданого Евдокіи Ивановны разныхъ статей достаточно... Кошельковъ все на меня запишетъ, а я на другой день свадьбы — на жену перепишу... Неизвѣстно, что со мной потомъ будетъ, такъ чтобъ она меня подлецомъ не считала... А хочеть, видно, папенька, кошельковскій милліонъ понюхать!

— Не такъ ты отца, Петрунь, понимаешь. Деньги, что-ль, ему нужны? Своихъ, что-ль, мало?

— А жадность?

— Папенька не жаденъ, избави насъ отъ лукаваго!

— Ну, это ты рассказывай кому другому, а передо мною его просвѣтлять нечего.

— Не жадность тутъ, братенецъ, а гордость. Какъ ты этого не хочешь понять, избави насъ отъ лукаваго, — убѣжденно проговорилъ Трофимъ. — Весь вѣкъ онъ нами командовалъ да за малыхъ дѣтей считалъ, которымъ по семиткѣ только можно на подсолнухи давать, и вдругъ этому семитошнику прямо милліонъ въ руки! Ты сообрази, Петрунь... Завсегда онъ старшимъ былъ, грозою и владыкою дома, а что-же сичасъ, избави насъ отъ лукаваго? У мальчишки милліонъ въ рукахъ! Да съ милліономъ-то какой дуракъ другому милліону покоряться станетъ?

— И это тебѣ все отецъ напѣлъ?

— Ну, вотъ! Свои соображенія есть! Вижу — батъка не въ духахъ, значить — что-нибудь да есть...

— Да, можетъ, ему Оеклушка не въ ту сторону пятки почесала? — насмѣшливо проговорилъ Петръ. — А ты, съ большого ума, на приданое моей невѣсты повернулъ...

— Какая тамъ, къ дьяволу, Оеклушка, — съ досадою махнулъ рукой Трофимъ. — Станетъ онъ изъ-за всякой дряни неудо-

вольствіемъ заниматься! Видѣлъ, чай, какъ съ Кошельковымъ простился? Развѣ такъ его встрѣтилъ?

— Видѣлъ. И я его понимаю. Человѣкъ уже чужія денежки считалъ, и вдругъ,—поворачивай оглобли назадъ. Обидно!

— Нехорошо можетъ выйти, Петруня.

— Что нехорошо?

— Да какъ бы изъ-за этого свадьба твоя не разлетѣлась...

— Ты думаешь, Трофимъ?

— Ужъ очень нашъ старикъ напористъ. Что не по его — ни надъ чѣмъ не остановится...

— Да я ему въ ножки за это поклонюсь.

— А срамота - то?

— Срамота отцу, а не мнѣ. Меня не спрашивали, когда Богу молились, и никогда спрашивать не станутъ... Старшій въ домѣ и за срамоту отвѣчать долженъ. Вольному воля: хочешь—срамись, не хочешь—смирись...

— По хорошему-бы лучше, братенекъ. И отецъ, и ты, и я—всѣ Перелѣсковы, всѣ одной фамиліи, такъ что срамота-то не на отца одного падетъ, а на всѣхъ Перелѣсковыхъ. Гляди тамъ, какъ лучше, а мой совѣтъ, Петрунь, отца уважить...

— То-есть—отдать ему чужія деньги?

— Какія чужія? Свои. Когда женишься, все твое будетъ: и деньги, и имѣніе, и Евдокія Ивановна.

— Ну, мы на этотъ счетъ, Трофимъ, разныхъ понятій. Ты по одному думаешь, а я по другому. Вотъ ежели-бы я по какому-нибудь случаю деньги нажилъ,—я могъ - бы ими распорядиться, какъ хотѣлъ: захотѣлъ—въ огнѣ сжегъ, захотѣлъ—отцу отдалъ, а кошельковскими деньгами распорядиться можетъ только Евдокія Ивановна. Если тебя отецъ съ этимъ ко мнѣ подослалъ, такъ ты, Трофимъ, такъ и скажи ему, что я ни себѣ ни одной копейки изъ приданаго не возьму, ни ему не дамъ. А вотъ, ежели она сама папенькѣ отдастъ ихъ на сохраненіе,—ея дѣло, я и ни совѣтовать, ни отговаривать не стану... Такъ и скажи отцу!..

Трофимъ почесалъ въ затылкѣ и вздохнулъ.

„Не видать папенькѣ кошельковскихъ денегъ, какъ ушей своихъ! — подумалъ онъ, поглядывая на брата.— Упористый тоже, избави насъ отъ лукаваго, даромъ что юродь!..“

А юродь, посматривая съ усмѣшкой на Трофима, думалъ о томъ, что какъ-бы это хорошо вышло, если-бы, вслѣдствіе денежныхъ недоразумѣній, разошлась ихъ свадьба.

Трофимъ послѣ неудачныхъ переговоровъ съ братомъ закатился съ горя въ Грузины, а на другой день, утромъ, доло-

жилъ отцу, что „началь склонять Петра и, по всей видимости, до свадьбы успѣетъ склонить...“

Старикъ повеселѣлъ и сталъ каждый день спрашивать Трофима:

— Ну, какъ того?.. Склоняешь?..

— Какже-съ, помилуйте, и очень даже склоняю... Съ юродомъ-то, знаете, надо осторожно... Потому, полоумныхъ надо эна вона откуда обходить...

— Нда, это вѣрно,— соглашался Акимъ Спиридоновичъ.— Что умный въ одинъ день пойметъ, то полоумному надо цѣльный мѣсяць вколачивать...

— По гвоздочку-съ, папенька, по махонькому гвоздочку-съ,— умилялся Трофимъ своему уму.— А ежели въ него сразу дюжину загнать,— башка не выдержитъ: такихъ кувыркъ-коллегий натворить,— уму помраченіе! Ужъ вы это мнѣ предоставьте, избави насъ отъ лукаваго!

— Да я и не мѣшаюсь. Гордъ я, Трофимъ, и такъ думаю, что конца нѣтъ моей гордости. Какъсь передъ Богомъ, а соладать съ собой не могу!

Случайно какъ-то Петръ, подходя къ кабинету отца, услышалъ разговоръ его съ братомъ и остановился.

— Ну, какъ Петька, Трофимъ? Склоняется али артачится?

— Помаленьку, папенька, помаленьку-съ... Да ужъ будьте покойны, до свадьбы я его обглажу въ полной степени...

Петръ сперва весь затрясся отъ охватившаго его негодованія, но затѣмъ ему стало смѣшно.

Онъ понялъ, что братъ съ отчаянія обманываетъ отца, надѣясь на что-то, а тотъ вѣритъ Трофиму и ждетъ не дождется кошельковскихъ капиталовъ.

„Неужели это онъ изъ боязни лжетъ? — подумалъ Петръ, отходя отъ двери.— А, впрочемъ, можетъ-быть,— прямо изъ желанія потѣшить самолюбіе старика...“

Онъ дождался Трофима внизу и, зайдя къ нему, спросилъ съ улыбкой:

— Такъ помаленьку, Трофимъ?

— Что „помаленьку“? — переспросилъ тотъ, не понимая брата.

— А уговариваешь меня, чтобъ я кошельковскія деньги отцу отдалъ?

Трофимъ сконфузился и съ виноватымъ видомъ спросилъ Петра:

— Значить, все слышалъ?

— Слышалъ. И совершенно нечаянно, вовсе не желая подслушивать ваши секреты... И тебѣ не стыдно, Трофимъ лгать старику? Вѣдь ты очень хорошо знаешь, что ни ты, ни онъ не уговорите меня сдѣлать что-нибудь противъ совѣсти?..

— И ложь, братенекъ, иной разъ во спасеніе бываетъ, — со смущеніемъ отвѣтилъ Трофимъ.— А не ври я, гляди, и свадьба разлетится...

— Да тебѣ - то какое дѣло? Не ты женишься на Кошельковой!..

— Все равно, избави насъ отъ лукаваго. Не Кошелькову мнѣ жаль, — мало-ли дѣвокъ на бѣломъ свѣтѣ, — а милліона! — шепотомъ проговорилъ Трофимъ, точно оправдывая свою ложь.— Лучше онъ ужъ къ намъ, въ нашу фамилію попадетъ, чѣмъ другимъ... Вѣдь милліонъ, Петруня, шутка сказать!.. Поди-ка, найди другую такую невѣсту! Дуракамъ, говорятъ, только такое счастье приваливаетъ!..

„Весь въ отца—алчный!“ — подумалъ Петръ и, не сказавъ ни слова брату, ушелъ отъ него въ задумчивости.

На шестой недѣлѣ поста Петръ получилъ письмо отъ Ивана Кузьмича Кошелькова. Письмо начиналось извѣщеніемъ о томъ, что они добрались до Саратова благополучно, всѣ живы и здоровы и надѣются выѣхать въ Москву въ серединѣ Пасхи. Кончалось оно сообщеніемъ о погодѣ и торговыхъ дѣлахъ; къ дѣламъ были пришиты поклонны отцу и брату Петра. Въ самомъ низу большого листа, на которомъ было нацарапано письмо, стояла приписка отъ Евдокіи Ивановны: „Скучаю по Москвѣ,— писала она,— а отчего, и сама не знаю... Можетъ, и оттого скука, что вы, Петръ Акимовичъ, меня забыли и ни словечка о себѣ не прислали, а, можетъ, и оттого, что я никакъ не могу забыть ни вашего дома, ни всѣхъ, которые въ немъ живутъ... И на яву представляется все, и во снѣ часто всѣхъ видишь“.

Петръ совершенно равнодушно прочиталъ эту приписку и, повертѣвъ письмо въ рукахъ, отправился къ отцу.

Акимъ Спиридоновичъ, осѣдлавъ носъ большими круглыми очками, оправленными въ станокъ изъ черепахи, шелкалъ въ своемъ кабинетѣ косточками на счетахъ, когда къ нему явился Петръ.

— Вы очень заняты, папенька? — справился онъ у старика.

— Нѣтъ, не очень. Аль что нужно?—привель тотъ косточки въ ранжирь.

— Иванъ Кузьмичъ вамъ поклонъ изъ Саратова прислалъ...

— Такъ. Спасибо. Съ кѣмъ-же это?

— Въ письмѣ. Письмо онъ мнѣ прислалъ...

— Тебѣ?

— Мнѣ-съ.

Перелѣсковъ снялъ очки, посмотрѣлъ ихъ на свѣтъ и протеръ полой кафтана.

— Что значить зять-то! — проговорилъ онъ, наконецъ, съ насмѣшкой.— Ему и цидулы всякія, а свату—шишь!..

— Я его не просилъ мнѣ писать!—рѣзко произнесъ Петръ.— Вы напрасно мнѣ это говорите...

— Ну, ты потише — поднялъ голову Акимъ Спиридоновичъ.— Покуда еще кошельковскіе милліоны не въ твоёмъ карманѣ... А захочу, такъ и ничего у тебя не будетъ...

— Да мнѣ, папенька, ничего и не надо.. Я за чужими деньгами не гонюсь...

— Своихъ, значить, много! Какими-же это трудами ты ихъ нажилъ?

— И своихъ нѣтъ, вы это отлично знаете. Только то и имѣю, что отъ васъ получаю... Да мнѣ многого и не надо. У меня расходъ небольшой.

— Ну, женишься, совсѣмъ другой расходъ пойдетъ...

— У жены—свои деньги будутъ, а мнѣ, опять вамъ скажу, немногое нужно...

— Изъ ея рукъ глядѣть станешь?

— И глядѣть не стану. Мнѣ ничего не надо! Ничего!

Старикъ долго смотрѣлъ на Петра, затѣмъ вздохнулъ и сказалъ съ усмѣшкой:

— Дуракъ! Ступай вонъ!

Петръ повернулся и пошелъ.

— Да напиши ты этому,—крикнулъ старикъ вслѣдъ Петру,— своему тестюшкѣ-то будущему... Что, молъ, постарше меня есть въ домѣ, такъ что письма мнѣ, яко младшему, получать не слѣдъ... Мужикъ саратовскій, старый чертъ! Набьетъ половой брюхо и думаетъ, что кашу ѣлъ! Невѣжа деревенская!

Перелѣсковъ, облегчивъ себя ругательствомъ, воздвигнулъ на носъ очки и пошелъ щелкать косточками.

Петръ хотѣлъ-былъ сказать что-то отцу, но раздумалъ: все равно, что-бы онъ ни говорилъ, оскорбленное самолюбіе старика продолжало-бы выкрикивать одни только ругательства.

— Что, Петрунь, снесъ отъ Ивана Кузьмича отцу поклонъ?— встрѣтилъ его почти у дверей кабинета Трофимъ.— Соловьемъ старичина запѣлъ. Говорилъ тебѣ: не сказывай, что письмо изъ Саратова получилъ. Что - ты не знаешь папеньку-то, избави насъ отъ лукаваго?

— Мнѣ положительно все равно, Трофимъ.

— Юродь!—пожалъ тотъ плечами и прошелъ въ кабинетъ отца.

А Петръ, спустившись внизъ, пришелъ въ свою келью и первымъ дѣломъ разодралъ письмо своего будущего тестя съ припиской отъ скучающей невѣсты на мелкія части и швырнулъ ихъ въ уголь.

— Петръ Акимычъ!—окликнулъ его кто-то.

Петръ повернулся. На порогѣ стоялъ дворникъ.

— Что тебѣ, Аѳанасій?—спросилъ Петръ.

— Бабочка тамъ, значить, желаетъ видѣть.

— Какая бабочка?

— Омнаковенная бабочка, Петръ Акимычъ... простоволосая.

— Что ей надо?

— Видѣть желаетъ. Мнѣ, гыть, Петра Акимыча самолично.

— Да кто она такая? Откуда?

— Не сказываетъ... Допустить просить, а я не допускаю. Можетъ, во-вредъ.

— Да гдѣ она?

— А у кухнѣ. Безпремѣнно, гыть, самолично и по дѣлу.

— Можетъ, бѣдная какая, насчетъ помощи?

— Не видать этого... И шугай этакій, и платокъ на башкѣ первый сортъ...

— Постой, я пойду въ кухню... Или нѣтъ, позови лучше сюда.

Дворникъ исчезъ и минуту спустя впустилъ въ комнату Петра бабу, которая прежде всего помолилась на иконы, затѣмъ поклонилась въ поясъ хозяйскому сыну и оглянулась на дверь.

Дверь была затворена, и лицо бабы распустилось въ глупую улыбку.

— Вы сами Петръ Акимычъ и будете?—спросила она, разглядывая Петра.

— Я самый. Да тебѣ что-же надо отъ меня, голубушка?

— А я сичасъ буду нянькой у Самоквасовыхъ. Съ Якиманки которые.

— Знаю, знаю...

— Ну, вотъ. И отпросилась я у хозяевъ нонѣ къ сестрѣ замужней, а она возлѣ васъ почитай въ куфаркахъ живетъ. Вотъ мнѣ Маремьяна Никитишна и говоритъ: „Зайди,— говоритъ,— ты въ домъ Перелѣскова и увидай молодого хозяйскаго сына, Петра Акимыча...“ Вѣдь ты Петръ Акимычъ-то?

— Я, я...

— Ну, вотъ. „Повидай,— говоритъ,— ты его самолично, чтобъ чего не вышло, и передай ему грамотку...“ Это Маремьяна Никитишна-то мнѣ, значить...

— Ничего не понимаю. А кто эта Маремьяна Никитишна?

— А она нашей хозяйкѣ дальняя родственница, вродѣ какъ-бы седьмая вода на киселѣ, а родственница... И завсегда, какъ прїѣзжаетъ въ Москву, у нашей хозяйки притонъ держитъ... Любятъ ее хозяева-то, потому она хоша и въ скиту живетъ, Маремьяна Никитишна - то, а дѣвка веселая... изъ Керженецъ она...

— Изъ Керженецъ?

„Не Настя-ли,— пронеслась мысль у Петра.— Да, нѣтъ! Отъ отца Серапіона навѣрное...“

— Гдѣ-же это... что принесла?— спросилъ онъ, чувствуя, какъ сильнѣе и сильнѣе забилось у него сердце.

— Вотъ грамотка-то,— вытащила баба изъ-за пазухи измятое письмо, заклеенное сургучомъ.

Петръ выхватилъ у бабы письмо и развернулъ его дрожащими отъ волненія руками. Буквы сливались. Петръ не могъ разобрать ни одного слова, но когда онъ перевернулъ страницу и взглянулъ на подпись, которая такъ и полѣзла ему въ глаза, онъ уже не сомнѣвался болѣе.

Письмо было отъ Насти.

XXXV.

— Ну, спасибо тебѣ, голубушка, за аккуратную доставку,— проговорилъ Петръ, вручая съ сіяющимъ взглядомъ бабѣ серебряную монету.— Письмо-то, собственно говоря, не мнѣ, а отцу отъ матери Досифеи... Ну, да это все равно.

— Такъ, такъ...— кивала головой баба.— Маремьяна Никитишна много цыдулокъ отъ матушки привезла... по купцамъ сичасъ ихъ все развозить... А къ тебѣ меня послала... Ну, да одной-то во всѣ концы рази поспѣть? Ни въ жисть не поспѣешь... А за неоставленіе спаси Христось,— говорила баба, то-ропливо пряча монету въ карманъ.

— Не стоитъ, тебѣ спасибо. Кланяйся Маремьянѣ Никитичнѣ и поблагодари.

— Все скажу, милый, и поклонъ, и благодарность... Это ужъ ты безъ сумлѣнія... А Маремьяна Никитична такъ тебѣ сказать наказывала: „ежели,—говорить,—онъ съ отвѣтомъ надумаетъ, такъ чтобъ присылалъ ко мнѣ, а я,—говорить,—на этихъ дняхъ отвѣзжаю“.

— Хорошо. Если надо отвѣтить, непременно пришлю къ Маремьянѣ Никитичнѣ... Ее когда лучше застать дома-то: утромъ или вечеромъ?

— Вечеркомъ лучше всего, потому она съ утра-то по купцу ходитъ.. Да можешь и утромъ, это ничего... Вызови меня только... Аксинью няньку, а я въ сохранности Маремьянѣ Никитичнѣ передамъ.

— Спасибо, голубушка.—Если понадобится, такъ и сдѣлаю.

— Аксинью только запомни, потому у насъ двѣ няньки... другую-то Акулиной зовутъ, а я Аксинья.

— Запомню непременно.

— Ну, вотъ. А у воротъ у насъ завсегда дворникъ Михейка торчитъ, такъ ты Михейку-то и турни: Аксинью, молъ, мнѣ... няньку на малое время... А я сичасъ къ тебѣ и выбѣгу.

— Хорошо, хорошо, голубушка,—говорилъ Петръ, выпроваживая словоохотливую бабенку.

— Ну, прощенья просимъ. Спаси Христось... А собачищъ у васъ на дворѣ нѣту?

— Нѣтъ, нѣтъ...

— А то я, милый, пужаная... попадала въ собачьи передѣлы...

Проводивъ „пужаную“ бабу до кухни, Петръ поспѣшно вернулся къ себѣ и, заперевъ дверь на ключъ, развернулъ посланіе Насти.

Письмо было написано церковнымъ уставомъ съ обычнымъ заголовкомъ въ самомъ верху:

Г. И. Х. С. Б. п. н., что означало: „Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“, а немного пониже начиналось и самое письмо: „Милый и сердечный мой Петръ Акимовичъ!.. Не гадала я, не чаяла въ Керженцы попасть, а вотъ Богъ и привелъ. И проститься съ тобой не дали и словечкомъ перемолвиться. Хотѣла съ дороги назадъ бѣжать, да деньги меня по рукамъ и ногамъ связали; кабы не деньги—не видать бы меня кержинскимъ лисамъ. Тошно мнѣ здѣсь безъ тебя, сердечный мой, и сама себя не узнаю. Каждый часокъ все о тебѣ думаю и рвусь отсюда, какъ зябликъ изъ западни, а вырваться

не могу. Матушка все отъѣздъ мой откладываетъ то одно у ней для отсыла твоему родителю не готово, то другое, а меня тоска беретъ и ретивое змѣей сосеть... Хоть бы на часокъ отсюда улетѣть да на тебя взглянуть... И ничего мнѣ отъ тебя не надо: ни ласки твоей, ни рѣчей медовыхъ. Взглянула бь только и успокоилась. Немногого хочу, кажись, а по моему не выходитъ. Видно, такъ Богу угодно, и роптать на Него не могу. А ежели меня черезъ недѣлю не выпустятъ, сбѣгу сама, потому вижу, что меня здѣсь зря задерживаютъ и, видать, по приказу твоего родителя. Боятся онъ, видно, по Феклушкиному наущенію, что я твоей свадьбѣ помѣхой стану. Не знаетъ онъ Настю, которая сама же тебя жениться на Кошельковой уговариваетъ, и не понимаетъ того, что мнѣ хоть издали на тебя поглядѣть я и тѣмъ буду довольна, и помѣхой твоему счастью быть не могу. Цѣлую я тебя, милый мой Петръ Акимовичъ, заочно несчетно разъ и съ любовію низко кланяюсь. И объ одномъ тебя прошу: не гони ты меня, какъ вернусь, а подари словомъ ласковымъ, чтобы тоска моя лютая синула, а сердце радости удостоилось. А сбѣгу я безпремѣнно, ни на что не погляжу. Настя“.

Петръ со счастливою улыбкой, блуждавшею по его губамъ, сложилъ аккуратно посланіе, сунулъ его подъ подушку, прошелся по комнаткѣ и, снова доставъ письмо, снова сталъ его читать.

Перечитывалъ онъ его до поздней ночи, перечитывалъ и весь слѣдующій день, пряча то въ комодъ, то подъ подушки, разсѣянно отвѣчалъ на вопросы брата и покупателей и успокоился только спустя нѣсколько дней...

Петру шили приданое, къ которому онъ относился равнодушно, и на всѣ вопросы портныхъ, какъ сдѣлать то или другое платье, отвѣчалъ: „да шейте, какъ хотите, мнѣ все равно!“

Акимъ Спиридоновичъ мало принималъ въ женихъ участія. Ему гвоздемъ засѣлъ въ голову кошелевскій миллионъ и не давалъ покоя.

И на Трофима, чѣмъ ближе подходило время къ свадьбѣ, онъ сталъ покашиться и подозрѣвать его въ нежеланіи уговорить Петра передать приданое отцу.

Трофимъ вертѣлся, успокаивалъ Акіма Спиридоновича и бросался отъ него къ брату все съ тою же просьбой: отдать отцу деньги и „заткнуть его ненасытную глотку“

Петръ только посмѣивался и, чтобъ отвязаться отъ вѣчныхъ недоѣданій Трофима, говорилъ: „тамъ увидимъ...“

Трофимъ мгновенно успокаивался отъ такихъ неопредѣленныхъ отвѣтовъ Петра и шелъ къ отцу съ самоувѣренною физиономіей.

Будущимъ „молодымъ“ отвели вверху двѣ комнаты и обставили ее новой мебелью. Комнаты окнами выходили въ садъ, уже начавшій сбрасывать съ себя снѣжные покровы. Пасха въ этомъ году была поздняя, и уже на Страстной недѣлѣ на луговинкахъ показалась трава.

Начиналась весна... Природа медленно пробуждалась отъ долгой зимней спячки и весело улыбалась и теплому вѣтерку, заигрывавшему съ молоденькою травкой, и ласкающимъ лучамъ весенняго солнышка. Всѣ чувствовали волшебницу-весну, только у Петра въ душѣ этой весны не было.

Шли дни за днями, часы бѣжали за часами, а о Настѣ ни слуху, ни духу. Если бъ она сбѣжала изъ скитовъ, давно бы уже въ Москвѣ была. Значить, и сбѣжать ей, бѣдной, не удалось! Хорошо, видно, охраняютъ ее керженскія матушки, щедро задаренныя Акимомъ Спиридоновичемъ!

И весна не въ весну была для Петра!

Онъ снова сталъ перечитывать письмо Насти, высчитывалъ дни, подходилъ каждое утро къ ея двери и, нащупавъ замокъ, отходилъ съ нескрываемымъ огорченіемъ прочь, упорно думая о томъ, что Настя нѣтъ уже больше въ живыхъ: или она утонула, переправляясь въ весеннюю распутицу черезъ рѣки, или ее просто убили дорогой разбойники.

Разбои въ то время на дорогахъ были повсемѣстные, и каждый, вернувшійся домой изъ дальняго пути, первымъ долгомъ считалъ необходимымъ отслужить благодарственный молебенъ и затѣмъ уже отдохнуть отъ пережитаго страха и опасеній за свою собственную жизнь.

Жили тогда по-просту и на грабежи, на разбои съ убійствами смотрѣли какъ на неизбѣжное зло, какъ на привиллегіи всѣхъ дорогъ, по которымъ приходилось перевозить и товары, и капиталы.

Съ этимъ зломъ, конечно, боролись, но, вслѣдствіе малочисленности земской полиціи, грабежи и разбои не уменьшались, а только переносились въ мѣстности, гдѣ этой полиціи было еще меньше.

И вотъ почему всякій обыватель городовъ, не вернувшійся домой во-время, оплакивался заранѣе родными и вносился въ поминанье въ отдѣлъ „за упокой“...

Петръ зналъ характеръ Насти и былъ увѣренъ, что она непременно такъ и сдѣлаетъ, какъ ему писала, т.-е. убѣжитъ,

если ее не отпустятъ добромъ. Если это такъ, то она должна быть дома въ началѣ шестой недѣли, а теперь уже шла седьмая... Несомнѣнно, съ Настей случилось что-нибудь недоброе, и у Петра отъ такого предположенія такъ стало скверно на сердцѣ, что онъ не зналъ, куда ему дѣваться съ охватившею его тоской.

На Страстной Перелѣсковы снова говѣли. Но это говѣнье не принесло ему никакого успокоенія.

Онъ ходилъ машинально въ моленную, автоматически клалъ поклоны и зачастую не слыхалъ, что поютъ пѣвцы.

„Неизвѣстность—хуже всего!—говорилъ онъ самъ себѣ.— Ну, хоть бы какая-нибудь вѣсточка о Настѣ.. Если убили ее, такъ ужъ сразу узнать... помолился бы хоть объ ея душѣ...“

Въ четвергъ всѣ причастники собрались, по обыкновенію, въ столовую. Лицо Акима Спиридоновича сіяло тѣмъ внутреннимъ свѣтомъ, какимъ сіяютъ лица людей, у которыхъ совѣсть очистилась отъ мерзости грѣховной и паритъ горѣ...

Онъ тихо бесѣдовалъ со своимъ духовникомъ и мало обращалъ вниманія на Трофима, суетившагося возлѣ закуски.

Петръ молча выпилъ два стакана чаю, поднялся и, отвѣсивъ поклонъ отцу, вышелъ изъ столовой.

За нимъ слѣдомъ вышелъ отецъ и окликнулъ.

— А ты, того... писалъ поздравительное письмо невѣстѣ-то?—спросилъ Акимъ Спиридоновичъ, подходя къ сыну.

Петръ покраснѣлъ. Онъ, въ мечтаніяхъ о Настѣ, совсѣмъ и забылъ о томъ, что у него есть невѣста, которая налагаетъ на него извѣстный долгъ деликатности.

— Нѣтъ еще, папенька...

— Эхъ!—мотнулъ старикъ головой.—Какъ же это ты такъ? Дороги теперича распутныя, когда твое письмо до Саратова дойдетъ! Это, братъ, того..! какъ будто не дѣло...

— Нынче же напишу, папенька...

— Непремѣнно напиши... и отъ меня поздравь... Да такъ и напиши Ивану Кузьмичу, что старикъ, молъ, и самъ бы васъ поздравилъ собственноручно, да не имѣя, молъ, никакихъ отъ васъ свѣдѣній, положилъ, что вы о немъ забыли...

— Ловко ли такъ написать, папенька? Не обидѣлся бы Иванъ Кузьмичъ...

— Чего? А онъ меня не обидѣлъ, не приславъ письма? Кому онъ его прислалъ? Тебѣ? Ну, ты и отвѣчай, что тебѣ отецъ говорить...

И при воспоминаніи о такой обидѣ все сіяніе слетѣло съ лица Акима Спиридоновича.

— Еще долженъ за честь считатьъ, старый дуракъ, что я о немъ все-таки помню и хоть черезъ тебя да поздравленіе ему съ праздникомъ посылаю... Да другой бы на моемъ мѣстѣ наплевалъ, а я забочусь... Пушай онъ, мужичина саратовскій, понимаетъ, что въ Москвѣ люди много его благороднѣе живутъ и всякія тонкости понимаютъ... Такъ и напиши, слышишь?

— Слышу. Мнѣ написать ничего не стоитъ.

— Денегъ у него много, а то бы я и... и вниманія на такую скотину не обратилъ... Тьфу! Все мнѣ покаяніе, старый чертъ, испортилъ!

Петръ поневолѣ улыбнулся и, сойдя внизъ, чуть не до вечера составлялъ „саратовское“ письмо.

Еще Ивану Кузьмичу онъ кое-какъ составилъ, а своей невѣстѣ писать—прямо руки отваливались. И мысли вразбродъ пошли. Одна мысль совѣтовала понѣжнѣе написать, а другія двѣ Настю вспоминали.

— Господи, мука-то какая!—вырвалось у него.—А надо писать... а что писать? Ну, „Христось воскресе“—первымъ дѣломъ, а потомъ что? Ну: „поздравляю васъ съ Свѣтлымъ Христовымъ праздникомъ и желаю вамъ встрѣтить его въ радости и добромъ здравіи...“—а потомъ? Дальше-то, дальше-то что?

Петръ швырялъ гусиное перо и принимался бѣгать по своей клѣткѣ.

Рѣшилъ онъ, наконецъ, къ этому коротенькому посланію добавить: „мы всѣ, слава Богу, живы и здоровы и васъ въ Москву ожидаемъ“.

— И совсѣмъ я ее не ожидаю,—крикнулъ онъ на самого себя, кончивъ писать письмо,—а лгу, и самымъ противнымъ манеромъ лгу. Настю я жду, Настю—это правда, а Евдокію Ивановну—это ложь... Скверная, подлая ложь, за которую меня оплевать слѣдуетъ!..

Петръ съ отвращеніемъ запечаталъ письмо сургучемъ и, только сдѣлавъ на немъ надпись, немного успокоился.

— Написалъ, что ли, Петрунь, посланіе-то?—просунулъ въ дверь къ нему голову Трофимъ.

— А что?

— Давай, вмѣстѣ пошлю? И я тоже поздравленіе написалъ.

— Вотъ, возьми.

Трофимъ вошелъ въ комнату, повертѣлъ письмо, подбросилъ его на ладони и проговорилъ съ усмѣшкой:

— Легковѣсно! Поскупился, видимо, на лишнія слова, братенекъ?

— Написалъ, что слѣдуетъ... Довольно и этого...

— А я четыре страницы измазалъ... Нельзя! Милліоновъ-то у стараго черта сколько? Натощакъ и не выговоришь!.. А твоей невѣстѣ кратко начерталъ: „дерзаю облобызать ваши ручки и принести сугубыя поздравленія съ высокоторжественнымъ...“

— А я, Трофимъ, и этого не дерзнулъ,—улыбнулся Петръ.

— Въ уста, значить, прямо?

— И ни въ уста, и ни въ ручки.

Трофимъ посмотрѣлъ недовѣрчиво на брата и переспросилъ:

— Никуда, значить, избави насъ отъ лукаваго?

— Никуда!..

Трофимъ подумалъ съ минуту, затѣмъ вздохнулъ и молча вышелъ въ корридоръ.

— Юродь!—пробормоталъ онъ.—И дуракъ же этотъ Иванъ Кузьмичъ: не видитъ, за кого свою единственную дочь отдаетъ!

Послѣдніе дни Страстной седмицы прошли у Перелѣсковыхъ въ непрестанномъ хожденіи въ моленную.

Къ заутренѣ на Пасху они всѣ уѣхали къ родственникамъ Трофима по покойной женѣ, у которыхъ хотя и не было моленной, но въ большемъ залѣ съ колоннами, отдѣланными подъ розовый мраморъ, ставилась разборная церковь, въ которой и совершалась служба довольно торжественно.

Петръ, по обыкновенію, забился въ уголь и послѣ заутрени продремалъ часа два—три въ кабинетѣ хозяина. Обѣдня кончилась поздно, часовъ около семи утра.

Похристосовавшись наскоро съ родными и знакомыми, онъ поспѣшилъ домой.

Старикъ съ Трофимомъ остались разговляться поневолѣ: и того, и другого связывало и обязывало родство, а Петръ, какъ „нелюдимый“, былъ отпущенъ домой безъ долгихъ упрасиваній.

Вернувшись, онъ прошелъ черезъ кухню, похристосовался съ кухаркой и дворникомъ и прошелъ къ себѣ.

Петру хотѣлось спать. Онъ такъ усталъ за эти дни, такъ измучился мыслями о Настѣ, что ему и самый праздникъ не казался такимъ свѣтлымъ и торжественнымъ, какимъ представлялся прежде...

Было уже свѣтло. И первый предметъ, который бросился ему въ глаза, было красное яйцо, лежавшее на его столѣ. Петръ подошелъ къ столу и взялъ его въ руки...

XXXVI.

Въ этомъ яйцѣ ничего особеннаго не было, но Петра заинтриговало его появленіе на столѣ, на которомъ, кромѣ подсвѣчника, онъ ничего не оставлялъ.

„Не Трофимъ-ли оставилъ его съ вечера“, — подумалъ онъ и тутъ-же вспомнилъ, что Трофимъ къ нему наканунѣ не заходилъ...

И вдругъ у него родилась странная мысль: ужъ не отъ Насти-ли это яичко? А если отъ нея, то какъ оно къ нему попало?

Петръ заволновался.

— Пойду, спрошу у дворника... Не можетъ этого быть, чтобъ яйцо попало ко мнѣ безъ его вѣдома.

Петръ вышелъ въ корридоръ и машинально повернулъ направо... Очнулся онъ только тогда, когда подошелъ къ дверямъ Настиной кельи.

— Куда-жъ это я иду? — удивился онъ самъ и хотѣлъ уже повернуть назадъ, какъ услыхалъ легкій шумъ, повидимому, происходившій именно въ помѣщеніи Насти.

Онъ подошелъ къ двери и ощупалъ ее рукой: замка не было! У Петра даже въ глазахъ помутилось.

— Неужели она пріѣхала?

Петръ отворилъ тихо дверь и увидалъ Настю, которая стояла передъ осколкомъ зеркала, висѣвшимъ на стѣнкѣ, и гребнемъ расчесывала свои длинные, густые волосы.

— Настя! — крикнулъ онъ, и не успѣла та повернуться, какъ очутилась въ объятіяхъ Петра. — Жива? Здорова? Когда ты вернулась? — бросалъ Петръ безсвязные вопросы.

— Христось воскресе, Петръ Акимовичъ, — отвѣтила та и, вспыхивая румянцемъ и тихо смѣясь, охватила шею Петра руками.

Петру такъ и не пришлось сказать: „воистину“..

Часъ спустя домой вернулся Акимъ Спиридоновичъ съ Трофимомъ.

Служащіе отправились на верхъ христосоваться съ хозяевами.

Церемонія эта продолжалась недолго. Отпустивъ всѣхъ, старикъ отпустилъ и Трофима.

— Прилечь теперича хорошо,—проговорить онъ.— Поди и ты тоже усталъ?..

— Особенной усталости не чувствую, а отдохнуть не мѣшается... Петръ, гляди, давнымъ-давно спитъ...

— Больше спитъ—меньше глупостей творить,—проворчалъ Акимъ Спиридоновичъ.— Шалымъ онъ какимъ-то за послѣднее время сталъ и говорить несуразное... Замѣтилъ, чай?

— Дѣйствительно, папенька, заговариваться сталъ... Вчера говорю ему: „ты за заутреню одинъ поѣдешь, али приказчика Ѳедосѣича прихватишь?“ А онъ вылупилъ на меня глазища, да и отвѣчаетъ; „на крыльяхъ-бы полетѣлъ туда, да крыльевъ нѣтъ!“ — „Куда туда?“ — спрашиваю. — „А гдѣ убили ее“... — „Кого убили?“ — „Душу мою убили!“... Такъ я, папенька, не знаю, какъ отъ него и выкатился, избави насъ отъ лукаваго... Совсѣмъ, вижу, спятилъ... А за заутреней — ничего... какъ будто и не говорилъ такихъ помѣшанныхъ словъ.

— Находить на него стало что-то... это ужъ я примѣтилъ... Охъ, не свихнулся-бы онъ у насъ...

— Очень даже просто, папенька, — вздохнулъ Трофимъ.— Каково будетъ Евдокіи Ивановнѣ съ умопомѣшаннымъ жить? Да онъ ее, съ безумныхъ-то глазъ, и придушитъ безъ всякаго стѣсненія...

— Доктору его не показать-ли?

— Показать можно... Мнѣ, главное, Евдокію Ивановну жаль, избави насъ отъ лукаваго... Такая чудесная дѣвица, съ такими капиталами,—и вдругъ за безумнаго попадетъ...

— Ну, это еще можно по другому повернуть... Да и придется, видно...

— То-есть, какъ это по другому, папенька?

— Да такъ... У меня на этотъ счетъ мысли есть... Тебѣ какъ она... того... въ совѣсть, али нѣтъ?

— Евдокія Ивановна?

— Ну, а то кто-же еще?.. Не про Буланку нашу мы рѣчь ведемъ...

— Совсѣмъ даже по нутру, папенька...

— Ну, и перевернемъ, коли не заартачатся... Не склонилъ ты еще Петра на счетъ приданаго-то?

— Сами видите, въ какомъ онъ положеніи сичасъ. Развѣ возможно безумнаго на хорошее дѣло склонить...

— Нда!—произнесъ въ раздумѣ Акимъ Спиридоновичъ.— Придется перевернуть... Старика-то Кошелькова еще уломать можно: „самъ, скажу, видишь, какой грѣхъ случился, потерялъ Петрушка разумъ совсѣмъ...“

Акимъ Спиридоновичу давно уже хотѣлось „перевернуть“ свадьбу; мысль эта засѣла у него съ той самой поры, какъ Петръ категорически отказался передать отцу приданое Евдокии Ивановны. За Трофима онъ не боялся, потому что Трофимъ весь былъ въ его рукахъ и ни разу не позволилъ себѣ заявить протестъ противъ родительскаго самовластия.

Нужна была только „прицѣпка“, изъ-за которой можно было-бы повернуть все сватовство на другой ладъ; пока такой прицѣпки не находилось, и Акимъ Спиридоновичъ молчалъ, придумывая способъ заполучить Кошельковскій миллионъ въ свое безконтрольное распоряженіе. Если-бъ его кто спросилъ въ это время, врасплохъ, для чего нуженъ былъ ему этотъ Кошельковскій миллионъ, когда у него своихъ было нѣсколько, онъ затруднился-бы отвѣтомъ.

Такъ... ни для чего... только чтобъ онъ у него въ сундукахъ лежалъ, и онъ, Перелѣсковъ, одинъ-бы могъ имъ распорядиться по своему усмотрѣнію.

Петръ увѣрялъ брата, что въ ихъ отцѣ при собираніи и своихъ, и чужихъ капиталовъ говоритъ жадность, даже больше—алчность вѣчно голоднаго человѣка.

Трофимъ это отрицалъ, указывая брату на дни, правда очень рѣдкіе, когда отецъ не жалѣлъ никакихъ денегъ и, при иныхъ условіяхъ и иныхъ людяхъ, могъ-бы давно раздать свое состояніе,—и Трофимъ былъ правъ.

Какъ при собираніи капиталовъ, такъ и при расшвыриваніи ихъ—Акимомъ Спиридоновичемъ руководило одно только самодурство, которое, даже въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ, не можетъ выкурить цивилизація.

Въ этихъ поколѣніяхъ измѣнилась только внѣшность; эти поколѣнія приобрѣли лоскъ, умѣнье держать себя въ обществѣ, схватили верхушки образованія, а въ душѣ остались такими-же самодурами, какими были ихъ отцы, дѣды и прадеды...

Лозунгъ самодура „чего моя нога хочетъ“ еще долго будетъ примѣняться на практикѣ купцомъ, и никакія академіи, никакіе университеты не вытравятъ въ конецъ самодурства.

Трофимъ, плоть отъ плоти самодура, понималъ отца больше и лучше, чѣмъ Петръ, воспитанный „по-бабьему“.

У Петра и нервы были тоньше, и чувства деликатнѣе, — немудрено, что у него и взгляды на жизнь и людей были иные, чѣмъ у отца и брата.

Матеріальная сторона жизни для перваго казалась и нелѣпостью, и ничтожествомъ, для вторыхъ—эта сторона была все. Для этой „штуки“ они и жили, и грѣшили, и гнѣвили по сто

разъ въ день Бога, и умирали съ сознаниємъ, что прожили жизнь не даромъ, а приумножили то, что получили отъ своихъ отцовъ,—а это именно и требовалось доказать.

— Другіе-то, вонъ, и отцовское состояніе разорили, а мы, слава Тебѣ, Господи, отцовскій-то рубль на пять помножили... есть чѣмъ насъ дѣтямъ помянуть!

И поминали... всякій по-своему. Кто крестился и царствіе небесное покойничку отъ полноты чувствъ сулилъ, а кто такъ прямо въ раздумье впадалъ:

— И на кой чертъ мнѣ теперича его капиталы, когда у меня никакихъ желаніевъ нѣту!

И дѣйствительно: прожилъ человекъ свою жизнь свинья-свиньей, укрощая свои желанія и собирая въ родительскую мощну капиталы, а когда получилъ ихъ въ свое распоряженіе—оказалось, что и жизнь прожита чертъ знаетъ какъ и ни въ душѣ, ни въ сердцѣ никакихъ „желаніевъ“ нѣтъ...

Петръ лучше Трофима понималъ трагедію капиталовъ и поэтому относился къ нимъ если и не съ презрѣніемъ, то ужъ, во всякомъ случаѣ, безъ того уваженія, какое питалъ къ нимъ Трофимъ, ухитрившійся и „желанія“ свои удовлетворять, и капиталы отцу приобрѣтать.

„Прицѣпка“ для старика Перелѣскова нашлась. Петръ, истосковавшійся въ послѣднее время по Настѣ, дѣйствительно производилъ и на отца, и на Трофима впечатлѣніе ненормальнаго человека.

Прежде, чѣмъ отвѣтить на предложенный ему тѣмъ или другимъ вопросъ, онъ долженъ былъ вспомнить то, о чемъ его спрашивали и, не вспомнивъ, конечно, отвѣчалъ наудачу совсѣмъ не то, что требовалось.

Послѣ того, какъ онъ получилъ письмо отъ Насти, всѣ мысли его были поглощены исключительно ею.

Что онъ любилъ ее, объ этомъ онъ уже зналъ, но что онъ могъ любить ее *такъ*, онъ узналъ только теперь.

Письмо Насти какъ-будто сковало его невидимыми цѣпями и сдѣлало ее для него такимъ милымъ и дорогимъ существомъ, безъ котораго онъ не могъ ни жить, ни мыслить.

Его всего охватила не страсть долго сдерживаемаго чувства, а благоговѣніе и восторгъ передъ дѣвушкой, отдавшей ему и сердце, и душу.

И потерять ее — для Петра значило потерять все. Жизнь становилась и глупой, и бессмысленно мучительной, и никому, положительно никому не нужной. Тѣ, которымъ онъ былъ ну-

женъ,—умерли, а тѣ, которые жили и окружали его, были ему чужими и по духу, и по совѣсти.

О томъ, что будетъ съ нимъ, если *ея* не будетъ, онъ зналъ. Этотъ вопросъ онъ давно уже рѣшилъ для себя: и его не будетъ!

А пока онъ переживалъ тревожные дни, отдавая себя во власть то отчаянію, то надеждѣ, и совсѣмъ забылъ про то, что жизнь идетъ своимъ неувимымъ теченіемъ, что на свѣтѣ есть еще пока и обязанности, и долгъ, и отецъ, и братъ, съ которыми нужно и говорить, и думать о тѣхъ мелочахъ жизни, которыя отошли отъ него на далекій планъ.

Трофима, послѣ первыхъ же фразъ о братѣ, точно-что осѣнило. Поддержать отца въ его мнѣніи насчетъ болѣзни брата было ему даже на руку.

Чѣмъ чертъ не шутить! Вдругъ вся картина перемѣнится и къ вѣнцу невѣсту съ милліономъ теперь и другими въ недалекомъ будущемъ поведетъ не Петръ, а онъ, Трофимъ, котораго этотъ братецъ игнорировалъ всегда какъ самаго послѣдняго молодца въ ихъ лавкѣ!

Надо ковать желѣзо, пока оно не остыло, и Трофимъ заковалъ его на отцовскомъ самодурствѣ.

„Насчетъ милліона-то мы это еще поглядимъ,—думалъ Трофимъ, раболѣпно смотря отцу въ глаза.—Можетъ, половинку-то и отобъемъ въ свое распоряженіе!.. Обмозговать только надо хорошенько, чтобъ и волки были сыты, и овцы цѣлы, и на половинѣ помирится, избави насъ отъ лукаваго!“

— Можетъ, и поправится потомъ, папенька,—вздыхалъ Трофимъ на реплики отца,—а только поврежденъ Петруня... Это ужъ видимо... И завсегда-то онъ мнѣ поврежденнымъ казался... думали: юродъ, анъ—безуменъ оказываётся... Нелюдимость это его—разъ... завсегда людей сторонился; отъ брака до тридцати лѣтъ уклонялся—два... Какой ужъ это здоровый человѣкъ! Господи Боже мой, да скажите вы мнѣ, папенька, когда мнѣ двадцать лѣтъ было: Трофимъ, хочешь жениться? Да хоть на трехъ, избави насъ отъ лукаваго!.. А онъ уклонялся. Значить, полное въ умѣ поврежденіе-съ...

— Надо перевернуть это... только-бы не заартачился,—проговорилъ снова Акимъ Спиридоновичъ.

— Не думаю я этого, папенька-съ...

— Скажетъ,—опять перемаливаться! Ндравный онъ, шутъ его дери... мужикъ саратовскій... то съ однимъ молились, то вдругъ съ другимъ... смѣяться еще ему дураки стануть.

— Ну, такихъ дураковъ, папенька, трудно найти-съ... Съ

милліонами который человекъ, такъ тотъ за фонарный столбъ можетъ дочь выдать, а не токмо что... да и потомъ ежели судить по настоящему-то, избави насъ отъ лукаваго, рази онъ за Петра, али за Трофима Евдокію Ивановну выдаетъ? За васъ выдаетъ-сь.

— Какъ за меня? Что ты ошалѣлъ съ розговѣнь-то?

— За васъ, папенька. Ну, что такое мы съ Петькой? Не болѣе, не менѣе, какъ ваши отросточки. Коли онъ дочь отдаетъ, такъ отдаетъ Перелѣскову... главѣ фамиліи-сь... А кому эта глава его дщерь отдаетъ,—Петру или Трофиму,—для него все едино-сь... Въ фамилію Перелѣскова отдаетъ, стало-быть лестно ему съ такой фамиліей породниться...

— Нда... ты это того... и вѣрно,—самодовольно погладилъ бороду Перелѣсковъ,—и точно вѣдь... А мнѣ даже и въ голову не пришло...

— Скромны вы ужъ очень, папенька,—отъ этого-сь.

— Я объ себѣ небольшой гордыни. Но только ты, Трофимъ, это совсѣмъ правильно умомъ раскинулъ... За фамиліей саратовскій дуракъ гонится!

— Да это кого ни спроси, всякій вамъ скажетъ, избави насъ отъ лукаваго... Что мы такое? Черви-сь... Топните вы ножкой, отъ насъ только одна мокрота останется...

— А мнѣ, знаешь, это и невдомекъ! Петра облюбовалъ, ну, значить, его ужъ очень за умнаго считаетъ...

— Въ умѣ ошибиться ничего не стоитъ-сь. Можетъ, Петюшка Ивану Кузьмичу по малоумію такія слова говорилъ, которыхъ онъ и понять не могъ... А вѣдь это до кого ни доведись: чего не понимаешь, завсегда за умное считаешь... Мнѣ сосѣдъ Вилкинъ, Ѳедька, рассказывалъ, что ему учитель чиstopисанія однажды такой стихъ прочиталъ, что Ѳедька съ него запилъ-сь... Ей, ей-сь... Самъ рассказывалъ... И понять стихъ хочется, и понять не можетъ... Ну, и запилъ съ огорченія, избави насъ отъ лукаваго!

— Съ безумныхъ глазъ наговорить всякой дури можно. Эхъ, покойница, не тѣмъ ты будь помянута, испортила ты Петра!

— Не трогайте маменьку, папенька... Дай Богъ ея душѣ царство небесное, а косточкамъ—мирное успокоеніе... Ничего не воротись: ни покойницы-маменьки, ни Петькинаго разума...

— Это ты того, вѣрно... Перевернемъ, Трофимъ!

— Перевертывайте, папенька, я супротивъ вашей воли не пойду-сь...

— Ну, еще-бы ты пошелъ! Да что-жъ-бы тогда и было,

спрашивается? А ты того... приглядывай за Петромъ - то... Какъ-бы онъ какого колѣна не выкинулъ...

— Присмотрю - съ будьте покойны... А насчетъ доктора, по-моему, надо оставить съ... Ну ихъ... Пойдутъ еще по Москвѣ звонить, что у Перелѣсковыхъ сынъ въ безуміи... Мараль-съ...

— Пожалуй, что и такъ... Да это и такъ дѣло видимое... Кошельковъ, положимъ, дуракъ, а все-же можетъ понять...

— Пойметъ, папенька... Господи! Да стоитъ только обратить его вниманіе на Петькины слова.. Какъ обратить, такъ и будьте здоровы, избави насъ отъ лукаваго!

— Переверну!... Ну, ступай, а я прилягу.

Трофимъ отвѣсилъ поклонъ отцу, вышелъ изъ кабинета и чуть не вскрикнулъ отъ изумленія. Около самыхъ дверей стояла Настя, покрытая бѣлоснѣжнымъ платочкомъ.

— Ты?.. Ты?..— пробормоталъ онъ, не двигаясь съ мѣста.

— Я, Трофимъ Акимычъ,— отвѣтила та, кланяясь ему въ поясъ.— Христось воскресе!

XXXVII.

Трофимъ отъ изумленія даже не похристосовался съ Настей, на которую у него, по его выраженію, „всегда зубъ игралъ“, а разинулъ ротъ и смотрѣлъ, какъ та, съ легкой усмѣшкой, прошла мимо него и скрылась въ кабинетѣ отца.

„Ну, матери!— качнулъ головой Трофимъ, когда услышалъ стукъ захлопнувшейся за Настей двери.— Вотъ и посылай имъ жертвы, избави насъ отъ лукаваго! Знаетъ - ли нашъ полумный объ ея пріѣздѣ? Это даже очень и весьма любопытно...“

Акима Спиридоновича не меньше Петра поразило появленіе Насти, которую онъ приказалъ „матерямъ“ продержать въ скиту до конца Ѳоминой недѣли, а затѣмъ и отпустить съ миромъ въ Москву.

Онъ даже подался назадъ вмѣстѣ со стуломъ и, широко открывъ глаза, спросилъ:

— Настасья?

— Настасья, Акимъ Спиридоновичъ!— поклонилась та старику и, поднявъ голову, проговорила нараспѣвъ:— можно, поди, похристосоваться - то? Христось воскресе, Акимъ Спиридоновичъ!

— Ну, ну... воистину! — отвѣтил тотъ и, пригладивъ бороду, троекратно приложился къ пылавшимъ румянцемъ щечкамъ Настя. — Когда же это тебя... того... Господь Богъ принесъ?

— Ночью, Акимъ Спиридоновичъ, ночью... и раньше - бы должна прѣхать, да ужъ очень дороги-то распутныя...

— Н-да... дороги теперь дѣйствительно того... Ну, что тамъ? Свезла?

— Свезла-съ... все благополучно... матушка здравствуетъ и вамъ письмецо прислала...

Настя вынула спрятанное на груди письмо и подала его Перелѣскову.

— Удивляюсь я, какъ это тебя матушка въ такую распутницу отпустила?

— Да она не пушала, — усмѣхнулась Настя, — да я ужъ очень по вашему дому соскучилась...

— По дому?

— По дому, Акимъ Спиридоновичъ...

* — Ишь ты... скучливая какая...

— А ужъ такой Богъ уродилъ... И до того я, Акимъ Спиридоновичъ, соскучилась, что даже рассказать невозможно.

— Это все по моему дому?

— Все по вашему... Ужъ очень я привыкли къ нему сызмальства... А тамъ просто жуть взяла... ну, я и говорю матушкѣ: „отпусти, ради Христа, а то я съ тоски натворю непутеваго... либо зарѣжу кого, либо скитъ сожгу...“

— Что-о? Да ты въ умѣ, али дорогой тебя растрясло?..

— А ужъ такой сказываю, меня Богъ уродилъ. Что не по нутру — сносить не стану, а либо башку разобью, либо другому голову снесу.

Акимъ Спиридоновичъ долго и съ нескрываемымъ смущениемъ смотрѣлъ на Настю, которая по-прежнему улыбалась мягко и щурила свои красивые глаза.

— Много на себя берешь... Не по разуму бремя взваливаешь, глупая, — проговорилъ Акимъ Спиридоновичъ, не зная, что сказать Настѣ.

— Отродясь у меня языкъ на неправду не поворачивался, а что сердцемъ горю, то и языкомъ говорю... Не обезсудь ужъ меня, Акимъ Спиридоновичъ, деревенщину! — усмѣхаясь, произнесла Настя и отвѣсила Перелѣскову поясной поклонъ.

„Ну, дѣвка, — думалъ тотъ, усиленно разбирая бороду. — Отродясь такихъ дѣвокъ не видывалъ... Зубы - то у ей какіе: любому глотку перерветъ... И красива - же, шутъ ее дери...“

одѣтъ - бы ее теперича въ шелки да бархаты, ну и — пропадешь!..“

— Еще матушка на словахъ вамъ, Акимъ Спиридоновичъ, сказать приказывала, — продолжала Настя, скрещивая руки на высокой груди, которая у ней ходуномъ ходила, — что она иконы Петра Аѳонскаго и мученицы Евдокіи иконописцу заказала и какъ только напишутся, немедля-же вамъ матушкой вышлются...

— Ладно. Денегъ-то на проѣздъ хватило?

— Осталось даже, Акимъ Спиридоновичъ... Отъ Нижняго-то, знаешь, меня двѣ купчихи для тѣсноты взяли и никакихъ съ меня дорожныхъ не взыскали...

— Ну, и возьми себѣ, что осталось...

— Спаси Христось! Уйти дозволишь?

— Иди. Да постой на минутку. А ты это въ серьезъ, али такъ сболтнула?

— Что, Акимъ Спиридоновичъ?

— А насчетъ скита - то? Спалила - бы, говоришь?

— Истинный Богъ, спалила - бы, — убѣдительно отвѣтила Настя, — я вольная птаха и силкомъ меня никто удержать не можетъ...

— Ну?

— Попытайте, — бросила та на Перелѣскова вызывающій взглядъ.

Старикъ поднялъ глаза на Настю и потупился.

„Родятся-же этакіе черти въ простомъ званіи“, — подумалъ онъ и, покрутивъ головой, махнулъ рукой.

Настя, поклонившись низко старику, медленно повернулась и вышла, не оборачиваясь.

„Глупа, но карактеръ ой, ой, ой!“ — рѣшилъ Акимъ Спиридоновичъ и, сбросивъ съ плечъ кафтанъ, завалился со вздохами и охами на пуховую постель.

А Настя все съ той-же, точно застывшей на ея губахъ, улыбкой прошла по длинной амфиладѣ комнатъ и заглянула въ угловую, гдѣ въ шкафахъ хранились богослужебныя книги.

Въ угловой она неожиданно наткнулась на Трофима, который сидѣлъ у окна и рассматривалъ какую-то книгу.

— Стой, стой, стой! — крикнулъ онъ Настѣ, успѣвшей уже захлопнуть дверь, — поди сюда, избави насъ отъ лукаваго!

Настя вошла, широко отворивъ дверь и останавливаясь почти на порогѣ.

— Что тебѣ надо, Трофимъ Акимовичъ?

— Не христосовались мы...

— Ну, теперича ужъ опоздалъ, — со смѣхомъ отвѣтила та, — жди до будущей Пасхи...

— Да ну? Неужто до будущей?

— Я въ своемъ словѣ вѣрна. Не хотѣлъ давеча по доброй волѣ, а сичасъ и силкомъ меня не заставишь...

— Да ужъ оченно ты меня озадачила, избави насъ отъ лукаваго! Не ждалъ я тебя и вдругъ... идетъ!

— Да вы что-жъ меня въ скитъ-то хоронить послали?

— Не хоронить, а... не ожидалъ, чтобъ рано такъ вернулась... Поживешь, думаю... Въ скиту-то весело...

— Ужъ на что веселѣй... Тебѣ-бы туда, Трофимъ Акимовичъ, отправиться...

— Бываль...

— Нѣтъ, сичасъ отправиться... Знакомыхъ - бы тамъ встрѣтилъ, которыя тебя удавить собираются...

— Меня? Да что ты въ умѣ?

— Въ разумѣ, Трофимъ Акимовичъ, въ своемъ разумѣ. Марѳуша-читалка — первая...

— Святъ, святъ, святъ! Да рази она въ скиту?

— Въ скиту. Грушка, ямщикова дочь, — два.

— И Грушка тамъ, избави насъ отъ лукаваго?

— Въ скиту, Трофимъ Акимовичъ, и обѣ оченно тебя дожидаются. „Расчесали-бы, — говорятъ, — мы ему здѣсь кудельки, да расцарапали-бы глядѣлки“. Охъ, и злющія-же онѣ отъ монастырскаго житія-то стали!..

— Ну, это ты того... врешь, избави насъ отъ лукаваго!

— И повадки, Трофимъ Акимовичъ, такой за мной не было... А что сказывали онѣ, — такъ я тебѣ передаю точностію... На свадьбу къ тебѣ собираются...

— На какую свадьбу? Я и жениться-то не думаю...

— Да, ну? Ишь ты вѣдь какъ люди онѣ вратъ здорово стали! — качнула головой Настя. — Ни за что, ни про что на человекъ наплетутъ!.. И я говорю имъ, что у Трофима Акимовича и на разумѣ женитьбы нѣтъ, а онѣ свое ладятъ: „на Красной горкѣ, — говорятъ, — и свадьба!..“

— Такъ то Петръ, чай, женится, а не я...

— И я имъ такъ же сказывала. „Братецъ, — говорю, — Трофима Акимыча женится, а нѣ онъ самъ“, ну, а онѣ только меня на смѣхъ подняли... „Да какой-же, — говорятъ, — это дуракъ за юрода дочь отдастъ? Да кака-же это дура безголовая за него поидетъ?“

— Бабы басни—глупыя, избави насъ отъ лукаваго!.. Какой же Петръ—юродъ? человекъ, какъ человекъ...

— А ужъ этого я не знаю. Изъ вашего же дома слухъ про Петра Акимовича вышелъ и до скитовъ керженскихъ долетѣлъ... Теперича ужъ не поправишь... Такъ Петръ Акимовичъ юродомъ и помретъ... И женится ежели онъ, такъ всѣ стануть говорить, что не онъ женится, а Трофимъ Акимовичъ... Заболталась я, прости Христа-ради.

Настя кивнула головой и захлопнула дверь.

Трофимъ почесалъ правую бровь и швырнулъ книгу въ шкафъ.

„Ишь ты вѣдь, какъ Петра-то мы огласили,—вздохнулъ онъ.—По всей матушкѣ-Россіи юродомъ загулялъ! Какъ бы чего нехорошаго изъ этого не вышло, избави насъ отъ лукаваго! Я-то тутъ не причемъ... Все папенька... Ну, и пушай онъ за все въ отвѣтъ будетъ!..“

Настя заглянула къ Оеклушкѣ. Оеклушка спала, раскинувъ руки и широко раскрывъ ротъ, изъ котораго вылетали звуки, напоминавшіе ворчанье собаки.

Настя оглянулась и юркнула къ Петру, который тоже расположился отдохнуть.

— Настя! Голубка!—поднялся онъ съ кровати.

— Отдыхай, Петръ Акимычъ,—замахала та руками,—отдыхай... а я вечеромъ къ тебѣ приду... большое дѣло до тебя есть...

— А безъ дѣла не пришла бы?—усмѣхнулся Петръ.

Настя оглянулась на дверь и бросилась на шею Петру.

— Спрашиваешь тоже... глупости какія,—засмѣялась она и выскользнула изъ рукъ Петра.—Ужо вечеромъ,—шепнула она въ дверяхъ.

До вечера было далеко, и Петръ, отдохнувъ, отправился съ Трофимомъ поздравить близкихъ родственниковъ съ праздникомъ.

Кромѣ скуки отъ этой поѣздки онъ ничего домой не привезъ. Петръ давно уже замѣтилъ, что на него вездѣ смотрѣли какъ-то по-особенному и разговоры вели съ осторожностью. Самъ онъ объяснялъ это тѣмъ, что рѣдко видаеть людей и еще рѣже у нихъ бываетъ. Его, значитъ, или совсѣмъ, или очень мало знали, а поэтому и не интересовались человекомъ, который опять исчезнетъ изъ ихъ глазъ и памяти на цѣлый годъ. За-то къ Трофиму относились иначе и говорили съ нимъ, не ища словъ и не дѣлая церемонныхъ лицъ.

Поэтому ли, или потому, что Трофимъ нигдѣ не отказы-

вался ни отъ мадеры, ни отъ лиссабонскаго, ни даже отъ до-
рошеннаго травника, изгоняющаго всѣ болѣзни прошедшія,
настоящія и будущія,—онъ былъ веселъ, а дорогой, рассказы-
вая про только что ихъ принимавшихъ родственниковъ разныя
мерзости, хохоталъ на всю улицу.

— Тебя, вотъ, Петрунь, они боятся и остерегаются, а пе-
редо мной всѣ нараспашку...

— Да чего же меня бояться? Я ихъ и вижу-то разъ—два
въ годъ...

— А оттого, что ты..

Трофимъ хотѣлъ сказать: юродь, да во-время спохватился.

— Оттого что ты молчишь больше, а я ровно мельница
крылами, языкомъ-то махаю, ну они того... Тоже махать начи-
наютъ, избави насъ отъ лукаваго!

— Я очень радъ, что мной не занимаются.

— А радъ, и слава Бога. Хе-хе-хе... что кому требуется...
А я такъ вотъ люблю, чтобы за мной, какъ за павлиномъ, хо-
дили... Перелѣсковъ!

— Глупое самолюбіе...

— Всякій по своему разсуждаетъ... а богатый мужикъ по-
четъ любить...

— Ну, мы съ тобой, Трофимъ, пока папенька живъ, нищіе...

— Не Маеусаиль, избави насъ отъ лукаваго, и ему череда
придетъ... Нищіе! Нищіе, да не очень... А кредитъ-то ты ни
во что не считаешь? Повѣрятъ нищему сотни тыщъ, а? А намъ
повѣрятъ... да еще какъ, только возьми, сдѣлай милость!

— Кому кредитъ—богатство, а кому и разореніе...

— Ты что-то нонче для Свѣтлаго праздника красно рассу-
ждаешь, Петрунь... просвѣтлѣніе, видимо; на тебя нашло...

— Я всегда, братъ, такъ разсуждаю, а вотъ ты каждый
день—по другому...

— По время, Петрунь, по время глядя... нонѣ понедѣль-
никъ, завтра вторникъ, а послѣ завтра—среда... вотъ кабы
круглый годъ понедѣльникъ, али среда была—дѣло десятое...
Хе-хе-хе...

Вечеромъ, когда всѣ разошлись по своимъ гнѣздамъ, Петръ
сталъ ждать Настю.

Настя не заставила себя долго ждать и, прошмыгнувъ
тѣнью по корридору, явилась къ нему съ такой улыбкой, отъ
которой у Петра голова кругомъ пошла.

— Чѣмъ угощать мнѣ дорогую гостью?—говорилъ Петръ,
доставая изъ шкапчика апельсины,—я ужъ и не придумаю...

— А лаской, милый... ничего мнѣ больше не надо...

— Что ласка... Эхъ!

Петръ швырнулъ на столъ апельсины и поцѣловалъ Настю, у которой плечи вздрагивали точно отъ холода.

— Постой... ты сядь, сердечный мой... Я къ тебѣ за дѣломъ пришла...

— Къ черту дѣло!..

— Не поминай зря нечистаго, а слушай, что я тебѣ скажу-то...

— Ну, говори...

— А дѣло вотъ какое... Ты не смѣйся, милый Петръ Акимычъ, какъ бы плакать не пришлось...

— Ну, не таковский... не заплачу... Тебя опять никуда не ссылаютъ?

— Да я теперь и сама не поѣду,—усмѣхнулась Настя.

— Ну, такъ и плакать мнѣ нечего... слезинки изъ меня не выжмешь...

— А у меня ретивое заговорило, какъ услышала я. И какое дѣло, сердечный мой Петръ Акимовичъ! Иду это я нонѣ утромъ къ твоему родителю съ письмомъ отъ матушки, подошла къ ихнему кабинету и вдругъ слышу разговоры... Дѣло женское, и дверь-то не притворена, ну и наслушалась я про тебя...

— Про меня? Съ кѣмъ же отецъ про меня разговаривалъ? Съ Трофимомъ, что ль?

— Съ нимъ. Ума лишеннымъ тебя хотятъ сдѣлать...

Петръ нахмурился и посмотрѣлъ на Настю.

Лицо Насти было серьезно, и маленькая складка легла между бровей.

— Не понимаю я, Настя...

— Изъ разговоровъ твоихъ вывели, что ты въ умѣ поврежденъ. И говоришь быдто не то, что слѣдуетъ, и въ глазахъ разуму нѣтъ...

Петръ расхохотался...

— Вотъ оно что!—проговорилъ онъ, наконецъ,—Настя, голубка ты моя! Да вѣдь это я безъ тебя съ ума сходилъ... думалъ—убили, заточили, на цѣпи въ скиту посадили... На душѣ—ночь темная, а въ головѣ всѣ мысли путаются... Ну, скажи сама: похожъ я на ума лишеннаго?

— Милый ты мой! Радость моя душевная! Да умнѣй тебя я и людей на свѣтѣ не знаю!

— А пріѣхала ты, все какъ рукой сняло! Отцу еще простиительно ошибиться, а Трофима я не понимаю... положимъ, мы давно другъ другу чужіе...

— У брата, Петръ Акимовичъ, выгода есть. Ты слушай,

что дальше было: отецъ все перевернуть хочетъ и не тебя, а Трофима на Кошельковой женить...

— Господи! Ежели бы такъ вышло, счастливѣй меня чело-
вѣка на свѣтѣ бы не было...

Настя поблѣднѣла и поднялась со стула.

— Петръ Акимовичъ! Дай ты мнѣ свое слово, что правду говоришь...

— Не вѣришь? Глупая! Тебя люблю я... тебя... да что это? Ты плачешь, Настя? Обидѣлъ я тебя чѣмъ? Голубка моя...

Петръ схватилъ дрожавшія руки Насти и тревожно заглянулъ въ глаза дѣвушки.

— Не плачь... не надо... зачѣмъ?.. ну, полоумный я!.. Что же изъ этого... а все-таки тебя одну люблю... Настя!..

— Отъ радости плачу, милый... баба вѣдь я... а у бабы на все слеза готова... А я-то думала... Спаси тебя, Христось, за твою любовь и ласку!

И Настя поклонилась Петру въ ноги.

XXXVIII.

Петръ, точно перышко, поднялъ Настю и чуть не задушилъ ее поцѣлуями.

— Душу ты мою словно солнышкомъ согрѣлъ,—говорила Настя, и смѣясь, и утирая катившіяся слезы.— Такъ мнѣ тепло сичасъ, такъ хорошо, что жить хочется... Воскресеніе Свѣтлое въ сердцѣ у меня... Любишь меня, глупую, Петръ Акимовичъ?

— Не спрашивай... или глазъ нѣту?

— Радостью ихъ заволокло, ничего не вижу...

— Я тебѣ по чистой совѣсти, какъ попу на духу, скажу: и не зналъ я самъ, что такъ полюбилъ тебя... и самъ на себя издивился... Какъ уѣхала ты, ровно что оборвалось во мнѣ... Дуракъ дуракомъ хожу и дурацкими глазами на людей гляжу...

— Со мной то же самое было... Съ дороги сбѣжать хотѣла, и дура, что не сбѣжала...

— Свѣтъ не милъ безъ тебя, Настя... Хочешь—вѣрь, хочешь—не вѣрь, а я тебѣ, какъ на испорѣди, муки свои облегчаю.

— Милый ты мой! Сердечный! Да какъ мнѣ тебѣ не вѣрить!

— Знаешь, когда человѣкъ потеряетъ все, что ему въ жизни дорого да мило было, и самъ растеряннымъ станетъ... И я растерялся...

— И въ полоумные попалъ, — съ горечью произнесла Настя.

— И въ полоумные попалъ, — эхомъ повторилъ Петръ, улыбаясь. — Я такъ и порѣшилъ: не вернешься ты на Пасхѣ — бѣжать, да тебя искать... Хоть мертвой, да найти только, чтобы муки души своей облегчить... Вернулся нонче отъ службы домой, гляжу — на столѣ яичко крашеное лежитъ... Вѣришь ли, чуть съ ума не сошелъ! Отъ Насти это, да и только!..

— А я только и дѣловъ дѣлала всю ночь, что изъ своей кельи въ твою сновала... Никого, знаешь, нѣту, всѣ Богу молиться ушли, а мнѣ и молитвы на умъ нейдутъ... Повидать бы его, сокола моего яснаго, повидать бы... хоть однимъ глазкомъ взглянуть... Все тутъ, вотъ, его: и кровать, и зеркальце, и шкапикъ, а радости моей, Петра Акимовича, нѣту...

— Слушай, Настя...

— Слушаю, милый мой...

— Расскажи ты мнѣ по порядку все, что слышала тамъ... наверху...

Настя рассказала подробно, отгнѣнивъ даже интонаціи голоса старика и Трофима. Женщины всегда наблюдательнѣе мужчинъ, и ни одна мелочь, ни одинъ ничтожный штришекъ не ускользнетъ отъ ихъ вниманія и запечатлѣтся въ памяти на ряду съ самыми крупными событіями.

Часто мы проходимъ мимо какого-нибудь предмета, не удостоивъ его даже самого поверхностнаго вниманія, между тѣмъ, какъ женщина однимъ своимъ, небрежно брошеннымъ взглядомъ на этотъ предметъ опредѣлитъ его цѣль и значеніе и откроетъ вамъ въ немъ такія любопытныя стороны, о которыхъ вы даже и не подозрѣвали.

Свойство женскаго ума и наблюдательности — мелочность, но если вся наша жизнь состоитъ изъ мелочей, цѣпляющихся изо дня въ день одна за другую, — женщина является самымъ точнымъ и вѣрнымъ оцѣнщикомъ всего того, для чего мы живемъ, трудимся, дѣлаемъ добро и зло и умираемъ, не примирившись ни съ пройденною жизнью, ни съ людьми, сопровождавшими эту жизнь.

И Настя, съ свойственною ей впечатлительностью, развернула передъ Петромъ такую гнусную картину подлости отца и брата, что у Петра пошли по спинѣ медленно ползущія, холодныя мурашки.

Сдѣлать его безумнымъ они могли всегда. И должны были сдѣлать такимъ, иначе миллионное приданое не попадетъ въ лапы главы фамиліи Перелѣсковыхъ.

Сначала Петръ отнесся къ этому даже съ радостью. Пре-

красно! Выдадутъ его за безумнаго и избавятъ его отъ навязанной ему саратовской невѣсты, и онъ останется снова свободнымъ и вольнымъ, какъ птица. Пой пѣсни любви и свободы и смотри на остальное человѣчество, какъ на узниковъ, добровольно наложившихъ на себя цѣпи рабства и мѣщанскихъ условностей.

Все это было бы хорошо, если бы онъ не зналъ дикаго нрава и невѣжества своихъ близкихъ.

Отецъ не любилъ его, братъ—только боялся. Чего онъ боялся, Петръ не могъ и самъ понять хорошенько, но что онъ въ душѣ къ Петру не питалъ ни малѣйшихъ братскихъ чувствъ,—въ этомъ Петръ давно уже пересталъ сомнѣваться.

Трофимъ хихикалъ, Трофимъ юлилъ, прикидывался откровеннымъ, критиковалъ отца безъ стѣсненія, изливалъ со слезой чувства передъ братомъ, но ни въ его откровенности, ни въ его изліяніяхъ—Петръ никогда не чувствовалъ ни одной искренней нотки.

Все было фальшиво, какъ фальшива была и та жизнь, которую велъ Трофимъ, и Петръ былъ увѣренъ въ томъ, что при первомъ же случаѣ его родной братъ отрекся бы не только отъ своихъ словъ и чувствъ, но даже и отъ брата и отца...

Всякій въ жизни преслѣдуетъ цѣли по своему, и Петръ нисколько не обижался на Трофима за тѣ средства, которыми тотъ достигалъ ихъ, но коробило его всегда и съ каждымъ годомъ заставляло все больше и больше уходить отъ „своихъ кровныхъ“ въ ту маленькую скорлупку, откуда онъ видѣлъ только кустъ сирени, заборъ съ блестящими на солнцѣ остріями гвоздей и очень маленькій кусочекъ неба, рѣдко лазурнаго, но больше сѣраго и туманнаго.

Для Петра жизнь была драмой, потому что онъ не могъ мириться со многимъ, противъ чего протестовало и его сердце, и здравый смыслъ; для Трофима жизнь была комедіей, въ которой преуспѣвали только тѣ, которые закрывали глаза на шероховатости, мирились со всѣмъ, что имъ подсунетъ судьба или власть имущіе, и ловили, ничтоже сумняшеся, въ мутной водѣ рыбу твердой и опытной рукой охотника-рыболова.

Петръ на все глядѣлъ пессимистически и теперь, выслушавъ подробный и точный въ мелочахъ пересказъ Насти о происшедшемъ между отцомъ и братомъ разговорѣ, впалъ въ уныніе.

Его самолюбіе нисколько не оскорблялось отъ того, что невѣста, съ которой „помолился“ онъ и о которой уже зналъ

весь „городъ“,—станеть вдругъ, по капризу отца, женой Трофима.

Онъ любилъ Настю и уже по одному этому былъ счастливъ, тѣмъ, что его бракъ съ нелюбимою дѣвушкой,—правда, очень хорошею, очень милою и симпатичною,—разстраивается.

Невѣсту ему навязали, невѣсту и отняли... могли и снова навязать, и снова отнять... На что же тутъ обижаться? Воля родительская, это то же, что у древнихъ deus ex machina. Появилось—и аминь!

Петра повергало въ уныніе не это. Онъ смотрѣлъ впередъ, а впереди онъ ничего не видѣлъ, кромѣ ужасовъ.

Петръ зналъ, если отецъ постановилъ діагнозъ, что онъ потерялъ разумъ,—на этомъ, конечно, не остановится.

Онъ пойдетъ дальше.

Вотъ это-то „дальше“ и страшило Петра.

Что съ нимъ будетъ? Могутъ отправить въ домъ умалишенныхъ, могутъ посадить на цѣпь... Въ ихъ средѣ, при ихъ нравахъ и обычаяхъ, все возможно.

У Лункиныхъ былъ же такой случай. Средній сынъ пилъ. Пилъ потому, что его не удовлетворяла жизнь, которую онъ влачилъ у отца, пилъ потому, что онъ родился не такимъ, какъ его братья, пилъ потому, что все, что его окружало, издавало смердящій трупный запахъ, душившій его, и рвался на чистый воздухъ, на просторъ, съ его темно-синимъ небомъ, съ лучезарными звѣздами, съ привѣтливо-ласкающимъ солнышкомъ и ширью, которой не было конца.

Петръ недавно видѣлъ этого несчастнаго, жаждавшаго всѣмъ не того, что ему давала жизнь. Онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ грязнымъ, нечесанымъ, какъ узникъ въ одиночномъ заключеніи, и рычалъ, какъ звѣрь, на людей, приносившихъ ему пищу.

Лункины, по женѣ Трофима, были сродни Перелѣсковымъ. Петръ зналъ раньше Порфирія, видался съ нимъ часто въ „городѣ“, говорилъ съ нимъ и былъ глубоко пораженъ извѣстіемъ о томъ, что Порфирій сошелъ съ ума и сидитъ у отца въ домѣ чуть не въ подвалѣ, въ запертой комнатѣ.

Петръ цѣлый годъ собирался навѣстить несчастнаго, котораго онъ многіе годы зналъ инымъ человѣкомъ и въ иной обстановкѣ. И когда, наконецъ, собрался,—то пришелъ въ ужась.

Говорить ему съ „помѣшаннымъ“ пришлось въ окошечко, прорѣзанное въ двери.

Ничего безумнаго Петръ не нашель ни въ глазахъ, ни въ движеніяхъ Порфірія.

Послѣдній тотчасъ-же узналъ Петра и, просунувъ ему руку въ окошко, какъ - то конфузливо запахнулъ полы халатика, изъ-подъ котораго темнымъ, грязнымъ пятномъ вылѣзало бѣлье.

Петръ такъ поразился его видомъ, что не нашелся сказать слово привѣта...

А „сумасшедшій“, запахнувъ полы халатика, нагнулся къ окошечку и шепнулъ Петру:

— Принеси полштофъ... ради Бога... Вѣдь я съ ума сойду отъ этихъ подлецовъ!.. Дышать нечѣмъ... рѣшетку сдѣлали... да не уйду я... и куда уйду? Кому я нуженъ? Кто во мнѣ приметъ участіе? Никто, потому что всѣ подлецы и бездушныя твари!—бормоталь, дрожа весь отъ волненія, заключенный.— Истерзали меня, насмѣялись, оплевали... душу во мнѣ убили... Тяжко, Петръ Акимычъ... не дай Богъ никому... Что я имъ сдѣлалъ? За что меня, какъ звѣря, въ клѣтку посадили?

— Я не знаю, Порфірій Лукьянычъ,—пробормоталь Петръ, оглядываясь на сопровождавшаго его дворника, который хихикаль и шепталъ сбоку Петру: „вотъ всѣмъ онъ этакія рацеи... Что значить разумомъ-то потеряться!..“

— И я не знаю. Ну, да... я презираль ихъ, поносиль, потому что они всѣ звѣри и живутъ по животному... Я не могъ такъ... Ну, выгони меня, какъ собаку, на улицу... избеи, ежели этого мало... изувѣчь... Но за что-же свободы лишать... За что?

— Порфірій Лукьянычъ, неужели никто не заступится за васъ? — вознегодовалъ Петръ, видя, что Порфірій такой-же безумный какъ и онъ самъ.

— Всѣ подлецы! Всѣ жиромъ обросли и никому до страдающихъ нѣтъ дѣла!.. Я умомъ рехнулся! Это мнѣ братцы сказали... Я умомъ рехнулся! А они не рехнулись, всю жизнь живя въ праздности, подлости и грязи? И я сойду съ ума... сойду... Нѣтъ-ли у васъ ножика?

— Нѣтъ. Зачѣмъ онъ вамъ?

— А покончить съ собой... Они меня боятся, черви... Меня, котораго заперли, какъ дикаго тигра въ клѣтку... Отецъ ко мнѣ и не показывается... Братцы напугали: убьеть! Скоты! Чтобъ я подняль руку на человѣка, который не вѣдаетъ, что творить! Чтобъ я рѣшился на такое подлое дѣло. Да я лучше себя уничтожу...

— Всѣмъ, вотъ, такія рацеи,—шепталъ Петру дворникъ сбоку,— ну, и сумлѣваются.

— Христа за что распяли? За правду... за одну только правду, которой до Него на землѣ не было... А меня за ту-же правду въ клѣтку посадили... Распните меня лучше, изверги, распните!

Порфирій сталъ кричать, ударяя себя въ грудь высохшимъ кулакомъ; у него тряслась голова, дрожали плечи, и на губахъ появилась пѣна.

Глаза его блестяли ненавистью и мукою затравленнаго звѣря. Съ такимъ точно взглядомъ выпускаетъ послѣдній вздохъ волкъ послѣ долгой и беспощадной борьбы съ терзающей его стаею собакъ.

У Петра волосы поднялись дыбомъ отъ этого взгляда, и что-то болѣзненно-жалостливое, что-то скорбно-мучительное охватило его сердце.

Онъ чувствовалъ, какъ спазмы сдавливаютъ его горло, а слезы подступаютъ къ глазамъ.

А Порфирій, ловя руки Петра, цѣпляясь за его одежду, кричалъ задавленнымъ голосомъ:

— Распните!.. Ради Бога... ради Христа, распните!.. Отецъ! Братья! Люди! Звѣри вы или нѣтъ? Дайте конецъ моимъ мукамъ!..

Петръ не помнилъ, какъ онъ оторвался отъ окошечка, что говорили ему братья несчастнаго Порфирія. Очнулся онъ только на улицѣ.

Цѣлый часъ сидѣлъ онъ у воротъ Лункиныхъ, не имѣя силъ сдвинуться съ мѣста. Образъ несчастнаго Порфирія стоялъ передъ его глазами, а въ ушахъ раздавались слова, вырванные изъ сердца мукой и страданіемъ: „распните! Ради Христа, распните!..“

Домой онъ явился въ возбужденномъ состояніи и тотчасъ-же отправился къ отцу.

— Папенька, что-же это такое?..—началъ онъ рыдающимъ голосомъ.— Вѣдь это такая низость, это такое преступленіе, которому имени нѣтъ...

— Что такое?—равнодушно поднялъ голову старикъ.

— Я видѣлъ Порфирія Лункина... Посѣщаль его... Папенька! Ради Бога! Ради всего святаго для васъ... освободите его...

— Это сумасшедшаго-то?—съ удивленіемъ произнесъ Перелѣсковъ.

— Боже мой, да онъ такой-же сумасшедшій, какъ и мы съ вами...

— Что-о-о?—еще удивленнѣе поднялъ брови старикъ.

— Да онъ совсѣмъ въ своемъ разумѣ. А въ заточеніи, до кого ни доведись, всякій съ ума спятитъ...

Акимъ Спиридоновичъ надѣлъ на носъ очки, какъ-будто желая лучше разглядѣть сына, явившагося къ нему съ такими рѣчами, и покачалъ головой.

— Какой ты, Петръ, того... — проговорилъ онъ, снимая очки,— ума что-ли въ тебѣ настоящаго нѣту, али покойница тебя испортила... дуракъ по-моему!

— Я и не спорю съ вами: пусть я глупъ, но Порфирій страдаетъ напрасно, и каждый честный человѣкъ долженъ заступиться за невиннаго страдальца.

— Порфирій, Петръ, ума лишенный! — авторитетно изрекъ старикъ Черелѣсковъ.

— Да вы видѣли его? Скажите, видѣли - ли вы его хоть разъ?

— Не видалъ. Да и видѣть такого никакого интересу нѣтъ. Это ты, можеть, съ рехнувшимъ разговаривать любишь, а я — молюсь только за такихъ. Потому, ежели Богъ разума лишилъ, значитъ прегрѣшилъ много. Ну, я и молжусь объ отпущеніи ему содѣяннаго еже вѣдѣніемъ, еже невѣдѣніемъ.

— Папенька! Да вы посмотрите его... поговорите съ нимъ... ради Бога!

— Порфирій — ума лишенный,— даже стукнулъ по столу ладонью Акимъ Спиридоновичъ,— разъ отецъ его родной это говоритъ, разъ онъ самъ свое рожденіе въ заключеніе ввергнулъ, значитъ—тутъ и совать носа чужимъ не слѣдъ. Понялъ? Старикъ Лункинъ, вонъ, плачетъ да жертвы по монастырямъ разсылаетъ, а ты, съ глупаго ума, Порфирія за здраваго человѣка считаешь... Ступай, вылей на себя, дурачина, ведро холодной воды, чтобъ остыть отъ глупости, и ложись спать!..

И Петръ ушелъ. И теперь вотъ, выслушавъ Настю, онъ съ ужасомъ вспомнилъ судьбу Порфирія Лункина и подумалъ:

„Со мной то-же самое можеть случиться... и никто не заступится, никто протестовать не станетъ. Ужъ ежели отецъ свое рожденіе призналъ умопомѣшаннымъ, кто-же въ этомъ сомнѣваться станетъ?..“

И Петру стало холодно, какъ человѣку, пробывшему на морозѣ цѣлыя сутки.

XXXIX.

Петръ схватилъ за руки Настю и прошепталъ, трясясь какъ въ лихорадкѣ:

— Мнѣ страшно, Настя! Мнѣ страшно!

Настя не поняла Петра и широко раскрыла глаза.

— Сердечный ты мой, да чего тебѣ страшиться, скажи?

— Я вспомнилъ Лункина... Ты не знаешь его... А что съ нимъ отецъ и братья сдѣлали? Въ одиночное заключеніе посадили и человѣческаго подобія лишили... И со мной то же могутъ сдѣлать.

Теперь Настѣ сталъ понятенъ ужасъ Петра. У нея захолоуло сердце. „Отъ нихъ все станется... Развѣ они пожалѣютъ кого?“—подумала она.

— Не смѣютъ они этого съ тобой сдѣлать... — утѣшала Настя Петра, чувствуя, что ея слова утѣшенія не вяжутся съ упавшимъ отъ того-же страха голосомъ.— Не звѣри они тебѣ, а отецъ съ братомъ!..

— Ахъ, Настя, плохо ты знаешь ихъ!—уныло проговорилъ Петръ.— По неразумію, по слѣпотѣ духовной тиранить станутъ...

— На всѣхъ перекресткахъ кричать объ ихъ беззаконіи стану!—поднялась вдругъ съ мѣста Настя, грозно потрясая руками.— Къ самому владыкѣ пойду, а онъ не вступится,— въ полицію, къ губернатору брошусь...

— Ничего ты, Настя, не сдѣлаешь. Отецъ у всѣхъ въ такомъ уваженіи, что на твои слова только смѣяться станутъ...

— А не вступятся сама тебя освобожу!.. Зубами рѣшетки перегрызу, а надъ тобой издѣвки дѣлать не позволю... Да Кошельковъ-то самъ, — слѣпъ онъ, что-ль,—не можетъ безумнаго отъ здороваго отличить?

— Не знаю...

— Ну, а не знаешь, прежде поры-времени страху не предавайся... Да помни, милый, что у тебя Настя есть... На все пойду, а тебя въ обиду не дамъ!

Настя улыбалась, но въ ея улыбкѣ ничего веселаго и радостнаго не было. Но Петра ея улыбка обманула: ему стало легче.

На второй день праздника старикъ Перелѣсковъ получилъ извѣстіе отъ Кошелькова, что они выѣзжаютъ въ Москву и надѣются прибыть въ субботу на Свѣтлой недѣлѣ.

Прочиталъ это извѣстiе, Акимъ Спиридоновичъ крякнулъ, почесалъ по привычкѣ въ затылкѣ, въ которомъ у каждаго прежняго купца находился неистощимый кладезъ ума, и послалъ за Трофимомъ.

Дѣло было вечернее, и Трофимъ собирался упорхнуть въ Грузины.

— Къ папенькѣ пожалуйста, — заявила ему Оеклушка.

Трофимъ только-что наподимилъ голову и стоялъ теперь передъ зеркаломъ, старательно расчесывая волосы.

— Зачѣмъ? — съ неудовольствiемъ повернулся онъ къ улыбающейся Оеклушкѣ.

— Дѣло ихнее. А ты куда - же это, Трофимъ Акимовичъ, припомаживаешься-то?

— Я-то? Не твое дѣло, избави насъ отъ лукаваго...

— А меня ревность беретъ...

— Ишь ты! Не зналъ я, что ты такая ревнивая...

— Теперича знаешь.

— Надо оставить. Ежели вы, черти, всѣ зачнете ревновать, — свѣту мнѣ на видать. Оставить надо, Оеклушка, эту глупость...

— А я съ сердцемъ совладать не могу...

— Совладаешь! Вотъ какъ я папенькѣ доложу, что ты меня ревновать стала, такъ и сердце укротишь, избави насъ отъ лукаваго!

Оеклушку передернуло; она метнула молниеносный взглядъ на Трофима, который, сбросивъ съ себя сюртукъ, натягивалъ въ это время на плечи кафтанчикъ, и процѣдила сквозь зубы:

— Вотъ оно какъ!

— А ты думала по инакому? Дура!

— Совсѣмъ непутевыя рѣчи отъ тебя слышу! Гляди, Трофимъ Акимовичъ, какъ-бы не пожалѣть о Оеклушкѣ...

Трофимъ ужъ былъ раздосадованъ тѣмъ, что его позвалъ отецъ: „пожалуй, просидишь съ нимъ часа три, а потомъ ужъ и гульнуть будетъ некогда“. Нахальный тонъ Оеклушки взорвалъ его окончательно.

— Да ты что-же это грозить мнѣ вздумала? — крикнулъ онъ, подпирая бока руками и покачиваясь съ носковъ на каблукъ и обратно. — А? Всякая, можно сказать, мразь, и лѣзетъ въ передній уголъ, подъ образа!.. Да я тебя и знать не хочу, избави насъ отъ лукаваго!

— Ой-ли? — поблѣднѣла вдругъ, какъ восковая свѣча, Оеклушка.

— Ступай и пятки папенькѣ чеши, а у меня чтобы нога твоя не была!.. Слышала?

— Вотъ, спаси Христось тебя, Трофимъ Акимычъ... не ожидала я отъ тебя такой ласки за мою любовь бабью, глупую,—поклонилась ему Ѳеклушка въ поясъ.

— Ну, и ладно. За любовь твою съ лихвой заплачено. А вотъ, женюсь на Евдокіи Ивановнѣ, такъ и шубой, пожалуй, тебя обрадую. Чертъ съ тобой! Не поминай меня лихомъ!

— Такъ вотъ откеда вѣтеръ-то подулъ? — ехидно усмѣхнулась Ѳеклушка.— А мнѣ-то, дурѣ, и невдомекъ это, что Трофимъ Акимычъ своему брату родному ножку подставилъ... И дуракъ тоже Петръ Акимовичъ, погляжу я на него!.. Ахъ, дуракъ... Да я-бы, на его мѣстѣ, давно-бы такого братца, какъ ты, подушкой во снѣ придушила .. и рученьки-бы не дрогнули, а прямо-бы въ адъ отправила Іуду-предателя!..

Трофимъ струхнулъ и тотчасъ-же подумалъ о томъ, какъ онъ глупо дѣлаетъ, забывая иногда запереть на ключъ свою спальню.

— Ну, ты это того... избави насъ отъ лукаваго... ахинею плетешь!—пробормоталъ Трофимъ.— И не думалъ я ножку брату подставлять... А что ежели на то воля папеньки, такъ я тутъ не при чемъ... На козѣ прикажетъ жениться, на козѣ женюсь... И хоть ты разорвись отъ ревности, а жениться долженъ .. Поняла ты это?

— Давно я тебя понимаю, Трофимъ Акимычъ, но только не мѣшало-бы о своей свадьбѣ и съ Ѳеклушкой посоветоваться... Не чужая, чай, тебѣ...

— Ну, это много чести... Высоко летаешь, какъ-бы кувыркомъ не полетѣть!..

— Со всякимъ этотъ грѣхъ случиться можетъ. Бываетъ такъ, что и умные мужчины въ дуракахъ остаются, а отъ бабы чего-же ожидать путнаго!.. Какъ на ноги встала, такъ глупой рабой стала... И взлетѣла-бы курица на дерево, да на шесть для ней устроень... Такъ шубу мнѣ отъ тебя, Трофимъ Акимычъ, ждатель?

— Я отъ своихъ словъ не отрекись. Жди!

— Охъ, не дождусь!—съ язвительной усмѣшкой проговорила Ѳеклушка, покачивая головой.

— Это почему-же, напримѣръ?

— Самъ увидишь, что не дождусь... А жаль... стара у меня стала шубейка, и сугрѣвы отъ ней никакой нѣтъ... Лисьей, поди, Ѳеклушку наградить хотѣлъ?—расхохоталась она прямо

въ глаза Трофиму.— А я люблю лису... сестра она намъ по характеру, родная... хитрая животная, Трофимъ Акимычъ!

И Оеклушка, фыркнувъ, выскочила изъ комнаты Трофима.

— Дура! — проговорилъ озадаченный Трофимъ. — Хитрая животная... лиса... Охъ, не натворила - бы она чего, избави насъ отъ лукаваго!

Трофимъ вздохнулъ, вытеръ полотенцемъ насухо напомаженные волосы и, причесавъ ихъ, отправился наверхъ къ отцу.

— Ты того... спать, что-ль, легъ? — спросилъ Акимъ Спиридоновичъ сына, когда тотъ вошелъ къ нему въ кабинетъ.

— „Кормчую“, папенька, проглядывалъ, — съ смиренной улыбкой проговорилъ тотъ. — Я на сонъ грядущій всегда что-нибудь назидательное читаю...

— Дѣло. Съ малолѣтства ежели приучиться.

— Я съ малолѣтства, папенька... Жена-покойница, не тѣмъ будь помянута, много еще мнѣ въ чтеніи божественныхъ книгъ препятствовала... Какъ начнешь, бывало, читать, сейчасъ неудовольствіе: гаси огонь, да и только, извѣстно—баба, избави насъ отъ лукаваго!

— Садись... вотъ тебѣ, читай...

— Что это, папенька?

— Прочтешь... узнаешь... отъ Кошелькова...

— Саратовское посланіе къ москвитянамъ, — проговорилъ иронически Трофимъ и углубился въ чтеніе каракуль Ивана Кузьмича.

— Ну? — спросилъ старикъ, когда тотъ окончилъ чтеніе.

— Ничего-съ, — сложилъ Трофимъ вчетверо посланіе и подалъ его отцу съ наклоненіемъ головы. Въ субботу, Богъ дастъ, будемъ живы и здоровы, встрѣтимъ ихъ съ подобающею честью... Я уже для Евдокіи Ивановны и яичко приготовилъ... Знаете, чай, безпоповца-иконописца Силачева?

— Знаю. Видалъ его работу у Осетрова. Хорошо пишетъ...

— Мнѣ онъ „Воскресеніе Господне“ на яйцѣ написалъ...

— Такъ ты этимъ яйцомъ хочешь съ Кошельковой похристосоваться?

— Такъ точно, папенька... Все-таки это не то, что обыкновенное, куриное-съ...

— Хвалю! Вотъ, сейчасъ видно настоящаго жениха! Петькѣ-бы это и въ лобъ на влетѣло.

— Можетъ, и влетѣло-бы при настоящемъ разумѣ, да какъ его нѣтъ-то, избави насъ отъ лукаваго?

— Да, я тебя вѣдь вотъ зачѣмъ позвалъ, Трофимъ... Какъ намъ теперь эту механику повести?

— Это насчетъ перемаливанія-то-съ?

— Да. Первое: допускать Петра до Кошельковыхъ или не допускать? Я нонче объ этомъ цѣлый день думалъ...

Трофимъ посмотрѣлъ внимательно на отца и спросилъ:

— А какъ-же не допустить?

— Какъ, какъ?.. Вотъ, я тебя и спрашиваю... По-моему, запереть-бы его куда-нибудь, а Кошелькову объявить, что спятилъ-де... Правду я ему скажу или нѣтъ? Ты по совѣсти, Трофимъ, чтобы намъ съ тобой лишняго грѣха на душу не брать...

— Не въ разумѣ, папенька, про это что и говорить... Да тутъ и грѣха никакого нѣтъ, избави насъ отъ лукаваго... А вотъ только насчетъ запорки его я сумлѣваюсь.

— Ну?

— Петрушка силенъ, папенька, а у безумныхъ, сказываютъ, силы чертъ удесятеряетъ... Попробуйте, посадите его! Да онъ все разнесетъ по щепочкамъ...

— Ну, ежели начнетъ дебоширить, такъ можно и на цѣпь посадить... Съ безумнымъ по безумному и поступать приходится...

— По-моему, папенька, лучше на волѣ оставить — до времени... покуда отъ него никакихъ особенныхъ колѣнъ не было... А пойдутъ колѣна,—ну, въ тѣ поры ваша родительская воля... примите мѣры, избави насъ отъ лукаваго!..

Трофиму нисколько не было жаль брата. Онъ равнодушно согласился-бы съ мнѣніемъ отца, если-бъ не былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что Кошельковъ выдаетъ свою дочь не за Петра, а за ихъ „фамилію“.

Это одно. Во-вторыхъ, Трофимъ видѣлъ и зналъ, какъ Петръ относится къ этому браку, и поэтому былъ увѣренъ, что съ его стороны никакихъ попытокъ къ препятствіямъ не будетъ.

Трофимъ одного не зналъ, какъ глубоко Петръ любитъ Настю, которая овладѣла всѣми его мыслями и чувствами; онъ относился къ братниной интрижкѣ точно такъ-же, какъ самъ относился къ своимъ,—съ Оеклушкой и ей подобными.

„Побаловалъ съ бабой, и будьте здоровы, избави насъ отъ лукаваго! Дуры тоже, которыя насчетъ брачныхъ союзовъ мечтають... Всякая-то мразь, съ позволенія сказать... Ахъ, дуры!“

Если-бъ Трофимъ только зналъ, что чувства Петра къ

Настѣ были такъ-же далеки отъ его „чувствительности“ къ разнымъ Оеклушкамъ, какъ небо отъ земли, — онъ самъ-бы сталъ подбивать отца на „перемаливаніе“ съ Евдокіей Ивановной.

Трофимъ съ этой стороны Петра считалъ обезоруженнымъ. Онъ сомнѣвался немного только въ самой невѣстѣ, которая могла возмутиться метаморфозой, правда, очень обычной въ купеческомъ быту, но тѣмъ не менѣ оскорбительной для дѣвушки, помолвившейся съ однимъ и привыкшей считать его своимъ будущимъ руководителемъ и защитникомъ въ жизни.

„Ничего,—утѣшалъ себя философски Трофимъ, смотрѣвшій на женщину съ своей, особенной, точки зрѣнія,—привыкла къ Петру, — привыкнетъ и къ Трофиму... Дѣло для бабы самое плевое-съ!“.

И поэтому онъ считалъ удаление Петра совершенно бесполезнымъ и, пожалуй, даже опаснымъ лично для него, Трофима...

Чертъ его знаетъ, вырвется онъ изъ заключенія, да съ безумныхъ-то глазъ первому ему, Трофиму, голову и оторветъ!

Онъ даже рѣшилъ завтра переговорить съ Петромъ, то-есть попытать его, какого онъ мнѣнія насчетъ того, ежели на Евдокіи Ивановнѣ вдругъ женится не Петръ, а Трофимъ.

Говорилъ-же онъ ему, что будетъ очень счастливъ, если его бракъ съ Кошельковой разстроится! Какъ ни юродивъ Петръ, а всегда говоритъ отъ души и по-совѣсти... Это не то, что онъ, когда говоритъ сплошь и рядомъ совсѣмъ не то, что думаетъ... Ну, да вѣдь онъ умный, а Петръ—юродъ!..

— Такъ ты думаешь, оставить? — спросилъ послѣ нѣкотораго раздумья Акимъ Спиридоновичъ.

— Петра, папенька? Оставить въ покоѣ-съ,—рѣшилъ въ окончательной формѣ Трофимъ.

— Ладно. Оставимъ. До первыхъ-же колѣнъ.

— До первыхъ колѣнъ. А тамъ—ваша воля-съ, папенька... А какъ пріѣдутъ Кошельковы, вы первымъ-же дѣломъ объявите Ивану Кузьмичу о несчастіи... „Давно, молъ, я замѣчалъ въ немъ юродство, а сейчасъ, чтобы не губить судьбы вашей дочери, рѣшилъ объявить его безумнымъ“.

— Такъ, такъ... этакъ, по-моему, хорошо будетъ, Трофимъ.

— Очинно даже складно, папенька! „А чтобы, молъ, приданое въ Саратовъ не везти да чтобы толковъ по сему предмету не возбуждать, у меня для Евдокіи Ивановны другой женихъ готовъ... Трофимъ, который вполне можетъ составить счастье Евдокіи Ивановны...“

— Умно ты рассуждаешь, Трофимъ, — похвалилъ старикъ

сына. -- Я именно это самое и хотѣлъ сказать саратовскому дураку.

— Вы только его умаслите, папенька, а ужъ насчетъ Евдокии Ивановны предоставьте мнѣ, избави насъ отъ лукаваго. . Я бабамъ умѣю зубы заговаривать...

— Да ну?—удивился Акимъ Спиридоновичъ. — Да гдѣ-жъ это ты научился?

— А съ покойницей-то, папенька, съ покойницей-то! — пробормоталъ провравшійся отъ восторга Трофимъ.—Бабенка хи-итрая была... Бывало, говоришь, говоришь съ ей, — насилу заговоришь!

— Ну, я что-то особенной прити отъ нея не видывалъ... Можетъ, съ тобой она прятка была...

— Охъ, прятка, избави насъ отъ лукаваго .. Такъ больше ничего, папенька?

— Ничего... Такъ и поступимъ, а тамъ — что Богъ дастъ!

Трофимъ приложился къ плечу отца и спустился внизъ, насвистывая цыганскую пѣсенку.

Онъ не слыхалъ, какъ за нимъ, почти тотчасъ-же вслѣдъ, спустилась сверху, неслышно ступая, Настя... На площадкѣ темной лѣстницы она остановилась и прижалась въ уголь, сдерживая дыханіе...

Мимо нея, чуть не задѣвъ руками, такими-же неслышными шагами поднялась наверхъ Оеклушка...

И только, когда уже затихли едва уловимые шаги Оеклушки и проскрипѣли по корридору калоши уѣзжавшаго Трофима, Настя сошла внизъ, проскользнула тѣнью по корридору и остановилась у двери Петра...

XL.

Кошельковы вмѣсто назначенной субботы пріѣхали въ понедѣльникъ на Ооминой недѣлѣ, какъ разъ въ такое время, когда всѣ Перелѣсковы находились въ городѣ.

Акимъ Спиридоновичъ, прождавъ ихъ субботу и воскресенье, рѣшилъ, что они „позадержались въ Саратовѣ, и что, по всему вѣроятію, о днѣ пріѣзда сообщать съ дороги“.

Но Кошельковъ не любилъ почасту расписывать, а, позамѣшкавъ два дня у себя дома, отправился въ Москву въ полной увѣренности, что такого дорогого гостя, какъ онъ, всегда ждать будутъ.

Встрѣтили его читалки, Ѳеклушка съ Настей, съ прочей прислугой, поохали по женскому обыкновенію и доложили старику Кошелькову, что всѣ хозяева, не ожидая ихъ сегодня, отправились въ городъ, въ лавку.

Иванъ Кузьмичъ сперва было нахмурился. Самолюбецъ онъ былъ большой и всякое лыко въ строку ставилъ людямъ, которые и ниже его по званію, и незначительнѣе по капиталу, но, вспомнивъ, что коммерческій человѣкъ, послѣ цѣлой недѣли бездѣлья, долженъ наброситься на дѣло, какъ голодный волкъ, разгладилъ ладонью, точно горячимъ утюгомъ, собравшіяся въ складки морщины и улыбнулся Ѳеклушкѣ, которая такъ и вилась вьюномъ возлѣ пріѣзжаго саратовца.

Евдокіей Ивановной, по-прежнему, занялась Настя, а Ивана Кузьмича приспособила себѣ Ѳеклушка.

— Умыться-то съ дорожки хорошо, Иванъ Кузьмичъ, — юлила она, крутясь во всѣ стороны по комнатѣ, отведенной Кошелькову, — ишь какъ отъ весенняго солнышка-то завѣтрили...

— Почернѣлъ? — спрашивалъ тотъ, подходя къ трюму, стоявшему въ простѣнкѣ.

— Завѣтрили. А водицы-то, ровно я знала, что ноница пріѣдете, студеной принесла...

Иванъ Кузьмичъ покосился съ боку на Ѳеклушку, сбросилъ съ себя дорожный кафтанъ, засучилъ рукава бѣлой, тонкаго домашняго полотна, сорочки и, подойдя къ тазу, соединилъ руки въ пригоршню.

— Лей, милая, — ласково произнесъ онъ, бросая боковой взглядъ на Ѳеклушку, которая, опустивъ глаза, стояла возлѣ таза съ мѣднымъ, ярко вычищеннымъ, кувшиномъ въ рукахъ.

Она брызнула на пригоршню Кошелькова воды и вскрикнула:

— Ой, батюшки! Никакъ перелила? Прости, Христа ради, Иванъ Кузьмичъ!

— Ничего, — добродушно отозвался тотъ и, намыливая руки, посмотрѣлъ все тѣмъ-же, искони привычнымъ боковымъ, взглядомъ сперва на кувшинъ, ослѣпительно блестящій на солнышкѣ, затѣмъ на станъ Ѳеклушки, на ея ходившую волнами высокую грудь и затѣмъ уже на красивое, слегка будто смущенное, лицо съ опущенными внизъ рѣсницами.

Кошельковъ, скользя взглядами по фигурѣ Ѳеклушки, долго, черезъ-чуръ даже долго, намыливалъ руки. Мыльной пѣны на его рукахъ было столько, что она не только покрыла ихъ, какъ перчатками, но сваливалась въ тазъ бѣлоснѣжными комьями.

Өеклушка это видѣла и, застывъ въ неподвижной позѣ, какъ будто играла въ „сомущеніе“, устремивъ свой взглядъ на находившійся въ ея рукахъ кувшинъ съ водой.

О чемъ думалъ Иванъ Кузьмичъ въ это время — неизвѣстно, но, вѣроятно, о чемъ-нибудь такомъ, о чемъ давно уже отвыкъ думать. По его блѣднымъ, старчески съезжившимся губамъ поползла лѣниво улыбка, а за ней другая и третья.

— Өеклушей, ровно, тебя? — спросилъ онъ, роняя кусокъ мыла въ тазъ.

— Өеклушей, Иванъ Кузьмичъ...

Өеклушка подняла рѣсницы и посмотрѣла въ упоръ на Кошелькова.

Кошелькова ея взглядъ смутилъ... Давно уже онъ не встрѣчалъ такого взгляда... и у него читалки есть... четыре даже, а ни у одной такого взгляда не было... Рабской лестью, униженностью, страхомъ свѣтились взгляды его читалокъ, а у этой... у Перелѣсковской Өеклушки... такой властный взглядъ былъ, точно она собиралась имъ, Иваномъ Кузьмичемъ, командовать... Онъ еще въ первый свой прїѣздъ замѣтилъ Өеклушку, которая и тогда уже бросала на Ивана Кузьмича нахально-вызывающіе взгляды, и спрашивалъ, какъ-будто мимоходомъ, Акима Спиридоновича:

— Что это у тебя? Бабенка-то? .

— Которая? — притворялся тотъ изъ приличія непонимающимъ.

— Да вотъ эта... съ черными жуками-то во лбу?

— Ахъ, это... да просто читалка... А что, Иванъ Кузьмичъ?

— Ничего. Такъ спросилъ... вертится тутъ, ну, и спросилъ...

И когда отъѣзжалъ Кошельковъ въ Саратовъ, онъ сунулъ Өеклушкѣ серебряный рубль; Иванъ Кузьмичъ былъ скупъ и на щедрые дары раскачивался долго, — такъ долго, что успѣвалъ о нихъ забыть и вспоминалъ тогда, когда дары давать было нельзя и некому.

Но Өеклушкѣ онъ съ особеннымъ удовольствіемъ всучилъ цѣлковикъ и даже потрепалъ по плечу...

— Рупь-цалковый, — пробормоталъ онъ, какъ будто боясь, чтобъ та не приняла его щедрый даръ за мѣдный пятакъ.

— Спаси Христось за неоставленіе, — отвѣтила та и, поклонившись миллионеру до земли, неожиданно вдругъ чмокнула Ивана Кузьмича въ шею.

Версть шестьдесятъ отъѣхалъ Кошельковъ отъ Москвы и не переставалъ улыбаться, вспоминая Өеклушкинъ поцѣлуй.

Этотъ поцѣлуй онъ вспомнилъ и теперь, намыливая руки. И оно понятно почему. Иванъ Кузьмичъ слишкомъ долго вдовѣлъ и слишкомъ мало обращалъ вниманія на окружающихъ его бабъ.

Вѣчно поглощенный дѣлами, встававшій съ пѣтухами и ложившійся спать съ тѣмъ, чтобъ отъ усталости заснуть мертвымъ сномъ, Иванъ Кузьмичъ положительно не имѣлъ свободнаго времени для того, чтобы остановить свое вниманіе на какой-либо женщинѣ. Да онъ ихъ и не признавалъ за людей и всегда относился къ нимъ если не съ презрѣніемъ, то ужъ несомнѣнно съ полнѣйшимъ равнодушіемъ.

„Славная бабенка... этакая... не похожая“, — чуть не вслухъ подумалъ онъ и добавилъ: — лей, милая!

„Милая“ лила и все вскрикивала: „ахъ, перелила... про сти, Христа ради, Иванъ Кузьмичъ!..“

Өеклушка тонко понимала мужчину, и въ особенности купца, возлѣ котораго она терлась съ малыхъ лѣтъ и изучила его натуру съ характеромъ до тонкости.

По своей распушенности, въ которой, впрочемъ, ея покладистая совѣсть никогда не упрекала, и по своей жадности къ деньгамъ, она заводила интрижки со всѣми, у кого только можно было что-нибудь да взять.

„Бей ворону, бей сороку, — убьешь когда-нибудь и яснаго сокола!“ — говаривала она себѣ не то въ видѣ ухарства, свойственнаго распушенности, не то въ видѣ оправданія своимъ безчисленнымъ, аки пески морскіе, грѣшкамъ.

Воронъ съ сороками въ ея жизни было много, но сокола до сихъ поръ изловить не приходилось.

Она рассчитывала сперва, попавъ въ домъ Перелѣсковыхъ, опутать своими чарами Акима Спиридоновича и Трофима, но тѣ на чары и ласки шли туго, какъ быки подъ ножъ мясника, съ большимъ сопротивленіемъ.

И тотъ, и другой отдѣлывались пустячными подарками, а Өеклушкина жадность лѣзла къ милліону.

Въ мечтахъ, конечно. На дѣлѣ она довольствовалась и тѣми подачками, которыя перепадали ей отъ подстрѣленныхъ воронъ и сорокъ,

Сперва было она возложила надежды на Трофима, какъ человѣка слабаго до „прельщающаго пола“, ведя одновременно интрижку со старикомъ, но затѣмъ, убѣдившись въ ничтожности роли, которую игралъ Трофимъ въ домѣ своего отца, и, чуть не вылетѣвъ изъ этого дома, попавшись Акиму Спиридоновичу, — она перенесла эти надежды на старика, который, же-

нивъ сыновей, предоставитъ ей полную свободу властвовать надъ собой.

Несчастье Ѳеклушки, какъ она ни была хитра и опытна, заключалось въ томъ, что она знала только распущенность нрава и характеръ купца, но совсѣмъ не знала его сердца...

Это сердце, въ большинствѣ случаевъ, было совсѣмъ не развито и функционировало въ немъ только для того, чтобы купецъ ѣлъ, пилъ и спалъ, и какъ можно меньше беспокоило его какими-то тамъ чувствами и страданіями...

Ѳеклушка долго, многіе годы, вплоть до своего переселенія въ домъ Перелѣскова, чувственность принимала за чувство, и только поэтому до сихъ поръ ей не пришлось подстрѣлить яснаго сокола.

Да она и сама знала, что не способна внушить кому бы то ни было захватывающее чувство... слишкомъ мелка она была для этого и ничтожна... вотъ если бы она была Настею!..

При одномъ только этомъ имени она скрипѣла зубами и во всѣхъ своихъ неудавшихся планахъ виновницей считала Настю.

Будь-ка она Настей, она давно бы стала законной женой Акима Спиридоновича. Ѳеклушка знала, что взгляды ея черныхъ глазъ, брошенные съ вызывающей нахальностью на мужчину, всегда порождали въ немъ чувство голодной собаки, раздраженной видомъ и запахомъ куска сочнаго мяса; но она, къ искреннему своему огорченію, понимала и то, что всякая собака, удовлетворивъ свой голодъ, отходить въ сторону, совсѣмъ забывая о томъ мясѣ, которое она скушала.

Настя была не то. Ѳеклушка чувствовала, что въ Настѣ было что-то такое, чего она не могла уяснить и объяснить, но что „это самое“ тянуло къ ней точно магнитомъ всѣхъ и голодныхъ, и сытыхъ.

И за это она ненавидѣла Настю ото всей своей мизерной души и ждала, какъ ястребъ, удобнаго случая сорвать на ней всѣ свои неудачи въ жизни, какъ въ прошлой, такъ и въ настоящей.

Обжегшись на Акимѣ Спиридоновичѣ, который на всѣ ея, подносившіяся ему періодически рацеи о томъ, что уйди она—некому будетъ и позаботиться о немъ, потому что сынки глядятъ, какъ бы въ свой карманъ побольше, а отцовскаго имъ не жаль; что и „уходить-то“ его и „ухолить“ никто такъ не можетъ, какъ она, Ѳеклушка, зане вѣрна ему какъ песъ и любить его паче самой себя за то, что тотъ призрѣлъ ее, сироту горемычную, и обогрѣлъ своею ласкою непритворной,—только ухмылялся себѣ въ бороду и говорилъ самымъ равно-

душнѣмъ тономъ: „а ты чеши пятки-то, Ѳеклушка, пятки-то чеши“,—Ѳеклушка, какъ гончая съ хорошимъ нюхомъ, перемѣнила знакомую тропу и бросилась за Иваномъ Кузьмичемъ Кошельковымъ.

Съ Кошельковымъ бороться, казалось ей, легче. Акимъ Спиридоновичъ, по ея понятіямъ, и умнѣ саратовца, и набалованъ былъ московскими бабами по самое горлышко. На миллионы онѣ, эти бабы, какъ мотыльки на огонь, всегда слетаются, не имѣя даже надежды на то, что имъ оторвется какой-нибудь незначительный кусочекъ отъ этихъ миллионѡвъ. А саратовскій медвѣдь весь вѣкъ прожилъ въ своей берлогѣ и настоящихъ людей не видалъ, и, пожалуй, окажется какъ разъ отвѣчающимъ и цѣлямъ, и стремленіямъ Ѳеклушки.

И Ѳеклушка, недолго думая, пустила въ ходъ свою обычную тактику, выработанную долготѣтнимъ опытомъ. Она стала вертѣться, показывая себя саратовцу со всѣхъ сторонъ, какъ цыганъ лошадь на площади, заглядывала ему, какъ будто невзначай, въ глаза, улыбалась, когда тотъ обращалъ на нее свое вниманіе, и со скромностью невинной дѣвицы опускала рѣсницы, когда Иванъ Кузьмичъ принимался разсматривать ея „статьи“.

Процѣдивъ свои молодые годы на мелочи, потративъ массу труда по части притворства и наглости, Ѳеклушка за каждую новую интрижку принималась съ энергіей, достойною лучшей участи, и не ея, конечно, вина въ томъ, что весь порошокъ трагическаго ея попустому.

„Обхаживать“ саратовскаго медвѣдя она стала съ тою же самою ревностью, съ какою „обхаживала“ и Трофима, и Акіма Спиридоновича, и многихъ иныхъ прочихъ, которыхъ она давно уже въ своей памяти записала въ отдѣлъ „заупокойныхъ“; ей очень нравилась мысль не столько женить на себѣ Кошелькова, сколько одурачить Трофима, наплевавшего на нее, и сдѣлаться его тещею.

„Господи!—думала она распаленными мыслями.—Ежели бъ только это случилось... Ужъ я бы показала себя этому подлому Трошкѣ... Вдоволь бы надъ нимъ насмѣялась!“..

И Ѳеклушка, создавая фантазіей образъ за образомъ, картину за картиной, уже видѣла Трофима, который, съ смущеннымъ видомъ и скашивая свои подлые глазищи въ сторону, подходитъ къ ея ручкѣ и называетъ „маменькой“...

— Маменька!.. То-то, подлый!.. чувствууй!.. а то я тебя съ женою всякаго наслѣдства послѣ стараго черта лишить могу!..

Эта жажда мелкой и глупой женской мести заставила ее

перемѣнить свое рѣшеніе помѣшать во что бы то ни стало женитьбѣ Трофима на Кошельковой и, напротивъ, „содѣйствовать тому, чтобъ эта свадьба состоялась.

— А ужъ какъ будетъ горевать Трофимъ Акимовичъ, что не встрѣтилъ васъ онъ, ужаси!—говорила Оеклушка Ивану Кузьмичу, держа въ рукахъ одинъ конецъ полотенца въ то время, какъ другимъ тотъ, фыркая и отдуваясь, утиралъ свое лицо.

— Трофимъ Акимычъ? Это съ чего же?

— Да ужъ очень онъ васъ любитъ и уважаетъ. А ужъ Евдокію Ивановну какъ описываетъ ежедень, ну ровно иконопись, который херувимовъ съ крылышками...

— Она!—отозвался равнодушно Кошельковъ, кладя полотенце на руки Оеклушки, — а я думалъ, что это дѣло Петра Акимыча...

Оеклушка оглянулась, подбѣжала къ двери, затворила ее вплотную и, подбѣжавъ къ Ивану Кузьмичу, смотрѣвшему на нее съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, схватила его за руки и проговорила шепотомъ:

— Ужъ очень я васъ, Иванъ Кузьмичъ, уважаю... такого, какъ вы, человѣка и въ Москвѣ не найти...

— Да, ну?—усомнился тотъ изъ приличія, чувствуя себя польщеннымъ, и перехватилъ своими руками локти Оеклушки.

— Разрази меня Царица Небесная на этомъ мѣстѣ! Тянетъ къ вамъ вотъ .. сердцемъ ужъ очень привлекаете,—говорила съ дѣланнымъ волненіемъ Оеклушка, придвигаясь къ Кошелькову и обдавая его горячимъ дыханіемъ.

— Да ну? — твердилъ тотъ, перенося руки съ локтей Оеклушки на ея пышныя плечи и глупо ухмыляясь, — сердце у меня точно что чувствительное... я добрый...

— Ужъ такъ-то добры, спаси тебя Христось, такъ добры, что и ровни вамъ нѣтъ... и не хотѣла-бы вамъ говорить, да ужъ очень тянетъ къ вамъ... съ мѣста не сойти! Душа-то такъ вотъ и трепыхается, ровно птица подстрѣленная... Ну, какъ я вамъ правды не скажу? Этому человѣку-то, который однимъ взглядомъ всѣхъ покоряетъ? Скажу! Всю правду скажу! — говорила Оеклушка, пожирая взглядомъ Кошелькова и отводя его руки, которыя съ плечъ читалки стали скользить по ея спинѣ...

XLI.

— Ну, ну, говори, — поощрилъ Кошельковъ Ѳеклушку, снова кладя ей на плечи руки.—Я вотъ такихъ люблю, которые ко мнѣ съ расположеніемъ.

— А я ужъ такъ къ вамъ расположилась, что сама на себя дивлюсь!.. Ну, что вы такое мнѣ собственно: ни хозяинъ, ни братецъ родимый, ни муженечекъ любимый... Въ Москву наѣзжаете непочасту, а вотъ тянетъ къ вамъ, съ мѣста не сойти!.. У многихъ я купцовъ жила... у очень даже хорошихъ жила... многіе меня на грѣхъ пойти уещали, замужъ меня, сироту, богатые брали,—ни за кого не пошла...

— Судьбы, значить, не выходило, — улыбался глупо Кошельковъ, не сводя взгляда съ черныхъ жуковъ Ѳеклушки.

— Не по душѣ все были, Иванъ Кузьмичъ... а къ вамъ вотъ потянуло... И на все я для васъ готова, на всякую услугу пойду и всю подноготную расскажу. Не было еще на свѣтѣ такого человѣка, въ которому-бы я такъ расположилась, какъ къ вамъ...

— Спасибо, Ѳеклуша... Я этого, милая, никогда не забуду... Слово Кошелькова—законъ... Поняла?

— Поняла... а потому-то я вотъ и хочу вамъ все правду сказать, что ужъ очень вы человѣкъ отмѣнный.. а хорошаго человѣка Ѳеклушка завсегда оберечь можетъ... Не выдавайте, Иванъ Кузьмичъ, свою дочку за Петра Акимыча...

— Что-о? — удивился тотъ. — Какъ не выдавать? И почему собственно?..

— А никому вы, золотой, не скажете? Слово ваше крѣпкое Ѳеклушкѣ дайте!..

— Ну, вотъ тоже... ты ко мнѣ съ расположеніемъ, а я тебя выдавать стану!..

— Охъ, не выдайте сироту... выгонять меня въ тѣ поры изъ этого дому, какъ собаку, безо всякой жалости...

— Не бойся... сказалъ, значить—законъ! Не выдавать! Да Богу-то мы молились, али нѣтъ?

— Перемолиться можно...

— Какъ перемолиться?

— А съ Трофимомъ Акимычемъ!..

— Съ Трофимомъ? Да почему Петръ-то не гождь?

— Разумомъ повредился!.. — прошептала Ѳеклушка, оглядываясь на дверь.

Кошелькова это извѣстіе такъ поразило, что онъ даже позабылъ про Оеклушкины плечи и снялъ съ нихъ руки.

—Разумомъ? Господи Исусе! Да когда-же это, Оеклуша?

—Сызмальства у него, Иванъ Кузьмичъ, затемненіе было, но только не очень ужъ чтобы въ примѣту, а послѣ вашего отъѣзда съ нимъ и пошло, и пошло... Извѣстно, Акимъ Спиридонычъ съ Трофимомъ Акимычемъ скрыть все это желаютъ, да отъ прислужающихъ рази что скроешь! Не въ разумъ Петръ Акимычъ, въ большомъ затемненіи... А я жду васъ, не дожусь вашего пріѣзда, чтобы сказать вамъ все правду, потому — жалко мнѣ Евдокію Ивановну... Каково ей будетъ съ безумнымъ мужемъ-то жить!..

— Не ожидалъ! Не ожидалъ я этого!—говорилъ озадаченный Кошельковъ. — Какъ-же это Акимъ Спиридоновичъ мнѣ раньше объ этомъ не сказалъ?

— Не въ особую примѣту затемненіе-то было, Иванъ Кузьмичъ... Ну, думали такъ, что пройдетъ, молъ, анъ хуже...

— Срамота! Осрамили они меня...

— А чѣмъ, Иванъ Кузьмичъ?

— Какъ чѣмъ, Кошелькову вдругъ за умалишеннаго высватали!.. Богу молились... и всѣмъ это теперича извѣстно... Весь Саратовъ объ этомъ знаетъ!..

— А вы съ Трофимомъ Акимычемъ перемолитесь... за Перелѣскова-же Евдокія Ивановна выйдетъ замужъ, а не за кого иного прочаго...

— Да... это, пожалуй, ты вѣрно говоришь, Оеклуша, — сообразилъ Кошельковъ.--А какой тамъ Перелѣсковъ — Сидоръ али Иванъ,—никому дѣла нѣтъ...

Иванъ Кузьмичъ сразу какъ-то успокоился. Опасность стать посмѣшищемъ Саратова исчезала, и самолюбіе старика нисколько не страдало отъ того, что дочь выйдетъ совсѣмъ не за того, кому была предназначена.

О самой Евдокіи Ивановнѣ онъ и не думалъ. Не все-ли ей равно, за кого ни выходить? На то воля отцовская. Кого онъ укажетъ, за того и иди...

И Иванъ Кузьмичъ, пожалѣвъ больше изъ приличія, чѣмъ отъ души, спятившаго съ ума жениха, рѣшилъ про себя сдѣлать именно такъ, какъ Оеклушка совѣтуетъ: перемолиться и свертѣть свадьбу на-скоро, чтобы разные глупые разговоры не успѣли распространиться по всѣмъ тѣмъ градамъ и весямъ, гдѣ знали и Кошельковыхъ, и Перелѣсковыхъ.

— Да онъ гдѣ-же теперича... умалишенный-то?—справился Иванъ Кузьмичъ у Оеклушки, надѣвавшей на его плечи каф-

тань, усердно наваливаясь всѣмъ корпусомъ на спину саратовскаго гостя.

— Въ лавкѣ, Иванъ Кузьмичъ...

— Какъ-же это такъ? Его-бы запереть куда?..

— Да на него вѣдь временемъ находить, а то онъ ничего, какъ будто и въ настоящемъ разумѣ... а придетъ такой часъ, и начнетъ невѣсть что глаголить...

— Смирный, значить, умопомѣшанный. А то у насъ, въ Саратовѣ, одинъ такъ же вотъ свихнулся, такъ чуть отца родного кресломъ не убилъ...

— Нѣтъ, Петръ Акимычъ смирный. Дозвольте, Иванъ Кузьмичъ, я вамъ кафтанчикъ-то на крючечки застегну, — юлила Оеклушка, выбѣгая изъ-за спины Кошелькова.

— Застегивай!--улыбнулся тотъ.—Люблю я услужливость!.. Умная ты баба...

— Ой, дѣвка, Иванъ Кузьмичъ, а приведетъ-ли Богъ бабою быть, никому неизвѣстно!--ухмыльнулась Оеклушка, ища петли для крючковъ и смотря снизу вверхъ на Кошелькова.

— Неужто дѣвка?—усомнился тотъ неизвѣстно почему.

— Съ мѣста не сойти! Да и вратъ мнѣ вамъ не къ чему: замужъ я за васъ не пойду...

— Ну? За меня не пойдешь? За меня? — ужъ какъ-будто обидѣлся Иванъ Кузьмичъ, кладя правую руку на шею Оеклушки.

— Ой, не трожьте!--отдернула та голову.—До смерти щекотки боюсь...

— Ишь-ты какая... щекотливая!--игриво замѣтилъ Кошельковъ, рассматривая на полуоткрытомъ плечѣ Оеклушки родинку.—Такъ-таки за меня и не пойдешь, а?

Оеклушка застегнула послѣдній крючекъ, выпрямилась и, сложивъ руки на груди, посмотрѣла такимъ взглядомъ на разволновавшагося Ивана Кузьмича, что у того духъ захватило.

— Не пойду!--проговорила она.—И тянетъ меня, дуру, къ вамъ, и расположеніе всякое чувствую, а... не пойду!..

— Старъ, думаешь? Такъ, что-ли?

— Я и сама не молоденькая, золотой. Мѣсяць тому назадъ самой тридцать стукнуло... А за стараго я васъ и не считаю, и считать не намѣрена. Иной и старый, да во многожды лучше молодого...

— Это вѣрно, Оеклуша. Умная ты дѣвка, ей-Богу!.. Да мы съ тобой христосовались, аль нѣтъ?

— Вотъ ужъ я, съ радости-то, что вы пріѣхамши, и запа-

мятовала... Ровно христосовались? — неуверенно ответила Оеклушка, сверкая своими жуками.

— Ровно-бы нѣтъ!..

— Ой, христосовались, Иванъ Кузьмичъ!

— Ой, Оеклуша, нѣтъ!..

— Память-то я съ радости посѣямши.. А коли нѣтъ, такъ „Христось воскресе!“

И Оеклушка, не дождавшись ответнаго „воистину“, обвила шею старика руками и съ жаромъ поцѣловала его въ губы...

Точно туманъ разостлался въ глазахъ у Ивана Кузьмича.

Давно его такъ не цѣловала женщина! Да, такъ давно, что онъ и вспомнить не могъ, когда это было.

Было что-то особенное въ поцѣлуяхъ Оеклушки: они жгли губы и туманили голову. Такого блаженства Иванъ Кузьмичъ не могъ бы купить ни за какія деньги, а тутъ вдругъ—даромъ! Даромъ! Ему даромъ: миллионеру!..

— Такъ не пойдешь?..—бормоталъ онъ, лоя руки Оеклушки.

— Любить меня, сироту, не станете! — пѣла она, точно удавъ, очаровывая взглядами совсѣмъ растерявшагося Кошелькова.—Бѣдная я и хрестыянскаго происхожденія, такъ и любить меня не за что... А я сердцемъ горячая... не снесу этого, да съ собою и порѣшу...

— Тебя не любить? Ахъ, глупая! Пойдешь, что-ль?

— Ну, пошутили, Иванъ Кузьмичъ, и достаточно, — вырвала Оеклушка руки и очутилась у двери. — Зачѣмъ надсмѣхаться надъ сиротой? Ни отца у меня нѣтъ, ни матушки, ни роду — ни племени, и обидѣть меня можетъ всякій и зло на мнѣ сорвать...

У Оеклушки даже слезы заблестали на глазахъ отъ сознанія своей беззащитности и обездоленности.

Кошелькова эти слезы точно варомъ обварили. Онъ въ первый разъ, можетъ-быть, въ жизни пожалѣлъ женщину, но пожалѣлъ ее по-своему.

Молча подошелъ онъ къ недвижно стоявшей у двери Оеклушки, утиравшей кисейнымъ рукавомъ глаза, и взялъ ее за талию.

Оеклушка не шевелилась.

— Хочешь, озолочу?—спросилъ онъ.

Оеклушка встрепенулась, и глаза ея, засвѣтившись на моментъ алчностью, вдругъ закрылись, а, раскрывшись минутою спустя, метнули въ старика жгучую молнію.

— Душу мнѣ отдай, а золота не надо!

И, обжегши снова Ивана Кузьмича горячимъ поцѣлуемъ, она исчезла за дверью...

Кошельковъ минутъ съ пять стоялъ на одномъ мѣстѣ дуракъ-дуракомъ. Онъ ничего не понималъ, ничего не помнилъ, лишь на губахъ ощущалъ слѣды медленно потухавшаго уголька да какую-то новую, невѣдомую тревогу въ груди.

Очнувшись немного, онъ прошелся по комнатамъ, пытался зайти въ спальню дочери, но дверь оказалась запертою, и, остановившись въ залѣ, долго смотрѣлъ на портретъ Акима Спиридоновича, писанный масляными красками.

— Что пѣтухъ индѣйскій!—проговорилъ онъ, съ ненавистью смотря на своего свата.—Напыжился, ровно лопнуть хочетъ!.. А еще за умнаго считаютъ!.. Дуракъ ты, и больше ничего! Дуракъ! Такую дѣвку, какъ Оеклуша, понять не можетъ!.. А я пойму... понялъ? Пойму! Осель!

Кошельковъ плюнулъ по направленію къ портрету Акима Спиридоновича и зашагалъ въ свою комнату, заглядывая во всѣ закоулки, не завалилось-ли гдѣ нѣчто похожее на ту, что такъ глупо его всего взбудоражила?

Кто-то изъ служащихъ догадался дать знать Перелѣскову, что въ его отсутствіе пріѣхали саратовцы.

Акимъ Спиридоновичъ слегка поморщился, почесалъ въ затылкѣ и сообщилъ о событіи сыновьямъ.

— Такъ я того... сичасъ ужъ домой поѣду, а вы послѣ запорки.

— Можетъ, папенька, мнѣ дозволите? — сунулся-было къ нему съ подобострастною улыбочкой Трофимъ.

— Сказано: апосля, значить... Какого ты черта лѣзешь?

— Виновать-съ...

— Да заѣзжайте на Солянку къ Бобкову... икры тамъ возьмите и еще чего... рыбою-то его, идола, не удивишь, самъ съ рыбной Волги, такъ чтобы все первый сортъ было...

Отдавъ еще нѣсколько приказаній сыновьямъ и молодцамъ, Акимъ Спиридоновичъ помолился на икону и покатилъ домой.

Кошельковъ къ его пріѣзду совсѣмъ „отошелъ“ отъ Оеклушкинаго навожденія и встрѣтилъ хозяина въ передней.

Сваты облобызались. Акимъ Спиридоновичъ попенялъ Ивану Кузьмичу за его неувѣдомленіе о пріѣздѣ и тотчасъ-же прінялъ озабоченный видъ.

— Ну, что у васъ тутъ, всѣ и вся въ добромъ здравіи? —

справился Иванъ Кузьмичъ, когда они расположились въ уютномъ кабинетѣ хозяина, на широкомъ диванѣ, покрытомъ темнозеленымъ сафьяномъ.

— Не особенно... Не особенно...—угрюмо проворчалъ Акимъ Спиридоновичъ.

— Что такое, свать? — тономъ участія спросилъ Иванъ Кузьмичъ.

— Охъ, ужъ и не знаю, какъ тебѣ и сказать-то. Большое несчастье стряслось надъ нами...

— Все отъ Бога, свать... И радости, и испытанія — все намъ посылается Создателемъ. Переноси съ твердостью... Да какое, собственно, несчастье-то?

— Женихъ у насъ того... Въ умѣ не совсѣмъ...

— Да, ну? Петръ Акимычъ?

— Да...—развелъ руками Акимъ Спиридоновичъ.—И прежде я примѣчалъ, что онъ какъ-будто не въ ясности... Живетъ монахомъ, людей избѣгаетъ... Ну, думаю, такъ это бываетъ съ человѣкомъ... Иной съ утра до ночи на людяхъ, а другому хоть-бы этихъ людей и вѣкъ не видать... Дѣло характера... Ну, нелюдимъ и нелюдимъ... Женить хотѣлъ — не желаетъ... А тутъ вдругъ ты подвернулся.. И ничего онъ... Не шелъ супротивъ... А тутъ, передъ Страстною седмицей, у него и пошло вдругъ въ башкѣ бурлить...

— Ай, ай, ай!.. Ахъ, Петръ Акимычъ!.. Вотъ ужъ, свать, я этого не ожидалъ...

— А я-то ожидалъ этого? Наказаніе Божіе! Заговариваться сталъ, несетъ такую ахинею, что понять невозможно...

Перелѣсковъ замолчалъ и посмотрѣлъ исподлобья на Кошелькова.

Кошельковъ вертѣлъ большимъ пальцемъ лѣвой руки вокругъ такого-же пальца правой и смотрѣлъ въ уголь, словно тамъ именно и находился тотъ самый, который несъ ахинею.

Перелѣсковъ, наблюдая за выраженіемъ лица свата, замѣтилъ, что тотъ къ такому неожиданному извѣстію отнесся довольно-таки спокойно, не такъ, какъ должно бы отнестись къ несчастью, постигшему его будущего зятя.

Акимъ Спиридоновичъ, впрочемъ, этому не удивился; пожалуй-бы и онъ самъ, будь онъ на мѣстѣ свата, отнесся къ неожиданно случившемуся несчастью такъ-же, какъ и тотъ: женихъ еще далеко не мужъ, а жениховъ впереди много,—выбирай любого!

Такъ смотрѣлъ Перелѣсковъ на житейскія дѣла, такъ и понималъ своего свата.

— Вѣнчать ихъ, свать,—прервалъ молчаніе Акимъ Спиридоновичъ, — самъ подумай: грѣхъ на душу брать... Безумный мужъ и жизнь жены загубить, и дѣтей безумныхъ народить.

— Это вѣрно, свать... Какъ ни обидно, а воля Божья, — согласился Иванъ Кузьмичъ, продолжая упорно смотрѣть въ уголь.

— А мнѣ ужъ прискорбнѣе всего! И сына лишился, и дочери, которую я отъ души полюбилъ. Такой душевной дѣвицы, какъ твоя Евдокія Ивановна, я и не видывалъ... и огласка при томъ... Огласили вѣдь, что свадьба у насъ... У меня, просто, я тебѣ по совѣсти скажу, голова кругомъ пошла.

— Вѣрю, свать... — сочувственно вздохнулъ Иванъ Кузьмичъ.—А мнѣ, думаешь, легче? — уже заносчиво воскликнулъ онъ.—Весь Саратовъ знаетъ, что я за сына Перелѣскова дочь выдаю, и вдругъ свадьба разошлась!.. Каково это моей гордынѣ, свать?

— Тяжело, — отвѣтилъ смиренно Перелѣсковъ, а самъ подумалъ: „всякая скотина тоже гордыню наблюдаетъ“.

Наступило снова молчаніе, которое на этотъ разъ прервалъ Кошельковъ.

— Я срама не допущу! Это ты тамъ какъ хочешь... Да надо мною вся Волга грохотать станетъ, чертъ ее дери! Кошельковъ я али нѣтъ?

— Постой, свать... Въ горѣ да въ несчастіи надо благоразумнымъ быть... Исправить сіе еще возможно... У меня другой, здоровый, разумный, сынъ есть—Трофимъ. Вдовецъ онъ, но потомства отъ перваго брака не имѣетъ... И я дочь не потеряю, и ты зятя изъ фамиліи-же Перелѣскова обрящешь... а? Свать?

— Да, ужъ ежели такое дѣло вышло... несчастное, значить... и Душкино дѣло такое: ославлено...

— Такъ по рукамъ, что-ли?

Перелѣсковъ нагнулся и заглянулъ въ глаза Кошелькову.

Кошельковъ всталъ, помолился на иконы и, повернувшись къ молившемуся тоже Акиму Спиридоновичу, поднялъ высоко руку и проговорилъ радостно, какъ человекъ, разрѣшившій давно мучившую его задачу:

— Трофимъ, такъ Трофимъ! Давай, свать, перемаливаться!

XLII.

У Евдокии Ивановны и дома, и въ дорогѣ только и думокъ радостныхъ было, что о Петрѣ. „Чай, измѣнился за постъ-то, испостился!“ У Перелѣсковыхъ такъ же, какъ и у нихъ, посты блюлись во всей строгости, и даже масло и елей разрѣшали вкушать въ положенные для того дни.

И она сама за посты изводилась, спадала съ тѣла и румянецъ теряла.

Правда, потомъ убыль быстро пополнялась съ лихвой, но ей не хотѣлось, чтобы Петръ нашель ее подурнѣвшею отъ великопостной пищи.

Какъ-то онъ ее встрѣтитъ? Что ей скажетъ при встрѣчѣ? Обласкаетъ ли ее прежнимъ яснымъ взглядомъ, или отнесется равнодушно, какъ къ чужой его сердцу и думамъ?

Евдокия Ивановна не понимала слова „любовь“: ей Петръ нравился, нравился настолько, что она съ радостью шла за него, мечтала о своей будущей жизни, будучи твердо увѣрена въ томъ, что Петръ, съ его удивительно мягкимъ характеромъ и нѣжною душой, попривыкнувъ къ ней, отдастъ ей и душу, и сердце.

Подѣзжая къ Рогожской заставѣ, она нашла, что ямщикъ прямо ей на смѣхъ везетъ ихъ какъ кислое молоко, и уже по одному этому возненавидѣла широкоплечаго парня съ серебряною серьгой въ ухѣ и золотистыми кудрями на затылкѣ.

Она считала минуты, считала дома и то и дѣло выглядывала изъ кибитки, которая то ныряла по невозможнымъ колдобинамъ и обледенѣвшимъ ямамъ, то тащилась по грязнымъ лужамъ, дожидавшимся по недѣлямъ счастливаго момента—когда, наконецъ, окружавшій ихъ кольцомъ ледъ растаетъ и дастъ имъ возможность сползти съ ужасной мостовой въ не менѣе ужасныя канавки.

Она чувствовала, когда отворили двери перелѣсковскаго дома, что у нея перестало вдругъ биться сердце. Вотъ онъ сейчасъ явится, бросится къ ней, начнетъ снимать съ нея шубейку... Но его не было, и она вздохнула свободно.

У нея есть время оправиться, взять себя въ руки и при встрѣчѣ не показать ему и вида, что она пережила и дорогой, и подѣзжая къ заставѣ, и проѣзжая Москвой до мѣста ихъ конечнаго путешествія...

Возлѣ нея суетилась Настя. Настя ей очень нравилась,

потому что въ ней все было просто и ясно, какъ ясенъ и простъ былъ взглядъ ея добрыхъ голубыхъ очей.

Она улыбалась Настѣ, зная, что и та въ отвѣтъ ей улыбнется и скажетъ какое-нибудь простое, но душевно-ласковое слово.

Когда онѣ остались вдвоемъ въ комнаткѣ, отведенной Акимомъ Спиридоновичемъ для своей будущей невѣстки, Евдокія Ивановна нашла, что она теперь совсѣмъ, какъ дома, и готовилась забросать Настю цѣлымъ ворохомъ вопросовъ, на которые ей необходимо было получить самые вѣрные и точные отвѣты...

Сбросивъ съ себя дорожное платье, она такъ же, какъ и ея отецъ, стала плескать на лицо воду, лившуюся струей изъ кувшина, находившагося въ рукахъ Насти, и только вытеревъ на сухо полотенцемъ загорѣвшія на апрѣльскомъ солнышкѣ щеки, Евдокія Ивановна съ улыбкой взглянула на Настю, которая, не сводя глазъ съ невѣсты Петра, точно застыла съ кувшиномъ въ рукахъ.

Евдокія Ивановна поразились. Она не узнала прежнюю Настю. Все было не то въ той Настѣ, которую она знала въ первый свой прїѣздъ въ Москву.

Какимъ-то холодомъ вѣяло отъ ея стройной фигуры и какъ-то печально смотрѣли ея глаза, свѣтившіеся до сихъ поръ одной только беззаботною улыбкой и жизнерадостнымъ чувствомъ.

— Настя, что съ тобой?—чуть не вскрикнула Евдокія Ивановна, пораженная неожиданною метаморфозой.

— Со мной, Евдокія Ивановна? Да ровно ничего! Какая была, такая и есть!—лѣниво-равнодушнымъ тономъ отвѣтила та и, вострепнувшись, поставила кувшинъ на полъ и схватилась за тазъ.

— Нѣтъ, Настя, не та,—продолжала Евдокія Ивановна, слѣдя за неровными движеніями Насти.—Ты здорова, скажи?

Настя, не выпуская таза изъ рукъ, повела глазами на свои плечи и проговорила:

— А что мнѣ дѣлается! На десятерыхъ здоровья хватить!

— Не та ты стала, Настя, совсѣмъ не та!—твердила Евдокія Ивановна.—Горе, можетъ, у тебя какое есть?..

— А у кого его нѣтъ, Евдокія Ивановна? И у богатыхъ, и у бѣдныхъ,—у каждаго свое горе да сокруха есть...

— Это правда, Настя,—невольно впадая въ ея тонъ, проговорила Кошелькова.—У каждаго человѣка какая-нибудь заноза да ноетъ... Умеръ у тебя кто-нибудь?

Настя усмѣхнулась.

— Отъ живыхъ-то горя больше, чѣмъ отъ покойниковъ, Евдокія Ивановна... О живомъ-то иной разъ и душа болитъ, и сердце кровью обливается, а по мертвомъ—одна только слеза течеть... Поплачешь, и легче станетъ... А по живомъ-то, бываетъ, и плакать хочется, и плакать нельзя: все терпи и все въ своемъ сердцѣ горе носи... Тяжела ноша, да сбросить жаль... Сбросилъ, сказываютъ,—позабылъ, а тебя, глядишь, за это и Богъ разлюбилъ!..

Настя вышла съ тазомъ и затѣмъ, вернувшись, спросила равнодушно:

— Чаю, можетъ, желаете?

— Нѣтъ, нѣтъ,—поторопилась та отвѣтить.—А ты мнѣ вотъ что скажи, Настя: все ли у васъ благополучно?

— Кажется, все,—подумавъ съ минуту, отвѣтила та.

— Акимъ Спиридоновичъ въ городѣ?

— Въ лавкѣ. Не знали они, видимо, что вы пріѣдете, а то бы, извѣстно, дома остались встрѣтить васъ...

— И... Трофимъ Акимычъ тоже въ городѣ?

— Въ городѣ.

Евдокія Ивановна отвернулась и, развязывая корзинку, спросила такимъ страннымъ тономъ, какъ-будто у нея слова вытаскивали клещами:

— И Петръ Акимовичъ... тоже... тамъ... въ лавкѣ?

Отвѣта не было.

Евдокія Ивановна перевела духъ, оторвалась отъ корзины и повернулась къ Настѣ.

Настя, прислонившись къ косяку двери, задумчиво смотрѣла на коверъ, разостланный передъ постелью Евдокіи Ивановны.

— Настя!

Та вздрогнула и съ испугомъ взглянула на невѣсту Петра.

— Онъ тоже... въ городѣ?

— Всѣ тамъ... всѣ,—опомнилась Настя и, схвативъ кувшинъ, скрылась за дверью.

Евдокія Ивановна покачала головой, вздохнула и бросилась къ двери, чтобъ остановить Настю и распросить ее—что съ ней, почему она такая странная, непохожая на самое себя, но раздумала...

Всякое горе у женщины всегда просится изъ сердца наружу. И это очень естественно: становится легче и переноснѣе, когда выскажешь и выплачешь свое горе другому. Пусть этотъ, другой, и не пойметъ его, и не почувствуетъ,—все равно: онъ знаетъ это горе, и отъ сознанія, что оно извѣстно другому,

сердце чувствует облегченіе. И если Настя не подѣлилась своимъ горемъ съ всегда сочувствовавшей Евдокіей Ивановной, значитъ—или уже слишкомъ было велико ея горе, или на то имѣлись совсѣмъ особыя причины. Доискиваться ихъ Кошельковой было некогда, да и чужое горе каждому кажется легче своего собственнаго. Десять минутъ спустя она забыла о Настѣ и занялась туалетомъ, думая о женихѣ, котораго не видала „дѣлюю вѣчность“.

Она уже кончила свое переодѣванье, когда на порогѣ вдругъ появился Иванъ Кузьмичъ.

Старикъ былъ серьезенъ и жеваль губами, передвигая ихъ въ разныя стороны, точно пережевываль неразрѣшимый вопросъ.

Евдокія Ивановна вопросительно посмотрѣла на отца, который, не смотря на дочь, прошелъ къ окну и грузно опустился въ кресло.

— Никто еще не вернулся изъ лавки, папенька?—спросила она, подходя къ отцу.

— Самъ пріѣхаль,—отрывисто проговорилъ тотъ, смотря въ окно.—А вѣдь это яблони у него...

Евдокія Ивановна заглянула въ оконныя стекла и выпрямилась.

— Кажется, яблони...

— Яблони... Вотъ какія только: апортъ али бѣлый наливъ?

Кошельковъ подумаль съ минуту, пожеваль снова губами и произнесъ спокойно:

— А знаешь, Душата, какая у Перелѣсковыхъ непріятность-то вышла?

— Что такое, папенька?

— Большая непріятность... и непредвидѣнная совсѣмъ... Только, знаешь, ты не очень разстраивайся... это все дѣло устроится... На то я и отецъ...

Евдокія Ивановна, смутно предчувствуя что-то недоброе, широко раскрывъ глаза, уже со страхомъ смотрѣла на отца, попрежнему смотрѣвшаго на верхушки яблонь, виднѣвшихся въ саду.

— Петръ Акимычъ-то... не слыхала?

У Евдокіи Ивановны замерло сердце.

— Что жъ ты статуемъ стоишь? Не слыхала, а?

— Папенька... я ничего... ничего не знаю,—проговорила она упавшимъ голосомъ.

— Спятить! А?

Иванъ Кузьмичъ взглянулъ на дочь, которая стояла передъ

нимъ, оперевшись одною рукою на широкій мраморный подоконникъ, и продолжалъ:

— Умомъ рехнулся... Отецъ-то сказываетъ — сызмальства это съ нимъ, да не въ примѣту было, а тутъ и пошло, и пошло.... Каково мнѣ это, Душата, а? Благодареніе Создателю, что онъ спятилъ до свадьбы, а то каково бы тебѣ было съ рехнувшимъ-то!..

— Папенька, это неправда!—рыдающимъ голосомъ вскрикнула Евдокія Ивановна.

— Глупая!—взялъ за похолодѣвшія руки Кошельковъ дочь.— Самъ отецъ говоритъ это, а ты сумлѣваешься... отецъ!.. Ты пойми, Душата!

— Вретъ онъ, вретъ!—крикнула та, вырывая руки.— Папенька... васъ обманываютъ!..

Кошельковъ нахмурилъ брови и поднялся съ кресла.

— Ты—дура, Евдокія!—сурово проговорилъ онъ.— Кошелькова ни одинъ чертъ не обманетъ... Поняла? Ни одинъ чертъ, прости Господи мое согрѣшеніе!..

Евдокія Ивановна опустила на стулъ и закрыла лицо руками.

— Не вѣрю я, не вѣрю!..—рыдающимъ голосомъ произнесла она.

— А не вѣришь—погляди, но только знай, что за ума рехнувшимъ тебѣ не быть... А чтобъ сраму не было, за Трофима иди...

Евдокія Ивановна вскочила съ мѣста и съ смертельнымъ ужасомъ посмотрѣла на отца.

— Мнѣ за Трофима? Папенька, вы смѣтесь... смѣтесь?!..

— Ну, Душка, мало ты знаешь своего отца: Кошельковъ не умѣетъ смѣяться. Это пустоплясы пушай смѣются, а я не умѣю.

— Мнѣ за Трофима? Папенька! Да что же я такое? Не человѣкъ я развѣ? Вещь я, которую можно всякому отдать?..

— Ну, довольно! Мы со сватомъ это рѣшили, значитъ—и болтать зря языкомъ нечего... Приготовливайся перемаливаться.

— Папенька, я не могу... Пожалѣйте вы меня... вѣдь я... дочь вамъ... родная!..

Евдокія Ивановна упала на колѣна и схватила руки отца.

— Папенька! Лучше смерть, чѣмъ за Трофима! Сошлите меня къ матерямъ въ Керженцы, дѣлайте со мной, что хотите, удавите, только не за Трофима!..

— Дура! Да что Трофимъ Акимычъ—чудище, что ли, лѣс-

ное? Хуже онъ твоего полоумнаго нареченнаго? Рыломъ ежели не вышелъ, за то головой возьметъ...

— Никого мнѣ не надо! Лучше никого!—стонала Евдокія Ивановна, ломая въ отчаяніи руки.— Не губите меня... Что я вамъ сдѣлала? Что я вамъ сдѣлала? За что вы мою жизнь губите?

— Глупости, Душатка! Ты погляди, какой Трофимъ-то!.. Золото, а не мужъ! А ужъ какъ любить-то тебя будетъ!

— Не надо мнѣ его любви, папенька... не надо... противень онъ мнѣ...

— Всѣ дѣвки такъ говорятъ, а потомъ водой васъ съ противными-то не разольешь... По твоей покойной матери это знаю... Чуть не на вожжахъ ее въ моленную вѣнчать притянули, на сѣноваль отъ меня спряталась, думала—не найду, а потомъ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ въ бракъ прожила да тебя дуру съ сыномъ родила... Да еще что: бывало, поглядишь на какую читалку невзначай, — вотъ какую морду вытянетъ...

— Папенька! Ради Бога!

— Ну, аминь! Твое дѣло бабье, голосъ у тебя тонокъ, да звонокъ, можешь голосить по всякому: и по птичьему, и по звѣриному... Охрипнешь и стихнешь...

— Папенька! Не честно это! Подло это... дочь свою губить!..

— А срамъ, дурища, тебѣ легче снести, а?—встряхнулъ Иванъ Кузьмичъ дочь, поднимая ее на ноги.— Ты отца-то жалѣешь аль нѣтъ? Изъ-за такой ничтожности, какъ ты, я долженъ насмѣшки сносить, такъ, что-ли, доченька милая? Чтобъ всякая мразь мнѣ въ глаза смѣялась да надо мной измывалась изъ-за твоей глупости? Такъ это по твоему какъ, Евдокія Ивановна: честно выйдесть, дозвольте родному отцу спросить? Осрамить меня по всей Волгѣ хочешь? Ну, что жъ, срами родителя... срами... вгоняй въ гробъ своей непокорностью!..

— Папенька, неужто въ васъ сердца нѣтъ?—ловила Евдокія Ивановна руки отца.

— У меня, можетъ, цѣльная дюжина сердець-то, да только не для такой дуры они сотворены, какъ ты! Сердца нѣтъ! Это у меня-то сердца нѣтъ? Да для кого я живу, какъ не для тебя? Для кого я созидаю все и коплю? Одна ты у меня, аль нѣтъ?

— Ничего мнѣ не надо, отпустите меня въ скить...

— Въ ски-и-ить!—протянулъ Кошельковъ.— Ну, я до скитскихъ внучатъ не охотникъ... Это ужъ пушай другіе въ скитскіе дѣдушки записываются, а я не стану... Нонче же съ Трофимомъ молиться!

— Папенька... я не выйду изъ вашей воли... Что я могу? Ничего! Ничего! Я все потеряла... все... У меня и мысли мутятся, а на сердцѣ такой холодъ, такой холодъ, папенька, что я не знаю: жива я или умерла... Объ одномъ только, папенька... объ одномъ прошу... отложите до завтра... вѣдь это все равно... я не выйду изъ вашей воли... не могу я и сдѣлать этого,— говорила прерывающимся отъ слезъ голосомъ Евдокія Ивановна.—Вы—отецъ, а я... я раба ваша... ваше рожденіе, папенька... До завтра, папенька... я увижу Петра Акимыча, поговорю съ нимъ... своими глазами увижу... Дайте вы мнѣ это... папенька! Папенька! Ежели моя такая судьба, я не пойду противъ... да и какъ я могу? Я не пойду, папенька! Только до завтра... ради Христа!

Иванъ Кузьмичъ замахалъ руками и побѣжалъ изъ комнаты дочери.

— Хорошо... до завтра... гляди... И кайся, что перечила родителю!

Кошельковъ хлопнулъ дверью, а Евдокія Ивановна упала на подушки лицомъ и зарыдала.

Прощай, мечты!

XLIII.

Братья вернулись домой изъ лавки часовъ въ пять вечера.

Дорогой Трофимъ долго вертѣлся, намѣреваясь поговорить съ братомъ по поводу приѣзда Кошельковыхъ, но первая фраза, всегда самая трудная, какъ-то не слетала съ его языка.

Петръ самъ помогъ ему въ этомъ, спросивъ съ усмѣшкой:

— Ну, такъ какъ-же теперь, Трофимъ, намъ съ Евдокіей Ивановной быть? Изъ полы въ полу, что-ли, тебѣ ее передать?

— А передай, Петруня... ей-Богу передай, избави насъ отъ лукаваго! — встрепенулся тотъ, — тебѣ она, я вижу, не по сердцу...

— А тебѣ въ совѣсть?

— Въ совѣсть. Я, знаешь, люблю этакихъ разсыпчатыхъ, которыя ровно изъ крупчатаго тѣста... Отдаешь, что-ли?

— Не моя собственность... Какъ я могу тебѣ ее отдать?

— Да ты уже только словечко одно скажи, а тамъ все устроится къ полному благополучію...

— Очень тебѣ, я вижу, на ней жениться хочется! — продолжалъ улыбаться Петръ.

— Да, дурашка... Птенчикъ ты несмышленый... Коли у че-

ловѣка петля на шеѣ, такъ онъ радъ хоть на козѣ жениться, только бы у ней рожки золотые были...

— Я и забылъ, что у тебя долговъ чертова уйма...

— Ужъ оченно процентъ анаѳемскій приписываютъ, избави насъ отъ лукаваго!—со вздохомъ произнесъ Трофимъ. — Знаешь, братенекъ, когда гуляешь, ничего не жаль: ни себя, ни людей, ни денегъ... А какъ проснешься на другой день, да какъ вспомнишь, какихъ капиталовъ тебѣ вчерашняя глупость стоила,—инда мурашки по тѣлу пойдутъ... И волосы на себѣ рвешь, и всякими скверными словами себя ругаешь, а поправить—ау! невозможно... А главное дѣло—денегъ жаль... Чертъ знаетъ, на кого ихъ бросишь, избави насъ отъ лукаваго!

— Чудакъ ты, Трофимъ! Коли тебѣ такъ денегъ жаль, не ѣздилъ бы гулять...

— Карактеръ у меня безпокойный. Требуется того, значить, чтобы всѣ домашнія утѣсненія гульбой разсыропить... Ну, и сыропишь въ долгъ...

— А за Евдокіей Ивановной миллионъ,—поддразнилъ Петръ брата.

— Миллионъ! Это, избави насъ отъ лукаваго, вѣрно!..

— И миллионъ этотъ ты долженъ папенькѣ отдать...

Трофимъ свистнулъ и, сложивъ аллегорическую фигуру, сложенную изъ трехъ пальцевъ, поднесъ ее къ глазамъ брата.

— А это онъ видѣлъ?—произнесъ онъ, ухмыляясь.

— Ну, это ты мнѣ показываешь, а ему не покажешь...

— Вотъ какъ покажу, Петруня, въ самый лучшей атитектурѣ, избави насъ отъ лукаваго!

Петръ посмотрѣлъ на брата,—Трофимъ торжественно улыбался.

— Тебѣ же хуже будетъ. Ты думаешь, отецъ простить, забудетъ твою архитектуру-то?

— Ахъ, дурашка!—заерзалъ въ экипажѣ Трофимъ,—ничего ты не знаешь, ничего не понимаешь... И не сказалъ бы я тебѣ, если-бъ ты добровольно отъ Евдокіи Ивановны не отрекся... Изъ полы въ полу, вѣдь? Такъ, что-ли?

— Я уже тебѣ говорилъ, что я за ней не гонюсь. Какъ отецъ...

— За отца не безпокойся...

— Сговорились уже, значить?

— Чего сговорились? И не сговаривались вовсе... Какъ ты это, Петруня, мнѣ не довѣряешь, ей Богу! Двое насъ всего братьевъ на свѣтѣ и даже сестеръ нѣтъ, а ты все какъ-то

бокомъ къ Трофиму, избави насъ отъ лукаваго, да съ подозрѣніемъ.

— Ну, хорошо, продолжай...

— Значитъ, Евдокія Ивановна моя?

— Мнѣ она не нужна. Сто разъ, что-ль, тебѣ повторять...

— Руку, Петруня. А насчетъ отца я такое колѣно придумалъ. Ты слушай.

— Слушаю. Мнѣ даже интересно, до чего твое нахальство дойдетъ...

— Ну, вотъ! Сичасъ уже и пустяя слова пустилъ! „Нахальство“!.. По-моему, это политика, а ты—„нахальство“!.. Безъ политики, братенекъ, въ нашихъ темныхъ лѣсахъ не проживешь.

— Политика, такъ политика,—согласился Петръ,—разскажывай свою политику.

— Три ночи, Петрунь, я думу думалъ, какъ-бы это нашего родителя обойти на случай, если мы вдругъ перемаливаться станемъ...

— Долго думалъ...

— Дѣло серьезное. Тутъ надо такъ дѣйствовать, чтобъ комаръ носу не подточилъ, избави насъ отъ лукаваго... И рѣшилъ я, братенекъ, такъ. Какъ только пойдетъ разговоръ о перемаливаньѣ, я сичасъ же, первымъ дѣломъ, къ Ивану Кузьмичу подъ лѣвый бочекъ для совѣщанія.—„Такъ и такъ, скажу, Иванъ Кузьмичъ, отецъ у насъ такой властолюбецъ, что все приданое, которое за Евдокіей Ивановной даете, должно къ нему въ сундуки попасть... А разъ попало — пиши пропало... Пойдешь у него гривеннички да полтиннички по большимъ праздникамъ выманивать... Я на это не согласенъ, имѣя въ виду вашу дочь, кою долженъ и содержать во всемъ приличіи и въ женскихъ потребностяхъ не отказывать... А чтобъ моего старика не обижать и чтобъ онъ насъ своего расположенія не лишилъ, объявите ему, что даете за нее не деньгами, а имѣніями на миллионъ...“ Понялъ, Петрунь?

— Ничего не понялъ...

— Ну, вотъ и жени такого дурака, какъ ты, избави насъ отъ лукаваго!—вздыхнулъ съ сокрушеніемъ Трофимъ.—Да съ тобой всякая жена пропадетъ...

— Будто-бы...

— Пропадетъ! Ну, какой ты мужъ, ежели свою жизнь по хорошему устроить не можешь? Да отъ тебя и жена-то сбѣжить...

— Я, вотъ, можетъ, поэтому и не женюсь, — улынулся Пётръ.

— И не женись, братенекъ... Тебѣ-то что... Плевать!.. Бабу твою жалко...

— Давно-ли у тебя жалость-то появилась?

Трофимъ, встрѣтивъ насмѣшливый взглядъ брата и вспомнивъ свою жизнь съ покойною женой, слегка сконфузился.

— Прежде, братъ, я жену не понималъ, а вотъ какъ потерялъ, такъ и цѣнить сталъ,—пробормоталъ онъ, оправляясь отъ смущенія.—Всё, братенекъ, опытомъ достается...

— А по-моему, Трофимъ, тамъ, гдѣ нѣтъ сердца, и опытъ не поможетъ...

— Разсказывай! Я, вотъ, собакъ терпѣть не могъ... Какъ увижу какую—свою или чужую—ногой ее двинуть норовлю... А подарилъ мнѣ Степанъ Матвѣичъ щенка „Катая“, -- привязался къ нему... И другихъ собакъ сейчасъ не трогаю... За что, думаю, я ее ногой пхну, ежели она тварь Господомъ Богомъ сотворена.. Такъ вѣдь, избави насъ отъ лукаваго?

— Такъ, такъ. Дальше-то что-же?

— А дальше вотъ что: Иванъ Кузьмичъ, ради дщери своей единоутробной, согласится на мою политику... Дастъ приданое имѣніями.

— А отецъ не согласится... Вѣдь онъ давалъ имѣній на полмилліона и деньгами столько-же.

— А Иванъ Кузьмичъ скажетъ, что сейчасъ не при деньгахъ... роздалъ подъ хлѣбъ по Волгѣ... а какъ соберетъ, такъ сейчасъ-же имѣніе за полмилліона выкупить и бумагами процентными папенькѣ внесетъ... Ужъ ты, Петруня, не безпокойся, я это обмозговалъ вотъ какъ умственно, отецъ даже и сумлѣваться не можетъ...

— А потомъ что? Допустимъ, что отецъ согласится на твою „политику“... а купчія-то какъ же? Вѣдь онѣ должны на имя отца совершиться?

— Одну—на отца, а другую—на мое имя... Я ужъ уговорю его, чтобъ онъ согласился. „Папенька, скажу, вѣдь я вашъ и купчую вамъ отдамъ, чтобъ вы не сумлѣвались... заprite ее подъ замки и спите спокойнымъ манеромъ...“ Ловко удумано?

— Не знаю. Что подло, это я чувствую, а ловко-ли,—тебѣ лучше судить...

— Ни черта ты не понимаешь, избави насъ отъ лукаваго! Какая-же это подлость, ежели родной отецъ самъ меня итти на нее заставляетъ? Да я, Петрунь, и за грѣхъ сіе не сочту, ибо писано есть: око за око, зубъ за зубъ...

— Ну, это сюда не идетъ.

— У тебя не идетъ, а у меня въ лучшемъ видѣ сойдетъ... Хорошо-съ!—видимо увлекаясь своей хитро-устроенною политикой,—продолжалъ Трофимъ.—Папенька соглашается, кладетъ въ свой сундучекъ купчую и спитъ сномъ праведника, еже мало разумѣхъ, но много содѣяхъ... а я сичасъ пушу пропечатаніе въ „Сенатскія Вѣдомости“, а также въ здѣшнія губернскія о потерѣ мною купчей крѣпости на имѣніе въ Саратовской губерніи... Газетъ мы, самъ знаешь, не получаемъ, да онъ ихъ отродясь и не читывалъ, зане оныя печатаются не церковною, а гражданскою печатью, на коей лежитъ печать антихриста...

Петръ, какъ ни былъ наивенъ, но, слушая задуманную Трофимомъ махинацію, понялъ, что братъ собирается обмошенничать отца по всѣмъ правиламъ искусства и навѣрное обмошенничаетъ.

Отецъ, конечно, отъ этого не терялъ ничего, но ничего не выигрывалъ и Трофимъ создавшій политику, конечно, не безъ участія свѣдущихъ стряпчихъ отъ Иверскихъ воротъ.

Въ концѣ-концовъ должно же раскрыться все, и Трофиму придется плохо. Положимъ, у него остается въ запасѣ тестъ, но этотъ тестъ, несомнѣнно, сдѣланъ изъ того-же самого тѣста, изъ котораго испеченъ и Акимъ Спиридонъчъ.

Объ этомъ много и упорно думалъ Петръ, когда его заставили молиться съ Евдокіей Ивановной, и пришелъ къ тому выводу, что куда ни кинь—все выходитъ клинъ, а настоящей, чисто человѣческой жизни впереди не предвидѣлось.

И ему стало жаль Трофима.

— Трофимъ, — проговорилъ онъ, уже почти подъѣзжая къ дому.—Хорошо-ли ты обсудилъ все?

— Все, Петруня. А спустя нѣкоторое время получаю копію съ купчей и продаю имѣніе тестя за полмилліона. У меня денежки, а у папеньки—купчая, которой грошъ цѣна...

— А отецъ узнаетъ? Что тогда, Трофимъ?

— Нн-ни... А и узнаетъ, такъ уже поздно будетъ, по крайности я съ себя петлю сниму...

— И цыганку Любашку купишь...

— И Любашку куплю...

— Хорошую же ты жизнь своей будущей женѣ готовишь!—презрительно отозвался Петръ на это.

— Все шито-крыто будетъ. Ты за дурака меня считаешь, избави насъ отъ лукаваго? Охъ, ошибаешься, Петруня.. Меня всѣ за умнаго знаютъ и за человѣка правильной жизни...

Скажи ты, вотъ, поди сичасъ отцу или Ивану Кузьмичу все, что отъ меня слышалъ... Передай по правдѣ все, по истинѣ,— ты полагаешь, повѣрятъ тебѣ?

— Я давно ужъ знаю, что мнѣ никто не вѣритъ, — съ горечью произнесъ Петръ,—и я даже знаю почему...

— А я вотъ не знаю...

— Будетъ тебѣ, Трофимъ, собачью комедію ломать! И тебѣ я цѣну знаю, и отцу, и всѣмъ... Да, вотъ, еще кстати что, любезный мой братецъ Трофимъ Акимовичъ, не можете-ли вы мнѣ сказать, на какомъ это основаніи вы будете перемаливаться?

— Какъ на какомъ? Да вѣдь ты-же самъ не хочешь жениться на Евдокіи Ивановнѣ, избави насъ отъ лукаваго? Самъ же мнѣ это сказалъ...

— Это я тебѣ говорилъ, но ни Евдокіи Ивановнѣ, ни отцу, ни Ивану Кузьмичу ни однимъ словомъ не обмолвился...

— Это ужъ они сами устроятъ, Петрунь, наше съ тобой дѣло сторона... Они старшіе и власть имущіе, а мы съ тобой что? Ничтожество.

— Все это я знаю, Трофимъ, Не въ этомъ дѣло. Ну, вотъ, мы пріѣдемъ сейчасъ домой... Долженъ я Евдокію Ивановну встрѣтить какъ невѣсту или нѣтъ?

— Что-же, поцѣлуйся... Это ничего... Я вѣдь не ревнивъ, избави насъ отъ лукаваго! Съ моей покойницей у тебя и печки, и лавочки были, а я даже и виду никогда не подалъ, что сіе не подobaетъ...

— Ну, покойную ты оставь въ покоѣ... Я тебѣ говорю про мою невѣсту...

— Петруня, я ничего не знаю! Папенька тебѣ долженъ все сказать, а я что-жъ могу!.. Велитъ завтра съ кухаркой Ненилой Богу молиться, —рази я пойду противъ? Еще какъ помолюсь-то, какъ будто краше этой Ненилы на свѣтѣ и бабы нѣтъ...

— Это не новость. А я тебѣ, Трофимъ, какъ брату, новость скажу.

Трофимъ насторожился.

— Мнѣ, по совѣсти говорю, никакого огорченія нѣтъ въ томъ, что женишься на Евдокіи Ивановнѣ ты, а не я... Ее я и знаю мало, и... и любить не могу... Такъ что я даже за счастье сочту, ежели моя свадьба разстроится... Самолюбіе у меня совсѣмъ не купеческое: смѣяться мнѣ стануть, что братъ у меня невѣсту отбилъ, меня это за живое не задѣнетъ... Я

ко всему равнодушень и, пожалуй, самъ еще начну смѣяться надъ своей простоватостью. Слышишь, Трофимъ?

— Слышу, братенекъ, большое у тебя благородство, избави насъ отъ лукаваго!—восторженно воскликнулъ Трофимъ.

— И благородства въ этомъ никакого нѣтъ, и твоихъ похвалъ мнѣ не надо. Лучшая мнѣ похвала, ежели совѣсть моя ни въ чемъ безчестномъ не упрекаетъ, а до похвалъ людскихъ я нечувствителенъ. Да и не вѣрю я имъ... Одному только въ своей жизни человѣку вѣрю, а вотъ когда и ему вѣрить перестану — на чердакъ меня на веревкѣ найдешь... Значить, жить больше не стоитъ, незачѣмъ и не для кого... Понялъ, Трофимъ?

— Темненько, Петюнька, охъ, темненько...

— Потомъ, можетъ, тебѣ свѣтлѣе станетъ... Такъ вотъ я тебѣ и говорю, Трофимъ, и предупрежденіе свое дѣлаю, какъ близкому человѣку, какъ брату родному... Если меня отецъ умалишеннымъ сдѣлаетъ, — никому изъ васъ не сдобровать. . Этой низости я никому не прощу: ни тебѣ, ни отцу... Слышишь, Трофимъ? А остальное творите, какъ хотите: слова вамъ поперекъ не скажу!

Братья въѣхали на дворъ и слѣзли.

Трофимъ сморщился и вздохнулъ, внутренне ругая себя за то, что не согласился съ мнѣніемъ отца на счетъ „устраненія“ Петра куда-нибудь съ глазъ подальше.

— Охъ, натворить онъ колѣнъ, избави насъ отъ лукаваго!—бормоталъ онъ, ныряя въ свои покои и начиная передѣваться,—отъ юрода ждать добра нечего! Натворить колѣнъ.

Петръ, сбросивъ съ себя пальто, тотчасъ же отправился на верхъ, предварительно завернувъ въ келью Насти.

Насти не было, и поэтому Петръ, не дожидаясь ея возвращенія, шагая черезъ двѣ ступени, мигомъ очутился на верху.

Куда сперва итти? Къ Ивану Кузьмичу, или къ Евдокіи Ивановнѣ?

Онъ остановился въ раздумьѣ въ залѣ, куда доносились голоса изъ дальнихъ комнатъ; чьи были эти голоса, Петръ разобрать не могъ.

Его выручила Оеклушка, неслышно подкравшаяся изъ боковыхъ комнатъ.

— Вы, можетъ, Евдокію Ивановну ищете, Петръ Акимовичъ?—спросила она вкрадчиво, опуская жеманно глаза.

Петръ посмотрѣлъ на нее, какъ смотреть на надоѣдливо жужжащую надъ ухомъ муху, и пошелъ впередъ, не удостоивъ ее отвѣта.

— Евдокія Ивановна у себя въ комнатѣ, — крикнула ему вслѣдъ Ѳеклушка, — а Иванъ Кузьмичъ съ папенькой въ кабинетѣ!

Петръ машинально прошелъ къ помѣщенію Евдокіи Ивановны и стукнулъ въ дверь.

— Можно войти, Евдокія Ивановна?—спросилъ онъ.

Слышно было, какъ въ ея комнатѣ что-то скрипнуло, зашелестѣло, и минуту спустя на порогѣ появилась Евдокія Ивановна.

Въ ея покраснѣвшихъ отъ слезъ глазахъ ясно выражался испугъ.

Видимо, она не ожидала Петра и не узнала его голоса. Увидавъ Петра, она невольно отступила назадъ и ждала, что скажетъ ей ея женихъ.

Петръ спокойно вошелъ въ комнату своей невѣсты и поклонился.

— Здоровы-ли вы? И какъ доѣхали?—спросилъ онъ, съ недоумѣніемъ смотря на заплаканные глаза гостыи.

Евдокія Ивановна порывистымъ движеніемъ отбросила на спину длинную косу и, подбѣжавъ къ Петру, протянула ему руку.

XLIV.

— Какъ видите, доѣхали, — отвѣтила Кошелькова пристально смотря въ глаза Петру. — А вы... вы здоровы?

— Кажется, здоровъ, — усмѣхнулся тотъ въ отвѣтъ, — а вы развѣ слышали отъ кого, что я боленъ былъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... Вы же меня спрашиваете здорова ли я, — отчего же я не могу васъ спросить о томъ же... Да вы присядьте, Петръ Акимовичъ.

— Петръ сѣлъ на стулъ. Евдокія Ивановна подумала немного и сѣла на диванъ, стоявшій у стѣны.

Петръ невольно улыбнулся. Она сѣла отъ него такъ далеко, что онъ уже не сомнѣвался болѣе въ томъ, что его роль жениха сыграна и между нимъ и Евдокіей Ивановной, какъ между актеромъ и публикой, опущенъ занавѣсъ. Публика не только не апплодировала ему, но даже не улыбалась, слѣдовательно, роль имъ была сыграна плохо.

Онъ сознавалъ это и желалъ большаго успѣха Трофиму, который, навѣрное, постарается ради миллионнаго приданаго сыграть свою роль лучше, чѣмъ онъ.

Петръ бросилъ взглядъ на Евдокію Ивановну, сидѣвшую на диванчикѣ со сложенными на колѣняхъ руками и низко опущенною головою, и вздохнулъ.

Ему не было жаль невѣсты, взятой у него такъ же насильно, какъ насильно ее ему навязали; не жаль было ея денегъ, которыя перейдутъ въ руки ростовщиковъ и разныхъ цыганокъ; ему не жаль даже было самого себя, ставшаго какой-то глупою игрушкой отца,—ему жаль было *человѣка*, который погибъ и въ немъ самомъ, и въ этой, вотъ, точно замершей, неподвижной фигурѣ Евдокіи Ивановны.

Что такое она? И что такое онъ? Для кого и чего они родились, для кого и чего они жили? Для кого, зачѣмъ и почему будутъ жить, страдать, любить, ненавидѣть, создавать такихъ же безличныхъ существъ, какъ и они сами, и, можетъ быть, проклинать все: и прошедшее, и настоящее, и будущее?! Петръ вспомнилъ вдругъ, что онъ не такъ встрѣтилъ Евдокію Ивановну, какъ бы слѣдовало встрѣтить... А такъ ли встрѣчаютъ женихи своихъ невѣстъ?

Даже не похристосовался! Это уже совсѣмъ не по христіански... И виноватъ въ этомъ, конечно, не онъ, Петръ, а его братъ Трофимъ, который такъ же безправно и насильно бралъ его невѣсту себѣ, какъ безправно и насильно ихъ отецъ поступалъ съ ними всю жизнь, и который несомнѣнно умретъ съ яснымъ и примиряющимъ его совѣсть съ Богомъ сознаниемъ, что онъ сдѣлалъ для своихъ дѣтей все, что только можетъ сдѣлать отецъ, всею душою любившій свое порожденіе.

Онъ поднялся съ тѣмъ, чтобы подойти къ ней, и снова опустился.

„Теперь ужъ поздно, да и не къ чему“,—подумалъ онъ и продолжалъ упорно молчать. Молчала и Евдокія Ивановна.

„О чемъ ее спросить?“—продолжалъ думать Петръ, сознавая глупое положеніе, въ которомъ они находились оба. Вѣдь все, что интересовало и ее, и его отошло теперь на второй планъ, потому, что и тотъ, и другой сознавали, что та цѣпь, которая связывала ихъ до извѣстной степени; разорвалась и разъединила ихъ навсегда.

„Зачѣмъ я пришелъ сюда?“—спрашивалъ мысленно себя Петръ, разсматривая обои, давнымъ давно знакомые его глазамъ.— Она уже знаетъ, что я ей больше не женихъ, а я знаю, что она мнѣ не невѣста... И мнѣ это не больно, и ей все равно... Какъ это глупо вышло, что я пришелъ сюда... Лучше бы вмѣстѣ съ Трофимомъ... Не такъ бы было тяжело и для меня, и для нея...

И она молчить, какъ будто дожидается только того, чтобы я поскорѣй ушелъ“.

Онъ такъ поглощенъ былъ своими мыслями, что не слыхалъ даже вопроса Евдокіи Ивановны, спрашивавшей его о томъ, видѣлъ онъ ея отца или нѣтъ? И только, когда она повторила свой вопросъ, смотря на него испуганными глазами онъ бессмысленно посмотрѣлъ на нее и долго, долго ловилъ смыслъ заданнаго вопроса.

„Какъ будто она сказала что-то,—подумалъ онъ, смотря въ широко открытые глаза Евдокіи Ивановны,—а, можетъ быть, мнѣ это и послышалось...“

Евдокія Ивановна поднялась вдругъ и быстро вышла изъ своей комнаты

Въ глазахъ Петра мелькнула толстая, длинная коса Кошельковой, подоль свѣтло-голубого платя, и онъ остался одинъ.

„Ну, вотъ и ушла. Значить, это у нихъ дѣло давно рѣшеное, а я не вѣрилъ Настѣ... Сомнѣвался... Значить, отецъ списался съ ними... И Иванъ Кузьмичъ отдастъ ее Трофиму... Это хорошо... Я не могъ бы ее любить... Положимъ, и Трофимъ Евдокію Ивановну любить не будетъ, но это ужъ меня не касается, но мнѣ все-таки интересно знать, какъ объяснить мнѣ Кошельковъ свое нежеланіе выдать за меня дочь...“

— Петрунь!—окликнулъ его Трофимъ, появившійся въ комнатѣ Евдокіи Ивановны.

Петръ вздрогнулъ и всталъ на ноги...

— Ты что же это тутъ торчишь, избави насъ отъ лукаваго?—удивился Трофимъ —Иди въ столовую...

— Я Евдокію Ивановну ждалъ...

— Эна! Да она съ полчаса ужъ тамъ сидитъ... Да ты видѣлъ ее?

— Видѣлъ!

— Ну?

— А потомъ она ушла.

— Чудакъ, ей-Богу! А ты-то тутъ чего сидишь? Ивана Кузьмича видѣлъ?

— Нѣтъ, не видалъ...

— Иди, поздоровайся... Нехорошо, Петруня... Экій ты какой... Ровно затмѣніе на тебя находить, избави насъ отъ лукаваго...

— На меня ничего не находить, Трофимъ!—рѣзко произвѣсь Петръ, выходя изъ комнаты Евдокіи Ивановны.—Я не суасшедшій...

- Владыка милостивый! Да кто тебѣ говоритъ про это? А

затмѣніе на каждого человѣка найти можетъ... Да я, вотъ, сплошь и рядомъ этому затмѣнію подверженъ... Задумаешься иной разъ о Любашкѣ, да покупателю такую цѣну на товаръ скажешь, что самого себя отколотить хочется... И отколотилъ бы съ удовольствіемъ, да рука на себя не подымается...

Петръ не слушалъ Трофима; онъ опередилъ его и, нахмурясь, вошелъ въ столовую, гдѣ за самоваромъ сидѣли всѣ и старикъ Перелѣсковъ, и Кошельковы.

Иванъ Кузьмичъ, увидавъ Петра, приподнялся со стула и закивалъ ему головой

— Христось воскресе, Петръ Акимовичъ, -- проговорилъ онъ, когда тотъ подошелъ къ нему.

— Воистину, Иванъ Кузьмичъ!

Облобызавшись, Петръ обошелъ длинный столъ и сѣлъ на самомъ концѣ.

— Петръ Акимовичъ, вамъ налить чаю?—спросила Евдокія Ивановна, разливавшая чай, выглядывая изъ-за пузатаго самовара.

Петръ не отвѣтилъ. Онъ смотрѣлъ на Трофима, который, войдя вслѣдъ за нимъ въ столовую, подсѣлъ къ Евдокіи Ивановнѣ и, подперевъ лѣвою рукой бокъ, что-то шепталъ ей съ сахарною улыбочкой

Евдокія Ивановна взглянула на отца; Иванъ Кузьмичъ посмотрѣлъ на Акіма Спиридоновича, а послѣдній, бросивъ быстрый взглядъ на Петра, вздохнулъ во всю столовую и покачалъ головой.

Петръ ничего не видалъ и не слышалъ. Онъ смотрѣлъ только на Трофима, озарявшагося улыбками, и не понималъ, какъ это все такъ устроилось, что онъ не чувствуетъ ничего обиднаго въ томъ, что братъ сидитъ съ его невѣстою и ему даже не противны его глупыя улыбки, которыя прежде казались ему и подлыми, и фальшивыми.

Передъ нимъ очутился стаканъ чаю. Онъ нагнулся и сталъ пить, а когда въ этомъ стаканѣ не осталось ни капли, онъ поднялъ голову и съ удивленіемъ увидѣлъ, что въ столовой никого, кромѣ его отца, не было.

Петръ посмотрѣлъ на затворенную дверь и всталъ.

— Петръ, — остановилъ его отецъ.

— Что прикажете, папенька?—спросилъ тотъ, подходя ближе къ отцу.

— У тебя того... голова можетъ, болить?—пытливо посмотрѣлъ на сына старикъ.

— Нѣтъ, не болить... ничуть даже...

— А то, ежели болить, иди къ себѣ и ложись...

— Я вамъ говорю, что у меня она не болить... Да и почему непременно нужно, чтобъ у меня голова болѣла?—воскликнулъ Петръ, нагибаясь надъ столомъ.

— Мнѣ совсѣмъ этого не нужно.. А что ты не слышишь, что тебѣ говорятъ, значить боленъ... Здоровый на все отвѣтитъ, а больному трудно...

— Я совершенно здоровъ, папенька. И если вамъ Трофимъ что наговорилъ насчетъ моего нездоровья, такъ это совсѣмъ напрасно съ его стороны. Что вы хотите его женить на моей невѣстѣ, это я отъ него же знаю, и нисколько этимъ не обижаюсь. Мы - ваши дѣти и вы вольны распоряжаться нами по своему желанію. Напротивъ, я вамъ несказанно благодаренъ за то, что вы меня не жените на Евдокіи Ивановнѣ. Деньги ея мнѣ не нужны, да если бы и нужны были, такъ все равно онѣ пошли бы не ко мнѣ, а къ вамъ,—а сама она мнѣ не нравится. И какъ бы я сталъ съ нею жить, это одному Богу извѣстно.

— Ну, вотъ видишь, я это давно замѣтилъ, что она тебѣ не въ совѣсть, а Трофимъ лучшей жены не желаетъ,—проговорилъ старикъ, мудро поглаживая бороду.—Вотъ я, подумавъ объ этомъ хорошенечко, да и рѣшилъ—перемолиться.

— Спаси васъ Христось за это,—поклонился Петръ отцу.

— Коли не въ совѣсть, думаю, такъ что ему насильно навязывать? Ежели бы не Кошельковъ самъ, такъ я бы и не подумалъ тебя женить на его дочери. У меня для тебя другое припасено...

— Мнѣ ничего и никого не надо, папенька ..

— Ну, объ эвтомъ мы съ тобой послѣ свадьбы Трофима поговоримъ... Конечно, немного неловко намъ будетъ, потому весь городъ знаетъ, что ты на Кошельковой женишься.

— Стыда для меня въ этомъ никакого нѣтъ, папенька. Ежели меня спрашивать стануть, почему не я женился, а братъ, такъ на это у меня отвѣтъ готовъ: мнѣ она не нравилась, и я упросилъ отца меня не женить, а Трофиму она по душѣ пришлась. И вы то же самое всѣмъ и каждому сказать можете...

— Это того... пожалуй,—почесалъ въ затылкѣ Акимъ Спиридоновичъ,—положимъ, не повѣрятъ которые, ну, да мнѣ на это плевать! Дѣти мои и воля моя: кого хочу, того и женю.

Старикъ былъ очень доволенъ, что не пришлось уламывать „полоумнаго“, который, очевидно, благодаря этому полоумію,

не понималъ, какую онъ терялъ блестящую партію, и шёлъ навстрѣчу желаніямъ отца.

Акимъ Спиридоновичъ, когда вышелъ отъ него Петръ, перекрестился и сталъ подумывать о томъ, какъ ему съ нимъ поступить потомъ, когда онъ окончательно спятитъ съ ума. Что Петръ былъ близокъ къ этому, Перелѣсковъ почти пересталъ уже сомнѣваться... Часъ, который Петръ провелъ въ столовой, показалъ ему, что у того въ головѣ что-то неладно, какъ неладно было и постомъ...

„Лѣчить его. Но развѣ помѣшанныхъ лѣчатъ? Ихъ только сажаютъ въ умалишенные дома и терпѣливо дожидаются ихъ смерти“.

У Акима Спиридоновича мелькнула мысль — отправить Петра въ скитъ къ отцу Серапіону, котораго Петръ любитъ и уже по одному этому безъ всякихъ протестовъ согласится къ нему отправиться. А ужъ оттуда его не выпустятъ: будетъ жить да грѣхи отца замаливать!

Эта мысль такъ понравилась Перелѣскову, что онъ поспѣшилъ сообщить ее Трофиму, который въ это время мелкимъ бѣсомъ разсыпался передъ Евдокіей Ивановной и старался занять печальную невѣсту шуточками и прибаутками.

— Какъ ты думаешь, Трофимъ, насчетъ этого?—спросилъ Акимъ Спиридоновичъ, изложивъ сыну свои планы на случай полного затемнѣнія разума Петра. Трофимъ никакъ не думалъ. Трофиму положительно было все равно: посадятъ ли Петра на цѣпь, отошлютъ ли его въ скитъ, или оставятъ на свободѣ. Онъ ему не мѣшалъ, не становился на дорогѣ, не грозилъ ножомъ, слѣдовательно былъ такимъ безвреднымъ существомъ, о которомъ и думать не стоило.

Ему нужна была Евдокія Ивановна, за которой отецъ въ приданое давалъ миллионъ, и больше ничего. Миллионъ этотъ у него никто не оспаривалъ и не отнималъ, слѣдовательно и думать о такихъ пустопорожнихъ предметахъ, къ которымъ онъ причислялъ Петра, было глупымъ времяпрепровожденіемъ.

Онъ такъ и отвѣтилъ отцу:

— И охота это вамъ, папенька, о пустякахъ думать? Какъ спятитъ окончательно, ну въ тѣ поры и подумаемъ, а сейчасъ у него одно только затемнѣніе-съ...

— Тогда, Трофимъ, поздно уже будетъ думать... По моему, не лучше ли его послѣ твоей свадьбы къ Серапіону отправить, а?

— Къ Серапіону, такъ къ Серапіону-съ. Только, по моему

мнѣнію, этотъ самый отецъ Серапіонъ—монахъ ненадежный, папенька...

— Въ какихъ смыслахъ ненадежный?

— Во всякихъ, избави насъ отъ лукаваго. Либо упустить его, а то, гляди, и самъ съ нимъ сбѣжитъ. У него и печка, и лавочка съ Петромъ. Какъ пріѣдетъ, бывало, такъ сейчасъ къ нему; запрутся и говорятъ, а о чемъ говорятъ, никому того неизвѣстно.

— Ну, противъ меня онъ не пойдетъ!—самодовольно погладилъ бороду Акимъ Спиридоновичъ.—Съ Перелѣсковымъ шутики плохи...

— Какъ знаете, папенька... Вамъ, конечно, виднѣе, потому вы себѣ лучше всякаго цѣну знаете... Да объ этомъ еще мы съ вами поговоримъ... Почему знать, можетъ затемнѣніе у Петра вдругъ и пройдетъ... Вы знаете, какъ я его люблю-съ...

— Ты? Петра?—недовѣрчиво улыбнулся старикъ.

— Люблю-съ. Это онъ меня терпѣть не можетъ, а за что, и самъ не понимаю, избави насъ отъ лукаваго... А я его люблю, и очень мнѣ его даже жаль, папенька, потому всего-то насъ двое... Ему моего не надо, а я его себѣ не желаю-съ... Думаю такъ, что онъ меня просто по малоумію не терпитъ, потому всѣ, которые ума лишены, во всѣхъ людяхъ однихъ только враговъ видятъ... А какой я ему врагъ?

— Ну, довольно,—махнулъ рукой старикъ.—И тебя я знаю, и Петра... Иди лучше къ Кошельковой, да сѣ зубы заговаривай...

— Да ужъ по неволѣ приходится, коли родной братъ на ней жениться не хочетъ! Надо полоумнаго выручать!

„Этакая шельма,—подумалъ Акимъ Спиридоновичъ, смотря вслѣдъ удалявшемуся Трофиму.—И въ кого онъ такой оборотистый да вывертистый вышелъ—ума не приложу!.. Али вѣкъ ужъ такой настаетъ, что замѣсто бѣлыхъ грибовъ-то поганки родиться пошли? А умень! Умень Трофимъ!“

Трофимъ это зналъ и безъ родительской аттестаціи. И въ городѣ ему пріятели говорили, похлопывая по плечу, и покупатели...

— И уродить же Господь Богъ такого жулика, какъ ты, Трофимъ.—съ нѣкотораго рода даже завистью говорили ему пріятели.—Ты, кого хочешь, обойдешь...

— Ну, тоже и скажете, избави насъ отъ лукаваго!—скромничалъ Трофимъ.—Далеко мнѣ до такихъ настоящихъ жуликовъ, какъ вы! Многому еще мнѣ у васъ учиться надо...

И тутъ же, какъ будто проговорившись, сообщалъ, что

онъ отъ одного генерала знакомаго слышалъ о скорой войнѣ съ Америкой, что черезъ эту войну вздорожаетъ хлопокъ и что онъ на товаръ уже накиннулъ по двѣ копейки на аршинъ. Пріятели знали, что Трофимъ, благодаря громкой извѣстности своей фамиліи, былъ знакомъ не только съ генералами, а даже и выше оныхъ, принимали это къ свѣдѣнію и тоже накидывали на товаръ двѣ копеечки.

И выходило обыкновенно такъ, что война почему-то не объявлялась, а покупатели, сунувшись къ конкурентамъ Перелѣскова, возвращались къ нему же и покупали товаръ съ надбавкой одной только копеечки.

Акимъ Спиридоновичъ, просматривая „меморіалъ“, тарасилъ глаза и спрашивалъ Трофима.

— Почему надбавка пошла?

— А война-съ, папенька...

— Какая война?

— А я почему знаю. Говорятъ-съ. Да вы будьте покойны-съ, какая-нибудь война да произойдетъ, избави насъ отъ лукаваго! Потому, до кусочка весь товаръ подобрали-съ!

Усмѣхался Акимъ Спиридоновичъ, хихикалъ въ бородку Трофимъ, а одураченные конкуренты сидѣли въ лавкахъ и ждали войны и покупателей...

XLV.

Петра приходили звать ужинать, но онъ не пошелъ къ верху, гдѣ, по его мнѣнію, ему теперь дѣлать было нечего.

Будетъ очень хорошо и умно со стороны Ивана Кузьмича, если онъ, безо всякихъ объясненій съ Петромъ, поставитъ Трофима рядомъ съ Евдокіей Ивановной, станетъ возлѣ нихъ самъ съ Акимомъ Спиридоновичемъ, — и помолятся Богу, точно такъ-же, какъ ставили его съ ней и тоже молились...

Вообще, разъ этотъ вопросъ рѣшенъ его отцомъ, — чѣмъ скорѣе они продѣлаютъ всю предстоящую комедію, тѣмъ меньше для него, Петра, тревогъ и опасеній.

Его самолюбіе страдало немного только потому, что Кошельковъ, всегда говорившій ему, что больше всѣхъ Перелѣсковыхъ любитъ его, Петра, почему-то передаетъ его невѣсту брату.

Несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ было произведено давленіе на Кошелькова со стороны Акима Спиридоновича, но не такъ же простъ Иванъ Кузьмичъ, чтобы мѣнять свои рѣшенія въ угоду самодурскимъ капризамъ отца. Когда-нибудь, по-

томъ, онъ спросить у Кошелькова, почему ему Трофимъ сталъ больше нравиться, чѣмъ онъ, но теперь, онъ, конечно, и не заикнется объ этомъ. Да и зачѣмъ? Все идетъ такъ, какъ ему хотѣлось, а корчить изъ себя обиженного было-бы непростительною глупостью съ его стороны. Онъ не ребенокъ, котораго обдѣлили конфеткой, а только почтительный сынъ, слѣпо и безпрекословно исполняющій приказанія отца. Почему знать, можетъ быть, это смиреніе не пропадетъ даромъ и лучше устроить ему жизнь въ будущемъ... Да и смиреніе-то, по совѣсти говоря, не стоило ему ни малѣйшихъ страданій: любилъ онъ другую... и если эта другая не станетъ когда-нибудь его женой, все равно—она не разлюбитъ его никогда.

Петръ махнулъ на все рукой, предоставивъ совершаться событіямъ безъ его въ нихъ участія, и на вторичный зовъ къ ужину отдѣлался категорическимъ отказомъ.

Евдокія Ивановна и за ужиномъ была печальна и едва до-трогивалась до кушаній; зато безконечно былъ весель Трофимъ, по-собачьи смотрѣвшій въ ея глаза и предупреждавшій самія ничтожныя ея желанія.

Старики, каждый по своему, улыбались, смотря на юлившаго возлѣ невѣсты Трофима, и, кажется, были довольны, что все обошлось сравнительно благополучно и что двѣ такія громкія фамиліи, какъ Кошельковъ и Перелѣсковъ, не понесутъ срама вслѣдствіе нелѣпыхъ толковъ, которые обязательно возникли-бы, если-бъ предполагавшееся сліяніе этихъ фамилій разстроилось. Пострадала во всемъ этомъ одна только Евдокія Ивановна, но о ней никто не думалъ. Да и кому думать? Для всѣхъ она была простою вещью, которую отецъ ея могъ отдать, кому пожелаетъ.

Протесты не признавались, да ихъ въ такой средѣ почти и не было: каждый членъ семьи зналъ свое амплуа и игралъ всю жизнь свою роль если и не съ особеннымъ усердіемъ, то, во всякомъ случаѣ, добросовѣстно и безъ видимаго ропота.

Евдокіи Ивановнѣ очень нравился Петръ, и ея сердце, не знавшее до сихъ поръ привязанности, начинало любить его... и вдругъ такой ужасный ударъ!.. Не видавъ Петра, она не вѣрила его помѣшателству, а увидала — невольно стала смотрѣть на него глазами отца.

И въ первый ея пріѣздъ въ Москву Петръ не особенно былъ разговорчивъ, но все-таки бывали часы, когда онъ оживлялся вдругъ и говорилъ съ ней такъ разумно, что умнѣ его, казалось ей, и людей нѣтъ. А теперь Петръ сталъ вдвое мрачнѣе и, просидѣвъ у нея съ часъ, не только не говорилъ, но даже

не отвѣчалъ на ея вопросы. Очевидно, въ его головѣ совершается что-то неладное, и стать женой хотя и любимаго, но безумнаго человѣка, — счастья мало... У нея оставалась еще надежда на то, что, можетъ быть, это что-то неладное пройдетъ, но и эту надежду отнялъ отецъ, заявивъ ей, что безуміе не проходитъ, а, напротивъ, съ каждымъ годомъ увеличивается, о чемъ онъ имѣетъ точныя свѣдѣнія отъ многихъ докторовъ. Такимъ образомъ, первыя иллюзіи дѣвушки были разбиты, и Евдокія Ивановна чувствовала себя глубоко несчастной, — такою-же несчастной, какою была ея мать и всѣ, кого только она ни знала изъ замужнихъ женщинъ ихъ круга.

Трофимъ понималъ, что Евдокія Ивановна должна быть, какъ онъ выражался, „не въ своей тарелкѣ“, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ твердо увѣренъ въ непродолжительности такого „тарелочнаго бытія“ и поэтому всѣми средствами старался развеселить ее и разсѣять тоскливое настроеніе, охватившее миллионную невѣсту.

Раза два она машинально улыбнулась, и Трофимъ, посматривая на своего папеньку, такъ хитро прищурилъ лѣвый глазъ, что старикъ въ душѣ ласково обругалъ сына:

„И жуликъ-же у меня Трошка по бабьей части!“

И тотчасъ же нахмурился, вспомнивъ моментъ, когда онъ засталъ Оеклушку—сидѣвшею на колѣнахъ у Трофима.

„Кажись, они меня того,—подумалъ Перелѣсковъ,—объегорили подлая души!“

И думая это, старикъ съ минуты на минуту становился все сумрачнѣе и угрюмѣе.

Хорошо, что скоро ужинъ кончился и всѣ разбрелись по своимъ опочивальнямъ.

Въ этотъ вечеръ Акимъ Спиридоновичъ не пожелалъ, чтобъ у него чесали пятки, а чтобы къ нему не проникла Оеклушка, онъ заперся на ключъ.

Евдокію Ивановну раздѣвала молча Настя. Она видѣла печальное лицо саратовской невѣсты и, не видя въ ней соперницы, пожалѣла ее отъ души.

Настя все слышала, все видѣла, но Петру въ послѣднее время ничего не говорила. Она отлично знала, что Петръ Акимычъ, узнавъ точно отцовскую и братнину махинацію, взбѣсится и этимъ сдѣлаетъ себѣ непоправимое зло. Его или посадятъ на цѣпь, или упрячутъ въ такое мѣсто, откуда ей, Настѣ, пожалуй его во вѣки-вѣковъ не выручить.

Лучше пусть онъ ничего не знаетъ до свадьбы Трофима съ Евдокіей Ивановной, а тамъ она ему все смѣшкомъ да шуткой

выложить. И оба они посмѣются, потому что развѣ не смѣшно это: здороваго человѣка за помѣшаннаго выдавать! Она уже жалѣла о томъ, что раньше имѣла неосторожность сказать Петру все, что слышала на-верху; положимъ, потомъ спохватившись, она созналась ему, что многоаго изъ разговоровъ Акима Спиридоновича съ Трофимомъ она или не поняла, или пересказала по-своему, по бабьи, по глупому, а лучше-бы совсѣмъ не говорить. Онъ, вотъ, и теперь каждый день все пытается ее, не слыхала-ли она тамъ про него,—значить, вѣритъ еще тому, что она ему тогда сдуру бухнула.

„Ахъ, поскорѣй-бы Трофимъ Акимычъ повѣнчался съ Евдокіей Ивановной, а-то у нея все сердце изныло по Петру.

И эту тоже, вотъ, жалко. Ишь, какъ пригорюнилась... Известно, Петръ Акимычъ не то, что Трофимъ, поневолѣ припечалишься... Печалься—не печалься. а ко всякой судьбѣ наша сестра привыкать должна. Вотъ она сама, къ примѣру. Что такое Настя? Деревенская дѣвка-читалка, и больше ничего. А какой ее человѣкъ полюбилъ! Жизнь за такого человѣка не жаль отдать!.. И отдасть, ежели надо будетъ... А скажетъ: „Настя, уходи, мнѣ папенька на богатой купеческой дочкѣ жениться приказываетъ...“—и уйду... Насильно вѣдь милъ никому не будешь, и у каждаго человѣка своя судьба: ему въ богатствѣ да довольствѣ жить, а мнѣ весь вѣкъ по чужимъ угламъ мыкаться...

Евдокія Ивановна раздѣлась и остановила уже уходившую Настю.

— Настя, можешь ты мнѣ сказать правду или нѣтъ?—спросила она, смотря съ мольбою въ глаза дѣвушки.

— Какая правда, Евдокія Ивановна! — подумавъ, отвѣтила та.

— Я одну только правду знаю... и во всемъ одна правда должна быть...

— Я и сама такъ думала, да, живучи по людямъ, разнымъ правдамъ научилась,—усмѣхнулась Настя.—Да вы о чемъ это?

— Нѣтъ, ты скажи прежде: можешь настоящую правду мнѣ сказать или нѣтъ?

— Могу, Евдокія Ивановна... Да вамъ какъ и не сказать... Вы не то, что другія... вамъ самую чистую правду можно...

— Ну, вотъ, ты мнѣ и скажи,—подошла къ Настѣ Евдокія Ивановна и положила ей на плечи руки, — что съ Петромъ Акимычемъ случилось?

Настя потупила глаза и молчала.

— Сыми ты съ меня тяжесть, Настя... ради Бога... ради

Создателя... Въ лѣсу я здѣсь... и темно вокругъ, и страшно... Говорятъ что—ушамъ вѣрить отказываюсь... Вижу что — зрѣніе, думаю, обманываетъ... Люди вокругъ, а мнѣ звѣри чудятся... Ради спасенія твоей души, выведи меня на дорогу!

Евдокія Ивановна задыхалась отъ волненія и, крѣпко сжимаемая упругія плечи Насти дрожавшими пальцами, старалась заглянуть ей въ глаза... Заглянуть и прочитать въ нихъ ту правду, которой мучительно жаждало ея сердце.

Настю застали врасплохъ. Она не ждала такого вопроса отъ саратовской невѣсты и совсѣмъ не подготовилась къ отвѣту.

Сказать правду просить! А хорошо-ли это будетъ?

Мысль въ головѣ Насти заработала усиленнымъ темпомъ. Отъ нея ждали отвѣта, а она не знала, что и сказать дѣвушкѣ, которую она жалѣла и у которой отнимали человѣка, можегъ быть, равно имъ обѣимъ дорогого и любимаго. Если сказать *одну* правду—могло выйти такъ, что она, любившая Петра до безумія, могла потерять его навсегда... Да это еще не бѣда... Настя готова была на всякія жертвы, потому что она сознавала, что черезъ годъ, много черезъ два, отецъ все равно Петра женить и, можетъ быть, даже на такой, которая будетъ ему и по душѣ, и въ „совѣсть“; а потомъ — у каждаго вѣдь своя судьба: одному назначено находить, другому опредѣлено терять,—не поэтому нельзя говорить эту *одну* правду, а потому, что отъ этой правды въ домѣ Перелѣсковыхъ не будетъ никакой свадьбы и за все, про все отвѣтитъ ея милый, ея солнышко красное, ея свѣтъ и жизнь, и радость и счастье, Петръ Акимычъ. Сказать *другую* правду — погубить его-же, въ умалишенные записавши.

И выхода нѣтъ, и эта, вотъ, держитъ ее за плечи и ждетъ, ждетъ отвѣта, ровно ее къ висѣлицѣ приговорили.

— Настя! Что-же ты молчишь? Ради Бога... одно слово только... Пожалѣй меня, коли можешь... Или и жалости у тебя нѣтъ?..

Сердце даже перестало биться у Насти. Она едва перевела духъ и вскинула глаза на Евдокію Ивановну съ такимъ-же отчаяніемъ, съ какимъ та глядѣла на нее.

— Идите... За Трофима идите! — прошептала она и, оторвавшись отъ цѣпкихъ рукъ Евдокіи Ивановны, выбѣжала изъ комнаты.

Только очутившись въ своей кельѣ, она пришла въ себя и схватила руками голову.

— Владычица! Зачѣмъ я ей неправду сказала!—со стономъ

проговорила Настя, сдергивая съ шеи душившій ея платокъ. — Она правду просила, а я, подлая, что ей въ уши дунула!.. Вернуться, развѣ? Тяжко вѣдь ей!.. И у нея тоже сердце болитъ, какъ и у меня... Милый ты мой! Свѣтикъ ты мой ясный! Солнышко мое красное, цвѣтикъ ты мой лазоревый! Прости ты меня, подлую, ради Христа! Не я лгала, а сердце мое глутое... Никому оно тебя отдать не хочетъ, а силкомъ возьмутъ на смерть убьютъ!

И Настя, упавъ на кровать и уткнувъ лицо въ подушки, зарыдала, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

А Евдокія Ивановна по уходѣ Насти долго стояла на одномъ мѣстѣ, точно дожидаясь ея возвращенія и иного отвѣта на ея мучительные вопросы.

Петръ проснулся рано. Одѣвшись, онъ прошелъ мимо помѣщенія Трофима и зашелъ къ Настѣ. Дверь была заперта. Онъ хотѣлъ постучаться къ ней и попенять ей, почему онъ не видалъ ея вчера вечеромъ, но въ корридорѣ слышались чьи-то торопливые шаги. Петръ отскочилъ отъ двери и сталъ подниматься по лѣстницѣ на-верхъ. Ему не хотѣлось встрѣчаться съ пріѣхавшими саратовцами, и потому онъ рѣшилъ, повидавшись съ отцомъ, отправиться въ городъ до чаю.

Какъ ни философствовалъ Петръ, а все-таки ему было почему-то неловко встрѣчаться и съ Евдокіей Ивановной, и съ Иваномъ Кузьмичемъ. Роль жениха въ отставкѣ не шокировала его, конечно, но тѣмъ не менѣе эта роль и заставляла его избѣгать частыхъ встрѣчъ съ навязавшими ему эту роль.

Пока онъ медленно поднимался къ верху, мимо него прошмыгнула Ѳеклушка.

Лицо у Ѳеклушки было разстроено. По ея лихорадочно блестящимъ глазамъ видно было, что она плохо спала эту ночь, а, можетъ-быть, и совсѣмъ не смыкала своихъ погубительныхъ „жуковъ“.

Петръ даже не отвѣтилъ на ея поклонъ. Онъ думалъ о Настѣ, о своемъ странномъ положеніи въ данный моментъ въ домѣ и поэтому совсѣмъ не замѣтилъ ни самой Ѳеклушки, ни ея разстроеннаго лица.

А Ѳеклушкѣ было отъ чего разстроиться: вчера, подойдя къ дверямъ спальни Акима Спиридоновича, она, сверхъ всякаго ожиданія, нашла ихъ запертыми.

Сперва она подумала, что старика не было тамъ, но полосы свѣта, вырывавшіяся изъ-подъ двери, говорили объ его присутствіи.

„Что это за новости?“—подумала она и стукнула въ дверь.

На ея стукъ, словно въ отвѣтъ, раздался сердитый, задыхающійся кашель Акіма Спиридоновича.

— Это я, Акімъ Спиридонычъ, Ѳеклушка! — поспѣшила вполголоса доложить читалка.

И каково-же было ея изумленіе, когда въ отвѣтъ на это изъ-за двери, крѣпко повернутой ключемъ, понесся вдругъ суровый гласъ Акіма Спиридоновича:

— Изыди, сатана!

Ѳеклушка, изучившая Перелѣскова, какъ свои пять пальцевъ, поняла, что дальнѣйшія попытки къ открытію замкнутыхъ вратъ ни къ чему не поведутъ, и поспѣшила уйти, проговоривъ:

— Ну, спаси Христось! Покойной вамъ ночи, пріятнаго сна, Акімъ Спиридонычъ!

„Что-нибудь да случилось,—подумала она. — Ужъ не брякнулъ-ли ему что слуду этотъ чертъ саратовскій!“

„Саратовскій чертъ“, по ея наметанному взгляду, шель, какъ глупый карась, къ уловленію, но это еще когда-то будетъ. „Когда-то,—говоритъ мудрая пословица, — Улита ѣдетъ, да когда-то она пріѣдетъ“—а терять изъ-за этого журавля въ небѣ вѣрную и надежную синицу было бы съ ея стороны непростительною глупостью. Вонъ они, эти подлые мужчанишки, каковы!.. Ужъ Трофимъ на что, кажется, морда противная, и тотъ ей безо всякихъ хорошихъ словъ отставку прописалъ. Шубу обѣщаль! Гляди, вмѣсто шубы-то одинъ кошачій воротникъ презентуетъ. Знаетъ Ѳеклушка всѣхъ ихъ, подлыхъ, которые, какъ улещаютъ, такъ то наобѣщаютъ, что на трехъ возахъ не увезешь, а какъ начнутъ дары дарить, такъ нечего и въ рукахъ носить.

Плохо спала ночь Ѳеклушка. Забудется она на минуту и видитъ сонъ: цѣлуетъ ее Иванъ Кузьмичъ, а на порогѣ Акімъ Спиридонычъ стоитъ и такимъ взглядомъ на Ѳеклушку глядитъ, что у той даже духъ отъ страха замираетъ...

Проснется она, вся въ поту, и начнетъ креститься...

— Господи Исусе, помилуй мя!.. Ахъ, подлые! И во снѣ-то спокою отъ васъ, чертей, нѣтъ!

XLVI.

Подбѣжала Ѳеклушка къ дверямъ спальни Акима Спиридоновича, нажала ручку, отворила дверь, а въ спальнѣ ни души.

Окинула она взглядомъ комнату—и кафтана его нѣтъ. Видимо, всталъ уже человѣкъ, умылся, одѣлся и теперь стоитъ въ моленной и утреннія молитвы творить.

Неслышно шарахнулась она въ сторону, заглянула мимоходомъ въ кабинетъ: тамъ, кромѣ мурлыкавшаго на диванѣ кота, тоже никого не было. Ѳеклушка очутилась въ моленной.

Акимъ Спиридоновичъ, перебирая лѣстовку, крестился истово и клалъ поклоны.

„Рано же его нечистые подняли!“ — подумала Ѳеклушка и, положивъ „началь“, поклонилась въ сторону Акима Спиридоновича.

Перелѣсковъ пріостановилъ свое моленіе и, сурово смотря на Ѳеклушку, спросилъ:

— Тебѣ чего здѣсь надо?

— А я лампы оправить хотѣла, Акимъ Спиридонычъ! — съ почтительною улыбочкой отвѣтила та, не сводя глазъ съ вопросившаго.

— Можешь апосля... Видишь, чай, молюсь?.. Убирайся вонъ!

— Уйду, уйду... Спаси тя Христось.

Ѳеклушка съ еще болѣе разстроеннымъ видомъ вылетѣла изъ моленной и снова наткнулась на Петра, который, не найдя отца въ столовой, шелъ заглянуть въ кабинетъ.

— Вы папеньку, Петръ Акимычъ?—спросила его Ѳеклушка, играя по привычкѣ своими „жуками“. — Они Богу въ моленной молятся.

„Рано, значить, я нынче всталъ“,—подумалъ Петръ и, постоявъ съ минутой, спустился къ себѣ внизъ.

А Ѳеклушка, какъ будто что-то вспомнивъ, понеслась мелко рысцей къ помѣщенію, отведенному Перелѣсковымъ Ивану Кузьмичу.

Кошельковъ съ дорожной устали переспалъ. Проснувшись и посмотрѣвъ на свою „луковицу“, на которой большая черная стрѣлка показывала половину восьмого, онъ крякнулъ, поднялся и, отбросивъ ватное одѣяло, сшитое изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ ситца, сталъ одѣваться.

Выглянувъ за дверь, куда онъ съ вечера выставлялъ обыкновенно для чистки свои сапоги „бутылками“, онъ ихъ не

нашелъ и, вернувшись, надвинулъ на ноги туфли, а на плечи—утренній кафтанецъ, замѣнявшій ему халатъ; кафтанецъ этотъ былъ ветхъ, мѣстами потерся и весь вообще лоснился, какъ хорошо вычищенный сапогъ, но Иванъ Кузьмичъ такъ привыкъ къ нему, что не разставался съ нимъ ни дома, ни въ дорогѣ.

Акимъ Спиридоновичъ, вообще щеголявшій своимъ гардеробомъ, зайдя какъ-то утромъ къ Кошелькову въ спальню и увидавъ его въ этомъ заплатанномъ и засаленномъ кафтанцѣ, брезгливо поджалъ губы и обругалъ въ душѣ гостя „скаредомъ“.

Не успѣлъ еще Иванъ Кузьмичъ застегнуть на всѣ крючки свой историческій кафтанецъ, какъ за дверью послышался пѣвучій голосъ Ѳеклушки:

— Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

Иванъ Кузьмичъ посмотрѣлся въ зеркало, махнулъ гребнемъ по растопыренному вихрамъ и отвѣтилъ:

— Аминь!

Ѳеклушка вошла, держа въ рукахъ блестящія отъ усердной чистки сапоги Ивана Кузьмича.

— А, Ѳеклуша!—распустился въ улыбку Кошельковъ, принимая отъ нея сапоги и любуясь ихъ блескомъ.

— Съ добрымъ утромъ, Иванъ Кузьмичъ, съ пріятнымъ вставаньемъ! — весело отозвалась та, кланяясь Кошелькову въ поясъ.

— Сама чистила?—спросилъ тотъ, не сводя глазъ съ сапогъ.

— Своими рученьками старалась для васъ!.. Ужъ такъ мнѣ вамъ во всемъ угодить желательно, что, кажется, ничего такого на свѣтѣ нѣту, чего-бы я для васъ не сдѣлала!..

— Спасибо, Ѳеклуша... Экая ты баба, ей-Богу!..

— Дѣвка, Иванъ Кузьмичъ, потому никто еще меня покуда обабить не пожелалъ...

— Да, я того... запомятовалъ...

Иванъ Кузьмичъ присѣлъ на низенькое креслицо и сталъ натягивать на ноги сапоги.

— Ну, и дѣвка-же ты, Ѳеклуша... Золото!

— Охъ, и скажете вы тоже, — стыдливо отмахнулась Ѳеклушка, помогая другою рукой Кошелькову за ушко тянуть сапогъ.

— Ей-ей, золото! Я, знаешь, люблю правду говорить. Что хорошо, то хорошо, и всякому это видно... Да мнѣ дома отродясь никто такъ сапоговъ не начищалъ!..

— На все усердіе нужно, Иванъ Кузьмичъ..

— А я про что же? Золото ты!.. И Акимъ Спиридонъчъ оцѣнить тебя не можетъ...

— Христось съ нимъ. Можетъ, другіе которые оцѣнятъ!— мечтательно произнесла Ѳеклушка, помогая Кошелькову подняться съ кресла.— Постуденѣ воды-то для умыванья не при- несть-ли?

— Постуденѣй? Лучше, думаешь?— усмѣхнулся Иванъ Кузь- мичъ, посматривая на сверкавшіе глаза Ѳеклушки.

— Да какъ же возможно, Иванъ Кузьмичъ? Студеная вода человѣка бодритъ...

— Ой-ли? Ну, что-жъ... Бодри, дѣвка, бодри!

Ѳеклушка, схвативъ кувшинъ, выскочила изъ комнаты.

„Огневая дѣвка,— подумалъ Иванъ Кузьмичъ, почесывая за ухомъ.— Все у нея такъ въ рукахъ и кипитъ... А у меня хо- зяйство большое... взять бы... Не поидеть, поди... а, можетъ, и поидеть?..“

Ѳеклушка вернулась и стала умывать Кошелькова.

— Ухъ, важно! Ровно льдомъ ты меня умыла, Ѳеклуша!— восклицалъ Иванъ Кузьмичъ, вытираясь полотенцемъ, концы котораго были вышиты красными и синими пѣтушками, а самъ думалъ: „брякнуть ей, что ли, насчетъ Саратова? Выдамъ, вотъ, дочь за Трофима и увезу ее домой... Пушай злится, стар- ый чертъ! Да и такъ можно сдѣлать, что онъ и знать даже не будетъ, что Ѳеклуша ко мнѣ ушла...“

Кошельковъ посмотрѣлъ на Ѳеклушу, которая, засучивъ рукава по-локоть и выливъ изъ таза въ ведро воду, вытирала его ручникомъ.

— Ѳеклуша!

— Что прикажете, Иванъ Кузьмичъ? — повернулась та къ нему, неизвѣстно для чего засучивая рукава чуть не подъ плечо.

„Руки-то, ровно снѣгъ, бѣлыя! — подумалъ Кошельковъ, подходя къ Ѳеклушѣ. — Золото, а не дѣвка... И куда старый дуракъ смотритъ, спрашивается?“

— Звали вы меня, аль мнѣ это отъ усердія послышалось?— переспросила Ѳеклушка, продолжая засучивать рукава.

— Что бишь это я хотѣлъ? Всталъ сватъ-то аль еще по- чиваетъ?

— Въ моленной, Богу молятся-съ...

— А! Онъ вѣдь долго молится?

— Съ часъ, по положенію... Акимъ Спиридонъчъ насчетъ моленія строгъ у насъ...

— Грѣховъ, видно, много, оттого и старателенъ, — усмѣх-

нулся язвительно Кошельковъ.—Вотъ я насчетъ эвтаго грѣш-
ный человекъ: есть досугъ—молюсь, а нѣту—только лобъ пе-
рекрещу да двѣ-три молитвы прочту...

— Съ усердіемъ ежели, Иванъ Кузьмичъ, такъ и краткая
молитва Богу угодна...

— Вѣрно. Умница ты, Оеклуша!...

Иванъ Кузьмичъ швырнулъ полотенце на первый попав-
шійся стулъ и вплотную подошелъ къ Оеклушкѣ.

— Знаешь, что мнѣ на умъ пришло? А?—спросилъ онъ.

Оеклушка взметнула свои „жуки“ на Кошелькова и сло-
жила на груди руки; эти бѣлыя и словно атласъ лосныя руки
полѣзли сперва въ глаза саратовскаго вдовца, а затѣмъ очу-
тились возлѣ его сердца, которому вдругъ стало отъ этого
сосѣдства и тепло, и такъ пріятно, какъ будто по немъ про-
водили мягкимъ атласомъ.

— Не знаю, Иванъ Кузьмичъ, — отвѣтила она, не спуская
съ него своихъ „жуковъ“,—а коли скажете, знать буду...

— Вотъ что... вдругъ это пришло... Только чтобы никому
объ этомъ... Слышишь?

— Слышу, Иванъ Кузьмичъ, слышу, золотой!..

— Какъ выдамъ я дочь за Трофима, такъ того... поѣдемъ
со мной въ Саратовъ... а? Идетъ, что-ли, Оеклуша?— скорѣе
прошепталъ, чѣмъ проговорилъ Кошельковъ, схватывая атла-
сныя руки читалки.

Оеклушка молчала, потупивъ глаза и прислушиваясь, не
идеть-ли кто [сюда.

— Ну? Что-же ты... молчишь... а? Я тебя вотъ какъ оцѣню...
Сама, чай, понимаешь... Не такъ жить у меня станешь, какъ
у Перелѣскова!...

Оеклушка вздохнула и стала разворачивать засученные
рукава.

— Сказать боюсь... осердитесь...

— Ну, вотъ, глупая! Да рази я! могу на тебя? Скажетъ,
тоже...

— А коли не въ обиду будетъ, такъ я вотъ что вамъ скажу:
бабою я съ вами въ Саратовъ поѣду, а дѣвкой—ни за что!

И Оеклушка, не глядя на Ивана Кузьмича, неслышно вы-
скользнула изъ комнаты.

— Нда!—проговорилъ нѣсколько озадаченно [Кошельковъ,
почесывая за ухомъ.—Въ [бабы захотѣла!.. Съ характеромъ
дѣвка!.. О, Господи!

И Иванъ Кузьмичъ, сдѣлавъ серьезное лицо, подошелъ къ
образницѣ для молитвы.

Феклушка вышла отъ Кошелькова съ такимъ торжествующимъ лицомъ, что Акимъ Спиридоновичъ, только-что окончившій свое утреннее моленіе, ветрѣтивъ ее, невольно спросилъ:

— Ты чему это ухмыляешься?

— Я-съ? Я... ничему-съ, — съежилась та и пошла - было дальше.

— Стой!—крикнулъ Акимъ Спиридоновичъ. — Поди сюда...

Феклушка оглянулась, по привычкѣ, во всѣ стороны и подошла къ Перелѣскову, робко смотря ему въ глаза.

— У, тварь! — произнесъ онъ, сердясь на что-то. — Глаза - бы мои на тебя не смотрѣли!.. Всякому на шею готова вѣшаться!

— Вогъ, ужъ это напраслина, Акимъ Спиридонычъ!— обиженно надула та губы, видя, къ чему клонить гнѣвъ хозяйскій. — Сироту вы всякими словами можете избидѣть, но только Богу за это отвѣтъ дадите...

Въ голосѣ Феклушки послышались плаксивыя нотки, готовые перейти въ любую минуту въ слезы.

— Кому я вѣшалась? Кому?

— Ну, ну... Самъ видѣлъ тогла... съ Трофимомъ...

— Такъ вы съ него, охальника, и взыскивайте, а я тутъ не при чемъ... Сказывала я вамъ въ тѣ поры... Спросите и его, — и онъ вамъ то-же скажетъ, что силкомъ меня къ себѣ на колѣнки посадилъ, да меня, сироту, передъ вами осрамилъ... Да я, хоть сейчасъ, передъ Владычицею...

— Ну, ну... ладно, — смягчился Перелѣсковъ. — Будетъ... достаточно... Ты откуда это?

— А Ивану Кузьмичу умываться подавала...

— То-то, подавала! А я ночь, почитай, не спалъ... И все изъ-за тебя, изъ-за подлой твари...

— Я не виновата... Коли стучу вдругъ, и вы не пускаете...

— Довольно... Насквозь тебя вижу...

— И мудренаго въ этомъ ничего нѣту, потому, у меня вотъ на эстолько потайного отъ васъ нѣту...

— Ладно, говорю. А умываться Кошелькову да прибираться за нимъ и Порфирій можетъ. Слышала? Скажи Порфирію...

— Да рази можетъ мужикъ за такимъ гостемъ уходить?

— А я не желаю, вотъ тебѣ и весь сказъ! Знаю я этихъ саратовскихъ древлепрепрославленныхъ... Перстомъ знаменія творятъ, а нечестивымъ окомъ на чужую бабу глядятъ... Сказано и аминь!.. Вели самоваръ подавать!..

Феклушка поблѣднѣла и съ ненавистью посмотрѣла вслѣдъ удалявшемуся Акиму Спиридоновичу.

— Проклятые! — прошептала она. — И всю жисть вотъ такъ - то: то одинъ помѣшаетъ настоящую судьбу найти, то другой, то третій...

И какъ-было хорошо налаживалось дѣло! Не прошло - бы, можетъ, и недѣли, какъ она опутала-бы своими чарами саратовскаго толстосума. И дернула ее нелегкая сказать Перелѣскову, что она Кошелькова „обряжаетъ“!..

Проклятый бабій языкъ! Много онъ зла сдѣлалъ на свѣтѣ, и Богъ знаетъ, сколько еще сдѣлаетъ впереди! И что обиднѣе всего, — зло это онъ всѣмъ безъ разбору наноситъ: и людямъ, и самой себѣ. Ядъ губитъ всѣхъ одинаково — и составителя, и потребителя...

Не послушаться Акима Спиридоныча, значить — играть на „авось“, а Феклушка привыкла играть навѣрняка, хотя это ея „вѣрное“ въ большинствѣ случаевъ, если только не всегда, оказывалось „авоськой“ и, кромѣ огорченій и разочарованій, ничего ей не приносило...

Феклушка понимала, что только путемъ ежедневныхъ разговоровъ и сближеній она могла опутать своею хитро сплетенною паутиной Кошелькова и что случайныя встрѣчи съ намѣченною жертвой не подвинуть дѣла впередъ ни на шагъ.

Выпустить изъ рукъ такого волжскаго осетра было - бы и глупо и обидно. Слѣдовало придумать новую комбинацію, и въ этомъ направленіи у Феклушки заработали всѣ мысли, какія только у нея были...

Она кляла Акима Спиридоновича, быстро сообразившаго, чѣмъ пахнутъ всѣ эти „умыванія“ Ивана Кузьмича, такого-же слабаго смертнаго, какъ и онъ самъ, и съ лихорадочною поспѣшностью строила планъ за планомъ плѣненія сердца недалекаго саратовца, давно ужъ, „за многи дѣлы“, позабывшаго, что на бѣломъ свѣтѣ есть женщины, созданныя для мужчинъ; что у этихъ женщинъ есть чудныя, атласныя и бѣлыя, какъ сливки, руки; что у нихъ есть черные глаза, огоньки которыхъ вызываютъ къ жизни охладѣвшее сердце, грѣютъ замороженную душу, и есть особенныя чары, устоять передъ которыми суждено очень немногимъ. И даже эти немногіе остаются у мужчинъ подъ большимъ сомнѣніемъ.

Что Феклушка произвела сильное впечатлѣніе на заснувшаго въ дѣлахъ сластолюбца, въ этомъ она не сомнѣвалась, но чтобъ это впечатлѣніе не ослабѣвало, а росло въ немъ съ

каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, для этого необходимо было вертѣться передъ взыгравшимъ вдругъ духомъ и плотію Ивановъ Кузьмичемъ какъ можно чаще и дольше.

И Оеклушка, какъ бѣшеная, заметалась изъ стороны въ сторону, ища выхода изъ изгороди, которою ее окружилъ прозорливый Акимъ Спиридоновичъ.

Петръ, сойдя внизъ, зашелъ въ контору, гдѣ уже работали за высокими конторками два конторщика.

Онъ вспомнилъ, что и ему нужно было написать нѣсколько дѣловыхъ писемъ, и поэтому, когда онъ, освободившись, наконецъ, отъ „письма“, подходилъ къ столовой, тамъ уже всѣ были въ сборѣ и пили чай, который разливала Евдокія Ивановна.

Въ столовой о чемъ-то говорили, и Петръ, подойдя къ дверямъ, одна половина коихъ была не совсѣмъ плотно затворена, остановился, услыхавъ свое имя, громко произнесенное отцомъ.

— Жаль, очень даже жаль,— дошелъ до Петра голосъ Ивана Кузьмича,— такой, по видимости, здоровый и хорошій парень, и вдругъ такое несчастіе!

— За грѣхи мои несу наказаніе Божіе! — со вздохомъ отзывался Акимъ Спиридоновичъ.— Никого у насъ въ роду умалишенныхъ не было...

— Въ нашей фамиліи, дѣйствительно, папенька, этого не было,— прервалъ его Трофимъ,— а въ роду покойной маменьки было-съ...

— Развѣ было?

— Было-съ, избави насъ отъ лукаваго... У тетки ея, Анны Семеновны,— я ее чуть помню, потому младъ еще былъ въ тѣ поры,— сынъ Гавріиль умомъ помѣшался... Нашъ Петруня, значитъ, по Гавріилинымъ стопамъ пошелъ-съ...

Петра словно обухомъ ударили. У него задрожали ноги, и если-бъ онъ не схватился за стоявшій возлѣ стулъ и не сѣлъ на него, паденіе было-бы неизбѣжно...

— Господи, что-же это такое!— прошепталъ онъ, чувствуя, какъ у него зазвенѣло вдругъ въ ушахъ.

XLVII.

А разговоръ въ столовой продолжался. Говорили всѣ, кромѣ Евдокіи Ивановны, которая смотрѣла печальными глазами на стоявшій передъ нею чайникъ и всей душой жалѣла своего бывшего жениха.

Ей хотѣлось спросить своего будущаго свекра, показывали-ли Петра докторамъ, и если показывали, то что тѣ сказали.

Евдокіи Ивановнѣ казалось, что если-бъ Петра стали лѣчить какъ слѣдуетъ, онъ выздоровѣлъ-бы и женился на ней.

У всякаго человѣка есть несбыточныя надежды — онѣ, конечно, были и у Евдокіи Ивановны. Она сама видѣла, что съ Петромъ что-то творится, — что именно, она не знала, но что это „что-то“ — не сумашествіе, а или разстройство нервовъ, или-же начало какой-нибудь болѣзни, которую доктора могутъ вылѣчить.

Но она не спросила никого.

Не спросила потому, что въ ихъ средѣ лѣчиться у докторовъ не любили; лѣчились больше домашнимъ способомъ: пили всякія травы, парились въ банѣ, умывались съ уголька или утренними росами, а звали докторовъ только тогда, когда больному человѣку эти средства не помогали и онъ приготавлился отойти въ тотъ міръ, идѣ-же нѣсть болѣзней и печалей...

Такъ точно умерла ея мать, такъ точно умерли всѣ, которыхъ она знала и не знала.

Противъ Бога не пойдешь, всякому свой предѣлъ положень; Богу лучше знать, кому жить, кому помирать пришла пора!

Вопросъ о докторахъ такимъ образомъ оказывался бесполезнымъ. Спрыскивали-ли Петра водой съ уголька, умывали-ли его росами, — неизвѣстно; извѣстно только то, что и отецъ, и братъ признали Петра умалишеннымъ и лишили ее единственнаго человѣка, къ которому она питала нѣжное чувство.

Она молчала и только слушала, что говорятъ другіе, и испытывала неприятное чувство, видя возлѣ себя замѣстителя Петра — Трофима, не спускавшаго съ нея глазъ и улыбавшагося плотоядною улыбочкой.

Онъ нисколько не казался ни разстроеннымъ, ни огорченнымъ несчастіемъ, разразившимся надъ ихъ домомъ; не казался разстроеннымъ и самъ Акимъ Спиридоновичъ, терявшій въ

безумномъ человѣкѣ родного сына. Толькое еще ея отецъ морщился временами, вздыхалъ и встряхивалъ головой, какъ-будто желая сбросить съ себя давившую его тяжесть.

Иванъ Кузьмичъ, значить, жалѣлъ Петра, какъ она сама его жалѣла.

Жалѣли чужіе, а родные къ собственному своему горю относились такъ-же равнодушно, какъ равнодушно относятся къ чужому несчастію посторонніе люди.

Евдокіи Ивановнѣ хотѣлось сказать что-нибудь горькое и обидное и старику Перелѣскову, съ видимымъ наслажденіемъ и легкимъ присвистываніемъ пережевывавшему горячій калачъ со сливочнымъ масломъ, и этому, сидѣвшему рядомъ съ нею, братцу съ пошлою улыбочкой и глазками, подернутыми маслянистою влагой.

Ей хотѣлось оскорбить и отца, отомстить имъ всѣмъ хотя-бы только однимъ лишь взрывомъ негодованія за свою невольничью долю, за свои погибшія мечты и надежды,—но не могла сказать ни одного слова.

Она съ горечью сознавала свою безвольность, свой страхъ и безсиліе передъ старшими и молчала, затаивъ въ сердцѣ ненависть и злобу ко всему, что окружало ее съ малыхъ лѣтъ.

Петръ не слыхалъ, что говорили дальше въ столовой.

Онъ весь былъ поглощенъ тѣмъ, что уже слышалъ,—и поразилъ его не отецъ, который зналъ его мало, почти совсѣмъ не зналъ, хотя они и прожили подъ одною крышей тридцать лѣтъ; его и поразилъ и возмутилъ братъ Трофимъ, которому онъ добровольно уступалъ всѣ свои права по отношенію къ Евдокіи Ивановнѣ и въ жизнь котораго, полную самыхъ разнузданныхъ и безнравственныхъ проявленій, онъ никогда ни словомъ, ни дѣломъ не вмѣшивался.

„Что я ему сдѣлалъ? Что я ему сдѣлалъ?—шепталъ Петръ, дрожа всѣмъ тѣломъ.—Я у него никогда и ничего не отнималъ, а онъ отнимаетъ у меня разумъ, отнимаетъ жизнь... Подлецъ!“

Петръ сжалъ кулаки и поднялся со стула.

Ослѣпительною молніей сверкнули его глаза, а лицо побѣлѣло, какъ полотно.

Мысли вихремъ кружились въ головѣ, а на сердце легъ камень, который давилъ его до боли, до слезъ, до крика.

Черезъ минуту Петръ стоялъ уже среди столовой и бросалъ вызывающіе взгляды на всѣхъ, кто тамъ находился.

Акимъ Спиридоновичъ, замѣтивъ возбужденное состояніе

Петра, толкнулъ локтемъ сидѣвшаго возлѣ него Кошелькова и проговорилъ ласково:

— А, вотъ и ты, Петрунь!.. Садись чай пить. Евдокія Ивановна, налейте Петрунѣ чашечку чаю...

— Не надо... я не хочу! — крикнулъ хриплымъ голосомъ Петръ.

Наступило молчаніе. Акимъ Спиридоновичъ сдвинулъ брови и качнулъ головой. Остальные съ любопытствомъ уставились на Петра.

— Что-же вы замолчали? Говорите пожалуйста... Или, можетъ, я васъ стѣсняю? Такъ вы прямо скажите.

Трофимъ сорвался съ мѣста и затрусилъ къ Петру.

Петръ взглянулъ съ такою ненавистью и презрѣніемъ на брата, что тотъ невольно попятился назадъ и со страхомъ оглянулся на отца.

— А ежели не стѣсняю, говорите, — продолжалъ Петръ, собирая мысли, — только не лгите... Зачѣмъ лгать на живого человѣка? Вѣдь я живъ, папенька, не правда-ли? И пока я живъ, я.. я не позволю лгать на меня!.. Вы можете все сдѣлать, но то, что вы сдѣлаете, — будетъ подлостью и низостью... Да, низостью, папенька... и этой низости, этого непростительнаго грѣха ни вамъ, ни всѣмъ керженскимъ монастырямъ не замолить никогда...

— Не пойму я ничего, Петръ, — отвѣтилъ Акимъ Спиридоновичъ, — говоришь нескладныя рѣчи, такъ что путаница какая-то выходитъ...

Петра взорвало. Онъ подошелъ къ самому столу и въ упоръ посмотрѣлъ на отца.

— Это вы путаницу въ моихъ словахъ желаете видѣть, а я говорю правду: я сейчасъ слышалъ, какъ вотъ этотъ мерзавецъ, мой братецъ родной, изволилъ сказать, что я ума лишился...

— Господи! Да когда-же это было! — воскликнулъ, растерявшись, Трофимъ. — Да о тебѣ и помину не было.

— Ты лжешь, негодяй! Я своими ушами слышалъ, какъ твой поганый языкъ говорилъ эту ложь...

— Папенька, что-же это будетъ, избави насъ отъ лукаваго? — забормоталъ Трофимъ, то садясь, то вставая со стула. — Совсѣмъ даже немислимо.

— Ты слышалъ звонъ, да не знаешь, гдѣ онъ, — процѣдилъ сквозь зубы Акимъ Спиридоновичъ, снова подталкивая локтемъ Ивана Кузьмича.

— Да? Значить, никто изъ васъ не говорилъ, что я помѣшался? Никто?

— Приснится тоже человѣку, избави насъ отъ лукаваго...

— Такъ это я во снѣ, значить, слышаль, братецъ мой любезный? Во снѣ?

— Да ужъ видно, что такъ.

Петръ поблѣднѣлъ еще больше и обвелъ всѣхъ взглядомъ.

— Заговоръ! Всѣ... всѣ сговорились лгать... и прекрасно,— лгите... лгите... лгите... Значить, я и въ самомъ дѣлѣ помѣшался, коли слышу не то, что говорятъ... Ну, что-жъ, папенька, прикажите этому подлецу связать меня... Посадить на цѣпь... Убить во мнѣ послѣдній разумъ...

— Долготерпѣливъ у насъ папенька,— перебилъ Петра обозленный Трофимъ.— А то, дѣйствительно, тебя давно бы пора посадить...

Трофимъ не договорилъ. Петръ, не сознавая, что дѣлаетъ, схватилъ стулъ и бросилъ его въ брата. Раздался трескъ, и стулъ вмѣстѣ съ Трофимомъ полетѣли на полъ.

Всѣ вскочили со своихъ мѣстъ, и столовая огласилась истерическими воплями Евдокии Ивановны.

— Всѣ лгутъ, всѣ, — кричала она, колотясь головой о высокую спинку стула.

Акимъ Спиридонычъ выскочилъ изъ столовой и заоралъ на весь домъ.

— Эй... Кто тамъ... Люди! Сюда!

Иванъ Кузьмичъ бросился къ дочери, а Петръ, не посмотрѣвъ даже на барахтавшагося на полу брата, прошелъ мимо кричавшаго отца и спустился внизъ, весь дрожа отъ волненія.

— Нѣтъ Бога на землѣ! Нѣтъ Его въ людяхъ! — выкрикивалъ онъ, спотыкаясь на ступенькахъ и шатаясь, какъ пьяный. А дойдя до своей комнаты, онъ схватилъ себя за голову и пластомъ упалъ на постель.

Онъ такъ и пролежалъ въ безчувственномъ состояннн цѣлый день. Къ нему приходила Настя, спрашивала его, цѣловала, плакала надъ нимъ, а онъ смотрѣлъ на нее широко открытыми глазами и не видѣлъ ни ее, ни ея слезъ, ни сердечной боли, отражавшейся на ея лицѣ, и не слышалъ ея голоса.

На Петра нашло какое-то оцѣпенѣніе. Если бъ ему въ это время жгли руку, выдергивали волосы,—онъ не почувствовалъ бы ни малѣйшей физической боли.

Весь подъемъ своихъ нервовъ, всю силу негодованія и возмущенія онъ бросилъ тамъ, наверху, въ лицо насильникамъ, отнявшимъ у него разумъ, и теперь, когда наступила реакція, онъ потерялъ способность мыслить, видѣть и чувствовать.

Только къ вечеру онъ сталъ приходитъ понемногу въ себя и, вспомнивъ все, что произошло утромъ наверху, содрогнулся.

Петръ зналъ, что ему сцены, разыгравшейся въ столовой, не простятъ ни отецъ, ни братъ.

„Боже мой! Да ужъ не убилъ ли я его? — подумалъ онъ и почувствовалъ, какъ у него отъ ужаса поднимаются волосы. — Братоубійца... Каинъ... Почему же меня не берутъ и не везутъ въ острогъ? Вѣдь я убилъ его... Онъ упалъ на полъ, и я самъ видѣлъ, какъ его лицо покрылось кровью...“

Петръ вскочилъ съ постели и рванулъ дверь. Дверь оказалась запертою, ключа въ замкѣ не было.

— Меня заперли, какъ звѣря, чтобъ я не ушелъ и не наворилъ другихъ бѣдъ... Ну, что жъ, я не уйду... И могъ бы уйти въ окно, но я не уйду... Если я убилъ — сажайте меня въ острогъ, судите и ссылайте на каторгу... Я заслужилъ наказаніе...

Петръ заметался по комнаткѣ, поминутно посматривая на дверь и ожидая съ минуты на минуту прихода полиціи.

Было уже темно, когда до его слуха донесся легкій шумъ ключа, вкладываемаго въ замокъ.

Петръ застылъ въ ожиданіи чего-то страшнаго. Дверь отворилась, пропустивъ темную фигуру, и снова затворилась.

Петръ скорѣе почувствовалъ, чѣмъ узналъ, Настю.

— Настя! Голубка моя! — проговорилъ онъ, не двигаясь съ мѣста.

— Слава Тебѣ, Господи! — перекрестилась та въ темнотѣ. — Взмошелъ въ себя... Милый ты мой, соколь ты мой ясный, радость моя, — говорила Настя, обнимая Петра и прижимаясь къ нему.

— Настя! Скажи сперва: убилъ я брата или нѣтъ?

— Что ты, Господь съ тобой! Морду ему только стуломъ поцарапалъ, да шишку на лобъ посадилъ, — усмѣхнулась та. — Ничего, до свадьбы заживетъ!

— Гору ты съ меня сняла... а я измучился тутъ весь... Заперли меня, думаю — полицію ждутъ и боятся, чтобъ я не ушелъ...

— Да это я заперла, чтобъ никто тебя беспокоить не приходилъ.

— Что отецъ?

— Въ городъ ѣздилъ, а пріѣхалъ, долго съ Иваномъ Кузьмичемъ совѣщался. Слышала я, какъ онъ кучеру за батюшкой велѣлъ съѣздить и его привезти съ собой.

— За батюшкой? Зачѣмъ онъ отцу?

— И догадаться не сумѣю... Ежели Богу молиться Евдокія Ивановнѣ съ Трофимомъ, такъ у него сичасъ вся морда тряпками увязана.

— Трофимъ такъ и не уѣзжалъ изъ дому?

— Куда съ такимъ видомъ поѣдешь, — снова усмѣхнулась Настя, — на него сичасъ и взглянуть нельзя.

— До чего они меня довели, Настя!.. Я самъ не радъ теперь... Вѣдь могъ до смерти брата убить...

— Ну, Трофима не убьешь: онъ увертливъ... а Евдокія Ивановна заперлась въ своей комнатѣ и плачетъ... отецъ къ ней раза три подходилъ, такъ и не впустила его.

— Боже мой, Боже мой! Что они со мной сдѣлали! — схватился за голову Петръ. — Да тутъ и здоровый съ ума сойдетъ...

— А ты не сокрушайся, милый, Богъ не безъ милости... а коли худо что съ тобой сотворять, уйдемъ отседова...

Настя смолкла: ей послышался шорохъ за дверью. Кто-то пробовалъ отворить ее, но безуспѣшно.

— Петръ, это я! — раздался за дверью голосъ Акіма Спиридоновича. — Отвори, мнѣ надо съ тобой поговорить ..

Петръ сдѣлалъ движеніе, но Настя закрыла ему ротъ рукой.

Акімъ Спиридоновичъ подождалъ съ минуту и постучалъ. Отвѣта не послѣдовало.

Онъ попробовалъ постучать снова и затѣмъ, пробормотавъ что-то, отправился къ Трофиму.

Трофимъ смачивалъ чѣмъ-то лобъ, перевязывалъ его тряпкой и охалъ, посылая ко всѣмъ чертямъ полоумнаго братца.

— Это вы, папенька-съ? Прошу покорно садиться, — засуетился онъ, увидалъ вошедшаго отца.

Акімъ Спиридоновичъ молча повернулъ Трофима къ свѣту, поглядѣлъ на завязанный лобъ, на царапины на щекахъ и носу и проговорилъ:

— Изукрасилъ, нечего сказать!

— Какъ еще до смерти не пришибъ, избави насъ отъ лукаваго! — отозвался плаксиво Трофимъ. — Ну, помилуй Богъ — въ високъ-съ...: аминь! Крышка дубовая и никакихъ-съ! Конечно, и вамъ, какъ родителю, и мнѣ, какъ брату, жаль его,

полоумнаго, а все-таки принять мѣры слѣдуетъ... Нонче онъ меня стуломъ, а завтра васъ креслицемъ, которое потяжелѣше... Безумному человѣку все одно голову оторвать, что курицѣ, что человѣку...

— Надо, надо принять,—нахмурился Перелѣсковъ,—не хотѣлось бы мнѣ до твоей свадьбы, чтобы разговоровъ глупыхъ не было... Ну, а ужъ ежели еще что выкинетъ, придется, дѣлать нечего...

— Мнѣ васъ жаль, папенька... Я за васъ, собственно, опасаюсь, потому ваша жизнь для меня драгоцѣннѣе всего на свѣтѣ-сь.

— Ну, меня онъ не посмѣетъ... Я за попомъ посылалъ, чтобъ тотъ его посмотрѣлъ, а его дома нѣтъ... Завтра утромъ, значить, пріѣдетъ... Кстати и Богу помолимся.

— Папенька, что вы!—замахалъ Трофимъ руками. — Съ такой мордой-то молиться? Повремените-сь.

— Морда тутъ не при чемъ. Главное, чтобы окончить начатое... а до свадьбы она подживетъ Слышишь?

— Слушаю, папенька!

Перелѣсковъ снова осмотрѣлъ физіономію Трофима, сплюнулъ и вышелъ, бормоча себѣ подъ носъ:

— И хоть бы что стѣлу! Что значить—столяръ-го хорошій...

XLVIII.

Вечеръ въ домѣ Перелѣсковыхъ, по случаю утренней сцены, расклеился.

Евдокія Ивановна не выходила изъ своей комнаты; этого мало — она даже не пожелала ни обѣдать, ни ужинать.

Къ ея дверямъ подходитъ Иванъ Кузьмичъ, стучался, сердился, ругался, но она дверей не отперла и на всѣ потоки краснорѣчія отца отвѣчала стереотипною фразой:

— Я не выйду. Оставьте меня въ покоѣ.

Иванъ Кузьмичъ отъ такого сопротивленія только почесывалъ затылокъ и, багровѣя отъ сознанія собственнаго безсилія, ругался и бродилъ безцѣльно по пустыннымъ комнатамъ Перелѣсковскаго дома; минутами онъ призадумывался надъ упорствомъ дочери, не желавшей ни выйти, ни говорить съ нимъ,—съ нимъ, роднымъ отцомъ, которому она до сихъ поръ такъ охотно, такъ понятно и такъ раболѣпно повиновалась.

Онъ никогда не заглядывалъ въ тотъ мірокъ, въ которомъ

жила его дочь и — чѣмъ чертъ не шутить! — даже, пожалуй, мыслила. Послѣднее, по его мнѣнію, было самое скверное... Она могла жить, повиноваться отцу, предупреждать его желанія, получать за это отъ него всевозможные подарки, но мыслить, сознавать себя не бабою, а человѣкомъ — она не могла.

Не могла уже потому, что съ той самой несчастной минуты, когда его сынъ сталъ „вольнодумствовать“, — онъ погибъ безвозвратно.

Примѣръ брата долженъ научить глушую сестру. Кошельковъ зналъ, что онъ ни передъ чѣмъ не остановится и что если эта дѣвчонка посмѣетъ только сдѣлать попытку разрушить его планы, онъ такъ же безжалостно вышвырнетъ ее изъ дома, какъ вышвырнулъ когда-то погибшаго сына.

И вышвырнетъ не потому, что онъ жестокъ или не любитъ своихъ дѣтей, — совсѣмъ нѣтъ... Образъ сына и до сихъ поръ мерещится ему и заставляетъ Ивана Кузьмича съ душевнымъ жаромъ и горячими слезами молиться объ упокоеніи его „заблудшей“ души, — вышвырнетъ потому, что грубая, дикая сила не терпитъ сопротивленія и уничтожаетъ все, что становится ей на дорогѣ.

Съ этой точки зрѣнія Иванъ Кузьмичъ былъ правъ: не противился же онъ волѣ и желаніямъ своего покойнаго отца, дававшего ему и жизнь, и умѣнье приумножать состояніе, и самое состояніе. То же самое непротивленіе онъ долженъ видѣть и въ своихъ дѣтяхъ, а разъ они начинаютъ противиться — значитъ, ихъ обуялъ духъ сатаны, духъ гордыни, который долженъ быть искорененъ...

Сопротивленіе или, вѣрнѣе, „бабій капризъ“ дочери заставилъ, тѣмъ не менѣе, Ивана Кузьмича призадуматься и надъ совершавшеюся на его глазахъ драмой.

Петръ, котораго онъ полюбилъ, узнавъ его доброе, хорошее сердце во время своихъ пріѣздовъ въ Москву за товаромъ, теперь, именно сегодня утромъ, не казался уже ему лишившимся разума... по крайней мѣрѣ, это ему казалось потому, что такъ думала дочь, иначе она не кричала бы, что всѣ лгутъ, и не заперлась бы на цѣлый день въ комнатѣ.

Положимъ, и Евдокія Ивановна могла ошибиться и очень понятно почему: насколько Петръ былъ красивъ и добръ; настолько Трофимъ былъ безобразенъ и жестокъ.

Могъ ошибиться и онъ, не умѣвшій отличить не только здравомыслящаго отъ потерявшаго разумъ, но даже честнаго человѣка отъ вора. Благодаря своему громадному дѣлу на матушкѣ Волгѣ, Иванъ Кузьмичъ имѣлъ массу служащихъ.

изъ которыхъ и грабили его почти въ-открытую именно тѣ, кому онъ вѣрилъ безусловно, и онъ этого не видѣлъ и всѣ доносы на нихъ считалъ подлою завистью.

Немудрено поэтому, что онъ не могъ разобраться въ чужомъ умѣ, казавшемся для него всегда неразрѣшимой загадкой.

Иванъ Кузьмичъ пыхтѣлъ, багровѣлъ, хватался то за лобъ, то за затылокъ и, не находя надлежащаго выхода изъ затрудненія, рѣшилъ, что Акимъ Спиридоновичу лучше, чѣмъ кому-либо знать, рехнулся Петръ или нѣтъ.

Трофимъ тоже не явился ни къ обѣду, ни къ ужину. Не то, чтобы ему было стыдно за понесенное „посрамленіе“ отъ брата. Юродь! Что съ него взять-то! Онъ кому попало можетъ такое посрамленіе нанести. А просто не хотѣлось являться на глаза невѣсты съ перевязками да багровыми синяками,

Трофимъ инстинктивно сознавалъ, что запугивать будущую жену своимъ испорченнымъ портретомъ не слѣдуетъ.

Онъ всегда завидовалъ Петру и не любилъ-то его больше всего за то, что тотъ въ сравненіи съ нимъ былъ красавцемъ, о которомъ говорили всѣ, въ особенности дамскій полъ, и съ которымъ искали случая завязать знакомство; если бъ Петръ не былъ такимъ нелюдимомъ, онъ непременно покорилъ бы всѣ рогожскія сердца, а на долю Трофима остались бы одни только пустяки.

А Трофимъ былъ и сластолюбивъ, и гордъ; гордъ потому, что принадлежалъ къ громкой фамиліи Перелѣсковыхъ, предъ которою гнули спину всѣ, заискивающе посматривая въ глаза представителямъ этой старинной и богатой фамиліи.

Петръ всегда плохо понималъ Трофима и поэтому ему не вѣрилъ. Трофимъ, наоборотъ, отлично зналъ Петра и, пользуясь младенческимъ невѣдѣніемъ брата, извлекалъ отовсюду для себя выгоды.

И въ особенности отъ отца, считавшаго Трофима и дѣльцомъ, и умницею.

Завѣщанія Акимъ Спиридоновичъ, какъ и большинство стариковъ, боявшихся умереть только потому, что они напишутъ такое завѣщаніе, — не дѣлалъ, но, прихварывая, иногда совѣщался съ своимъ духовнымъ отцомъ—Тимоееимъ.

— Я думаю такъ, батюшка, — говорилъ Акимъ Спиридоновичъ, смотря всегда на иконы. — Половину состоянія оставить Трофиму, яко рабу моему и не лукавому, и не лѣнивому, четверть этому... Петру... а четверть достальную на поминъ души и благодѣянія... Какъ вы насчетъ сей моей мысли?

Отець Тимоѳей склонялъ голову надъ стаканомъ съ чаемъ и со вздохомъ отвѣтствовалъ:

— Ваша воля, Акимъ Спиридоновичъ.

— Знаю, что воля моя, — поглаживалъ тотъ бороду, — и никто ее у меня отнять не возможетъ... а я совѣта спрашиваю, какъ у отца духонаго... чтобъ противъ совѣсти чего не восплѣдовало...

Отець Тимоѳей усердно пилъ чай, обжигая губы, и наконецъ, смотря тоже на иконы, говорилъ:

— У меня сичасъ трое сыновъ. Домикъ есть, хламокъ нѣкоторый... Капиталовъ особенныхъ нѣту, но тышенокъ десятокъ есть. Такъ я вотъ и говорю своей женѣ: „помру я, все тебѣ, потому дѣти не въ надлежащемъ возрастѣ; а возрастуть, взойдутъ въ разумъ, всѣмъ раздѣли поровну, дабы насъ съ тобой, во гробѣ сушихъ, попреками не гревожили... А вамъ, Акимъ Спиридонычъ, я никакихъ совѣтовъ давать не могу: вы—корабль, а я—ладья утлая...

Акимъ Спиридоновичъ задумывался, вздыхалъ, и, встрѣтившись снова съ отцомъ Тимоѳеемъ, заговаривалъ съ нимъ о духовномъ завѣщаніи.

А о. Тимоѳей, краснѣя и нагнувшись надъ стаканомъ, говорилъ ему о томъ, о чемъ говорилъ не разъ: что у него есть домикъ, есть хламокъ и т. п.

Такъ завѣщанія Акимъ Спиридоновичъ и не написалъ. Трофимъ это зналъ и въ душѣ ругалъ старика, котораго онъ ублажалъ сверхъ мѣры, а въ дѣло клалъ и душу, и всѣ силы.

„Безъ духовной помреть, — думалъ онъ, — это какъ пить дать, избави насъ отъ лукаваго! И ни за что, ни про что я долженъ все съ Петькой пополамъ дѣлать... Какой онъ работникъ для дѣла, спрашивается? Напишетъ письмо тамъ на фабрику, да поболтаетъ часъ-другой съ покупателемъ, только и всего дѣла... На фабрикѣ разъ въ годъ бываетъ, а по вечерамъ сидитъ дома съ моей дохлой да книжки читаетъ...“

Трофиму временами становилось обидно, что отецъ, вслѣдствіе своего глупаго суевѣрія, не вознаградитъ его по заслугамъ, но обида эта скоро проходила: стоило ему только закатиться въ Грузины и повидать Любашку, какъ онъ забывалъ и о несправедливости отца, и о подавлявшей его красотѣ брата Петра.

Акимъ Спиридоновичъ и обѣдалъ, и ужиналъ, и чай пилъ съ однимъ только Иваномъ Кузьмичемъ.

Обоимъ было какъ-то неловко. Разговоръ не вязался. И тому, и другому казалось, что они совершили что-то подлое,

а что именно—о томъ одинъ только Господь Богъ знаетъ, а они сами этого понять не могутъ.

Совершенно что-то нехорошее, но можно утѣшиться тѣмъ, что если-бы это „нехорошее“ было противно Богу, то Онъ не допустилъ-бы ему совершиться.

И у Акима Спиридоновича, и у Ивана Кузьмича — логика была одинаковая, и поэтому неудивительно, что оба они, совершивъ это что-то „нехорошее“ и внутренне тревожась о совершенномъ, вмѣстѣ съ тѣмъ находили, что иначе и быть не могло...

— Молиться завтра-то, али какъ? — спросилъ за ужиномъ Ивана Кузьмича Акимъ Спиридоновичъ.

— Помолимся, — отвѣтилъ тотъ, — дѣло рѣшеное...

— Ужъ очень у Трофима морда испорчена, — почесалъ въ затылкѣ Акимъ Спиридоновичъ и посмотрѣлъ критически на дубовые стулья, выстроенные въ рядъ вдоль стѣны, — какъ еще не уколотилъ онъ съ безумныхъ глазъ Трофима...

— Это пустое, — отмахнулся Кошельковъ, — до свадьбы, главное, поджила-бы...

— Подживетъ... Свадьбу - то, свать, когда намъ пировать?

— Это ужъ отъ тебя, Акимъ Спиридонычъ зависяще. Помоему, скорѣй-бы окрутить... А то пойдуть тутъ разговоры да толки съ перетолками.

— По мнѣ хоть чрезъ недѣлю... Въ недѣлю, думаю, Трофимова рожа подживетъ...

— Чрезъ недѣлю, такъ чрезъ недѣлю...

— Ладно.

— Вотъ только насчетъ Петра Акимыча, — нерѣшительнымъ тономъ произнесъ Кошельковъ... Ты какъ свадьбу - то думаешь сдѣлать? По домашнему, али...

— Мы не краденые! — вспыхнулъ Перелѣсковъ, — Перелѣсковыхъ вся Россія знаетъ...

— Кошелькова тоже, свать, не въ обиду тебѣ сказать, не только Россія, но даже и въ Персидской землѣ уважають, — не безъ достоинства замѣтилъ Иванъ Кузьмичъ.

— Не спорю. Такъ вотъ ты и посуди, какъ - же намъ съ тобою свадьбу крадучись сдѣлать? Согласно это съ нашей гордостью, али нѣтъ?

— Несогласно.

-- Такъ и толковать тутъ нечего.

— Я больше насчетъ поврежденій Трофима Акимыча... Заживутъ-ли, молъ?

— Заживуть!—произнесъ Акимъ Спиридоновичъ съ такой увѣренностью, какъ-будто все зависѣло отъ его желаній.

— Такъ. А насчетъ Петра Акимыча? Ловко - ли его допустить на свадьбу? Я противъ этого собственно ничего не имѣю, свать...

— Допускать нельзя,— авторитетно изрекъ Перелѣсковъ,— большому человѣку покой нуженъ, а не пиры...

— Ну ужъ это твое дѣло, свать... Я такъ только, къ слову замѣтилъ...

— Да ужъ объ этомъ не безпокойся... Все устрою по благолѣпному, чтобы ни тебѣ, ни мнѣ стыда не было... Удивляюсь я только, свать, на разстройство Евдокии Ивановны... ни обѣдать не пришла, ни чай пить, ни ужинать.

— Дѣвичье дѣло,— свать, глупое... разума нѣтъ, а слезы сколько хочешь. Слезу, что росу, солнце встѣ... а сичасъ оно на западѣ... Вотъ завтра утречкомъ встанетъ оно, красное, и Дунькины глаза высушить...

Иванъ Кузьмичъ поднялся, простился со сватомъ и мимоходомъ завернулъ къ дочери...

На сей разъ дверь была отперта. Иванъ Кузьмичъ вошелъ въ комнату и увидаль Евдокию Ивановну, сидѣвшую, понуря голову, у окна.

Онъ подошелъ къ ней и помычалъ. Евдокия Ивановна даже не повернула головы.

— Завтра молиться... съ Трофимомъ,— проговорилъ онъ,— такъ ты того... чтобъ быть готовою...

Евдокия Ивановна, закрывъ лицо руками, зарыдала.

Кошельковъ махнулъ рукой и вышелъ, проговоривъ на ходу:

— У меня расправа короткая... Чтобъ завтра этого не было!

Иванъ Кузьмичъ снова разстроился. Его не трогали слезы дочери, а просто неприятно было, что всѣ его приказы стали омываться слезами.

„И слезищъ-жъ у дѣвокъ, безъ конца!“— подумалъ онъ, входя въ свою комнату и встрѣчая тамъ незнакомаго ему мужика.

— Тебѣ, любезный, чего здѣсь?— спросилъ онъ, съ удивленіемъ смотря на глупо-улыбавшуюся физиономію молодца въ красной рубахѣ и сапогахъ, вонявшихъ дегтемъ

— Для услуги присланъ,— отвѣтилъ тотъ, кланяясь.

— Кто тебя прислалъ?

— А читалка... Оеклуша...

Иванъ Кузьмичъ поморщился и, отославъ мужика, проговорилъ:

— Уходи, братъ... никакихъ мнѣ твоихъ услугъ не надо...

Мужикъ вышелъ, громко стуча сапогами, а Иванъ Кузьмичъ подошелъ къ окну, въ которое лѣзли голыя вѣтви березъ, и подумалъ:

„Съ характеромъ дѣвка! Значить, совладать съ собою не можетъ, коли мужика прислала!“

Онъ раздѣлся, помолился Богу (и, покряхтывая, легъ въ постель. Отъ свѣчи, стоявшей возлѣ кровати на стулѣ, заходили по потолку и стѣнамъ уродливыя тѣни. И чѣмъ больше колыхалось пламя отъ движеній его самого и отъ одѣяла, которымъ онъ покрывался, тѣмъ (эти тѣни становились безпокойнѣе и уродливѣе.

Иванъ Кузьмичъ смотрѣлъ на нихъ и думалъ о томъ, что теперь, слава Богу, кажется, все устроилось какъ слѣдуетъ. Завтра они помолятся Богу, чрезъ недѣлю сыграютъ свадьбу, и онъ вернется въ свой родной Саратовъ одинъ, оставивъ тяготившую его обузу въ Москвѣ, гдѣ ему лишній день казался за мѣсяць, а недѣля за годъ.

Онъ вернется къ себѣ одинокимъ, и въ его громадномъ домѣ, съ громадными окнами, большими покоями и тяжелой мебелью, станетъ еще безлюднѣе и тоскливѣе.

Въ первый разъ въ жизни, лежа въ этой постели, разобранной какимъ-то сквернымъ мужикомъ, обутымъ въ сквернопахнувшіе сапоги, онъ невольно задалъ себѣ вопросъ: для чего онъ прожилъ жизнь, работая съ ранняго утра до поздней ночи, волнуясь отъ всякой неудачи и создавая себѣ тревогу глупѣйшими мелочами, на которыя ушли его и молодость, и зрѣлость, и на которыя уходитъ наступающая старость?

Всю жизнь работалъ, чертъ знаетъ для чего! Работалъ для Трофима, за котораго онъ и дочь-то выдаетъ только потому, чтобъ надъ нимъ не смѣялись въ Саратовѣ! Для себя онъ почти и не жилъ. Да и когда было жить, если торговыя дѣла всюду требовали и его глаза, и его распоряженія!

Ивану Кузьмичу отъ такихъ мыслей стало жарко. Онъ приподнялся на локоть, посмотрѣлъ на мигавшую свѣчу и дунулъ на нее...!

Огонь погасъ, и спальня погрузилась въ темноту. Слабое мерцаніе теплившейся лампы предъ иконами освѣщало лишь суровые лики святыхъ, обряженныхъ въ оклады, низанные

жемчугомъ, да уголь стѣны, въ которомъ помѣщался иконостась.

Онъ закрылъ глаза, и передъ нимъ моментально выросла Оеклушка со своими черными „жуками“, бѣлоснѣжными полными руками и высокою грудью, бурными волнами ходившей подъ немудрымъ, ситцевымъ сарафаномъ.

И ему представилось, какъ эта Оеклушка, разодѣтая въ шелковое платье, ходитъ по его покоямъ, выгоняя изъ нихъ проклятую скуку одиночества, и, прищуривъ на него свои огнистые жучки, говоритъ своимъ, проникающимъ въ его старое сердце, голосомъ:

— А я вамъ, Иванъ Кузьмичъ, нынче къ обѣду ваши любимыя пельмени приготовила!..

Скрипнула дверь, чья-то тѣнь шмыгнула.

— Не спите, Иванъ Кузьмичъ?

Иванъ Кузьмичъ такъ и подпрыгнулъ на постели.

— А я вамъ водицы студеной принесла... Можетъ, ночью-то испить захотите...

Стукнулъ графинъ о стулъ, зазвенѣлъ подсвѣчникъ.

Кошельковъ соскочилъ съ постели и крикнулъ:

— Оеклуша!

Но Оеклушки уже не было.

Иванъ Кузьмичъ, дрожа отъ холода, добрался ощупью до двери, отворилъ ее и снова крикнулъ:

— Оеклуша! Постой! Оеклуша!

Въ темнотѣ замирали удалявшіеся шаги Оеклушки...

XLIX.

Скверную ночь провелъ Иванъ Кузьмичъ благодаря мимолетному визиту Оеклушки.

Читалка додумалась своимъ умомъ, какъ привязать къ себѣ вдоваго саратовца: нынче графинъ съ водой принесетъ, завтра—графинъ съ квасомъ, послѣ завтра—туфли, которыя мужикъ забылъ поставить къ кровати „дорогого гостя“... Подразнить стараго дуралея и увильнетъ. И приказа хозяйскаго она не нарушитъ, и Ивану Кузьмичу такой видъ подастъ, какъ-будто разорваться вся для него, голубчика, готова, да больше всего на свѣтѣ репутаціей своею дорожить...

Пройденная Оеклушкой школа жизни научила ее многому: и дурному, и хорошему, и глупому, и умному. Оставалось

только примѣнять къ дѣлу свою „выучку“, смотря по обстоятельствамъ и глядя по людямъ. По тону голоса Ивана Кузьмича она поняла, что задѣла его за сердце, или, какъ она говорила сама, „раскалила глыбу ледяную“. Всѣхъ проведетъ она: и премудраго Акима Спиридоновича, и маломудраго Трофима, и совсѣмъ ужъ немудраго саратовца!

И взыграло у Ѳеклушки сердце до того, что временами и биться переставало: замреть до того, что побѣдѣтъ вся и хоть сейчасъ умереть готова!

Чешетъ она пятки свосму Акиму Спиридонычу, а сама думаетъ: „жива не буду, ежели себѣ пятки чесать Ивана Кузьмича заставлю!“

Утромъ Кошельковъ вышелъ изъ своей спальни пасмурнымъ, какъ осенній день. Много онъ передумалъ за эту безсонную ночь, многое рѣшалъ, вновь перерѣшалъ, а когда вышелъ въ залъ да встрѣтилъ какъ-будто нечаянно попавшуюся ему на глаза Ѳеклушку, такъ даже вспыхнулъ весь, чего съ нимъ лѣтъ пятьдесятъ не было.

А Ѳеклушка ему въ поясъ кланяется и, сверкая своими подлыми „жуками“, съ добрымъ утромъ поздравляетъ...

Оглянулся окрестъ Иванъ Кузьмичъ и остановился. И Ѳеклушка остановилась, но только ужъ безъ „оглядки“, потому ежели-бы кто былъ возлѣ да около, такъ Кошельковъ прямо-бы, безо всякихъ роздыховъ, въ столовую прослѣдовалъ.

— Ты что-же это... а? — спросилъ онъ тихо, любуясь напускнымъ смущеніемъ Ѳеклушки. — Звалъ вчера, а ты ровно сквозь землю провалилась!..

— Про дѣвку, золотой, всякую низкость могутъ сказать и каждый эфтой низкости повѣрить... А я свою честь соблюсти желаю... И не для людей, Иванъ Кузьмичъ, а ради души своей спасенія... Ты ужъ не обезсудь сироту...

Поклонилась снова Ѳеклушка Ивану Кузьмичу, обвела его истомительнымъ взглядомъ, да и была такова.

Смотрить ей молча вслѣдъ Кошельковъ и думаетъ:

„Не уѣду я безъ нея въ Саратовъ... Ни за что не уѣду!“

И такъ хватилъ кулакомъ по креслу, что оно затрепало и полетѣло въ сторону...

Въ столовой онъ засталъ Акима Спиридоновича, мирно бесѣдовавшаго съ „отцомъ“ Тимоѳеемъ о новомъ „владыкѣ“, котораго имъ Бѣлокриница поставила.

Увидавъ вошедшаго гостя, Акимъ Спиридоновичъ прервалъ разговоръ и пошелъ навстрѣчу Ивану Кузьмичу.

Кошельковъ оказался политичнѣе, чѣмъ думалъ о немъ Перелѣсковъ... Онъ обошелъ столъ, подошелъ къ о. Тимоѳею, сдѣлалъ поклонъ, коснувшись правою рукою пола, принялъ отъ него благословеніе и, облобызавшись съ нимъ троекратно, направился къ свату.

Акимъ Спиридоновичъ почесалъ въ затылкѣ и мигнуть Тимоѳею.

Послѣдній, поклонившись обоимъ, вышелъ изъ столовой.

— Что-же это я... помѣшалъ, что-ли, вамъ? — спросилъ Кошельковъ.

— Ни, ни, свать... О. Тимоѳею на часикъ отлучиться по дѣлу надо, а потомъ онъ вернется Богу молиться...

Кошельковъ успокоился и подсѣлъ къ шумѣвшему самовару, за которымъ уже сидѣлъ и разливалъ чай Перелѣсковъ.

А Тимоѳей, пройдя перелѣсковскіе аппартаменты насквозь, спустился внизъ и, поправляя на ходу свою черную, воронова крыла, браду, очутился въ комнатѣ Петра.

Петръ, совсѣмъ одѣтый, читалъ положенныя утреннія молитвы, крестясь на иконы. Услыхавъ скрипъ двери, онъ повернулъ голову и пришелъ въ нѣкоторое смятеніе, увидавъ Тимоѳея.

— Домаливайся, Петръ Акимычъ, — ободрилъ тотъ его, — домаливайся.. И я съ тобой помолюсь..

Молились оба и молились долго. Покончивъ съ молитвами, Петръ, принявъ благословеніе отъ Тимоѳея, пригласилъ его сѣсть.

Тимоѳей сѣлъ и съ нѣкоторымъ смущеніемъ сталъ всматриваться въ Петра. Петръ молчалъ, ожидая объясненія необычнаго визита своего духовнаго отца.

— Ну, какъ себя чувствуешь, Петръ Акимычъ? — прокашлявшись, спросилъ Тимоѳей, видимо задавшій вопросъ, не идущій къ дѣлу.

— Слава Богу, о. Тимоѳей, — отвѣтилъ Петръ, начиная понимать причину посѣщенія батюшки. — Да васъ, видно, отецъ прислалъ ко мнѣ?

Тимоѳею стало неловко. Онъ закашлялся и покраснѣлъ. Тимоѳей понималъ такъ, что на него, совсѣмъ простого человека, ни разу не мудрствовавшаго лукаво, человека добраго въ душѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и зависящаго отъ такихъ персонъ въ старообрядческомъ мірѣ, какимъ былъ Акимъ Спиридоновичъ Перелѣсковъ, взвалили тяжелую, даже ужасную, миссію — поговорить съ Петромъ и обязательно убѣдиться въ

томъ, что тотъ потерялъ разумъ, и о семъ, конечно, засвидѣтельствовать предъ своею паствою.

Кому-же больше и вѣрить, какъ не отцу родному и отцу духовному!

Можетъ-быть, въ первый разъ въ жизни Тимоѳеѣй пожалѣлъ о томъ, что его, скромнаго тенора въ хорѣ пѣвцовъ Рогожскаго кладбища, довольствовавшася такимъ - же скромнымъ вознагражденіемъ, какъ и онъ самъ, приносившаго съ богатыхъ поминовеній по „душѣ усопшаго раба или рабы“ домой дѣтишкамъ кусокъ стерляди изъ выхлебанной ухи, въ который обязательно были вдавлены яблоко съ грушей или слива съ персикомъ,— потому что пѣвцы все, что приносили съ „поминовенія“, складывали въ одинъ карманъ,— Тимоѳеѣй, говорю, можетъ-быть, первый разъ въ жизни пожалѣлъ о томъ, что его сдѣлали пастыремъ такихъ неугомонныхъ, такихъ дикихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такихъ подавленныхъ и безправныхъ овецъ, какими были Перелѣсковы.

И невольно приходилось жалѣть, потому что необходимо было кривить совѣстью въ ту или другую сторону.

Что могъ понимать въ психикѣ человѣка пѣвецъ, пѣвшій по крюкамъ каноны, ѣздившій „славить“ и „славословить“ по богатымъ единовѣрцамъ ради лишняго пряника, лишней кумачевой рубашки для своихъ дѣтишекъ и не имѣвшій ни малѣйшаго понятія о душевной жизни этихъ единовѣрцевъ.

Представленіе объ этой жизни складывалось изъ анекдотовъ, усердно разносимыхъ прислугой, и только. Та внутренняя жизнь, тотъ душевный складъ, которые такъ разнообразны и почти неуловимы для посторонняго, для Тимоѳея, понятно, были китайскою грамотой.

Своихъ духовныхъ чадъ онъ видѣлъ не часто и соприкасался съ ними въ крайнихъ случаяхъ: человѣкъ женится, умираетъ или просто желаетъ въ своей моленной помолиться съ попомъ,— его приглашаютъ; поятъ чаемъ, ставятъ предъ нимъ икру, мадеру, говорятъ съ нимъ или про Рогожское кладбище, на которое точно изъ мѣшка сыплются жалобы прихожанъ, или про „владыку, кого-то и когда-то обидѣвшаго, или что-нибудь про „божественное“, а затѣмъ забываютъ про него до тѣхъ поръ, пока не придетъ кому-нибудь въ голову мысль помолиться, какъ слѣдуетъ, съ попомъ, жениться, очиститься отъ грѣховъ путемъ покаянія или умереть...

Недаромъ говоритъ русская пословица, что „чужая душа—потемки“, а для старообрядческихъ поповъ души ихъ чадъ были всегда тьмою кромѣшной.

Естественно, что совѣстливый Тимоѳей, присланный къ Петру отцомъ, „смятохся скорбною душой“ и сидѣлъ передъ нимъ въ молчаніи, какъ человѣкъ, которому предложили вопросы, разрѣшить кои не въ состояніи не токмо его, простецки-поповскій, умъ, но даже и превыспренне-владычный, осѣненный бѣлокриницкою благодатію...

— Вы скажите мнѣ, отецъ Тимоѳей, прямо, — заговорилъ Петръ, напрасно ждавшій вопросовъ отъ посланнаго отца. — Вы прямо скажите, что вамъ отъ меня потребно?..

— Петръ Акимовичъ, — отвѣтилъ тотъ, не смотря на Петра, — ты странно судишь какъ-то... Да, во-истину странно... Какъ-будто я не могу къ тебѣ зайти, будучи у родителя?

— А вы не хитрите, о. Тимоѳей! — прервалъ его Петръ. — Вся ваша хитринка бѣлыми ниточками шита... Конечно, я весьма радъ видѣть своего духовнаго отца у себя, но хитрить-то къ чему-же? Я знаю, чего отецъ хочетъ, я знаю, что ему надо...

Петръ невольно заволновался и приподнял тонъ.

— Ему нужно, чтобы Трофимъ женился на моей невѣстѣ... Господи, Боже мой! Владыка всесвятый и всемилостивый! Да я съ душевной радостью ему невѣсту уступаю, ибо и жениться не намѣревался, и, вамъ, какъ отцу духовному, прямо скажу: не въ совѣсть она мнѣ...

— Не гордыня-ли это въ тебѣ говорить, Петръ Акимовичъ?

— Во мнѣ—гордыня? Во мнѣ?—вскочилъ Петръ и забѣгалъ по комнаткѣ. — Да вы не бойтесь, о. Тимоѳей, я въ здоровомъ умѣ... Это братецъ постарался ославить меня юродомъ да ума лишеннымъ... Да какая-же тутъ гордыня можетъ быть, ежели все творится по волѣ папеньки? Вы сами, о. Тимоѳей, разсудите... Давно вы меня знаете, полагаю... еще пѣвцомъ къ намъ въ моленную ходили и ребятишкамъ своимъ вишенъ выпрашивали... а я, отъ отца украдкой, ночью ихъ рвалъ и вамъ подъ полой приносилъ.

— Было это все, было, Петръ Акимовичъ,—вздыхнулъ Тимоѳей, все болѣе и болѣе смущаясь.

— Я не въ укоръ вамъ это напоминаю, напротивъ... Дѣтей у меня нѣтъ, да и не могло быть, потому не женатый я, а дѣтишекъ люблю... Души у нихъ простыя, безхитростныя... Божьи души... ну, и люблю... Приѣдетъ жена къ дворнику или къ кучеру съ мальчонкой или съ дѣвчонкой... черномазые этакіе да дикіе, ровно звѣрье: отъ cadaго человѣка за версту бѣгутъ да прячутся... а я за ними... И знаете, о. Тимоѳей, какой случай былъ? Приѣхала къ дворнику жена съ мальчон-

кой... лѣтъ четырехъ этотъ мальчонка... пузанъ... а я не зналъ... иду въ садъ... прошлымъ лѣтомъ это было... онъ на дворѣ на палочкѣ верхомъ ѣздитъ... Какъ увидалъ меня, сперва обомлѣлъ, глупышъ, отъ страха, а потомъ и ударился въ бѣгство.

Петръ, вспоминая „пузана“, расхохотался. Расхохотался и Тимоѣй, вспоминая, вѣроятно, своихъ „пузановъ“.

— Я ему: „мальчикъ, мальчикъ, постой!“ Куда тебѣ! Бросился за конюшню, я за нимъ, а за конюшней кадка стояла... для сточной воды съ крышъ, знаете... Онъ оглянулся, да въ кадку, а въ кадкѣ-то вода на полъ-аршина...

— Ахъ, Владычица! — всполошился Тимоѣй и даже всталъ со стула.— У меня одинъ такъ-то чуть не утопъ... Ну, что-жъ, захлебнулся?

— Ну, вотъ!.. — разсмѣялся снова Петръ.— Да развѣ я до этого допустилъ-бы? Намокъ только весь и водицы со страху хлебнулъ... Схватилъ я его, мокраго, и ташу къ себѣ, а онъ реветъ и за волосы меня деретъ, а мнѣ смѣшно, о. Тимоѣй!..

— Да какъ-же не смѣшно-то, Петръ Акимовичъ! — усмѣхался радостною улыбкой Тимоѣй. — Этакій, съ позволенія сказать, карапузъ и хозяйскаго сына за волосы деретъ!..

— Принесъ я его къ себѣ и говорю: „не ори, мальчонка, а то тятка за твое купанье крапивою выдеретъ...“ Что же вы думаете: стихъ!

— Стихнешь, — участливо замѣтилъ Тимоѣй,— крапива-то не свой братъ... Меня покойный родитель ея потчевалъ... Ну, ну?

— Стихъ! Вынулъ ему апельсинъ и говорю: „ѣшь! ѣшь и рубашонку снимай, мы ее въ кухнѣ высушимъ... а то узнаетъ тятка съ мамкой и отдерутъ...“ Что же вы думаете, о. Тимоѣй? Такіе мы послѣ этого съ Митрошкой, — Митрофаномъ его звали, — такіе пріятели стали, что водой не разольешь: пріѣду изъ лавки, а онъ ужъ у меня сидитъ и ругается: „ты что же это,—говорить,—не ѣдешь? Я тебя цѣльный день здѣсь сижу да жду!“... — А у меня, о. Тимоѣй, только и думы въ лавкѣ — чего бы Митрошкѣ нынче привезти: орѣховъ лущеныхъ въ сахарѣ или пѣтушковъ сахарныхъ.

Тимоѣй, улыбавшійся блаженною улыбкой, сорвался съ мѣста, быстро поклонился въ ноги Петру и, обнявъ его, проговорилъ съ волненіемъ:

— Спаси тебя Христось и въ семь вѣцѣ, и въ будущемъ!

— За что, о. Тимоѣй? — едва проговорилъ растерянный Петръ.

— А за дѣтишекъ и за малыхъ сихъ... По-евангельски живешь...

Тимоеей отвернулся и высморкался.

Онъ долго стоялъ такъ, вытирая клѣтчатымъ платкомъ то носъ, то глаза, и когда повернулся къ Петру, на его лицѣ не было и слѣда улыбки.

— Я никому зла не желаю, о. Тимоеей,—почти въ раздумьѣ, про себя, проговорилъ Петръ,—дѣлаю все, что отецъ хочетъ, и не понимаю, чего ему отъ меня нужно? И за что онъ меня не любитъ?

Тимоеей, сморщивъ брови, подошелъ къ Петру и положилъ ему на плечо руку:

— Петръ Акимовичъ! По себѣ сужу и по многимъ... Хорошихъ людей у насъ не любятъ... Да и зачѣмъ ихъ любить и жалѣть, ежели они и лучше, и добрѣ ихъ? Фарисеи рази любятъ мытарей? Живой грѣшникъ рази благоговѣтъ передъ живымъ праведникомъ? Запачкаютъ его праведность и сами въ угодники полѣзутъ... Ума, вишь, въ тебѣ нѣту... А что такое умъ, Петръ Акимовичъ? Кто можетъ его постигнуть? Никто! Ума нѣтъ! Разума отсутствіе! Фарисеи! А у нихъ души нѣтъ... И сердца никакого... Да что... Прости имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ...

— О. Тимоеей!.. Если вы отъ отца пришли... Не вѣрите вамъ я не смѣю... Можетъ, и отъ себя... А ежели отъ отца — скажите ему... ради Создателя скажите, что я противъ него не иду... Видите меня сами... Я весь тутъ, и ничего сокровеннаго передъ вами. . Но одно только... Не вяжутъ пусть... Воздуха не лишаютъ... О. Тимоеей!..

Петръ склонилъ голову и заплакалъ.

Тимоеей подошелъ къ Петру, отвелъ его руки отъ лица и, указывая дрожавшимъ пальцемъ на иконы, проговорилъ со слезами на глазахъ:

— Есть Богъ, Петръ Акимовичъ! Есть! Молись... И я съ тобой молиться стану... Авось двоихъ-то... услышитъ Всемилостивый...

L.

Вернувшись навёрхъ, смущенный о. Тимоѳеѣй засталъ въ столовой всѣхъ.

Евдокія Ивановна съ блѣднымъ, разстроеннымъ лицомъ сидѣла у стола, потупивъ глаза, а Трофимъ, пощупывая раненныя мѣста физіономіи, стоялъ у окна и хмурился. Старики, не обращая на нихъ вниманія, продолжали вести бесѣду, которая уже давно перестала интересоваться того и другого.

О. Тимоѳеѣй съ озабоченнымъ лицомъ отвелъ Акима Спиридоновича въ смежную комнату и, заикаясь и путаясь въ словахъ, доложилъ ему, что Петра онъ нашелъ въ здоровомъ умѣ и что никакихъ признаковъ умопомѣшательства онъ, по совѣсти, въ немъ не замѣтилъ.

— Это потому, что ты не живешь съ нимъ и видишь рѣдко, а вотъ, попробуй, поживи и узнаешь, какой у него полный разумъ!—замѣтилъ Акимъ Спиридоновичъ, поглядывая насмѣшливо на смущенное лицо о. Тимоѳея.—Онъ авчера чуть до смерти не убилъ Трофима стуломъ...

— Не видалъ я сего...

— Вотъ то-то, не видалъ! Мы всѣ видать начинаемъ, какъ насъ самихъ стуломъ по башкѣ бить начнутъ... Поди, полюбуйся на Трофима, какъ малоумный его разукрасилъ...

— И у здравыхъ умомъ, Акимъ Спиридоновичъ, и ссоры всякія, и драки, и увѣчья бываютъ,—резонно замѣтилъ о. Тимоѳеѣй.— Не поладили, можетъ, въ чемъ, ну, и вышла катавасія!

— Это при мнѣ-то они посмѣли бы не поладить? При мнѣ? Ну, ты этого, батка, какъ я вижу, понимать не можешь,—проговорилъ сурово Акимъ Спиридоновичъ, смотря съ пренебреженіемъ на позаношенный кафтанъ о. Тимоѳея.—Вотъ, разницу промежъ акаѳистомъ и канономъ ты понять можешь, а отличить больного отъ здороваго—тебѣ не дано... Идемъ Богу молиться!

Акимъ Спиридоновичъ круто повернулся на каблукахъ и зашагалъ въ столовую. О. Тимоѳеѣй покраснѣлъ и, смотря на морщинисто-желтую шею Перелѣскова, поплелся за нимъ виноватыми стопами...

Евдокія Ивановна, поставленная рядомъ съ Трофимомъ, ни разу на него не взглянула; мысли ея были такъ далеки ото всего, происходившаго вокругъ нея, что она пришла въ себя только тогда, когда очутилась снова въ своей комнатѣ и уви-

дѣла Настю, поздравлявшую ее съ нареченнымъ женихомъ. Евдокія Ивановна сперва не поняла ея словъ, но, вникнувъ въ смыслъ ихъ, вскрикнула отъ сердечной боли.

Настя вздрогнула и поблѣднѣла. Ей знакома была эта боль, крикъ которой она душила подушками, когда узнала, что любимаго ею человѣка женятъ на другой.

Она не знала, что Евдокія Ивановна ужъ успѣла полюбить Петра, но, любя его, была увѣрена въ томъ, что лучше Петра нѣтъ ни одного мужчины на свѣтѣ и поэтому всѣ женщины должны любить его.

Настя понимала горе Евдокии Ивановны и жалѣла ее, какъ умѣютъ жалѣть русскія женщины всѣхъ несчастныхъ и угнетенныхъ: и душою, и сердцемъ.

Онѣ обѣ молча плакали, и когда Евдокія Ивановна съ рыданіями обняла Настю и проговорила:

— Ахъ, Настя! Ежели бы ты только знала, какая я несчастная!

— Не виновата я, Евдокія Ивановна,—отвѣтила та, крѣпко сжимая вздрагивавшую отъ рыданій невѣсту.—Ни въ чемъ не виновата...

— Не тебя я виню, и винить мнѣ тебя не въ чемъ, а свою судьбу несчастную...

— Ахъ, Евдокія Ивановна, голубка моя золотая, у всѣхъ у насъ судьба одна... Всѣ мы подкидыши, а кому какое счастье выпадетъ, про то никто изъ насъ не вѣдаетъ: подкинутъ добродушному человѣку—холить да беречь станетъ, подкинутъ злющему да подлому—жизнь отравить и душу всю вымотаетъ...

— Не знаю я Трофима Акимовича,—прошептала Евдокія Ивановна, вытирая слезы,—ты больше его знаешь, Настя...

— Совсѣмъ не знаю, Евдокія Ивановна... Сказываютъ—добрый, а тамъ кто жъ его знаетъ...

— Нѣтъ, ты знаешь... ты живешь здѣсь, какъ же человѣка не знать?..

— Господи! Да наше ли дѣло хозяевъ разбирать? Хлѣбомъ кормятъ, жалованье платятъ, а какъ они живутъ—до насъ не касается... Акимъ Спиридоновичъ, знаю, твоего жениха очень любитъ и за человѣка съ большимъ умомъ считаетъ... Что слышала отъ другихъ, то тебѣ и сказываю. . И съ первою женой, говорятъ, ладно жилъ, да только хворая она у него была, такъ что, можетъ, что и творилъ несуразное... А худого особеннаго о немъ я ничего не слышала...

Евдокии Ивановнѣ стало какъ-будто легче отъ Настиныхъ словъ. Нервно вздрагивая отъ потухавшихъ рыданій, она под-

сѣла къ открытому окну и жадно потянула въ себя свѣжій весенній воздухъ.

Ярко свѣтило солнце. Неугомонный хоръ птицъ безъ умолку стрекоталъ въ вѣтвяхъ столѣтнихъ липъ и ясеней, а съ береговъ Яузы доносились радостныя взвизгиванія мальчишекъ-рыболововъ.

Весна шла навстрѣчу всему живущему, а живущее шло навстрѣчу веснѣ.

Что-то радостное и доброе было въ этомъ временномъ сближеніи. Пробивалась травка изъ земли навстрѣчу ласковымъ лучамъ солнца, трепетали сами лучи, озаряя счастливою улыбкой все живущее, бились усиленно сердца людей, чувствовавшихъ и красоту, и ласки чарующей весны, а глаза, тусклые и холодные, какъ осень и зима, свѣтились жаждою жизни и надеждою на любовь и счастье...

Широко раздувая дрожавшія страстью ноздри, стояла позади Евдокіи Ивановны Настя и, глотая волны весенняго воздуха, думала уже не о той, кого она жалѣла сейчасъ, которую оплакивала чистыми слезами души, а думала о своемъ миломъ, о радости своей жизни, о своемъ дорогомъ Петрѣ Акимовичѣ, и горячо благодарила Бога за то, что Онъ хотя и допустилъ лишить его разума, но отъ нея не отнял...

Петръ послѣ посѣщенія о. Тимоѳея сталъ собираться въ городъ, какъ къ нему явилась Ѳеклушка съ своею обычною нахальною улыбочкой. Петръ поморщился и вопросительно уставился на кланявшуюся ему читалку.

— Отъ папеньки вашего прислана, Петръ Акимовичъ,—проговорила она и посмотрѣла на него жаднымъ взглядомъ, какимъ обыкновенно смотритъ охотникъ на дичь, подпустившую его на выстрѣлъ.—Просить васъ такъ, чтобы вы въ городъ не уходили безъ его дозволенія.

Петръ молча сбросилъ съ себя сюртукъ и, напяливая на плечи домашній кафтанъ, отвѣтилъ:

— Видишь? Чего же ты ротъ разинула? Убирайся вонъ!

Ѳеклушка, переминаясь съ ноги на ногу, не двигалась съ мѣста.

— Одного я не понимаю, Петръ Акимовичъ,—говорила Ѳеклушка своимъ пѣвучимъ голосомъ,—за что вы на Ѳеклушку-сироту гнѣвитесь? Не по своей волѣ творю, а по волѣ пославшаго мя...

— Съ чего ты взяла, что я на тебя гнѣваюсь?—проговорилъ Петръ, сознавая свою несправедливость въ данномъ случаѣ.— Скажи отцу, что я не уйду, никуда не уйду... А не вѣрять—запри и ключъ ему отдай...

— Что вы, Петръ Акимовичъ!.. Господь съ вами! Да зачѣмъ запираетъ васъ, сами подумайте? Да ежели бы Акимъ Спиридоновичъ такую глупость мнѣ сдѣлать приказали, такъ я бы наотрѣзъ отказалась... Не знаете вы Ѳеклушки, Петръ Акимовичъ, сердца моего сиротскаго не знаете, а обижаете..

У Ѳеклушки и глаза слезой затуманились, и руки задрожали.

— И не вѣрьте вы никому, что я вамъ вреда какого ни на есть желаю,—сдѣлала она шагъ впередъ,—никому не довѣряйте... Отецъ родной скажетъ—вралемъ назовите...

Петръ смутился. По своей добротѣ и довѣрчивости ему даже стало жаль Ѳеклушку.

— Да я ничему не вѣрю... и никому... Да мнѣ никто и не говорилъ про тебя что-либо дурного... Ты напрасно, Ѳеклуша...

— Ну, вотъ, спаси Христось,—радостно заговорила та, кланяясь въ ноги Петру,—вотъ, спаси Христось!.. А ужъ очень мнѣ это обидно, не въ переносъ даже, что ты на меня гнѣвишься... Думаю: Господи! Владычица Небесная! Никакого зла я Петру Акимовичу не желала, а онъ на меня сердце имѣетъ...

Ѳеклушка подошла совсѣмъ къ Петру, смотрѣвшему на нее виноватыми глазами, и, оглянувшись на дверь, проговорила:

— А что Трофимъ Акимовичъ у тебя подлостью своей невѣсту взялъ, благодари Господа Бога денно и ночью... Передъ иконами святыми тебѣ говорю, не будетъ ему счастья ни въ семь вѣцѣ, ни въ будущемъ...

— Да я, Ѳеклуша, добровольно ему Евдокію Ивановну уступилъ...

— Душа у тебя, Петръ Акимовичъ, ангельская... Всѣ мы твоей душѣ да золотому сердцу удивляемся... и, прости ты меня за мое слово правдивое: лобызать твои ручки и ножки Ѳеклушка готова, а не токмо что противъ тебя какую злобу али ненависть имѣтъ... А Трофимъ Акимовичъ за свои козни раскается... пострадаетъ Каинъ за Авеля... и по дѣламъ своимъ наказаніе понесетъ... Вѣрь ты сиротѣ, Петръ Акимовичъ!

Ѳеклушка снова поклонилась Петру и вышла, затворивъ за собою дверь.

Петръ долго стоялъ, не двигаясь съ мѣста, а затѣмъ, подсѣвъ къ окну, взялъ въ руки „Кормчую“.

А Оеклушка, идя по корридору, усмѣхалась злою усмѣшкой. Еще два-три такихъ ея посѣщенія, и юродь-Петръ станеть считать ея преданною ему и жалѣющей его всѣмъ сердцемъ.

Для чего это было ей нужно? Она и сама не знала. Такъ ужъ, по привычкѣ финтить передъ всѣми, вилять хвостомъ и добродѣтельной казаться. А, можетъ, и полюбить. Старикъ-Кошельковъ, положимъ, отъ нея не уйдетъ... Она всѣ силы и умъные приложить къ тому, чтобы такая крупная рыба, какъ Иванъ Кузьмичъ, не сорвался съ закинутой ею удочки, но вѣдь тотъ—старикъ, а этотъ—молодой и холостой... Есть у него что-то съ Настькой, чего она, несмотря на всю свою хитрость, до сей поры выслѣдить не могла, ну, да что такое Настька?.. Такая же читалка, какъ и она... Чѣмъ она хуже ея?

За ней, вонъ, всѣ увиваются, а Настасья такъ себя держитъ, что никому и охоты нѣтъ за ней бѣгать. Гордячка! И горда, и глупа. Своихъ „антиресовъ“ не понимаетъ. И въ ея близость къ юроду-Петру она какъ-то въ послѣднее время вѣрять перестала. Такого нелюдима, какъ онъ, надо заморозить и въ полонъ взять, а Настасья со своимъ „гордыбачествомъ“ этого никогда не сумѣеть.

Трофимъ женится. Трофимъ прямо прописалъ ей отставку чистую,—и шубу еще, гляди, зажилить, потому знаетъ она хорошо Трофимово благородство: посулить и надуеть. Взятки съ него, лѣшаго, гладки... А у ней въ сундукахъ много еще есть мѣста пустого!

Надо Петромъ заняться... Почему знать, можетъ, это пустое мѣсто и заполнится!

Было уже часовъ одиннадцать, когда, наконецъ, Акимъ Спиридоновичъ, отправляясь послѣ „нареченія“ въ лавку, зашелъ къ Петру.

Петръ даже похолодѣлъ весь отъ такого визита. А Акимъ Спиридоновичъ, поздоровавшись съ сыномъ, сѣлъ на стулъ и показалъ рукою Петру на другой.

— Въ лавку не ходи... слышалъ?—проговорилъ Перелѣсковъ послѣ минутнаго молчанья.

— Какъ вамъ угодно, папенька...

— Мнѣ такъ угодно. А почему, я тебѣ сичасъ скажу: неудобно. И вообще, Петръ, тебѣ на люди показываться зря нечего...

— Понимаю... Заточить человѣка ни за что ни про что воленъ всякій, у кого сила и власть есть!—съ нервной дрожью въ голосѣ отвѣтилъ Петръ, смотря на отца, медленно поглаживавшаго бороду.

— Умъ у тебя въ разбродѣ, оттого и говоришь такъ. Не въ заточеніи дѣло, пойми, а чтобы тебѣ же, дураку, сраму лишняго не было. Перемолились мы сичасъ, такъ что тебѣ до свадьбы какъ бы вродѣ больного придется состоять... Понялъ?

Петръ молчалъ, понутивъ голову.

— Ты же самъ и руками и ногами отбрыкивался отъ Евдокии Ивановны, а Трофиму она въ совѣсть... Ну, я и рѣшилъ: и тебя отъ обузы излишней избавить, и Трофима вознаградить... Ты противъ этого ничего не имѣешь?

— Положительно ничего, папенька... Я весьма вамъ благодаренъ за это...

— Ну, вотъ видишь... Все это хорошо, только ославленъ ты... Можешь ты понять, какъ это выйдетъ, ежели покажешься въ городѣ? Твоя невѣста и вдругъ за брата выходитъ замужъ.

— И пускай... Я всякому скажу, что она мнѣ не по сердцу была...

— Тебѣ это все равно, да мнѣ неудобъ. А вотъ какъ не покажешься ты мѣсяца три въ люди, всѣ и поймутъ, почему не тебя я женилъ на Кошельковой, а Трофима...

— Другими словами, папенька, говоря, вы меня умопомѣшаннымъ сдѣлаете?—поднялся Петръ со стула.—Ваша воля... можете задушить меня, повѣсить, зарѣзать...

— Не говори глупостей!—стукнулъ по столу кулакомъ Перелѣсковъ.—Ни рѣзать, ни вѣшать такого дурака, какъ ты, я не стану... Умопомѣшанный! А что такое—умопомѣшанный? Всякій можетъ временно ума рехнуться, а потомъ и въ себя взойти... Ну, и ты взойдешь черезъ три мѣсяца...

Акимъ Спиридоновичъ всталъ и пошелъ къ двери.

— Въ саду можешь гулять,—остановился онъ.—На Яузѣ рыбу ловить, а въ люди чтобъ ни шагу... понялъ? А начнешь противиться—извини: смирю! Да такъ смирю, что, можетъ, потомъ всю жизнь жалѣть будешь, что отца не слушалъ...

Старикъ, не ожидая отвѣта отъ сына, вышелъ изъ комнаты. Петръ бросился-было за нимъ съ сжатыми кулаками, но остановился, вспомнивъ слова духовника: „есть Богъ, есть, молись Ему“!

Онъ поднялъ глаза на иконы, но руки поднять не могъ, потому что ее крѣпко держала Настя, стоявшая все время за дверью и шептавшая ему на ухо:

— Милый мой! Сердечный! Золото ты мое червонное! Не терзай своего сердца... Не дамъ тебя въ обиду... Никому не дамъ! Ну, а теперь молись... да со слезами... какъ я вотъ молюсь...

И Настя, рыдая, ударилаь лбомъ о полъ, вздрагивая плечами.

LI.

Давно не былъ такимъ веселымъ Акимъ Спиридонычъ, какъ въ день объясненія съ Петромъ.

Все было улажено какъ слѣдуетъ: и „колѣнъ“ отъ Петьки страшиться было нечего, и любимчикъ-Трофимъ кошельковскіе милліоны заграбастаетъ. Одному только удивлялся Акимъ Спиридонычъ: какъ это Петръ, смирившійся въ конецъ предъ отцомъ теперь, не хотѣлъ этого раньше сдѣлать?

Правда, Евдокія Ивановна ему не въ совѣсть была, да вѣдь женится же онъ, чертъ его дери, на комъ-нибудь! Да еще, гляди, на безприданницѣ, а тутъ милліоны... вся Волга, поди, въ этихъ милліонахъ сидитъ! Коли перетряхнутъ эти милліоны, такъ стонъ отъ нихъ пойдетъ!

Безсребренникомъ Петра тоже назвать нельзя: отъ деньги не отворачивается... Прямо умъ у него несоотвѣтственный... Гдѣ козломъ скачетъ, а гдѣ и бабой плачетъ!

Поѣхалъ онъ послѣ обрученія въ городъ съ Кошельковымъ и дорогою рѣчь о приданомъ завелъ:

— Ну, свать, теперича у насъ, слава Богу, все въ порядкѣ, кажется?—спросилъ онъ у Ивана Кузьмича.

— По видимости, все какъ слѣдуетъ,—отвѣтилъ добродушно тотъ, тоже довольный тѣмъ, что все, наконецъ, кончилось къ общему благополучію.

— Такъ. Только вотъ какъ насчетъ награды съ твоей стороны дочери...

Иванъ Кузьмичъ помолчалъ, какъ будто раздумывая. Перелѣсковъ смотрѣлъ въ сторону и раскланивался со встрѣчными знакомыми.

Только уже, подѣвжая къ Варварскимъ воротамъ, Кошельковъ повернулся къ свату и проговорилъ:

— Знаешь, свать, я маленько того... передумалъ...

— Насчетъ чего?—вздогнулъ тотъ.

— Насчетъ вознагражденія. Деньгами хочу дать... Имѣніе, понимаешь, дѣло заглазное, и имъ не къ рукѣ... Вѣрно вѣдь?

— По моему, умно, — весело улыбнулся Перелѣсковъ, уже давно сомнѣвавшійся и въ цѣнности, и въ доходности имѣнія, до котораго въ три недѣли не доскачешь.

— Ну, вотъ видишь... Ужъ коли ты одобряешь, значить, я такъ теперича и сдѣлаю... У меня имѣніе всегда подъ руками: и доѣдешь самъ, и доглядишь, а Трофиму Акимовичу гдѣ за нимъ углядѣть...

— Умно, свать... ей Богу, умно. Конечно, дочь твоя и воля твоя: какъ захотѣлъ, такъ и наградишь... Отцу родному никто указывать не смѣетъ... У меня вотъ сичасъ два сына, а помру, такъ еще неизвѣстно, какъ я награжу Трофима и какъ награжу Петра... Моя воля... А потомъ меня суди, какъ знаешь... мнѣ наплевать...

— Вотъ и я такъ разсуждаю: какъ хочу, такъ и награжу... а начнутъ мнѣ указывать, гроша мѣднаго не дамъ...

— Такъ ты билетами, значить, хочешь, свать? Государственными?

— Думаю такъ.

— Дѣло! — хлопнулъ по плечу Кошелькова Перелѣсковъ. — А захотятъ, и сами имѣніе выгодно купятъ, которое къ Москвѣ поближе...

— Я такъ и думалъ.

— Только, свать, ты больше давай, — шутливо толкнулъ плечомъ Кошелькова Акимъ Спиридоновичъ. — Одна у тебя дочь Евдокія Ивановна-то, а Трофимъ у меня — не человѣкъ, а золото. Приумножить! Приумножить, свать! Это не Петръ, у котораго мозги не работаютъ, а Трофимъ — мѣдный пятакъ посеребрить, да за рубль спустить...

— Ну, это того, свать...

— Къ примѣру говорю, а ты что-же его за фальшиваго монетчика, что-ль, считаешь?

— Къ примѣру ежели — дѣло другое... Милліонъ даю...

— А ты прибавь, — снова толкнулъ плечомъ развеселившійся Перелѣсковъ, — не скупись, свать!

— Помру, все одно, ей достанется...

— Ну, это какъ сказать: чужой смерти дожидаться, свою жисть сокращать! И я, вотъ, такъ же думаю: помру, три четверти моего состоянія Трофиму оставлю, а когда еще это будетъ, одному Богу извѣстно...

— Я, свать, чувствую, проживу недолго.

— Да и я такъ думаю, что долго не протяну: то грудь за-

ложить, то въ ноги ревматизмъ вступить, то руки ломать начнетъ... А они люди молодые, имъ жить надо... дѣти пойдутъ... то мнуки, то мнучки... а ты, дѣдушка, не скупись...

— Ладно. Вотъ когда пойдутъ мнуки, въ тѣ поры и подбавка пойдетъ, а сейчасъ — больше не дамъ. Главное, раньше рѣшилъ.. да и такъ еще думаю, что все одно, гдѣ билетамъ не лежать: въ моихъ сундукахъ или въ твоихъ?

„Скупъ, старый чертъ! Охъ скупъ!“ — подумалъ Перелѣсковъ, слѣзая у своего ряда изъ экипажа, и проговорилъ вслухъ, улыбаясь:

— Въ Москвѣ, свать, сундуки-то прочнѣе, лондонскіе!

— И у насъ въ Саратовѣ, свать, тоже аглицкіе: съ музыкою-то мудреной, — кладешь деньги въ сундукъ — веселую пѣсню играетъ, а начнешь вынимать — похоронный маршъ затянетъ...

И сваты съ веселой улыбкой зашагали по ряду.

Кошельковъ недолго пробылъ въ лавкѣ у свата. Да и Перелѣсковъ только заглянулъ въ „меморіаль“, спросилъ о двухъ — трехъ покупателяхъ, которыхъ онъ ждалъ, и уѣхалъ. И тому, и другому, по случаю предстоящей свадьбы, предстояла масса заботъ и хлопотъ.

Трофимъ, вслѣдствіе испорченной стуломъ фізіономіи, выходитъ не могъ, и поэтому Акимъ Спиридоновичу пришлось вѣзвалить все хлопотливое бремя на свои плечи.

Вернулся онъ домой поздно и зашелъ прежде всего къ Трофиму, который, оказалось, послѣ обѣда съ невѣстой, отвѣчавшей односложными „да“ и „нѣтъ“, а больше молчавшей, спустился къ себѣ внизъ и съ горя занялся шкафикомъ, въ которомъ хранились завѣтныя наливки и настойки. Увидавъ вошедшаго Акіма Спиридоновича, Трофимъ втянулъ въ себя воздухъ, чтобъ не смутить отца ароматомъ черно-смородиновки, и поздоровался съ нимъ.

— Ну, какъ морда? — были первыми словами Акіма Спиридоновича.

— Слава Богу, папенька, лучше-съ!

— Покажись-ка... м-м-м... не пройдетъ въ недѣлю.

— Пройдетъ-съ, папенька... я свою рожу знаю-съ... Что новаго въ городѣ-съ? — спросилъ Трофимъ, перемѣняя неприятный разговоръ.

Акимъ Спиридоновичъ слѣлъ и тщательно, обѣими руками, разобралъ бороду.

— Съ хлопотами-то мало пробыль въ лавкѣ. А я тебѣ новость скажу и очень даже для насъ пріятную...

— Пріятное и слушать пріятно, папенька...

— Ъдучи давеча въ городъ съ Иваномъ Кузьмичемъ, повелъ я съ нимъ разговоръ насчетъ приданаго...

Трофимъ, стоявшій предъ отцомъ и заложившій руки за спину, насторожился.

— Такъ-съ. Да ужъ у Ивана Кузьмича дѣло рѣшено, папенька, какъ зараньше: половину — деньгами, половину — имѣніемъ...

— Передумалъ къ нашему благополучію...

— То-есть, какъ-съ?

— Все милліономъ, деньгами отдаетъ... „Гдѣ, говоритъ, имъ за имѣніемъ усмотрѣть“... и правильно! Умно!

Трофимъ поблѣднѣлъ даже отъ такого извѣстія. Ему именно этого-то и не нужно было. Онъ подозрительно посмотрѣлъ на довольное, улыбающееся лицо отца и проговорилъ:

— Вѣроятно, это вы его надумили, папенька?

— И не думалъ. Самъ, дуракъ, догадался. Чертъ его знаетъ, какое-бы онъ тамъ имѣніе всучилъ... Я, братъ, этому саратовскому жулью мало довѣряю.

— Помилуйте, папенька, я знаю это имѣніе... Да я бы на вашемъ мѣстѣ ни за что-бы не согласился...

— А ты откуда знаешь имѣніе?

— Да что я олухъ, что-ли? Да я давно ужъ о немъ справочки навелъ... Помилуйте, двадцать тысячъ десятинокъ... да оно одно милліона стоитъ.

— Милліонъ! Очень широко, Трофимъ, ты шагаешь!.. Чтобъ Иванъ Кузьмичъ отдалъ тебѣ милліонное имѣніе за пятьсотъ тысячъ, да этого и во снѣ не увидишь. Человѣкъ всю Волгу ограбилъ и вдругъ тебѣ, дураку, такое благоволеніе. Еще скажи это мнѣ Петръ, — дѣло десятое, а тебѣ стыдно отцу такія глупыя рѣчи говорить.

— Папенька, да я вѣрныхъ людей про это имѣніе опрашивалъ.

— Вѣрныхъ людей на свѣтѣ нѣту... Есть только умные да глупые, а вѣрныхъ земля еще родить не умудрилась. Себѣ, Трофимъ, вѣрь, разуму своему да глазу, а больше никому... А человѣки всѣ — либо обмануть, либо соврутъ... Я, вотъ, въ жизни своей никому не вѣрилъ и доволенъ. А почему? Потому, Трофимъ, что какъ ты наперекоръ людямъ сдѣлаешь, все хорошо да складно выходитъ...

— Значить, вы и мнѣ, папенька, не вѣрите? — съ нескрываемымъ неудовольствіемъ спросилъ Трофимъ.

— Это ты къ чему? — поднялъ голову Акимъ Спиридоновичъ.

— Вообще-съ. Разъ вы начали такой недовѣрчивый разговоръ... Выходить такъ, по вашимъ словамъ, что вы и мнѣ не довѣряете...

Перелѣсковъ усмѣхнулся и, поднявшись со стула, постукалъ пальцемъ по лбу Трофима.

— Отъ Петькина стула ты поглупѣлъ, али отъ волненіевъ по случаю свадьбы, шутъ тебя разберетъ, но понимать ты отца нонче не можешь, — проговорилъ Акимъ Спиридоновичъ и пошелъ къ двери. — Что ты такое? — остановился онъ у дверей. — Плоть отъ плоти моя и кровь отъ крови моей... Такъ ежели я себѣ вѣрю, значить, вѣрю и тебѣ... А билетами много спокойнѣе... Заперъ ихъ въ сундучокъ, безъ грѣха и опаски, да обстригай ихъ, яко власы, егда сроки купонамъ настануть... Ножницы отдай поточить: затупились! Съ мѣсяцъ я, кажется, тебѣ твержу...

— Отдалъ давно, папенька... На этой недѣлѣ готовы будутъ - съ!

— Ладно. Что, бишь, я тебѣ еще хотѣлъ сказать? — схватился старикъ за лобъ. — Да! Почему ты не съ невѣстою?

— Достаточно ужъ ей надоѣлъ-съ... да и она, папенька, въ такомъ состояніи, которое я понимать долженъ-съ... Не надо глаза мозолить... Потомъ все это въ свою колею взойдетъ, а сичасъ утруждать собою Евдокію Ивановну не слѣдуетъ-съ...

— Гм... не все еще, значить, у тебя Петька стуломъ отшибъ... Правильно разсуждаешь... Ужинать придешь?

— Не думаю, папенька... Да и Евдокія Ивановна, я такъ полагаю, тоже не придутъ... Потому она въ обалдѣніи, избави насъ отъ лукаваго! Да это ничего - съ... обойдется...

— Еще-бы, у насъ, да не обошлось... Ну, я того... ушелъ!

Акимъ Спиридоновичъ вышелъ, а Трофимъ забѣгалъ по комнатамъ, подбѣгая чрезъ каждыя четверть часа къ шкафчику.

Всѣ его планы рушились. Запретъ билеты Акимъ Спиридоновичъ къ себѣ въ сундучокъ и понюхать ихъ не дастъ Трофиму!

И чѣмъ больше подбѣгалъ онъ къ шкафчику, тѣмъ больше и больше озлоблялся на отца, лишившаго его возможности совершить аферу и устроить свои дѣла такъ, какъ онъ хотѣлъ...

„Старый чертъ, избави насъ отъ лукаваго! — ругался онъ, брызжа слюной,— вретъ все... Самъ все провидѣть и надумилъ саратовскаго дурака! На кой мнѣ дьяволъ его деньги и билеты, отъ которыхъ я ничего отгрызть не могу?!.. Судьба моя подлая... ни въ чемъ мнѣ нѣту ни счастья, ни удачи... Что ни задумаешь—все прахомъ летить... Тьфу! Евдокія Ивановна рыло на сторону воротить, въ мечтахъ полное разстройство, морда разбитая... Чертъ знаетъ, что за жизнь!..“

Трофима больше всего безпокоила, неожиданно случившаяся смерть дисконтера его векселей: умеръ онъ три дня тому назадъ и, не далѣе, какъ вчера, наслѣдникъ этого господина прислалъ ему записку, въ которой коротко и ясно было сказано, что онъ, наслѣдникъ, не желая продолжать нелегальную дѣятельность своего папеньки, проситъ приготовить ему деньги въ двухмѣсячный срокъ, въ противномъ случаѣ онъ вынужденъ будетъ обратиться за платежомъ къ Акимъ Спиридоновичу.

Трофимъ, получивъ эту записку, только улыбнулся, будучи увѣренъ въ томъ, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ онъ успѣетъ не только уплатить долгъ, но и купить, будоражившую его купецкія „чувствы“, цыганку Любашку. Теперь-же, послѣ разговора съ отцомъ, онъ увидалъ подъ своими ногами разверзшуюся пропасть, изъ которой никто его не вытянетъ... Онъ зналъ отца, зналъ и то, на что тотъ былъ способенъ, провѣдавъ что-либо неблаговидное про своихъ дѣтей.

У другихъ сыновей родители довольствовались „выволочкой“ и „ндравоченіемъ“, а Акимъ Спиридоновичъ былъ такого же дикаго склада, какъ и Кошельковъ, выгнавшій изъ дома родного сына.

У такихъ людей, какъ Перелѣсковъ и Кошельковъ, слѣпой любви къ своимъ дѣтямъ не было да и не могло быть. Они любили ихъ по особенному, по-своему любили до тѣхъ поръ, пока эти отпрыски, иногда даже съ сѣдыми бородами, вели себя какъ малыя дѣти, боящіяся малѣйшаго окрика, едва замѣтнаго движенія руки всевластныхъ родителей...

Трофиму стало жутко отъ одной этой мысли, и онъ позабывалъ Петру, этому юроду, не знавшему ни увлеченій, ни заблужденій, ни разгула, въ которомъ погибаетъ сплошь и рядомъ все, что только есть въ человѣкѣ здороваго и добраго.

Выходъ былъ у Трофима: надо настроить своего тестя такъ, чтобъ онъ не мудрилъ-бы по-новому, а сотворилъ-бы по прежде надуманному. Согласится-ли только, вотъ вопросъ?

Надо попытаться. Въ крайнемъ случаѣ, если-бъ не удалось это, у него въ запасѣ оставался ресурсъ: уѣхать съ женою въ Саратовъ и обдѣлать тестя, какъ ему хочется.

При умѣ Трофима, при его ловкости, угодливости, умѣньѣ подлаживаться подъ всякій характеръ и самодурство, такая „обдѣлка“ не составила-бы для него особеннаго труда, тѣмъ болѣе, что и отецъ его и онъ самъ знали Ивана Кузьмича за человѣка недалекаго.

Кошельковъ ловокъ и хитеръ былъ только въ своемъ торговомъ дѣлѣ: въ умѣньѣ обдѣлывать дѣлишки такъ, чтобъ каждый затраченный рубль приносилъ десять барыша; въ остальномъ-же прочемъ, по мнѣнію Перелѣсковыхъ, въ знаніи жизни, въ общеніи съ людьми и т. п., былъ непроходимо глупъ.

Обойти такого господина и въ особенности Трофиму, проводившему отца и зачастую водившему его за носъ, ничего не стоило.

Но Трофимъ былъ жаденъ. Кошельковскіе милліоны были хороши, но еще лучше, если-бъ присоединить перелѣсковскіе... Ничего не хотѣлось потерять: ни своей, ни чужой копейки!

И Трофимъ, волнуемый страхомъ и думами, заметался, какъ въ предсмертной агоніи, по комнатамъ...

ЛII.

Ивану Кузьмичу дѣйствительно пришлось ужинать только съ глазу на глазъ съ Акимомъ Спиридоновичемъ. Евдокія Ивановна отговорила съ головою болью, а Трофимъ, заранѣе объявивъ отцу о нежеланіи присутствовать за ужиномъ, конечно, не явился.

Старики, не взирая на одиночество, поужинавъ съ аппетитомъ, выпили бутылки двѣ „старой“ мадеры московской фабрикаціи, отъ которой трескались каменные стѣны, но купеческія головы выдерживали ее безо всякаго посрамленія.

Простившись со сватомъ и зайдя въ свое помѣщеніе, Иванъ Кузьмичъ увидалъ неизбежное рыло дворника въ дегтярныхъ сапогахъ.

Проворчавъ ему: „уйди“,— онъ открылъ широко двери и спустился внизъ къ Трофиму, который, не ожидая такого визита, сидѣлъ въ затрапезномъ халатикѣ за столомъ и тянулъ наливку, закусывая ее солеными огурцами.

Приходь будущаго тестя, заставшаго его врасплохъ, очень сконфузилъ Трофима. Онъ такъ и замерь съ поднесеннымъ ко рту соленнымъ огурцомъ, наполнявшимъ комнату ароматомъ чеснока.

— Иванъ Кузьмичъ, избави насъ отъ лукаваго!—вскочилъ Трофимъ со стула, роняя огурецъ и загораживая другой рукой бутылъ съ наливкой.

— Снѣдай, снѣдай! — добродушно махнулъ рукой Кошельковъ:—„ядый ядушаго да не укоряетъ, неядый ядушаго да не осуждаетъ“...

— Вы ужъ простите, Христа-ради, Иванъ Кузьмичъ, что я не пришелъ раздѣлить съ вами компанію...

— Ничего. Садись, Трофимъ Акимычъ... И я тебя понимаю, и ты меня... Умные мы люди, али нѣтъ? — подперъ бока руками Кошельковъ.

— Насчетъ себя мыслить не могу, а насчетъ васъ, Иванъ Кузьмичъ, я такого мнѣнія, что папенька-бы осердился, избави насъ отъ лукаваго!

— Ха-ха-ха,—раскатился, видимо польщенный, Иванъ Кузьмичъ.— Отецъ твой, дѣйствительно, того... Гордь насчетъ своего ума... Ты что это пьешь?

— Это-съ? — посмотрѣлъ на свѣтъ бутылку Трофимъ, какъ будто онъ ее увидалъ въ первый разъ въ своей жизни.— Ровно черносмородиновая? Черносмородиновая и есть!

— Угощай!

— Господи! Прикажите-съ... Не смѣлъ я только такимъ напиткомъ... — засуетился Трофимъ, полетѣвъ къ шкафику.

— Ужъ больно меня твой отецъ мадерой осадилъ,—говорилъ Кошельковъ, ласково смотря на черносмородиновку.— Ровно тертый кирпичъ на языкѣ... И такой кирпичъ, другъ мой, Трофимъ Акимычъ, что никакою суконкой не прочистишь.

— Наливочкой мы его смоемъ, наливочкой, избави насъ отъ лукаваго! — говорилъ Трофимъ, наливая Кошелькову большую раструбистую рюмку.— Прошу покорно... За ваше драгоценное здоровьице!..

Кошельковъ, смакуя, выпилъ рюмку наливки и щелкнулъ языкомъ.

— А вѣдь ты, того... Смыль кирпичъ-то...

— А вы, Иванъ Кузьмичъ, вторую, дабы никакихъ строительныхъ остатковъ-съ, избави насъ отъ лукаваго!

Иванъ Кузьмичъ выпилъ вторую и ласково посмотрѣлъ на Трофима.

— Хорошій зять! Ей-Богу хорошій! — хлопнуль онъ Трофима по рукѣ. — Угожденіе въ тебѣ къ старикамъ душевное...

— У меня - съ? — захлебываясь отъ волненія, произнесъ Трофимъ, прикладывая обѣ руки къ груди. — У меня-съ, Иванъ Кузьмичъ? Николай Чудотворецъ! Правило и образъ кротости! Да я рази могу что вамъ сичасъ сказать, сами въ скоромъ времени узрите...

— Вижу, вижу... Знаешь что? Ндрава ты моего не знаешь...

— Знаю-съ...

— Не знаешь!

— Знаю-съ.

— Да, ну? Сказывай... Постой, ты сперва вторую налей.

— Первую - съ, Иванъ Кузьмичъ...

— Какъ первую? Да я ужъ того... выпить...

— Такъ та не въ счетъ съ, избави насъ отъ лукаваго...

Она языкъ отъ кирпича обмывала-съ...

— Да, это ты правильно... обмывки не въ счетъ... Экая у тебя башка, Трофимъ Акимычъ!.. — удивился, ухмыляясь, Иванъ Кузьмичъ. — Ну!

— Ндравъ у васъ, избави насъ отъ лукаваго, вотъ какой-съ... Къ кому, на примѣръ, вы расположены, ничего для того человекѣ не жаль... Вѣрно-съ?

— Вѣрно. Ни передъ чѣмъ не постою, — махнуль рѣшительно рукой Иванъ Кузьмичъ; — десять тыщъ, такъ десять, сто — такъ сто... миллионъ надо — не поморщусь...

— Оттого у васъ, Иванъ Кузьмичъ, и морщинъ мало, что духъ у васъ вольный... молоджавости у васъ сичасъ сколько хочешь...

— Ну?

Кошельковъ, пошатываясь, подошелъ къ зеркалу и погладилъ бороду.

— А я этого, знаешь, и не замѣчалъ... Морщинки - то есть...

— Какія это морщинки, избави насъ отъ лукаваго... да у меня ихъ больше-съ... а отчего? Отъ неволи - съ... А у васъ духъ вольный, что захотѣлъ, то и сдѣлалъ...

— Н-да! Это я, пожалуй, могу...

— Вотъ то-то и есть, Иванъ Кузьмичъ... У кого душа широкая, тому и полетъ большой, — а наша жизнь узенькая... Папеньку взять, промежду прочимъ, и не въ укоръ, — надъ каждою копейкой жизнь свою сокращаетъ... а для чего-съ? Какъ будто денегъ мало...

— Жадность, другъ мой, Трофимъ Акимычъ, жадность главное...

— Именно-съ и формально-съ. Господи, какъ вы моего папеньку до тонкостей распознали...

— Я, братъ, самъ съ усамъ...

— Умнаго-то человѣка за тысячу верстъ видно... Ему только слово скажешь, а онъ уже цѣльную исторію расскажетъ... Дозвольте-ка по второй!..

— Вторая-ли, Троша? Сбился я со счета...

— Будьте покойны-съ... Обмывки не въ счетъ-съ... За ваше драгоцѣнное-съ... Такъ вотъ я и говорю.

— Стой! Ты мнѣ по правдѣ, по душѣ скажи,—остановилъ Трофима Кошельковъ, стараясь быть серьезнымъ и сдвигая брови.

— Спрашивайте, Иванъ Кузьмичъ, отъ васъ у меня ничего потайного нѣтъ, избави насъ отъ лукаваго!

— Скажи мнѣ... не разберусь я, по совѣсти скажу... братъ твой, Петръ Акимовичъ, дѣйствительно не въ разсудкѣ?

— Въ полномъ-съ... вы на этотъ счетъ и не сумлѣвайтесь... юродъ-съ!

— Ну, я теперича спокоенъ. А то, знаешь, все какъ-то ровно скребло по сердцу... А вдругъ не того?

— Совсѣмъ „того“, избави насъ отъ лукаваго! Позвольте по второй?

— Развѣ по второй? — усмѣхнулся пьяною улыбкой Кошельковъ.

— По второй-съ. Кушайте во здравіе. А я, знаете, съ вами по родственному, по душевному поговорить хотѣлъ. Да съ вами по другому и невозможно-съ, потому тянетъ...

— Ну? Тянетъ?—вспомнилъ Кошельковъ слова Феклушки.

— Тянетъ-съ... Есть, сказываютъ, въ какомъ-то морѣ такой магнитъ, который къ себѣ всѣ корабли притягиваетъ... Такъ вотъ и вы вродѣ этого... всѣхъ къ себѣ притягиваете...

— Добрый я, отъ того... эхъ, Трофимъ Акимычъ!.. Вотъ узнаешь меня, какъ на Дунѣ женишься... Милліонъ двѣсти тысячъ даю! — ударилъ Кошельковъ по столу: — понялъ? Отцу милліонъ давалъ, а съ тобою вотъ поговорилъ и двѣсти тыщъ ровно псу подъ хвостъ сунуль... Поцѣлуй, чертъ!

Трофимъ торопливо ринулся къ будущему тестю и чуть-было не свалилъ его со стула.

— Иванъ Кузьмичъ! Драгоцѣнный мой тесть и алмазъ благочестія! Развѣ я сего не чувствую, избави насъ отъ лу-

каваго? Ахъ, какъ я это чувствую! — Трофимъ всхлипнулъ, пролилъ пьяную слезу на бороду своего будущаго тестя и, оторвавшись отъ него, сѣлъ на свое мѣсто. — Мнѣ папенька сказывалъ, что вы перемѣнили свои намѣренія насчетъ вознагражденія Евдокіи Ивановны...

— То-есть какъ это перемѣнилъ? — потеръ тотъ лобъ.

— А такъ, что замѣсто волжскаго имѣнія хотите деньгами выдать...

— Ахъ, да! Вѣрно, Трофимъ Акимычъ... Вѣрно!

— Напрасно-съ! Охъ, напрасно, избави насъ отъ лукаваго! — говорилъ Трофимъ, утирая кулакомъ слезы.

— Ничего не понимаю: отецъ говоритъ: „хорошо“, а сынъ говоритъ: „нехорошо“...

— Вы позволите по-родственному, по-душевному съ вами?

— Этого я только и желаю... Коли въ родню ко мнѣ попалъ — глаголь!

— Промежъ нами только чтобъ это, достоуважаемый Иванъ Кузьмичъ, потому, мало ли что отъ избытка чувствій уста могутъ наглаголати...

— Понимаю... Можешь безъ сомнѣнія... Я, братъ, тоже тебѣ по-родственному скажу—я такъ на твоего отца взираю: чело-вѣкъ, достойный всякаго уваженія и паки всяческаго уваже-нія, а пальца ему въ ротъ не клади — откусить! Какъ онъ меня мазнулъ въ прошломъ году нанкой, ой-ой-ой! Медвѣдевъ вдругъ товаръ на копейку дешевле продаетъ... Что за чертъ, думаю!

— Иванъ Кузьмичъ! Дражайшій-съ! Цѣны Богъ строить... Медвѣдеву мы раньше партію продали, и въ тѣ поры точно цѣна копейкою дешевле была...

— Сказывай!

— Вѣрите слову-съ зятя, который передъ вами ни одного слова не совретъ-съ... Господи! Да смѣю ли я передъ такимъ чело-вѣкомъ врать, который каждаго чело-вѣка насквозь видитъ? Умъ-то у васъ, Иванъ Кузьмичъ, умъ-то! Владычица, какой умище! Со сладостью душевною поучиться у васъ жажду...

— Ну, Троша, уможь-то, я вижу, и тебя Господь Богъ не обидѣлъ...

— Благодарю Создателя...

— Въ отца вышелъ... Жохъ, Трошка!

— Обидно-съ!

— Не въ осужденіе сказываю, а въ похвалу! Мнѣ такой зятекъ по сердцу!

— Дѣло десятое-съ... коли, къ примѣру, по сердцу, избави

насть отъ лукаваго!.. А я на васъ, ровно на солнце красное, взираю! И свѣтитъ, и грѣетъ, и жизнь подаетъ! „Господи, — думаю,— ежели бы мнѣ сейчасъ подъ руководство Ивана Кузьмича привелъ бы Богъ попасть, — всю бы Волгу слопали!..“

— Слопать немудро...

— И не подавились бы...

— Вотъ это хитро...

— Умудрились бы, яко зми...

Трофимъ вздохнулъ и придвинулся со стуломъ къ Ивану Кузьмичу.

— Напрасно вы, дражайшій Иванъ Кузьмичъ, вознагражденіе Евдокіи Ивановны деньгами даете... И вотъ, собственно, почему-съ... Съ имѣнія, какъ ни какъ, а все Евдокія Ивановна доходъ получать бы могла, такъ-съ?

— Такъ.

— А купоны папенька будетъ рѣзать... Ножницы у него хорошія, будьте покойны, и намъ съ Евдокіей Ивановной по копейкамъ станетъ выдавать... Мнѣ, искренно вамъ говорю, монетки изъ ихняго капитала не надо, потому я сызмальства привыкши къ малому, но только обидно будетъ Евдокіи Ивановнѣ, какъ особѣ, отъ милліонера рожденной, Кошельковой, напрімѣръ, и по грошамъ свои денежки у моего родителя выклянчивать.

— Этого онъ не сдѣлаетъ. Я скажу, чтобъ процентъ Акимъ Спиридонъчъ аккуратно дочери выдавалъ.

— Хи, хи, хи,— захихикалъ Трофимъ. — Знаете вы нашего родителя и такія слова говорите, да онъ ее въ каждомъ грошѣ начнетъ учитывать... Нѣтъ, вы такъ не дѣлайте-съ... одно горе выйдегъ-съ!

Кошельковъ долго теръ лобъ и чесалъ затылокъ и проговорилъ рѣшительно:

— Нельзя... сказалъ ужъ ему. А онъ мнѣ на это: „умно“, говоритъ. И вдругъ я опять по глупому переиначу... нельзя, Троша! Сказано — подписано! Аминь!

Кошельковъ съ трудомъ поднялся съ мѣста и отшвырнулъ рюмку на полъ.

— Того, я пойду... Нельзя, Троша, аминь! Сказано, стало-быть... не желаю въ дуракахъ передъ нимъ... А въ случаѣ чего — прямо ко мнѣ пріѣзжайте... старъ я сталъ... устаю... а дѣла—вотъ по этихъ,—провелъ себя пальцемъ по горлу Иванъ Кузьмичъ, — помощниковъ нѣтъ... ни души... всѣ дѣла тебѣ передамъ...

Трофима точно что подкинуло кверху.

Взять въ свои руки кошельковскія дѣла, стать во главѣ и распоряжаться не только Волгой, но и Кавказомъ и Каспіемъ, да это прямо кладъ, о которомъ онъ и мечтать не смѣлъ.

Положимъ, и у отца милліоны, но эти милліоны такіе маленькіе и худенькіе въ сравненіи съ милліонами Ивана Кузьмича, что ихъ и сравнивать было нельзя. Потомъ когда еще онъ будетъ обладателемъ состоянія отца!

У него, вонъ, до сихъ поръ Ѳеклушка пятки чешеть... Того гляди, старый хрѣнъ возьметъ да по своему старческому малоумію и женится на Ѳеклушкѣ... милліоны-то и рассыропятся, да еще къ Ѳеклушкѣ подъ началъ попадешь: кланяться той, на которую наплевалъ! А она баба мстительная... за все сторицею отплатитъ!

Какъ ни былъ пьянъ Трофимъ, а сообразить выгоды и невыгоды извѣстныхъ положеній еще могъ...

Онъ сразу, какъ практическій дѣлецъ, понялъ, что быть душою дѣла тестя, отходившаго за старостью и усталостью на задній планъ, представляло несомнѣнно и больше пользы, и больше свободы въ дѣйствіяхъ, чѣмъ находится подъ ферулой самодура-отца, который могъ или по старческому малоумію, или просто по капризу лишить его не только капитала, но и возможности называться здравомыслящимъ человѣкомъ. Зачислили же они Петра въ умалишенные, почему же и его отецъ не могъ объявить сумасшедшимъ, когда ему это вздумается?

Несомнѣнно, Трофимъ далеко не то, что Петръ, который съ дѣтства какъ-то обособился и пошелъ совсѣмъ не тою колеей, какой шли всѣ купеческія дѣти; но родительская власть не имѣетъ границъ, какъ не имѣетъ границъ гордость и самодурство этихъ родителей.

Трофимъ все это взвѣсилъ и пережевалъ, прежде чѣмъ нагрузившійся Иванъ Кузьмичъ успѣлъ дойти до порога.

— Правда это, дражайшій Иванъ Кузьмичъ?—спросилъ онъ.

— Старъ я для того, чтобъ басни размазывать,—отвѣтилъ тотъ.

— Такъ вотъ что, избави насъ отъ лукаваго!—подбѣжалъ къ нему Трофимъ и крѣпко ухватилъ его за руки,—на другой же день послѣ свадьбы я съ вами въ Саратовъ уѣду... весь вашъ... а ужъ я Саратову себя покажу!..

Иванъ Кузьмичъ всхлипнулъ и, принявъ въ объятія своего будущаго зятя, пробормоталъ больше про себя:

— Отдохну я теперича съ Ѳеклушею! Охъ, отдохну!

ЛШ.

Иванъ Кузьмичъ ушелъ отъ Трофима, слегка пошатываясь и адресуя перелѣсковской мадерѣ нелестные эпитеты.

Пробираясь ощупью по темной лѣстницѣ къ верху, онъ наткнулся на что-то необычайно мягкое, пахнувшее на него тепломъ.

— Кто это? — спросилъ онъ и услышалъ въ отвѣтъ:

• — Господи Иисусе! Да это вы, золотой?

— Оеклуша! — произнесъ, задыхаясь отъ волненія, Иванъ Кузьмичъ. — Откуда ты?

— А изъ вашихъ покоевъ, потому сердце у меня не на мѣстѣ, Иванъ Кузьмичъ,—все ли для сна у васъ въ порядкѣ?.. Съ дурака-мужика рази что возьмешь: онъ все по-своему, по-сиволапому.

— Оеклуша!—разнѣжился Кошельковъ, тщетно ища руками читалку. — Да гдѣ ты?

— А я спать пошла, — донесся до него голосъ съ низу, — и вамъ пора на покой... полунощники!..

— Постой... Оеклушъ... на одну минуту...

Отвѣта не было. Возбужденный московской мадерой, Кошельковъ спустился внизъ и сталъ путаться по корридору, шепча по временамъ: „Оеклушъ! Дура! Я на два слова только... не зря вѣдь, чертъ!..“

Онъ сердился и чуть не плакалъ, не находя Оеклушки, всегда будившей въ немъ за послѣднее время давно забытыя желанія.

Въ головѣ его шумѣло, мысли скакали какъ помѣшанныя, перескакивали черезъ барьеры овраги, моря и океаны и догоняли исчезнувшую Оеклушку.

„Дуракъ я! Осель старый! — ругалъ онъ себя, останавливаясь по временамъ и хватаясь за голову.—Какъ же это я до сей поры ея кельи не провѣдалъ?.. Оеклушъ! Голубушка! На одну минутую только... Хоть сичасъ въ Саратовъ поѣдемъ, слышишь?“

Шаря по стѣнамъ руками, Иванъ Кузьмичъ наткнулся на дверь, нашелъ скобу и отворилъ.

Комната, куда отворилась дверь, была темна.

„Оеклушъ! — окликнулъ онъ тихо. — На одну минутую только... Чертъ!..“

Дверь изъ сосѣдней комнаты отворилась и вмѣстѣ со свѣтомъ пропустила Трофима, державшаго въ рукахъ подсвѣчникъ.

„Опять Трошка!“ — пробормоталъ удивленный Иванъ Кузьмичъ, широко разѣвая ротъ.

— Дражайшій Иванъ Кузьмичъ! — закивалъ головой Трофимъ. — Аль заблудились въ коридорѣ?.. Дозвольте я васъ провожу до спальни, избави насъ отъ лукаваго..

— Милліонъ триста тыщъ даю! — крикнулъ Иванъ Кузьмичъ. — Не надо... самъ дойду...

И онъ такъ хлопнулъ дверью, что изъ нея вылетѣлъ ключъ и со звономъ покотился по полу.

Трофимъ, нагнувшись, долго смотрѣлъ на вертѣвшійся на полу ключъ, затѣмъ поднялъ его и, вставивъ въ ключевину, пробормоталъ, ухмыляясь:

„Надбавка пошла... Охъ, не къ добру, избави насъ отъ лукаваго! Расщедрился что-то, старый чертъ...“

Трофимъ заперъ дверь, почесалъ въ затылкѣ и махнулъ рукой.

И какъ бы онъ удивился, если бъ только узналъ, что Кошельковъ и прибавилъ - то сто тысячъ только изъ страха, чтобы не раскрылись его амурныя поползновенія.

Послѣ такой неудачной попытки найти скорлупу, въ которой обрѣтался такой ядреный и свѣжій, по мнѣнію Ивана Кузьмича, орѣхъ, какъ Ѳеклушка, онъ уже не рѣшился искать ее, а отправился прямо въ свою опочивальню, слабо освѣщенную неугасимыми лампадами, лившими тихій свѣтъ на лики святыхъ.

Сбросивъ съ себя кафтанъ, Кошельковъ долго молился Богу, бормоча положенныя молитвы, а врагъ рода человѣческаго не дремалъ, и стоило только Ивану Кузьмичу закрыть глаза, чтобы вспомнить слова молитвы, какъ передъ нимъ въ яркихъ лучахъ вырисовывался обликъ Ѳеклушки со всѣми ея прелестями и чарами.

„Охъ, попущеніе! — бормоталъ онъ, не кончивъ половины молитвы и садясь на постель. — Попущеніе сатаны, его же и праведницы не всѣ превозмогаютъ...“

Гдѣ-то стукнуло, что-то треснуло въ темнотѣ и нарушило обычную ночную тишину.

Кошельковъ вздрогнулъ, поднялся во весь ростъ и прислушался.

„Не Ѳеклуша ли?“ — подсказала ему распаленная мысль.

Онъ метнулся за дверь и шепнулъ темнотѣ:

„Ѳеклуша!“

Прошло пять минутъ, десять, четверть часа, а Иванъ Кузьмичъ все стоялъ у двери и, дрожа отъ свѣжести мало-топленныхъ покоевъ, съ жадностью скряги ждалъ отвѣта.

А Ѳеклушка въ это время, разметавшись по постели и закинувъ руки за голову, думала:

„Ежели этого дурака упустишь, нѣтъ тебѣ, значитъ, счастья на свѣтѣ, Ѳеклушка!..“

Петръ „заточился“! Его и Настя прозвала Петромъ-заточникомъ. Сидитъ по цѣлымъ днямъ въ своей комнаткѣ безъ выхода, походить, полежить и о многомъ подумаетъ.

Только разъ какъ-то ночью, необычно теплою весеннею ночью, онъ вышелъ изъ своего заточенія и, какъ воръ, прокрался въ садъ.

Было темно. Ночная свѣжесть прямо ошеломила Петра. Онъ едва добрался по грязноватой дорожкѣ до первой скамейки и сѣлъ, чувствуя, что у него кружится голова и сердце начинаетъ биться такъ, что его приходится удерживать рукой изъ боязни, чтобы вонъ не выскочило.

Съ темнаго неба кротко сіяли звѣзды, въ ночной тишинѣ раздавался трескъ колотушки ночныхъ сторожей, а съ Яузы доносились монотонное журчанье воды и плескъ волнъ, заигрывавшихъ съ безчувственнымъ плотомъ, устроеннымъ для полоскающихъ бѣлье прачекъ.

Петру какъ-то стало и легко, и грустно... Домъ Перелѣскова спалъ. Окна смотрѣли своими стеклами въ садъ, точно громадными впадинами потухшихъ глазъ, и наводили тоску.

Только одно окно было открыто, и Петру показалось, что въ немъ темнѣла какая-то фигура, застывшая на подоконникѣ.

Петръ сидѣлъ долго и не сводилъ глазъ съ темной, точно приросшей къ окну, фигуры.

По расположенію оконъ онъ тотчасъ же догадался, что это сидѣла Евдокія Ивановна, бывшая его невѣста, и, вѣроятно, мечтаетъ о Трофимѣ, который усердно залѣчивалъ синяки и ссадины, сдѣланные ему Петромъ.

Петру стало жалко всѣхъ: и отца, и брата, и свою бывшую невѣсту. Всѣ творили не то, что слѣдовало творить людямъ, понимающимъ смыслъ жизни, и шли по дебрямъ, по которымъ пробираются только звѣри, спасая свою шкуру.

Всѣ строили себѣ жизнь вопреки и здравому смыслу, и

чувству, и справедливости... И какъ было просто итти по правильному пути, а люди, по капризу ли, по темнотѣ ли своей или безволю, не хотѣли итти по нему и сбивались въ чашу, страдая, презирая и ненавидя другъ друга...

„Затемнѣніе разума,—усмѣхнулся Петръ,—именно то самое затемнѣніе, какое они во мнѣ нашли! Неужто они правы, а я, одинъ только я ошибаюсь и осуждаю ихъ, не имѣя на то никакого права: ни права истины, ни права совѣсти?..“

Ему вспомнился длинный рядъ дѣяній отца и брата, ихъ поступки противъ истины и сдѣлки съ неумолимой лично для него совѣстью... И отъ этихъ воспоминаній Петру стало холодно... онъ озябъ точно такъ же, какъ зябъ зимою въ „городѣ“, выкидывая антраша передъ лавкой и размахивая окоченѣвшими руками по воздуху.

Чтобы согрѣться, Петръ пробѣжалъ по дорожкамъ и подбѣжалъ къ тому окну, въ которомъ чернѣлась фигура Евдокіи Ивановны Кошельковой.

До его слуха донеслись тяжелые, прерывистые вздохи и рыданія.

Петра они поразили, и ему стало горше прежняго.

Въ этихъ тихихъ, но глубоко скорбныхъ рыданіяхъ ему слышались прежде всего страданія больной души, а затѣмъ—протестъ противъ произвола... Протестъ не имѣлъ смысла, какъ не имѣетъ вообще смысла и самая жизнь слабыхъ и подневольныхъ людей, но оскорбленное чувство искало облегченія во всемъ, даже въ этихъ ничего не стоящихъ рыданіяхъ тоскующаго сердца...

Петръ понималъ боль Евдокіи Ивановны, готовъ былъ самъ разрыдаться и крикнуть ей: „терпите, какъ терплю я, какъ терпятъ всѣ, у кого нѣтъ ни силы, ни воли, ни нахальства Трофима...“

Но окно захлопнулось, и Петръ, шатаясь и утирая бѣжавшія изъ глазъ слезы, насилу добрелъ до своей комнаты и, не раздѣваясь, бросился въ постель.

Съ тѣхъ поръ онъ не выходилъ больше изъ своей комнаты и ждалъ, жадно ждалъ конца своему заключенію.

Что происходило тамъ, наверху, онъ не зналъ и запретилъ своей Настѣ, мелькавшей тѣнью по всему дому Перелѣсковыхъ, говорить ему о томъ, что тамъ происходитъ.

Какимъ бы онъ считалъ себя счастливымъ человѣкомъ, если бы могъ заснуть и проснуться только тогда, когда тамъ все уже кончилось, и ему можно было бы показаться людямъ, подышать чистымъ весеннимъ воздухомъ и съ счастливою улыбкой

выйти навстрѣчу яркимъ и бесконечно ласковымъ лучамъ солнца...

Петръ слышалъ суматоху, усиленное бѣганье по корридору и съ нескрываемою радостью ожидалъ скораго освобожденія.

Иногда у него мелькала мысль, что его никогда не освободятъ, и ему становилось жутко отъ такой подлой и жестокой мысли...

Настя только и старалась о томъ, чтобъ ея милый спокойнѣе сносилъ свою участь, и всегда являлась къ нему съ готовой радостною улыбкой, какъ-будто все шло именно такъ, какъ хотѣлось ей и Петру.

Петръ чувствовалъ это и высоко цѣнилъ самоотверженную любовь простой дѣвушки, не думавшей ни о чемъ, кромѣ его спокойствія.

А наверху все шло своимъ порядкомъ.

Евдокія Ивановна, проплакавъ дня три-четыре, повидимому, покорилась своей участи и стала развѣзжать по магазинамъ и портникамъ.

Трофимъ, залѣчивъ свои ссадины, воспрянулъ духомъ и по-прежнему сталъ увиваться около невѣсты и тестя, разсыпаясь въ шуточкахъ и прибауткахъ...

Кошелькова, кромѣ Акима Спиридоновича, мало знали въ Москвѣ. То есть, его хотя и знали многіе, въ особенности старообрядцы—какъ богатаго волжскаго единовѣрца, но дѣла съ нимъ имѣли немногіе. Будучи ярымъ консерваторомъ, Иванъ Кузьмичъ не терпѣлъ ни въ чемъ новшествъ и закупалъ у однихъ и тѣхъ же лицъ неизмѣнно въ теченіе тридцати-сорока лѣтъ.

Многіе фабриканты всѣми силами старались стать его продавцами, спуская цѣны до минимума, но Кошельковъ былъ непоколебимъ: онъ переплачивалъ за одинъ и тотъ же сортъ товара по двѣ и по три копейки на аршинъ, но у новыхъ не покупалъ.

— Старый другъ лучше новыхъ двухъ,—говорилъ онъ, безглаголиво отшвыривая отъ себя образцы товара,—а я твой товаръ у Сидора Петровича завсегда бралъ,...

— Дешевле мой товаръ на двѣ копейки,—убѣждалъ его продавецъ,—а доброта одна и та же...

— А это одному Господу Богу извѣстно, та ли доброта-то

у тебя!—скептически замѣчалъ Иванъ Кузьмичъ.—Съ Сидоръ Петровичемъ-то я тридцать лѣтъ торгуюсь, стало быть, никакого у него резону нѣтъ меня обмануть... Да и боюсь я, признаться, новаго фабриканта по Волгѣ пустить... Старый-то испытанный, никакихъ подозрѣній не производитъ... Шель у меня все ситецъ, къ примѣру, Прохоровскій, и вдругъ я тебя пушу... Загалдятъ! Ну тебя къ Богу и съ дешевизной-то твоей!

Кошельковъ махалъ руками и выпроваживалъ отъ себя, пожимавшаго плечами, продавца.

Въ силу этого обстоятельства Иванъ Кузьмичъ рѣшилъ „сговора“ не дѣлать. Не денегъ ему было жаль: въ дракѣ обыкновенно волосъ не жалѣютъ, а просто не для кого затѣвать лишній пиръ. Совершись эта свадьба въ Саратовѣ—дѣло десятое: тамъ бы Иванъ Кузьмичъ весь городъ перепоилъ и многихъ бы, пожалуй, ошалѣлыхъ въ Волгѣ перетопилъ, а здѣсь ни къ чему это было.

Наканунѣ свадьбы, какъ и слѣдовало, состоялся „дѣвичникъ“, на которомъ были двѣ-три дѣвицы, совсѣмъ незнакомыя Евдокіи Ивановнѣ и приглашенныя ради обычая старикомъ Перелѣсковымъ, Трофимъ съ двумя купчиками изъ ихъ ряда, больше пившими наливки, чѣмъ говорившими съ дѣвицами,— и больше никого.

Передъ вечеромъ дѣвицы съ читалками сводили, по положенію, невѣсту въ баню, гдѣ пѣли пѣсни и пили медъ. Невѣста смѣялась надъ сопровождавшими, у которыхъ отъ стараго меда, хранившагося многіе годы у Перелѣскова въ подвалѣ, зашумѣло въ головахъ, а вернувшись въ свою комнату, неожиданно разразилась слезами.

Дѣвицы удивленно пучили глаза на невѣсту, а Феклушка, улыбаясь ядовито, нашептывала Евдокіи Ивановнѣ въ уши о Трофимѣ, умнѣе и лучше котораго она будто бы и мужчины на свѣтѣ не видывала...

За ужиномъ невѣста развеселилась и, слушая шуточки Трофима, ежеминутно летавшаго отъ невѣсты къ тестю и обратно, стала сама невольно улыбаться и смотрѣть на Трофима не тѣми глазами, какими смотрѣла до сихъ поръ.

Минутами ей казалось даже, что Петра она видѣла во снѣ, во снѣ съ нимъ молилась Богу и во снѣ полюбила, а что именно Трофимъ былъ настоящимъ ея женихомъ и будущимъ охранителемъ ея жизни и покоя...

Трофимъ быстро подмѣтилъ перемѣну, происшедшую съ его

невѣстой, и пустилъ въ ходъ всѣ наличныя средства для того, чтобы покорить и очаровать Евдокію Ивановну...

Она смѣялась! Смѣялся и Трофимъ!.. А если Петръ плакалъ, такъ кому и какое до этого было дѣло?..

LIV.

На дѣвичникѣ же Иванъ Кузьмичъ, вздыхая и почесывая затылокъ, передалъ дрожавшими руками Акимѣ Спиридоновичу приданое дочери. Онъ чуть не плакалъ, разставаясь на вѣки съ банковыми билетами, доселѣ тихо и мирно лежавшими въ кошелевскихъ сундукахъ.

Иванъ Кузьмичъ и блѣднѣлъ, и краснѣлъ, и потѣлъ, перебирая пальцами билеты, отъ которыхъ онъ всегда съ наслажденіемъ и ласкающею улыбкою отрѣзалъ въ срокъ купоны. Дѣлалъ онъ эту операцію обыкновенно на свободѣ, т. е. въ праздникъ, предварительно заперевъ на ключъ двери въ кабинетѣ, гдѣ у него хранились накопленныя богатства. Окна кабинета, заставленныя массивными желѣзными рѣшетками, напоминали окна острога, но Иванъ Кузьмичъ этимъ ни мало не смущался: напротивъ, пробуя иногда раскачать руками толстые желѣзные прутья рѣшетки, онъ убѣждался только въ ихъ прочности и былъ покоенъ за свои капиталы.

Рѣзалъ купоны онъ долго, одинъ, безъ свидѣтелей, затѣмъ связывалъ ихъ веревочкою и зашивалъ въ простыя рогожныя кульки.

Кульки эти онъ клалъ въ громадный желѣзный сундукъ и вынималъ ихъ только тогда, когда ѣхалъ въ Москву.

Везъ онъ ихъ небрежно, почти позабывъ, что въ нихъ находится. Съ такой же небрежностью перешвыривали эти кулечки изъ одного экипажа въ другой ямщики, вполне увѣренныя въ томъ, что въ нихъ, кромѣ какой-нибудь хозяйственной дряни, вродѣ мыла, чаю и сахару, ничего и находится не можетъ.

Иванъ Кузьмичъ даже и не заботился о нихъ, вполне увѣренный въ томъ, что никто на эти кульки не позарится по той простой причинѣ, что ямщикъ—человѣкъ сытый, чаю пьетъ на постоялыхъ дворахъ сколько въ утробу влѣзетъ, а мыло ему такъ же нужно, какъ прошлогодній снѣгъ.

Пріѣхавъ въ Москву, онъ отвозилъ купоны въ Государственный банкъ, обмѣнивалъ ихъ на новые билеты и везъ ихъ

въ Саратовъ опять-таки въ кулечкѣ, изъ верхняго отверстія котораго выглядывали или свѣчи, или мыло, или полголовки сахару въ синей бумагѣ.

И никогда не было ни пропажи, ни покражи.

Такъ перевозились въ доброе, старое время капиталы по Руси, а грабители большихъ дорогъ и душегубы, отнявъ у проѣзжаго жизнь и очистивъ карманы, въ которыхъ было „какъ разъ на проѣздъ до дома“, отворачивались отъ кулечковъ, изъ коихъ торчали свѣчи, мыло или сахаръ въ синей бумагѣ.

Капиталы съ каждымъ годомъ росли и приумножались: ѣхали они въ Москву въ маленькихъ лоскуточкахъ бумаги, а возвращались въ Саратовъ въ видѣ разноцвѣтныхъ государственныхъ билетовъ, укладывались въ сундуки и показывались на свѣтъ Божій только два раза въ годъ, когда ими приходилось платить хозяину „процентъ“ за лежаніе въ этихъ сундукахъ.

Никогда Иванъ Кузьмичъ не выпускалъ сразу такой капиталъ, какой пришлось ему выдать Акиму Спиридоновичу, и очень понятно, почему онъ волновался, перелистывалъ дрожащими руками билеты и блѣднѣлъ, чувствуя, что его, того и гляди, хватить ударъ.

„Грабежъ! Чистый грабежъ!—бормоталъ онъ про себя.—И дѣвку берутъ, и чертову уйму денегъ отымаютъ...“

Отъ охватившаго его волненія онъ чуть-было не обсчиталъ свата на пятьдесятъ тысячъ; но Перелѣсковъ, которому волноваться было не отъ чего, спокойно замѣтилъ Ивану Кузьмичу „ошибочку въ рихметикѣ“.

„Этакая... старая скотина!“—подумалъ Кошельковъ.—Никакого благородства у подлеца нѣтъ! Ну, потомъ какъ-нибудь... намекни, что, молъ, междометіе въ цифрѣ вышло... Уважь, наконецъ, свата, грабитель... Нѣтъ-таки, вытащилъ, старій чертъ, пятьдесятъ тысячъ!..“

Иванъ Кузьмичъ выскочилъ изъ кабинета свата точно ошпаренный. Онъ чувствовалъ пустоту въ боковыхъ карманахъ кафтана и какую-то скверную тяжесть въ головѣ.

Встрѣтившуюся ему на дорогѣ Токлушку онъ даже не узналъ и очнулся только тогда, когда его остановилъ, окликнувъ, Трофимъ.

Трофимъ сіялъ, но, сіяя, онъ ни на минуту не забывалъ своихъ интересовъ. Пріятное съ полезнымъ соединить всегда можетъ только русскій купецъ, истый дѣлецъ въ сферѣ „матеріальности“; работая весь вѣкъ въ извѣстномъ направленіи,

онъ и умираетъ-то, больше вспоминая разныя недоѣланныя имъ житейскія мелочи, чѣмъ думая о загробной жизни, идѣже нѣтъ ни кредиторовъ, ни дебиторовъ, ни срочныхъ платежей, ни ярмарокъ.

Трофимъ былъ настоящимъ сыномъ своего сословія и, рассыпаясь въ шуточкахъ передъ невѣстою и дѣвцами, не упускалъ изъ виду стариковъ, сидѣвшихъ поодаль и шептавшихъ о чемъ-то съ уха на ухо.

Когда они вышли, взявшись подъ руки, изъ гостиной, Трофимъ сразу смекнулъ, въ чемъ дѣло.

„Приданные капиталы славать пошелъ!—подумалъ онъ про Ивана Кузьмича и тотчасъ же забеспокоился.—Подпишется папенька въ полученіи, али не подпишется?..“

Кошелькова Трофимъ зналъ мало и считалъ его очень недалекимъ человѣкомъ, которому просто всю жизнь везло счастье и у котораго деньга родила всегда деньгу безъ всякаго сопротивленія.

„Ежели не подпишется,—думалъ Трофимъ,—милліонъ триста тыщъ такъ и лопнуть, избави насъ отъ лукаваго! И не подпишетъ!.. Жохъ, родитель... Ухъ, жохъ!“

Но Трофимъ на сей разъ ошибся.

Акимъ Спиридоновичъ былъ такъ увѣренъ въ Трофимѣ, въ его преданности и безотвѣтной покорности, что далъ бы не одну, а цѣлыхъ десять подписей, зная напередъ, что приданные капиталы Кошелькова свѣкуютъ въ его сундукахъ. Онъ самъ написалъ на „рядной“, что получилъ въ приданое за Евдокіей Ивановной милліонъ триста тысячъ государственными билетами, и вручилъ ее взволнованному Ивану Кузьмичу, догнавъ его въ сосѣдней комнатѣ.

— Папенька!—кликнулъ Кошелькова сіявшій Трофимъ, съ самаго обрученія начавшій называть своего будущаго тестя „папенькой“.—На одну минутку-съ...

— Ахъ, это ты, Троша!—остановился тотъ, отирая тыломъ кисти правой руки струившійся по лбу потъ.

— Вы, кажется, тамъ съ папенькой дѣломъ занимались?—спросилъ онъ, мягко заглядывая въ глаза Кошелькову.

— Да,—отвѣтилъ тотъ хриплымъ отъ волненія голосомъ:— всю награду твоему отцу сдалъ... которая за Дуней...

— Позвольте ручку поцѣловать...

— Ну, ну... это зачѣмъ же,—выдернулъ тотъ руку у Трофима,—прямо въ уста можешь...

— Нѣтъ, ужъ вы позвольте благословившую мя ручку, папенька!

Трофимъ торопливо чмокнулъ потную руку Ивана Кузьмича и спросилъ:

— А расписочку, избави насъ отъ лукаваго, съ папеньки взяли-съ?

— Взялъ, взялъ... вотъ она... да ты возьми ее себѣ... на кой она мнѣ рожонъ...

Кошельковъ сунулъ „рядную“ Трофиму и, пыхтя, направился въ свои покои.

Трофимъ проглядѣлъ подпись, сложилъ аккуратно бумагу, расправивъ ее на столѣ, и, опустивъ въ карманъ сюртука, застегнулъ этотъ сюртукъ на всѣ пуговицы.

„Все въ порядкѣ, избави насъ отъ лукаваго!—пробормоталъ онъ, ощупывая „рядную“,—вотъ ежели бы только дознаться теперича доподлинно, сколько капиталу у стараго черта...“

Трофимъ подумалъ, почесалъ за ухомъ и побѣжалъ въ гостиную къ невѣстѣ.

Евдокіи Ивановны не было: ее вызвала пріѣхавшая съ нарядами портниха.

Трофимъ шепнулъ два—три слова своимъ пріятелямъ, болтавшимъ съ дѣвушками, и исчезъ.

Онъ сперва заглянулъ въ кабинетъ отца, увидалъ только его спину, согнувшуюся дугою надъ сундукомъ, услышалъ звонъ отпираемаго замка и торопливо затворилъ дверь.

„Укладываетъ мои капиталы!—усмѣхнулся Трофимъ, — надо ли только, папенька, избави насъ отъ лукаваго?..“

Затѣмъ онъ прошмыгнулъ въ комнату Ивана Кузьмича.

Иванъ Кузьмичъ сидѣлъ у окна и продолжалъ отдуваться, охать и отирать потъ съ лица.

Увидѣвъ вошедшаго Трофима, онъ посмотрѣлъ на него вопросительно и слегка къ нему повернулся.

— Да вы не безпокойтесь, папенька, ради Бога-съ,—подлетѣлъ къ нему стремительно Трофимъ. — Сидите-съ... а къ Евдокіи Ивановнѣ портниха пріѣхавши, такъ что, я думаю, лучше всего мнѣ къ вамъ-съ...

— Безъ невѣсты-то, выходитъ, скучно! — кисло улыбнулся Кошельковъ.

— Скучно-съ. Хоть и мало я знаю Евдокію Ивановну, но сейчасъ видно, что у ней и душа ваша, и характеръ...

— Яблоко отъ яблони, сказываютъ, недалеко падаетъ!—проговорилъ Иванъ Кузьмичъ.

— Вѣрно, папенька-съ... А я васъ уважать издавна привыкъ... Конечно, вы мало на меня вниманія обращали, потому

я терпѣть не могу лѣзть въ глаза къ людямъ, которыхъ на много выше себя считаю

— Я тебѣ, Троша, цѣну знаю...

— Умные люди всегда другъ друга съ двухъ словъ понять могутъ... А умъ у васъ, папенька, необъятный, избави насъ отъ лукаваго!

Кошелькову какъ будто стало легче. Слова Трофима, словно елеемъ, мазали его по сердцу и смягчали тяжесть денежной утраты.

— А „рядную“, папенька, я васъ покорнѣйше попрошу взять-съ,—продолжалъ Трофимъ, подсаживаясь къ старику.

Иванъ Кузьмичъ повертѣлъ въ рукахъ сунутую ему Трофимомъ бумагу и спросилъ съ недоумѣніемъ:

— Мнѣ-то она для чего-же?

— У васъ она сохраннѣе будетъ, а у меня еще, грѣхомъ, ее потихоньку и стащить могутъ.

Кошельковъ долго смотрѣлъ на будущаго зятя, видимо, не понимая смысла имъ сказаннаго, и, наконецъ, сказалъ:

— И у меня она тоже того... затеряться можетъ.

— У васъ не затеряется, избави насъ отъ лукаваго! Аккуратнѣе васъ я и человѣка на свѣтѣ не знаю... Это—разъ... А другое дѣло, папенька,—неизвѣстно еще, что можетъ произойти послѣ свадьбы... Я, можетъ, да и Евдокія Ивановна тоже, вовсе не желаемъ, чтобъ ваше вознагражденіе въ сундукахъ папеньки лежало... По моему мнѣнію и по моему глупому разсужденію, билетамъ много будетъ спокойнѣе въ Саратовѣ лежать, чѣмъ въ Москвѣ...

— Да, ты вотъ про что... — просіялъ Кошельковъ, смотря любовно на Трофима.

— Про это, про самое-съ. Я говорилъ папенькѣ, умолялъ его даже, чтобъ вознагражденіе Евдокіи Ивановны не брать, потому какъ я вамъ вѣрю во всемъ и полагаю, что не можете вы свою дочь обидѣть, кольми паче она у васъ одна, какъ перстъ, но папенька, сами знаете, человѣкъ подозрительный и васъ въ небольшихъ капиталахъ считаетъ...

— Меня?

— Васъ, папенька. Конечно, это я вамъ по родственному сообщаю, цѣня вашъ умъ и уважая такую высокую личность, какъ Иванъ Кузьмичъ Кошельковъ, которому вся Волга въ ножки кланяется и за великую честь считаетъ ласковое слово услышать.

— Понимаю, Троша... Не уменъ твой отецъ, братъ... извини, сдѣлай милость... не уменъ Акимъ Спиридонъчъ....

— Недовѣрчивъ, главное, папенька,—совсѣмъ нагнулся къ Кошелькову Трофимъ.— У меня, говоритъ, сичасъ по книгамъ шесть милліоновъ чистыхъ, а у Кошелькова никто капиталовъ не считалъ; дѣла ведетъ большія, это вѣрно, вся Волга у него въ горсти, а поди-ка собери онъ, что ему должны...

— Что-о? — поднялъ голову Кошельковъ. — Да у меня въ сундукахъ, въ билетахъ, больше пятнадцати милліоновъ лежитъ! Не вѣришь? Поѣдемъ въ Саратовъ, покажу...

— Господи! Вамъ не вѣрить! Вамъ-съ, папенька! — даже прослезился Трофимъ,—да за кого вы меня считаете? Это папенька не довѣряетъ, а мнѣ вашихъ денегъ не надо-съ... я самъ—деньги...

— Вѣрно, Троша. Голова у тебя дѣловая...

— Ну, вотъ видите-съ... Къ вамъ пойду, такъ вы сами меня сейчасъ-же по способностямъ оцѣните... Вижу это я — Евдокія Ивановна плачетъ все и себѣ, и мнѣ сердце слезами надрываетъ... Неужто я не понимаю, отчего это все происходитъ? „Евдокія Ивановна, — говорю, — не терзайте вы себя и меня-съ... не такой я человѣкъ, чтобъ васъ не понять и не оцѣнить вполне... Хорошо я васъ понимаю, Евдокія Ивановна, что вамъ тяжело съ роднымъ гнѣздомъ разстаться и въ чужомъ городѣ къ новой жизни привыкать... Тяжело-съ, спорунѣтъ, только совсѣмъ вы напрасно себя слезой изводите... Не знаете вы Трофима, а и себя терзаете, и своего папеньку, такую высокую и уважаемую личность, совсѣмъ зря беспокоите... Не желаете въ Москвѣ жить,—въ Саратовъ уѣдемъ. Папенька вашъ поработалъ на свой пай достаточно, пора ему и отдохнуть-съ... А я, подъ его руководствомъ да его умомъ высокимъ направляемый, съ радостью ему помощникомъ стану... ежели только вашъ папенька противъ этого самаго никакихъ препятствій имѣть не будетъ...“ Успокоилъ вѣдь-съ! Видѣли сами, чай, какъ Евдокія Ивановна повеселѣла!

— Видѣлъ,—послѣ минутнаго молчанія произнесъ Кошельковъ, — и, знаешь, Трофимъ Акимычъ, что я тебѣ скажу: я именно такого зятя и желалъ, дабы всѣ мои бразды въ свои руки пріялъ... Точно, поработалъ я на свой пай, а что ты сработалъ, все для себя... Дѣло у меня широкое, руки приложить, а пуще того — голову есть къ чему... Какъ это устроится, я не знаю.. Можетъ, и врагами съ твоимъ отцомъ разстанемся...

— Зачѣмъ-же врагами, избави насъ отъ лукавого! Ежели я съ нимъ счеты произведу, такъ вамъ-то какое дѣло? Мнѣ ужъ подъ сорокъ, папенька, работалъ я на отца съ малыхъ

лѣтъ, а честь одна и та-же, что полоумному Петру... Каждую конейку изъ его рукъ гляди, а своего заводить не могли... Стыдно мнѣ это...

— И какъ еще!.. Ну, поцѣлуемся, зятекъ: ты мой, а я — твой... Такъ, что-ли?

— Во-истину, избави насъ отъ лукаваго! И спаси тебя, Христось, за слова, которыя прямо отъ души...

Трофимъ облобызался съ тестемъ и, слегка всхлипнувъ, ушелъ, оставивъ Кошелькова совершенно успокоеннымъ.

Рѣчи Трофима родили въ немъ новыя мысли. Много онъ работаль, пора и отдохнуть, и въ особенности теперъ, когда предстояла возможность жениться на Ѳеклушкѣ, глядѣть ей въ „бархаты“ сколько влѣзетъ и имѣть подъ рукой такого рабочаго вола, какимъ онъ представлялъ себѣ Трофима: безотвѣтнаго и на все согласнаго. И билеты, которые онъ нынче отвалиль Перелѣскову, снова перейдутъ въ его сундуки... дома они будутъ, а не въ чужихъ людяхъ!

„Хорошо! Все возьму у него, стараго черта: и сына, и Ѳеклушку! — “—думаль онъ, ухмылясь. — Бариномъ заживу, а ты работай, дуракъ, съ полоумнымъ!..“

LV.

На слѣдующее утро пріѣхаль къ Перелѣсковымъ о. Тимоѳей и перевѣнчалъ въ моленной „рабу Божію Евдокію съ рабомъ Божіимъ Трофимомъ“. Постороннихъ при вѣнчаніи почти никого не было. Евдокія Ивановна пришла въ моленную блѣднѣе полотно и едва держалась на ногахъ. Въ ушахъ у нея звенѣло, въ глазахъ носился туманъ; Трофимъ казался слегка взволнованнымъ, но самообладанія не терялъ и по временамъ улыбался.

Вѣнчаніе, благодаря приглашеннымъ пѣвцамъ съ Рогожскаго кладбища, затянулось, и были моменты, когда невѣста шаталась, едва держась на ногахъ.

Она вздохнула свободнѣе только тогда, когда ее отвели въ ея комнату и стали снимать съ нея подвѣнечный сафанъ.

„Балъ и вечерній столъ“, какъ гласили тогдашніе приглашительные билеты, начинался съ восьми часовъ вечера, и поэтому новобрачные могли отдохнуть отъ усталости и волненія сколько хотѣли.

Трофимъ, принявъ поздравленія отъ стариковъ, слегка возбужденныхъ совершившимся событіемъ, принялъ таковыя-же и отъ домашнихъ, собравшихся въ залъ. Послѣ всѣхъ подошла къ нему Ѳеклушка, присутствовавшая при вѣнчаніи, и, пробормотавъ: „совѣтъ вамъ да любовь, Трофимъ Акимычъ“, поклонилась ему въ поясъ.

— Спасибо, спасибо,— отвѣтилъ Трофимъ, смотря вслѣдъ удалявшейся въ свои покои Евдокіи Ивановны,— а насчетъ шубы будь покойна: къ зимѣ сошью.

— Спаси Христось, Трофимъ Акимычъ,— улыбнулась Ѳеклушка, нахально смотря въ глаза новожену,— только хорошую сшей, гляди...

Трофимъ покосился на Ѳеклушку и подумалъ: „и то, вѣдь, хорошую сшить придется... Чѣмъ чертъ не шутить,— пожалуй, тутъ безъ меня и въ хозяйки у отца попадетъ... Пригодится еще, подлая, впереди, избави насъ отъ лукаваго!“

— Изъ хорошей лисы сошью,— произнесъ Трофимъ.

— Невидалъ твоя лиса! А ты изъ соболя сшей... Ужъ оченно мнѣ соболь ндравится!

— Ладно, тамъ видно будетъ,— пробормоталъ онъ, не замѣчая насмѣшливаго тона Ѳеклушки, и отправился къ Евдокіи Ивановнѣ. Но у нея уже сидѣла портниха съ бальнымъ платьемъ, и Трофимъ вернулся въ столовую, гдѣ за столомъ уже сидѣли старики и вѣнчавшій его о. Тимоѳей съ пѣвцами.

А къ вечеру домъ опустѣлъ: всѣ уѣхали пировать въ нанятое для пира помѣщеніе.

Евдокія Ивановна, сверкая брилліантами и улыбаясь расфранченному Трофиму, отъ котораго на сажень несло благоуханіе парфюмерной лавки, сѣла съ нимъ въ карету; въ слѣдующую—помѣстились старики, уже подрумяненные на радостяхъ дома шипучкой.

Въ громадномъ домѣ Перелѣскова все какъ-то сразу стихло и обезлюдѣло.

Добрая половина служащихъ ушла на „балъ“ потолкаться и посмотреть, какъ ихъ хозяева пируютъ, а другая—разбрелась по своимъ угламъ.

О Петрѣ всѣ забыли, словно его и на свѣтѣ никогда не было! Да ему и самому иногда казалось, что онъ давно умеръ и погребенъ и что тотъ Петръ, который мечется вотъ по этой комнатѣ изъ угла въ уголь, совсѣмъ не онъ, а чужой, незнакомый ему человѣкъ.

Только одна Настя напоминала ему о томъ, что онъ еще

живъ, что у него еще бьется сердце, полюбившее эту дѣвушку, и что, благодаря этому, въ его душѣ еще теплится надежда на лучшую жизнь и счастье...

Оеклушка звала Настю поглядѣть на „свадьбу“, но Настя отговорилась головою болью и, проведивъ всѣхъ, заглянула прежде всего къ Петру.

Петръ лежалъ на кровати, по обыкновенію закинувъ руки, за голову, и прислушивался къ вечернимъ звукамъ.

Огня онъ не зажигалъ. Въ темнотѣ звуки казались ему и слышнѣе, и таинственнѣе. Легкіе скрипы, шорохи и стуки напрягали его любопытство до крайности; онъ старался объяснить ихъ себѣ и былъ очень доволенъ, если въ какомъ-нибудь стукѣ, раздавшемся въ углу его комнаты, узнавалъ руку Насти, тѣмъ или инымъ способомъ дававшей ему знать, что она тутъ, недалеко отъ него, и о немъ помнить и думать каждую минуту.

Когда Петръ говорилъ ей объ этомъ, Настя блѣднѣла и съ испугомъ слушала своего милаго, не перечая ему ни единымъ словомъ. Уголъ комнаты выходилъ въ палисадникъ, отрѣзанный отъ двора заборомъ, и попасть въ тотъ палисадникъ можно было только перелѣзши черезъ заборъ.

Петръ зналъ это и, тѣмъ не менѣе, былъ увѣренъ, что стучала къ нему въ стѣну Настя. Этотъ самообманъ, сознательный или нѣтъ, облегчалъ ему тоску одиночества и сокращалъ убійственно тянувшееся время.

Иногда въ шорохахъ ему слышался тихій голосъ его стараго пріятели о. Серапіона. Петръ разбиралъ даже нѣкоторыя слова и отвѣчалъ на нихъ. Но когда заговаривалъ Петръ, шорохи прекращались, и голосъ Серапіона удалялся все дальше и дальше, пока совсѣмъ не замиралъ въ неизвѣстномъ пространствѣ.

Настя съ ужасомъ слушала Петра о томъ, что вокругъ него происходитъ, и все болѣе и болѣе приходила къ убѣжденію, что если въ скоромъ времени не измѣнится жизнь, Петръ и въ самомъ дѣлѣ потеряетъ разумъ.

„Надо вырвать его отсюда,— думала она съ тоской,— увезти, а то они совсѣмъ его загубятъ“...

Свадьба Трофима нѣсколько облегчала его положеніе.

„Теперь онъ имъ не нуженъ,— соображала Настя,— прятали, пока мѣшались, а сейчасъ кому онъ мѣшать станетъ?“

И у Насти стало веселѣе на сердцѣ.

Проводивъ всѣхъ на балъ, она зашла къ Петру и спросила:

— Милый, ангель мой Петръ Акимычъ, почему у тебя огня нѣтъ? Не люблю я, когда ты въ потемкахъ сидишь...

Она зажгла свѣчу и подсѣла къ лежавшему Петру...

— Всѣ уѣхали,— проговорила она, — пойдѣмъ въ садъ гулять! Хоть воздухомъ-то подышешь безъ ихъ, идоловъ...

Петръ поднялся и покорно пошелъ за Настей.

„Молодые“ цѣлую недѣлю дѣлали визиты: такъ велико было число пировавшихъ на ихъ свадьбѣ гостей.

Евдокія Ивановна, какъ-будто, привыкала къ Трофиму, а Трофимъ вытягивался передъ ней въ ниточку и предупреждалъ самомалѣйшія желанія своей молодой жены.

Сваты бражничали. Перелѣсковъ въ городъ ѣздилъ не каждый день, а вернувшись, все время проводилъ съ Иваномъ Кузьмичемъ, который уже начиналъ ему надоѣдать.

„И какого онъ черта торчитъ здѣсь,— думалъ иногда Акимъ Спиридоновичъ,— свадьбу сыграли честь-честью, пора и домой собираться.. То торопилъ, а то вдругъ ни съ мѣста... опротивѣлъ даже, ей Богу... Все ужъ переговорили... на десять лѣтъ впередъ даже... и намековъ, старый чертъ, не понимаетъ,— говорю ему: „весна, чай, сичасъ въ Саратовѣ во всю!..“— „И въ Москвѣ, говоритъ, весна ничего... жить можно!“ Тьфу!

А Кошельковъ уѣхать не могъ: совсѣмъ сбила его съ толку Оеклушка!

„Чертъ въ ней сидитъ,— думалъ онъ,— а наплевать на черта не могу: прельстителень, дьяволь!“

Иванъ Кузьмичъ урывками уговаривалъ Оеклушку ѣхать съ нимъ въ Саратовъ, давалъ на „думу“ день или два и снова принимался уговаривать.

Но Оеклушка, почувствовавшая, наконецъ, что зацѣпила волжскаго осетра, да такъ зацѣпила, что тому теперь ни за что изъ ея рукъ не уйти,— уговорамъ не поддавалась, а, опалая терявшаго всякое соображеніе Кошелькова огнистыми взглядами, твердила ему:

— Изсохну безъ тебя, золотой, въ щепочку, въ петлю, можетъ, полѣзу, а въ Саратовъ только законной твоей женой уѣду.

— Дура, ты пойми,— бормоталъ начавшій изнемогать въ неравной борьбѣ Иванъ Кузьмичъ,— неужто моему слову не

вѣришь? Какъ прїѣдемъ въ Саратовъ, сейчасъ-же за попомъ пошлемъ... Мнѣ не вѣришь? Да мнѣ вся Волга вѣритъ, а дура-баба срамитъ...

— Вѣрю тебѣ, золотой, да заклиятіе такое дала: не могу по-иному! Хоть убей, не могу... И душа рвется на части, а чего не въ силахъ, того не сдѣлаю...

— Фу ты, глупая! Инда въ испарину вогнала своимъ глупымъ обхожденіемъ!—утиралъ Иванъ Кузьмичъ потъ съ лица. Онъ собирался съ мыслями, дабы начать уговоры сызнава, но Ѳеклушка уже исчезала, и Кошельковъ принимался бродить по дому съ такимъ видомъ, какъ будто его только-что изъ ушата водой окатили.

А изъ Саратова письма словно изъ мѣшка сыплются,—въ одномъ мѣстѣ его личное присутствіе необходимо, въ другомъ — приказчики не знаютъ, какъ поступить, а время не ждетъ, и хозяина подъ рукою нѣтъ...

Даже задыхается Иванъ Кузьмичъ, читая саратовскія посланія: бросить все надо и летѣть сломя голову въ Саратовъ, а онъ не можетъ...

Словно дурманомъ опоила его Ѳеклушка!

Лишнія, сверхъ положеннаго, молитвы читать стали и ничего не помогаетъ. Все, кажется, въ Москвѣ сдѣлалъ,—и дочь свою замужъ выдалъ, кажется, счастливо, и ограбить себя на миллионъ слишкомъ допустилъ, и товаромъ закупился, и расчеты покончилъ, а уѣхать не можетъ!

„Что, значить, отъ бабы-то отвыкъ;—думаешь онъ, отходя ко сну,—первая встрѣчная завертѣла... Да, вотъ какъ завертѣла, самъ не радъ! Удивительно только, какъ это Акимъ Спиридоновичъ о Ѳеклушѣ съ неглижой относится... Нешто еще красовитѣе у стараго черта есть! Не можетъ быть, чтобъ у него этого заведенія не было!“

Акимъ Спиридоновичъ началъ ужъ „отъ скуки“ къ Трофиму приставать:

— Когда-жъ твоего тестя нелегкая унесетъ?

— А что, папенька-съ?

— Надоѣлъ. Надо дѣломъ заниматься, а ты хороводься вотъ тутъ съ нимъ... Хоть-бы ты али твоя жена какъ-нибудь его спровадили...

Трофимъ только посмотрѣлъ на отца, вздохнулъ, но не сказалъ ни слова.

И развѣ онъ могъ сказать Ивану Кузьмичу это? Никакихъ расчетовъ не выходило. Самъ собирается къ нему въ

сундуки залѣзть и вдругъ гнать начнетъ... За дурака, что-ли, его Акимъ Спиридоновичъ считаетъ?

Какъ уѣхать въ Саратовъ, онъ уже „обмозговаль“.. Мѣсяцъ спустя отпросится у папеньки тестя навѣститъ, потому Евдокія Ивановна съ непривычки-то къ новому мѣсту скучлива стала: по отцѣ груститъ, по дому, по комнатѣ своей дѣвичьей... Отпуститъ безъ всякаго сомнѣнія, а тамъ видно будетъ...

Не это, собственно говоря, смущало Трофима. Обманывая самъ людей, „которые довольно просты“, онъ боялся того - же обмана со стороны тестя: и простому человѣку не очень - то лестно сѣсть между двухъ стульевъ, а такому дѣльцу и гордецу, какъ Трофимъ Перелѣсковъ, и подавно.

Положимъ, человѣкъ онъ, этотъ самый Иванъ Кузьмичъ Кошельковъ, довольно ветхій, дни его, яко цвѣтъ сельній; изъ наслѣдниковъ имѣетъ одну дочь, Трофимову законную жену, — опаски, значить, особенной и промашки быть не можетъ, а вдругъ... Чертъ его знаетъ, что у него на умѣ... Нельзя-ли это какъ-нибудь „оформить“...

„Оформить“ отношенія неизвѣстнаго будущаго — лучше всего... А какъ съ этимъ подѣхатъ къ тестю? Того гляди, еще обидится, и все дѣло испортишь... Съ женой говорить не стоитъ; баба „мужскихъ дѣловъ“ понять не можетъ, а ежели ее въ нихъ сунуть, такъ она, пожалуй, такую кашу заваритъ, что самъ чертъ се не расхлебаетъ.

Дня три спустя послѣ свадьбы Трофимъ осторожно закинулъ удочку.

Кошельковъ, у котораго голова было забита „подлой“ Ѳеклушкой, долго не понималъ, о чемъ ему толкуетъ зять, а когда понялъ, тотчасъ-же сообразилъ, что зять ему не довѣряетъ.

Ивану Кузьмичу стало грустно: всѣ ему не вѣрятъ: и Ѳеклушка, и зять... Господи, Боже! Почему такъ? Обмануль - ли онъ хотя кого-нибудь въ жизни? Заставиль - ли хоть одного человѣка сомнѣваться въ его словѣ?

Сталъ онъ вспоминать прошлое, и оказалось, что обманутыхъ имъ была тьма-тмушая... Иногда просто по разсѣянности или забывчивости обманываль, но все-таки обманываль...

„Откуда зять - то съ Ѳеклушкой это пронюхали? — сердился онъ въ душѣ.— Неужто про меня такая слава по Москвѣ пущена?“

Онъ и не сообразилъ, что обманувшіе кого-либо хоть разъ въ жизни сами больше не вѣрятъ никому.

— Такъ ты мнѣ, Троша, не довѣряешь? — спросилъ Иванъ Кузьмичъ, со смиреніемъ кающагося грѣшника, — такъ, что-ли?

— Ахъ, папенька! — патетически воскликнулъ Трофимъ, прижимая руки къ груди, точно изъ нея хотѣла вылетѣть сама жизнь. — Вамъ не довѣрять, избави насъ отъ лукаваго? Господи! Я не о томъ, собственно... Мнѣ чтобъ вольный духъ имѣть...

— Ладно. Дай сюда бумагу и чернилъ.

— Папенька, зачѣмъ это-съ? Ей-Богу, эвто ни къ чему...

— Чернилъ! — стукнулъ по столу Кошельковъ и начерталъ на подсунутой Трофимомъ бумагѣ: „беру онаго Трофима Перелѣскова къ себѣ въ довѣренные по дѣлу и плачу ему въ годъ пятьдесятъ тыщъ жалованья“.

— Ну? — спросилъ онъ, сунувъ Трофиму бумажку. — Мало, что - ль?

— Сверхъ мѣры даже, избави насъ отъ лукаваго! — бормоталъ Трофимъ, складывая дрожащими руками бумагу. — Только вы это совсѣмъ напрасно, папенька-съ... Потому я совсѣмъ даже этого не желалъ...

Но Кошельковъ, обрадовавшись, что, наконецъ, покончилъ докучное дѣло съ зятемъ, смотрѣвшимъ ему постоянно въ глаза съ такимъ видомъ, какъ будто онъ готовъ былъ въ любой часъ зятя ограбить, вернулся всѣми своими помыслами къ Оеклушкѣ.

На пятый или на шестой день свадьбы Трофима Кошельковъ, послѣ ужина, совсѣмъ неожиданно встрѣтилъ въ своей комнатѣ Оеклушку, разбиравшую его постель и взбивавшую, вздрагивая плечами, подушку.

— Оеклуша! — воскликнулъ Кошельковъ.

— Ужъ вы простите, золотой, ради Христа, что я объ васъ стараюсь... Мужика - то хозяинъ въ ночевку къ женѣ отпустилъ...

— Ну, его къ лѣшему! — усмѣхнулся радостно Иванъ Кузьмичъ. — А я съ тобой поговорить хотѣлъ... Ъду я на-дняхъ... Дѣловъ тамъ, въ Саратовѣ, столько накопилось, что въ два мѣсяца не передѣлаешь...

— Счастливаго вамъ пути, Иванъ Кузьмичъ, — вздохнула Оеклушка и такъ глянула на Кошелькова, что у того даже борода затряслась отъ волненія.

— Слушай, Оеклуша, не дури! — проговорилъ онъ глухимъ голосомъ. — Не поѣду я безъ тебя... Никакихъ денегъ не пожалѣю, а не поѣду...

Оеклушка притворила дверь вплотную и, подбѣжавъ къ Ивану Кузьмичу, схватила его за шею руками...

— А мнѣ-то безъ тебя, золотой, каково будетъ! — проговорила она, прижимаясь къ нему. — Либо въ петлю, либо въ воду... Одинъ конецъ!..

LVI.

— Безъ тебя и шагу изъ Москвы не сдѣлаю! Слышала? — спрашивалъ Иванъ Кузьмичъ, цѣпляясь за Оеклушкинъ станъ ходившими ходуномъ пальцами.

— А уѣдешь!..

— Икона вотъ... шагу не ступлю...

— Ну, такъ тебѣ, золотой, вѣкъ свѣковать въ Москвѣ придется, — шептала Оеклушка, дѣлая удареніе на первомъ слогѣ слова „придется“, — потому я Оеклушкой изъ Москвы тоже ни шагу.

— А кѣмъ же глупая?

— Оеклой Ивановной Кошельковой, золотой! — говорила читалка, приглаживая Ивану Кузьмичу ладонями волосы.

— Да, дура, ты пойми... радъ бы я радостью все по твоему сдѣлать, да огласка выйдетъ...

— И никакой огласки... Коли я тебѣ точно по душѣ пришла... По душѣ вѣдь, Иванъ Кузьмичъ?

— Не дразни, хуже будетъ... Коли бъ не по душѣ, какого черта я сталъ бы проживаться здѣсь? Мордой твоего хозяина любоваться, что ли?

— И никакой огласки, золотой... повѣрь ты Оеклушкѣ...

— Не понимаю... Или я одурѣлъ, или ты ошалѣла...

— А ты выслушай сперва: есть у меня попикъ такой, который, ежели ему хорошо заплатить, цѣльный годъ о нашихъ вѣнцахъ промолчить... Недавно его владыка попомъ поставилъ... полгода тому назадъ онъ къ намъ пѣвцомъ съ Рогожскаго ходилъ, а сейчасъ въ о. Никифору попалъ.

— Денегъ, что ль, у меня нѣтъ? За деньгами дѣло не постоитъ... Разблаговѣститъ только онъ безъ поры, безо времени... Вотъ, уѣду изъ Москвы, звони что хочешь...

— Ни одна живая душа не узнастъ... Я со двора отпущусь, а ты, золотой, часикъ спустя и приѣзжай къ о. Никифору... Покроетъ насъ онъ вѣнцами. Въ тѣ поры вези Оеклушку хоть на край свѣта... повсюду за тобой стѣнью пойду!..

Өеклушка прижалась къ Ивану Кузьмичу и впилаь въ него румяными губами.

У Ивана Кузьмича всѣ мысли волчкомъ завертѣлись.

Едва переводя духъ, онъ опустился на первый попавшійся стулъ и проговорилъ, тяжело дыша:

— Уйди, сатана!

— Спокойной ночи, пріятнаго сна, Иванъ Кузьмичъ!—поклонилась Өеклушка и высоко подняла голову.

— Стой!.. Ты куда?

— Въ свою келью дѣвичью, грѣхи замаливать—вольные и невольные... Вотъ, навелъ меня на грѣхъ, цѣловать заставлялъ, а самъ гонишь. И какъ я себя до этого допустила, подлая!

— Стой... Бѣги къ этому... какъ его, новоставленнаго-то

— Отецъ Никифоръ...

— Послѣзавтра я къ нему въ три часа заѣду... Слышала?

— Слышу, золотой...

— И ты чтобъ тамъ... Пуцай вѣнцами кроетъ... Ну? По твоему, что ль, сатана?

Өеклушка закатила глаза и, взвизгнувъ, бросилась на шею къ Кошелькову.

Цѣлуетъ Иванъ Кузьмичъ Өеклушку и что-то новое, совсемъ особенное въ разогрѣтой груди чувствуетъ: словно ему не подъ семьдесятъ, а подъ тридцать! Вся тяжесть лѣтъ легкимъ перышкомъ съ плечъ слетѣла, и въ равнодушно-усталыхъ глазахъ новая жизнь загорѣлась!

А отъ Өеклушки ровно полымемъ пышетъ—наклонила она голову на плечо молодого старика и забылась: мысли, одна другой лучше, одна другой счастливѣе, точно по щучьему велѣнію, роятся въ ея головѣ и огуманиваютъ приставшую, наконецъ, къ берегу Өеклушку...

И ни тотъ, и ни другая не слышатъ и не видятъ, какъ возлѣ нихъ стоитъ Настя и въ пятый разъ уже окликаетъ Ивана Кузьмича...

— Иванъ Кузьмичъ! васъ Евдокія Ивановна къ себѣ просятъ...

Очнулась прежде, конечно, Өеклушка. Метнулась она отъ Ивана Кузьмича въ сторону съ легкимъ крикомъ и растерялась на минуту.

Иванъ Кузьмичъ, не видя возлѣ себя Өеклушки, вмѣсто которой неизвѣстно почему вдругъ очутилась Настя, долго не понималъ, въ чемъ дѣло, а когда, наконецъ, понялъ, ни той, ни другой ужъ въ его комнатѣ не было.

Настя, неторопливо выйдя отъ Ивана Кузьмича, направилась къ себѣ внизъ.

Слѣдомъ за ней сперва нерѣшительно пошла Өеклушка, а затѣмъ, приведя себя въ настоящій видъ, догнала ее и фыркнула.

— Чудные, Настя, эти старики, сичасъ умереть!—проговорила она, давась отъ смѣха.—Присталъ: „поцѣлуй, да поцѣлуй, я тебѣ пряниковъ куплю!..

— Точно, что чудные,—отвѣтила Настя, тоже улыбаясь, но только совсѣмъ по иному.

— Тебя онъ не цѣловаль?

— Я, Өеклуша, до пряниковъ не охотлива!

— А ты до чего жъ больше охотлива?

— А и сама не знаю. Ровно бы ни до чего...

— Такъ и я не изъ-за пряниковъ. А такъ, знаешь, изъ уваженія... Сватъ хозяина и старичекъ съ уваженіемъ... Чего ради съ нимъ не пошутить?.. Отъ меня вѣдь куска не отвалится!

Настя молчала.

Только уже спустившись внизъ, Өеклушка крикнула ей вслѣдъ со злостью:

— А ты, красавица, что хочешь про меня думай, мнѣ наплевать... Я и жить-то въ этомъ подломъ домѣ не стану... Слышала?

Настя даже не повернулась.

И когда Настя скрылась въ своей комнатѣ, Өеклушка плюнула и, вспомнивъ про Акима Спиридоновича, стрѣлой ринулась наверхъ.

— Ты гдѣ же это шатаешься?—встрѣтилъ ее Перелѣсковъ, сердито посматривая изъ-подъ нависшихъ бровей.—Постель не разобрана... Ничего не готово...

— Прости, Христа ради, Акимъ Спиридоновичъ, позамѣшкалась,—отвѣтила та, хватаясь за подушки.—Да ужъ больно случай-то смѣшной...

Өеклушка захихикала и уткнулась головой въ подушку.

— Какой случай?

— Постой, дай духъ перевести... Охъ, батюшки... инда колотье въ груди... Ха, ха, ха!

— Да скажешь ты али нѣтъ? Истинно сказано: дураковъ никто не сѣетъ, не оретъ, а сами родятся...

— Да, ужъ оченно, прости Христа ради, смѣшлива я... Ежели что смѣшное увижу, смѣюсь до той поры, покуда потъ не прошибетъ...

— Ну, а теперича прошибъ аль нѣтъ?

— Прошибъ, Акимъ Спиридонычъ, прошибъ... Бѣгу это я, знаешь, къ тебѣ мимо покоевъ Ивана Кузьмича... И такъ тороплюсь, такъ тороплюсь, что то на одинъ стулъ налечу, то на другой...

— А ты не расписывай,—зѣвнулъ Акимъ Спиридоновичъ,—кратче изъясняй. .

— Пробѣжала было мимо, только вижу вдругъ—свѣтъ отъ Ивана Кузьмича, потому дверь-то не вплотную притворена... Я, по бабьему любопытству, сейчасъ глазкомъ туда...

— Давно бы ослѣпить твой глазокъ надо,—проворчалъ Акимъ Спиридоновичъ,—смотреть онъ всегда не на что слѣдуетъ.

— Обижаешь сироту, Акимъ Спиридонычъ! Ужъ я ли, кажись, не стараюсь...

— Ладно... ну, заглянула? А потомъ что? Видишь: этотъ саратовскій дуракъ одинъ, ты сейчасъ къ нему?..

— Это я-то? Спаси тебя Христось за такую обиду! Какая мнѣ отъ него корысть, спрашивается? Что онъ мнѣ: родня али хозяинъ!

— Ну, ну, ужъ... окрысилась!—улыбнулся Перелѣсковъ.— Говори, что увидала-то?

— А то увидала, что сперва было своимъ глазамъ не повѣрила, а потомъ смѣхъ разобралъ: гляжу, сидитъ у Ивана Кузьмича на колѣнкахъ Настька и плѣшь ему ручищей разглаживаетъ.

— Врешь?

— Съ мѣста не сойти! А онъ, знаешь, губами жуетъ, глазами вертитъ и бородой, ровно козелъ, трясеть... Я такъ со смѣху къ полу и присѣла... и смѣяться-то боюсь: неровень часъ—услышатъ, и не смѣяться силушки нѣту... Уткнулась я въ полъ носомъ, зажала ротъ рукой, да такъ и пролежала, покуда съ меня смѣхунъ не сошелъ.

— Ай-да свать!...—расхохотался Акимъ Спиридоновичъ, представляя себѣ фигуру Ивана Кузьмичу съ Настюшкой на колѣняхъ.—Много еще въ немъ блохъ скачетъ... Ха-ха-ха!..

Хихикала ему въ тонъ и Оеклушка. А когда она, наконецъ, очутилась въ своей кельѣ, лицо ея освѣтилось довольною улыбкой.

„Попробуй теперича, красавица, сказать, что я Ивана Кузь-

мица цѣловала!—съ злорадствомъ подумала она.—Живо за ворота тебя Акимъ Спиридонычъ выставить!“

Для чего это ей было, она и сама не знала... Не все ли ей равно, скажетъ про нее Настя что-нибудь или нѣтъ, когда она завтра же, ни свѣтъ, ни заря, ударится къ попику Никифору, а послѣзавтра станетъ законною женой Ивана Кузьмича Кошелькова?

Такъ ужъ видно,—по привычкѣ вѣчно лгать и вертѣться передъ всѣми, выставляя напоказъ свои, давно утраченныя, добродѣтели...

Обмануть и подкупить своею напускной искренностью она могла только такихъ стариковъ, потерявшихъ всякій интересъ къ жизни, какъ Акимъ Спиридоновичъ и Иванъ Кузьмичъ, у которыхъ на первомъ и послѣднемъ планѣ было одно лишь—стяжаніе; но даже и ихъ не было цѣли обманывать: они давно уже утратили понятія о добрѣ и злѣ, о правдѣ и кривдѣ и всегда ихъ путали, принимая одно за другое ..

Өеклушка и сама эти понятія постоянно путала, и когда лгала, въ этотъ моментъ была твердо увѣрена въ томъ, что говоритъ самую чистую и настоящую правду...

Разобраться же въ томъ сумбурѣ, какой она вносила въ свою личную жизнь, ей не было времени: она слишкомъ торопилась жить, цѣпляясь жадными руками за все, что только, по ея мнѣнію, представляло извѣстную выгоду.

Она знала, что ся знакомый новоиспеченный попикъ о. Никифоръ рано отправлялся на Рогожское за службу, и поэтому, боясь проспять, просыпалась каждые полчаса и, отдернувъ темную занавѣску окна, смотрѣла на небо.

Не было еще и шести часовъ, когда она спрыгнула съ постели, какъ ужаленная, и стала торопливо одѣваться.

Никифоръ жилъ въ Новой деревнѣ, недалеко отъ Рогожскаго кладбища, а чтобы добѣжать до его квартиры, необходимо было употребить на ходьбу не менѣе часа; вотъ почему Өеклушка, умывшись на-скоряхъ и не поглядѣвшись даже лишній разокъ въ зеркало, черезъ десять минутъ послѣ того, какъ поднялась, будила уже у воротъ храпѣвшаго дворника, зажавшаго въ мозолистой горсти ключи отъ воротъ и калитки.

— Куды это такую рань?—полюбопытствовалъ дворникъ, спросонокъ тыча ключемъ совсѣмъ не туда, куда слѣдуетъ.

— А ужъ это, Денись, не твоей головы дѣло!—огрызнулась Өеклушка и, выйдя за ворота, припустилась въ Новую деревню.

Попикъ Никифоръ, молодой еще парень, лѣтъ 35, съ пух-

лымъ круглымъ лицомъ, вправленнымъ въ жидковатую травчатую бородку, съ такимъ же пухлымъ и круглымъ животомъ, подававшимъ большія надежды на быстрое увеличеніе, сидѣлъ за самоваромъ и пилъ чай, который ему усердно наливала жена, худая, анемичная женщина лѣтъ тридцати, едва успѣвавшая рожать дѣтей. Квартирка у о. Никифора была небольшая, да и шириться ему пока было не изъ чего: семья росла съ каждымъ годомъ, а доходы увеличивались мало. Несмотря, однако, на недостатки, о. Никифоръ не терялъ веселаго настроенія, которое съ малыхъ лѣтъ его преслѣдовало. „Недохватки“ мало его беспокоили; не имѣя иногда и гривенника въ карманѣ, онъ смѣялся такъ, какъ будто у него въ сундукѣ тысячь сто лежало.

„Богъ далъ день, Богъ дастъ и пищу“,—говаривалъ онъ почасту и мало беспокоился о томъ, есть эта пища дома или нѣтъ...

Вслѣдствіе беззаботности своего характера, о. Никифоръ, конечно, терпѣлъ многое, но терялъ за то малое. Его любили именно за эту беззаботность птицы небесной и, приходя къ нему, со смѣхомъ говорили: „а ну-ка, поглядимъ, какой ты насъ пищею угобзишь нынѣ?..“ И выходило всегда какъ-то такъ, что анемичная и молчаливая жена Никифора раздобывалась пищею и угобжала ненасытныя утробы гостей...

Жадность у него къ пріобрѣтенію капиталовъ была, но такъ какъ капиталы эти пока ему въ руки не ползли, онъ удовлетворялся и тѣми лептами, которыя перепадали на его долю.

На богачей онъ не смотрѣлъ съ раболѣпствомъ, какъ другіе, а только думалъ иногда: „эхъ, ежели бы мнѣ его капиталы, показалъ бы я всѣмъ, какъ лягушки скачутъ!“

И вотъ къ этому-то попику, который при иныхъ условіяхъ жизни могъ бы показать изумленному міру, какъ лягушки скачутъ, примчалась Оеклушка.

— Читалка отъ Перелѣскова, Акима Спиридоновича,—доложила ему жена, выходившая на хлопанье дверей.—Тебя видѣть желаетъ.

— Которая читалка?—спросилъ о. Никифоръ, относя наполненное дымившимся чаемъ блюдечко въ сторонку отъ влажныхъ губъ.

— Оеклуша.

— А-а,—протянулъ о. Никифоръ и, улыбнувшись, торопливо опросталъ блюдечко.—Зови, Митревна!..

Жена вышла, а о. Никифоръ, перекрестивъ лобъ, перешелъ въ смежную комнату, одна стѣна которой была сплошь увѣ-

шана иконами. Передъ нѣкоторыми изъ нихъ теплились лампы. Въ комнатѣ пахло воскомъ, ладаномъ и тѣмъ особеннымъ, кипариснымъ запахомъ, которымъ пропитываются и самыя стѣны, и одежда старообрядцевъ. Этотъ запахъ разносится по всему дому и на свѣжаго человѣка дѣйствуетъ такъ же успокоительно, какъ на нервную даму валерьяновыя капли...

Минуту спустя въ образную, состроивъ самое серьезное лицо, вошла Ѳеклушка и, поклонившись о. Никифору въ ноги, подошла къ нему подь благословеніе.

— А, живая душа на костыляхъ!—привѣтствовалъ тотъ ее съ легкою усмѣшкой.—Садись и сказывай, какая нужда ко мнѣ занесла?..

— Да ужъ безъ нужи, какъ говорится, не пойдешь по стужѣ...

— Грѣхи свои приволокла, что ли? Такъ ровно теперича не время...

— Э, о. Никифоръ, какіе наши бабы грѣхи! Языкомъ осудишь, чужому добру позавидуешь, только и всего...

— Ну? Совсѣмъ, значить, безгрѣшная,—продолжалъ подсмѣиваться о. Никифоръ.—Ужъ не приложится ли мнѣ къ тебѣ, пока не тѣсно?

— Шутишь все, о. Никифоръ, а я къ тебѣ по серьезному дѣлу пришла... По такому дѣлу, что рассказать боюсь...

— Вонъ оно что! Младенца, что ль, кому подкинула?

Ѳеклушка вспыхнула и поморщилась.

— Мы этими дѣлами не занимаемся... Я дѣвица покуда по паспорту.

— И дѣвицы со всячинкой бываютъ, Ѳеклуша! Ну, ладно, сказывай, какое дѣло... Пошутили, а теперича давай про сурьезы,—проговорилъ о. Никифоръ, видя, что Ѳеклушка продолжаетъ морщиться.—Отъ себя ты али отъ Перелѣсковыхъ дослана?

— Отъ себя, о. Никифоръ. Дѣло такое. Хочешь три тыщи рублей получить?

— Эна, что сказала! Да какъ же не хотѣть, коли у меня отродясь такого капитала въ рукахъ не бывало? Отъ кого же я ихъ получу и за что?

— Перевѣнчать завтра долженъ одного вдовца съ дѣвицей...

— Нда... перевѣнчать-то не бѣда, да точно ли дѣвица—дѣвица, а вдовецъ—вдовецъ?.. Какъ бы женатыхъ вѣнцами не прикрыть...

— Знаешь ты ихъ обоихъ, о. Никифоръ, такъ что сумлѣваться не станешь...

— Дѣло десятое, — потерь руки попикъ и придвинулся ближе къ Ѳеклушкѣ. — Кто же вдовець-то, скажи?

— Главнаго-то тебѣ я и не сказала, — съ тѣмъ и дають три тыщи, чтобы ни одна душа объ ихъ вѣнцахъ мѣсяць не знала...

— Да, да, да, — задумался о. Никифоръ, — какъ бы тутъ подвоху какого не вышло... Вдовець-то, говорю, кто?

— Кошельковъ, Иванъ Кузьмичъ... а дѣвица, на которой онъ жениться пожелалъ, — я... Ѳеклушка... сирота горемычная...

О. Никифоръ отъ такого извѣстія такъ растерялся, что минутъ съ пять молча и выпуча глаза смотрѣлъ на сидѣвшую передъ нимъ въ смиренной позѣ Ѳеклушку.

LVII.

Ѳеклуша, вздыхая, разсматривала иконы, освѣщенные мерцающимъ свѣтомъ лампадъ.

„Ой, спятила дѣвка! — думалъ о. Никифоръ, не сводя взгляда съ Ѳеклушки. — А, можетъ, и не спятила... Дѣвка она вотъ какая, кого хочешь завертѣть можетъ... Я и самъ на нес, прости Господи, когда въ пѣвцахъ состоялъ, арапа запускалъ... Искушался, значить, духомъ нечистымъ! И зѣло искушался!..“

— Такъ какъ же, о. Никифоръ? — прервала молчаніе Ѳеклушка, видимо довольная произведеннымъ ею эффектомъ. — Что ты мнѣ на это скажешь?

— Ушамъ своимъ, знаешь, плохо довѣряю, Ѳекла... Ѳекла... прости Христа-ради, забылъ, какъ твоего родителя величали?..

— Ивановъ, о. Никифоръ...

— Значить, Ѳекла Ивановна... Чудесно... и невѣроятно даже.

— Это ты насчетъ чего, отецъ?

— Да чтобы такое лицо, какъ Иванъ Кузьмичъ, и вдругъ того...

— На читалкѣ Ѳеклушкѣ женился? — подхватила та. — А Богъ это мнѣ за мое сиротство посылаетъ...

— Развѣ что за сиротство, — промычалъ тотъ, пытливо всматриваясь въ Ѳеклушку.

— И сама я этого, о. Никифоръ, никакъ не ожидала... Могла я рази мечтать о такомъ счастьи?

— Ну, мечтать-то никому не запрещено, была бы охота...

— А я не дерзала... И вдругъ приглянулась Ивану Кузьмичу... „Поведеніемъ, — говоритъ, — Ѳеклуша, ты мое сердце покорила...“

— Справки, значить, о твоёмъ поведеніи наводилъ? — съ легкою усмѣшкой произнесъ о. Никифоръ.

— Вотъ ужъ чего не знаю, того не знаю, — скромно опустила Ѳеклуша глаза. — Да ужъ такъ думаю, что не безъ того было... „Ни за что, — говоритъ, — безъ тебя въ Саратовъ не уѣду... Успокой мою старость, потому мнѣ сичасъ и глаза закрыть некому; дочь я выдалъ замужъ, а вокругъ да около ни единой души родной...“ Подумала я, подумала, о. Никифоръ, да и дала согласіе... Доброе дѣло, думаю, сдѣлаю...

— Вѣрно и правильно разсудила, Ѳекла Ивановна, — согласился о. Никифоръ, собравшій наконецъ, что въ жизни часто „изъ грязи прыгаютъ въ князи“. — Ваше дѣло женское такое, чтобы къ мужчинѣ лѣпиться и жизнь его услаждать...

— Одобряешь, значить, бракъ нашъ, отецъ?

— Весьма. Незаконнаго въ вашемъ бракѣ я ничего не вижу: онъ — вдовъ, а ты — дѣвица, значить, вольны поять другъ друга, дондеже не раздеретесь... Хе-хе... Шучу я все, Ѳекла Ивановна, по своему своенравію.

— Давно тебя за шутника знаю... Я и сама пошутить люблю...

— Ну, не очень-то любила, когда я пѣвцомъ былъ...

— Акимъ Спиридонъ у насъ очень строгъ... Такъ какъ же, о. Никифоръ? Что мнѣ моему нареченному сказать? Онъ вѣдь прямо къ тебѣ послалъ...

— Ну?

— Съ мѣста не сойти. Любятъ тебя всѣ, и слухи идутъ посему хорошіе.

— Чтожъ, давай Богъ часть добрый: пріѣзжайте, прикрою вѣнцами.

— Ну и ладно! — закончила Ѳеклушка и поднялась

Поднялся и о. Никифоръ.

— Только объ одномъ просить Иванъ Кузьмичъ тебя, чтобы ни одна душа не знала о нашемъ сочетаніи, покуда мы изъ Москвы не уѣдемъ... Слышишь, отецъ?

— Слышу. И я такъ понимаю, что Ивану Кузьмичу вельми стыдно по случаю своихъ преклонныхъ лѣтъ...

— А ужъ стыдно ему али нѣтъ, объ этомъ не намъ съ тобою, отецъ, разсуждать... И лѣга его не такія преклонныя, чтобъ ему отъ женитьбы своей стыдиться, да и я дѣвушка честная... А какъ вѣнцами насъ покроешь, сичасъ тебѣ три тыщи... Такъ мы завтра въ 3 часа, о. Никифоръ, къ тебѣ... Но только, чтобъ ни одна душа не знала...

— Да ужъ будьте покойны, Ѳекла Ивановна... И къ чему сіе разглашать, ежели Ивану Кузьмичу не желательно?

— Разговоровъ онъ лишнихъ не желаетъ... А какъ уѣдемъ, говори что хочешь...

— Вѣрно, вѣрно,—поддакивалъ о. Никифоръ,—все вѣрно, Ѳекла Ивановна... Съ нареченнымъ пріѣдешь?

— А этого ужъ не знаю... Думаю такъ, что порознь, чтобы лишняго чего не произошло...

— Порознь лучше... А то смекнуть, пожалуй, и свалятъ потомъ на меня: „это,—скажутъ,—намъ о. Никифоръ разсказалъ...“ А я ни сномъ, ни духомъ...

— Врозь и пріѣдемъ... Ну, спаси тебя Христось за согласіе... Авось съ твоей пастырской руки сиротѣ легкою жизнь станетъ...

Ѳеклушка швырнулась снова въ ноги о. Никифору, который теперь уже бросился ее поднимать, и вышла изъ моленной съ сіяющимъ лицомъ.

Никифоръ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, пощипывая свою травчатую бородку, затѣмъ, состроивъ серьезное лицо, шагнулъ въ смежную комнату, служившую ему спальней, гдѣ, увидавъ жену, махнулъ ей рукой.

— Зачѣмъ Ѳеклушка-то приходила?—полюбопытствовала та, давая подзатыльникъ сынишкѣ лѣтъ двухъ-трехъ, который пугался у нея въ подолѣ платья и просилъ калача.—Аль Акимъ Спиридонъчъ умирать собирается?

— Не то, Митревна!—махнулъ о. Никифоръ рукой.—Переѣсковъ изъ стараго лѣса: скрипитъ дерево, а стоитъ... и многіе годы простоить, доколѣ дровосѣкъ топоромъ не подрубить... Ни за что не угадаешь, зачѣмъ ко мнѣ Ѳеклушка приходила.

— Рожу Ѳеклушкину я видѣла, такъ что догадка тутъ простая... Коли не насчетъ Акіма Спиридонъча приходила, не по хозяйскому дѣлу, значить, по своему. Такъ, что ли?

— Такъ...

— Гляди, поймала дурака и вѣнцами прикрыть тебя просила?

— Ахъ, шутъ тебя дери!—разсмѣялся о. Никифоръ.—Да ты подслушала? Кайся, Митревна?

— Вотъ икона: и не думала... По рожѣ, говорю, ея смѣтила.

— Ну, вотъ и скрой отъ бабъ!—расхохотался тотъ.—На два аршина въ землю видятъ... А за кого выходитъ она, какъ ты думаешь?

— Ну, какой ее путный лѣшій возьметъ!—брезгливо отне-

слась попадья.—Молодецъ какой-нибудь перелѣсковскій, на Оеклушкины укладки позарившись...

— Ага! Вотъ и не угадала! Молчи только до времени: за Ивана Кузьмича Кошелькова выходить! За саратовскаго милліонера! Что? опѣшила?

— Эта... за Кошелькова... эта?..

У попадья чуть было не слетѣло оскорбительное слово, но она удержалась и озабоченно спросила у мужа:

— А ты не знаешь, какъ ее по отчеству величаютъ?

Акимъ Спиридоновичъ съѣзжалъ со двора въ городъ съ Трофимомъ, когда Оеклушка юркнула въ калитку, вернувшись отъ о. Никифора.

— Ты это откуда?—крикнулъ ей старикъ изъ пролетки.

— А въ лавку за иголками бѣгала,—отвѣтила та, кланяясь низенько хозяину.

Перелѣсковъ махнулъ рукой, и пролетка покатила далѣе.

Оеклушка посмотрѣла на сгорбленную спину Акима Спиридоновича, на сидѣвшаго бочкомъ и ухмылявшагося Трофима, косившаго на нее глаза, и улыбнулась злой, торжествующей улыбкой.

Одинъ только день! Только бы дожить до завтра, а тамъ...

Она чуть не задохнулась отъ волненія и долго стояла у чернаго крыльца, схвативъ рукою замиравшее сердце и тяжело дыша.

Евдокія Ивановна, оставшись въ первый разъ безъ мужа въ этомъ громадномъ домѣ, въ которомъ съ отѣздомъ хозяевъ въ городъ становилось жутко отъ воцарявшейся въ немъ тишины, отправилась къ отцу.

Иванъ Кузьмичъ, разставшись послѣ чаю со сватомъ, забился въ свою комнату и отъ скуки принялся за чтеніе „пролога“.

— Уѣхалъ мужъ-то?—спросилъ онъ, увидавъ дочь.

— Уѣхалъ, папенька, не надолго только... часа черезъ два обѣщаль вернуться...

— Скучаешь?

— Скучно,—отвѣтила Евдокія Ивановна и посмотрѣла въ окно, выходившее въ садъ.

— Я самъ того... соскучился по Саратову,—пробормоталъ Иванъ Кузьмичъ, захлопывая книгу и щелкая мѣдными застеж-

ками.—И дѣла запустилъ .. въ мѣсяцъ не передѣлаешь... Послѣ-завтра думаю уѣхать...

Евдокія Ивановна вздрогнула.

— Такъ скоро, папенька?

— Скоро! Я и такъ сверхъ мѣры здѣсь загостился... Читала, чай, какія письма изъ Саратова пишутъ?

— Да вѣдь и вы письма пишете...

— Ничего ты, Душа, не понимаешь: на бумагѣ нешто возможно все высказать?.. Да и письма пропасть могутъ... Безпремѣнно послѣзавтра уѣду...

— Ну, хоть недѣлку одну поживите... одну недѣлку только!—умоляющимъ голосомъ произнесла Евдокія Ивановна.

— Нельзя, глупая... ей Богу нельзя... Да и чертъ ли мнѣ тутъ проживаться, когда дома неотложныя дѣла ждуть?.. Да ты что ужъ оченно сумлѣваешься-то? Говорилъ, чай, мужъ, что скоро въ Саратовъ пріѣдетъ.

— Ахъ, папенька! Не отпустить насъ Акимъ Спиридоновичъ!

— Ну, какъ это... не отпустить! Да что ты—крѣпостная, что ли? Замужъ я тебя отдалъ, а не въ крѣпость,—бормоталъ Иванъ Кузьмичъ, сознавая, что все это говоритъ онъ только для того, чтобъ утѣшить дочь.—Скажу ему, чтобъ отпустилъ... Да у насъ и уговоръ такой былъ съ Трошей, чтобы черезъ мѣсяцъ въ Саратовъ пріѣзжалъ...

— Не уѣдетъ Трофимъ Акимычъ, помяните мое слово,—покачала головой Евдокія Ивановна,—ни за что не отпустить его Акимъ Спиридоновичъ...

— Ну, это мы увидимъ. Не хнычь раньше времени. Вотъ, пріѣдетъ изъ города Троша, и я съ нимъ переговорю... слышала? Ну, а теперича иди... видишь, я чтеніемъ занятъ,—говорилъ Кошельковъ, забывъ, что онъ давно уже захлопнулъ книгу и положилъ ее на полку.

Евдокія Ивановна вышла, а Иванъ Кузьмичъ зашагалъ по комнатѣ, думая о Феклушкѣ, которая словно сквозь землю провалилась...

Онъ твердо рѣшилъ жениться на ней и удивлялся, какъ это она, зная его намѣреніе, скрывается отъ него точно на зло и заставляеть его сидѣть въ этой комнатѣ дуракомъ, невѣдомо кого и чего ожидающимъ...

„Къ концу бы скорѣй!—думалъ онъ,—повѣнчаться, да и въ Саратовъ... Опротивѣла мнѣ эта Москва хуже горькой рѣдьки...“

Иванъ Кузьмичъ выглянулъ за дверь и увидалъ дочь, медленно удалявшуюся въ сосѣднія комнаты.

И не успѣла еще Евдокія Ивановна скрыться, какъ возлѣ него, словно изъ земли, выросла Ѳеклушка... Лицо ея пылало, какъ заря, а по прищуреннымъ глазамъ летала такая шаловливо-задорная улыбка, что Кошельковъ невольно зачмокалъ губами, словно онъ проглотилъ что-то необыкновенно вкусное и сладкое.

— Ахъ, дура! Ахъ, сатана!—пробормоталъ онъ ласково и захлопнулъ дверь за юркнувшей въ его комнату Ѳеклушкой.

— Золотой,—донесся изъ-за двери Ѳеклушкинъ голосъ,— все твоя раба Ѳеклушка устроила! Все!

Евдокія Ивановна, бродя по комнатамъ, открыла окно и жадно потянула въ себя свѣжій весенній воздухъ. Верхушки деревьевъ и кустовъ зачернѣлись почками; въ глубокомъ безоблачномъ небѣ, высоко надъ землею тихо плылъ голодный ястребъ, высматривая добычу, а ниже его, перекликаясь между собою, метались по всѣмъ направлѣнiямъ легкорылая ласточка. Въ кустахъ шла неугомонная трескотня воробьевъ, а подъ кустомъ сирени оралъ пѣтухъ, хлопая крыльями и выгибая шею дугой... Евдокію Ивановну потянуло въ садъ, въ которомъ она не была еще ни разу.

Ей хотѣлось спуститься внизъ—къ рѣкѣ, пройти по зеленому ковру травы и послушать пѣніе птичекъ, цѣлыми роями перелетавшихъ съ одного дерева на другое...

Ей было не по себѣ. Она старалась привыкнуть къ Трофиму Акимовичу, осыпавшему ее ласками и предупреждавшему всѣ ея малѣйшія желанія, и не могла.

Она понимала такъ: Трофимъ—ея мужъ, а она его жена. Жена должна любить мужа, потому что онъ—и мужчина, и глава семьи, и еще потому, что она—женщина, созданная именно для того, чтобъ имѣть обязательно мужа, дѣтей и нести на своихъ плечахъ до самой могилы все, что связано съ названіемъ матери и хозяйки.

Евдокія Ивановна понимала, что это заведено такъ изстари, такъ должно быть и будетъ, а, между тѣмъ, чувствовала къ своей будущей роли полнѣйшее отвращеніе.

Она, напимѣръ, цѣнила ласки Трофима, но чтобы она ихъ чувствовала и душой, и сердцемъ,—этого не было...

Ей казалось порой, минутами, недобрыми, можетъ быть, минутами, что ласки брата Трофима были бы ей болѣе по сердцу, чѣмъ ласки мужа...

О такихъ ласкахъ она не имѣла ни малѣйшаго представленія, но ей казалось, что именно ласки Петра были бы именно такими, какихъ жаждало ея сердце, не умѣвшее еще разобратъся въ своихъ порывахъ и чувствахъ.

Петръ исчезъ. Петръ—ненормальный человѣкъ. И почему она, по какому праву, принимая ласки отъ мужа, совершенно здороваго, милаго и предупредительнаго мужа, думаетъ о ласкахъ сумасшедшаго человѣка?

Евдокія Ивановна отрещивалась отъ этой думы, какъ отъ дьявольскаго навожденія, и, творя молитву, засыпала съ мыслью, что у сумасшедшихъ ласки и поцѣлуи навѣрное совсѣмъ не похожи на тѣ, какими осыпаетъ ее Трофимъ...

Она оторвалась и отъ окна, и отъ своихъ думокъ и спустилась внизъ.

Со страхомъ проскользнула она полутемнымъ корридормъ и отворила послѣднюю дверь.

Евдокія Ивановна, когда была невѣстою Петра, была въ его комнатѣ, знала, гдѣ она находится, и поэтому, проходя мимо, невольно остановилась у двери.

Тамъ, за дверью, было тихо, какъ въ могилѣ.

Что онъ, спитъ? Или создаетъ своимъ болѣзненнымъ умомъ фантастическіе планы, въ которыхъ нѣтъ ни смысла, ни правды?

И больной умъ такъ же живетъ, какъ и здоровый. И у Петра, навѣрно, есть минуты радости, печали, восторга и унынія...

Зайти развѣ къ нему, посмотрѣть на него, поговорить!..

Евдокія Ивановна нажала ручку двери и опомнилась.

Ей стало страшно. Что скажетъ мужъ, что скажетъ отецъ, когда всѣ узнаютъ, что она была у Петра и говорила съ нимъ?

Какъ испугнутая лань, она бросилась впередъ и опомнилась только тогда, когда очутилась въ саду...

Пѣли птицы, свѣтило солнце, колыхалась зеленая травка отъ шаловливаго вѣтерка, а на душѣ Евдокіи Ивановны было тяжело и мрачно, какъ въ осеннюю ночь.

Она пробѣжала нѣсколько дорожекъ, зигзагами спускавшихся къ Яузѣ, и вдругъ остановилась, какъ вкопанная: въ десяти шагахъ отъ нея, на скамьѣ съ рѣшетчатою спинкой, сидѣлъ Петръ и, сложивъ на груди руки, смотрѣлъ куда-то вдаль...

LVIII.

Сперва Евдокіей Ивановной овладѣлъ страхъ: она хотѣла бѣжать назадъ, какъ бѣгутъ люди, за которыми гонятся призраки страшнаго... И она убѣждала бы, еслибъ ей повиновались ноги и если-бъ къ страху Евдокіи Ивановны не примѣшалась частичка любопытства, — любопытства, правда, женскаго, мелкаго, но тѣмъ не менѣе храбро боровшагося со страхомъ.

Двѣ недѣли, какъ она не видала человѣка, который былъ ея женихомъ, всего только двѣ недѣли, а, между тѣмъ, какая произошла въ нихъ перемѣна: она уже жена другого а онъ — осунулся, поблѣднѣлъ и согнулся въ дугу, какъ восьмидесятилѣтній старикъ.

Вокругъ нихъ ликовала природа, разсыпая щедрою рукою тепло, свѣтъ и чудныя весеннія краски, а они — и она и Петръ — какъ-будто были чужды этому ликованію и могли только жадно смотрѣть на чужое счастье, на чужой праздникъ, какъ смотрятъ прохожіе въ освѣщенныя окна дома, гдѣ пируютъ приглашенные на свадьбу гости.

Петръ не замѣчалъ Евдокіи Ивановны, — онъ весь былъ поглощенъ какою-то мыслью и смотрѣлъ на крестъ далекой колокольни за Яузой, вырисовывавшійся на голубомъ фонѣ неба.

Евдокія Ивановна не сводила съ него глазъ. Ей хотѣлось, чтобъ онъ повернулся и заговорилъ. Сама-же заговорить съ нимъ она не могла. И хотѣла, а не могла.

Точно языкъ отнялся...

Не лучше-ли уйти? Уйти такъ-же тихо, какъ и пришла. Онъ и не услышитъ, и не увидитъ ее, и ей въ чемъ потомъ будетъ раскаиваться...

Лучше уйти! Сейчасъ вернется мужъ изъ города, начнетъ ее искать и найдетъ... въ саду вмѣстѣ съ Петромъ!..

Какъ-будто она искала его и явилась къ нему на свиданіе... И это Трофимъ могъ подумать, потому что онъ такой-же мужчина, какъ и всѣ, а всѣ мужчины обыкновенно всегда думаютъ о женщинахъ только скверное.

Она рѣшила уйти и повернулась. Легкій хрустъ сухого сучка, раздавшійся подъ ея ногами, вывелъ Петра изъ задумчивости.

Онъ повернулъ голову и вскочилъ со скамейки.

— Евдокія Ивановна!—проговорилъ онъ, застегивая на пуговицы свой сюртучекъ.—Простите, я, можетъ, мѣшаю вамъ?.. Я уйду...

— Нѣтъ, нѣтъ... зачѣмъ же это... сидите, Петръ Акимовичъ!—отвѣтила та, подходя къ скамейкѣ и протягивая руку.

Она сѣла и тотчасъ же подумала: „зачѣмъ я это сѣлала? Мнѣ надо уходить, а я...“

И онъ сѣлъ поодаль, точно боялся осквернить ее своимъ близкимъ присутствіемъ.

— Чудная весна!—заговорилъ онъ, снимая картузь и подставляя свои волнистые волосы дувшему съ рѣки вѣтерку. — Смотрите, какъ оживаетъ все!.. Вотъ эта, напримѣръ, сухая на видъ палка... словно шелъ кто и воткнулъ ее, какъ лишнюю, въ землю, а она оживаетъ... Видите, какъ у ней пробиваются почки?.. Видите? Не пройдетъ и мѣсяца, какъ эта палка будетъ шумѣть своими листочками и расти кверху, тянуться къ свѣту, къ теплу... Вы прогуляться вышли?

— Да... какъ и вы, Петръ Акимовичъ...

Ей хотѣлось засыпать его вопросами. что съ нимъ? Какъ онъ себя чувствуетъ теперь? Почему не былъ на ея свадьбѣ? Почему его не видать въ домѣ?

— Я украдкой гуляю...—отозвался Петръ, грустно смотря на Евдокію Ивановну.—Вы не сказывайте тамъ, пожалуйста, что меня видѣли въ саду.

— Какъ—украдкою?

— За больного меня считаютъ, да и вы, конечно, считаете, ну и... не велятъ показываться на глаза людямъ. Я вамъ это потому говорю, что знаю, какой вы человекъ хорошій... на зло вы не способны... Нѣтъ, вѣдь?

— Нѣтъ... Впрочемъ, Петръ Акимовичъ, какое зло... на иное зло и я способна...

— Нѣтъ, вы ни на какое не способны... не клеветите на себя напрасно... Я тоже, вотъ, не способенъ... И надо-бы злымъ быть, а не могу... Да это ничего... главное, чтобы счастья добиться въ жизни... Всякій человекъ своего добивается: вы—одного, я—другого, вашъ мужъ—третьяго... да, вотъ, кстати, я еще васъ и не поздравилъ съ законнымъ бракомъ... но въ этомъ ужъ не я виноватъ... Только вы, ради Бога, не говорите тамъ, что меня видѣли... какъ-будто я умеръ и меня давно ужъ нѣтъ на свѣтѣ...

— Петръ Акимовичъ, — заговорила взволнованнымъ голосомъ Евдокія Ивановна, — вы напрасно мнѣ это говорите... меня отецъ считаетъ дуροю, а я все вижу и все понимаю...

Никогда я не вѣрила въ то, что вы больны, и никогда не повѣрю, въ особенности теперь, увидѣвши васъ... Это такая низость... такая подлость...

Евдокія Ивановна не удержалась и заплакала.

— Ради Христа...—подсѣлъ къ ней Петръ, испуганно смотря на свою бывшую невѣсту. — Евдокія Ивановна! — Зачѣмъ это? Не надо!.. Да я и не стою, чтобъ обо мнѣ плакали, и за одно, за одно только благодарю васъ... за одно... что вы не вѣрите тому, что я съ ума сошелъ... вотъ за это... Всему вѣрьте: если скажутъ, что я — воръ, гадина, убійца, — всему вѣрьте, но что я разумъ потерялъ, — ради Бога не вѣрьте... Вѣдь это все то-же, что сказать про человѣка, что онъ умеръ... Вы поймите, Евдокія Ивановна. Только одинъ разумъ управляетъ нашей жизнью, создаетъ ее, миритъ со всѣми невзгодами и несчастіями, а безъ разума нѣтъ жизни, нѣтъ счастья, нѣтъ вѣры ни во что... А я и вѣрю, глубоко вѣрю и въ Бога, и въ Его справедливость, и въ Его гнѣвъ, и милость... Да! Вотъ видите, Евдокія Ивановна, въ чемъ дѣло: въ мірѣ все не такъ понимается, какъ-бы слѣдовало... Если человѣкъ не вѣритъ ничему, ничего не признаетъ, поступаетъ противъ совѣсти всю жизнь, дѣлая однѣ гадости да подлости, — такой человѣкъ считается здоровымъ, здравомыслящимъ, а, вотъ, такіе, какъ я, — сумасшедшими... Почему это? И почему, наконецъ, скажите, съ вами, вотъ, я могу говорить такъ легко и свободно, по-человѣчески говорить, а съ отцомъ и братомъ не могу?

— Потому, что вы возмущены всегда ихъ несправедливостью,—отвѣтила Евдокія Ивановна, не сводя глазъ съ зарумянивагося отъ волненія лица Петра.

— Нѣтъ, не поэтому,—подумавъ, отвѣтилъ Петръ,—а просто потому, что я больной, а они — здоровые... А здоровый больного никогда не пойметъ... Но Богъ съ ними... Поговоримъ о васъ лучше... Вотъ вы теперь жена моего брата Трофима... Довольны вы имъ? Счастливы? Вы молчите, значить, мнѣ не слѣдовало спрашивать объ этомъ... Господи! Неужели, я и въ самомъ дѣлѣ разумъ потерялъ?

— Нѣтъ, Петръ Акимовичъ... нѣтъ... я довольна... Счастлива-ли, еще не знаю... Развѣ можно говорить о счастьѣ теперь?

— Почему-же, Евдокія Ивановна?

— Я только всего одну недѣлю замужемъ...

— Одну недѣлю! Боже мой! Да я одинъ часъ счастья счи-

таю за годъ... одинъ только часъ, а вы... Неужели вамъ брать не нравится?

Евдокія Ивановна не отвѣтила, а только съ укоризной посмотрѣла на Петра.

— Нѣтъ, онъ хорошій человѣкъ! — съ жаромъ продолжалъ Петръ.— Вы его полюбите, Евдокія Ивановна... У него есть, конечно, недостатки, а у кого ихъ нѣтъ? У кого? У всѣхъ есть... съ этимъ надо примириться... А про Трофима, хоть и много онъ мнѣ зла сдѣлалъ въ жизни, я по душѣ скажу: добрый человѣкъ... Въ рукахъ только его душу держите, воли ей не давайте... и вы будете счастливы...

— Никогда, Петръ Акимовичъ! — съ тоской произнесла Евдокія Ивановна.

— Будете! Повѣрьте мнѣ... Я знаю Трофима...

— Но вы меня не знаете.

— Васъ? — посмотрѣлъ Петръ на грустное лицо Евдокіи Ивановны.— Васъ я не знаю... то-есть мыслей вашихъ, сердца, но душа ваша какъ на ладони...

— И души моей не знаете... Мы съ вами съ перваго - же часа знакомства стали говорить другъ другу все, что]на душѣ и сердцѣ было.

— Да, да... Это такъ... Точно мы [съ вами вѣкъ свѣковали! — улыбнулся Петръ.

— Ну, такъ я и сейчасъ вамъ скажу по душѣ: не могу я счастливой быть съ вашимъ братомъ, хоть - бы онъ чище хрустала былъ... Не могу!

— Но почему, Евдокія Ивановна?

— Другого люблю!

Лицо у Петра точно сумерками покрылось...:

Онъ долго смотрѣлъ на опущенную на грудь головку Евдокіи Ивановны и, наконецъ, вздохнувъ, проговорилъ:

— Да. У васъ счастья не будетъ. И у меня этого счастья не было - бы, ежели - бы я женился на васъ: я тоже другую люблю!..

Евдокія Ивановна поблѣднѣла. Ей въ эту минуту казалось, что и солнце спряталось за облака, и всѣ птицы улетѣли изъ сада Перелѣскова, и темная лиловая травка поблекла и подернулась осеннею желтизной, и во всей природѣ замерла жизнь, которую смѣнилъ вдругъ мрачный и мертвый покой.

Петръ не замѣчалъ ничего: онъ смотрѣлъ впередъ и любовался игрою лучей на золотомъ крестѣ зарѣчной колокольни.

Издалека, сверху, донесся голосъ Трофима, искавшаго свою жену:

— Душечка, Евдокія Ивановна! Гдѣ вы, избави насъ отъ лукаваго?

Евдокія Ивановна вздрогнула, словно проснувшись отъ долгаго, мучительнаго сна, и, не смотря на Петра, поспѣшно побѣжала по дорожкѣ вверхъ.

Петръ даже не замѣтилъ ея ухода.

Иванъ Кузьмичъ, сообразно желаніямъ Ѳеклушки, рѣшилъ до прїѣзда въ Саратовъ никому, даже родной дочери, не говорить о томъ, что онъ поялъ себѣ въ жены Ѳеклу Ивановну Растрепову. Это избавляло его и отъ глупыхъ поздравленій, совсѣмъ его гонору нежелательныхъ, и лишннихъ расходовъ.

Расходоваться Кошельковъ вообще не любилъ, а такъ, ни за что, ни про что, здорово живешь, и подавно.

Попу, вотъ, одному три тыщи отдай! Хорошо, ежели съ нимъ Ѳеклушка подѣлится,—онъ и на это по своимъ купеческимъ взглядамъ уповаль,—урветъ у попа тыщенку, а то жалко! Поди-ка, наживи эти три тысячи! Положимъ, дѣло такое, секретное, платитъ надо, а денегъ все-таки жаль... И все изъ-за нея,—подлой: поѣхаль-бы въ Саратовъ, и аминь: за полсотни любой-бы попъ ихъ тамъ обвѣнчалъ... Уперлась! Съ характеромъ, чертъ ее дери, дѣвка! А характеръ-то ея Ивану Кузьмичу въ одной Москвѣ въ три тысячи влѣзаетъ... Въ Саратовѣ, конечно, онъ воли ея глупости не дастъ, на этотъ счетъ она ужъ можетъ быть спокойна, а все-таки трехъ тысячъ жалко!..

Не поторговаться-ли передъ вѣнцомъ-то?

У Ивана Кузьмича, какъ и большинства коммерческихъ людей, вождельнія съ расчетомъ шли рука объ руку, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что свою вспыхнувшую страсть къ Ѳеклушкѣ онъ разсыропливалъ простою ариометикою. Ариометику эту онъ забывалъ только тогда, когда оставался съ глазу на глазъ съ дурманившей его коммерческой умъ Ѳеклушкою, а какъ только та исчезала,—въ освобождавшуюся отъ дурмана голову Ивана Кузьмича лѣзли, по привычкѣ, давно знакомыя цифры.

Ѳеклушка это знала по Перелѣскову: отъ послѣдняго она за всю свою любовь и собачью преданность получала гроши, на которые ни собольей шубы не сошьешь, ни избы не выстроишь; но Ѳеклушка рассчитывала прежде всего на власть

хозяйки, ею-же домъ правится, а, во-вторыхъ, на недолго-вѣчность Кошелькова, у котораго уже начинала трястись голова и расшатываться походка.

Она не рассчитывала блистать въ Саратовѣ при жизни мужа: много она терпѣла въ жизни, перетерпитъ и супружескую муку, но за - то, когда этого супруга не станетъ, она покажетъ себя всѣмъ и каждому!

Вся Волга у ея ногъ будетъ!.. Ахъ, поскорѣе бы только все это: и повѣнчаться, и похоронить стараго дурака!

Өеклушкѣ минутами казалось, что стоитъ только совершиться первому, какъ второе непременно въ самомъ непродолжительномъ времени случится. Да если-бъ и не случилось, такъ переждать можно; во всякомъ случаѣ, быть женою волжскаго миллионера Кошелькова несравненно лучше, чѣмъ почесывать пятки у Перелѣскова, цѣнившаго эти почесыванья не на серебро, а на ассигнаціи.

Дѣйствовала она тонко, да иначе и быть не могло: слишкомъ много она пережила и претерпѣла. Объявить Акиму Спиридоновичу, что она уходитъ отъ него совсѣмъ, Өеклушка не могла. Она очень хорошо понимала, что Перелѣсковъ, обзлившись, не постѣснится Ивана Кузьмича, обзоветъ ее всяческими именами, какія только на языкъ его подлый придуть, и,— чѣмъ чертъ не шутить,— разрушить, пожалуй, всѣ ея планы и все ея будущее благополучіе. Какъ ни отуманень ея чарами Иванъ Кузьмичъ, а все-жъ-таки пойметъ, что величать Өеклушку „всякимъ способомъ“ можетъ только человѣкъ, имѣющій на то неоспоримое право.

Өеклушка это понимала отлично, и чтобъ провести Акима Спиридоновича, не спала ночей, удумывая эту „проводку“...

Лихорадочныя интриги были второю жизнью Өеклушки и поэтому не вліяли пагубно на ея здоровье. Напротивъ, чѣмъ больше она запутывалась въ узлахъ жизни, тѣмъ ярче блестѣли ея глаза и обольстительнѣе дѣлалась улыбка.

Всѣ тревоженія слетали съ нея, какъ съ гуся вода: стоило ей только встряхнуться, сотворить подходящую случаю и времени молитву, и Өеклушка моментально успокаивалась въ твердой увѣренности, что если она и не выиграетъ начатую битву, то ужъ, во всякомъ случаѣ, не будетъ побѣжденной окончательно.

Впереди въ жизни такъ много шансовъ на лучшее, что когда-нибудь и вернешь всѣ свои проигрыши.

И удумала. Въ тотъ-же вечеръ наканунѣ своего вѣнчанія съ Кошельковымъ, изъ объятій котораго Өеклушка вырвалась

съ большимъ усилиемъ, она прошмыгнула къ Акиму Спиридоновичу и, затыкая его теплымъ одѣяломъ со всѣхъ сторонъ и крестя отходящаго ко сну въ покоѣ и невѣдѣніи, сообщила ему, что завтра уйдетъ со двора къ теткѣ.

— Почасту стала со двѣра шлендрать! — замѣтилъ Акимъ Спиридоновичъ.

— Помирающая тетенька-то, золотой! Водянка у ей, такъ что въ три часа соборовать надумали...

— Ну, это дѣло доброе, — согласился тотъ добродушно. — Плоха, стало-быть?

— Да ужъ такъ плоха, что безъ похоронъ не обойдешься... Къ вечеру ужъ я домой-то вернусь...

— Ну, что-жъ... дѣло такое... съ Богомъ!

— Спаси Христось за неоставленіе! — поклонилась Ѳеклушка и, дунувъ на свѣчку, поторопилась уйти изъ опочивальни хозяина.

— Постой! Ты что-жъ этакъ-то? — остановилъ ее тотъ.

Ѳеклушка вернулась, отыскала въ темнотѣ голову Акима Спиридоновича и прильнувъ губами къ его губамъ, поцѣловала Перелѣскова нѣсколько разъ.

— Тѣфу, — сѣкнула она, выходя, — ровно на роду мнѣ написано старыхъ чертей цѣловать!.. Одинъ слюнявый, а другой — трясушка... Тѣфу! Ну, ужъ врите, мои милые... дайте срокъ, свое возьму!

Ѳеклушка вытерла губы, спустилась внизъ и, очутившись въ своей кельѣ, полѣзла въ сундукъ за сарафаномъ, въ которомъ она давно уже мечтала повѣнчаться съ избранникомъ сердца...

LIX.

Акимъ Спиридоновичъ, какъ извѣстно, вставалъ рано и, если былъ въ духѣ, послѣ обычной утренней молитвы, спускался внизъ въ контору. Въ контору, собственно говоря, ему ходить и тревожить себя ходьбой по лѣстницамъ было не зачѣмъ: всякія справки, книги и документы ему конторщики приносили въ кабинетъ, но посѣщеніе конторы давало ему возможность, какъ будто бы мимоходомъ, заглянуть къ Трофиму, и если тотъ находился уже въ это время наверху, — вернуть въ келью Ѳеклушки.

Ѳеклушка знала, что Акимъ Спиридоновичъ раза три въ

недѣлю и ровно въ семь часовъ заглянетъ къ ней, скажетъ: „читай, читай... я такъ это... мимоходомъ“, улыбнется и, старательно затворивъ келейную дверь, отдуваясь и пыхтя, поползетъ навверхъ чай пить.

Мимолетныя посѣщенія Перелѣскова льстили самолюбію Ѳеклушки, а Акимъ Спиридоновичъ былъ доволенъ тѣмъ, что всѣ на своихъ мѣстахъ и творятъ, что имъ надлежитъ творить...

Но въ утро своей свадьбы Ѳеклушкѣ было не до хозяйскихъ посѣщеній; она боялась всякихъ задержекъ и рѣшила уйти изъ дома какъ можно раньше. Ей предстояло еще зайти къ теткѣ, единственной свидѣтельницѣ ея бракосочетанія, одѣться у ней и вмѣстѣ съ нею отправиться къ попу Никифору. Случайно Акимъ Спиридоновичъ можетъ въ этотъ день остаться дома и, конечно, задержать ее и раньше двухъ часовъ изъ дома не отпустить.

„Такъ-то много душеспасительнѣе выдетъ,“ — думала она, лихорадочно увязывая въ узелъ свой подвѣчный сарафанъ, кисейную рубаху и головной платокъ.

Она уже наканунѣ обо всемъ переговорила со своимъ женихомъ и сообщила ему адресъ попа, къ которому Иванъ Кузьмичъ долженъ былъ явиться къ тремъ часамъ съ обручальными кольцами и подарками.

И дѣйствительно, въ это утро Акимъ Спиридоновичъ надумалъ послѣ утренней молитвы побывать въ конторѣ. Пробылъ онъ въ ней не больше пяти минутъ, наказавъ конторщику сдѣлать какой-то „ерестикъ“, и завернулъ „мимоходомъ“ къ Ѳеклушкѣ. А Ѳеклушкинъ и слѣдъ давно простылъ!

Акимъ Спиридоновичъ, привыкшій находить Ѳеклушку всегда на своемъ мѣстѣ за чтеніемъ Псалтиря, очень удивился, не найдя ее въ кельѣ.

Затворивъ за собою дверь, онъ оглядѣлъ комнату, покоился на кровать, прикрытую ситцевымъ одѣяломъ, заглянулъ въ раскрытый Псалтирь и пощупалъ даже ставни оконъ.

Все было на своемъ мѣстѣ, а Ѳеклушки не было.

Акимъ Спиридоновичъ поморщился и окликнулъ на всякій случай:

— Ѳеклушъ!

Отвѣта, конечно, не послѣдовало. Перелѣсковъ, кряхтя, нагнулся къ полу и посмотрѣлъ подъ кровать.

Что онъ думалъ, — Богъ его вѣдаетъ, но, заглянувши, окончательно убѣдился въ томъ, что Ѳеклушки въ кельѣ нѣтъ.

Обычный порядокъ вещей былъ нарушенъ ея отсутствіемъ,

и поэтому благодушное настроеніе Перелѣскова смѣнилось неудовольствіемъ.

— Куда ее дьяволь унесъ?—проговорилъ онъ. — Нешто къ теткѣ умирающей.. Такъ къ ней она въ три часа хотѣла...

Акимъ Спиридоновичъ присѣлъ, посидѣлъ минутъ пять и, покачавъ головою, отправился на верхъ, гдѣ за чайнымъ столомъ его уже ждали Трофимъ съ тестемъ.

Ото всей фигуры Ивана Кузьмича несло какое-то особенное сіяніе: сіяло лицо, сіяли глаза, блестѣли волосы, умащенные щедро Мусатовскою помадой, блестѣлъ и сюртукъ цвѣта воронова крыла, только-что сшитый Кошельковымъ къ свадьбѣ дочери.

Слегка обезкураженный своимъ неудачнымъ путешествіемъ внизъ, Акимъ Спиридоновичъ, здороваясь со сватомъ, сперва не замѣтилъ этого сіянія и только послѣ двухъ чашекъ чаю обратилъ вниманіе на елеино-праздничную фигуру Ивана Кузьмича.

— Куда это ты, свать, такъ расфуфырился?—спросилъ онъ, посмѣиваясь.—Ровно женихъ обрядился...

— А чѣмъ я не женихъ?—отшутился Кошельковъ, прищуривая глаза. — Лѣтами намного моложе тебя, дочь выдалъ замужъ, бобыль-бобылемъ остался.

— Давай Богъ часть добрый, — расхохотался уже Акимъ Спиридоновичъ,—а что-жъ ты насъ на свадьбу не зовешь?

— Въ Саратовъ пріѣзжай пировать, свать, а здѣсь у васъ свадьбы-то дорогонько обходятся... хе-хе-хе...

— Ха-ха-ха,—покатывался Перелѣсковъ,—нѣтъ, всамдѣлѣ, свать, чего это нонѣ зафрантилъ?..

— Прощаться съ Москвой ѣду... завтрава рѣшилъ въ Саратовъ отправиться...

— Ну? Пожилъ бы еще...

— Нельзя, свать... самъ знаешь, сколь я дѣла запустилъ... а дѣла у меня не махонькія.

— Вѣрно, свать... что вѣрно, то вѣрно,—поддакнулъ Акимъ Спиридоновичъ, очень довольный отъѣздомъ Кошелькова, — безъ хозяина и домъ сирота...

— Тебѣ говорить нечего... А у меня до тебя просьбица есть,—продолжалъ Иванъ Кузьмичъ, слегка подмигивая откашливавшемуся Трофиму.

— Въ чемъ же собственно просьба твоя состоитъ?..

— Видишь ли, какое дѣло; Душа сичасъ, покуда къ мужу не привыкши, ревмя реветъ и меня за душу тянетъ... такъ

вотъ я и того... хотѣлъ просить тебя отпустить ко мнѣ на мѣсяць Душу съ Трофимъ Акимычемъ.

Перелѣсковъ посмотрѣлъ на Трофима. Трофимъ только помѣшивалъ ложечкой чай и откашливался въ кулакъ.

— А какъ же я-то безъ Трофима останусь?—отвѣтилъ, наконецъ, Перелѣсковъ, совсѣмъ не ожидавшій такой просьбы со стороны Кошелькова,—у насъ хоть не Волга, а дѣла столько, что успѣвай лишь повертываться.

— Знаю, свать... что дѣлать: самъ ужъ мѣсяць-то поработаешь .. да у тебя и молодцы народъ добрый...

— Сичасъ не время. . У насъ еще годовой счетъ не оконченъ...

— Окончили, папенька,—замѣтилъ Трофимъ,—конечно, я того разсужденія, что вамъ безъ меня трудно будетъ, ну, да авось Господь Богъ силы вамъ пошлетъ... Я собственно тоже изъ-за Евдокіи Ивановны беспокоюсь... дѣло ихнее непривычное, женское дѣло, избави насъ отъ лукаваго!

— Уважь, свать!—хлопнулъ по плечу Перелѣскова Иванъ Кузьмичъ,—а я у тебя завсегда въ долгу за твое уваженіе...

— Подумаю, свать, подумаю...

— А ты слово дай ..

— Не сейчасъ же ѣдешь... надо все устроить сперва. . Конечно, отпущу на мѣсяць...

— Вотъ за эти слова спасибо.

Трофимъ вскочилъ и чмокнулъ отца въ плечо.

— Не за себя-съ, папенька, а за Евдокію Ивановну... дѣло женское, непривычное, избави насъ отъ лукаваго, — проговорилъ онъ и поднялъ отца со стула,—въ городъ-съ, папенька?

— Пора. Свать, подвезти, что-ль?

— Подвези... Прощусь я со всѣми нонѣ и пошлю въ Ямскую за тройкой... Завтра думаю чѣмъ свѣтъ выѣхать... А Душу-то съ Трофимомъ Акимычемъ когда ждать разрѣшаешь?

— Черезъ недѣлю отпущу...

— Руку, свать...

Сваты хлопнули по рукамъ и стали креститься на иконы.

Вернулся Акимъ Спиридоновичъ изъ лавки домой съ Трофимомъ. Трофимъ и въ городѣ, и въ трактирѣ за чаемъ, и по дорогѣ домой пѣлъ отцу, что „ежели-бы не миллионъ, который за Евдокіей Ивановной даденъ, такъ онъ бы и не подумалъ ея кадризы исполнять... Что ему въ Саратовѣ безъ дѣла бол-

таться? Со скуки помрешь! Тѣмъ болѣе зная, что въ Москвѣ папенька, будучи въ преклонныхъ лѣтахъ, за него, Трофима, долженъ себя натруждать, избави насъ отъ лукаваго!..“

Перелѣсковъ соглашался съ Трофимомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ резонировалъ въ томъ направленіи, что молодую жену на первыхъ порахъ безпремѣнно надо побаловать, чтобъ она потомъ это „баловство“ до гробовой доски помнила.

— Это вѣрно, папенька-съ... И чѣмъ скорѣе вы насъ отпустите, тѣмъ Евдокія Ивановна чувствительнѣе къ намъ будетъ... Я ей давеча утромъ и говорю: „не знаете вы моего папеньку сичасъ, а впослѣдствіи обожать станете... Хотите, мы на третій день послѣ вашего папеньки выѣдемъ, и, того гляди, еще его въ дорогѣ нагонимъ?“ Не вѣритъ-съ, избави избави насъ отъ лукаваго!

— Не вѣритъ? Нонче что у насъ?

— Среда-съ...

— Заказывай тройку на субботу...

— Ахъ, папенька! Совсѣмъ вы мою жену избалуете, избави насъ отъ лукаваго!

— Что мнѣ твоя жена! Я этому саратовскому мужику хочу примѣръ подать, сколь въ Москвѣ люди благородны... На субботу тройку... слышь?

— Слышалъ, папенька... утрудите, боюсь, вы себя дѣлами безъ меня...

— Справлюсь! Да еще какъ справлюсь-то, ахнешь, какъ вернешься!

— Да ужъ что тутъ: орель вы у меня, папенька! Куда намъ супротивъ васъ... одно ничтожество, избави насъ отъ лукаваго!

Ивана Кузьмича, несмотря на шестой часъ дня, дома не было.

— Ну, нелегко, стало-быть, съ Москвой-то проститься,— усмѣхнулся Акимъ Спиридоновичъ, сядя за самоваръ,— веселымъ вашъ папенька домой вернется,— обратился онъ къ Евдокіи Ивановнѣ, разливавшей чай.— Да вы что невеселая такая?— подсѣлъ къ ней Перелѣсковъ.— Трофимъ, ты не мѣшай мнѣ съ твоей женой говорить.

— Виноватъ-съ... я пересяду-съ,— ухмыльнулся тотъ, пересаживаясь на другой конецъ стола.

— Обидѣлъ васъ Трофимъ, а?— допытывался старикъ, смотря на печальное лицо своей снохи.

— Нѣтъ, папенька... Трофимъ Акимычъ, напротивъ, за- всегда любезенъ со мной...

— Такъ съ чего это невеселость вдругъ? Что папенька

уѣзжаетъ завтра? Ну, что же дѣлать, надо когда-нибудь и родителю со своимъ дѣтищемъ разстаться... А вамъ не хочется, поди, а? Въ Саратовъ желаете, а?

Евдокія Ивановна молчала. Ей теперь было положительно все равно: остаться въ Москвѣ или уѣхать въ Саратовъ,—и тутъ, и тамъ люди чужими для нея стали. Всѣ до одинаго чужіе. И здѣсь жутко, и тамъ. Словно въ лѣсу, въ темномъ, дремучемъ, безмолвномъ лѣсу... Крикни—никто тебѣ не отвѣтитъ, заплачь—никто не пожалѣетъ...

Одинокая жизнь безъ участія, безъ любви и счастья, безъ свѣта и тепла! Вѣчная тьма въ душѣ, вѣчныя сумерки въ жизни... Кому она нужна? Есть ли хоть одинъ человѣкъ, которому бы она была дорога, который бы думалъ о ней, какъ она думала объ одномъ человѣкѣ, и молилъ бы ее сказать ему одно только ласковое слово, какъ молить голодный нищій о подаяніи?

Есть другіе въ жизни цѣли и интересы, болѣе высшіе, чѣмъ эгоистическая любовь, но о нихъ вспоминаютъ только тогда, когда переживаютъ острый кризисъ нераздѣленнаго чувства.

Евдокія Ивановна еще не пережила этотъ кризисъ и поэтому относилась безучастно ко всему, что говорилъ ей свекоръ.

Ее ничто не могло ни радовать, ни печалить, ничто не могло ни оскорбить, ни унижить.

И когда Акимъ Спиридоновичъ съ торжествующей улыбкой заявилъ ей, что и она можетъ ѣхать въ Саратовъ въ субботу, Евдокія Ивановна только молча наклонила голову, точно услышала давно знакомое и давно рѣшенное.

„Совсѣмъ обалдѣла! — пробормоталъ недовольный Акимъ Спиридоновичъ, ожидавшій отъ нея благодарности, и слезъ, и поцѣлуевъ:—Кошельковская гордость не дозволяетъ!..“

За-то Трофимъ измусолилъ папенькѣ всѣ щеки и, пустивъ для эффекта слезу, шарахнулся, въ концѣ-концовъ, ему въ ноги.

— И за себя, и за Евдокію Ивановну, избави насъ отъ лукаваго! — бормоталъ онъ, внутренне удивляясь на „объистуканившуюся“ жену.

Часовъ въ семь вечера явился, наконецъ, и Иванъ Кузьмичъ. Кошельковъ, какъ и предполагалъ Акимъ Спиридоновичъ, пріѣхалъ въ веселомъ настроеніи и съ такой пунцовой окраской щекъ, какая получается только отъ знакомства съ тридцати-градуснымъ морозомъ.

Перелѣсковъ еще сидѣлъ за самоваромъ, когда, шумно отворивъ дверь вошелъ въ столовую Иванъ Кузьмичъ.

— А, свать!— воскликнулъ Акимъ Спиридоновичъ.— Совсѣмъ, братъ, запропаль!

— Въ вашей Москвѣ пропадешь!—весело махнулъ тотъ рукой и, поздоровавшись съ дочерью и зятемъ, тяжело плюхнулся на стулъ.

— Ну, что? Все покончилъ?—спросилъ Перелѣсковъ, смотря съ насмѣшкой на Кошелькова.

— Все, свать... все покончилъ... Аминь! Хе, хе, хе... Теперича только подвязать подъ дугу колокольцы, и айда въ Саратовъ... Прощай, свать! Пріѣзжай въ Саратовъ... Какимъ я тебя донскимъ угощу—отродяся такого не пробоваль!

— Значить, ѣдешь все-таки завтра?

— Ёду. Тройка заказана... чуть свѣтъ... Ну, Душа, прощай... Акимъ Спиридонычъ обѣщаль отпустить...

— Чего тутъ отпустить, избави насъ отъ лукаваго,—засіяль Трофимъ.—Вы завтра, въ четвергъ, ѣдете, а мы съ Евдокіей Ивановной—въ субботу...

— Врешь?

— Спросите у папеньки-съ... они никогда не дозволяли свой языкъ пустяками поганить...

— Свать! Правда?

— Я своему слову всегда хозяинъ,—самодовольно произнесъ Перелѣсковъ.

— Вотъ за это спасибо!—бросилъ обнимать свата Кошельковъ.—Всѣмъ ты меня наградилъ безъ мѣры... Въ долгу я у тебя неоплатномъ, свать... вѣчный должникъ...

— Свои люди—сочтемся!—улыбнулся Акимъ Спиридоновичъ, горделиво сознавая благородство своей души.

— Нѣтъ, не сочтемся! Неоплатный я должникъ твой, Акимъ Спиридоновичъ!—говорилъ Кошельковъ, прижимая къ своей груди свата.

Его такъ и тянуло рассказать Перелѣскову, почему онъ считаетъ себя передъ нимъ неоплатнымъ должникомъ, но Трофимъ, зорко слѣдившій за тестемъ и боявшійся разоблаченій относительно самого себя, стоялъ насторожѣ и сбиваль хлебнувшего на своей собственной свадьбѣ Ивана Кузьмича въ сторону.

Подгулявшему Кошелькову хотѣлось похвастаться, но этого сдѣлать ему не удалось.

Трофимъ прекратилъ дальнѣйшій разговоръ, заявивъ, что „такъ какъ папенькѣ завтра рано отправляться въ путь, слѣдовательно надо и выспаться какъ слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что въ дорогѣ на постоянныхъ дворахъ отъ клоповъ покою не предвидится...“

Иванъ Кузьмичъ покорился и, простившись до утра со всѣми, отправился, ведомый подъ руки зятемъ, въ свою комнату.

— Такъ вы въ субботу, а?—бормоталъ Кошельковъ по дорогѣ.— Чудеса!.. Въ субботу, Троша?

— Въ субботу, папенька-съ... въ субботу, избави насъ отъ лукаваго!..

— Чудесно!.. А что, братъ, я тутъ натворилъ—страсть... Ну, да, вотъ прїѣдемъ въ Саратовъ, все узнаешь... Хе, хе, хе... Ахъ, дуракъ! Извини, Троша, глупъ твой родитель!..

Кошельковъ долго бормоталъ и замолчалъ только тогда, когда зять уложилъ его въ постель.

А Акимъ Спиридоновичъ, пройдя въ свою спальню и найдя постель неразобранною, нахмурился.

Минуту спустя онъ уже летѣлъ внизъ и, встрѣтивъ первую встрѣчную бабу, какихъ въ домѣ Перелѣскова было безъ числа, спросилъ:

— Оеклушка гдѣ?

— А Оекла Ивановна не вернумшись,—отвѣтила баба, съ испугомъ смотря на сердитое лицо хозяина,—какъ, стало-быть, съ утречка ушедши, такъ и не вернумшись...

Акимъ Спиридоновичъ даже побѣлѣлъ отъ гнѣва.

LX.

— Это что еще за новости?—бормоталъ Акимъ Спиридоновичъ, сжимая кулаки.—Чертъ! Дьяволъ! Какъ она смѣетъ до сей поры? Я тебѣ, идоль, говорю, али нѣтъ?—набросился онъ на трепетавшую бабу.

— Батюшка, Акимъ Спиридоновичъ! Отецъ родной! Не виновата я въ Оеклушкѣ, вотъ какъ передъ Истиннымъ,—присѣла та въ испугѣ.

— Какъ вернется, сию же минуту вонъ! Вонъ безо всякихъ разговоровъ!—выходилъ изъ себя Перелѣсковъ, грозя кулаками бабѣ.

Въ эту минуту онъ готовъ былъ ее поколотить, исковеркать попавшуюся подъ руки мебель и сквернословить безъ конца.

Бабенка догадалась скрыться, а разобиженный Акимъ Спиридоновичъ спустился внизъ и очутился въ кухнѣ, гдѣ кухарка, покончивъ съ ужиномъ, возилась съ посудой.

— Эй, ты!—крикнулъ Перелѣсковъ обезумѣвшей отъ неожиданности кухаркѣ.—Поди сюда... Гдѣ Оеклушка?

— Съ утра она ушедши... съ ранняго утречка, Акимъ Спиридоновичъ.

— Куда она ушла? Куда, чертъ?

— А песь ее знаетъ... Сказывала, что къ теткѣ, а тамъ лѣшій ее знаетъ...

— Дьяволъ! Пошли кого-нибудь постель мнѣ приготовить!

Акимъ Спиридоновичъ, не зная на комъ сорвать досаду, забрался въ молодцовскую и разнесъ всѣхъ за якобы непристойныя рѣчи, которыя онъ слышалъ, входя.

По его уходѣ въ молодцовской настала мертвая тишина, и только одинъ изъ молодцовъ, широко крестясь и творя поясные поклоны предъ иконами, пробормоталъ какъ-будто мимоходомъ:

— Совсѣмъ старый дуракъ бѣлены объѣлся!

А объѣвшійся бѣлены Акимъ Спиридоновичъ зашелъ въ комнату Ѳеклушки, окликнулъ ее и, плюнувъ, поднялся къ верху.

Наверху было темно и тихо,—только въ его кабинетѣ да въ смежной съ нимъ комнатѣ, служившей хозяину спальнею, свѣтились огоньки и свидѣтельствовали о томъ, что не все еще умерло въ этомъ домѣ.

Пройдя въ кабинетъ, онъ сѣлъ въ кресло съ высокою спинкой, обтянутой кожей, и задумался.

Гнѣвъ его прошелъ, но осадокъ горечи остался, какъ онъ ни старался его сплунуть.

Не было Ѳеклушки, къ которой онъ привыкъ, какъ привыкаютъ люди къ халату, къ чашкѣ или ложкѣ, и поэтому онъ чувствовалъ себя несчастнымъ, осмѣяннымъ и брошеннымъ.

Акимъ Спиридоновичъ сознавалъ, что у той же Ѳеклушки, къ которой онъ привыкъ такъ же, какъ и къ своему засаленному утреннему кафтану, прослужившему ему вѣрою и правдой десятки лѣтъ, есть и должны быть родственныя отношенія, которыя во всякомъ случаѣ выше его самодурскихъ привычекъ, что у той же Ѳеклушки тетка послѣ соборованія могла умереть и что та же Ѳеклушка, въ силу тѣхъ же родственныхъ отношеній, не можетъ бросить умирающую или умершую родственницу и летѣть, сломя голову, разбирать его постель и почесывать ему пятки.

Все это Акимъ Спиридоновичъ сознавалъ, но примириться съ такимъ сознаниемъ не могъ. Гордость не позволяла!

Нанялась — продалась. Приди и скажи, въ чемъ дѣло, а тамъ ужъ отъ меня будетъ зависѣть: отпустить тебя, или нѣтъ.

Чего-нибудь сквернаго про Ѳеклушку онъ не думалъ. Ежели

бы что у нея было, такъ почасту бы со двора шлендрала, а то встанеть онъ—на глазахъ Ѳеклушка вертится, изъ города—Ѳеклушка тутъ какъ тутъ. Спать ложится—Ѳеклушка перину взбадриваетъ и со всѣхъ концовъ хозяина одѣяломъ подтыкаетъ...

Не то!.. Акимъ Спиридоновичъ не допускалъ своеволия и не могъ примириться съ тѣмъ, чтобъ каждый шагъ его окружающихъ былъ ему неизвѣстенъ... Ушла съ ранняго утра, а теперь уже ночь, и онъ не знаетъ, что дѣлаетъ Ѳеклушка, его раба и игрушка, правда, игрушка недорогая, но тѣмъ не менѣе все-таки игрушка, развлекавшая его одиночество...

И ребенокъ волнуется и выходитъ изъ себя, когда не находитъ любимой игрушки, а Акимъ Спиридоновичъ, самъ не сознавая того, приближался къ тому возрасту, когда плачутъ о потерянномъ карандашѣ и смѣются надъ горемъ ближняго, если оно почему-либо кажется смѣшнымъ...

Изъ задумчивости Акима Спиридоновича вывели, раздавшіеся въ сосѣдней комнатѣ шаги.

— Кто тамъ?—окликнулъ онъ.

Въ кабинетъ просунулась сперва голова кухарки, а затѣмъ рука съ конвертомъ.

— Сичасъ дворникъ грамотку передалъ... Мальчонка принесъ, а отъ кого не сказалъ: „хозяинъ, гытъ, знаетъ...“

Перелѣсковъ вырвалъ изъ рукъ кухарки письмо и такъ хлопнулъ дверью, что чуть-было не прищемилъ ей руку.

— Ну, вотъ! Отъ ней, отъ подлой!—проговорилъ онъ радостно, разорвавъ конвертъ и смотря на подпись.

Письмо было не длинное. Въ немъ Ѳеклушка довольно несвязно увѣдомляла Акима Спиридоновича, что она должна была немедленно везти тетку умирать на родину; таково было желаніе тетки и перечить ей, въ виду близкой ея смерти, Ѳеклушка не могла. Когда вернется Ѳеклушка, одному Богу извѣстно, но только чтобъ Акимъ Спиридоновичъ ее не ругалъ и не искалъ зря... А какъ тетку она похоронить, такъ сейчасъ же вернется назадъ...

— Ну, вотъ, я такъ и зналъ! И разведутъ черти больныхъ тетокъ!—выругался онъ, и хотя страннымъ ему показалось то обстоятельство, что Ѳеклушка не могла зайти хоть на одну минутку, чтобъ объясниться съ нимъ, но тѣмъ не менѣе онъ успокоился и, пройдя къ себѣ въ спальню, вопросительно посмотрѣлъ на бабу, которая стояла въ почтительной позѣ у дверей, опустивъ глаза внизъ.

— Ты что?—спросилъ онъ, наконецъ, у окаменѣвшей бабы.

— Постель разобрамши, Акимъ Спиридоновичъ,—пискнула та, ошипывая рукава рубахи.

— Ладно.

Баба не двигалась съ мѣста.

— Ничего больше не надо. Ступай съ Богомъ!

— Подоткнуть, може, одѣяло прикажешь? Слыхала я отъ Ѳеклы Ивановны, что подтыкаться любишь...

Акимъ Спиридоновичъ, сбросивъ съ плечъ кафтанъ, посмотрѣлъ на бабу. Баба была некрасива: длинное, худое лицо, узкія плечи, впалая грудь, и вдобавокъ къ этому изъ-подъ грязнаго головного платка выбивались нечесанья космы волосъ.

— Вонъ! — проговорилъ онъ и со вздохомъ подумалъ о Ѳеклушкѣ.

На другой день утромъ Перелѣсковъ провожалъ Ивана Кузьмича.

Въ открытыя окна со двора врывался веселый звонъ валдайскихъ колокольчиковъ и бубенцовъ, гремѣвшихъ при каждомъ движеніи лихой ямщицкой тройки.

Иванъ Кузьмичъ былъ такъ же весело настроенъ, какъ и валдайскіе колокольчики.

Впрочемъ онъ торопился, ибо ему надлежало заѣхать за своею новобрачной, временно помѣстившейся у попа Никифора, который вмѣстѣ со своей немудрой попадьей считалъ за великое счастье приютить у себя жену миллионера

Ѳеклушка, а теперь Ѳекла Ивановна Кошелькова, накануне весь день лихорадилась и успокоилась она только тогда, когда мальчонка, посланный о. Никифоромъ съ письмомъ къ Перелѣскову, сообщилъ ей, что „грамотка“ доставлена въ цѣлости.

Съ нея точно гора свалилась. Перелѣсковъ успокоился, и никакихъ у него съ ея муженькомъ разговоровъ не произойдетъ.

Только бы изъ Москвы выбраться, а тамъ—хоть на головѣ ходи Акимъ Спиридоновичъ, ей и горюшка мало.

Что хочешь потомъ Ивану Кузьмичу пищи, на все Ѳеклушка отвѣтъ найдетъ. Не изъ таковскихъ. Слава Богу, всего въ жизни видала помногу!

И не такихъ, какъ ея настоящій супругъ, проводила, а ежели счастья себѣ до сихъ поръ не находила, такъ въ этомъ не ея вина: все умныхъ судьба подсовывала, и только теперь вотъ дурачкомъ благословила!

За заставу бы... Только за заставу вы́хать, а тамъ перекрестится Оеклушка, прижметъ къ себѣ своего трясучку и скажетъ:

— Аминь! Добралась Оеклушка до берега!..

Даже Евдокія Ивановна оживилась, провожая отца. Она бѣгала на кухню, гдѣ на дорогу доваривалась солонина и дожаривались куры, возилась съ корзинками и вспоминала, не забыла ли она что-нибудь, безъ чего не обойдешься въ дальней дорогѣ.

Трофимъ суетился возлѣ закуски и хлопалъ пробками. Проводы безъ хлѣба и соли были не въ проводы, и поэтому всѣ, несмотря на ранній часъ, ѣли и пили съ обычнымъ аппетитомъ и пожеланіями другъ другу всевозможныхъ благъ какъ въ семь вѣцѣ, такъ и въ будущемъ.

Иванъ Кузьмичъ, у котораго уже зашумѣло въ головѣ отъ мадеры, захотѣлъ повидаться съ Петромъ и проститься съ нимъ.

— Лишнее это, свать,—поморщился Акимъ Спиридоновичъ.

— Да вѣдь не укуситъ же... все-таки мнѣ какъ-будто стыдно... Можетъ, и не увижу его совсѣмъ... всѣ подь Богомъ ходимъ... либо я помру, либо онъ... Надо проститься!

— А я васъ провожу, папенька,—подлетѣлъ къ нему Трофимъ:—мало ли что можетъ приключиться вдругъ, избави насъ отъ лукаваго!

— Нѣтъ, ужъ я одинъ... я не робкій, Троша,—ухмыльнулся Кошельковъ и, отстранивъ зятя, отправился внизъ къ Петру.

Петръ сидѣлъ за самоварчикомъ, когда къ нему явился Иванъ Кузьмичъ, и тотчасъ же пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Узналъ?—съ любопытствомъ спросилъ Кошельковъ, всматриваясь въ поблѣднѣвшее лицо Петра.

— Какъ же не узнать-то?—тихо произнесъ Петръ,—милости прошу... Уѣзжаете, слышалъ я?

— Да, Петръ Акимычъ, загостился я у васъ въ Москвѣ, пора и домой. Дѣловъ тамъ у меня сейчасъ,—не знаю, когда всѣ и передѣлать успѣю... Я вотъ и зашелъ къ тебѣ проститься... Не могъ, понимаешь, уѣхать не простясь... Ужъ очень я люблю тебя...

— Спасибо вамъ, Иванъ Кузьмичъ, за все,—протянулъ ему руку Петръ,—и никогда я вашей ласки не забуду...

— Ну, это что... пустое,—махнулъ тотъ рукой,—а ты вотъ что мнѣ скажи, какъ ты себя чувствуешь?

— Очень хорошо, Иванъ Кузьмичъ...

— И въ головѣ не того... энтого?—поводилъ въ воздухѣ пальцами Кошельковъ.

Петру даже смѣшно стало, до того ему комичнымъ показалось выраженіе лица саратовца.

— Положительно ничего,—отвѣтилъ онъ.

— Такъ какого же ты черта сидишь здѣсь?—изумился Кошельковъ, выпучивъ глаза на улыбавшагося Петра.

— На то воля родительская, Иванъ Кузьмичъ. Развѣ по своей я волѣ сижу тутъ? Я работать привыкъ, а, сидя въ комнатѣ, какая работа на умъ пойдеть?..

— Постой! Нонче какой день?

— Четвергъ, а что, Иванъ Кузьмичъ?

— Вѣрно. А завтра, что будетъ?

— Пятница.

— Вѣрно. А сколько я вамъ долженъ?

— Было сто восемнадцать тысячъ, а сичасъ—не знаю...

— Вѣрно! Подлецъ! Подлецъ, я тебѣ говорю!

И Иванъ Кузьмичъ такъ стукнулъ по столу кулакомъ, что самоварчикъ заплясалъ на подносѣ...

Петръ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Кошелькова, который вскочилъ вдругъ со стула и, притянувъ къ себѣ Петра, съ жаромъ поцѣловалъ его.

— Прощай, Петръ Акимовичъ,—проговорилъ онъ, размахивая руками,—будемъ живы—свидимся, а не свидимся—прости меня, Христа-ради, что я подлымъ людямъ повѣрилъ...

Петръ ничего не понималъ. Онъ видѣлъ только, что Иванъ Кузьмичъ находился въ возбужденномъ состояніи, и, прощаясь съ нимъ ощущалъ винный запахъ, а ощутивъ послѣдній, онъ понялъ, наконецъ, и безсвязность разговора Кошелькова..

— Ну, что, простились, папенька? — съ сожалѣніемъ произнесъ Трофимъ, когда Иванъ Кузьмичъ очутился снова наверху.

— Да, да... простился... Ну, теперича пора и ѣхать... Все уложили?

— Все, все, избави насъ отъ лукаваго!

— Ну, свать, дай Богъ тебѣ всего хорошаго, — говорилъ Кошельковъ, обнимая свата.

— И тебѣ также, свать... Когда въ Москву ждать?

— А Богу одному извѣстно... Ранѣ зимы во всякомъ случаѣ не придется... Ну, Душа, съ тобою и прощаться грѣхъ.. Увидимся...

Молодые пошли впередъ съ разными корзинками и узелочками, а позади, не торопясь, зашагали старики.

— Ну, что, какъ ты нашелъ Петра?—спросилъ Перелѣсковъ.

Иванъ Кузьмичъ промывчалъ что-то подъ носъ и, только

очутившись въ передней, по потолку которой летали очень жирные амуры съ очень розовыми щечками, Қошельковъ приостановился и, держась за пуговицу сюртука свата, проговорилъ:

— Не грѣши, свать... о душѣ подумай... слышалъ? Петръ Акимычъ такой же сумасшедшій, какъ и мы съ тобой... Грѣхъ, свать! Не мое это дѣтище, а все-таки скажу: грѣхъ!

Перелѣсковъ не нашелся даже, что и отвѣтить Қошелькову. Не такого онъ ждалъ отъ него отзыва, твердо убѣжденный въ томъ, что у Петра голова не въ порядкѣ.

— А въ случаѣ чего я и губернатору напишу, — говорилъ Иванъ Кузьмичъ, садясь въ тарантасъ, и въ его тонѣ слышалась угроза.— О душѣ подумай!—крикнулъ онъ подъ звонъ колокольцевъ, съѣзжая со двора.

Акимъ Спиридоновичъ раскланивался, Евдокія Ивановна, утирая набѣгавшія на глаза слезы, махала платкомъ.

Трофимъ, бѣжавшій за тарантасомъ до воротъ, вернулся и, догнавъ отца въ гостиной, спросилъ:

— Папенька, что это Иванъ Кузьмичъ насчетъ губернатора помянули, избави насъ отъ лукаваго?

Акимъ Спиридоновичъ сморщился, какъ онъ морщился всегда, когда слышалъ неприятныя ему вещи, и отвѣтилъ, не смотря на сына:

— Перемадерилъ старый дуракъ, только и всего!..

— Это дѣйствительно-съ, съ утра-то она жестоко на мозги дѣйствуетъ, — поспѣшилъ согласиться Трофимъ и бросился догонять жену...

Евдокія Ивановна, отирая на ходу глаза, прошла въ свою спальню и сѣла къ окну. Въ ея ушахъ все еще звенѣли валдайскіе колокольчики, а въ душѣ было такъ тоскливо, такъ безотраднo, что хотѣлось бѣжать, куда только глаза глядятъ.

— Ну, вотъ и проводили папеньку, избави насъ отъ лукаваго!—проговорилъ Трофимъ, подсаживаясь къ женѣ, — и мы вслѣдъ за нимъ махнемъ-съ... Никогда я не былъ въ Саратовѣ... Хорошій городокъ, Евдокія Ивановна?

— Хорошій...

— Да ужъ развѣ можетъ плохой тотъ городъ быть, гдѣ вы родились, — ухмыльнулся Трофимъ, заглядывая въ глаза жены: — прощай, Москва! Только ты насъ и видѣла... Вы вотъ все молчите, а мнѣ черезъ это весьма прискорбно... ей Богу, избави насъ отъ лукаваго... Кажется, я вамъ мужемъ довожусь, а отъ жены ни гласа, ни послушанія... Вѣдь я васъ вотъ какъ люблю, прямо не накажи Господи... только и думы, что объ васъ, Евдо-

кія Ивановна... ей Богу-съ... а вы, Богъ васъ вѣдаетъ, и молчите, и завсегда въ слезахъ... Вы мнѣ ужъ прямо скажите,— „противень ты мнѣ, Трофимъ“, и кончено! Я ужъ и пойму это... и натруждать ваше зрѣніе своей особой не стану... Евдокія Ивановна! Теперь ужъ все кончено... Я изъ Саратова не вернусь...

— Не вернетесь?—вскрикнула вдругъ та, вскакивая,—поклонитесь передъ образомъ, Трофимъ Акимычъ, поклонитесь!

— Вотъ какъ передъ Богомъ... да ужъ у насъ это дѣло рѣшено съ вашимъ папенькою... аминь-съ!

Евдокія Ивановна схватила за плечи Трофима и проговорила:

— Во вѣки я этого не забуду, Трофимъ Акимычъ! Во вѣки!..

LXI.

Трофимъ, проводивъ тестя, и самъ поспѣшно сталъ готовиться къ отъѣзду.

Онъ работалъ всю слѣдующую за проводами ночь, чтобы сдать отцу всѣ дѣла и не задержаться лишній день въ Москвѣ.

Дѣло въ томъ, что наслѣдникъ главнаго его кредитора назначилъ крайній срокъ оплаты трофимовскихъ векселей, грозя въ противномъ случаѣ обратиться за расчетомъ къ Акиму Спиридоновичу, у котораго хранился капиталъ, взятый Трофимомъ въ приданое за женой.

Объясняться съ отцомъ и чертъ знаетъ что отъ него выслушать Трофимъ не желалъ и, конечно, поймавъ Акіма Спиридоновича на словѣ, былъ несказанно радъ, что „вся эта глупая музыка“ произойдетъ въ его отсутствіе, когда онъ далеко будетъ отъ Москвы.

Расчеты у Трофима были вѣрныя: папенька, написавъ ему нѣсколько громовыхъ писемъ въ Саратовъ, изъ самолюбія заплатитъ его долги, похвораетъ отъ этого съ недѣлю-другую, а затѣмъ, успокоившись, станетъ звать Трофима въ Москву.

Станетъ звать тогда, когда онъ заберетъ въ свои руки кошельковское дѣло и посадитъ тестя на покой, къ коему, судя по словамъ Ивана Кузьмича, того давно уже тянетъ. И не тянуло бы ежели, такъ все равно: старикъ, видимо, садится на заднія ноги, какъ лошадь, повозившая лѣтъ двадцать кряду тяжести, и хорохорится только временно, подрумянивъ себя лишнею рюмкой мадеры или лиссабонскаго.

Ясно, что Кошельковъ безъ него, Трофима, какъ безъ рукъ, и вотъ тутъ-то для него и наступитъ настоящая „лафа“. Онъ прочтетъ тестю письмо отца и задумается, какъ бы въ нерѣшимости... Кого предпочесть: родителя или Ивана Кузьмича?..

Трофимъ уже теперь видитъ эту картину, слышитъ слова тестя: „все возьми, только не уѣзжай!“—и заранѣе торжествовалъ побѣду.

Тамъ, въ Саратовѣ, онъ полный хозяинъ, свободный гражданинъ, а здѣсь—рабочій своего отца, получившаго волею судьбы неограниченную и никѣмъ неоспоримую власть распоряжаться не только его, Трофима, имуществомъ, но даже совѣстью и самую жизнь.

Трофимъ давно уже рѣшилъ, что лучше быть первымъ въ какомъ-то Саратовѣ, чѣмъ послѣднимъ въ Москвѣ, у родителя, деспотически относившагося ко всему, что его окружало.

Особенныхъ чувствъ къ отцу онъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть: никто въ немъ этихъ чувствъ не воспитывалъ и не развивалъ и въ самыхъ близкихъ людяхъ онъ видѣлъ одинъ только ужасный эгоизмъ и самое недвусмысленное лицемѣрие.

И онъ привыкъ лицемѣрить, и лицемѣрилъ зачастую, не потому, чтобы это было особенно выгодно, а просто такъ, по привычкѣ, какъ всѣ дѣлаютъ. Для чего дѣлаютъ—неизвѣстно, но разъ это дѣлаютъ другіе, сплошь и рядомъ съдиною убѣжденные, такъ почему жъ не лицемѣрить и Трофиму, если это принято?

Отца онъ не уважалъ и не любилъ. Трофимъ только боялся Акима Спиридоновича, потому что у того въ рукахъ было все, а у него—ровно ничего. И старикъ воленъ былъ дать Трофиму нѣчто или отнять у него и послѣднее, чѣмъ только онъ могъ располагать, что могъ назвать своею собственностью...

Своихъ постоянныхъ покупателей, напримѣръ, онъ и любилъ, и уважалъ больше, чѣмъ родного отца. И очень понятно, почему: покупатель шелъ на удочку Трофима и, улещенный его уговорами, покупалъ товаръ и давалъ барышъ—не ему, конечно, а все тому же родному отцу, но это Трофима нисколько не обезкураживало, потому что онъ наслаждался умѣньемъ дурачить людей и чувствовалъ въ себѣ недюжиннаго артиста-купца, могущаго, когда угодно, изъ всякой дряни извлечь желаемую пользу.

Какъ вдохновенный поэтъ, создающій одинъ образъ поэтичнѣе другого и одну картину изящнѣе другой,—Трофимъ создавалъ и товаръ, и покупателей, и наслаждался цифрами, вы-

водя ихъ сладострастно на литографированныхъ счетахъ родителя.

Да и любилъ ли Трофимъ вообще кого-нибудь и какъ-нибудь? Объ этомъ ни старикъ Перелѣсковъ, ни Трофимъ, точная копія съ него, никогда себя не спрашивали, ибо тратить время по пустякамъ умнымъ людямъ какъ будто бы и не подобало...

И зачѣмъ заниматься такими глупостями, какъ любовь, въ чемъ бы и какъ бы она ни проявлялась, когда для настоящаго дѣла, для дѣла наживы и развитія торговли, дорога каждая минута?

Любовь нужна дѣлу, а если начнешь ее расходовать по людямъ, такъ самъ нагишомъ находишься...

Трофимъ такъ и поступалъ въ жизни: онъ отдавалъ все, на что только были способны его умъ, душа и сердце,—дѣлу, а женщинамъ, начиная съ жены и кончая Оеклушкой, бросалъ объѣдки, какъ бросаютъ ихъ сытые люди виляющимъ хвостами собакамъ.

На, тебѣ, небоже, что намъ не гоже!

А главное, что хорошо было: никто противъ такого порядка вещей не протестовалъ, и всѣ даже какъ-будто довольными оставались!

Вотъ, на примѣръ, взять сейчасъ его жену, Евдокію Ивановну. Словъ нѣтъ, бабенка сдобная, въ такихъ тѣлесахъ, что дай Богъ всякому, а любить ли ее Трофимъ такъ, чтобъ она у него изъ головы не шла, а въ сердцѣ, что называется, и дневала, и ночевала?

Нѣтъ. Сдобность ея онъ весьма одобряетъ, уваженіе съ почтеніемъ къ ней совсѣмъ даже особенныя-съ: муха сѣла—муху спугнетъ, ножка озябла—дыханіемъ собственнымъ согрѣетъ, закашляеть ежели—самъ готовъ кашлемъ подавиться, а любить... любить Трофимъ только милліоны Ивана Кузьмича, и одинъ у него страхъ въ душѣ, какъ бы эти милліоны мимо его рукъ не ушли...

И цыганку Любашу, изъ-за которой онъ и напивался, какъ свинья, и безобразилъ, какъ самая послѣдняя и подлая скотина,—Трофимъ такъ же любить, какъ любилъ многихъ позади и какъ многихъ будетъ любить впереди.

„Ндравъ“ свой потѣшитъ, объѣдки броситъ и уйдетъ къ дѣлу и станетъ съ сладострастіемъ развратника дрожать надъ милліонами и отдавать имъ въ кабалу все, что только есть въ немъ дурного и хорошаго...

Акимъ Спиридоновичъ, какъ и всѣ вообще отцы, плохо зналъ своихъ дѣтей, мало приглядывался къ ихъ жизни, на-

клонностямъ и привычкамъ и совсѣмъ не заглядывалъ въ душу, застегнутую по старообрядчески въ кафтанъ на всѣ пуговицы по самое горло.

Какъ непогрѣшимый папа, онъ смотрѣлъ съ вершины своего величія на все, что копошилось тамъ, внизу, у его ногъ, и думалъ, что всѣ, начиная съ его дѣтей и кончая послѣднею поденщицей, со страхомъ взираютъ на его величіе, вѣрятъ въ его непогрѣшимость и, преданные ему до самозабвенія, во всякое время готовы положить за него душу.

Трофимъ зналъ это и, самъ готовясь къ роли такого же непогрѣшимого папы, бѣжалъ отъ конкуррента, съ которымъ ему здѣсь бороться было невысказано.

Наканунъ отъѣзда Трофимъ, сидя за ужиномъ, былъ особенно любезенъ съ отцомъ, пребывавшимъ по случаю отсутствія Ѳеклушки въ тоскливомъ настроеніи.

— Ахъ, папенька,—воскликнулъ по временамъ Трофимъ, натирая лѣвый глазъ кулакомъ,—сколь прискорбно мнѣ васъ однихъ оставить, такъ это одному Господу Богу извѣстно... Вотъ сижу, ѣмъ, пью, а самъ думаю: „изъ-за нашего глупаго удовольствія и вдругъ папенька себя дѣломъ мытарить начнетъ...“

— Ничего, Троша... это пустое.

— Какъ пустое-съ? Неужто я нашего дѣла не знаю, избави насъ лукаваго? Слава Богу-съ... я насколько лѣтъ васъ мо- ложе, и то иной разъ ногъ подъ собой не слышишь... Ровно бревна какія али тунбы-съ...

— Справлюсь,—съ неудовольствіемъ проговорилъ Акимъ Спиридоновичъ, которому уже достаточно надоѣли „рацей“ Трофима, какъ-будто на явную смерть оставлявшаго отца.

— Какъ не справиться! Тягота только излишняя.

— А ты не засиживайся тамъ,—проговорилъ Акимъ Спиридоновичъ, косясь на молчавшую Евдокію Ивановну.— Да и Душѣ, по-моему, въ Москвѣ много любопытнѣе... не съ Саратовымъ Москву сравнять... Въ Москвѣ одной святыни сейчасъ сколько, а въ Саратовѣ ровно ничего...

— Засиживаться зачѣмъ-же, папенька... лишнее не проживемъ... Только чтобы вы-то тутъ здоровы были...

— А плохо будетъ—извѣщу.

— Извѣстите-съ... Обо всемъ, папенька, извѣщайте, и о хорошемъ, и о дурномъ.

Трофимъ заказалъ тройку къ восьми часамъ утра, и поэтому ужинъ не затягивали.

Простившись съ отцомъ, съ которымъ онъ на прощанье

распилъ бутылку донского, Трофимъ проводилъ жену до спальни и остановился у дверей.

— Вы того-съ, избави насъ отъ лукаваго, — проговорилъ онъ, запуская пальцы въ свою бороденьку, — почивайте, Евдокія Ивановна.

— А вы куда?—спросила та, не останавливаясь.

— Къ брату... къ Петру найду... проститься... Можетъ, и не увидимся на семь свѣтъ... Поклонъ передать прикажете?

— Зачѣмъ-же? Нѣтъ, нѣтъ, не надо! — съ испугомъ проговорила Евдокія Ивановна.—И ни къ чему это...

— Пожалуй, что и ни къ чему, — согласился Трофимъ и, спустившись внизъ, зашелъ предварительно въ свое бывшее помѣщеніе, вынулъ изъ шкафа бутылку вина и опустилъ ее въ просторный карманъ своего кафтана, гдѣ могла бы помѣститься цѣлая дюжина.

Петръ еще ужиналъ, когда къ нему явился Трофимъ, и съ нескрываемымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на брата.

— Не ожидалъ, избави насъ отъ лукаваго?—спросилъ ухмыляясь Трофимъ, вытаскивая изъ кармана бутылку и ставя ее на столъ.—Здравствуй, Петрунь...

— Здравствуй, Троша...

Братья поцѣловались и сѣли.

— А я, Петрунь, проститься къ тебѣ пришелъ...

— Проститься?—еще болѣе удивился Петръ.—Куда же ты уѣзжаешь?

— Въ Саратовъ, къ тестю...

— Теперь понимаю... съ визитомъ...

Трофимъ не отвѣтилъ, а взялъ вилку и вытащилъ ею пробку изъ бутылки.

— На прощанье разопьемъ бутылочку, — гдѣ у тебя тутъ посуда-то?

Трофимъ полѣзъ на подоконникъ и, изловивъ двѣ чайныя чашки, наполнилъ ихъ виномъ.

— Я отвыкъ отъ вина, Трофимъ...

— Нельзя, Петрунь, надо выпить. У тебя нонѣ голова какъ, избави насъ отъ лукаваго, въ порядкѣ?

— Какъ и всегда...

— Ну, это ты хватилъ... А впрочемъ, за твое здоровье! Не поминай Трофима лихомъ, а добромъ не за что...

— Да ты развѣ надолго въ Саратовъ ѣдешь? — спросилъ Петръ, смотря въ лицо брата, которое какъ-то вдругъ потемнѣло и осунулось.

— Правду говорить?

— Какъ хочешь, я этого отъ тебя не требую...

— Ладно. Правду скажу. Такъ и быть ужъ, въ первый и послѣдній разъ...

Трофимъ выглянулъ за дверь и, не найдя за ней ничего подозрительнаго, снова сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Навсегда, Петруня, уѣзжаю... Навсегда... Что, братъ, ошарашиль я тебя, а?

— Не вѣрю.

— Увидишь, — равнодушно произнесъ Трофимъ, проглатывая залпомъ вино. — Увидишь, избави насъ отъ лукаваго! На твое попеченіе папеньку оставляю! Владѣй, Ѳаддей, нашей Маланьей! Вотъ я какой...

— Трофимъ! Всякой шуткѣ есть границы! — нахмурился Петръ.

— Ау, братъ, — отчаянно махнулъ рукой Трофимъ. — Я изъ всякихъ границъ вышелъ... Только вы меня и видѣли!

— Я не знаю, что мнѣ на это сказать... Сердиться я не умѣю, ругаться тоже...

— Ругай, Петруня, мнѣ легче станетъ! Ругай! Блаженная душа, по-крайности, излаетъ, избави насъ отъ лукаваго... Но и ругня, скажу, твоя не поможетъ! У меня, братенекъ, норовъ папенькинъ: сказалъ — отрѣзалъ, рѣшилъ — хотъ голову сыми, отъ своего рѣшенія не отступлю...

— Кто изъ насъ съ ума сошелъ — ты или я, понять не могу?. Бросить отца, уѣхать совсѣмъ... Трофимъ, скажи самъ, ради Бога: похоже это на тебя?

— Оставь, Петрунь, не разжалобишь... Рѣшилъ, значитъ — всему крышка! Понялъ, избави насъ отъ лукаваго?

— И ты сказалъ отцу, что бросаешь его?

— Угорѣлъ! Да скажи я ему такое слово, живо бы на цѣль угодилъ! Тебѣ я это сказать могу, потому душа у тебя юрдивая и на подлость не пойдетъ, а папенькѣ развѣ возможно?.. И избави тебя Богъ проговориться кому до времени.. Вотъ, уѣду завтра утромъ, а къ вечеру кому хочешь говори, меня не догонишь...

Петръ поблѣднѣлъ и схватилъ за плечи брата дрожавшими руками.

— Братъ! Ради Бога! Не бросай отца! — говорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ, въ которомъ слышались рыданія. — Старъ онъ у насъ... Много-ли ему жить осталось, а ты... ты такой ударъ хочешь нанести старику... За что, Трофимъ? Богъ тебя накажетъ и жестоко накажетъ, братъ!

— Эхъ, Петруня! Ничего ты, младенець, не понимаешь! — съ досадой перебилъ его Трофимъ, хлопая чашкой по столу.

— Понимаю я... изъ алчности ты это задумалъ... Тамъ милліоновъ больше... Больше и есть... да совѣсть-то.. совѣсть-то твоя неужто тебя на всякую подлость допускаетъ?

— Петля мнѣ... Пойми, братенекъ, петля... Не нонче--завтра кредиторы векселя предъявятъ, а ты знаешь отца!

— Постой, Трофимъ, ты раньше говорилъ мнѣ другое... Хотѣлъ жениться и заплатить долги. .

— Да вышло, Петрунь, не по-моему... Этотъ старый чертъ Кошельковъ совѣтъ по глупому распорядился... Всѣ мои планы разстроилъ... Понимаешь, все къ черту полетѣло, избави насъ отъ лукаваго... Постой, сиди! Ты вотъ говоришь, что я алченъ... Ну, алченъ, да! Не скрываю передъ тобой: алченъ! А почему? Потому что, доживши до сорока лѣтъ, въ своихъ рукахъ настоящихъ денегъ не видалъ... Кто виноватъ? Отецъ! Я какъ воль работаю, не досыпаю, не доѣдаю, мозгами шевелю, а онъ насъ за мальчишекъ считаетъ, которымъ на леденцы и гривенника достаточно... Я виноватъ въ этомъ, ну? Что-жъ ты молчишь, хрустальная душа?

— Значитъ, для тебя деньги—все, братъ?

— Все! Все!—съ какимъ-то ожесточеніемъ повторялъ Трофимъ.—Себя продаю, значитъ—все! Но дешево не продамся... На этотъ счетъ—шалишь... Мнѣ цѣна—милліоны, Петруня... И я возьму ихъ! Будь я проклятъ, ежели не возьму... Покопаюсь хоть въ нихъ, душу свою отведу за всю сорокалѣтнюю нищенскую жизнь... Можетъ, и на вѣтеръ ихъ пушу,—я этого не знаю,—безумствовать начну, на всю Россію безобразіями прогремлю, но милліоны у меня будутъ, Петруня! Мои милліоны, мои! Слышишь, братенекъ?

Петръ, стиснувъ руки, съ ужасомъ слушалъ Трофима, у котораго, какъ у голоднаго волка, сверкали глаза, а по лицу пробѣгала плотоядная улыбка.

LXII.

— Блаженъ мужъ, иже сего разумѣти не возможетъ!—продолжалъ Трофимъ, короткими залпами опоражнивая чашку за чашкой.—Да ты что потемнѣлъ - то, Петрунь, ровно ночь осенняя? Тебѣ - же глупому, лучше будетъ: какъ ни вертись папенька, а придется полоумнаго въ умные переворачивать...

Тебѣ много лучше безъ меня, братенекъ... Хоть и жалѣлъ я тебя, а что съ отцомъ подѣлаешь? Родительскій глазъ — дѣтищу приказъ, онъ только свиснетъ, а мы ужъ должны смыслить...

— Смотри, Трофимъ, не ошибись!

— Ошибки не будетъ! Дуракъ я, по-твоему, али нѣтъ, избави насъ отъ лукаваго?

— За дурака тебя считать нельзя.

— Ну, и аминь! Довольно о семъ, Петруня! Даже сверхъ всего достаточно! Что рѣшено, то кончено... Правило у меня такое... А совѣсть моя насчетъ всего этого весьма и зѣло спокойна... Ты полагаешь—насъ отецъ любить?

— Любить, Трофимъ... Не грѣши!

— Любить? Ха-ха-ха... Ахъ, ты... юродь этакій! Тебя хоть удави, ты все лобызать будешь руку, которая на тебя петлю набросить... Любить! Отъ любви онъ тебя засадилъ въ одиночное заключеніе, а?

— Трофимъ, не тебѣ-бы говорить про это... Не столько отецъ въ этомъ повиненъ, сколько другіе... Я все знаю, братъ... Все...

— Плохо, значить, знаешь,—пробормоталъ Трофимъ, торопливо наполняя чашку виномъ.— Совсѣмъ плохо...

— Ни слова больше объ этомъ, ежели не хочешь, чтобъ я разстался съ тобой не какъ съ роднымъ братомъ, а какъ съ самымъ ненавистнымъ врагомъ...

-- Мнѣ плевать! — пожалъ тотъ плечами.— Думай обо мнѣ что хочешь... По времени вся правда наверхъ выплыветъ...

— Только не твоя... Прости, Трофимъ, за жестокое слово: твоя правда ключомъ ко дну пойдетъ...

— Бываютъ чудеса, что и ключи со дна наверхъ выплываютъ... Да это что... Все это пустое... Я не про-то... я про отцовскую любовь говорю, а ты на проселокъ съ большой дороги свернулъ... Меня, что-ль, отецъ любить? Какую я корысть отъ его любви получилъ? Женилъ сперва на дохлой — приданое отобралъ; женилъ на здоровой — приданое подъ замокъ. Это любовь родительская, чертъ ее дери! У меня петля на шеѣ, а онъ все подъ замокъ... да разъ пять крышку сундука потрогаетъ — запертъ-ли какъ слѣдуетъ, да замокъ раза три перекрестить, чтобъ неусыпнѣе миллионы сторожилъ...

— Трофимъ! Какъ это противно все слушать, если-бъ только ты зналъ...

— А мнѣ не противно его любовь на себѣ испытывать, избави насъ отъ лукаваго? Вчерась говорю ему: „папенька,

такъ какъ я сичасъ отъѣзжаю въ Саратовъ, гдѣ долженъ себя показать по формѣ, какъ Перелѣсковъ, напимѣрь, и все такое, то несомнѣнно мнѣ на оный предметъ нужны деньги“. Что-жъ ты думаешь, братенекъ? Почесаль въ затылкѣ, полѣзь въ свою адову пропасть и вытащиль тыщу рублей! А? Тыщу рублей Трофиму Перелѣскову, который долженъ Саратову носъ утереть и въ содроганіе привести? „Этого,— говорю,— недостаточно, папенька“. „А ты,— говоритъ,— съ тестя получи!“ „Что получить-съ?“— „Разницу!“ — „Какую разницу?“ — „А такую,— говоритъ,— что онъ, старый чертъ, чтобъ ему ни дна, ни покрышки, у билетовъ на полмилліона рублей майскіе купоны отрѣзалъ... на двѣ тысячи слишкомъ нагрѣлъ, жуликъ!.. Такъ ты съ него, по родственному, и сдери!..“ Вотъ тебѣ и любовь, Петрунька! Ррродительская, избави насъ отъ лукаваго!..

Трофимъ плюнулъ и, посмотрѣвъ на пустую бутылку, швырнулъ ее въ уголь.

— Прощай, братенекъ, — проговорилъ онъ, опуская голову на развернутую ладонь,— не поминай Трофима лихомъ! А помретъ отецъ, ты меня не обидишь... А, впрочемъ, чертъ его знаетъ, можетъ, онъ и тебя обидитъ... Женится на читалкѣ Ѳеклушкѣ, и простись ты съ папенькиными капиталами... Все она, подлая тварь, къ своимъ загребушимъ рукамъ подберетъ... И ежели не поддашься ей,— нагишомъ тебя со двора выгнать! Знаю я ее, подлюю, избави насъ отъ лукаваго! Божественное читаетъ, а сама сто золъ на тебя замышляетъ! Удавить ее — въ праведники попадешь! Ей-ей!.. Ну, прощай, братенекъ... одинъ совѣтъ тебѣ дамъ: хочешь слушать — слушай, не хочешь — воля твоя: не вѣрь словамъ Перелѣсковыхъ: всѣ они обманщики! И отецъ, и я, и ты... Всѣ творятъ не то, что говорятъ!..— Трофимъ качнулся, всхлипнулъ и долго держалъ въ объятіяхъ Петра.

Петръ молча освободился отъ объятій брата и, брезгливо смахнувъ съ лица пьяныя слезы Трофима, вывелъ его въ корридоръ и, проговоривъ: „до свиданья, братъ“, заперъ дверь на ключъ...

А Трофимъ, добравшись до своей комнаты, окликнулъ жену, которая лежала въ постели, вся закутанная въ одѣяло, и пробормоталъ, ероша бороденку:

— А Петръ тебѣ кланяться велѣлъ!

— Неправда!—отозвалась та.— Зачѣмъ вы лжете, Трофимъ Акимовичъ? Вѣдь вы лжете? Да?

Трофимъ перевернулся на каблукахъ и сталъ раздѣваться.

„Угадала! — подумалъ онъ, съ усиліемъ вылѣзая изъ рукавовъ кафтана.— Всѣ Перелѣсковы такіе... Ни на шагъ безъ подлости и вранья!..“

Было очень рано, когда проснулся весь Перелѣсковскій домъ. Послѣ всѣхъ проснулся Трофимъ. Онъ долго почесывался, сидя на кровати и творя молитвы, какія только могли притти ему на умъ.

Евдокіи Ивановны въ спальнѣ не было. Она встала едва только начало разсвѣтать и, одѣвшись, пошла бродить по пустыннымъ комнатамъ, полнымъ тоски и скуки.

Угрюмо смотрѣли на нее со стѣнъ портреты Перелѣсковыхъ, украшенныхъ медалями и стриженными макушками, тонули въ предразсвѣтной дымкѣ пейзажи съ коровами, похожими на овецъ, и овцами, похожими на коровъ, а вся мебель, сверкая позолотой, точно зѣвала отъ долгой и бессмысленной спячки. И когда первые лучи солнца ударили брызгами по стекламъ оконъ, позолота потускнѣла, еще суровѣе и угрюмѣе стали глядѣть со стѣнъ фамилные портреты, но все спало по-прежнему и наводило тоску и уныніе. Настроеніе Евдокіи Ивановны гармонировало съ окружавшей ее обстановкой, и ей страстно захотѣлось вдругъ скорѣй выбраться изъ этого склепа, изъ этой могилы, пропитанной сыростью земли, очутиться на воздухѣ, на свободномъ просторѣ полей и лѣсовъ и вздохнуть полной грудью, жаждавшей иной атмосферы и иной жизни... и не той, разумѣется, какую ей словно сюрпризомъ преподнесла мачеха судьба.

Скорѣе отсюда! Скорѣй!

И она готова была бѣжать, будить мужа, самымъ добросовѣстнымъ образомъ высыпавшаго вчерашній хмѣль, и торопить его отъѣздомъ. Теперь ей казалось, что тамъ, въ Саратовѣ, несравненно и дышится, и живетъ легче, чѣмъ здѣсь, гдѣ, не успѣвши расцвѣсть, отцвѣло ея молодое чувство, гдѣ все ей говорило о томъ, что она чужая всѣмъ, и что все— и эти стѣны, и картины, и дорогая мебель, и всѣ люди живущіе въ этомъ домѣ,— все смотрѣло на нее равнодушно и обладало нестерпимымъ холодомъ.

Евдокія Ивановна чувствовала, какъ она зябла отъ этой отчужденности, и съ умиленіемъ вспоминала свою саратовскую дѣвичью комнатку съ кисейными занавѣсками и горш-

ками герани, разубранными цвѣтами, похожими на причудливые сережки.

Вотъ ея постель съ кисейнымъ пологомъ и подушками, сверкавшими бѣлизною наволочекъ и завязками изъ пунцовыхъ лентъ... вотъ ея зеркальце, оправленное въ рамку изъ слоновой кости, подарокъ любимаго, погибшаго брата Васи... вотъ рѣзная на стѣнѣ полочка, наполненная книжками „для божественнаго чтенія“... тутъ и „Цвѣтникъ“, и „Трїодъ цвѣтная“, и „Трїодъ постная“, но тутъ-же и „Повѣсти Гоголя“, и сочиненія Сенковскаго, и стихотворенія Пушкина, тщательно запрятанныя за цвѣтныя и постныя „трїоди“...

Два окна только въ ея „дѣвичьей“, но сколько свѣта, воздуха и свободы проникало въ нихъ съ Волги, катившей тамъ, внизу, то спокойно, то бурливо свои темно-синія волны.

Сверкаетъ горячее солнце въ гребняхъ этихъ волнъ, несутся внизъ баржи, доносится бурлацкое „Эй, ухнемъ“, въ темно-синемъ, трепещущемъ отъ зноя небѣ высоко-высоко рѣлетъ соколъ, а на душѣ Евдокіи Ивановны такъ хорошо, такъ покойно, что не хочется ни думать, ни говорить, ни шевелиться... Сидѣла-бы, вотъ, кажется, всю жизнь у окна и смотрѣла на волжское раздолье, на горе и радости великой, многоводной рѣки-кормилицы...

Она помнитъ, какъ, смотря на безконечную канву красокъ, развертывавшуюся передъ ея глазами, она вся трепетала, стремясь къ чему-то и чего-то ища.

Ея сердце искало немного: оно ждало созвучія, жаждало отклика на неясное чувство, какъ воръ, безъ спроса и желанія закрадывавшееся въ него, и находило одну только суровую и сухую прозу, плохо гармонировавшую съ поэзіей природы...

И вотъ то, чего она ждала и искала на берегахъ Волги, она нашла въ Москвѣ и — потеряла такъ-же просто и легко, какъ и нашла.

На сердцѣ осталась горечь, въ головѣ — хаосъ беспорядочно скомканныхъ мыслей. Скорѣе вонъ отсюда! Скорѣе!

Можетъ-быть, тамъ, на берегахъ родной рѣки, волжскій вѣтеръ развѣетъ ея печаль и тоску, а ея дѣвичья келья съ кисейными занавѣсками и пологомъ заставитъ забыть жестокой обманъ, разбившій иллюзіи молодого сердца...

Евдокія Ивановна, смахнувъ непрошенныя слезы съ глазъ, поспѣшила въ спальню... 4

Трофимъ сидѣлъ на постели и почесывался, то сплевывая, то творя крестное знаменіе; волосы на головѣ его были спутаны и усѣяны пухомъ, бороденка сбилась клинушкомъ въ одну сторону и приняла такой видъ, какъ будто добрая половина ея была отхвачена ножницами.

Евдокіи Ивановнѣ прежде всего бросились въ глаза длинныя босыя ступни мужа съ уродливыми пальцами, голая грудь, обросшая шерстью, и костлявыя руки съ толстыми, синими жилами...

Ей стало противно. Она отвернулась и хотѣла бѣжать, но была остановлена замѣтившимъ ее Трофимомъ.

Душа! Евдокія Ивановна! Это вы, избави насъ отъ лукаваго? Охъ, батюшки! Охъ, навожденіе!..

Онъ набросилъ на себя такой-же затрапезный кафтанчикъ, какой былъ и у его родителя, и, покосившись на нарядный халатъ, висѣвшій на стѣнѣ и подаренный ему въ „приданое“ тестемъ, подбѣжалъ къ женѣ.

— Сердце у меня не на мѣстѣ, Евдокія Ивановна,— бормоталъ онъ, приглаживая горшнями всклокоченную шевелюру.— Приснитса-же этакое, избави насъ отъ лукаваго... Ахъ, батюшки! Святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѣ!

— Вы сонъ видѣли, Трофимъ Акимовичъ? — спросила его неизвѣстно для чего Евдокія Ивановна.

— Скверный сонъ. Приѣзжаемъ мы будто въ Саратовъ, и вдругъ на крыльцѣ встрѣчаетъ насъ Оеклушка... читалка наша, избави насъ отъ лукаваго!

— Что-же страшнаго въ этомъ, Трофимъ Акимовичъ? Я не понимаю ничего...

— Что страшнаго-то? А какъ она въ Саратовъ попала, чертъ ее задави, спрашивается? А вдругъ сонъ въ руку, а? Господи, епаси и помилуй насъ, грѣшныхъ!

Трофимъ метнулся къ окну, открылъ его и жадно потянулъ въ себя воздухъ.

— Приснитса-же этакая глупость, избави насъ отъ лукаваго!.. Евдокія Ивановна, будьте такъ добры на мой вопросъ отвѣтить, вы лучше знаете своего папеньку, чѣмъ я... какъ онъ насчетъ бабъ? Дерзокъ али нѣтъ?

— Я васъ не понимаю, Трофимъ Акимовичъ!

— Чего тутъ не понять-то?.. Кажется, очень просто... Бабникъ вашъ родитель али нѣтъ?

— Ну, объ этомъ вы ужъ сами его спросите! — отвѣтила Евдокія Ивановна и, покраснѣвъ до самыхъ бровей, вышла изъ спальни.

— Дура! — пробормоталъ Трофимъ, наливая въ тазъ воду изъ кувшина.— О, Господи! Приснитися-же этакая нелѣпица... И чего тутъ не понять-то? Притворство одно глупое! Праведникомъ, что-ль, онъ тамъ въ Саратовѣ живетъ? Черта съ два! Знаю я этихъ ревнителей-то! На языкѣ: „Боже, очисти мя грѣшнаго!“, а на мысляхъ—какъ-бы къ Парашкѣ али Наташкѣ подъ бочекъ подкатиться... И Ѳеклушки я что-то не вижу...”

Трофимъ поплескался въ тазу и, вытираясь полотенцемъ, качнулъ головой:

„Не вижу Ѳеклушки! Тьфу!.. И я тоже дуракъ, избави насъ отъ лукаваго! — обругалъ себя Трофимъ.— Сталъ разнымъ глупостямъ вѣрить... Да рази мой папенька отпуститъ Ѳеклушку въ Саратовъ? Чертъ знаетъ, что мнѣ въ башку втемяшилось...”

Трофимъ успокоился, но, сидя за чаемъ, все-таки справился у Акима Спиридоновича, почему не видать Ѳеклушки...

— Тетка у ей умираетъ... третеводни ее соборовала и сейчасъ повезла въ деревню... Понимаешь, безпремѣнно тетка помретъ!

— Да вотъ оно что!—окончательно успокоился Трофимъ.— Это дѣло десятое, избави насъ отъ лукаваго...

— А ты что думалъ? — съ нѣкоторымъ уже подозрѣніемъ спросилъ Акимъ Спиридоновичъ.

— Я-съ? Я, папенька, ровно ничего-съ... Не вижу и думаю: можетъ, разочли-съ... Что-же я могу думать особенное? Разочли, только и всего-съ!

Евдокія Ивановна услышала звонъ колокольчиковъ и заторопила мужа отъѣздомъ.

Какъ ни былъ равнодушенъ Трофимъ ко всему, но разставаясь навсегда съ Москвой, съ родительскимъ домомъ, гдѣ онъ родился, выросъ, видалъ и горе и радость, заволновался до того, что у него затряслись и ноги, и руки.

Онъ поспѣшно обѣжалъ весь домъ, простился со всѣми служащими, бывшими дома, сбѣгалъ въ конюшни къ лошадямъ и въ концѣ-концовъ, очутившись въ саду, уналъ на скамейку и заплакалъ...

Трофимъ никакъ не думалъ, что ему будетъ такъ тяжело разставаться съ роднымъ гнѣздомъ, откуда онъ бѣжалъ, гонимый страхомъ и алчностью, и долго потомъ дивился на свои, можетъ-быть, послѣднія, но чистыя, сердечныя слезы...

Трофимъ не понималъ сантиментальности, и если плакалъ, разставаясь со всѣмъ, съ чѣмъ онъ былъ связанъ многіе годы,

то плакалъ отъ души, въ которой, какъ - бы она ни была осквернена пошлостью жизни, всегда найдется маленькій, микроскопическій уголокъ, способный чувствовать, страдать и совершать геройскіе поступки...

Вернулся изъ сада онъ разбитымъ и усталымъ.

Много, значить, пережилъ чистый уголочекъ его души въ какіе-нибудь полчаса времени! Простился онъ съ отцомъ спѣшно, и самъ сталъ торопить Евдокію Ивановну, прощающуюся съ толпившеюся дворней.

Акимъ Спиридоновичъ, которому надоѣли уже проводы, тоже суетился, кричалъ въ одно и то-же время на людей, носившихъ вещи, и крестилъ сына, какъ - то невольно попадавагося старику на глаза.

Они ничего не говорили другъ другу. Трофимъ старался не смотрѣть отцу въ глаза, ибо боялся, что тотъ прочтетъ на его лицѣ смятеніе, вовсе не свойственное мужчинѣ, а Акиму Спиридоновичу казалось, что они вѣкъ не уѣдутъ: хоть на мѣсяць, да съ глазъ долой.

И только, когда тарантасъ, громыхая колесами, выкатился со двора, всѣ вздохнули свободно: и Евдокія Ивановна, кивавшая головой старику, и Трофимъ, и Акимъ Спиридоновичъ, точно со всѣхъ съ нихъ свалилась непомѣрная тяжесть, давившая ихъ ежедневно съ самаго ранняго утра до поздней ночи.

LXIII.

Проводивъ Трофима съ женой, Акимъ Спиридоновичъ уѣхалъ въ городъ.

Въ городѣ онъ былъ веселъ, ходилъ раза три въ Бубновъ трактиръ, шутилъ съ молодцами и только, вернувшись домой и почувствовавъ полнѣйшее одиночество, поморщился и заскучалъ.

Онъ бродилъ по комнатамъ, присаживался читать, но тотчасъ-же бросалъ книгу и хватался за счеты, пощелкавъ на которыхъ съ четверть часа, отодвигалъ ихъ въ сторону и снова принимался бродить по безлюдному дому.

Отъ скуки онъ пробовалъ звать людей, но всѣ люди находились внизу, и никто не шелъ на его зовъ.

Акимъ Спиридоновичъ сердился, ругался и, сойдя внизъ оралъ на всѣхъ во все горло.

Но это нисколько не умаляло его скуку; напротивъ, распатронивъ служащихъ, ничего не понимавшихъ въ его крикъ, и, поднявшись къ верху, онъ чувствовалъ, что его тоска усугублялась до того, что онъ самъ готовъ былъ бѣжать изъ собственнаго дома.

„Всѣ бросили меня, какъ паршивую собаку, — думалъ онъ, отшвыривая попадавшуюся ему на дорогѣ мебель. — Всѣ... и Трофимъ... и Токлушка...“

И старикъ очень обрадовался, увидавъ въ столовой накрывавшую на столъ ужинать Настю.

— Ты это?..

— Я-съ, Акимъ Спиридоновичъ... Можетъ, покушаете что...

— Не знаю... никакого пекиту нѣтъ... такъ нешто, для порядка только...

Акимъ Спиридоновичъ присѣлъ на стульчикъ и сталъ смотрѣть, какъ Настя проворно шмыгала отъ буфета къ столу и гремѣла тарелками.

„Хозяйственная дѣвка, — одобрилъ онъ Настю про себя. — Складно это все у ней выходитъ да проворно... и языкомъ зря не звонить...“

Ему даже какъ-будто веселѣе стало, и только когда она ушла внизъ за кушаньемъ, къ Акиму Спиридоновичу снова вернулась тоска.

Настя снова явилась.

Въ одной рукѣ она несла тарелку съ дымившейся солониной, а въ другой — мисочку съ огурцами, отъ которыхъ въ столовой запахло укропомъ и чеснокомъ.

— Кушайте на доброе здравіе, Акимъ Спиридоновичъ, — проговорила она, ставя принесенное на столъ и кланяясь старику.

Перелѣсковъ покосился на солонину, потянулъ носомъ и, покрестившись на иконы, подсѣлъ къ столу.

— А вотъ и хрѣнъ, — подвинула Настя хрѣновницу, — сейчасъ только свѣжаго натерла... Вы вѣдь любите такой, чтобъ слеза шла.

— А ты не любишь?

— И безъ хрѣну, Акимъ Спиридоновичъ, у насъ всякихъ слезъ достаточно...

— А ты не плачь...

— Нельзя. То по нуждѣ плачешь, то отъ жалости... И не рада сама, да карахтеръ ужъ у меня такой...

— Душа у тебя, значитъ, добрая...

— Не знаю...

— А кто же знать то будетъ?—усмѣхнулся Перелѣсковъ.

— А пушай ужъ люди разбирають,.. Со стороны-то, сказываютъ, всякій человѣкъ виднѣе...

— Ну, не всякій то же, — вспомнилъ онъ про Оеклушку. — Иной, думаешь, вотъ какой человѣкъ вѣрный, а на дѣлѣ — хватъ, какъ будто и не то вовсе...

Перелѣсковъ отодвинулъ солонину и задумался.

— Всего ничего покушали... Вы бы вотъ отъ этого мѣстечка, Акимъ Спиридоновичъ, съ жиркомъ-то...

— Не могу одинъ ѣсть... скука!

— И этому горю помочь можно, — улыбнулась Настя, — сбѣгаю я сичасъ внизъ и приглашу Петра Акимовича...

Акимъ Спиридоновичъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на Настю.

Настя съ самой простодушною улыбкой смотрѣла на хозяина и ждала отвѣта.

— Сбѣгать, Акимъ Спиридоновичъ?

Старикъ покраснѣлъ и отвернулся.

„Неужто она не знаетъ, что Петръ боленъ? — подумалъ онъ, — а ежели знаетъ, то какъ смѣетъ предлагать это?“

— Петръ больной, — проговорилъ онъ послѣ минутнаго молчанія, — сама, чай, знаешь...

— Слышала я, что больнымъ его объявили, а кто объявилъ — неизвѣстно. Изъ докторовъ словно къ намъ никто и не заглядывалъ. Но только я, по совѣсти вотъ, какъ передъ Владычицей Казанской вамъ говорю, ничего въ Петрѣ Акимовичѣ не вижу... Человѣкъ — человѣкомъ, а только неизвѣстно для чего въ своей комнатѣ сидитъ... Я ему и обѣдать, и ужинать ношу, такъ видаю на дню-то можетъ нѣсколько разъ...

— Ты въ его болѣзни ничего понимать не можешь! — сурово перебилъ Настю Перелѣсковъ. — Ты что такое? Баба — ничто иное... и понятій у тебя настоящихъ нѣту... Твое дѣло — псалтырь читать, услуживать, а въ разсужденія лѣзть тебѣ не надо.

— Прости Христа-ради, Акимъ Спиридоновичъ! — поклонилась Настя старику все съ тою же наивною улыбкою. — А я и не знала, что бабамъ заказано правду сказывать... Не желаешь, и не стану... А я по-бабьи такъ разсуждаю: коли совѣсть что говоритъ, такъ и языкъ тое-же самое долженъ сказывать... И понять я во всякое время могу, что больной человѣкъ, что здоровый... На это, я такъ думаю, и ума особливаго не требуется, были бы глаза хорошіе да совѣсть со страхомъ Божиимъ...

Перелѣсковъ съ изумленіемъ глядѣлъ на Настю, у которой вдругъ побѣлѣло лицо и задрожали губы.

— Ежели бы не видала я Петра Акимыча и языкъ бы мой на разговоръ не повернулся, а то вижу его каждый день и ей душой его жалѣю. Человѣкъ во всемъ своемъ полномъ разумѣ и вдругъ, ровно оглашенный, въ заточеніи сидить...

— Ну, дѣвка, со мной такъ говорить нельзя! — сдвинулъ старикъ брови, внутренно удивляясь убѣжденному тону читалки. — Съ Перелѣсковымъ разговариваютъ инымъ манеромъ...

— Не удосужилась я манеры разбирать, Акимъ Спиридоновичъ, а по своему глупому бабьему разуму такъ думаю, что правду и царю сказать можно, ежели только это правда настоящая, праведная правда, а не кривда подлая... Не хочешь мою правду слушать — поклонъ; да и вотъ... Помолюсь завтра Богу, соберу свои пожитки и пойду за ворота... У меня вѣдь, какъ у Оеклушки, укладокъ нѣту... Есть одинъ махонькій сундучишка, да и тотъ плечей не оттянетъ... А душой кривить, Акимъ Спиридоновичъ, я ни за какіе миллионы не стану... Нѣтъ такого на свѣтѣ богатѣя, который бы Настасьину со вѣсть купилъ... Смертный часъ надо помнить, Акимъ Спиридоновичъ!

Настя, забравъ въ руки тарелки и не емотря на Перелѣскова, вышла изъ столовой.

Акимъ Спиридоновичъ долго сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, точно разжевывая то, что ему сказала Настя.

И, кажется, совсѣмъ простыя слова она обронила, а ему они казались и дерзкими и непонятными.

Развѣ Оеклушка такъ съ нимъ разговаривала? Да онъ однимъ взглядомъ заставилъ бы ее въ землю уйти! А этой все равно! Или ошалѣлая, или дура... Съ нимъ такъ говорить... учить его, Акима Спиридоновича!.. Въ шею надо гнать... А впрочемъ, что съ глупой дѣвкой связываться да обижаться на деревенщину... Сватъ, вонъ, и купецъ, которому вся Волга и земные, и поясные поклоны отвѣшиваетъ, а такъ-же глупъ, какъ и эта читалка.

А что, если и въ самомъ дѣлѣ Петръ не такъ ужъ умомъ повихнулся, какъ онъ съ Трофимомъ думаетъ? Нашло на него, можетъ, а теперь соскочило. Вотъ тоже правду она сказала, что Петра ни одинъ докторъ не осматривалъ.

Какъ это случилось?

Перелѣсковъ сталъ вспоминать и вспомнилъ, что приглашать докторовъ ему Трофимъ отсовѣтовалъ...

Трофимъ! Это ужъ не Настасья, а мужчина, у котораго

ума—палата... и противъ Петра ему итти нѣтъ причинъ... Правда, посчитывались они иногда, ну, да этого гдѣ не бываетъ: и горшокъ съ горшкомъ въ печи столкнутся.

Ошибиться, конечно, насчетъ чужого ума всегда возможно, могъ ошибку эту сдѣлать и Трофимъ...

Поговорилъ бы съ нимъ насчетъ этого, да унесла его легкая въ Саратовъ...

А вдругъ они ошиблись? Грѣхъ-то какой... А пуще того—тоска заѣдаетъ: никого въ домѣ нѣтъ, ни Трофима, ни Оеклушки, хоть шаромъ покати... Поужиналъ бы вотъ съ Петромъ, поговорилъ бы съ нимъ и все какъ будто бы не такъ скучно было...

Перелѣсковъ не замѣтилъ, что онъ, занятый этими мыслями, очутился внизу.

Опомнился онъ только въ Оеклушкиной кельѣ, гдѣ все стояло на своемъ мѣстѣ, только самой Оеклушки не было.

Акимъ Спиридоновичъ крякнулъ и медленно сталъ подниматься на верхъ.

Трофимъ не умѣлъ болтать и въ особенности, если эта болтовня была почему-либо для него невыгодна. Про свою задуманную въ Саратовъ поѣздку въ городъ онъ не сказалъ никому, и городскіе люди очень удивились, узнавъ отъ Перелѣсковскихъ молодцовъ, а затѣмъ и отъ самого Акима Спиридоновича, что Трофимъ укатилъ съ молодой женой на Волгу.

— На долго ли?—спрашивали у старика.

— А глядя по тому, какъ поживется,—отвѣчалъ тотъ,—пушай гуляетъ!

И на другой или третій день послѣ отбытія Трофима всѣ уже узнали, что молодоженъ уѣхалъ „гулять“, а когда вернется въ Москву, про то и самъ отецъ хорошо не знаетъ.

Акимъ Спиридоновичъ, въ отсутствіи Трофима, гонимый изъ дому скукой, выѣзжалъ въ городъ рано, почти вмѣстѣ съ молодцами; въ лавкѣ онъ болтался съ часъ, а затѣмъ шелъ къ Бубнову или одинъ, или захвативъ съ собою для компаніи кого-нибудь изъ сосѣдей.

Говорилъ онъ въ трактирѣ мало, и поэтому сосѣди ходили съ нимъ неохотно: молчать-то они могли и у себя въ лавкѣ, а пустыхъ разговоровъ Акимъ Спиридоновичъ не позволялъ: не такое его было положеніе, чтобъ допускать себя до этого...

Поэтому, большей частью, онъ ходилъ въ трактиръ одинъ, заказывалъ двѣ пары чаю, растегай въ двугривенный и спустя часа два возвращался въ лавку очень довольный и растегаемъ, и вареньемъ, поданнымъ къ чаю, и самимъ собой

Такъ было всегда, и молодцы знали, что Акимъ Спиридоновичъ, вернувшись отъ Бубнова, спросить, кто безъ него былъ, что кому продали, поболтаеть съ покупателями, если таковые въ это время окажутся въ лавкѣ, и снова уйдетъ или одинъ, или съ покупателями все къ тому же Бубнову, гдѣ у него было свое излюбленное мѣстечко, куда другіе посѣтители половыми не допускались.

На пятый или шестой день отъѣзда Трофима Акимъ Спиридоновичъ по обыкновенію попалъ изъ лавки къ Бубнову и, въ ожиданіи горячаго растегая, поглаживалъ бороду и кивалъ головой знакомымъ купцамъ.

Старикъ былъ въ духѣ. Настолько въ духѣ, что рѣшилъ, по возвращеніи домой, навѣстить Петра и посмотреть „его мысли“.

Онъ скучалъ невыносимо, а дерзости читалки Настасьи не шли у него изъ головы. Ее онъ съ того вечера не видалъ, но чувствовалъ, что она бродитъ за нимъ тѣнью и донимаетъ его своею „правдой“.

Дрянъ какая-то, ничтожество, а дерзости ея никакъ не забудешь! Другую бы на утро за ворота выгналъ, а на нее и руки не поднимаются!

Непремѣнно надо посмотреть мысли Петра!..

Раздумывая объ этомъ, Акимъ Спиридоновичъ и не замѣтилъ, какъ къ его столику подошелъ длинный господинъ, съ сухимъ, малоподвижнымъ лицомъ и тощей бородкой грязнаго цвѣта.

— Дозвольте поклониться вамъ, достоуважаемый Акимъ Спиридоновичъ, — произнесъ онъ, слегка заикаясь и низко кланяясь.

Перелѣсковъ протянулъ ему руку и проговорилъ, окидывая взглядомъ потертый костюмъ незнакомца:

— Не знаю я тебя, ровно...

— Да васъ-то всѣ знаютъ, достоуважаемый... Дозвольте присѣсть на парочку словъ-съ.

— Садись. Какъ звать-то?

— Сидоръ Ивановъ Малявкинъ-съ... маклерствомъ занимаюсь...

— А-а! — протянулъ Перелѣсковъ, часто имѣвшій дѣла съ маклерами. — Чаемъ просить можно?

— Премного благодарень, Акимъ Спиридоновичъ... бывое дѣло-сь... а впрочемъ, дозвольте-сь... палка на палку, говорятъ, вредно, а чай на чай—хорошо-сь...

Перелѣсковъ, не торопясь, налилъ двѣ чашки и спросилъ:

— Продать что желаешь али купить?

— Ни то, ни другое, Акимъ Спиридоновичъ. Я совсѣмъ по особенному дѣлу-сь...

— У меня, акромья купли-продажи, никакихъ особенныхъ дѣловъ нѣту...

— Да у меня-то они есть-сь... Вы извините, что я безпокою такую высокопочтенную особу...

— Ничего, безпокой. Я къ этому привыченъ. У меня правило такое, чтобъ никого не обижать и дѣло—не дѣло выслушивать...

— Премного вамъ благодарень. Я собственно не по своему дѣлу, а по порученію одной личности, которая въ этомъ дѣлѣ заинтересована... Трофимъ Акимычъ, какъ слышно, изъ Москвы отбыли-сь?

— Отбыль...

— И скоро, полагаете, вернется?

— Ну, на этотъ счетъ у меня положенія никакого нѣтъ... и самъ я не знаю, когда вернется... Да какое у тебя дѣло до него?

— Такъ какъ сичасъ его въ наличности нѣтъ-сь, это дѣло до васъ касаться должно-сь ..

Малавкинъ отхлебнулъ изъ блюдечка глотокъ чаю и поставилъ его на столъ.

— Насчетъ собственно векселечковъ, Акимъ Спиридоновичъ...

— Это какихъ такихъ векселечковъ?—поднялъ брови Перелѣсковъ.

— Трофима Акимыча-сь...

— Векселя Трофима-а?—протянулъ Акимъ Спиридоновичъ и тоже поставилъ блюдечко на столъ.

— Такъ точно-сь и вполнѣ дѣйствительно-сь.

— Не пойму я... Трофимъ векселя даль?

— Они-сь.

— Кому?

— Одному покойнику. То есть, они, этотъ самый покойникъ, тогда еще живыми были-сь, а потомъ взяли, да и померли... И прямо, достоуважаемый Акимъ Спиридоновичъ, отъ своей глупости,—наперлись каши...

— Стой! Какая тамъ къ черту каша... Ты говоришь, что Трофимъ векселя далъ... за какой товаръ?

— Хи-хи-хи,—захихикалъ маклеръ,—у дисконтера, Акимъ Спиридоновичъ, товаръ одинъ-съ, денежки-съ...

Перелѣсковъ качнулся и побагровѣлъ.

— У ди-ско-нте-ра... день-ги взялъ,—растерянно пробормоталъ онъ,—Трофимъ! Врешь! Врешь!

— Акимъ Спиридоновичъ, своими глазами видѣлъ-съ...

— Врешь! Фальшь 'это! Жулики вы съ дисконтеромъ! На что Трофиму деньги? У меня денегъ нѣтъ? У ме-ня?

— Да вы не входите въ сердца, Акимъ Спиридоновичъ. Совсѣмъ это ни къ чему-съ,—отодвинулся на всякій случай Малавкинъ отъ Перелѣскова,—у васъ-то деньги есть, спорить развѣ объ этомъ возможно-съ... Да ежели бы у васъ денегъ не было, развѣ вашему сыну повѣрили бы такія суммы...

— Какія суммы? Да говори, дьяволъ!..

— Четы... четыреста тысячъ,—заикаясь, проговорилъ маклеръ и поднялся торопливо со стула.

LXIV.

Акимъ Спиридоновичъ приподнялся съ мѣста, словно хотѣлъ проучить лжеца, но устоять на ногахъ не могъ и грузно опустился на стулъ.

Все у него завертѣлось въ глазахъ и въ особенности стоявшій вблизи половой Семень, который началъ подскакивать къ потолку и кувыркаться черезъ голову въ воздухъ...

Шумѣло въ ушахъ и какъ будто бы кто-то звонилъ неистово въ пронзительно дребезжавшій колокольчикъ.

Голоса людей ушли куда-то далеко, далеко и доносились до него въ видѣ шопота, принесеннаго порывомъ вѣтра...

Акимъ Спиридоновичъ провелъ рукою по лбу,—лобъ былъ мокрый. Онъ ощущалъ на пальцахъ холодный потъ и съ трудомъ переводилъ дыханіе.

— Водички-съ... водички выпейте,—совалъ ему маклеръ въ ротъ стаканъ,—глотните, Акимъ Спиридоновичъ, и въ себя взойдите съ...

Перелѣсковъ глотнулъ и мало-по-малу сталъ приходить въ себя. А когда онъ пришелъ въ себя окончательно, сосѣдніе столики опустѣли, половой Семень стоялъ невозмутимо у при-

толоки и, перебросивъ чрезъ плечо салфетку, лѣниво посматривалъ на посѣтителей.

— Вы напрасно беспокоитесь, Акимъ Спиридоновичъ—продолжалъ трещать надъ ухомъ Перелѣскова маклеръ,—что такое для васъ четыреста тысячъ? Тыфу, и больше ничего-съ! За Кошельковою Трофимъ Акимычъ сичасъ какіе миллионы взяли—не выговоришь... такъ что имъ четыреста... плевое дѣло-съ!

— Слушай ты... дьяволъ!—произнесъ, наконецъ, Перелѣсковъ,—вѣрно ты говоришь все это, али штукаришь?

— Господи, Владычица,—заерзалъ на стулѣ маклеръ,—да рази посмѣлъ бы я къ такой особѣ съ глупостями? Мое дѣло такое, Акимъ Спиридоновичъ,—тѣмъ кормимся... Сами они, наслѣдники-съ, не желаютъ въ расчеты входить, а призвали меня и говорятъ: „иди къ Перелѣскову и получай деньги, а не отдасть, я и въ судъ передамъ...“

— Да ты видѣлъ, чертъ, эти векселя, али нѣтъ?

— Собственными глазами удостовѣрился, Акимъ Спиридоновичъ, Трофима Акимовича подпись... Что они сами руку приложили, въ эвтомъ я и не сумлѣваюсь даже...

— Четыреста тысячъ!—ударилъ кулакомъ по столу Перелѣсковъ, снова багровѣя.—Куды онъ ихъ дѣлъ? Куды онъ дѣлъ, я тебя спрашиваю?—схватилъ онъ костлявыми пальцами руку маклера.

— А уже объ этомъ его надо спросить,—вздыхнулъ тотъ такъ, какъ будто Трофимъ былъ сынъ не Перелѣскова, а его собственный.

— Не можетъ быть, чтобъ Трофимъ такіе капиталы на вѣтеръ бросилъ...

— Жили Трофимъ Акимычъ широко-съ...

— Трофимъ? Трофимъ широко? Врешь! Я отецъ... я все знаю...

— Охъ, ничего вы, Акимъ Спиридоновичъ, не знаете,—ей Богу, ничего-съ...

— Я не знаю? Врешь! Трофимъ—это гордость моя... Понимаешь, дьяволъ,—гордость... Любилъ я его вотъ какъ... ты даже понять не можешь, какъ его любилъ... Вѣдь все его, какъ помру... Дѣти у тебя, проклятаго, есть?

— Благословилъ Господь...

— Такъ какъ же ты не понимаешь? Одинъ сынъ у меня... гордость моя... Трофимъ...

У Перелѣскова что-то сдавило въ горлѣ, и рыданія слышались въ его голосѣ.

— И ограбилъ! Ограбилъ, какъ разбойникъ на большой дорогѣ! Отца ограбилъ!

Маклеръ молчалъ. Онъ понималъ Акима Спиридоновича, этого алчнаго собирателя никому ненужныхъ сокровищъ, понималъ его гнѣвъ и тоску и вздыхалъ не то сочувственно, не то „для политики“.

— Я не знаю Трофима? Я? Да онъ весь какъ на ладонкѣ былъ у меня... Всегда былъ дома... всегда...

— Трофимъ Акимычъ-съ? Большая ошибка съ вашей стороны, Акимъ Спиридоновичъ! Огромная-съ... А почему-съ? Я вамъ сейчасъ скажу-съ: день его—вашъ, а ночь—его-съ... Вы ночью спали да разные тамъ божественные сны видѣли, а Трофимъ Акимычъ по Грузинамъ лютовалъ... Вы извините, что я, можетъ, ваше родительское сердце оскорблю, но такого гостя въ Грузинахъ, какъ вашъ Трофимъ Акимычъ, съ сотворенія міра не было-съ

Перелѣсковъ ошеломлялся.

— Какъ? Трофимъ? Гуляка и пьяница? Невозможно!

А маклеръ продолжалъ дудѣть свое:

— Вы спросите Архарова, онъ вамъ скажетъ, какія колѣна Трофимъ Акимычъ въ Грузинахъ выкидывалъ... Въ донскомъ цыганоцѣ купалъ и за мыло по сту рублей платилъ... За мыло-съ... Что же онъ давалъ тѣмъ, которымъ, напримѣръ, черномазымъ, онъ голову собственноручно мылилъ и простынями обтиралъ? Вы учтите, Акимъ Спиридоновичъ, все безобразіе въ полной наготѣ и въ соображеніе возьмите...

— Не вѣрю! Не вѣрю! Не вѣрю!—бормоталъ Перелѣсковъ, сжимая голову руками:—и это Трофимъ! Троша! Да ч отъ него слова наперекоръ не слыхаль...

— Такіе-то хуже, Акимъ Спиридоновичъ,—вздыхнулъ Малавкинъ.—Вы съ собаки примѣръ возьмите: которая ежели тявкаетъ—ту не бойтесь, а, вотъ, которая хвостомъ виляетъ да молча васъ вдругъ тяпнетъ—вотъ этой сторонитесь... Да вы, Акимъ Спиридоновичъ, самое лучшее—спросите его самого: давалъ онъ векселя, али нѣтъ? Это много проще-съ... А мы недѣлю подождемъ, потому моему довѣрителю тоже не очень желательно по судамъ путаться... Конечно, ежели вы откажетесь платить, мы сейчасъ же ко взысканію предъявимъ, но только я, со своей стороны, не совѣтую срамить свою уважаемую фирму... Да и изъ-за чего, собственно, и срамиться-то: изъ-за какихъ-то четырехсотъ тысячъ!

— Да вѣдь это капиталъ, чертъ! Щепки, по твоему, а?

Щепки? Четыреста тыщъ! Да ты издохнешь, а такой суммы у себя въ рукахъ не увидишь...

— Гдѣ же мнѣ-съ... Я—человѣкъ маленькій, трудящій.. Гдѣ же мнѣ такую сумму?—поежилъ маклеръ.—А для васъ она—тьфу!

— Легко тебѣ, дьяволу, чужими деньгами швыряться! Ты наживи ихъ, попробуй!.. Наживи!

— Мнѣ не нажить, Акимъ Спиридоновичъ, а вамъ... По моему взгляду, ничего даже не стоитъ нажить: на одинъ товаръ копеечку накинули, на другой двѣ,—глядишь, грѣхи Трофима Акимыча въ годъ и замолены...

— Замолены! Дуракъ, по дурачки и разсуждаешь!.. Человѣкъ отца родного ограбилъ, а онъ смѣется... Уходи отъ меня прочь! Уходи!

— Уйду-съ...

Маклеръ поднялся и наклонился надъ столомъ.

— А насчетъ векселечковъ какъ прикажете сказать?..

— Кому сказать?

— А господину Опенкину, у котораго сейчасъ векселя Трофима Акимыча-съ?

— Ни гроша не отдамъ! Ни гроша!—застучалъ Перелѣсковъ по столу такъ, что къ нему бросился половой.—Не тебя я, уйди!—крикнулъ онъ половому.—Это грабежъ и разбой!.. Дьяволы! Черти проклятые! Ростовщики подлые!.. Всѣ подлецы! И ты... и ты тоже подлець!..

Малявкинъ вздрогнулъ и еще ниже нагнулъ къ Перелѣскову.

— Дѣти у меня есть... такъ я вамъ прощаю это обидное слово... Скорбь отца могу понимать, потому самъ отецъ, господинъ миллионеръ! Всегда могу сочувствовать отцовскому горю... Одного я только понять не могу.. и простить вамъ, какъ миллионеру... жадности вашей къ деньгамъ... алчности вашей необузданной... не пойму и не прощу! Звѣрей я дикихъ видалъ, такъ и тѣ своихъ дѣтенышей съ ласкою лизали, а вы... вы... и издохнете на миллионахъ и, акромя проклятій, ни отъ кого добраго слова не услышите... Да, я вотъ... что я такое? Ничтожество передъ вашею особой, дрянъ... млекопитающее... потому не всегда и на мясо зарабатываешь... А ежели съ моимъ сыномъ несчастье случится—рубашку послѣднюю сыму, себя и жену заложу, а дѣтеныша милаго, рожденіе свое, изъ бѣды выручу... Не дамъ, не дамъ на растерзаніе и поруганіе! Умру лучше, а не дамъ! Для васъ деньги—все, а для меня—честь!.. Такъ кто изъ насъ подлець-то, позвольте васъ спро

силь: мѣщанинъ ли Огородной слободы Малявкинъ, али столпъ древняго благочестія, миллионеръ Перелѣсковъ? Разсудите сами на досугѣ, а ежели во мнѣ нужда встрѣтится—ваши молодцы мое мѣстожителство знаютъ...

Малявкинъ повернулся и, высоко поднявъ голову, замаршировалъ по залѣ.

Акимъ Спиридоновичъ сидѣлъ, какъ пришибленный.

Мысли въ головѣ точно спутанный клубокъ нитокъ: чѣмъ больше ихъ распутывать, тѣмъ больше онѣ путаются.

„Четыреста тысячъ! Подлецъ не Малявкинъ и не тѣ, кто давалъ деньги Трофиму, а онъ самъ... Последнюю рубашку люди снимаютъ, чтобы спасти свою честь, а онъ.. ни гроша не хочетъ платить за Трофима! Ни гроша!.. Что это такое? Кошмаръ? Навожденіе дьявольское?.. Трофимъ... тотъ самый Трофимъ, въ которомъ онъ души не чаялъ, которому вѣрилъ какъ самому себѣ, если только не больше, и тотъ оказался такимъ же, какъ и большая часть купеческихъ сынковъ: кутилою, обманщикомъ, грабителемъ отцовскихъ капиталовъ!“

Акимъ Спиридоновичъ не выпилъ ни одной рюмки вина, но, выходя изъ трактира, чувствовалъ, что у него и походка пьяная, и мысли такія безсвязныя, какія бродятъ въ головѣ только у людей охмѣлѣвшихъ.

Онъ шатался. Шатаясь, дошелъ до своей лавки, возбуждая удивленіе сосѣднихъ молодцовъ, а, придя въ лавку, сѣлъ и просидѣлъ молча цѣлый часъ, опираясь на палку съ золотымъ набалдашникомъ и положивъ на руки голову.

Старый приказчикъ нѣсколько разъ подходилъ къ хозяину, спрашивалъ его о чемъ-то и не получалъ отвѣта.

Молодцы переглядывались; старшій приказчикъ теребилъ усиленно бородку и не зналъ, что подумать про хозяина. Такимъ онъ видѣлъ его въ первый разъ и не могъ доискаться причинъ, ввергнувшихъ хозяина въ такое странное состояніе.

Только часъ спустя Перелѣсковъ поднялъ голову и, крикнувъ подлетѣвшему къ нему молодцу: „Малявкина мнѣ... завтра утромъ!“—вышелъ изъ лавки все той же нетвердою, пьяною походкой.

Возвратясь изъ города, Акимъ Спиридоновичъ прошелъ прямо къ себѣ въ кабинетъ и заперъ за собою дверь. Настя, проходившая мимо, слышала звонъ замка, издавившаго необыкновенно жалобные звуки при отпираниі, и бормотаніе старика.

Всю ночь не спалъ Акимъ Спиридоновичъ. Онъ ходилъ по кабинету, останавливался у сундука, въ которомъ хранились

его капиталы, отпиралъ его, снова запиралъ, охалъ, чесалъ затылокъ и бормоталъ кому-то проклятiя.

Только утромъ, когда на востокъ загорѣлась багряная заря, золотя медленно плывшiя облака, и въ саду пошла трескотня проснувшихся пернатыхъ, Акимъ Спиридоновичъ сполоснулъ водой свои лихорадочно блестящiе глаза и, словно воръ, осторожно спустился внизъ.

Внизу всѣ спали. Въ корридорѣ было темно, но Акимъ Спиридоновичъ шель впередъ твердымъ шагомъ и остановился у двери Петра.

Дверь отворилась, и старикъ, шагнувъ впередъ, очутился у постели сына, спавшаго безмятежнымъ сномъ.

Онъ долго всматривался въ лицо Петра, освѣщенное весеннимъ разсвѣтомъ, и чѣмъ больше смотрѣлъ на него, тѣмъ больше и больше смягчалось его сердце, давно забывшее про этого сына.

Было что-то необыкновенно горькое и скорбное въ чертахъ спящаго Петра.

И хоть-бы одна радостная, отрадная его сердцу черточка! Одно сплошное страданiе и мука... но мука, на которую идутъ люди съ радостью, съ надеждою на что-то лучшее, недостижимое для другихъ, озаренные небеснымъ свѣтомъ... И Акимъ Спиридоновичъ понялъ муку сына, потому что онъ самъ былъ человѣкъ и страдалъ такъ-же, какъ страдаютъ всѣ люди, потерявшiе все, что имъ было дорого въ жизни.

Одинъ терялъ свободу, другой — жену, третiй — деньги... а кто-нибудь, можетъ-быть, терялъ и вѣру въ жизнь и людей.

Ничего не осталось! Украли то, что было тебѣ дорого, и человѣкъ страдаетъ, не сознавая того, что онъ теряетъ только ничтожную часть своего богатства, и падаетъ духомъ, скорбя о маломъ.

Акимъ Спиридоновичъ стоялъ надъ сыномъ и думалъ...

Въ его воспаленномъ отъ проведенной безъ сна ночи мозгу копошились тяжелыя, какъ жернова, и мрачныя, какъ осеннiя ночи, мысли... Онъ вспомнилъ свою молодость, безцвѣтную, пустую, лишенную радостей и любви молодость, проведенную имъ безо всякаго смысла и интереса, въ „украдку“, въ потемкахъ, вспомнилъ жену, съ которою связали его и которую онъ такъ же не понималъ, какъ та не понимала его. Вспомнилъ все, что только было нерадостнаго въ жизни, все, что или угнетало его, или смѣялось надъ нимъ, какъ надъ рабомъ, зависящимъ ото всѣхъ и cadaго, и какъ надъ человѣ-

комъ, парившимъ иногда робкою мыслью выше дѣса стоячаго, выше облака ходячаго.

А о хорошемъ и вспомнить было нечего. Вся жизнь какъ-то такъ сложилась, что хорошаго и видѣть не пришлось. За воскресеньемъ слѣдоваль понедѣльникъ, за понедѣльникомъ вторникъ и т. д. Дни, кажется, разные, а разнообразія въ жизни не было. И въ понедѣльникъ, и во вторникъ, и въ среду ходили въ городъ, торговались съ покупателями, шли въ Бубновъ, изъ Бубнова возвращались въ лавку, снова торговались, записывали покупателямъ сорта товаровъ и, помолвившись Богу, въ пять часовъ отпраплялись домой, гдѣ всѣхъ ждалъ вечеръ и скука; считали гроши, писали письма на фабрику и, поужинавъ, ложились спать для того, чтобы слѣдующій день начать тѣмъ-же: ѣхать въ лавку, уйти въ Бубновъ и вернуться домой скучать...

Все шло безъ оглядки, безъ размышленій; а оглянулся — умирать пора: старость пришла. Куда жизнь дѣвалась—и самъ не знаешь. Ровно трехкошечная восковая свѣча сгорѣла. Начадила и погасла!

Жутко стало Акимъ Спиридоновичу. Во всемъ обманулся: и въ жизни своей, въ которую онъ до сихъ поръ никогда не заглядывалъ, точно страхась прослыть бабой любопытною, и въ дѣтяхъ. Одинъ вотъ полоумнымъ лежитъ и во снѣ даже страдаетъ, а другой—грабителемъ сталъ...

Какъ вѣрилъ вѣдь ему, и—обманулъ! На четыреста тысячъ векселей надавалъ!

Перелѣскова снова въ жаръ бросило.

Пошатнулся онъ и сѣлъ. Силь стоять нѣтъ. Этакую суммищу прокутить! Да кто прокутилъ-то? Не полоумный Петръ, который съ безумныхъ глазъ всякую нечисть сотворить можетъ, а Трофимъ, на котораго Акимъ Спиридоновичъ смотрѣлъ какъ на человѣка умнаго и твердаго въ правилахъ жизни.

Платить надо... Хорошо еще, что у него Трофимовскій милліонъ лежитъ, а то-бы изъ своихъ пришлось... Евдокіи Ивановны этотъ милліонъ, положимъ, да это ничего не значитъ: что у мужа есть, что у жены—все общее!

И какъ это Трофиму своихъ денегъ не жаль? У Кошелькова, впрочемъ, десятки милліоновъ, такъ, вѣроятно, онъ на нихъ рассчитывалъ...

Но какъ ни убаюкивалъ себя Акимъ Спиридоновичъ этой мыслью, а все-жъ ему казалось, что деньги по векселямъ онъ долженъ заплатить своими, кровными, а не тѣми, что принесла въ приданое Евдокія Ивановна.

Четыреста тысяч!

У Акима Спиридоновича морозъ пробѣжалъ по спинѣ. Да онъ самъ, во всю свою жизнь, не прожилъ такой суммы. И благотворилъ тоже, и бросалъ деньги на вѣтеръ, зря, а ежели все сложить — такой цифры не выдетъ... А Трофимъ, можетъ, въ десять лѣтъ, а то и меньше — махнулъ... Охъ, не фальшивые-ли векселишки-то... Надо попытать Петра, а потомъ Трофиму написать... Зря, совсѣмъ зря велѣлъ онъ маклеру на сегодня притти... А маклеръ съ амбиціей... Какъ онъ его вчера отчиталъ! Ни отъ кого Акимъ Спиридоновичъ отродясь такой читки не слыхивалъ! Отбрилъ и ушелъ, а онъ дуракъ-дуракомъ остался и за нимъ еще велѣлъ послать!

Вотъ и миллионы: одинъ имъ кланяется до земли, а другой — издѣвается. Значитъ, не все еще, если миллионами обладаешь. Надо имѣть что-то другое, надъ чѣмъ ни одна тварь издѣваться и грохотать не смѣетъ...

А этого „другого-то“ у Акима Спиридоновича и не было. И было-бы, можетъ быть, да самъ не восхотѣлъ...

Петръ заворочался на постели.

Акимъ Спиридоновичъ поднялся со стула и, положивъ на лобъ сына холодную руку, проговорилъ:

— Петя! Голубчикъ! Я это... я... Проснись, родной!..

Петръ открылъ глаза, зажмурилъ ихъ вновь и поднялся на локтяхъ.

— Петя! Я это... отецъ!..

LXV.

Петръ съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ нѣкоторою долей испуга, приподнялся съ постели и заметался по комнатѣ, хватая то сапоги, то кафтанъ.

— Не торопись, — замѣтилъ ему ласково Акимъ Спиридоновичъ, — мнѣ твои параты не нужны...

— Какъ-же, папенька, это ужъ совсѣмъ невѣжество, — пробормоталъ тотъ и бросился къ умывальнику.

Перелѣсковъ покорился и замолчалъ... Подвинувшись со стуломъ къ стѣнѣ, онъ молча, исподлобья смотрѣлъ, какъ Петръ умылся, одѣлся, расчесалъ гребнемъ волосы и сталъ молиться.

Помолившись и приподнявшись съ пола послѣ земныхъ поклоновъ, Петръ подошелъ къ отцу, поцѣловалъ его руку и, Старообрядка.

поздравивъ его „съ добрымъ утромъ“, остановился передъ нимъ, въ ожиданіи приказаній.

— Садись... или вотъ что, — проговорилъ Перелѣсковъ, поднимаясь со стула, — пойдемъ къверху чай пить... У тебя голова не болитъ?

— А съ чего ей болѣть, папенька? — усмѣхнулся Петръ. — Голова, говорятъ, болитъ съ хмѣля, а я этимъ не занимаюсь...

Пять минутъ спустя они очутились въ столовой, гдѣ уже шумѣлъ самоваръ. Прислуга знала обычаи Акіма Спиридоновича и готовила ему самоваръ въ то время, когда всѣ еще спали, и если хозяинъ, заспавшись, не выходилъ во-время въ столовую, на мѣсто потухавшаго самовара приносили другой, а на мѣсто другого — третій, до тѣхъ поръ, пока не выходилъ изъ своей опочивальни Перелѣсковъ.

Старикъ молча заварилъ чай и указалъ сыну мѣсто рядомъ.

Петръ сѣлъ.

Онъ давно уже не былъ въ столовой и поэтому съ нескрываемымъ удовольствіемъ посмотрѣлъ и на свое постоянное мѣсто, занимаемое имъ за столомъ, и на стулъ, на которомъ незамѣтно для другихъ онъ вырѣзалъ когда-то ножичкомъ начальную букву своего имени.

Стуль этотъ ничѣмъ не отличался отъ прочихъ, но Петру всегда казалось, что именно на этомъ стулѣ и можно было чувствовать себя спокойнымъ и довольнымъ.

Только ужъ наливши въ чашки чай, Акімъ Спиридоновичъ поднялъ глаза на Петра и спросилъ:

— Ты ничего не слыхалъ, Петя, насчетъ Трофима?

— Ничего, папенька... Да и откуда я могу услыхать, когда меня всего лишили: и свободы, и даже чистаго воздуха?.. Вѣдь я въ тюрьмѣ живу...

Въ голосѣ Петра зазвенѣла скорбная нотка. Перелѣсковъ понурилъ голову и долго дулъ на чашку, съ которой поднимался тонкій, едва уловимый глазомъ, паръ.

— Можешь гулять... въ садъ итти, — проговорилъ, наконецъ, Акімъ Спиридоновичъ. — Кто тебя въ тюрьму сажалъ? Никто! А что заболѣлъ ты передъ свадьбой Трофима, такъ на то воля Божья была...

— Я не хворалъ, папенька...

— Голова у тебя плохо работала, — улыбнулся старикъ, — ну, вотъ теперича я вижу, что ты какъ-будто и на человѣка

схожъ сталь, а въ тѣ поры этого не было... Можетъ, я и грѣшу...

— Грѣшите, папенька...

— Ну, прости меня, Христа ради, коли согрѣшилъ... По человѣческому невѣдѣнію и не такъ еще люди грѣшатъ... А ежели у тебя прошло все это, такъ я первый возрадуюсь... Вѣдь ты одинъ сичасъ у меня... какъ перстъ!..

У Перелѣскова на глазахъ блеснули слезы. Акимъ Спиридоновичъ чувствовалъ себя въ эти минуты и ограбленнымъ, и брошеннымъ Трофимомъ, на котораго онъ изливалъ всю любовь отцовскаго сердца.

— Папенька! Зачѣмъ это?.. Не понимаю я вашихъ слезъ...

— Поймешь, Петруня... Вотъ, когда будутъ у тебя дѣти... Все поймешь... Тяжело... терять... Я вѣру потерялъ, вѣру... А это хуже, чѣмъ человѣка потерять. . Въ тысячу разъ хуже, Петя... Человѣка я найду... А вѣру—нѣтъ... Погаснетъ она, и мракъ... Въ душѣ мракъ и въ сердцѣ, Петя... Ты понимаешь меня?

Петръ кивалъ головой.

Онъ понималъ, что отецъ страдаетъ, что онъ глубоко чѣмъ-то потрясенъ, но, не зная настоящихъ причинъ такого душевнаго состоянія отца, Петръ терялся въ догадкахъ.

Ясно, что виной всему былъ не онъ, Петръ, сидѣвшій все время въ четырехъ стѣнахъ и не выдавшій Богъ знаетъ сколько времени отца, а Трофимъ... Трофимъ—любимецъ отца и умница, какихъ, по словамъ самого Акима Спиридоновича, на свѣтѣ мало.

Петръ при послѣднемъ свиданіи съ братомъ не повѣрилъ ни единому его слову, тѣмъ болѣе, что всѣ слова Трофима были сказаны во хмѣлю

Онъ зналъ Трофима давно и хорошо, и двѣ трети сказаннаго имъ или оказывались чистѣйшей ложью, или-же онъ поступалъ совсѣмъ не такъ, какъ говорилъ...

У Трофима, какъ и у многихъ людей, была подлая манера прикидываться откровеннымъ, растегивать свою душу на всѣ пуговицы, грязнить и себя, и своихъ близкихъ съ единственной цѣлью—вызвать на откровенность другихъ и узнать всѣ ихъ мысли и помыслы...

Петръ зналъ это, иногда прорывался, но, въ большинствѣ случаевъ, застегивалъ себя на всѣ пуговицы и презрительно смотрѣлъ на всѣ братнины коварныя ухищренія.

Онъ хотѣлъ-было спросить отца, не говорилъ-ли ему Тро-

фимъ то-же самое, что и ему на прощанье, но удержался, рѣшивъ прежде выслушать, что тотъ ему самъ скажетъ.

И Акимъ Спиридоновичъ не замедлилъ высказаться. Известно, что всякая непріятность, всякое огорченіе переносятся легче, разъ ихъ выскажешь кому-нибудь, сваливъ тяжесть съ глубоко оскорбленной души.

— Ты ничего не знаешь, такъ я тебѣ скажу, Петруня!— взволнованно говорилъ Акимъ Спиридоновичъ, еле удерживая въ дрожавшихъ рукахъ блюдечко съ чаемъ.— Я всю ночь безъ сна провелъ... сна лишился... покоя... Вчера приходили ко мнѣ и деньги требовали... На четыреста тысячъ Трофимъ векселей надавалъ... На четы-ре-ста тысячъ, Петруня!

И при этихъ словахъ голосъ у старика зазвенѣлъ, какъ высоко натянутая струна.

Петръ молчалъ.

— Скажи мнѣ... Петръ Казанской Владычицей скажи... Можетъ это быть али нѣтъ? Да ты что-же молчишь? Языка у тебя нѣтъ? Жалости къ отцу?

— Можетъ, папенька...— тихо проговорилъ Петръ, ставя блюдечко на столъ.

У старика еще больше задрожали руки, и горячій чай, расплескиваемый судорожными движеніями пальцевъ, полился струей за рукавъ.

Но Перелѣсковъ ничего не видѣлъ, ничего не чувствовалъ. Онъ только широко раскрылъ глаза и уставилъ ужасный взглядъ на сына.

— Правда, значить?.. Правда?

— Папенька! На васъ лица нѣтъ,— привсталъ Петръ,— пожалѣйте себя...

— Онъ... онъ меня, подлець, не жалѣетъ... Нѣтъ у меня Трофима... Сына нѣтъ... Украли его...

— Папенька!.. Ради Бога... Ради памяти покойной маменьки!..— испуганно бормоталъ Пётръ, видя, какъ отецъ багровѣетъ отъ гнѣва.— Ничего мнѣ не надобно... ни гроша вашего... Заплатите ихъ... я... уйду... въ рабочіе... въ поденщики, успокойте только себя... Изъ моихъ заплатите за брата... Я не хочу, не хочу, чтобы вы умерли изъ-за проклятыхъ денегъ... Не хочу, не хочу, не хочу!..

И Петръ схватилъ себя за виски и, дрожа всѣмъ тѣломъ, зарыдалъ, упавъ на столъ.

Акимъ Спиридоновичъ поразился.

Онъ никогда не видѣлъ Петра въ такомъ нервно-возбужденномъ состояніи, да и не понималъ его.

Онъ видѣлъ только сына, кричавшаго „не хочеть“! и рыдавшаго, какъ ребенокъ, которому причиняли страшную боль.

Что это, болѣзнь? Жалость къ старику? Или ненависть къ проклятымъ деньгамъ, перешедшая въ такое ужасное отчаяніе?

Акима Спиридоновича словно кто молотомъ стукнулъ по темени.

Вотъ, эти миллионы! Собиралъ ихъ, жадно копилъ, прислушивался ревнивымъ слухомъ къ шелесту купонныхъ листовъ, дрожалъ надъ каждымъ грошемъ, обманывая ради него и Бога, и людей, и свою совѣсть, которая все-же иногда просыпалась и твердила Акиму Спиридоновичу о томъ, что люди не должны такъ жить, не должны забывать о неумолимой Немезидѣ, съ которой рано или поздно придется расплачиваться и остаться неоплатнымъ должникомъ.

Что такое деньги?

— Тлѣнь, папенька, все тлѣнь! — вырывалось у рыдавшаго Петра.— Душа выше всего... совѣсть!..

Вотъ оно что. Все — тлѣнь! Все, что собиралъ онъ, все, что созидалъ и чѣмъ восхищался, какъ дитя новой игрушкой, все это—дрянь, черепки битой посуды, мыльные пузыри, не оставляющіе по себѣ ни малѣйшаго слѣда.

Это такъ. А все-же жаль разстаться съ тѣмъ, съ чѣмъ родился, выросъ и состарился... Слишкомъ жива въ немъ привычка копить деньги и наслаждаться ростомъ капитала.

Кому, на что пойдутъ эти капиталы, собранные, можетъ-быть, неимоверными усиліями ума, настойчивости и не всегда желательными сдѣлками съ совѣстью?

Не все-ли равно? Онъ исполняетъ предназначенную ему миссію, создавая себѣ ежедневно Сизифову работу, а что будетъ послѣ него—вопросъ совершенно посторонній.

Создадутъ-ли его капиталы нѣчто грандіозное, что заставитъ чтить и уважать его память, или разлетятся по вѣтру на прихоти и безобразія наслѣдниковъ.— объ этомъ Акимъ Спиридоновичъ не подумалъ ни разу, но теперь вотъ сознаетъ, какъ ему тяжело и больно вытащить изъ сундука четыреста тысячъ и отдать ихъ, при жизни, чертъ знаетъ кому и чертъ знаетъ за что!

Дать деньги на дѣло, подѣ дома, подѣ имѣнія — это далеко не то, что заплатить долги хотя-бы и родного сына.

Сынъ долженъ знать, какъ тяжело и горько старику раздаться съ деньгами, и уже по одному этому не долженъ

и помыслить даже о томъ, чтобы причинить отцу страшное огорченіе и скорбь.

Разъ онъ, этотъ сынъ, допустилъ себя до этого, значить и долженъ понести наказаніе.

— Петя!.. Родной! — дотронулся Перелѣсковъ до головы стихавшаго Петра. — О чемъ ты? Меня жалѣешь? Богъ съ нимъ... Все перенесу... все... Не послѣдніе, вѣдь, отдамъ... Тебѣ только меньше останется, какъ помру...

— Оставьте вы обо мнѣ... Ничего мнѣ не надо... Ничего... Мнѣ кусокъ хлѣба только, а его я найду, папенька... Изъ жалости дадутъ...

— Прокутилъ! — не слушая сына, продолжалъ старикъ. — Трофимъ! Трофимъ прокутилъ!

— А кто виноватъ, папенька, кто? — поднялъ голову Петръ и смотрѣлъ мокрыми отъ слезъ глазами на отца. — Вы... вы!..

— Я? — снова поразился Акимъ Спиридоновичъ! — Я, Петруня?

— Вы! Вы!... Сынъ миллионера не можетъ, не долженъ жить подачками... Вѣдь вы ему подачки давали... Про себя я не говорю... У меня ни къ чему охоты не было: ни къ кутежамъ, ни къ женщинамъ... Съ покойною женой Трофима да съ Серапіономъ въ настоящую жизнь заглядывалъ, а въ остальное время ото всего свѣта сторонился... Я и грошу вашему радовался... А у Трофима не та натура, характеръ не тотъ, папенька... Вы-бы приглядѣлись къ нему, въ душу къ нему отцовскою лаской заплзли, такъ, можетъ, по-другому на Трофима смотрѣть стали...

— На распутство, значить, ему тысячи давать надо было?

— На жизнь, папенька, а не на распутство, на жизнь!.. Можетъ, и не распутствовалъ-бы такъ Трофимъ, ежели-бы у него настоящія деньги въ карманѣ были... Почему я юродомъ въ городѣ прослылъ? Почему, папенька? Вы, вотъ, скажете, пожалуй, что у меня мозги не въ порядкѣ, что я тронулся въ мысляхъ... Не поэтому, папенька, не поэтому... Мозговъ моихъ никто видѣть не можетъ, а мыслей узнать и подавно, потому я ихъ про себя держу и на площади для гнусныхъ людей не выкладываю... А потому я юродомъ прослылъ, что людей чуждался да чурался и никакихъ съ ними компаній не водилъ... А не водилъ, я потому, папенька, что у меня, у сына миллионера Перелѣскова, и въ добрый и въ недобрый часъ въ кошнѣ-то замѣсто червонцевъ полтины звенѣли... По звону,

сказываютъ, и прихожанъ чтуть... Ну, я со своимъ звономъ и спрятался... Вы простите, папенька, что я, можетъ, сказалъ вамъ и нескладное что, но отъ души сказалъ—въ этомъ меня и совѣсть упрекать не станетъ...

Акимъ Спиридоновичъ, положивъ голову на ладонь, слушалъ Петра и, казалось, боялся проронить малѣйшее его слово.

— Я и не виню, и не оправдываю Трофима, папенька. Женился онъ не по любви, а по вашему приказанію... Хворающая она была... Но человекъ... Ему-бы по-другому на нее взглянуть... по-христіански... Какъ Христосъ смотрѣлъ на страждущихъ и недугующихъ, а Трофимъ не могъ... Не всякому это тоже дается, папенька... Одинъ глядитъ на хвораго какъ на несчастнаго человекъ, а другой какъ на обузу... на жерновъ, который скорѣй-бы со своихъ плечъ стрясти... И нельзя винить Трофима... Онъ въ дворнѣ росъ и всякую мерзость въ себя впиталъ... Ребенокъ, говорилъ о Серапіонѣ, что губка, во что ее положить, то въ себя и всосетъ... А вы не оберегали Трофима... Меня маменька на своемъ бѣдномъ пастбищѣ пасла, а у Трофима никакого пастуха не было,—не въ обиду это я вамъ и не въ укоризну ставлю, папенька, а показываю только, отчего Трофимъ безсердечнымъ да нечистымъ взросъ... А разъ къ нему нечистъ съ младыхъ лѣтъ присосалась, не могъ Трофимъ другимъ быть...

— Петя,— прервалъ его старикъ,— и больно мнѣ слышать, и сладко: Трофима ты защищаешь... ты?..

— Я, папенька. Да не то что про Трофима, брата моего родного, про врага бы заклятого одну только правду сказалъ. Не защищаю я Трофима, да и зачѣмъ ему защита юрода... Правду одну только... ни въ его оправданіе, ни въ ваше осужденіе... И остался Трофимъ тѣмъ, чѣмъ онъ и быть долженъ... Денегъ не имѣлъ, а помысловъ много...

— Ты зналъ это все, Петя?

— Зналъ, папенька.

— И не сказалъ... родному отцу?..

— И вы повѣрили-бы юроду? Вы честно скажите, прямо, папенька... никого здѣсь нѣтъ и стыдиться некого... повѣрили-бы?

— Не повѣрилъ-бы,— со вздохомъ отвѣтилъ Акимъ Спиридоновичъ.— Про Трофима? Себѣ-бы не повѣрилъ...

— Какъ-же вы хотите, чтобъ я вамъ сказалъ? Да про кого еще? Про родного брата! Вы отецъ... вы должны своихъ дѣтей знать...

— Знать! Кабы зналъ такъ этого-бы не было... Ты покажи мнѣ такого отца, который-бы про своихъ дѣтей дурное думалъ? Покажи, ради Христа, мнѣ легче станетъ!

— Не видалъ... не знаю...

— Мои вѣдь вы... мои, моя плоть и кровь... Какъ я могу о васъ дурное мыслить, когда самъ дурного не дѣлаю? Тираномъ быть? Да? Такъ, по-твоему, Петя?

— Нѣтъ, папенька... Тиранъ въ своемъ ослѣпленіи ничего не увидитъ, ни хорошаго, ни дурного.

— Ну, такъ какъ-же?... Научи меня... Научи, коли тебѣ Богъ свыше далъ! Убить я и растерялся... Ни мыслей собрать, ни себя учестъ... А учестъ долженъ... Чѣмъ мнѣ быть, Петя?... Господи!.. Чѣмъ мнѣ быть?

— Человѣкомъ, папенька... только человѣкомъ!—тихо произнесъ Петръ и, наклонившись къ отцу, прильнулъ губами къ его горячему лбу...

LXVI.

Быть человѣкомъ! Вотъ оно что! И какъ это, кажется, легко и, вмѣстѣ съ тѣмъ... ужасно трудно! Быть „человѣкомъ“, когда этотъ человѣкъ давно уже забылъ все человѣческое! Быть настоящимъ человѣкомъ и всегда носить въ своей душѣ Христа—какое это наслажденіе, какое чудное блаженство!

Неужели такъ трудно любить всѣхъ, какъ самого себя, и, любя ближняго, отдать и душу, и сердце на служеніе великой идеѣ христіанской любви и всепрощенія?

Акимъ Спиридоновичъ всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ, что именно такимъ долженъ быть *человѣкъ*, и вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ, что такимъ именно человѣкомъ не можетъ сдѣлаться ни онъ и никто изъ его окружающихъ и знающихъ...

Вѣдь вотъ, на что, кажется, проще: заплатить деньги за Трофима и простить его заблужденія, настоящимъ виновникомъ которыхъ, по словамъ Петра, былъ не кто иной, какъ самъ Акимъ Спиридоновичъ... Но сдѣлать этого онъ не могъ... Заплатить—да, но простить... грабителя, хотя бы и родного сына, нельзя... Можетъ быть, онъ никогда и не скажетъ Трофиму жестокое слово укоризны, но простить не можетъ... Не потому, чтобъ онъ не любилъ сына, не потому, наконецъ, чтобъ онъ не понималъ слабостей человѣческихъ, а просто потому, что тотъ наложилъ руку на достояніе отца...

Онъ согласенъ съ Петромъ. Пусть это достояніе—черепки, тлѣнъ, мыльные пузыри, но ему невозможно привыкнуть къ мысли, чтобъ это достояніе, росшее не по днямъ, а по часамъ, вдругъ пріостановило свой ростъ благодаря безпутному поведенію сына.

Трофимъ уже не въ такомъ возрастѣ, чтобы не могъ понимать страданій скряги-отца, и уже по одному этому не долженъ былъ вести себя какъ мальчишка, мало знающій жизнь и совсѣмъ не уважающій отцовскіе взгляды на капиталы.

— Я заплачу... Все до копейки заплачу, Петя!—бормоталъ Акимъ Спиридоновичъ.—Но писать ему не стану... Напиши ты, что я его больше знать не хочу... Чужой онъ мнѣ...

— Папенька! Вы должны простить его... Должны...

— Не могу сейчасъ... Потомъ—не знаю, а сейчасъ не могу...

Петръ не сталъ продолжать. Онъ зналъ, что старику надо дать время для того, чтобъ онъ и простилъ Трофимовы увлеченія, и забылъ о потерѣ денегъ.

Не пройдетъ и недѣли, какъ все это уляжется, и Акимъ Спиридоновичъ самъ же первый соскучится по сынѣ и станетъ ему писать...

Къ явившемуся Малявкину старикъ не вышелъ; при одномъ только воспоминаніи о векселяхъ онъ судорожно сжималъ кулаки и громилъ весь свѣтъ проклятіями.

Петръ не допустилъ его до свиданія съ маклеромъ и вышелъ къ нему самъ.

Ему лучше, чѣмъ кому-либо, были извѣстны и самое происхожденіе векселей, и ихъ настоящая стоимость, поэтому Петръ, въ которомъ временами начинала жить коммерческая жилка, прежде всего заявилъ маклеру, что онъ знаетъ, что именно стоятъ подписанныя Трофимомъ бумажки, что ему извѣстны проценты, которые покойный дисконтеръ дралъ со связаннаго по рукамъ и ногамъ брата, и что если они хотятъ получить половину стоимости векселей, — могутъ получить деньги хоть сейчасъ, не желаютъ—пусть подають въ судъ, гдѣ Петръ грозилъ доказать грабежъ ростовщика.

Петръ сказалъ это такимъ спокойнымъ и дѣловымъ тономъ, что маклеръ невольно воскликнулъ:

— Вотъ вы не то, что вашъ родитель, Петръ Акимычъ... Съ вами во сто кратъ пріятнѣе дѣло дѣлать, чѣмъ съ вашимъ папашенькой... Вы хоть по человѣчески говорить можете, а онъ—чистый Мамай съ Батыемъ... Ей Богу-съ... На весь трактиръ вдругъ меня жуликомъ!.. Развѣ это совмѣстимо-съ?... Я

со многими именитыми купцами дѣла дѣлаю, а онъ разными подлыми словами... Развѣ я заслужилъ это, Петръ Акимовичъ?

— Конечно, нѣтъ... Но вы должны извинить папеньку... Ежели у васъ есть свои дѣти, такъ вы поймете отцовское огорченіе.

— Господи! Да какъ не понять! Но за что же людей оскорблять? Вѣдь не я давалъ деньги Трофиму Акимычу? Не черезъ меня онъ ихъ бралъ? А ежели меня посылають дѣло кончать, могу я отъ этого отказываться, или нѣтъ?

— Зачѣмъ же отказываться, если вы этимъ живете? Вы ужъ простите старику... Онъ такъ разстроень, что я даже вамъ сказать не могу.

— Все понимаю-съ и все прощаю. Богъ съ нимъ... Только мнѣ такъ думается, Петръ Акимычъ, что вы мало за векселя предлагаете... Уступочку они сдѣлають и даже меня на это уполномочили, но такая скидка весьма невѣроятная!

— Какъ угодно, — холодно проговорилъ Петръ, поднимаясь. — Можете подавать въ судъ, я больше ни копейки не прибавлю...

— Да вы сядьте-съ... Ужъ очень вы пріятный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ...

— Я сяду, извольте, — улыбнулся Петръ, — но другого разговора между нами не будетъ... Я знаю, сколько Трофимъ взялъ у отца вашего довѣрителя денегъ, и, повѣрьте, онъ въ барышѣ и большомъ барышѣ останется, ежели возьметъ, что я предлагаю. Вы, конечно, не уполномочены со мною кончить, такъ поѣзжайте, пожалуйста, къ вашему довѣрителю и скажите ему, что мы за векселя Трофима больше двухсотъ тысячъ не дадимъ гроша. И это еще слишкомъ много, ну, да... гдѣ барышъ, тамъ и убытокъ, какъ говорится... На одномъ потеряешь, на другомъ наживешь...

— Дѣло торговое-съ... Прибавить бы только слѣдовало...

— Лишній разговоръ. Поѣзжайте и скажите. А не угодно ему согласиться на наше предложеніе — можетъ требовать судомъ...

— Съ хорошими людьми судиться глупо... Я съѣзжу...

— Съѣздите, и если вашъ довѣритель согласенъ, привезите векселя: деньги вы тотчасъ же получите...

Малявкинъ уѣхалъ. Петръ нашелъ старика въ кабинетѣ.

— Папенька, вы поѣдете въ городъ? — спросилъ онъ.

— Не знаю и самъ. Разстроень я очень...

— Поѣзжайте... Все-таки провѣтритесь... А мнѣ двѣсти тысячъ оставьте... Я больше за векселя Трофима не дамъ!..

— Не дашь! Не дашь! Пряткій! Какой имъ чертъ велить половину взять? Знаютъ, жулики, съ кого взять можно!

— А я не дамъ. И съ меня возьмутъ. Да это и не ваше дѣло, папенька, возьмутъ или нѣтъ: вы оставьте мнѣ двѣсти тысячъ бумагами и уѣзжайте въ городъ...

Старикъ покачалъ сомнительно головой и слазилъ въ сундукъ.

Петръ пересчиталъ бумаги и произнесъ:

— Вѣрно, папенька...

— Лишку нѣтъ ли, смотри... Я такъ разстроены сейчасъ, что ничего не стоитъ просчитать...

— Лишку нѣтъ, а вотъ только купоновъ іюльскихъ не хватаетъ...

— Ну, гдѣ жъ я тебѣ ихъ возьму? Отрѣзаны... Видишь самъ, чай... Да все равно, изъ этого ничего не выйдетъ.

— Почему знать, папенька...

— А выйдетъ, такъ и безъ іюльскихъ возьмутъ... Грабители!.. Такъ ѣхать мнѣ въ городъ-то?

— Поѣзжайте...

Старикъ уѣхалъ. Дорогой въ лавку онъ все время думалъ о томъ, возьмутъ за векселя Трофима двѣсти или не возьмутъ? Если возьмутъ, значитъ—голова у Петра въ порядкѣ, а не возьмутъ—городъ на вѣки!

Онъ такъ былъ поглощенъ этимъ, что, войдя въ лавку и помолвившись Богу, немедленно задалъ вопросъ старшему приказчику:

— Какъ ты думаешь, возьмутъ половину али не возьмутъ?

— Какую половину? Кто-съ?—выпучилъ тотъ глаза.

Акимъ Спиридоновичъ долго смотрѣлъ, соображая, на своего приказчика, затѣмъ вздохнулъ и, проговоривъ:

— Дураковъ не сѣютъ, не орутъ, а сами, черти, родятся!—надвинулъ картузь на уши и зашагалъ къ Бубнову.

Старшій приказчикъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и перевелъ взглядъ на своихъ помощниковъ, стоявшихъ въ различныхъ позахъ и въ полномъ недоумѣніи.

— Свихнулся!—рѣшилъ онъ авторитетно.—Въ роду, видно, это у нихъ... Сперва у Петра Акимыча голова загуляла, а потомъ и у самого... Вотъ тебѣ и миллионы!

Вернулся Акимъ Спиридоновичъ домой рано, ранѣе обыкновеннаго, по крайней мѣрѣ, и вопросительно посмотрѣлъ на

Петра, встрѣтившаго его въ передней и теперь молча шагавшаго за нимъ въ кабинетъ.

— Ну, что? — спросилъ старикъ, оставшись наединѣ съ сыномъ.

— Вотъ векселя Троши, папенька...

Старикъ посмотрѣлъ на пачку векселей, лежавшихъ на столѣ, и перекрестился.

— Взяли, грабители?

— Взяли-съ...

Акимъ Спиридоновичъ покопался въ векселяхъ, сунулъ ихъ въ ящикъ стола, заперъ тщательно на ключъ и снова перекрестился.

— Поторговаться бы... Можетъ, еще бы четвертную спустили,—проговорилъ онъ со вздохомъ.

Петръ молчалъ.

— Да ты торговался али нѣтъ?—уже крикнулъ онъ на Петра.

— Торговался, папенька.

— Ну, и что жъ?

— Какъ видите, половину взяли... Могли бы и все получить...

— Мошенники!... Ну, спасибо!

Старикъ притянулъ къ себѣ Петра и поцѣловалъ его.

— Я думаю, того... Ты можешь теперича и въ лавку ѣздить... Трофима нѣтъ, значитъ—и порядка въ лавкѣ никакого...

— Какъ прикажете, папенька...

— Съ завтрашняго же дня, благословясь, и начни...

Старикъ, видимо, былъ очень доволенъ, что кончилъ „неприятность“ и такъ выгодно, какъ онъ и самъ того не ожидалъ.

Положимъ, двѣсти тысячъ онъ чертъ знаетъ на что бросилъ, но все же это лучше, чѣмъ вынуть изъ завѣтнаго сундука вдвое больше... И на купонахъ нажилъ. Хорошо, что у него манера такая завелась—купоны впередъ рѣзать, а не отрѣжь—убытокъ!

Спасибо Петру. Вѣдь вотъ, хоть и юродъ, а уломалъ трофимовскаго кредитора на сдѣлку. Хорошая башка у Петра, что тамъ ни пой грабитель-Трошка. Можетъ, онъ это и съ умысломъ ему пѣлъ, чтобъ Акимъ Спиридоновичъ не вѣрилъ Петру въ томъ случаѣ, ежели бъ тотъ о Трофимовыхъ кутежахъ да безчинствахъ проговорился...

Трофимъ—такая шельма, какихъ природа не каждый день

тоже на свѣтъ производитъ, и всякой подлости отъ него ожидать возможно.

А, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ Петръ головою временами „ослабѣвалъ“? Кто это знаетъ?

Во всякомъ случаѣ, очень хорошо, что все кончилось сравнительно благополучно, и Петра, на всякій случай, надо чѣмъ-нибудь отблагодарить. Если бы не онъ,—Акимъ Спиридоновичъ изругалъ бы снова маклера, разнесъ бы мебель и въ концѣ-концовъ уплатилъ бы по векселямъ все до копеечки.

Старикъ заснулъ въ эту ночь такъ, какъ давно уже не спалъ, и всталъ съ болѣе покойнымъ духомъ, чѣмъ наканунѣ.

Прошла недѣля. Акимъ Спиридоновичъ, несмотря на обѣщаніе не писать Трофиму, на другое же утро послѣ выкупа векселей написалъ ему письмо.

Въ этомъ письмѣ онъ укорялъ сына въ неблагодарности, въ распутной жизни, стоившей ему такихъ громаднхъ денегъ, и требовалъ немедленнаго возвращенія для отвѣта за свои, по словамъ старика, „безстыдныя дѣянія“.

Онъ не спрашивалъ въ письмѣ ни о сватѣ, ни о невѣсткѣ и не посылалъ имъ даже обычныхъ поклоновъ и привѣтствій.

Акимъ Спиридоновичъ не соблюдалъ вѣжливости, если былъ чѣмъ-нибудь огорченъ или разстроень, да и, по правдѣ сказать, особеннаго теплаго чувства къ своей новой роднѣ онъ не ощущалъ.

Кошельковъ былъ хорошимъ покупателемъ, и съ этой стороны онъ цѣнилъ его больше, чѣмъ родню. Покупателемъ онъ дорожилъ, и, какъ такового, онъ считалъ Ивана Кузьмича за дѣльнаго и умнаго человѣка, а „свата“ ругалъ дуракомъ и твердо былъ увѣренъ въ томъ, что глупѣе Кошелькова на всей Волгѣ нѣтъ.

„Покупатель“ его подкупалъ, а „сватъ“ расхолаживалъ. Купецъ—одно дѣло, а родня—другое. Уживаются же въ человѣкѣ самыя разнообразныя чувства,—почему же не ужиться въ немъ и „дураку“, и „умному“?

У Перелѣскова, какъ и у большинства купцовъ стараго завѣта, были своеобразныя понятія обо всемъ и противорѣчащія одинъ другому взгляды на одинъ и тотъ же предметъ. Въ дѣлѣ онъ не допускалъ противорѣчій, а въ жизни—всегда.

Если онъ говорилъ продавцу или покупателю „да“,—это значило дѣйствительное „да“, а если то же „да“ говорилось дома или въ компаніи,—оно зачастую обращалось въ „нѣтъ“.

И всѣ это находили естественнымъ, и никто не претендовалъ на явную ложь.

Такъ у всѣхъ шла жизнь, а почему она шла не торною, прямою дорогою, а извилистыми тропинками,—никому и въ голову не приходило доискиваться причинъ.

Только отправивъ письмо Трофиму, Акимъ Спиридоновичъ сообщилъ объ этомъ Петру.

— Ты, того, Петруня... не пиши брату!—сказалъ онъ ему.— Я ему ужъ нынче писалъ...

— А что вы писали, папенька?—поинтересовался тотъ.

— Да ужъ хорошо написалъ, не безпокойся. Мерзавецъ! Пусть-ка онъ прїѣдетъ теперича домой, я ему покажу Грузины...

— Напрасно, папенька!—съ досадою проговорилъ Петръ.— Простить надо и... забыть... Я просилъ васъ объ этомъ...

— И прощу, можетъ, и забуду, а ужъ показать ему отцовскую власть никто мнѣ препятствовать не можетъ.

— Никто отъ васъ вашей власти и не отнимаетъ!—задумчиво произнесъ Петръ.—Одного я боюсь только, папенька: не вернется Трофимъ... Съ ласкою бы ежели, дѣло другое... можетъ, и вернулся бы...

У старика вся кровь бросилась въ голову.

— Какъ не вернется? Это еще что?—сурово посмотрѣлъ онъ на Петра.

— Да такъ... характеръ онъ вашъ знаетъ... что натворилъ тутъ—еще лучше... Такъ какой ему расчетъ на вашъ гнѣвъ являться?

— Сынъ? Сынъ, чтобы къ отцу... не явился?... Да я... да, нѣтъ, ты опять... опять у тебя голова...

— Папенька, могу я думать или нѣтъ? Ежели я такъ думаю про Трофима, такъ вѣдь мнѣ никто не закажетъ такъ думать! Ошибусь я—первый же порадуюсь тому, что такъ глупо о родномъ братѣ мыслилъ, а не ошибусь, значитъ—именно такой человекъ и есть, какъ о немъ другіе думаютъ...

— А не прїѣдетъ, я его черезъ полицію... Да, нѣтъ, Петруня... нѣтъ, ты совсѣмъ опять свихиваться началъ... Много-ль мнѣ жить осталось? И вдругъ Трофимъ не вернется... За отца меня не считаетъ? А? Что жъ онъ дѣло бросить? Милліонное дѣло? Да вѣдь въ каждомъ моемъ милліонѣ его капли пота сидятъ, и онъ бросить?..

— Папенька, вы простите... дай Богъ, чтобъ я ошибся... Вы вотъ говорите, что у васъ милліонное дѣло... да... не хозяинъ онъ ему... Вы, вотъ, двѣсти тысячъ за него заплатили, да простить этого не хотите, а тамъ онъ... въ Кошельковскомъ дѣлѣ... тоже вѣдь милліонное... говорятъ такъ, что милліоновъ-то у Ивана Кузьмича намного больше, чѣмъ у Пере-

лѣскова... Тамъ онъ полновластнымъ хозяиномъ станетъ... Одна дочь... старикъ на покой удаляется... Широкая Трофиму дорога, папенька!..

Перелѣсковъ поразился. Ему казалось, что съ него, точно со слѣплого, спала завѣса, и его отношенія къ дѣтямъ и дѣтей къ нему стали ему теперь ясны, какъ Божій день: и они ему, и онъ имъ были чужими!

LXVII.

Въ Перелѣсковѣ, благодаря внезапному просвѣтлѣнію, стали спорить какъ-будто бы два человѣка; одинъ утверждалъ, что Трофимъ вернется, а другой говорилъ, что—не вернется.

И скорѣе всего, что не вернется! Да и зачѣмъ: милліоновъ тамъ больше, и всѣмъ этимъ милліонамъ Трофимъ станетъ хозяиномъ теперь-же, а здѣсь онъ для того, чтобы вкусить всѣ прелести полновластія и единовластія, долженъ ждать смерти отца. Петра Трофимъ, какъ и самъ Акимъ Спиридоновичъ, никогда вѣдь на „кости“ не клали, а всегда его съ „костей“ скидывали, какъ не стоющаго вниманія человѣка.

Перелѣскову стало душно. Онъ разстегнулъ свой кафтанчикъ и, тяжело дыша, подошелъ къ открытому окну.

— И ты, можетъ... такъ же норовишь?—крикнулъ онъ, не поворачиваясь,—а? Уйти отъ отца и... наплевать на него?

— Я не Трофимъ, папенька,—коротко отвѣтилъ Петръ.

— Не Трофимъ! Не Трофимъ! Ну, да куда тебѣ,—окинулъ онъ сгорбленную фигуру сына,—головой обиженъ!

Что-то черезчуръ ужъ гнѣвное бурлило въ душѣ Акіма Спиридоновича,—и онъ говорилъ, не помня и не понимая, что говорить.

Петръ молчалъ.

— Ха-ха-ха, — раскатился вдругъ Перелѣсковъ, — ну, и дураки-же мы съ тобой, Петруня! А приданое-то... Приданое-то, ты думаешь, онъ такъ и оставитъ въ моихъ рукахъ? Врешь! Приѣдетъ Трошка! Приѣдетъ грабитель!

— Дай Богъ, папенька...

— Безъ твоихъ молитвъ примчится... Чтобъ Трошка милліонный капиталъ бросилъ, да ты, Петруня, Трофима не знаешь...

— Да онъ и не броситъ, папенька...

— Ну, и пожалуйста къ мнѣ за нимъ...

И не пожалуешь. Папенька, ежели вы Трофима знаете,

такъ, повѣрьте, и я знаю его не хуже вашего... Зачѣмъ ему ѣхать за деньгами къ вамъ? Она сама ихъ получитъ... Первому встрѣчному довѣрять получитъ...

— Какъ это получить? — забагровѣлъ снова Акимъ Спиридоновичъ.

— Да вѣдь деньги-то ея, папенька? За ней въ приданое даны?

— И все-же таки мои! И сынъ мой, и его жена моя, и деньги ея мои... Вотъ когда подохну — ломайте сундуки, разносите скопленное, рвите на части... Поносите меня, кляните — ничего въ отвѣтъ не скажу... Но пока я живъ, Петръ... всѣ вы... и все это... все въ моей власти!

— Папенька, вы ошибаетесь...

— Я ошибаюсь? И ты смѣешь это мнѣ говорить? Впрочемъ, что съ тебя и взять - то: у тебя вся башка наизнанку выворочена... Ну, что-же ты молчишь?

— Вы говорить мнѣ не даете...

— Говори! Говори! Посмотримъ, какую еще ты глупость скажешь!

— Можетъ-быть, и глупость, но мнѣ думается, что вы сами отдадите Кошельковскія деньги...

— Вотъ они чего не хотятъ-ли! — поднесъ къ носу Петра старикъ кукишъ, весь дрожа отъ волненія. — Все мое!

— Да, этотъ домъ, все, что только принадлежитъ вамъ, — все ваше, а приданья деньги Евдокіи Ивановны — чужія... Да вы и на росписи-то подписались въ томъ, что приняли ихъ на храненіе. На храненіе, папенька, а не въ свою собственность... И выходитъ такъ, что хозяинъ этихъ денегъ — Евдокія Ивановна, а вы только сторожъ ихъ...

— Безумень! Совсѣмъ безумень! Я — сторожъ! Ну, такого сторожа, какъ я, имъ дорого нанять стоитъ.

— А вы добровольно этимъ сторожемъ стали. А не вернете ихъ Евдокіи Ивановнѣ, подъ судъ попадете... За растрату чужого имущества...

— Меня въ судъ потащатъ? Ну, нѣтъ! Я ихъ прежде своими руками удавлю... И ее, и Трошку... Меня срамить? Отца? Да на это никакихъ законовъ нѣту...

Старикъ, однако, въ тотъ же вечеръ послалъ за знакомымъ стряпчимъ, имѣвшимъ громаднѣйшій успѣхъ въ купечествѣ.

Стряпчій этотъ отличался отъ своей собратіи тѣмъ, что не сгибалъ спины передъ толстосумами, говорилъ купцамъ всѣхъ гильдій „ты“, а въ разговорѣ съ ними чрезъ каждыя десять словъ замѣчалъ: „и дуракъ-же ты, братецъ мой... безпримѣр-

нѣйшая ослина“,—но замѣчалъ это съ такимъ отеческимъ добродушіемъ, что купецъ, вмѣсто того, чтобъ обидѣться, пожималъ ему руку и говорилъ: „и на Машку бываетъ промашка... Конь о четырехъ ногахъ, да спотыкается... а ты научи, голова!..“

И „голова“ училъ. Училъ всему: и какъ жить, и какъ умереть слѣдуетъ; какъ устроить несостоятельность „по хорошему по благородному, и чтобъ кредиторы не чертыхались, и чтобъ денежки дома остались“, какъ нужно поступать по закону и какъ можно обойти законъ, который, по его мнѣнію, только для дураковъ писанъ.

Стряпчій этотъ выслушалъ Акима Спиридоновича, съѣлъ цѣлую тарелку маринованныхъ рыжиковъ, выпилъ графинъ домашней наливки и, только уже приступивъ къ лиссабонскому, икнулъ внушительно и произнесъ:

— Ну, и дуракъ! Развѣ возможно такія записки безъ моего вѣдома давать?

— Изъ головы вонъ вылетѣло! — развелъ Перелѣсковъ руками.

— Съ нея и спрашивай. Въ другой разъ, можетъ, умнѣе будешь. А приданое, братецъ ты мой, придется вернуть...

— Пугаешь, можетъ?

— Безпримѣрнѣйшій ослина! Въ игрушки я къ тебѣ пришелъ играть? Плати—и кончено. А не хочешь — садись въ тюрьму. Кому, можетъ, это и въ охоту, а тебѣ статья не подойдетъ... Свалялъ дурака, ну и плати за свою глупость.

Акиму Спиридоновичъ послѣ визита стряпчаго ходилъ туча тучей и цѣлую ночь не спалъ.

И когда и на другой день къ утреннему чаю пришелъ Петръ, онъ мрачно посмотрѣлъ на него и произнесъ:

— Ты... видѣлъ стряпчаго-то?

— Нѣтъ, папенька, не видалъ.

— Не вчера, а раньше... раньше этого?

— А гдѣ-жъ я его могъ видѣть? Вѣдь я никуда не выходилъ, папенька...

— Не выходилъ, а... стряпчій тоже самое... „плати“, говорить!.. Мерзавецъ! Никогда я этого Трошкѣ не прощу... пусть только пріѣдетъ... я ужъ съ нимъ поговорю по настоящему...

Петръ молчалъ и тоскливо посматривалъ на возбужденнаго Акима Спиридоновича.

Теперь онъ окончательно уже рѣшилъ, что было бы безуміемъ со стороны Трофима возвращаться въ Москву.

Трофимъ лучше Петра зналъ, что онъ дѣлаетъ и, разъ рѣшившись на что-нибудь, рѣдко сворачивалъ съ намѣченнаго пути.

Подъѣзжая уже къ Саратову, онъ написалъ письмо къ отцу, въ которомъ просилъ прощенія и благословенія на новую жизнь. Мотивы своего отъѣзда изъ родительскаго дома онъ, по обыкновению, затемнилъ. Не жадность его заставила оставить отца, а жалость, что такое многомилліонное дѣло тестя, за отсутствіемъ руководителя (какой-же Иванъ Кузьмичъ руководитель! Совсѣмъ глухой и старый человѣкъ, папенька!), можетъ зачахнуть и погибнуть.

Дѣло-же Перелѣскова такъ налажено, что можетъ катиться и безъ него: и приказчики у Акіма Спиридоновича понимающіе дѣло есть, и Петръ, который, не взирая на видимое юродство, понимаетъ выгоду и всегда можетъ соблюсти папенькины интересы. Онъ, Трофимъ, чувствуя необыкновенную любовь къ родителю, можетъ-быть, и не рѣшился-бы остаться въ Саратовѣ, но тесть положительно объявилъ ему, что отстраняетъ себя отъ дѣла и передаетъ его все цѣликомъ въ полное распоряженіе зятя.

Лестно! Вѣдь онъ, старый чертъ, упускаетъ много изъ виду, а онъ, Трофимъ, не упуститъ, и съ его капиталами чудесъ наворитъ.

А въ Москвѣ, у Перелѣскова, все дѣло такъ налажено, что человѣку, который, напримѣръ, впередъ желаетъ итти, — дѣлать нечего. Въ Кошельковскомъ-же дѣлѣ есть надъ чѣмъ поработать и мозгами пошевелить. Мозги Трофима Акіму Спиридоновичу, какъ свои пять пальцевъ извѣстны, слѣдовательно, родитель пойметъ его стремленія и прочее, чего въ письмѣ всего не выскажешь.

Капиталъ Евдокіи Ивановны, находящійся на сохраненіи у Акіма Спиридоновича, онъ, Трофимъ, думаетъ употребить тоже съ пользой, — купоны, по его мнѣнію, польза глупая и совсѣмъ не коммерческая, — и потому проситъ папеньку выдать оный тому, кому Евдокія Ивановна довѣренность дастъ.

„Препятствій къ оному, вѣроятно, съ вашей стороны не воспослѣдуетъ, ибо оныя деньги не что иное какъ даръ родителя дочери въ обезпеченіе будущаго потомства“, — писалъ Трофимъ и въ заключеніе просилъ отца, „буде окажутся какіе долги его, заплатить въ виду того, что ничтожныя суммы не могутъ обременить родителя, для котораго онъ, Трофимъ, трудился съ малыхъ лѣтъ“...

Можно съ увѣренностью сказать, что никогда-бы Трофимъ

не написалъ такого письма отцу, если-бы только зналъ, что, прѣхавъ въ Саратовъ съ самыми радужными надеждами, на порогѣ дома онъ встрѣтитъ неожиданно тещу, въ лицѣ „подлой подстеги Ѳеклушки“...

Только на послѣднемъ ночлегѣ передъ Саратовомъ дворничиха постоялаго двора, гдѣ молодые Перелѣсковы остановились ночевать, знавшая Евдокію Ивановну, сообщила ей, что дня за два передъ этимъ проѣхалъ Иванъ Кузьмичъ съ какою-то женщиною.

Трофимъ, слушавшій небрежно бабій разговоръ, вдругъ насторожился.

Уѣхалъ изъ Москвы одинъ и вдругъ подъ Саратовомъ очутился съ бабой!

Евдокія Ивановна къ этому сообщенію отнеслась равнодушно: мало-ли кого отецъ могъ посадить дорогой и подвезти до Саратова!

Онъ это и раньше, просто отъ скуки, дѣлалъ. Подсадить бабу, начнетъ ее спрашивать, кто она, да откуда, зачѣмъ идетъ въ Саратовъ, замужняя, или дѣвка, сколько душъ въ ея деревнѣ, какой былъ урожай, и въ такихъ разговорахъ сократитъ скуку одинокаго путешественника.

Но Трофимъ совсѣмъ по другому отнесся къ сообщенію дворничихи и сталъ спрашивать, какъ выгладитъ изъ себя спутница тестя и не съ самой-ли Москвы онъ тащитъ ее въ Саратовъ.

Изъ безтолковыхъ отвѣтовъ бабы Трофимъ не могъ вывести никакихъ заключеній, но ему почему-то стало не по себѣ, и онъ невольно пожалѣлъ о письмѣ, отправленномъ отцу.

Евдокія Ивановна не понимала безпокойства мужа, а Трофимъ не понималъ ея „женской глупости“, и поэтому оба они съѣхали съ постоялаго двора недовольными другъ другомъ.

Акимъ Спиридоновичъ получилъ письмо Трофима спустя ровно недѣлю послѣ отъѣзда молодыхъ, и, когда прочиталъ его, почувствовалъ какой-то страшный шумъ въ головѣ, точно въ ней вертѣлись мельничныя колеса, по ковшамъ которыхъ съ грохотомъ неслась вода.

И когда къ нему случайно вошелъ Петръ, онъ засталъ старика сидѣвшимъ въ креслѣ съ остановившимися глазами, устремленными въ одну точку, и неестественно краснымъ лицомъ.

— Папенька! Папенька, что съ вами?—вскрикнулъ Петръ.

Акимъ Спиридоновичъ не отвѣчалъ, и только хрипы, вырывавшіеся изъ его груди, показывали, какъ страдаетъ старикъ.

И только теперь Петръ замѣтилъ въ судорожно стиснутыхъ рукахъ отца какую-то бумажку.

Онъ съ неимовернымъ усиленіемъ разжалъ руки и, бросивъ взглядъ на письмо, тотчасъ-же узналъ знакомую руку...

— Убилъ отца!—пронеслось у него въ мысляхъ.—Богъ тебѣ судья, Трофимъ!.. Не желаю я тебѣ зла, но за отца понесешь наказаніе... Папенька! — принялся онъ трясти за плечи старика,—родной мой! Очнитесь!.. Богъ съ нимъ... простите его!

Старикъ точно и не слыхалъ Петра. Петръ оглянулся и, схвативъ себя за голову, выбѣжалъ изъ кабинета отца.

Зачѣмъ-то очутился онъ у себя въ комнатѣ, перебралъ стоявшія на столѣ вещи и затѣмъ, какъ-будто вспомнивъ что-то, бросился къ Настѣ.

Настя стояла передъ аналоемъ и дочитывала „положенное“.

— Настя!—крикнулъ Петръ,—Настя!

Та повернулась и обмерла: на Петръ лица не было.

— Отецъ... папенька, — бормоталъ онъ, какъ-то странно размахивая руками,—нездоровъ... письмо отъ Трофима...

Настя все сообразила сразу и перекрестилась на иконы.

— Такъ чего-же ты стоишь-то?—произнесла она, — за докторомъ надо...

— Ахъ, да! Я сейчасъ...

Петръ забѣжалъ къ себѣ, схватилъ картузь и вылетѣлъ на дворъ. Картузъ онъ надѣлъ только въ переулкѣ и остановился, спрашивая самъ себя: куда я бѣгу?

Настя хлопнула дверью, быстро вбѣжала къверху и очутилась въ кабинетѣ старика.

Старикъ по-прежнему сидѣлъ у стола и хрипѣлъ, тараща глаза.

Она отворила окна и, схвативъ графинъ съ водою, стала мочить голову Акиму Спиридоновичу...

Отъ ворвавшейся въ окна струи свѣжаго воздуха и холода отъ воды Перелѣсковъ сталъ понемногу приходить въ себя... Онъ поднялъ руку, долго теръ лобъ и, замѣтивъ Настю, уставился на нее.

— Это... ты?—прохрипѣлъ онъ, тяжело дыша.

— Я, Акимъ Спиридоновичъ. Испейте водицы, легче вамъ станетъ...

Старикъ послушно выпилъ воды и схватился за ручки кресла.

Настя подняла его какъ соломинку и, подведя къ окну, бережно опустила на стулъ.

— Мнѣ хорошо теперь, хорошо!—бормоталъ Акимъ Спиридоновичъ, поводя руками въ воздухѣ.

И пока онъ жадно втягиваль въ себя свѣжій воздухъ, Настя мочила ему водой голову и растирала посинѣвшія руки.

— Ѳеклушка... Ѳеклушка, — отрывисто говорилъ старикъ, не сводя глазъ съ Насти.

— А Ѳеклушка еще не пріѣхала, Акимъ Спиридоновичъ...

— Нѣтъ... Эхъ, ты... Ѳеклушка не могла такъ... спасибо... спасибо... Петра! Петра мнѣ!

— А онъ за докторомъ поѣхаль... я его услала.

— Ты? Хорошо... а она бросила... всѣ бросили...

— А вы не тревожьтесь, все, Богъ дастъ, хорошо будетъ, — говорила Настя, — все хорошо. Богъ все видитъ, Акимъ Спиридоновичъ... и не допуститъ—Его святая воля...

— Святая воля! — точно эхо откликнулся старикъ, смотря съ нѣжностью на Настю, —Его воля... Онъ дастъ, Онъ возьметъ...

— А вы молитесь. И я молиться стану...

И Настя, отвернувшись отъ старика, упала на колѣни предъ иконами.

Старикъ былъ растроганъ. Онъ видѣлъ, какъ тепло и искренно молится Настя, онъ чувствовалъ, что эта — чужая ему—молится за него такъ, какъ не стануть молиться родные, близкіе, и ему самому захотѣлось молиться. Не о себѣ даже, потому что онъ не понималь, что такіе сюрпризы, какъ письмо Трофима, отцамъ и матерямъ не проходятъ даромъ, а просто ему хотѣлось быть въ эту минуту такимъ-же сердечнымъ и искреннимъ, какою ему представлялась Настя.

Акимъ Спиридоновичъ хотѣлъ поднять правую руку для знаменія креста и очень удивился, что рука его не слушается. Онъ дѣлаль неимовѣрныя попытки поднять ее, а рука оставалась недвижимой, словно она принадлежала не ему, а совсѣмъ постороннему человѣку...

Перелѣсковымъ овладѣлъ страхъ. Онъ хотѣлъ крикнуть Настѣ и не могъ.

А Настя била поклоны.

LXVIII.

Вернулся Петръ и привезъ съ собой „частнаго“ доктора, маленькаго тщедушнаго старичка съ плохо выбритымъ подбородкомъ.

Докторъ пустиль Акиму Спиридоновичу кровь, долго возился съ нимъ и, только уложивъ старика въ постель, отвелъ Петра въ другую комнату.

— Кондрашка хватилъ, — шепнулъ онъ Петру, — если не повторится ударъ, можетъ выжить...

— Дай Богъ, — проронилъ Петръ.

Въ мертвомъ домѣ стало еще безлюднѣе и тише. На верхъ, кромѣ Петра и Насти, никто не ходилъ, а внизу всѣ ходили молча, съ испуганными лицами.

Бабы плакали, мужчины вздыхали и посматривали на Петра съ особеннымъ почтеніемъ.

Петръ полетѣлъ за другими докторами. И другіе доктора то-же самое сказали Петру, что и „частный“.

Всю ночь вмѣстѣ съ Настею онъ продежурилъ у постели отца.

Старикъ часто просыпался, окидывалъ взглядами бодрствовавшихъ и, довольный, закрывалъ глаза.

Прошла еще недѣля, и старикъ сталъ оправляться.

Парализованная рука стала понемногу двигаться, а Настя, чтобъ доставить удовольствіе старику, складывала персты и творила ея крестное знаменіе.

Старикъ молчалъ и только, когда ему позволили встать съ постели и присѣсть къ окну, онъ сказалъ Петру:

— Ежели-бы не ты да не Настя — лежать-бы мнѣ на Рогожскомъ.

О Трофимѣ онъ больше не вспоминалъ, какъ-будто того совсѣмъ и на свѣтѣ не было. А о Феклушкѣ справился.

— Чудно! Ужъ больно что-то долго у нея тетка помираетъ...

И у него только теперь мелькнуло сомнѣніе. Правда-ли, что она поѣхала къ теткѣ? Да и есть-ли еще у ней такая на самомъ дѣлѣ?

Прошла еще недѣля, и старикъ оправился настолько, что могъ свободно, безъ посторонней помощи, бродить по комнатамъ и выходить въ салъ, уже шумѣвшій молодой листвою.

Петръ, вполне увѣренный въ томъ, что Настя приглядитъ за старикомъ лучше, чѣмъ онъ самъ, выѣзжалъ каждый день въ городъ и усиленно занимался дѣлами.

Купцы, отнесшіеся-было сперва съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ его появленію въ лавкѣ, совершенно успокоились, увидавъ его на „дѣлѣ“, и долго покачивали головами, вспоминая отзывы Трофима объ юродствѣ брата.

Трофимъ не возвращался и больше не писалъ отцу.

Петръ на другой-же день послѣ внезапной болѣзни отца написалъ Трофиму и умолялъ его если не совсѣмъ вернуться

въ Москву, то хотъ прїѣхать навѣстить больного старика, который могъ каждую минуту умереть.

Отвѣта Петръ тоже не получалъ. И только мѣсяцъ спустя онъ совершенно случайно услышалъ отъ кого-то, что Трофимъ, прїѣхавъ въ Саратовъ, захворалъ и долго лежалъ въ постели.

„Вѣроятно, кутнулъ на свободѣ-то не въ мѣру,— подумалъ Петръ,— ну, и свалился“.

Впрочемъ, и извѣстію о томъ, что братъ былъ боленъ, Петръ не особенно довѣрялъ: получилъ онъ его не изъ первыхъ, что называется, рукъ и ждалъ только прїѣзда какого-нибудь саратовскаго купца, отъ котораго онъ могъ-бы узнать настоящую правду.

Старику запрещено было заниматься дѣломъ, и поэтому онъ только выслушивалъ вечеромъ „отчеты“ Петра о ходѣ дѣла и молча соглашался со всѣми его распоряженіями.

Потихоньку отъ Петра онъ просилъ Настю написать Ѳеклушкѣ письмо, чтобъ та немедленно прїѣзжала въ Москву, и отослать его въ деревню.

Настя не знала точнаго деревенскаго адреса Ѳеклушки, но знала, что пѣвецъ Ѳедоръ, ходившій къ нимъ съ Рогожскаго за службу, изъ одной съ нею деревни и знаетъ всѣхъ родичей Ѳеклушки.

Ѳедоръ былъ изъ „молчальниковъ“; по лѣни-ли или просто по нежеланію, онъ не любилъ разговаривать и на вопросы всегда отвѣчалъ нехотя и кратко, стараясь и эту „краткость“ сократить до минимума.

Товарищи его за это и прозвали „молчальникомъ“ и всегда хохотали, если какой-нибудь шутникъ сообщалъ имъ, что онъ „нонѣ цѣльный часъ проговорилъ съ Ѳедоромъ“...

Въ моленную, за болѣзнью Акима Спиридоновича, никто почти не ходилъ, и Ѳедоръ съ товарищемъ, пропѣвъ и прочитавъ по уставу, уходили на Рогожское, не заглянувъ ни въ столовую, гдѣ ихъ обыкновенно поили чаемъ, ни въ молодцовскую: не до нихъ было!

Получивъ порученіе отъ старика съ наказомъ не говорить Петру, котораго Акимъ Спиридоновичъ, какъ замѣнявшаго его и въ дѣлѣ, и въ домѣ, начиналъ стыдиться,—Настя первымъ дѣломъ вспомнила о Ѳедорѣ и ждала кануна воскресенья, когда обыкновенно пѣвцы приходили съ Рогожскаго къ Перелѣскову.

Дня три спустя послѣ этого она поймала Ѳедора, поднимавшагося навѣрхъ въ моленную, и, взявъ его за рукавъ, повела въ смежную съ ней комнату.

Федоръ молча послѣдовалъ за читалкой и, оставшись съ ней съ глазу на глазъ, тупо уставился на Настю.

— А я къ тебѣ съ просьбицей, Федоръ Тимофеевичъ,— проговорила она,— Феклуша въ деревню уѣхала, и до сей поры ея нѣту. Поѣхала-то она къ теткѣ больной или сама ее изъ Москвы увезла, не знаю я хорошенько... Такъ мнѣ-бы и хотѣлось ей письмецо написать: здорова-ль ужъ она сама-то...

Федоръ молчалъ и только встряхивалъ лоснившимися волосами.

— Куда ей писать, не знаю... Думала-думала, да и вспомнила, что ты съ ней изъ одной деревни... Какъ ей писать-то, скажи?

— Феклѣ Ивановнѣ-то?—улыбнулся Федоръ.—Пиши въ Саратовъ..

Настя посмотрѣла съ недоумѣніемъ на пѣвца и подумала: хлебнулъ, видно, не въ мѣру...

А Федоръ повернулся и пошелъ.

— Постой,—остановила она его,—ты толкомъ скажи... Зачѣмъ я ей въ Саратовъ писать стану, ежели она въ деревнѣ?..

— Въ Саратовѣ... сказано.

— Ну въ Саратовѣ... да Саратовѣ-то великъ...

— Большой.

— Ну, вотъ... такъ гдѣ-жъ ее тамъ найти, скажи?

Федоръ подумалъ съ минуту и произнесъ:

— Пиши. Всѣ знаютъ. Прямо въ Саратовъ.

— Экій ты какой, ей Богу! Ну, кто тамъ нашу сестру знать будетъ? Ты пошевели мозгами-то?

— Тебя не знаютъ, а она извѣстна. Прямо пиши...

Федоръ пошелъ и, остановившись у дверей на секунду, добавилъ:

— Пиши Феклѣ Ивановнѣ Кошельковой. Дойдетъ...

Настя даже остолбенѣла.

„Что онъ городить съ-глупу!—подумала она.—Прямо, хватилъ лишнюю чарку нонѣ и бормочетъ несуразное...“

На другой день, утромъ въ воскресенье, идя внизъ за бульономъ Акиму Спиридоновичу, она, встрѣтивъ другого пѣвца, ходившаго пѣть вмѣстѣ съ „молчальникомъ“, и раскланявшись съ нимъ, спросила шутя:

— На поминкахъ что-ли авчера вы были гдѣ?

— А что?

— Да голова у твоего Федора не въ порядкѣ.

— Кажись, не съ чего,— усумнился тотъ,— прямо съ Рогожскаго къ вамъ пришли.

— Чудно! Спросила я его, какъ писать Ѳеклушѣ,— въ деревню она уѣхамши,— а Ѳедоръ мнѣ вдругъ: „пиши въ Саратовъ“. Зачѣмъ ее въ Саратовъ понесетъ, коли она больную тетку умирать повезла?

— Хе-хе-хе,— рассыпался тотъ дробнымъ смѣшкомъ, похожимъ на разсыпавшійся горохъ,— да она, въ Саратовѣ и есть...

— Зубоскаль зря...

— Да неужто не знаешь? — удивился уже въ свою очередь пѣвецъ.

— Чего я не знаю?

— Да гдѣ ты живешь,— усмѣхнулся тотъ,— въ Керженцахъ, что-ли, куда вѣсти-то галки на хвостѣ носятъ?

— Нашъ монастырь не лучше Керженскихъ,— остановилась Настя,— да я не бываю нигдѣ, не помню даже, когда со двора ходила.

— Батюшки,— изумился пѣвецъ, хлопая сеая по бедрамъ,— да неужто такъ-таки никакихъ вѣстей до васъ о Ѳеклушкѣ не доходило?

— Никакихъ, вотъ какъ передъ Истиннымъ,— побожилась Настя.

— И самъ не знаетъ?

— Акимъ Спиридоновичъ? Да ежели-бы зналъ, развѣ стала-бы я тебя спрашивать.

— Ну, дѣла! Да у насъ вся Рогожская знаетъ, что она въ Саратовъ съ мужемъ уѣхала... съ молодымъ... хе-хе-хе...

— Съ какимъ мужемъ? Впервой слышу отъ тебя...

— Да съ Кошельковымъ... У васъ-же тутъ старый чертъ съ нею снюхался...

— Ѳеклушка? За Кошелькова вышла? — совсѣмъ ужъ растерялась Настя.— Да что онъ ослѣпъ, что-ль?

— Ужъ очень ваша сестра нашего брата слѣпить охоча,— хихикалъ пѣвецъ, забавляясь изумленіемъ Насти.— Теперича ее голою рукой не достанешь,— поди, надѣнь рукавички... Саратовская первой гильдіи купчиха Ѳекла Ивановна Кошелькова!

— И въ Москвѣ, значитъ, вѣнчаны?

— Попъ Никифоръ вѣнчалъ... Да неужто ни отъ кого слуху не было?

— Истинный Христось, отъ тебя перваго слышу...

Настя до того ошеломилась новостью, что вмѣсто кухни

попала въ Ѳеклушкину келью, гдѣ все стояло на своихъ мѣстахъ.

„И про укладки свои позабыла“,— подумала она, смотря на сундуки, и снова поразились: укладки были отперты, и замки, торчавшіе въ пробояхъ, висѣли разомкнутыми.

Она подняла одну крышку—сундукъ былъ пустъ, подняла другую—и въ другомъ до послѣдней тряпочки было выбрано.

„Ужъ не подобрали-ли ея ключи да не вытащили-ли ея добро?“— испуганно метнулась она изъ кельи.

Настя навела осторожно справки у кухарки, и оказалось, что Ѳеклушка за послѣднюю недѣлю своего пребыванія въ домѣ Перелѣскова все свое добро узлами къ теткѣ переправила, объяснивъ шутя и кухаркѣ и дворнику, что нажитому въ укладкахъ тѣсно стало и что она надѣется ихъ вновь набить до верху, пока живетъ у Акима Спиридоновича.

И кухарка и дворникъ знали отлично слабость своего хозяина къ женскому полу и только позавидовали счастливой Ѳеклушкѣ, сумѣвшей угодить и потрафить самому Перелѣскову.

Настя была поражена, услыхавъ разсказъ кухарки, хотя поражаться было нечѣмъ: она пряталась отъ Ѳеклушкина глаза, избѣгала съ ней встрѣчи, и поэтому немудрено, что она не видала ничего изъ того, что продѣлывала Ѳеклушка.

Теперь она задумалась надъ вопросомъ: сказать старику правду или нѣтъ? Ей почему-то казалось, что говорить правду Акиму Спиридоновичу не слѣдуетъ. Она не знала, насколько привязанъ былъ старикъ къ Ѳеклушкѣ, но уже по тому, что тотъ каждый день справлялся у ней: пріѣхала Ѳеклушка или нѣтъ,—она полагала, что Акимъ Спиридоновичъ такъ расположенъ къ ней, что сообщить ему новость, значить, опять разстроить больного...

Настя скрыла эту новость даже отъ Петра, который, пожалуй-бы, и проболтался какъ-нибудь нечаянно отцу.

И зачѣмъ имъ говорить? Рано или поздно, и тотъ и другой узнаютъ, куда дѣвалась Ѳеклушка, но узнаютъ не отъ нея, а отъ другихъ, и у нея на совѣсти не будетъ укора въ чемъ-то нехорошемъ, что слѣдовало скрыть до поры до времени.

И когда старикъ спросилъ у Насти: написала-ли она письмо Ѳеклушкѣ,—та безъ запинки отвѣтила, что написала и добавила при этомъ, что врядъ-ли та скоро ея письмо получить, такъ какъ деревенская почта доставляетъ посылаемое какъ ей Богъ на сердце положить..

Старикъ, тѣмъ не менѣе, успокоился и рѣже сталъ спрашивать Настю, пріѣхала Ѳеклушка или нѣтъ.

Акимъ Спиридоновичъ, вмѣстѣ съ возстановленіемъ здоровья, пересталъ какъ-будто и думать о Трофимѣ.

Старость эгоистична: чувствуя съ каждымъ днемъ прибываніе силъ, Акимъ Спиридоновичъ съ каждымъ часомъ все больше и больше заботился исключительно о своемъ здоровьѣ, предоставляя остальное все своей собственной судьбѣ.

Даже къ дѣлу онъ какъ-то охладѣлъ и отчеты Петра выслушивалъ съ такимъ видомъ, какъ-будто тотъ сообщаетъ ему неинтересныя и давно наскучившія вещи.

Поднявшись съ постели, онъ хотѣлъ позвать своего духовника, чтобъ исповѣдаться на всякій случай да кстати и посоветоваться насчетъ „духовной“, которая до сихъ поръ имъ не была сдѣлана.

Но, посидѣвъ въ креслѣ у открытаго въ садъ окна и послушавъ пѣніе птицъ, онъ рѣшилъ, что исповѣдать свои грѣхи и написать духовную онъ еще успѣетъ...

Да и какіе у него особенные грѣхи? Говѣлъ онъ на Страстной седмицѣ, а съ той поры не Богъ знаетъ сколько воды утекло. Да и грѣховъ за это время экстренныхъ не было.

Писать духовную... А какъ ее писать, когда Ѳеклушки подъ рукой нѣтъ? Та-бы сейчасъ своимъ бабьимъ умомъ пораскинула и посоветовала что... Положимъ, у бабъ только волосъ длиненъ, а все-таки—нѣтъ-нѣтъ, и у нихъ иногда хорошая мысль прорвется. Укажетъ тебѣ на то, о чемъ у тебя и въ помыслахъ не было. И мимо, кажется, шель, да не примѣтилъ, а ей, этой глупой бабѣ, на умъ пришло...

Подождать надо Ѳеклушку. Ей, вотъ, тоже надо по духовной отказать. А сколько?

Сейчасъ, ежели духовную писать, то онъ-бы гроша мѣднаго ей не отказалъ, потому бросила больного хозяина и чертъ знаетъ, что тамъ въ деревнѣ дѣлаетъ: баба молодая, а гусяки московскую да харчистую бабу любятъ.

Всѣхъ тоже дураковъ по лбу лѣстовкою не перещелкаешь! Попадется, гляди, такой, что и лѣстовка не подыметъ.

А пріѣдетъ — сейчасъ видно будетъ, сколько ей на поминъ своей души записать... Глядя по услугѣ да по покорностѣ..

И долгіе весенніе дни проводилъ Акимъ Спиридоновичъ, сидя въ саду и думая о томъ, гдѣ Ѳеклушка и что съ ней.

Однажды онъ совсѣмъ-было рѣшилъ отправить за ней молодца, чтобъ тотъ безъ всякихъ разговоровъ силкомъ привезъ пропавшую безъ вѣсти, да, взглянувъ на Петра, серьезнымъ

тономъ докладывавшего ему о дѣлахъ, застыдился и отмѣнилъ свое рѣшеніе.

Окончивъ докладъ, Петръ кашлянулъ и, не смотря на отца, проговорилъ:

— А я извѣстіе, папенька, получилъ... Братъ при смерти былъ.

Старикъ откинулся на спинку кресла такъ, что то затрещало.

— Твой братъ — мой сынъ ѿвѣдь... А этого сына у меня нѣтъ... былъ мой, а теперь сталъ Кошельковскимъ... дороже дали! Что-жь... его счастье! А мнѣ о немъ ни слова, Петръ... аминь!..

LXIX.

Петръ не захотѣлъ раздражать управлявшагося отъ болѣзни старика-отца и промолчалъ.

— Ты не о немъ, не о Трофимѣ прилежи, — продолжалъ Акимъ Спиридоновичъ, нервно теребя бороду, — худая трава изъ поля вонь... О себѣ пекись...

— О себѣ, папенька? — поднялъ Петръ голову. — А что-же мнѣ о себѣ пещься? Я всѣмъ доволенъ.

Старикъ усмѣхнулся.

— Ты-то, можетъ статья, и доволенъ, да я нѣтъ... Силы мои, самъ знаешь, какія... не прежнія... Прежде и хворалъ по долгу да вставалъ съ одра какъ встрепанный, а сейчасъ все на убыль пошло: и силы, и вѣра въ свое здоровье... Ложишься вечеромъ и думаешь: поднимешься-ли утромъ живымъ... Слабъ я сталъ, Петруня...

— Окрѣпнете, папенька, Богъ не безъ милости... Ужъ очень вы тяжкую болѣзнь перенесли.

— Такъ я и долженъ о семъ ежечасно помнить. Чѣмъ человекъ старѣе да безсильнѣе становится, тѣмъ и болѣзни лютеѣ ему приключаются... Допѣваю я свою пѣсенку, Петруня... да и пора... не вѣкъ-же ее тянуть, пора и на покой, на отдыхъ вѣчный...

Старикъ во время болѣзни часто говорилъ о „вѣчномъ отдыхѣ“, о загробной жизни и говорилъ всегда объ этомъ такимъ тономъ, какъ-будто дѣло идетъ не о немъ самомъ, а объ его добромъ сосѣдѣ, котораго, конечно, жаль, а помретъ, — такъ ничего въ этомъ особеннаго нѣтъ: пора! Всему положенъ предѣлъ въ мірѣ...

Петръ такъ и относился къ этому, зная отъ докторовъ, что силы старика хотя въ общемъ и не важны, но тѣмъ не менѣе не внушаютъ опасеній. Если ничего не случится особеннаго, можетъ прожить и еще десять лѣтъ.

— Пора, Петруня, пора... а у меня въ домѣ неустройство и непорядокъ всякій... Устроить-бы при жизни все по-хорошему хотѣлось.

— У насъ, кажется, все въ порядкѣ, папенька... Если вы находите что—скажите, постараюсь исправить...

— Непремѣнно исправь... безъ этого я и глазъ спокойно закрою...

— Я слушаю васъ...

— Дѣло все тебѣ останется. Больше, самъ знаешь, мнѣ и оставить его некому,—съ горечью проговорилъ Акимъ Спиридоновичъ. — А чтобы веселѣе было работать, надо знать, для кого трудишься.. Я, вотъ, для васъ весь вѣкъ работалъ, а ты для кого станешь?

Петръ понялъ, куда клонить старикъ, и потупился.

— Не nevoлилъ я тебя никогда жениться, — говорилъ старикъ, забывая о томъ, какъ онъ хотѣлъ насильно женить Петра на Кошельковой.—Просить—просилъ, но чтобы приказывать—этого не было... Правду я говорю или нѣтъ?

Петръ молчалъ.

— Ну, вѣтъ видишь, — продолжалъ Перелѣсковъ, не дожидаясь даже отвѣта сына.—Мирволилъ я тебѣ по той причинѣ, что въ головѣ твоей сомнѣвался... Съ Трошки за это ужъ взыскивай, а я тутъ не при чемъ,—свалилъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ вину на Трофима. — Вѣрилъ я ему, негодяю, больше, чѣмъ самому себѣ вѣрилъ!—стукнулъ онъ ладонью по столу.

— Папенька! Не надо этого! Не волнуйте вы себя... Помните, что вы—больной человекъ.

— Очень нужно изъ-за всякой твари себя волновать... На языкъ онъ попалъ, ну, и сбрыхнулъ про него, а теперь про тебя рѣчь... Покуда я глаза не закрылъ, избери себѣ подругу, Петруня, чтобъ я умеръ спокойно...

— Папенька!

— Въ послѣдній разъ тебя прошу... Всѣ меня покинули, ото всѣхъ одно оплеваніе... Дай ты мнѣ обиду забыть и съ совѣстью примириться!

— Я для васъ все сдѣлаю...

— Спасибо, Петруня... Другого я отъ тебя и не ждалъ.*

— Дайте мнѣ только время, мѣсяць, два... Не могу-же я такъ,—говорилъ Петръ, стараясь выиграть время.

— Я и не тороплю... Найди по душѣ и женись. Авось, Богъ дастъ, два-три мѣсяца и проскриплю...

— Доктора, папенька, находятъ, что вы совсѣмъ молодецъ, а силы постепенно придутъ...

— Я себѣ больше, чѣмъ твоимъ докторамъ, вѣрю... А ежели они такого мнѣнія обо мнѣ, такъ и слава Создателю!

Старикъ набожно перекрестился и всхлипнулъ.

За послѣднее время, чувствуя себя забытымъ и брошеннымъ Трофимомъ и Ѳеклушкой, Акимъ Спиридоновичъ часто слезился по-дѣтски и принималъ для успокоенія капли.

Петръ послѣ этого объясненія передалъ Настѣ желаніе отца.

Настя поблѣднѣла.

— Я не знаю, что мнѣ и дѣлать, голубка? — говорилъ Петръ, сжимая въ объятіяхъ дрожавшую Настю. — Отказать старику я не могъ... Видишь, какой онъ больной да разстроенный... Добивать его—совѣсть не позволила.

— И Боже тебя упаси! — произнесла та. — Да рази можно противъ отца итти... Много-ль ему жить осталось...

— Много-ли, не много-ли, а мнѣ петля... Научи, что мнѣ дѣлать, Настя?

— Озадачилъ ты меня... Никакъ я этого не думала, а должна думать... Должна была, потому—все на тебя останется... Будь Трофимъ здѣсь, старику-бы ты и на умъ не пришелъ...

— Ну, этого я не думаю...

— Да я-то знаю... Онъ на зло теперича Трофиму и тебя женить, и все одному тебѣ по духовной подпишетъ...

— Мнѣ этого не надо совсѣмъ...

— А такъ и будетъ... Да только старикъ твоей души не знаетъ...

— Пора знать!

— И все-жъ таки не знаетъ. Вотъ я твою душу знаю: помри отецъ, ты завтра-же разорвешь духовную и все до ниточки пополамъ съ Трофимомъ раздѣлишь...

— А какъ-же иначе, Настя? Могу я по другому поступить?

— Ты не можешь, а старикъ думаетъ, что можешь.

Настя задумалась. Задумался и Петръ.

— Знаешь что, — проговорилъ вдругъ онъ, оживляясь. — Пойду и скажу прямо отцу, что я или на тебѣ женюсь, или ни на комъ... Не все-ли ему равно? Я его желаніе исполняю, а на комъ женюсь—не его дѣло.

— А про гордость-то ты его забылъ? Не дозволить онъ этого, милый, и только пуще ты его этимъ разстроишь...

— Попытаю...

— И не пытай! Акимъ Спиридоновичъ — не Кошельковъ... Тотъ, видно, старый дуракъ изъ ума выжилъ да на Феклушкѣ женился!

Петръ вскочилъ, какъ ужаленный.

— Какъ на Феклушкѣ? Откуда ты это знаешь?

Настя и не рада была, что проговорила.

Волей-неволей она рассказала Петру, что сама слышала, и взяла съ Петра слово не говорить про Феклушкину свадьбу Акиму Спиридоновичу.

Петръ послѣ этого извѣстія даже повеселѣлъ. И то, что прежде казалось ему неосуществимымъ, теперь почему-то оказывалось такимъ простымъ и пустячнымъ дѣломъ. Ужъ ежели миллионеръ Кошельковъ, выдавшій въ жизни нѣчто и получше Феклушки, женился далеко на не безупречной бабѣ, то почему-же отецъ не разрѣшитъ ему жениться на Настѣ, про которую ни одинъ человекъ, не покрививъ совѣстью, не могъ ничего сказать дурного?

Настя умоляла его подождать и не разстраивать отца, и Петръ далъ ей слово, но въ мысляхъ рѣшилъ при первомъ-же удобномъ случаѣ просить у отца благословенія на бракъ съ любимой дѣвушкой.

Акимъ Спиридоновичъ послѣ разговора съ Петромъ, довольный его согласіемъ, позвалъ Настю и справился о Феклушкѣ.

— Никакихъ вѣстей еще не получала, Акимъ Спиридоновичъ, — отвѣтила та, скрывая улыбкой свое смущеніе. — И что съ ней тамъ въ деревнѣ подѣялось, я и сама не придумаю...

Старикъ закричалъ и махнулъ рукой.

А когда вышла Настя, онъ рѣшилъ безповоротно написать „духовную“, не дожидаясь совѣтчицы.

— Ни копейки ей, подлой, не отпишу! Ни копейки! — въ гнѣвномъ раздраженіи произносилъ онъ, колотя по столу кулакомъ. — Пущай апосля на себя пенясть!

И провожая Петра въ лавку, онъ велѣлъ ему захватить къ стряпчему и сказать, чтобы тотъ сейчасъ-же пріѣхалъ-бы къ нему по неотлагательному дѣлу.

— Чтобъ сію-же минуту... Слышалъ? — говорилъ Акимъ Спиридоновичъ, зная очень хорошо, что если тотъ пріѣдетъ завтра, духовная отложится до слѣдующей вспышки.

А будетъ-ли она — сказать трудно.

— Папенька, развѣ опять какое дѣло неприятное случилось?—спросилъ Петръ озабоченно.

— Нѣтъ, нужень онъ мнѣ и... не твое дѣло въ разсужденія входить... Сказалъ тебѣ отецъ, значить, стряпчій нужень, а зачѣмъ — мое дѣло... Наливку, вотъ, стану съ нимъ пить и груздями закусывать! Можно отцу отъ скуки выпить али нѣтъ?

Петру послѣ такого отвѣта оставалось только молча поклониться и уѣхать къ стряпчему.

Стряпчаго онъ засталъ за самоваромъ и очень былъ удивленъ вопросомъ, которымъ тотъ встрѣтилъ Петра:

— Умирать старый хрѣнъ собрался?

— Нѣтъ, папенькѣ теперь, славу Богу, лучше.

— Да вѣдь ты за мной?

— За вами...

— Ну, конечно, собирается подъ холстинку. Взысканій у васъ нѣту, кляузъ тоже, такъ за какимъ я чертомъ нужень? Ясно—духовную писать...

— Этого я не знаю.

— Да я-то, братъ, знаю. На этомъ зубы проѣлъ. Ну, что-жъ, духовную надо—духовную состряпаемъ; отходную прочитать—и отходную прочитаемъ... Я вѣдь, братъ, изъ Левитова колѣна, меня ничѣмъ не удивишь...

Петръ поѣхалъ въ городъ разстроеннымъ. Если отецъ въ въ самомъ дѣлѣ за стряпчимъ послалъ для составленія „духовной“, значить старикъ чувствуетъ себя плохо.

И ему стало жаль отца, который, ликвидируя свои земныя дѣла, сознавалъ, что ему не долго оставалось гостить на свѣтѣ.

Мысль, что отецъ умретъ, приводила его въ ужасъ. Ужасно было то, что онъ, прожившій лучшіе годы подъ гнетомъ и страхомъ, потерявшій и волю, и энергію, останется вдругъ одинъ, неспособный ни къ борьбѣ, ни къ самостоятельной жизни.

Всѣ ему чужіе и онъ всѣмъ чужой. Одна только Настя была и близка, и дорога ему, но—она женщина, правда, женщина съ характеромъ и природной сметкой, но все-таки—женщина, кругозоръ которой былъ такъ-же узокъ, какъ и у него самого.

Имъ овладѣлъ страхъ, такой точно страхъ, какой является у ребенка, оставшагося въ темныхъ, безлюдныхъ комнатахъ; а онъ чувствовалъ, какъ при одной только мысли остаться одинокимъ у него по спинѣ пробѣгали холодныя мурашки.

— Папенька, что вы изъ меня сдѣлали? — восклицалъ онъ, ежась отъ охватившаго его холода.

Онъ нѣсколько успокоился только очутившись въ лавкѣ, гдѣ все, начиная съ старшаго приказчика и кончая лежавшими на полкахъ кусками нанки, жило торговою жизнью. И въ лицѣ посѣдѣвшаго приказчика, и даже въ кубовой окраскѣ кусковъ чувствовался „интересъ“, и въ лицѣ приказчика, и въ веселой краскѣ нанки свѣтился, какъ ему казалось, смыслъ, ради котораго одинъ спуетъ по лавкѣ, а другая — лежитъ на полкѣ, дожидаясь своего покупателя.

У Петра сразу исчезли всякіе „страхи“. Дѣло сразу поглотило его, дало иное направленіе угнетенной мысли.

Поговоривъ съ покупателями и сдѣлавъ нѣсколько распоряженій, Петръ по узкой и крутой лѣстницѣ поднялся въ палатку, гдѣ, среди хаоса кусковъ товара, ютился небольшой письменный столикъ, за которымъ обыкновенно сиживаль Акимъ Спиридоновичъ.

За нимъ шелъ старшій приказчикъ.

— Вы хотите мнѣ сказать что-нибудь? — спросилъ Петръ у приказчика.

— Да-съ, Петръ Акимовичъ, — отвѣтилъ тотъ, присаживаясь къ столику. — Передъ вами только что былъ Окуньковъ изъ Саратова...

— А!.. Продали ему что?

— Обѣщаль зайти... Между прочимъ, отобраль нѣкоторые сорта...

— Такъ... Тамъ за нимъ по счетамъ числилось...

— Учинили расчетъ.

Приказчикъ умолкъ. Молчалъ и Петръ.

Одному хотѣлось спросить, а другой хотѣлъ сообщить, но ни тотъ, ни другой не рѣшались начать.

— Да, — прервалъ, наконецъ, надоѣвшее обоимъ молчаніе Петръ, — о братѣ что не говорилъ-ли?

— О Трофимѣ Акимовичѣ? Какъ-же-съ...

— Ну, что онъ? Какъ его здоровье?

— Оправились теперича...

— Значить, очень былъ боленъ Трофимъ?

— Вѣроятно, весьма-съ. Горячку подцѣпили въ Саратовѣ... такъ что поповъ призывали...

Петръ нахмурился.

— Какъ не стыдно было Ивану Кузьмичу насъ не увѣдомить! — проговорилъ онъ съ негодованіемъ. — Чужой онъ намъ или нѣтъ?

— Ну, Ивану Кузьмичу не до того-съ, Петръ Акимовичъ... Вы ничего не знаете?

— Ничего.

— Я самъ даже вѣрить боюсь

Приказчикъ откашлялся и придвинулся къ Петру.

— Вѣдь Иванъ Кузьмичъ - то... смѣшно-съ... на нашей Оеклушкѣ женился-съ!

Послѣднее слово приказчикъ произнесъ съ такимъ ужасомъ, какъ-будто тотъ наложилъ на себя руки.

— Не можетъ быть?—усомнился довольно спокойно Петръ.

— Клялся Окуньковъ. Здѣшній попъ Никифоръ его и вѣнчалъ. Прикажете заѣхать къ Никифору и справочки навести?

— Лишнее это, Петръ Исаичъ. Ежели Окуньковъ говорить, значитъ—вѣрно... То-то она пропала у насъ! Отецъ думаетъ, что она въ деревнѣ.

— И мы всѣ такъ думали, а она — эна гдѣ очутилась... въ Саратовѣ, да еще миллионершей... Чудны дѣла твои, Господи!

Приказчикъ развелъ руками и добавилъ:

— Кто-бы могъ подумать, чтобы этакая мразь и вдругъ въ павы попала... Мнѣ думается, что и Трофимъ-то Акимычъ съ этого самаго горячку схватилъ... Оеклушка и вдругъ — теща! Маменька, шутъ ее задави! Да кто маменька-то-съ? Шкура барабанная!

— Оеклушку я знаю, Петръ Исаичъ.

— Ну, такъ разсудите сами, каково Трофиму Акимычу было во всемъ эвтомъ удостовѣриться и Оеклушку маменькой назвать?

— Ужасная вещь, Петръ Исаичъ. И мнѣ очень жаль Трофима. Положимъ, онъ ее „маменькой“ не назоветъ...

— Называлъ-съ!

— Трофимъ?

— Да-съ. Окуньковъ при отъѣздѣ въ Москву у Кошельковыхъ обѣдалъ и своими ушами слышалъ, какъ Трофимъ Акимычъ Оеклушку „маменькой“ величалъ ..

— Господи! да неужели это правда?

— Спросите сами у Окунькова. Божился дѣтьми. Да вы что такъ! удивляетесь, Петръ Акимычъ? Братецъ вашъ человѣкъ умственный и нигдѣ себя не уронить. Тяжело ему, конечно, было узнать такую подлость, а потомъ и приспособился... Кошельковъ-то, вонъ Окуньковъ говоритъ, души въ этой подлой Оеклушкѣ не чаешь... Такъ что вы тутъ подѣлаете? Насколько я понимаю, Трофиму Акимычу въ Москву дороги нѣтъ... самъ себѣ канавъ нарылъ... Такъ это или нѣтъ-съ?

Петръ молча кивнулъ головой.

LXX.

Петръ понималъ, что Трофимъ можетъ назвать Ѳеклушку „маменькой“, можетъ унижаться передъ ней и цѣловать ручки, но у Петра при одной только мысли, что долженъ былъ испытывать Трофимъ, прикладываясь къ „ручкамъ“ такой твари, какою онъ считалъ всегда Ѳеклушку, — морозъ подиралъ по кожѣ.

Ясно, Трофимъ не рассчиталъ: не поглядѣвъ въ святцы, бухнулъ въ колокола. Порвавъ всѣ отношенія съ отцомъ, онъ пошелъ на униженія и сдѣлки съ совѣстью, запрятавъ далеко, въ самый дальнѣйшій уголокъ души, и свою гордость, и оскорбленное самолюбіе.

Трофимъ былъ терпѣливъ и выносливъ. Много на его голову въ жизни падало и крупныхъ и мелкихъ шишекъ, и Петръ никогда не слыхалъ отъ него ни крика, ни стона, ни жалобы.

Но и ослиному терпѣнію есть границы, и Петру почему-то думалось, что рано или поздно надъ головой Трофима и старика Кошелькова разразится гроза, которая или смететъ и того, и другого съ лица земли, или искалѣчитъ на всю жизнь...

Петру порой казалось, что онъ видитъ всю дальнѣйшую судьбу брата, и отъ ужаса закрывалъ глаза, отгоняя отъ себя кровавые призраки.

Трофимъ былъ жестокъ по натурѣ. У него были свои, ясно опредѣленные цѣли жизни; эти цѣли онъ преслѣдовалъ все съ тою же врожденной жестокостью, не отступая ни на шагъ ни передъ какимъ препятствіемъ.

Для того, чтобъ добыть Кошельковскіе милліоны и стать главою дѣла, онъ сдѣлалъ брата помѣшаннымъ, женился на его невѣстѣ и безо всякихъ, повидимому, сожалѣній разстался съ отцомъ, зная, что такой жестокій поступокъ доведетъ старика до отчаянія и болѣзни.

Если онъ для достиженія своего „идеала“ поступился „кровнымъ“ родствомъ, станетъ ли онъ церемониться съ совершенно ему чуждыми людьми, какими были и остались для него Кошельковъ и Ѳеклушка?

Разумѣется, нѣтъ. Это отлично понималъ Петръ, и ему до боли стало жаль брата.

Трофимъ много сдѣлалъ зла Петру, но Петръ никогда, ни на одну минуту не забывалъ, что Трофимъ былъ ему роднымъ

братомъ и что во всемъ, что онъ ни дѣлалъ дурного и безнравственнаго, виноватъ былъ не Трофимъ, не умѣвшій бороться съ врожденными инстинктами, а всѣ окружавшіе его: и отецъ, и мать, отдавшая свою любовь Петру и не выдавшая Трофима по цѣлымъ недѣлямъ, и даже онъ самъ, невольно отнявшій у брата материнскую любовь и заботу.

Дурными люди не рождаются. Если они дурны—виноваты воспитаніе, среда и атмосфера, которою приходится дышать ребенку, не умѣющему различать добро и зло.

Ему, Петру, мать говорила всегда: „этого не дѣлай, потому что это дурно... Этого тоже не дѣлай, потому что это—страшный грѣхъ...“ И Петръ зналъ, что можно дѣлать и чего нельзя—что хорошо и угодно Богу и что дурно и противно законамъ Божескимъ и человѣческимъ.

А Трофиму никто не говорилъ этого. Предоставленный самому себѣ, онъ не зналъ, что хорошо и дурно, и росъ въ темнотѣ, не видя добрыхъ примѣровъ и впитывая въ себя все дурное.

У него былъ природный умъ, который, съ лѣтами, подсказывалъ ему только—что выгодно дѣлать и что невыгодно.

Въ лавкѣ торговали для выгоды; и отецъ, и приказчики божились передъ покупателями тоже для выгоды. Даже молились съ цѣлью, чтобы Господь Богъ отпустилъ имъ обманы вольные и невольные.

Слѣдовательно, вся цѣль жизни человѣка—выгода, ради которой можно дѣлать все и поступаясь всѣмъ, и съ этой точки зрѣнія Трофимъ, конечно, былъ правъ и ходилъ въ „темнотѣ“, хотя и былъ зрячимъ.

Петръ не слышалъ, что говорилъ ему приказчикъ.

Очнулся онъ тогда уже, когда въ палаткѣ никого не было. Онъ схватилъ листъ бумаги и сталъ писать письмо Трофиму.

„Братъ! Милый мой братъ, Троша,—писалъ онъ ему,—если у тебя есть хоть чуточка жалости къ себѣ и отцу, брось все и пріѣзжай въ Москву. Я все знаю. Ты погибнешь въ Саратовѣ! Бѣги оттуда, отецъ все проститъ. Больше у меня и мыслей нѣтъ въ головѣ. Мнѣ такъ тебя жаль, если бы ты только зналъ, такъ жаль, братъ, что и сказать нельзя. Старикъ плохъ... дѣло большое, а я... прямо говорю тебѣ, не слажу съ дѣломъ... пріѣзжай ради Бога, ради Создателя, ежели у тебя есть страхъ. Пріѣзжай!..“

Вернулся Петръ домой по обыкновенію въ пять часовъ и засталъ отца въ возбужденномъ состояніи.

Составленіе духовной, этого послѣдняго, по его мнѣнію,

акта чело́вѣка, покончившаго всѣ свои счеты съ земнымъ, произвело на него отвратительное впечатлѣніе. Ему казалось, что онъ самъ отпѣлъ себѣ отходную и осталось только послать за гробовщикомъ и кондитеромъ, который, навѣрное, воспользуется неопытностью Петра и сдеретъ съ него за поминальный обѣдъ втридорога.

Настя шепнула Петру, что былъ стряпчій, съ которымъ старикъ запира́лся въ кабинетъ, и просидѣлъ съ нимъ часа три.

Что они дѣлали въ кабинетъ Настя не знала, но когда ушелъ стряпчій, Акимъ Спиридоновичъ пилъ капли и то бродилъ по комнатамъ, какъ-будто не находя себѣ мѣста, то садился на разные стулья, бормоча себѣ что-то подъ носъ.

Увидавъ сына, старикъ какъ-будто немного успокоился и, выслушавъ обычный отчетъ Петра по дѣламъ, спросилъ:

— А ты отъ кого же это слышалъ, что Трофимъ... при смерти былъ?

— Окуньковъ пріѣхалъ,—отвѣтилъ дрогнувшимъ голосомъ Петръ.

— Ну, что же онъ тамъ... ничего?

— Слава Богу, теперь выздоровѣлъ...

— Не про то я... выздоровѣлъ, выздоровѣлъ! Съ чего ему умирать-то? Что на отца наплевалъ? Такъ ему это, поди, не въ диковину... Живетъ какъ, говорю?

Петра захватили врасплохъ. Онъ никакъ не думалъ, чтобъ отецъ послѣ послѣдней отповѣди заговорилъ съ нимъ снова о Трофимѣ, и поэтому не зналъ: говорить ли ему все, что онъ услышалъ, или скрыть добрую половину слышаннаго.

Пока онъ собирался отвѣтить отцу, Акимъ Спиридоновичъ прошелся по кабинету и, остановившись передъ Петромъ, закричалъ на него:

— И что ты ко мнѣ лѣзешь съ этимъ подлецомъ Трошкой? Говорилъ я тебѣ, чтобъ ты не поминалъ мнѣ его имени? Говорилъ или нѣтъ?

Петръ молчалъ, а самъ чуть не плакалъ. Онъ понималъ боль отца и, что всего ужаснѣе, не могъ утишить эту боль.

Акимъ Спиридоновичъ злился на все, прорываясь воспоминаніями о Трофимѣ, злился и на Петра, какъ-будто тотъ былъ виноватъ въ томъ, что старикъ не можетъ забыть старшаго сына.

— Никогда чтобъ я не слыхалъ о немъ... Никогда...

Старикъ сѣлъ и какъ-будто успокоился.

— Стряпчій у меня былъ,—проговорилъ онъ сурово, не смотря на Петра,—духовную мы съ нимъ написали.

Акимъ Спиридоновичъ остановился, какъ-будто дожидаясь отъ Петра вопроса и возраженія.

— Напрасно себя беспокоили, папенька... Если какія-либо особенныя распоряженія вы хотѣли сдѣлать, такъ на словахъ бы могли сказать: я въ точности вашу волю исполню.

— А для того сдѣлалъ, чтобъ негодяй Трошка не насмѣялся апосля надо мной,—запальчиво выкрикнулъ старикъ.—Ни гроша ему... Слышишь, Петръ? Ни гроша... не смѣй... не заставляй меня...

Старикъ чуть не задохнулся.

— Папенька, ради Бога... все... все исполню,—говорилъ испуганно Петръ, поднося отцу стаканъ съ водой,—все.. Видите... какъ мнѣ жаль... папенька!..

Акимъ Спиридоновичъ увидѣлъ слезы на глазахъ Петра и отвернулся.

— Вѣрю... вѣрю, Петруня, — проговорилъ онъ, смягчая тонъ.—Вотъ точно покойницу-жену слышу... такъ же вотъ... задрожитъ вся, и... я другимъ дѣлаюсь... Вѣрю, Петруня... ты хорошій... Сердце у тебя матери... жалостливый... А у того сердца нѣтъ... нѣтъ. Петруня! Богъ меня наказалъ...—старикъ допилъ стаканъ и продолжалъ:—Не такой онъ... не такой... Разъ я тебя выдрать захотѣлъ... маленькій ты былъ въ тѣ поры... за что, не вспомню теперь... Можетъ, просто потому, что не дралъ ни разу... Трофиму влетало... мало только! Больше бы его, мерзавца, драть!—снова съ раздраженіемъ выкрикнулъ Акимъ Спиридоновичъ.—Съ тѣмъ какъ-то по-просту бывало: ложись! Трофимъ ложился. Дерешь—молчить, выдерешь—подберетъ штанишки и вонъ... ровно некрутъ службу несъ... А ты... поглядѣлъ я на тебя... ровно ума рехнулся... бѣлѣй снѣга, а ротъ на сторону косится... А мать сзади тебя: „меня бей! До смерти убей, а Петю не тронь!“ Господи! Цѣльную недѣлю вы снились... бѣгать отъ васъ сталъ... Не то... Не то...

Старикъ махнулъ рукой и схватилъ себя за голову.

— Вся жизнь вотъ такъ,.. Что сдѣлаешь—сердцемъ страдаешь, чего не сдѣлаешь—себя ругаешь, почему не сдѣлалъ... А сдѣлалъ—кошки по сердцу скребутъ... и никакой тебѣ отрады, никакого спокойя... Вотъ и жизнь прожилъ, а вспомнить не о чемъ... У собаки, у простой, подлой твари—хоть что-нибудь да есть... покормили ее, приласкали... о ласкѣ вспомнить, издыхаючи, а мнѣ не о чемъ... Ничего не было... ничего... Жили... собирали въ житницу, а собрался умереть, и вспомнить не о чемъ... И никого возлѣ тебя... всѣ бросили...

— Я съ вами, папенька...

— Да, ты... Вотъ и стряпчій тоже: „у тебя,—говорить,— есть, кто... глаза закроетъ!..“ Ахъ, Петръ! Тяжко мнѣ...

— Знаю, папенька.

— Обворожилъ онъ меня... Отца дуракомъ сдѣлалъ! А женилъ бы я тебя на Кошельковой, ничего бы не было... все бы по моему... все бы... Ну, поругалъ бы его за прокученные деньги, побилъ бы... ему это не въ новинку... и все бы пошло по хорошему... А то вдругъ...

— Папенька я написалъ Трофиму, чтобъ онъ пріѣхалъ...

— Не надо! Видѣть его не хочу! Слышишь, Петръ! Ежели пріѣдетъ—на замокъ велю ворота запереть... Добрый ты, Петруня, ну, и хочешь, чтобъ онъ пріѣхалъ... а онъ не пріѣдетъ!

— Пріѣдетъ, папенька... Если послѣ моего письма не вернется, я его и братомъ больше никогда не назову...

— И не зови! Не зови, Петръ! Лиходѣй онъ тебѣ, а не братъ... у меня былъ братъ, такъ мы съ нимъ душа въ душу жили... одинъ за другого горой стояли, а Трофимъ... не вѣр ему... ни гроша не давай... слышишь? Нищимъ тебя сдѣлаетъ и на морозъ выгонитъ... Безъ души... безъ души онъ... О тебѣ у меня забота большая... помру я, набѣжитъ Трофимъ и все у тебя отыметъ... Жену тебѣ надо, Петруня, чтобъ не разорили...

— Папенька!..

— Постой, Петръ. Не знаю самъ, что со мною творится нонѣ...

— Отдохните, папенька... успокойте себя...

— Лягу. А только чудно!.. Какъ написалъ я духовную, такъ ровно мѣста своего лишился... чужой я всему... И кабинетъ какъ-будто чужой, и ты совсѣмъ не мой сынъ... все чужое... и я тутъ лишній...

— Вы нездоровы, папенька... Пойдемте, я васъ провожу въ спальню...

— Проводи... Не хочется умирать, Петръ, а надо! Все ужъ покончилъ! Женился бы только ты, и я закрылъ бы глаза...

— Папенька, у меня есть невѣста!—рѣшительнымъ тономъ произнесъ Петръ, поднимая подъ руки отца съ кресла.

— Кто, кто?—оживился Акимъ Спиридоновичъ.

— Настя...

— Настя? Какая Настя, Петръ?

— Здѣшняя, папенька... читалка... Полюбилъ я ее, папенька, больше своей жизни...

Старикъ вздрогнулъ и долго смотрѣлъ на сына, опустившаго глаза въ землю...

— Юродь! — съ усмѣшкой проговорилъ наконецъ Акимъ Спиридоновичъ.— Мерзавецъ—Трошка, а... истину глаголилъ: юродь!.. Веди!..

Петръ довелъ отца до спальни, уложилъ его и остановился въ томительномъ ожиданіи, смотря на отца.

— Юродь! — произнесъ печально старикъ и закрылъ глаза. Петръ на носкахъ вышелъ изъ спальни.

А на другой день Акимъ Спиридоновичъ всталъ мрачнымъ. Онъ еле добрелъ до столовой, молча поздоровался съ Петромъ и не проронилъ ни слова. Петръ тоже молчалъ. Не получивъ наканунѣ отъ отца опредѣленнаго отвѣта, онъ, тѣмъ не менѣе, съ болѣе легкимъ сердцемъ ждалъ отъ него рѣшенія вопроса, поставленнаго ребромъ.

Не можетъ быть, чтобъ отецъ обошелъ этотъ вопросъ полнѣйшимъ молчаніемъ: что-нибудь да долженъ сказать, — да или нѣтъ. У Петра, какъ у человѣка слабохарактернаго и безвольнаго, не хватало духу сказать отцу, что лежало у него тяжелымъ камнемъ на сердцѣ, а разъ это совершилось—у него и на душѣ стало легко, и на сердцѣ весело.

Можетъ быть, потомъ, когда старикъ произнесетъ свое рѣшеніе, ему опять придется взваливать на себя жернова, но въ данный моментъ онъ чувствовалъ себя необыкновенно довольнымъ и счастливымъ, точно онъ совершилъ удивительно геройскій подвигъ.

Старикъ молча отпустилъ въ лавку Петра и позвалъ къ себѣ невзрачнаго молодца Семена, жившаго у него съ мальчишекъ чуть ли не сорокъ лѣтъ, но, вслѣдствіе своей малоспособности къ торговому дѣлу, занимавшагося больше раздуваніемъ кадила въ молельной и наблюдавшаго за поведеніемъ молящихся.

Семень былъ кротокъ, къ вѣрѣ ревнителенъ, и малодушіе къ виннымъ издѣліямъ проявлялъ чрезвычайно рѣдко; въ силу этого Акимъ Спиридоновичъ, не утомляя его скудоуміе коммерціей, сдалъ въ его вѣдѣніе моленную и все, что съ нею соприкасается.

Нужень былъ попъ—Семень ѣхалъ за попомъ; покупалъ свѣчи, мѣнялъ иконы, покупалъ служебныя книги и, всегда напѣвая что-нибудь божественное козлинымъ теноркомъ, не

согласовавшимся съ его тучною и необыкновенно высокою фигурой, зналъ всѣ тайны Перелѣсковскаго дома.

О тайнахъ этихъ онъ, впрочемъ, хранилъ упорное молчаніе, и когда кто-нибудь начиналъ выспрашивать его о жизни старика или живущихъ въ его домѣ, онъ отвѣчалъ, пожимая плечами:

— Ничего подобнаго не было слышно... Вѣроятно, это все врутъ, такъ что вы будьте покойны!..

И другого отвѣта отъ него добиться не могли. Акимъ Спиридоновичъ зналъ это и цѣнилъ Семена по-своему: въ большіе праздники дарилъ ему отрѣзы сукна на кафтанъ, а въ день своего ангела посылалъ за него въ деревню оброкъ. И Семень блаженствовалъ.

LXXI.

Блаженствуя, Семень все-таки помнилъ, что дорожить имъ, собственно говоря, не хозяинъ-купецъ, а хозяинъ-старообрядецъ, и что онъ нуженъ не лавкѣ, гдѣ и цѣна молодцу иная, а „молельной“, куда всегда, конечно, могли взять другого и этимъ другимъ замѣнить Семена безъ всякаго ущерба... Помня это, Семень не вылѣзалъ впередъ и держался въ тѣни, прячась за спины многочисленныхъ служащихъ Перелѣскова.

Въ общеніи съ другими онъ придерживался извѣстной тактики: больше слушалъ, чѣмъ говорилъ, и если поддакивалъ, то поддакивалъ съ большою осторожностью. Вслѣдствіе этого на Семена мало обращали вниманія: говорили и дѣлали все, не стѣсняясь его присутствіемъ, зная отлично, что такое ничтожество, какъ Семень, никому не можетъ нанести вреда.

Семень и это понималъ и нисколько не обижался на полнѣйшее людское равнодушіе къ его личности.

Отбывая самымъ добросовѣстнымъ образомъ свои обязанности, онъ радовался самоналѣйшему проявленію вниманія со стороны хозяина и, несмотря на то, что былъ родомъ изъ Гуслиць, страны, превосходящей, по мнѣнію самихъ-же гусликовъ, въ хитрости Грецію, безхитростно относился ко всему совершавшемуся въ домѣ Перелѣскова; онъ ахалъ и охалъ только тогда, когда охалъ и ахалъ самъ хозяинъ.

Акимъ Спиридоновичъ видѣлъ Семена только въ молельной, гдѣ и отдавалъ ему всевозможныя приказанія, призывать-же къ себѣ въ амбаръ такъ рѣдко, что Семень въ та-

кихъ случаяхъ застегивался на всѣ крючки и являлся къ хозяину съ душевнымъ трепетомъ.

„Коли къ себѣ требуетъ, стало-быть что-нибудь важное случилось: либо не доглядѣлъ онъ что по молельной, либо недруги невѣрно что-нибудь на него Акимъ Спиридоновичу наговорили“.

Съ такимъ-же точно трепетомъ явился Семень и теперь къ Акимъ Спиридоновичу, котораго онъ не видалъ давно, и чуть не ахнулъ при видѣ его — до того старикъ измѣнился въ послѣднее время.

По обыкновенію Семень положилъ „началь“, низко поклонившись хозяину, и уставилъ на него встревоженный взглядъ.

Старикъ Перелѣсковъ, думая совсѣмъ о другомъ, долго не замѣчалъ Семена, и только когда тотъ кашлянулъ, онъ вздрогнулъ и повернулъ къ нему голову.

— Это ты, Семень? — какимъ-то разбитымъ голосомъ спросилъ Акимъ Спиридоновичъ.

— Я-съ...

Старикъ молча указалъ Семену на стоявшій возлѣ стуль.

Семень молча опустился на краешекъ стула и не сводилъ глазъ съ хозяина.

— Настасью знаешь?—спросилъ Перелѣсковъ.

— Нашу читалку-съ? Какъ-же не знать, Акимъ Спиридоновичъ, въ одномъ дому живемъ...

— Что за дѣвка, скажи?

— Дѣвка, какъ дѣвка, — потупился тотъ, — карахтеру добраго...

— Я тебя не про карахтеръ спрашиваю... поведенія какого?

— И поведенія, Акимъ Спиридоновичъ, добраго...

— Ты безъ утайки мнѣ говори... слышишь? Кому другому—ври сколько хочешь, а мнѣ не смѣешь этого... Сколько я тебѣ добра въ жизни сдѣлалъ?

— Спаси Христось, Акимъ Спиридоновичъ!—метнулся тотъ хозяину въ ноги и, не взирая на свою тучность, быстро очутился на краешкѣ стула,—словъ у меня даже нѣту, чтобы за ваше неоставленіе благодарствовать...

— Ничего мнѣ не надо... сказывай только правду...

— Завсегда правду сказываю... какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами,—бормоталъ Семень, вспоминая между прочимъ при этомъ о томъ, что Перелѣсковъ въ первый разъ въ жизни заговорилъ съ нимъ о чемъ-то иномъ, мало похожемъ на свѣчи и ладонь.

— Не путалась она тутъ съ кѣмъ... по двору?

— Боже сохрани и помилуй! — ужаснулся Семень, — да у насъ въ домѣ, Акимъ Спиридоновичъ, и въ заводѣ нѣту... у насъ такое во всемъ благочестіе, что трудно даже подумать-съ...

— Да ты, дурья голова, съ кѣмъ говоришь, а? — нахмурился Перелѣсковъ.

— Съ вами-съ, — затрепеталъ Семень.

— Ну, такъ какого-же ты дьявола... благочестіе! Прачка Арина съ кѣмъ путалась?

— Темно-съ... совсѣмъ даже непросвѣтимо-съ...

— Размазывай! Кухаркину племянницу трое били... За что?

— По пьяному сумнѣнію...

— Благочестіе!.. Все я знаю, а ты благочестіемъ мнѣ ротъ, ровно медомъ, мажешь! — заволновался Перелѣсковъ.

Семень даже поблѣднѣлъ отъ трепета.

— Коли тебя хозяинъ пытается, долженъ ему всю правду выкладывать, а не нести околесицу...

— Я по правдѣ, Акимъ Спиридоновичъ, — взмолился Семень, — по всей по правдѣ: чего своими глазами не вижу, о томъ и мечтать не дерзаю, а на словеса всякія рази я могу располагать? Ославить человѣка ничего не стоитъ, — взять только, да ротъ раскрыть и хулу выпустить... а я этого не допускаю, — смиренно отвѣтилъ Семень, не понимая, на что сердится хозяинъ.

— Тѣфу ты, дуракъ этакій! Хозяинъ, и тотъ не можетъ отъ тебя правды добиться, — сердился Перелѣсковъ, — у него всѣ хороши, и во всемъ домѣ, ровно въ монастырѣ, благочестіе властвуетъ!

— Властвуетъ, Акимъ Спиридоновичъ! Да ни въ одномъ домѣ такого благочестія нѣту, какъ у насъ, — закрылъ отъ умиленія глаза Семень, — вездѣ срамота, а у насъ — благочестіе.

— Ну, Семень, я даже и не воображалъ, что ты такой дуракъ, а ежели прикидываешься дуракомъ, такъ это еще глупѣе выходитъ... Такъ Настасья читалка — ангель, по твоему? А?

— Ангеловъ на землѣ нѣту, Акимъ Спиридоновичъ. А человѣкъ она настоящій, непредусудительный..... скромности изумительной, кого хотите спросите...

— А съ Петромъ она... тоже скромница?

Семень потупился и вздохнулъ.

— Не наше дѣло, Акимъ Спиридоновичъ, хозяйскія дѣла разбирать...

— Значитъ, промежъ ихъ было что?

— По моему взгляду ничего-съ...

— Ну, а что дворня говоритъ?

— Вздора не слушаю.

— Говорять-же что-нибудь?

— Не слушаю вздора, Акимъ Спиридоновичъ! Что своими глазами не вижу...

— Очки надѣнь... Ну, Семень, никакъ я не думалъ, чтобы ты такимъ болваномъ былъ... Такъ, значитъ, ты ничего не знаешь?

Семень подумалъ съ минуту, затѣмъ тряхнулъ головой и рѣшительно отвѣтилъ:

— Ничего-съ... съ мѣста не сойти, ничего!

Перелѣсковъ бросилъ взглядъ на Семена и ничего, кромѣ разстроеннаго лица, готоваго ко всякой покорности, у него не увидѣлъ.

„Родятся-же вотъ такіе,—подумалъ онъ,—ничего изъ него не вышибешь.., Другой-бы, на его мѣстѣ, отъ себя-бы еще прибавилъ, а этотъ—ровно каменный...“

И у Перелѣскова мгновенно мелькнула мысль: если такому человѣку поручить что-нибудь особенное, самъ сатана не добьется отъ него правды.

Отъ такого идола и самъ бѣсъ отвалится.

Послать его за Ѳеклушкой? Онъ привезетъ, хоть-бы тамъ у ней десятокъ тетокъ умирало.

Акиму Спиридоновичу до сихъ поръ было скверно на душѣ не потому, что онъ чувствовалъ упадокъ силъ и немощь духа, и не потому, наконецъ, что лишился Трофима и Петръ хочетъ жениться на читалкѣ, которую онъ долженъ сажать съ собою за столъ и называть дочерью; все это, конечно, больно его самолюбію, тяжело сживаться съ мыслью, что, несмотря на богатство и положеніе въ обществѣ, свои собственныя дѣла идутъ у него такъ скверно, что глядѣть не хочется, но главное, что лежало тяжелымъ гнетомъ на его совѣсти, это — завѣщаніе, въ которомъ онъ ни однимъ словомъ не обмолвился о Ѳеклушкѣ.

Только теперь, переживъ болѣзнь и чувствуя свое одиночество, онъ началъ тосковать по Ѳеклушкѣ, умѣвшей угождать ему и предъ нимъ раболѣпствовать. Онъ такъ привыкъ къ этому „угожденію“, что всѣхъ другихъ, не умѣвшихъ или просто не хотѣвшихъ передъ нимъ хамствовать, сталъ считать за дерзкихъ и неблагодарныхъ за всѣ его великія и малыя милости.

И ложась спать, и вставая, старикъ вспоминалъ о Ѳеклушкѣ.

И спать онъ, благодаря чесанію пятокъ, хорошо, и вставая находилъ все готовымъ и все на своемъ мѣстѣ.

И что дѣлалось дома, и что дѣлалось внѣ его—все это Акимъ Спиридоновичъ зналъ отъ Ѳеклушки, которая, дѣлая массажъ его старческимъ пяткамъ и восстанавливая надлежащее кровообращеніе, сообщала ему всѣ новости, а если таковыхъ не было,—выдумывала ихъ не хуже газетнаго репортера.

Ѳеклушка трещала, Ѳеклушка выдумывала, а Акимъ Спиридоновичъ подъ ея трещанье и выдумку засыпалъ змятежнымъ сномъ, напутствуемый опять-таки крестнымъ знаменіемъ Ѳеклушки.

Перелѣсковъ принималъ все это какъ должное, какъ султанъ принимаетъ почетъ и ласки одалисокъ, которыхъ онъ кормитъ, поитъ, одѣваетъ, а иногда и балуетъ какою-нибудь особенною милостью. У него даже и въ мысляхъ не было, что Ѳеклушка, его раба, его собственность, глядѣвшая собачьими глазами на своего повелителя, могла вдругъ бросить его и уйти...

Отъ него уйти? Отъ Перелѣскова, у котораго сундуки трещать отъ милліоновъ?

Глупости! Ужъ одно то, что милліонеръ дозволяетъ какой-то Ѳеклушкѣ къ своей особѣ близкой быть, должно умилять ее, заставляя трепетать отъ радости!

Грошъ богача всегда дороже рубля бѣдняка. Такъ думалъ Перелѣсковъ, да такъ думали и думаютъ всѣ, подобные ему.

А если находятся люди, которые избѣгаютъ такихъ „благодѣтелей“, то господа Перелѣсковы начинаютъ вопить о людской неблагодарности.

Акимъ Спиридоновичъ тоже сталъ вопить о Ѳеклушкиной неблагодарности и, не видя ея возлѣ себя въ хамской роли, вычеркнулъ ее изъ своей духовной.

Но онъ не могъ вычеркнуть ее если не изъ своего сердца съ перебоями, то изъ памяти.

Съ самага отъѣзда Ѳеклушки Акимъ Спиридоновичъ почувствовалъ пробѣлъ въ своей жизни.

Все, кажется, было, а чего-то не доставало. И постель не такъ постелили, и сна прежняго не стало. И тотъ вѣдь, кажется, стулъ, да не такъ поставленъ: прежде прямо стоялъ, а теперь бокомъ стоитъ.

И съ каждымъ днемъ Акимъ Спиридоновичъ все больше и больше чувствовалъ отсутствіе этого чего-то недостающаго, что нарушило и порядокъ, и самую его жизнь, уложившуюся въ извѣстныя и прочныя рамки.

Привыкъ-ли онъ только къ Ѳеклушкѣ или любилъ ее?

На этотъ вопросъ трудно даже и отвѣтить, такъ какъ Перелѣсковъ любилъ женщинъ „по своему“, видя въ нихъ только развлеченіе въ свободное отъ дѣла время, и во всякомъ случаѣ такимъ „любвямъ“ не придавалъ серьезнаго значенія.

Да и самые объекты его „любви“ смотрѣли на это какъ на прихоть богатаго человѣка, которому все дозволено, и ни одна изъ нихъ не предъявляла на его сердце серьезнаго притязанія.

Съ Акимомъ Спиридоновичемъ случилось то, что случается со многими, растерявъ по жизненному пути все, что ласкало его взоры и сердце, и оставшись одинокимъ, онъ прицѣпился къ Ѳеклушкѣ, какъ цѣпляется утопающій за первую попавшуюся подъ руки доску. Есть что-то, за что можно держаться и доплыть до берега.

Но утопающій еще можетъ сомнѣваться въ своихъ силахъ, въ цѣпкости рукъ, ухватившихъ благодѣтельную доску, Перелѣсковъ-же не могъ сомнѣваться: развѣ отъ него, миллионера, уйдетъ какая-то читалка?

Да гдѣ-же она найдетъ лучше него? Дура еще, пожалуй, но Ѳеклушка дурой не была, а Акимъ Спиридоновичъ считалъ ее куда умнѣе, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ!

И вотъ онъ заскучалъ. Заскучалъ смертельно. Еще во время болѣзни онъ не такъ чувствовалъ отсутствіе Ѳеклушки, но, оправляясь отъ болѣзни, онъ съ каждымъ днемъ началъ думать о той заботливой рукѣ, которая и пятки ему чесала, и одѣяло подтыкала, и осѣняла крестнымъ знаменіемъ, бормоча Акимъ Спиридоновичу на ухо:

— Почивай съ Богомъ, золотой!

И онъ чувствовалъ, какъ раздражается съ каждымъ днемъ и теряетъ силы только въ слѣдствіе того, что нѣтъ въ домѣ человѣка, къ которому онъ привыкъ.

Перелѣсковъ все объяснялъ привычкой и терялся, видя, какъ нарушаются его привычки.

И Петръ, и Настя понимали состояніе духа Акима Спиридоновича и, разумѣется, ничѣмъ ему помочь не могли.

Въ послѣдніе дни Перелѣсковъ даже сталъ подозрительно посматривать на Настю, будучи увѣренъ въ томъ, что та не написала Ѳеклушкѣ письмо.

Призвавъ Семена только для того, чтобы узнать отъ него всю подноготную про Настю и, смотря по этой „подноготной“, дѣйствовать, онъ неожиданно напалъ на мысль — послать этого „идола“ за Ѳеклушкой.

Старикъ даже покраснѣлъ отъ волненія, напавши на та-

кую идею, и ласково посмотрѣлъ на сидѣвшаго передъ нимъ истуканомъ Семена.

— А я тебѣ порученіе хочу дать, — проговорилъ Акимъ Спиридоновичъ, — только чтобъ объ немъ никто не зналъ... Не хочу я этого... осуждать по глупости стануть... Люди, знаешь, все люди... а въ тебя я вѣрю!

— Спаси Христось, Акимъ Спиридоновичъ, за довѣріе.

— Собственно говоря, мнѣ не особенно это и нужно, а такъ.. для порядка... не терплю я беспорядка въ дѣлѣ...

— Знаю-сь...

— Оеклушка-читалка уѣхала тетку хоронить, да и пропала... такъ вотъ ты и поѣзжай... въ деревню ихнюю... и узнай: умерла тетка или нѣтъ?

— Слушаю-сь, Акимъ Спиридоновичъ, все исполню-сь...

— Умерла—царство ей небесное, а не умерла—пушай живеть... а Оеклушку, ежели она здорова, тащи безъ всякихъ разговоровъ въ Москву,—понялъ?

— Понялъ-сь. Значить, за Оеклушкой ѣхать приказываете?

— Ну, да. Что ты оглохъ, что-ли?

— А ежели ее мужъ не пустить, Акимъ Спиридоновичъ?

— Какой мужъ? Что ты бѣлены объѣлся?

— А Иванъ Кузьмичъ Кошельковъ-сь... Вѣдь вы въ Саратовъ за ей велите ѣхать?

Перелѣсковъ откинулся на спинку кресла и дикими глазами уставился на Семена.

LXXII.

— Какой Кошельковъ? Что ты мелешь, дурья голова? — вымолвилъ, наконецъ, Акимъ Спиридоновичъ. — Пьянь ты нонѣ, что-ли, такъ иди и проспись...

Семень, въ свою очередь, широко раскрылъ ротъ и съ великимъ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на хозяина.

Не шутить-ли, молъ? Но по серьезному, даже по ужасно серьезному лицу Перелѣскова онъ понялъ, что о шуткахъ тутъ и помина не могло быть...

Какъ ни ограниченъ былъ Семень, но онъ тотчасъ-же сообразилъ, что Акимъ Спиридоновичъ ничего не зналъ про Оеклушку, и, конечно, было-бы лучше, если-бы онъ, Семень, ни словомъ о ней, подлой, не обмолвился...

Онъ не понималъ, почему тотъ не могъ знать то, что из-

вѣстно теперь если не всѣмъ, то многимъ, но по лицу хозяина увидѣлъ, что сдѣлалъ какую-то большую и непоправимую глупость.

Ужъ на что, кажется, Семень былъ остороженъ въ своей жизни, а тутъ попался, какъ глупый карась въ вершу.

Семень даже ахнулъ отъ такого соображенія.

Воды не мутиль и вдругъ,—цѣлую бурю въ Акимѣ Спиридоновичѣ поднялъ.

Събо... Охъ, слопаеть!

И дернулъ его чертъ за проклятый языкъ! Ну, послали-бы за Ѳеклушкой, съѣздила - бы онъ въ деревню и объявилъ - бы, прїехавши, что подлой дѣвки въ деревнѣ нѣтъ: привезла тетку, молъ, и невѣдомо куда уѣхала..

И хозяина бы въ ражъ не ввелъ, и себя-бы на ругню не подставилъ...

А Акимъ Спиридоновичъ, блѣднѣя и передергиваясь, за руки Семена вцѣпился.

— Говори, дьяволь! Что ты проглотилъ свой языкъ, что-ли? Какой Кошельковъ? Что тебѣ спяну приснилось?

Семень даже весь затрепеталъ, какъ птица, пойманная въ силки...

— Акимъ Спиридоновичъ! Не виноватъ я... ни въ чемъ не виноватъ—произнесъ онъ, готовясь опуститься на колѣна.

— Какая твоя вина! Наплель? Несуразность на Ѳеклушку звелъ?

— Акимъ Спиридоновичъ! Не зналъ я ничего,—залепеталъ совсѣмъ уничтоженный Семень, — истинный Христочъ, не вѣдалъ.

— Что не вѣдалъ?

— Да что вы про Ѳеклушкину свадьбу не знаете...

— Свадьба? Какая свадьба? Говори, Семень... Коли повторяешь, значитъ, есть что-то... Говори... говори!

На Акима Спиридоновича страшно было глядѣть. Онъ посинѣлъ какъ-то весь и дико водилъ глазами, терявшими всякое соображеніе.

— Слышалъ я... слухи такіе были, что Ѳеклушка съ Иваномъ Кузьмичемъ повѣнчалась... а доподлинно не могу утверждать... люди ложь и я тожь...

— Отъ кого... отъ кого слышалъ?

— И назвать не умѣю... да ихъ попъ Никифоръ вѣнчалъ... у него лучше всего дознайте, Акимъ Спиридоновичъ,—произнесъ Семень, обрадованный случаю свалить свою вину на попа.

— Никифоръ вѣнчалъ! — поднялся, трясясь всѣмъ тѣломъ, Перелѣсковъ:—Никифоръ? Такъ, стало-быть, они здѣсь вѣнчаны?

— Здѣсь, Акимъ Спиридоновичъ... по наслышкѣ-съ... Самъ я на этомъ событіи не былъ, а... по наслышкѣ сказываю.

Перелѣсковъ опустилсѣ въ кресло и тяжело перевелъ духъ.

— Никифоръ!.. Ѳеклушка!.. Кошельковъ!... — срывалось у него съ языка.—Глупо это глупо, Семень!.. Не можетъ этого... да и когда? Когда, я тебя спрашиваю?

— Не знаю я, Акимъ Спиридоновичъ, про ты меня Христа ради. Хошь убей, не знаю...

Перелѣсковъ, тяжело дыша и шатаясь, какъ , добрелъ до столика, на которомъ стоялъ графинъ съ водою, и, расплескивая воду, наполнилъ ею стаканъ.

— Попа сюда!.. Попа!—крикнулъ онъ, поднеся къ рту стаканъ, который звенѣлъ, колотясь объ его зубы.

Семень, подобравъ полы кафтана и творя про себя молитву, въ мгновеніе ока исчезъ за дверью.

На ходу онъ налетѣлъ на Настю, которая, замѣтивъ растрепанность Семена, остановила его вопросомъ:

— Что случилось?

— За Никифоромъ велѣлъ послать, — махнулъ тотъ рукой.

— За какимъ Никифоромъ?

— Да за попомъ... Вѣдь онъ вѣнчалъ Ѳеклушку съ Кошельковымъ...

Настю передернуло.

Она схватила за рукавъ Семена, покушавшагося летѣть дальше, и ошарашила его съ мѣста.

— А ты и сказалъ Акиму Спиридоновичу, что онъ ихъ вѣнчалъ? Ахъ, ты дуракъ, дуракъ!

Въ другое время Семень, пожалуй-бы, и обидѣлся, но въ этотъ моментъ онъ такъ былъ взволнованъ, что даже не замѣтилъ оскорбленія.

— А что?—спросилъ онъ почти съ испугомъ.

— Да рази возможно было Акиму Спиридоновичу сказывать объ этомъ? Гдѣ у тебя голова-то была?

— А я почему зналъ, что можно сказать и что нельзя... Шутъ его зналъ, прости Господи, что Ѳеклушка хозяйина такъ разстроитъ... Посылать сталъ за ней: „привези, говорить... Ѳеклушку-то“... А какъ я ее отъ мужа привезу? Ты тоже дура, я вижу...

— Не твое дѣло сказывать ему о Ѳеклушкиной свадьбѣ... Ну, да ужъ ежели сказалъ, дѣлать нечего... Только-бы поскорѣй Петръ Акимычъ изъ города вернулся!

— И самъ сичасъ вижу, что не мое дѣло, да кто-же его зналъ, что ему Ѳеклушкина свадьба не нравится!.. Да по мнѣ пропади она пропадомъ!

— Ну, и дуракъ!

— Дуракъ и есть! — согласился Семень и тотчасъ-же спохватился:—то-есть, въ какихъ это смыслахъ я дуракъ?

— Да во всѣхъ,—отрѣзала ему Настя,—съ какой стороны тебя ни взять, со всѣхъ—дуракъ.

— Ну, а еще, ты того... не энтого... Много о себѣ воображаешь... Я вижу, гляжу, да и того...

— Что? что, дуралей?—вызывающе посмотрѣла на него Настя.

— Ничего! Тьфу, отвяжись!

Семень помчался за Никифоромъ.

И какъ только исчезъ Семень, Настя нахмурилась и покачала головой.

Она знала, что такое извѣстiе для старика было новымъ ударомъ, который не пройдетъ для него безслѣдно.

— Дай Богъ, чтобы прошло, но едва-ли...

Настя во время отсутствiя Ѳеклушки наблюдала за старикомъ и видѣла, какъ онъ тоскуетъ, не видя возлѣ себя своей „привычки“.

Встрѣчая Настю утромъ, онъ такъ смотрѣлъ на нее, точно ждалъ отъ нея добрыхъ вѣстей о Ѳеклушкѣ...

Взглядъ старикъ былъ, по мнѣнiю Насти, такой жалостливый, что у нее сердце перевертывалось, а порадовать его было нечѣмъ.

Настя, съ одной стороны, даже была довольна, что Акимъ Спиридоновичъ узналъ, наконецъ, настоящее положенiе вещей, и узналъ именно отъ такого дурака Семена, которому во всякомъ случаѣ терять было нечего. какъ раздувалъ онъ кадило. такъ раздувать и останется.

На всякомъ-же другомъ гнѣвъ Перелѣскова могъ отразиться самымъ нежелательнымъ образомъ.

Она радовалась, что старикъ узналъ про Ѳеклушку не отъ нея, не отъ Петра, но тѣмъ не менѣе ей было жаль человѣка, которому нанесли ударъ такъ безжалостно и неожиданно.

Рано или поздно, конечно, Акимъ Спиридоновичъ узналъ-бы правду, но узналъ-бы тогда, когда сталъ-бы забывать Ѳеклушку и, само собою разумѣется, отнесся-бы къ ея свадьбѣ съ Кошельковымъ хладнокровнѣе, чѣмъ теперь.

Настя, какъ чуткая женщина, понимала, что нелегко узна-

вать человѣку про измѣну своей „привычки“, которой онъ не подалъ ни малѣйшаго повода для такой измѣны.

Промѣнная еще Феклушка Перелѣскова на молодого, Акиму Спиридоновичу, такъ думала Настя, было-бы легче перенести потерю, но когда она промѣняла одного только бобра на другого, старику навѣрное было невыносимо тяжело и грустно.

И она заглянула къ нему въ полуотворенную дверь въ кабинетъ.

Старикъ сидѣлъ у окна, опустивъ и голову, и плечи, и тяжело дышалъ.

Видимо, онъ переживалъ тяжелыя муки и отдавался имъ всѣмъ своимъ существомъ, не пытаясь даже ободрить себя надеждой и образумить логикой.

И Настя поняла его, и на ея глазахъ заблестѣли слезы.

Судила она по-женски, но судила вѣрно: у этой развалины, конвульсивно вздрагивавшей остаткомъ потухавшихъ силъ, отняли *все*.

Все! И любимаго сына, и любимую женщину, и разумъ второго и послѣдняго сына!

Остались одни миллионы, да... сознание собственной дряхлости, заброшенности и одиночества.

Никому онъ не дорогъ, никѣмъ не любимъ, никому не нуженъ!

Какъ ни проста была Настя, но и ее охватилъ ужасъ, когда она смотрѣла на этого лишняго на свѣтѣ человѣка, вздрагивавшаго всѣмъ тѣломъ отъ переживаемыхъ имъ мукъ.

А вѣдь и онъ-бы могъ устроить свою жизнь по другому, да гордость и темнота среды не позволили!

И умирай за то заброшеннымъ, покинутымъ и никѣмъ не оплаканнымъ!

И тѣ миллионы, которые онъ, можетъ-быть, броситъ самымъ глупымъ образомъ на благотворительность, не вызовутъ ни въ комъ ни состраданія, ни благодарности...

Жилъ человѣкъ, не признавая людей и презирая ихъ; жилъ заботясь исключительно о самомъ себѣ, и, умирая, выбросилъ подачку, выбросилъ то, что ему становилось не нужнымъ... Заслуга небольшая!..

И у Насти, простой, безхитростной дѣвушки, жившей пока однимъ только сердцемъ, невольно росла жалость къ Акиму Спиридоновичу, прожившему жизнь кое-какъ, безъ всякаго смысла и сознанія, и умиравшему такъ-же нелѣпо, какъ умираютъ тысячи самыхъ зауряднымъ людей, можетъ-быть, даже взявшихъ отъ жизни въ тысячу разъ больше, чѣмъ онъ самъ.

Она хотѣла подбѣжать къ нему, обнять его, утѣшить, заплакать.

На морозѣ, ежась и жалобно визжа, застываетъ никому не нужная и брошенная собачонка.

Сотни людей проходятъ мимо, бросая равнодушные взгляды на замерзающую собаченку, на глазахъ которой стынутъ вызванные страхомъ за свою жизнь слезы; имъ не до собачьяго горя, не до собачьей жизни, очень часто похожей на ихъ собственную. Вотъ останавливается одинъ, у котораго сердце сжимается отъ жалости къ этой несчастной, покинутой собачонкѣ, и собака спасена...

Для собаки, для безсловеснаго животнаго, находится-же въ сердцѣ человѣка жалость, такъ какъ-же не найтись въ немъ для человѣка, угнетеннаго болѣзнями и страданіями?

И Настя бросилась къ Акимъ Спиридоновичу и остановилась.

Старикъ увидѣлъ ее и, вскочивъ съ кресла, пошелъ къ ней навстрѣчу, жестикулируя руками.

— Вотъ видишь... видишь вотъ, — говорилъ онъ, то повышая, то понижая тонъ, — ты ждешь письма отъ ней... отъ Оеклушки... а она замужъ вышла! Замужъ, Настя, а? Не вѣришь ты? И я не вѣрю... А вышла... вышла... за Кошелькова! Ты вѣришь?

И Перелѣсковъ, схвативъ Настю за плечи, заглянулъ ей въ глаза, съ тревогой ожидая отвѣта

Настѣ стало жутко.

— Акимъ Спиридоновичъ...

— Нѣтъ, ты скажи прямо: вѣришь или нѣтъ? Вѣдь ты знаешь Оеклушку? Да! Ну, вотъ... такъ ты и скажи... Этотъ дуракъ Семень смутилъ меня... Попъ Никифоръ, говоритъ, вѣнчалъ... Да ты вѣришь? Ну?

И старикъ такъ сталъ трясти Настю, что та закачалась.

— Нѣтъ... не вѣрю.

— Ну, вотъ! — выпустилъ онъ изъ рукъ плечи Насти. — Ну вотъ и я... тоже не вѣрю... Пока Никифоръ не скажетъ, ничему не повѣрю... За Кошелькова! Оеклушка!.. Скажи... обижалъ я ее? Словомъ какимъ али дѣломъ? Нѣтъ, вѣдь...

— Акромя ласки, Акимъ Спиридоновичъ, никто отъ васъ обиды не видывалъ...

— Ну, вотъ, ну, вотъ, — обрадованно замахалъ руками Перелѣсковъ, — я самъ такъ тоже думалъ... Чѣмъ я ее обидѣлъ? Чѣмъ? — и старикъ, опустившись въ кресло, продолжалъ по-

вторять:—чѣмъ? Чѣмъ? А вышла... Все взялъ... все,—и сына, и... Гдѣ Никифоръ? Дай ты мнѣ его... дай...

Старикъ затопалъ ногами и съ озлобленіемъ посмотрѣлъ на Настю, точно она была виновата въ томъ, что Никифоръ медлитъ своимъ приѣздомъ. Настя и не помнила, какъ она выкатилась изъ кабинета безумствовавшего Перелѣскова.

Она долго стояла, схватившись за голову среди гостиной и собирая мысли, затѣмъ быстро спустилась внизъ, накинула на голову платокъ, а на плечи кофту и черезъ пять минутъ очутилась въ переулкѣ.

Только тутъ, обдуваемая прохладнымъ вѣтеркомъ, она пришла въ себя и остановилась, какъ-будто вспоминая, зачѣмъ она попала на улицу.

У ней болѣла голова, а сердце ныло и замирало отъ тоски.

Этотъ скрипящій, болѣзненный голосъ старика отзывался у ней въ ушахъ, и несомнѣнно только онъ ее заставилъ выбѣжать изъ дома, чтобы не слышать его страдальческихъ нотъ.

Настя сама любила, и при одной только мысли потерять любимаго человѣка ей становилось невыносимо больно и тяжело. Потерять Петра—значить потерять жизнь, не видать ни свѣта, ни радости, не знать никогда утѣшенія...

Старикъ терялъ, по ея мнѣнію, то-же самое, что могла и она потерять, и она поняла его страданія и только тутъ вспомнила, что бросилась за Петромъ...

Придетъ Никифоръ и однимъ словомъ убьетъ старика...

„Надо его предупредить“...—и Настя, взявъ перваго встрѣчнаго извозчика, полетѣла въ городъ, крича неповоротливому бородатому мужику:—ради Христа скорѣй! Что хочешь возьми, только скорѣй ради Создателя!

LXXIII.

Петра не было въ лавкѣ.

Онъ сидѣлъ съ покупателями у Бубнова и лѣниво склебывалъ съ блюдечка чай, когда прибѣжавшій изъ лавки мальчикъ сообщилъ ему, что изъ дома приѣхала читалка Настя и желаетъ его видѣть.

„Ну, что-нибудь съ отцомъ натворилось!—подумалъ онъ съ тревогой.—Ужъ не умеръ ли?“

Петръ извинился передъ покупателемъ и, простившись съ нимъ, чуть не бѣгомъ бросился къ лавкѣ.

На полдорогѣ онъ встрѣтилъ Настю, которой изъ лавокъ, мимо которыхъ она шла навстрѣчу Петру, неслись топорные комплименты молодцовъ.

— Что, Настя? Что случилось?—проговорилъ Петръ, подходя къ ней.

Настя рассказала.

— Да, это отца убьеть,—согласился онъ.—Я сейчасъ же поѣду къ Никифору, а ты поѣзжай домой... Если ты его встрѣтишь, скажи ему отъ моего имени, чтобъ онъ скрылъ отъ папеньки... Можетъ быть, я его ужъ и не застану дома...

Петръ пошелъ на минутку въ лавку, сдѣлалъ на-скоро распоряженія и полетѣлъ къ попу Никифору.

Настя поѣхала домой нѣсколько успокоенная, но, подѣхавъ къ воротамъ, она увидѣла на дворѣ извозчика.

— Кто пріѣхалъ?—крикнула она сторожу, разметавшему тротуаръ.

— А батюшка Никифоръ,—отозвался тотъ, продолжая свое дѣло.

Настя поблѣднѣла.

— Ну, теперича аминь,—прошептала она,—оба мы опоздали!

Она влетѣла въ свою келью, швырнула куда попало кофту съ платкомъ и бѣгомъ бросилась наверхъ.

— Гдѣ отецъ Никифоръ?—спросила она у первой встрѣчной бабы.

— Къ самому въ кабинетъ прошелъ,—отвѣтила та.

— Давно?

— Да только что...

Настя побѣжала къ кабинету, но было уже поздно: дверь кабинета была затворена.

— Ну, будь, что будетъ,—прошептала она и стала дожидаться Петра.

Попъ Никифоръ сначала было удивился, услыхавъ отъ Семена, что его немедленно къ себѣ требуетъ Акимъ Спиридоновичъ, такъ что онъ даже переспросилъ:

— Да меня ли, Симеоне? Голова-то у тебя путаная.

— Тебя, батюшка, будь спокоенъ,—отвѣтилъ тотъ съ увѣренностью,—тебя!

— Не знаешь, зачѣмъ?

Семену хотѣлось сказать: „Еще бы не знать!“—а отвѣтилъ:

— Не могу доподлинно знать... насчетъ служенія, можетъ, какого...

— Ну, какое тамъ служеніе, у него свой попъ есть... Другое что...

— Можетъ, и другое, только поспѣшно просилъ пріѣхать... у меня и извозецъ есть...

— Сейчасъ, сейчасъ,—заторопился тотъ и, собравшись духомъ, полетѣлъ впереди Семена.

„Скажи-ка тебѣ истинную-то,—думалъ Семень, вскакивая вслѣдъ за Никифоромъ на извозчицью „гитару“,—ты, пожалуй, и не поѣдешь... Вотъ, онъ тебѣ покажетъ, какъ его читалокъ съ саратовскими купцами вѣнчать!“.

И Семену даже весело стало отъ такой мысли.

Всю жизнь онъ трепеталъ передъ Акимомъ Спиридоновичемъ, пусть и Никифоръ потрепещетъ! А то онъ, какъ сталъ брюхо растить, ни на кого вниманія не обращаетъ! Забылъ, видно, какъ, бывши пѣвцомъ, забѣгалъ къ нимъ въ молодцовскую и прямо лѣзъ къ нему подъ кровать, гдѣ хранились всякія домашнія наливочки и настоечки, уготованныя щедротами пожилой экономки Прокофьевны. Несмотря на то, что Прокофьевна была дѣвкой-вѣковухой и лицомъ, даже въ младости, никого прельщать не могла,—она, тѣмъ не менѣе, льнула къ молодцамъ и, надѣлая ихъ, тайкомъ отъ хозяина, всевозможными яствами и питіями, ласкала себя надеждой на явно или тайнобрачіе съ однимъ изъ этихъ ненасытныхъ утrobiщъ.

На этой слабой стрункѣ простоватой Прокофьевны вороватые молодцы Акима Спиридоновича въ теченіе многихъ лѣтъ играли какъ по нотамъ и „баловались стекломъ“ за счетъ хозяина, вѣчно ругавшаго свою экономку за то, что всего ужъ „оченно много выходитъ“.

Прокофьевна, по обыкновенію, отругивалась, не признавая, по своему простоумію, за хозяиномъ авторитета, и сулила ему въ глаза за его скупость и жадность „адскую смолу“, въ которой Акимъ Спиридоновичъ, по мнѣнію Прокофьевны, обязательно долженъ вариться, какъ поросенокъ въ кипяткѣ.

Перелѣсковъ, въ концѣ-концовъ, махалъ руками, плевалъ съ презрѣніемъ, изрекалъ: „дура!“ и отходилъ отъ этой дуры, предоставляя ей дѣйствовать попрежнему.

Пѣвцы не пользовались расположеніемъ Прокофьевны, потому что всѣ они были людьми женатыми, и поэтому они для умерщвленія сосавшаго подъ ложечкой червяка должны были дружить съ молодцами и пользоваться ихъ дарами.

Время шло. Пѣвцы выходили сперва въ дьяконы, а затѣмъ въ попы (Перелѣсковскимъ пѣвцамъ въ этомъ отношеніи больше другихъ счастливилось) и, являясь уже въ „санѣ“ въ домъ Акима Спиридоновича, конечно, не лазили больше къ молод-

цамъ подъ кровати и относились къ нимъ самимъ не по-прежнему.

Какой-то простоватый молодецъ, бывший въ особенно пріятельскихъ отношеніяхъ съ пѣвцомъ, отправился къ нему на „духъ“, когда того сдѣлали попомъ.

И гонялъ этотъ пріятель молодца на „духу“ часа полтора, такъ что тотъ взмокъ, какъ ошпаренная курица, а, явившись домой, только и могъ сказать:

— Сколь мы съ нимъ одной черносмородиновки выпили, и все прахомъ пошло! Замѣсто благодарности-то по всему „потребнику“ гонять началъ!...

И у Семена, знавшаго Никифора пѣвцомъ и теперь поднявшаго передъ нимъ носъ на аршинъ кверху, невольно являлось злорадство; онъ былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что Акимъ Спиридоновичъ собьетъ съ Никифора гордость и покажетъ ему, какъ вѣнчать читалокъ безъ спроса хозяина.

Никифоръ, удивившійся сперва неожиданному вызову его Перелѣсковымъ, теперь, подпрыгивая и переваливаясь во всѣ стороны на извозничьей „гитарѣ“, пришелъ къ тому заключенію, что на что-нибудь онъ ему нуженъ; свадьба Ѳеклушки съ Кошельковымъ ему даже и на мысль не пришла, потому что о ней всѣ уже давно знали,—не могъ не знать, слѣдовательно, и Акимъ Спиридоновичъ. Да и что такое, собственно говоря, представляетъ изъ себя Ѳеклушка? Простая читалка-дѣвка, съ разнузданными страстями и очень печальной репутаціей. Добиться благосклонности Ѳеклушки не представляло никому особеннаго труда, и только человекъ, совершенно не знавшій ее, какъ, напримѣръ, Иванъ Кузьмичъ Кошельковъ, могъ, ничтоже сумняшеся, прикрыть всѣ ея прегрѣшенія своимъ именемъ. Онъ не зналъ, конечно, многого, не зналъ, что Ѳеклушка для старика-Перелѣскова стала такой „привычкой“, безъ которой онъ не могъ жить...

Разумъ съ лѣтами утрачивалъ, разумѣется, свою, выражаясь купеческимъ языкомъ, „кредитоспособность“, „эластичность“; старикъ, волей-неволей становясь рамоликомъ, начиналъ по дѣтски плакать и терзаться объ игрушкѣ-Ѳеклушкѣ. Никифоръ этого не зналъ, не понималъ, и вотъ почему, войдя въ темный подъѣздъ Перелѣсковскаго дома, онъ съ веселымъ видомъ направился въ кабинетъ Акима Спиридоновича.

Перелѣсковъ сидѣлъ у стола и что-то бормоталъ, когда въ дверяхъ показалась фигура Никифора.

— Дверь... дверь за собой запри!—крикнулъ ему старикъ, и, поднявшись съ трудомъ съ кресла, облобызался съ гостемъ.

— Да вы сидите, многоуважаемый, сидите,—говорилъ Никифоръ, опуская бережно въ кресло Акима Спиридоновича и самъ садясь противъ него.—Какъ ваше драгоценное здоровье?

— Плохо... Плохо!—махнулъ тотъ рукой.—Одышка вотъ вдругъ... Воздуху мало... Силь нѣтъ...

— Богъ дастъ, оправитесь... Чаю, что молодцомъ воспрянете!—улыбнулся Никифоръ.—И немощи, и здравіе—все отъ Вседержителя...

— Нѣтъ ужъ... Плохо!—отвѣтилъ тотъ.

— Уповайте, Акимъ Спиридоновичъ! Уповайте!

Наступило короткое молчаніе. Никифоръ кашлянулъ и спросилъ:

— Присылать за мной изволили?

— Да... да... Видишь ли, слухи тутъ пошли... глупые!

Перелѣсковъ поднялъ голову и уставился на продолжавшаго улыбаться Никифора.

— Слухи-съ? Это на счетъ чего же собственно, Акимъ Спиридоновичъ?

— Глупые слухи пошли тутъ про тебя...

— Про меня?—удивился тотъ.

— Да, да... будто ты вѣнчалъ мою Оеклушку съ Кошельковымъ... Нонче я только услыхалъ объ этомъ и за тобой послалъ...

У Никифора точно что заскребло на сердцѣ.

Неужто онъ не зналъ до сей поры объ этомъ? Почему не зналъ?

Никифоръ посмотрѣлъ на осунувшееся лицо Перелѣскова, на его лихорадочно сверкавшіе глаза и не зналъ, что сказать.

— Ты что же молчишь?—рѣзко выкрикнулъ Акимъ Спиридоновичъ.—Вѣнчалъ ихъ или нѣтъ?

— Вѣнчалъ...—отвѣтилъ Никифоръ несвоимъ голосомъ.

— Оеклушку? Съ нимъ? Съ этимъ?

— Съ Кошельковымъ, Акимъ Спиридоновичъ...

— Вѣнчалъ!

Старикъ схватился дрожавшей рукой за лобъ и растерянно повелъ глазами по стѣнѣ.

— Вѣнчалъ! Оеклушку! Съ Кошельковымъ! Съ грабителемъ!.. А ты... ты...—Перелѣсковъ приподнялся съ кресла и оперся лѣвой рукой на столъ. Видъ его былъ ужасенъ: онъ весь дрожалъ, тряслась борода, а правая рука то схватывала конвульсивно грудь, то искала въ воздухѣ поддержки...

Никифоръ тоже вскочилъ со стула и затрепеталъ всѣмъ своимъ существомъ отъ страха.

— А ты... ты...—шипѣлъ Перелѣсковъ, которому, очевидно, стоило неимовѣрныхъ трудовъ говорить, — ты... пришелъ... спросилъ меня?

Никифоръ попятился и ударился о стѣнку.

— Я къ владыкѣ... сейчасъ къ владыкѣ!—грозилъ указательнымъ перстомъ Перелѣсковъ, брызжа слюной.—Чтобъ твоего духу не было... Какъ ты смѣлъ?

— Благодарѣтель! Акимъ Спиридоновичъ!—взмолился Никифоръ, прося всякое самообладаніе.—Въ чемъ же суть моя вина? Пришла сама Ѳеклушка и объявила мнѣ, что желаетъ усладить старость Ивана Кузьмича и выйти за него... Сама Ѳеклушка, Акимъ Спиридоновичъ!.. Могъ ли я ожидать чего-нибудь подобнаго?

— Сама пришла? Сама?

— Какъ передъ Богомъ говорю... еще я спросилъ,—знаетъ ли, молъ, про то Акимъ Спиридоновичъ?—прилгнулъ „во спасеніе“ Никифоръ.—„А ему, говоритъ, до меня какое дѣло? Что я крѣпостная его, что ли? Хочу—у него живу, не хочу—никто меня къ тому не приневолить!..“

— Ахъ, вотъ какъ... вотъ!—бормоталъ уничтоженный Перелѣсковъ.—Мало ей было... всего мало...

— Да она, Акимъ Спиридоновичъ, и вышла-то въ той надеждѣ, что Кошельковъ, по старости своихъ лѣтъ, въ скорѣйшемъ времени ей развязку дастъ,—продолжалъ прилыгать Никифоръ, видя въ одной только этой невинной лжи свое спасеніе.

Перелѣскова всѣ боялись, и самимъ ихъ „владыкой“ онъ помыкалъ, какъ хотѣлъ.

Для него, для Акима Спиридоновича, этотъ обезличенный „владыко“ не только его, Никифора, а и всѣхъ московскихъ поповъ въ двадцать четыре часа „отрѣшить“ съ удовольствіемъ.

Надо было спасать свою шкуру, за которую онъ самъ, въ данный моментъ, не давалъ даже сломаннаго гроша!

И Никифоръ спасалъ ее, „прилыгая“ и не сознавая, что своимъ прилыганьемъ „во спасеніе“ онъ точно ножами рѣжетъ и безъ того уже убитаго Акима Спиридоновича.

— Тварь! Подлая, неблагодарная тварь!—продолжалъ грозить костлявою рукой Перелѣсковъ.—Все... ничего не жалѣлъ... миллионъ не пожалѣлъ бы... Тварь!.. А этого... грабителя... слышишь?.. Я съ нимъ... рассчитаюсь... Когда это... когда?..

— Вѣнчанье было? Да наканунѣ отъѣзда Ивана Кузьмича, Акимъ Спиридоновичъ... какъ имъ изъ Москвы ѣхать... А можетъ, и въ самый день... торопились ужъ они оба очень...

— А, торопились! Боялись! Меня боялись!.. А ты... это помни... помни, попъ! Не прощу я...

— Благодѣтель! Акимъ Спиридоновичъ!—задрожалъ Никифоръ,—ни въ чемъ тутъ моей вины нѣту... Мало ли ко мнѣ ходитъ вѣнцомъ прикрыться? Рази возможно о всѣхъ хозяевъ спрашивать? Вы разсудите по божески, Акимъ Спиридоновичъ: приходитъ дѣвка, всѣмъ завѣдомо гнуснаго поведенія...

— Ѳеклушка?!

— Ѳеклушка, Акимъ Спиридоновичъ... безо всякой совѣсти дѣвка... у васъ пѣлъ, такъ зналъ всю ея подноготную... Всѣхъ она у васъ въ домъ путала... Петръ Акимычъ, можетъ, только ея избѣгнулъ, а другіе прочіе поддавались ея чарованіямъ... и зѣло поддавались...

— Уходи! Уходи!—вскрикнулъ вдругъ визгливымъ голосомъ Перелѣсковъ и пошелъ къ Никифору.

Никифоръ попятился влѣво и, очутившись у дверей, отвѣсилъ Акиму Спиридоновичу поклонъ.

— Уходи!..

Никифоръ давно уже ушелъ, надѣвъ второпяхъ кое-какъ свой балахонъ, и съѣхалъ со двора, а Акимъ Спиридоновичъ все стоялъ въ открытыхъ дверяхъ и, грозя пустынной амфиладѣ комнатъ, говорилъ, не переставая:

— Уходи!.. Вонъ отсюда! Уходи!..

LXXIV.

Петръ, не заставъ дома Никифора и узнавъ, что онъ поѣхалъ къ нимъ съ молодцомъ Семеномъ, сообразилъ, что теперь — кончено и отецъ уже знаетъ все, что отъ него такъ тщательно скрывали.

Только въ эти минуты онъ понялъ, почему такъ ненавидѣлъ Ѳеклушку, внесшую въ ихъ домъ одно только непоправимое зло.

По лицу Насти, встрѣтившей его, онъ уже зналъ все и, не говоря съ ней ни слова, съ разстроеннымъ лицомъ и тревогой въ душѣ поспѣшилъ къ отцу въ кабинетъ. Акима Спиридоновича онъ засталъ въ возбужденномъ состояніи.

Старикъ бормоталъ, размахивая руками, и переходилъ, пошатываясь, отъ окна къ столу и обратно.

Сына онъ не замѣтилъ и даже не слышалъ его зова, и только когда Петръ силою усадилъ его на длинный диванъ

съ кожаной спинкой, онъ какъ-будто пришелъ въ себя и пересталъ бормотать.

— Папенька, вы нездоровы!..—проговорилъ Петръ, прикладывая руку къ горячему лбу отца.

— Голова... немножко голова болитъ... ничего... пройдетъ... голова только,—отвѣтилъ Перелѣсковъ, закрывая глаза, какъ-будто вспоминая какую-то очень важную, но позабытую имъ мысль.

— Папенька, я пошлю за докторомъ...

— Не надо... докторъ не Богъ... только деньги имъ платить зря... не надо... вотъ я прилягу лучше... подушку-бы!..

Петръ сбѣгалъ въ спальню за подушкой и, осторожно снявъ съ отца кафтанъ, уложилъ Акима Спиридоновича на диванъ.

— Не надо... пройдетъ, — говорилъ онъ, открывая глаза и бросая на сына острый и блестящій взглядъ. — Сосну, и пройдетъ...

Петръ накрылъ отца кафтаномъ и стоялъ въ нерѣшительности.

— Часа черезъ два разбуди... Слышишь?

— Слышу, папенька...

— А тамъ мы съ тобой и поговоримъ... Надо много, Петръ, много еще надо сдѣлать... Вотъ, не вспомню сейчасъ, что я хотѣлъ.

— Послѣ вспомните, а теперь усните...

— Да, это лучше... послѣ... да... иди, Петръ!—старикъ снова закрылъ глаза, а Петръ, довольный, что отецъ самъ захотѣлъ отдохнуть, вышелъ тихо изъ кабинета и затворилъ осторожно дверь.

— Ну, что онъ?—шепотомъ встрѣтила его Настя.

— Прилегъ отдохнуть,—отвѣтилъ тотъ и потянулъ Настю за рукавъ.

Пройдя двѣ-три комнаты, они сѣли у окна и взглянули другъ на друга.

У нихъ одновременно мелькнула одна и та же мысль:

„А что, если вдругъ умретъ Акимъ Спиридоновичъ?“

У Петра тоскливо заняло сердце, а у Насти навернулись на глаза слезы. И они не произнесли ни слова, а сидѣли, не двигаясь, молча и думая каждый по своему грустныя думы.

Смеркалось уже, когда Петръ вскочилъ вдругъ съ мѣста и посмотрѣлъ на часы.

— Пора будить... я пойду...

— Зачѣмъ, милый?

— Велѣлъ черезъ два часа, а теперь ужъ три прошло.

— А ежели спить, не буди... можетъ, сномъ изъ его головы Ѳеклушкина подлость вылетитъ.

Петръ тихими шагами подошелъ къ кабинету и отворилъ дверь. Старикъ лежалъ въ той-же позѣ, въ какой оставилъ его Петръ.

„Какъ спить спокойно,—обрадованно подумалъ онъ.— Будить или нѣтъ?“

Онъ вернулся къ Настѣ.

— Подожду еще полчаса... ужъ очень спить сладко...

— И Христось съ нимъ... пушай спить, а я побѣгу насчетъ самовара распорядиться... Какъ встанетъ, сейчасъ-же чаю запросить.

Петръ остался одинъ, нетерпѣливо поглядывая на часы.

Онъ слышалъ, какъ въ столовой загремѣли чашки, и видѣлъ мелькнувшую рубаху дворника, который, топоча немилосердно подбитыми гвоздями сапожищами, протащилъ въ столовую самоваръ.

„Пора и разбудить, а то, пожалуй, сердиться станетъ,— подумалъ Петръ и направился къ кабинету.— Переспить, а потомъ всю ночь по дому пробродить отъ бессонницы...“

Съ Акимомъ Спиридоновичемъ это бывало часто, въ особенности въ послѣдніе годы, и онъ всегда свою бессонницу сваливалъ на людей, позабывшихъ днемъ разбудить его вовремя.

Петръ вошелъ въ кабинетъ уже безъ всякой осторожности и подошелъ къ спавшему старику.

— Папенька, пора вставать!—проговорилъ онъ сперва тихо, затѣмъ — громче и нагнулся къ подушкѣ, въ которой точно утонула голова отца.

Акимъ Спиридоновичъ не двигался.

Настя, разставивъ чашки, заварила чай и поставила пузатый чайникъ на конфорку самовара, чтобъ настой былъ гуще.

Покончивъ съ этимъ, она только-что хотѣла отправиться въ кабинетъ съ докладомъ о томъ, что чай готовъ, какъ увидела Петра, молча махавшаго ей рукой.

Подойдя поближе къ нему, она прочитала на его лицѣ испугъ.

— Странно, Настя,—заговорилъ Петръ.— Отецъ не просыпается...

Настя вздрогнула.

— Я и звалъ его, и за плечи трясъ,—словно мертвый... У меня голова закружилась... Поди туда... къ нему... буди!

Петръ подошелъ въ окно, открылъ его и жадно потянулъ въ себя воздухъ.

Совсѣмъ уже темнѣло... Изъ далекаго монастыря доносился меланхолическій звонъ колоколовъ; въ темно-синемъ небѣ загорались звѣздочки...

„Не просыпается! — думалъ Петръ про себя. — Господи, неужто умеръ?“

Позади раздались торопливые шаги Насти, вышедшей въ столовую по свѣчей въ рукѣ. Лицо ея было блѣдно, губы дрожали ..

— Разбудила, Настя? — бросился къ ней Петръ. — Да говори-же, ради Бога!..

Настя поставила свѣчу на столъ, обняла Петра и заплакала.

Петръ понялъ.

— Умеръ! Умеръ!.. Господи, что-же это такое?

И онъ, какъ безпомощный ребенокъ, увидавшій во снѣ что-то страшное, цѣплялся за руки Насти и спрашивалъ:

— Настя! Что-же это такое? Что намъ дѣлать, Настя?..

Похороны Акима Спиридоновича были пышныя. Всѣ прилегающіе къ дому Перелѣскова переулки были сплошь заставлены экипажами купечества, явившагося отдать послѣдній долгъ покойному. Въ домъ, несмотря на громадное помѣщеніе, было душно.

Петръ бродилъ растеряннымъ, и если-бъ не Настя, входившая во всѣ мелочи по похоронамъ, покойнаго схоронили-бы кое-какъ.

Явилась масса родственниковъ, большинство которыхъ Петръ видѣлъ въ первый разъ въ жизни, давали ему совѣты, одинъ другого глупѣе, и Петръ тотчасъ-же передавалъ ихъ Настѣ, самъ отлично сознавая, что чѣмъ больше онъ слышитъ всевозможныхъ совѣтовъ, тѣмъ меньше ихъ понимаетъ.

Настя выслушивала Петра молча, кивала головой и дѣлала совсѣмъ не такъ, какъ ей приказывалъ Петръ.

И Петръ этого не замѣчалъ, потому что былъ убитъ горемъ и глубоко страдалъ, потерявъ отца.

Онъ весь ушелъ въ это горе и машинально дѣлалъ все, что дѣлали другіе, или молча, или отвѣчая на вопросы односложными „да“ и „нѣтъ“.

Настя положительно подъ собой ногъ не чувствовала и,

не обращая вниманія на косые взгляды родственниковъ и служащихъ покойнаго Акима Спиридоновича, распоряжалась именемъ Петра Акимовича.

„Поплакать-то я всегда успѣю,—думала она своимъ женскимъ разумомъ,—а вотъ похоронить старика по-христіански безъ меня некому... Будь еще тутъ Трофимъ Акимычъ, я бы ему покойника съ рукъ на руки передала, а Петру Акимычу не до хлопотъ: отца вѣдь родного, голубчикъ мой, потерялъ!..“

И Настя бѣжала внизъ, громко и властно отдавая приказанія и торопилась снова бѣжать наверхъ и взглянуть на Петра Акимыча, который или стоялъ у гроба, всматриваясь въ суровыя черты умершаго, или сидѣлъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ, опустивъ голову на грудь...

Во время панихидъ Настя совала ему въ руки зажженную свѣчу, а послѣ напоминала ему о томъ, чтобы онъ шелъ въ столовую—угощать чаемъ присутствующихъ.

И Петръ шелъ безъ протеста и дѣлалъ все такъ, какъ говорила ему Настя.

Онъ не плакалъ и все, что вокругъ него совершалось, считалъ тяжелымъ, отвратительнымъ сномъ.

Настя, разумѣется, его понимала и, скорбя только о немъ, ни на часъ не упускала его изъ виду и руководила имъ, какъ малымъ ребенкомъ.

Молодцы, и въ особенности старшіе приказчики, сначала съ большимъ неудовольствіемъ отнеслись къ распоряженіямъ читалки, не игравшей въ ихъ домѣ замѣтной роли и остававшейся больше въ тѣни,—не такъ, какъ Феклушка, которая старалась афишировать свое вліяніе и на Акима Спиридоновича и на Трофима,—и даже стали огрызаться и указывать ей подобающее мѣсто. Тогда Настя, не входя съ ними въ пререканія, заставила Петра сойти внизъ и сказать то, что она ему подсказала, т.-е. дѣлать все, что прикажетъ имъ Настя отъ его, Петра, имени. И молодцы смирились. Посылая въ душѣ ко всѣмъ чертямъ новое начальство, въ которомъ они смутно чужали силу, они дѣлали все по ея желанію, съ нѣкоторою даже заискивающей внимательностью и предупредительностью.

И только поэтому похороны Акима Спиридоновича вышли торжественными, согласно съ его общественнымъ и матеріальнымъ положеніемъ.

Старшіе приказчики, зная скупость покойнаго и помня, какъ онъ осуждалъ всѣхъ и вся за излишество въ церемоніяхъ, пробовали ставить Настю на видъ, что ея распоряженія стоятъ черезчуръ большихъ денегъ, въ которыхъ, потомъ, пожалуй,

потребуется отчета тотъ же убитый горемъ Петръ Акимовичъ, но она даже не отвѣчала на это, а говорила: „дѣлайте такъ, какъ я говорю, это Петра Акимыча желаніе...“

За эти три дня съ момента смерти Акима Спиридоновича Настя страшно измѣнилась, она почти не спала и только думала о томъ, чтобы все хорошо было и чтобы потомъ никто не посмѣлъ бы осудить Петра Акимыча за какое-либо упущеніе.

Она похудѣла и осунулась и, кажется, не похоронили они Акима Спиридоновича на четвертый день, — Настя свалилась бы съ ногъ отъ усталости и нервнаго напряженія.

И она съ облегченіемъ перекрестилась, когда опустили въ могилу Перелѣскова, сознавая, что вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ актомъ погребенія кончились и ея мытарства и непосильныя заботы.

Ни Трофима, ни Кошелькова на похоронахъ не было. Настя часъ спустя послѣ кончины старика заставила Петра послать депешу съ печальнымъ извѣстіемъ.

Отвѣта на эту депешу получено не было. Настя ждала его самого на похороны и уговаривала Петра отложить ихъ еще на сутки, чтобы не было послѣ со стороны Трофима нареканій на брата, но Петръ, выслушавъ равнодушно, какъ и все, что ему говорили, предоставилъ рѣшеніе этого вопроса духовнику Акима Спиридоновича.

И Перелѣскова похоронили въ отсутствіе старшаго сына и свата.

Трофимъ, очевидно, разставшись навсегда съ живымъ отцомъ, не захотѣлъ видѣть его мертвымъ и упорно молчалъ на извѣстіе брата.

Петру было не до Трофима; весь поглощенный личнымъ горемъ, онъ вспомнилъ о братѣ тогда уже, когда въ кладбищенской гостиницѣ стали поминать покойника блинами и янтарною ухой.

Случилось какъ-то такъ, что никто даже и не спросилъ его о причинѣ отсутствія Трофима. А, можетъ быть, и спрашивали, да онъ не слышалъ, — все это возможно и естественно.

„Навѣрное, Трофимъ еще не оправился отъ болѣзни и не могъ пріѣхать, — подумалъ Петръ, рассматривая сидѣвшаго противъ него за столомъ краснолицаго купца съ прямымъ пробормомъ, который, шурясь и переваливая во рту куски стерляди съ лѣвой стороны челюстей на правую, съ большимъ аппетитомъ кушалъ уху, — но почему онъ не отвѣтилъ на мою депешу?“

Похоронивъ отца, Петръ, точно проснувшійся послѣ долгой

летаргіи челоуѣкъ, началъ сознавать, что онъ живъ, способенъ мыслить и интересоваться не только лично его касающимися вопросами, но и окружающими лицами.

Челоуѣкъ жилъ и умеръ. И пока онъ находится возлѣ тебя, лежитъ бездыханнымъ трупомъ на твоихъ глазахъ,—острая боль утраты терзаетъ сердце и не даетъ ни одной свободной минуты для того, чтобы отдаться другимъ ощущеніямъ, другому теченію мыслей. Но разъ этого челоуѣка уже нѣтъ больше на глазахъ, разъ сознаешь, что ему нѣтъ возврата туда, гдѣ ты привыкъ его видѣть, слышать и чувствовать,—въ тебѣ совершается реакція: сперва овладѣваетъ тобою какое-то тупое равнодушіе ко всему, даже къ самому себѣ, а затѣмъ, не чувствуя болѣе острыхъ припадковъ душевной боли, начинаешь присматриваться къ окружающему и прислушиваться къ гулу голосовъ, напоминающему гудѣніе шмелей. Сперва этотъ гулъ кажется неяснымъ и мало интереснымъ для твоего слуха и вниманія; но затѣмъ, мало-по-малу, начинаешь слышать отдѣльныя слова, и твое любопытство, твой просыпающійся интересъ къ мелочамъ жизни заставляють связывать ихъ въ нѣчто цѣлое и стройное и понимать значеніе и смыслъ сказаннаго.

Съ Петромъ было то же самое... Уловивъ смыслъ происшедшихъ вокругъ него разговоровъ, онъ невольно вернулся къ жизни, которую не остановишь ничѣмъ, и вспомнилъ о братѣ.

А, вспомнивъ о братѣ, онъ вспомнилъ и о самомъ близкомъ ему существѣ—Настѣ. Гдѣ она?

Настя сидѣла почти напротивъ него, слѣдя за каждымъ его движеніемъ. Покрытая чернымъ платкомъ, изъ-подъ котораго выбивались ея чудные, шелковистые волосы, съ блѣднымъ, утомленнымъ лицомъ, носившимъ на себѣ слѣды слезъ и усталости, она плохо слушала рѣчи сидѣвшаго рядомъ попа Никифора, того самаго Никифора, который, по ея мнѣнію, убилъ откровенностью старика Перелѣскова, и почти не сводила глазъ съ Петра.

И когда Петръ, просынаясь отъ летаргіи и блестя оживленными глазами, сталъ искать Настю, Настя чуть не вскрикнула отъ радости...

Она видѣла, какъ его глаза тревожно бѣгали по столамъ и лицамъ поминавшихъ покойника, ища Настю тамъ, гдѣ ея не было, и какъ эти глаза освѣтились какимъ-то особеннымъ свѣтомъ, когда они, наконецъ, встрѣтились съ ея глазами.

„Вотъ ты гдѣ!“—говорили его глаза, и на губахъ Петра мелькнула радостная улыбка.

И Настѣ хотѣлось вскочить, бѣжать къ нему, обнять его кудрявую голову и сказать ему все, что только она чувствуетъ: — Милый ты мой! Сиротинушка моя золотая!.. И пожалѣть-то тебя, кромѣ меня, некому.

LXXV.

Прошла недѣля со дня похоронъ Акима Спиридоновича.

Петръ возился съ утвержденіемъ духовнаго завѣщанія, по которому покойный Перелѣсковъ все свое состояніе завѣщалъ Петру, предоставивъ ему выдать, по его усмотрѣнію, небольшія суммы служащимъ и бѣднымъ родственникамъ. Ѳеклушку, впрочемъ, онъ выдѣлилъ изъ сонма послѣднихъ и въ видѣ награды за ея „попеченія“ завѣщалъ ей тысячу рублей.

„Ахъ, папенька, папенька!—вздыхнулъ Петръ, читая завѣщаніе,—не зналъ ты, когда это писалъ, что у Ѳеклушки теперь своихъ милліоновъ дѣвать некуда! За насмѣшку даже твою „награду“ сочтеть и нехорошимъ словомъ тебя помянетъ!“

Въ лавку Петръ заѣзжалъ на короткое время, а вечера, какъ и всегда, просиживалъ дома.

Всѣхъ служащихъ, лѣзшихъ къ нему съ различными запросами, онъ отсылалъ къ Настѣ...

И всѣ шли къ Настѣ и передавали ей съ улыбочками то, что слышали отъ Петра.

Настя видѣла эти улыбочки, понимала, какими глазами на нее всѣ смотрятъ и что говорятъ за спиной.

Это ее глубоко возмущало, и она рѣшила какъ можно скорѣе выйти изъ фальшиваго положенія, въ которое ее поставили обстоятельства.

Послѣ панихиды въ девятый день Петръ вернулся домой и нашель у себя телеграмму отъ Трофима.

Трофимъ извѣщалъ брата, что, къ глубокому огорченію, онъ былъ въ отъѣздѣ и поэтому не могъ пріѣхать на похороны отца. Вернувшись же домой и прочитавъ депешу Петра, онъ тотчасъ же собрался и сегодня выѣзжаетъ въ Москву.

„Ну, хоть на могилку папеньки сходить и помолится“,—подумалъ Петръ, очень довольный, что скоро увидитъ Трофима, обиды котораго онъ успѣлъ уже позабыть.

Петръ спустился внизъ и осмотрѣлъ помѣщеніе Трофима. Тамъ все оставалось попрежнему, и во всѣхъ комнатахъ царила изумительная чистота.

„Это все Настя,—подумалъ съ улыбкой Петръ,—обо всемъ, голубка моя, позаботилась... Когда Трофимъ здѣсь жилъ, такъ такой чистоты никогда не было...“

Держа депешу брата въ рукахъ, онъ прошелъ въ „келью“ Насти.

Настя стояла у открытаго сундука и укладывала въ него свои вещи.

Увидѣвъ Петра, она смутилась и торопливо захлопнула крышку.

Петръ растерянно посмотрѣлъ на открытый шкафъ, въ которомъ обыкновенно находилось платье Насти и который теперь былъ пустой.

— Настя, что это такое?—спросилъ онъ, переводя взглядъ со шкафа на Настю и обратно.

Настя молчала.

И Петра вдругъ словно освѣтило. Онъ поблѣднѣлъ и моментально очутился возлѣ Насти.

— Ты что же это? Бросить меня хочешь?—скорѣе прошепталъ, чѣмъ проговорилъ, Петръ, схвативъ ея дрожавшія руки,—уѣхать? Тайкомъ, какъ воръ? Что я тебѣ сдѣлалъ, Настя? Разлюбилъ? Нѣтъ! Люблю съ каждымъ днемъ все больше, Настя! Обидѣлъ чѣмъ? Ахъ, да говори же, ради Христа... не мучь ты меня... я и такъ замученъ...

И Петръ увидѣлъ, какъ изъ глазъ Насти покатались по лицу крупныя слезы и какъ она, сдерживая рыданія и вздрагивая плечами, закрыла руками лицо.

— Я... я не знаю, что это такое?—бормоталъ совсѣмъ уничтоженный Петръ, комкая въ рукахъ депешу Трофима,—если бъ только зналъ... если бъ только зналъ...

— Петръ Акимычъ,—произнесла Настя, глотая слезы,—не осуждай... и люблю тебя, и жалѣю, а не слѣдъ мнѣ теперича оставаться здѣсь...

— Вотъ какъ! Спасибо, Настя! Спасибо!—развелъ руками Петръ,—теперь ты не хочешь оставаться здѣсь? Теперь? Да развѣ я другимъ сталъ, Настя? Нѣтъ, ты рехнулась... ты... нездорова, Настя... Меня бросишь? Меня, который ничего для тебя не пожалѣетъ... Убей меня лучше... вотъ ножъ, Настя... убей... ради Бога...

— Петръ Акимычъ!

— Я для тебя не Петръ Акимычъ... Я рабъ твой... Слышишь, Настя? Рабъ, а ты... Нѣтъ, этого не будетъ... Не будетъ, я тебѣ говорю, не будетъ...

— Голубчикъ мой! Золотой!—схватила Настя за руки Петра,

которыя уже начали выбрасывать изъ сундука вещи на полъ,—
выслушай ты меня, глупую...

— Говори, Настя, говори... Я только этого и желаю,—от-
вѣтилъ Петръ, тяжело дыша и отирая холодный потъ со лба,—
вотъ это хорошо будетъ... И я пойму тебя, и все кончится...

— Золотой мой!.. Отпусти меня! Ради Создателя, отпусти!..

— Ты что же?.. Оеклушкой, значить, хочешь быть?

Настя даже пополовѣла вся.

— Такой тварью, Петръ Акимычъ, я никогда не была и не
буду. Напрасно ты меня этими словами обижаешь...

— Прости, Настя... Вѣдь я... разумъ потерялъ... Одна только
у меня радость въ жизни осталась, это ты... одна... послѣдняя,
Настя... и ты хочешь отнять... Это подло съ твоей стороны...
низость, Настя, низость... Никогда ты меня, значить, не
любила...

— Я? Я тебя не любила?—обвила та руками шею Петра.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ!... Кого любятъ, того не бросаютъ...
Лучше ножъ въ сердце, чѣмъ бросить любимаго человѣка...

— А ты знаешь, чѣмъ я кончу?—говорила Настя, прижи-
маясь пылающею щекой къ Петру,—тѣмъ же ножомъ, можетъ...
Вѣдь ты не знаешь этого, золотой..

— Зачѣмъ? Скажи, Настя, зачѣмъ?

— Ахъ, Петръ Акимычъ!.. Неужто ты не видишь ничего?
Я простая дѣвка, деревенская, но и у меня тоже своя честь
есть... Не вынесу я, чтобъ на меня всѣ какъ на Оеклушку
глядѣли... Ты, вотъ, со всякимъ дѣломъ и всѣхъ, кого ни по-
пада, ко мнѣ отсылаешь... „Настя скажетъ! Настя прикажетъ!
Настя распорядится!“ А кто эта Настя для того человѣка,
котораго ты ко мнѣ присылаешь? Дѣвка-читалка... А у тебя
старшіе приказчики есть...

Петръ вспыхнулъ и обругалъ себя въ душѣ за то, что ни
разу не подумалъ о томъ, какъ будутъ относиться къ Настѣ
тѣ, кого онъ посылалъ къ ней... „Что она мнѣ? Жена? Нѣтъ!..
А между тѣмъ я заставилъ ее играть роль хозяйки и, конечно,
краснѣть за эту незаслуженную ею роль“.

Дѣлалъ все попросту, не думая и не обдумывая того, что
дѣлаешь или хочешь сдѣлать.

Только теперь онъ понялъ, почему глубоко возмущенная
Настя собирается уѣхать...

И какъ еще она раньше не уѣхала? И онъ бы страдалъ,
колотился головой о стѣну и ругалъ себя дуракомъ и идиотомъ.
И все это потому, что не видѣлъ жизни, сидя въ четырехъ-
стѣнахъ Перелѣсковскаго монастыря, не зналъ людей, и самъ,

точно каторжный, прикованный къ тачкѣ, ждалъ, страдая, освобожденія. Всѣ его думы, всѣ помыслы были сплошнымъ эгоизмомъ, которымъ жили и его отецъ, и братъ, и всѣ, кого онъ только зналъ.

Прежде о себѣ, а люди... подождутъ! Да и до нихъ ли, когда страдаютъ ежедневно свои собственные интересы?

О себѣ лично не хватаетъ времени думать и дѣйствовать, поневолѣ эти тѣ, другіе люди, не придутъ на умъ и не вызовутъ ни сочувствія, ни размышленій!

Петру стало стыдно и больно... больно до слезъ, до отчаянія.

Настя сидѣла, облокотившись на столъ, и молча вытирала слезы.

Петръ подобралъ валявшіяся вещи на полу, швырнулъ ихъ въ шкафъ, заперъ на ключъ и положилъ этотъ ключъ въ карманъ.

— Настя! Милая моя Настя!—проговорилъ онъ виновато, не смотря на нее,—прости ты меня, что я забылъ, многое забылъ, о чемъ долженъ былъ помнить.

— Ни въ чемъ ты не виновата, золотой...

— Нѣтъ, мнѣ лучше знать... Мнѣ лучше, Настя, знать, виновата я или нѣтъ, и я... искуплю свою вину... только ради Христа дай ты мнѣ слово... не уѣзжай, пока я тебѣ не скажу: „уѣзжай, Настя!..“

— Для чего это, Петръ Акимычъ? Не нонче — завтра, все равно я уѣду...

— Завтра? Ну, завтра... только не сегодня... а тамъ — дѣлай, что хочешь...

Петръ подошелъ къ Настѣ и нагнулся.

Она порывисто схватила его за голову и, плача, стала осыпать его поцѣлуями.

Какъ въ туманѣ вышелъ Петръ изъ кельи Насти, молча одѣлся и вышелъ за ворота. Изъ города возвращались молодцы. Они кланялись Петру, но онъ не замѣчалъ ничего и, дойдя до конца переулка, взялъ извозчика.

Было уже темно, когда вернулся домой Петръ Акимовичъ. И вернулся не одинъ, а съ своимъ духовникомъ, о. Тимоѳеемъ.

Встрѣтившая ихъ баба съ нѣкоторымъ удивленіемъ посмотрѣла на о. Тимоѳея, который, покашливая, конфузливо оправлялъ рукава своего кафтана.

— Въ кабинетъ папенькинъ пожалуйста, отецъ, — пригласилъ его Петръ и велѣлъ бабѣ позвать къ нему Настю и приготовить закусить.

Лицо у Петра свѣтилось торжественностью, а глаза улыбались тою грустной улыбкой, которая всегда такъ сильно трогала сердце Насти.

Баба скатилась внизъ и крикнула на ходу въ келью Насти: „бѣги скорѣй къ хозяину... позвать тебя велѣлъ“.

Настя спокойно закрыла толстую книгу съ засаленными застѣжками, неспѣша оправила на плечахъ сорочку и, заглянувъ мимоходомъ въ зеркальце, такъ же неспѣшно поднялась кверху и заглянула въ столовую.

Въ столовой было темно. Она повернулась къ кабинету и постучала въ закрытую дверь.

— Господи Иисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ! — произнесла она по заведенному порядку.

— Аминь! — отвѣтилъ Петръ.

Настя вошла въ кабинетъ и съ удивленіемъ посмотрѣла на сидѣвшаго возлѣ Петра о. Тимоѳея.

Затѣмъ она быстро поклонилась ему въ ноги, и когда поднялась, Петръ проговорилъ, поднимаясь со стула:

— Вотъ моя невѣста, о. Тимоѳей!... Благословите насъ!

Настя пошатнулась и заплакала.

На другой-же день утромъ всѣ въ домѣ Перелѣскова узнали, что Петръ благословился съ читалкой-Настей.

Старшіе приказчики приняли эту вѣсть равнодушно.

„Мы-де это давно знали! Дѣвка она красивая, да хозяйственная, такъ какого ему еще рожна искать? Денегъ ежели, такъ своихъ теперича дѣвать некуда... отъ отцовскихъ-то милліоновъ сундуки трещать! И карактеръ у ней добрый... вотъ съ Ѳеклушкой Иванъ Кузьмичъ наплачется, а съ этой Петръ Акимычъ ровно у Христа за пазухой проживетъ! И соблюдетъ его, и къ своимъ рукамъ приберетъ, онъ на это парень покладистый!“

Остальные всѣ были поражены и на первыхъ порахъ не знали, какъ держать себя съ будущей хозяйкой. А Настя продолжала держать себя попрежнему. Попрежнему отвѣчала на поклоны низкими поклонами, попрежнему каждому привѣтливо улыбалась и сидѣла больше въ своей кельѣ, продолжая попрежнему читать псалтирь.

Повѣнчаться они рѣшили послѣ полугодического траура.

— Черезъ годъ-бы еще лучше, — говорила Настя Петру,

смотря на него съ счастливою улыбкой: — узнаешь меня хорошенько, увидишь, какая я глупая и тебя недостойная, и женишься на умницѣ.

— Не пришлось тебѣ уйти отъ меня, вотъ ты и городишь глупости, — отвѣчалъ Петръ, любуясь Настей, — и полгода-то эти меня измучаютъ... Вотъ, какъ только передѣлаю для тебя комнаты, изволь навѣрхъ переползати.

— Что люди скажутъ?

— Какіе люди? Которыхъ я не зналъ никогда, да и знать не хочу... Пускай, что хотятъ, говорятъ... Вотъ братъ теперь прїѣдетъ, тоже удивляться станетъ... Говорилъ я тебѣ, что онъ ѣдетъ, или не говорилъ?

— Нѣтъ, золотой.

— Какъ-же, какъ-же... не нынче-завтра долженъ прискакать... Пишетъ, что въ отъѣздѣ былъ и поэтому на похороны отца не попалъ.

— Ну, что-жъ, пусть прїѣзжаетъ, — продолжала улыбаться Настя: — отдохнетъ немного отъ своей тещи... Только, думаю я, что не за тѣмъ къ намъ ѣдетъ...

— На могилку отца сходить...

— И сходить, и отдохнуть и... половину капитала у тебя возьметъ.

— Если дамъ, — усмѣхнулся Петръ.

— Ты-то, милый, дашь, да, поди, у меня совѣта спросишь?

— Обязательно спрошу.

— Ну, вотъ, и придется Трофиму Акимычу ни съ чѣмъ уѣхать...

— Какъ ни съ чѣмъ?

— Да вѣдь ты безъ моего совѣту не дашь?

— Не дамъ.

— Ну, такъ мой совѣтъ напередъ готовъ: ничего не давай!

— Какъ-же это такъ, Настя, ничего. Положимъ, онъ бросилъ отца, погнавшись за Кошельковскимъ состояніемъ, и самъ отецъ ему по духовной ничего не отказалъ, но вѣдь онъ братъ мой...

— Не дай Богъ никому такихъ братьевъ... Неизвѣстно, что съ тобой-бы случилось, ежели-бы онъ здѣсь остался...

— Я зла не помню...

— И я не помню, а давать ему деньги не смѣй: у него своихъ капиталовъ теперича много...

— Неловко, Настя...

— А неловко, не спрашивай у жены совѣта, иль ужъ же-

нись на богатой, потому Трофимъ тебя во всякое время можетъ ограбить...

— Хорошо,— засмѣялся Петръ,— а будетъ просить, я на тебя свалю... Скажу, и радъ-бы я тебѣ, Трофимъ, половину дать, да моя будущая жена препятствуетъ.

— Такъ и говори, а ужъ со мной ему долго не наговорить...

— Ну, а если я... безъ твоего вѣдома...

— Можешь... и я тогда уже безъ твоего вѣдома жить стану.

— Ну, это зачѣмъ-же?.. Нѣтъ, Настя, я самъ чувствую, что безъ твоихъ совѣтовъ жить не могу... Можетъ-быть, когда-нибудь послѣ, а теперь... не могу... Дѣлай со мной, что хочешь, только люби...

А на другой день утромъ звонъ бубенчиковъ, раздавшійся на широкомъ Перелѣсковскомъ дворѣ, возвѣстилъ всѣмъ о приѣздѣ Трофима.

Петръ занимался въ конторѣ, когда ему доложили о приѣздѣ брата.

Онъ бросился къ верху и встрѣтилъ Трофима, шедшаго къ нему съ распростертыми объятіями... Трофимъ похудѣлъ, осунулся, полысѣлъ, но глаза его по прежнему свѣтились лукавствомъ и хитростью.

— Петруня! — воскликнулъ охрипшимъ съ дороги голосомъ Трофимъ.

— Трофимъ!

Братья поцѣловались и посмотрѣли другъ на друга. Петру думалось, что братъ много перетерпѣлъ уже въ своей новой жизни и что поэтому надо его пожалѣть, а Трофиму казалось, что, судя по наружности, Петръ нисколько не поумнѣлъ, а какъ былъ „юродомъ“, такъ и остался, и что по этому случаю отобрать у него отцовскія денежки не представитъ большаго затрудненія.

LXXVI.

И, держась за руки, братья прошли въ кабинетъ.

— Все здѣсь, вижу я, по-старому, избави насъ отъ лукаваго! — говорилъ Трофимъ, ласково поглядывая на стоявшіе въ углахъ желѣзные сундуки.

— Я нарочно ничего не трогалъ, — отозвался Петръ. — Какъ было при папенькѣ, такъ все въ томъ-же видѣ... Ахъ, батюшки, да что-же это я! Человѣкъ съ дороги, а я и не позабочусь...

Петръ выскочилъ изъ кабинета и крикнулъ прислугѣ.

Но Настя, оказалось, уже позаботилась. Не прошло еще и четверти часа, какъ пріѣхалъ Трофимъ, а въ столовой уже гудѣлъ самоваръ,—самовары, какъ и при покойномъ Акимѣ Спиридоновичѣ, кипѣли съ утра до ночи, — красовались бутылки съ лиссабонскимъ и мадерой, а сама Настя съ экономкою торопливо развѣтывала закуски и гремѣла тарелками.

Петръ вернулся въ кабинетъ и засталъ Трофима стоявшимъ возлѣ одного изъ сундуковъ.

— Вотъ этотъ сундучекъ я себѣ возьму,—проговорилъ Трофимъ, весело смотря на брата.— А то мнѣ тамъ тестюшка отъ своихъ щедротъ такой паршивый сундучишко пожаловалъ, что съ часъ провозишься, покуда его отопрешь...

— Что-же, возьми! — отозвался Петръ и тотчасъ-же вспомнилъ про Настю.— „А ну, какъ она и сундукъ не велитъ давать!“ — подумалъ онъ и добавилъ вслухъ: — да это мы тамъ увидимъ, Троша.. Ну, садись, пока намъ тамъ чай соберутъ, да расскажи, какъ живешь... Что Иванъ Кузьмичъ? Что Евдокія Ивановна?

Трофимъ вздохнулъ слегка и сѣлъ въ отцовское кресло, стоявшее возлѣ письменнаго стола.

— Вотъ этотъ стулъ я тоже возьму, Петрунь... на память о папенькѣ, избави насъ отъ лукаваго!..

Петръ на это промолчалъ и только поглядѣлъ на массивное кресло, словно слитое изъ краснаго дерева.

А Трофимъ, хлопывая мясистою ладонью по дугообразной ручкѣ кресла, продолжалъ:

— Лѣтъ шестьдесятъ папенька на этомъ стульчикѣ просидѣлъ... При мнѣ три раза обивку мѣняли... Папеньки и на свѣтѣ нѣтъ, а стульчикъ живетъ себѣ да живетъ, избави насъ отъ лукаваго!

Пришла баба и доложила, что все готово.

Братья очутились въ столовой.

Петръ подсѣлъ къ самовару и сталъ заваривать чай, немного удивившись тому, что его не заварила Настя.

„Вотъ до чего она его не любитъ,—подумалъ онъ,— чай заварить даже для него не хочетъ“.

Трофимъ въ это время уже успѣлъ хлопнуть стаканъ мадеры и закусилъ икрой, наложенною на калачъ.

— Все по-прежнему,—бормоталъ онъ между жевками.— И здѣсь тоже... какъ было, такъ и осталось... Владычицу Казанскую, Петрунь, я тоже возьму,—кивнулъ онъ на висѣвшую

въ углу икону съ теплившеюся передъ ней лампадой, — тебѣ Владимірская останется, коя въ кабинетѣ у папеньки.

Трофимъ выпилъ еще стаканчикъ, прожевалъ калачъ, крякнулъ и подсѣлъ къ Петру.

— Хорошо съ дороги чайку, избави насъ отъ лукаваго, — хихикнулъ Трофимъ, подвигая къ себѣ задымившійся стаканъ, — да еще дома, у себя, такъ сказать... не на какомъ-нибудь вонючемъ постояломъ дворѣ!..

— А ты мнѣ такъ и не сказалъ про своихъ, — перебилъ его Петръ, продолжая всматриваться въ Трофима, который, щурясь и обжигаясь, глоталъ чай.

— Да что сказать особеннаго, Петрунь? Живы, здоровы и тебѣ кланяются.

— А что твоя теща?

Трофимъ на секунду затуманился, но тотчасъ-же встряхнулъ головой и хихикнулъ:

— Оеклушка-то? Нѣтъ, ты вообрази, братенекъ, сурпризъ моего стараго черта. Приѣзжаю, и вдругъ — Оеклушка навстрѣчу!

— Ужасно, братъ! Я, какъ узналъ, что твой тестъ увезъ Оеклушку, за тебя изстрадался...

— Э, ничего! За все онъ мнѣ, старый чертъ, заплатитъ! — проговорилъ Трофимъ, и въ глазахъ его загорѣлся недобрый огонекъ. — Я изъ-за этого суприза чуть-было на тотъ свѣтъ не отправился.

— Слышалъ я, что ты боленъ былъ, Троша, — съ нѣжностью замѣтилъ Петръ, — и отъ всей души тебя пожалѣлъ... Ну, какъ-же ты теперь съ Оеклушкой? Ладишь?

— Въ политикѣ, — мрачно отвѣтилъ Трофимъ, — другъ подъ друга мины подводимъ... Старику безъ меня не обойтись, потому всѣ дѣла бросилъ, сидитъ по цѣльнымъ днямъ дома и эту шкуру барабанную по ручкѣ поглаживаетъ... Я ее какъ-то, по старой привычкѣ, щипнулъ до синяка, такъ онъ ее три дня со слезами допрашивалъ: откуда, молъ, сіе произошло, избави насъ отъ лукаваго? А отъ Оеклушки, знаешь, чай, самъ чертъ правды не узнаетъ! Ударилась, говоритъ, о комодъ и шабашъ! Хе-хе-хе! Ей, Петрунь, на мой взглядъ жисть-то тоже желтенькая... Иванъ Кузьмичъ ее съ глазъ не спускаетъ и всѣхъ молодцовъ изъ дома выселилъ на квартиры... Контору даже перевести къ сосѣду хочетъ... Поѣхалъ я сюда, такъ онъ домъ у сосѣда торговалъ... Нескоро Оеклушка, братенекъ, меду лизнетъ... Хе-хе-хе!

Трофимъ потянулся къ мадерѣ и хлопнулъ большой стаканъ.

Петру въ его тонѣ рѣчей и въ смѣшкѣ чужлось раздраженіе, которое Трофимъ старался „усмирить“ и не могъ. Мадера его только опьяняла, но не успокаивала.

— И ежели она его не придушить,— дура будетъ, избави насъ отъ лукаваго!

— Трофимъ! Что ты говоришь?

— А что? Правильное разсужденіе — не болѣе того. Вѣдь ей теперича только и удовольствія осталось, что ежели я ее мимоходомъ ущипну... акромья — никакихъ -сь. Пятьдесятъ восемь и оченно грустно -сь! — какъ говорятъ маркелы при биліардѣ.

— Должное несетъ наказаніе,— проговорилъ со вздохомъ Петръ.

— За милліонами погналась, тварь!— со злобой выкрикнулъ Трофимъ.— Ну, да еще это мы поглядимъ... Ахъ, да, Петрунь... Что папенька? Съ чего это онъ вдругъ окончилъ свои животы, избави насъ лукаваго?

— Я думалъ, ты о немъ и не вспомнишь!— съ упрекомъ отвѣтилъ Петръ.— Силы на убыль въ послѣднее время пошли,— уклонился онъ отъ прямого отвѣта.

— Здоровенный старикъ былъ... съ чего-бы это? Положимъ, ударецъ у него былъ, но это ничего не значащее, могъ - бы и еще десятокъ лѣтъ протянуть...

— Право, Трофимъ, не знаю...

— Да ты, братенекъ, правду говори... по лицу твоему вижу, что какая-нибудь дрянь съ нимъ произошла...

— Если хочешь... передъ тобой глупо было-бы и скрывать... Сперва ты огорчилъ его сверхъ мѣры...

Трофимъ набожно перекрестилъ лобъ и проговорилъ:

— Царство ему небесное, мѣсто прохладное! Дѣйствительно, Петрунь; съ моей стороны это нехорошо было... такъ огорчать. Но ты пойми, могъ я иначе, или нѣтъ?

— Могъ. Неужели ты думаешь, что отецъ не заплатилъ-бы твои долги?

— А униженія-то сколько? Я, братъ, тоже въ папеньку: гордецъ непримиримый!.. И потомъ Кошельковъ соблазнилъ... Хозяиномъ моего дѣла, говоритъ, будешь!

— Ну и что-же, сталъ ты имъ, Трофимъ?

— Все въ моей волѣ. Отчеты ему даю, но препонъ не вижу...

— Это хорошо.

— Хорошо-то оно хорошо, только дозвольте выплюнуть,— какъ говорилъ мужикъ, котораго вмѣсто пива дубильной кислотой на кожевенномъ заводѣ угостили.— Хорошо-бы было, ежели-бъ не эта тварь Ѳеклушка... Знай я напередъ, что старый чертъ на ней женится, ни за что-бы въ Саратовъ не уѣхалъ... Ну, да, снявши, голову, по волосамъ не плачуть... что сдѣлано, тому аминь! Конечно, правду сказать, мнѣ чертъ ее обдери, пушай со старымъ дуракомъ апосля молодыхъ - то лижется, главное, что скверно, избави насъ отъ лукаваго,— ровно солдатъ на часахъ я каждый день долженъ быть! И безо всякой смѣны... Истерзать человѣка могутъ... Ну, да меня не скоро съ ногъ свалишь! Вретъ она, подлая тварь!.. На ножи, такъ на ножи! У насъ теперича съ нею самая злобная политика идетъ... Еще благодареніе Богу, что Иванъ Кузьмичъ глупый человѣкъ: что она ему въ уши надуетъ, онъ сичасъ ко мнѣ,— яко-бы свои мнѣнія излагать и совѣтовъ просить... У ней теперича какая политика? Чтобъ онъ духовную писалъ. Понялъ, Петрунь?

— Нѣтъ, ничсго не понялъ...

— Простотой ты былъ, простотой и ножки протянешь! Идіотъ Кошельковъ, аль нѣтъ? Идіотъ. Ну, и подмахнетъ ей въ духовной половину! Этой твари-то, Ѳеклушкѣ, восемь милліоновъ! Ну, а я ему не совѣтую: „успѣете, говорю, папенька, завсегда духовную, потому въ васъ столько жизни, что многіе молодые вамъ завидуютъ!“ Ну, онъ сейчасъ гоголемъ и плюнетъ на Ѳеклушкино наущеніе. Она опять свое, а онъ опять ко мнѣ, а я свое сызнава... Боюсь, какъ бы безъ меня не обрботала стараго черта, ну, да авось Евдокія Ивановна услѣдитъ: я ее по поводу этого такъ настрекалъ, что она съ глазъ ихъ не спуститъ... А мнѣ расчетъ, братенекъ... Помри онъ безъ духовной, Ѳеклушкѣ седьмая часть изъ капиталовъ, а ужъ капиталовъ-то этихъ не будетъ... Я капитальную книгу-то у себя подъ замкомъ держу... Какъ изъ него духъ вонь,— сичасъ книгу въ огонь, а Ѳеклушку въ шею!

Петръ смотрѣлъ на разоткровенничавшагося во хмѣлю брата и все дальше и дальше отодвигался отъ него. Ему казалось, что рядомъ съ нимъ сидитъ не Трофимъ, связанный съ нимъ кровными узами, а разбойникъ съ большой дороги, который для достиженія своихъ цѣлей не остановится ни передъ чѣмъ.

И чѣмъ дальше шла пьяная откровенность Трофима, тѣмъ онъ становился для Петра гаже и омерзительнѣе.

— А она, Петрунь,—продолжалъ тотъ выбалтывать,—живо стараго черта прихлопнетъ... И духовной не дождется, ежели

я ее этакъ съ годокъ промаю... Не такъ она, тварь, устроена, чтобъ ее въ клѣткѣ да подь семью замками держать, избави насъ отъ лукаваго! Хе-хе-хе...

И Трофимъ, потирая руки отъ удовольствія въ недалекомъ будущемъ избавиться отъ стоявшихъ на его дорогѣ Кошелькова съ Феклушкой, залился дребезжащимъ смѣшкомъ. Петру пришли на умъ сундуки отца съ процентными бумагами, и онъ рѣшилъ непременно запирать на ночь кабинетъ и класть возлѣ дверей спать дворника.

Трофимъ на все пойдетъ, въ особенности когда узнаетъ, что отецъ ему ничего не оставилъ по духовной.

— Да, такъ ты, Петрунь, говоришь, что на папеньку мое отбытіе подѣйствовало? Завтра-же съѣзжу на Рогожское и со слезами у могилки испрошу прощенія... Не съ этого-же онъ огорченія померъ?

Петръ не отвѣчалъ.

— Ну, да тамъ съ чего ни померъ, царство ему небесное, мѣсто прохладное!—Трофимъ снова истово перекрестилъ себя и спросилъ просто:—духовной, конечно, онъ не оставилъ, избави насъ отъ лукаваго?

— Ты ошибаешься, Трофимъ... духовная имъ оставлена и уже утверждается.

Трофимъ этого не ожидалъ. Онъ долго безмысленно смотрѣлъ на брата, точно соображая, ослышался онъ или нѣтъ, затѣмъ качнулся на стулѣ и потянулъ черную косынку, которою была обмотана его шея.

— Когда-же онъ... писалъ ее?— съ усиліемъ спросилъ онъ, набирая въ легкія воздухъ.

— Незадолго передъ смертью.

— Можно знать что въ ней?

— Отчего-жъ, Трофимъ, я тебѣ и копію могу дать... Къ сожалѣнію, папенька все оставилъ мнѣ... а о тебѣ и не заикнулся.

Трофимъ побагровѣлъ и конвульсивно сжалъ кулаки.

— Я буду судиться... Это грабежъ, избави насъ отъ лукаваго!—выкрикнулъ онъ.—Да и законовъ такихъ нѣтъ, чтобы старшаго сына обижать... Ты долженъ мнѣ половину отдать... слышишь, Пётръ? Я этого такъ не оставляю... Я въ сенатъ пойду... Грабежъ! Какой это отецъ, чтобъ ему...

— Трофимъ, успокойся ради Бога, — заговорилъ Петръ, дрожа отъ волненія, — не трогай кости отца... слышишь? Я...

Въ столовой стояла Настя и, сжавъ брови, смотрѣла на Петра. Петръ смолкъ и поднялся со стула. Трофимъ тоже под-

нялся, повернулся и увидѣлъ кланявшуюся ему съ ясною улыбкой читалку.

— А, недотрога-царевна,—крикнулъ Трофимъ, играя бородашкой,—одного поля ягода съ моей милой тещенькой!

— Совсѣмъ другого, Трофимъ,—оборвалъ его Петръ,—она моя невѣста, а скоро будетъ и женой... такъ, пожалуйста, чтобы никакихъ глупыхъ словъ больше отъ тебя не было...

Трофимъ стоялъ уничтоженный и глупо ухмылялся.

И когда, на другой день, онъ снова сталъ объясняться по поводу отцовскаго наслѣдства съ Петромъ, послѣдній сказалъ ему, что онъ объ этомъ подумаетъ съ своей будущей женой и пришлетъ ему отвѣтъ въ Саратовъ.

Трофимъ опять сталъ грозить судомъ и сенатомъ, который, по его словамъ, такого беззаконія не потерпитъ и все отдастъ ему, Трофиму, и тогда уже онъ не пощадитъ его и выгонитъ вонъ безъ копейки.

Сидѣвшая за самоваромъ Настя медленно поднялась и проговорила, отчеканивая каждое слово:

— Можете судиться, Трофимъ Акимычъ, а мы судовъ не боимся. Наше дѣло правое, а правду Богъ любить. Капиталовъ теперича у васъ и своихъ много, даже больше, можетъ, чѣмъ у Петра Акимыча, такъ что вамъ жадничать не изъ чего. А ежели была воля Акима Спиридоновича все Петру Акимычу оставить, такъ мы этому не причинны. Вы первый отца бросили, на себя и ропщите. Есть такая пословица: неча на зеркало пенять, коли рожа крива! А то и другая есть пословица: что посѣешь, то и пожнешь!..

— Ты ужъ учи вотъ своего юрода,—крикнулъ обозленный Трофимъ,—а меня учить не позволю!

— Куда ужъ мнѣ, глупой дѣвкѣ, васъ учить! У меня и дерзости такой нѣту, а сказываю вамъ это, положи руку на сердце, потому, что люблю Петра Акимыча больше самой себя и своими руками задушу всякаго, кто его обижать или разорять учнетъ!.. Вы такъ это и знайте, — говорила Настя, не сводя глазъ съ Трофима, — память у васъ хорошая, такъ что запомнить вамъ ничего не стоитъ. А теперича, не угодно - ли закусить... пирогъ несутъ!..

Въ тотъ-же день Трофимъ получилъ изъ Саратова депешу и, видимо разстроенный, сталъ собираться домой.

Ни Петръ, ни Настя его не удерживали: имъ обоимъ было тяжело оставаться съ нимъ подъ одною крышей; да онъ и самъ не остался-бы, если-бъ даже и не получилъ депеши отъ жены, заставлявшей его поспѣшить вернуться. Къ отцу и Петру онъ

никогда особенныхъ чувствъ не питаль, взять ему, что хотѣль, не пришлось, значить и оставаться долѣе въ Москвѣ было не-зачѣмъ. Ему даже приданныя деньги Евдокии Ивановны Петръ, по совѣту Настя, не отдалъ. Торопясь въ Москву, онъ не захватилъ довѣренности жены, и Петръ, напуганный своею невѣстой тѣмъ, что ему придется вторья деньги заплатить (и она; и Петръ отлично знали совѣсть Трофима), наотрѣзъ от-казался ихъ выдать.

Трофимъ обругаль его „юродомъ“ и, прощаясь съ нимъ, протянулъ лѣвую руку, а на Настю даже и не взглянулъ.

Петръ вздыхаль,—ему точно было совѣстно чего-то, а Настя улыбалась.

— Безъ проводовъ-съ, — рѣзко замѣтилъ онъ брату, когда тотъ пошелъ-было за нимъ на крыльцо, — это совсѣмъ лиш-нее-съ, Петръ Акимычъ!

Петръ пожалъ плечами и вернулся. У открытаго окна, вы-ходившаго на дворъ, все съ той-же ясной и ласкающей улыб-кой стояла Настя и смотрѣла на тройку карачовыхъ, гремѣв-шихъ бубенцами.

Трофимъ сердито посмотрѣль на ямщика и вскочилъ на тарантасъ.

— И тамъ читалка, и здѣсь читалка!—пробормоталь онъ.— Не везетъ мнѣ, избави насъ отъ лукаваго! — и, не оборачи-ваясь назадъ, крикнуль возницѣ:—пошелъ, дуралей!..

Бубенчики заговорили громче, и тройка, гремя колесами, вылетѣла изъ воротъ.

У Петра въ глазахъ стояли слезы.

Онъ смотрѣль вслѣдъ исчезающему тарантасу и шепталъ: — Зачѣмъ я это... не такъ надо было... не такъ!

— Такъ, милый мой, такъ, — говорила ему Настя, прижи-маясь любовно къ его плечу, — а вотъ, когда Трофима Аки-мыча Ѳеклушка выгонить изъ дому, я сама тебя на колѣняхъ стану просить:—Петръ Акимычъ, ангельская душенька! Отдай брату все, что ему слѣдуетъ!.. Можетъ, тогда онъ и тебя, и твое золотое сердце пойметъ!..

Петръ вскрикнуль отъ радости и прижалъ къ груди Настю, продолжавшую улыбаться сквозь счастливыя слезы...

День догораль. Солнце садилось, бросая послѣдніе лучи на верхушки столѣтнихъ липъ и вязовъ... Изъ сада въ окно, у котораго они стояли, врывались прохлада и нѣжный запахъ лиловой сирени...

А они стояли, крѣпко прижавшись другъ къ другу, и ду-мали о томъ, что всѣ страшные вопросы разрѣшились сами

собой, что они счастливы и что надъ ними нѣтъ „набольшого“, который по капризу или по недоразумѣнiю могъ искалѣчить навсегда ихъ жизнь и не дозволить взять отъ этой жизни все то, чего такъ страстно жаждутъ молодость и горячее чувство!

Что будетъ дальше — никто не знаетъ. Теперь въ ихъ душѣ — весна. Придетъ лѣто, придетъ осень, придетъ зима... но кто-же о нихъ думаетъ чудною весной, когда все улыбается и чаруетъ сердца нѣгой и горячею лаской.

И они наслаждались весной и чувствовали, что они молоды, счастливы и не боятся жизненныхъ бурь въ своей тихой пристани, въ „монастырѣ“ покойнаго Акима Спиридоновича Перелѣскова!..

У Трофима были инныя думы, но къ нему и его дальнѣйшей судьбѣ мы еще вернемся когда-нибудь.

К О Н Е Ц Ъ .

